

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 2

(вторая половина XIV—XVI в.)

Часть 1

А—К

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Во второй выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси» входят материалы о древнерусских писателях и книжниках 2-й пол. XIV—XVI в. и анонимных памятниках, созданных в этот период; «Словарь» также содержит сведения о переводных произведениях, авторских и анонимных, получивших распространение в письменности того времени. Каждая статья состоит из кратких сведений об авторе или памятнике и библиографии его изданий и исследований.

«Словарь» рассчитан на широкий круг специалистов по истории литературы и культуры Древней Руси, на преподавателей и студентов.

Редакторы:

Д. М. Булакин, Г. М. Прохоров

Рецензенты:

А. А. Алексеев, С. И. Николаев

С 5001000000-670
042(02)-88 323-88-1

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5-02-027978-1 (Вып. 2, ч. 1)
ISBN 5-02-027977-3

Авраамий (1-я пол. XV в.) — суздальский епископ, член русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор (1438—1439 гг.) и автор записок о пребывании в Италии и впечатлениях от католического богослужения, известных в рукописной традиции под названием «Исхождение Авраамия Суздальскаго на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945».

Биографические сведения об А. очень скудны и в основном содержатся в произведениях суздальских писателей, летописях и документах, связанных с заключением Флорентийской унии 1439 г. А. занимал епископскую кафедру в Суздале с 1431 по 1437 г., а затем с 1441 по 1452 г. К 1437—1441 гг. относится его путешествие в Италию в составе свиты митрополита *Исидора*. В 1439 г. он подписывает Флорентийскую унию (указание Филарета о том, что имя А. отсутствует в греческих и славянских списках акта об унии, ошибочно). *Симеон Суздальский* характеризует отношение А. к унии в несколько смягченных тонах, свидетельствуя, что суздальский епископ подписал акт об унии «нужею», под давлением митрополита Исидора, предварительно продержавшего А. в течение недели в темнице. Так или иначе, факт подписания унии, очевидно, не оказал сильного влияния на дальнейшую судьбу А. По возвращении в Суздаль А. в 1448 г. участвовал в поставлении митрополитом «всех Руси» *Ионы*, а также подписал окружное послание русского духовенства угличскому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке (см.: АИ. СПб., 1841, т. 1, № 39 и № 40).

Как полагает Н. А. Казакова (Западная Европа. . . , с. 55), включение А. в состав русского посольства в Италию было обусловлено тем, что он «. . . по-видимому . . . занимал видное место среди русских церковных иерархов 30-х гг. XV в.». К его фигуре постоянно привлечено внимание русских писателей, присутствовавших на Ферраро-Флорентийском соборе и фиксировавших участие А. в церковных заседаниях, торжественных трапезах, церемониях, акте подписания унии. По-видимому, А. (см.: Д е л е к т о р с к и й. Критико-библиографический обзор. . . , с. 132) принадлежит инициатива подбора кандидатур для описания самого

путешествия в Италию и хода заседаний вселенского церковного собора, а также — распределение труда между суздальскими книжниками, вошедшими в состав свиты суздальского епископа: между иеромонахом Симеоном Суздальцем и неизвестным по имени суздальцем, перу которого принадлежит *Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.* и заметка «*О Риме*». Сам суздальский епископ предпочел описывать только поразившие его особенности западноевропейского храмового действа.

«Исхождение» представляет подробное, эмоционально окрашенное, иногда даже восторженное описание двух увиденных А. во флорентийских церквях мистерий: «Благовещение» и «Вознесение». (В его оценке, это «несказанно» «чудное», «чюднейшее» «видение», «иного же немощно и описати, зане пречюдно есть»). А. не только передает содержание и ход этих представлений на евангельские сюжеты, но также с большой точностью описывает техническую сторону их исполнения, устройство сценических машин, помоста, цвет и рисунок занавеса, декорации, костюмы действующих лиц, световые и шумовые эффекты. Большая любознательность и наблюдательность А. и присущая ему точность описания позволили исследователям (Н. С. Тихонравову, А. Н. Веселовскому, П. О. Морозову) установить названия и автора тех итальянских духовных драм, которые видели А. и его спутники во Флоренции. Обе пьесы принадлежали Фео Белькари (Feo Belcari): мистерия «Благовещение», которую русские путешественники видели в церкви доминиканского монастыря св. Марка, — это пьеса Белькари «*Rappresentazioni della Annunziazione di Nostra Donna*», а мистерия «Вознесение» — его пьеса «*Rappresentazione dell' Ascensione*», которую А. видел в церкви монастыря del Carmine. Как предполагает Н. А. Казакова, хитрым итальянцем («хитрым фрязином»), изобретшим театральные машины для представления мистерий «Благовещение», очевидно, был известный итальянский зодчий и инженер Филиппо Брунеллески.

Н. А. Казакова, исследовавшая текстологическую историю «Исхождения» и зарегистрировавшая 18 списков этого произведения, установила существование трех основных редакций памятника: полной (первоначальной) редакции, содержащей описание обеих мистерий («Благовещения» и «Вознесения», — напечатана Н. И. Прокофьевым), и двух усеченных редакций, каждая из которых представляет отдельное описание какой-либо одной из этих мистерий (редакция «Благовещение», — напечатана в ДРВ, А. Н. Поповым, и редакция «Вознесение», — напечатана А. Х. Востоковым, Н. С. Тихонравовым).

Живость описания западноевропейских театральных представлений неизменно на протяжении XVI—XIV вв. привлекала внимание читателей к «Исхождению». Списки его встречаются либо в составе циклов произведений, посвященных Флорентийской унии, либо в сборниках, объединенных темой описания «чужих земель». Вплоть до середины XVII в. «Исхождение» остава-

лось единственным памятником древнерусской литературы, повествующим о театральных представлениях.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791, ч. 17, с. 178—185; Восток о в. Описание, с. 338—339; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875, с. 399—406; Тихонравов Н. С. Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия (1439) // Вестн. о-ва др.-рус. искусства при Моск. публ. музею. М., 1876, № 11—12 (отд. 3), с. 37—42 (то же: Тихонравов Н. С. Соч. Т. 1. Древнерусская литература. М., 1898, с. 275—281); Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в. М., 1979 (Учен. зап. МГПИ, № 363), с. 205—208, 254—264.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, т. 1, с. 4; Wesselofsky A. Italienische Misterien in einem russischen Reisebericht des XV. Jahrhunderts // Russische Revue: Monatschrift für die Kunde Russlands. SPb., 1877, Bd 10, S. 425—444; Филарет. Обзор, с. 106; Морозов П. О. История русского театра. Т. 1. До половины XVIII столетия. СПб., 1889, с. 24—28; Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. СПб., 1895, ч. 300, № 7 (июль), с. 132—138; Венгерова С. А. 1) Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1896, вып. 1, с. 82—83; 2) Источники словаря русских писателей. СПб., 1900, т. 1, с. 12; Казакова Н. А. 1) «Исхождение» Авраамия Суздальского: (Списки и редакции) // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 33, с. 55—66; 2) Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980, с. 55—63.

Н. Ф. Дробленкова

Авраамка (кон. XV в.) — западнорусский книжник, составивший или переписавший в 1495 г. в Смоленске летописный сборник, именуемый в научной литературе Летописью А. Смоленск входил в этот период (до 1514 г.) в состав Литовского государства, и А. упоминает в приписке к своему сборнику литовского великого князя Александра и смоленского епископа Иосифа, повелевшего ему составить летопись.

Летописный сборник А. начинается особой хронографической компиляцией, далее следует краткий новгородский летописец, основанный на *Летописи Новгородской IV* и сходный с тем, который содержится в *Летописце Рогожском*; известия его дополнены по летописи, близкой к *Летописному своду Сокращенному*. С начала XIV в. до 1446 г. Летопись А. представляет собой новгородскую летопись, близкую к *Летописи Новгородской V*; с 1446 г. и до 1469 г. текст Летописи А. вновь обнаруживает совпадения с *Новгородской IV* (Строевским списком), но гораздо полнее его и содержит ряд уникальных известий из истории новгородско-московских и новгородско-псковских отношений. После этого в Летописи А. (Виленский список) следует вторая часть сборника, состоящая из отрывка из *Новгородской IV* летописи за 945—988 гг., родословных, юридических и хронологических статей, уже упомянутой приписки А. о составлении им в 1495 г. данного сборника и, наконец, текст Виленской летописи, одной из *Летописей Белорусско-литовских*.

Кроме Виленского списка — единственной рукописи, содержащей приписку А. (ныне находящейся в Б-ке АН Лит. ССР), — текст, близкий к Летописи А. (но без приписки), содержится в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 154 (кон. XV в.), но после окончания текста Новгородской V летописи здесь следует *Пил*; начальная часть Летописи А. (до середины рассказа о нашествии Тохтамыша в 1382 г.) содержится также в Толстовском и Супрасльском списках.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1889, т. 16; ср. СПб., 1907, т. 17, стб. 191—204; М., 1930, т. 35, с. 85—90.

Лит.: Б у г о с л а в с к и й Г. О смолянице Авраамке и его летописи конца XV в., а также несколько слов о смоленском епископе Иосифе Болгариниче. Смоленск, 1900 (отд. отт. из Смол. Епарх. вед. за 1900 г., № 5); Ш а х м а т о в. Обзорение, с. 231—255; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 465—467; Центральная библиотека АН Лит. ССР. Lietuvos TSR. Mosklu Akademijos Centreine Bibliotheka / Сост. А. Ивашкевичюс. Вильнюс, 1959, с. 65 и 75; Б е р н а д с к и й В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., 1961, с. 253—270; Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. М., 1970, ч. 1, с. 135—136, № 755; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 87—91.

Я. С. Лурье

Агафоник (XVI в.) — иерей новгородской, принадлежавшей Софийскому собору церкви Гурия, Самона и Авива, составитель и писец книги «Пасхалия». Написанная в 7048 (1540) г., его книга включала пасхалию на 532 г., предисловие с рассказом, «какo написана бысть пасхалия», два «слова» новгородского архиепископа *Геннадия* о составлении пасхалии на седьмую тысячу лет и о втором пришествии Христовом, «Сказание» *Иосифа Волоцкого* о неправомочности указания конкретных дат конца света и на восьми листах — учебное руководство, по-видимому, самого А., «какo считати пасхалию и познавати коемуждо по перстом своя руки вся потребы пасхальныя», где давались объяснения «руки Богословли и руки Моисея пророка» (двух способов счета?). Подробное описание этой книги как принадлежащей Патриаршей библиотеке находится в Сборнике конца XVII в. ГПБ, Q. XVII. 31, л. 22—23 об. В конце описания цитируется приписка А.: «Написанъ бысть круг миротворный и преведен с толкованием святых Пасхи алфа на 532 лета в лето 7048-е при царе Иоанне Василевиче всея Руси, в десятое лето возраста его, в шестое лето государства его, при митрополите Иоасафе всея Руси и при митрополите Макарии Новгородском, Софийского собору церкви святых мученик Гурия, Самона и Авива иереем Агафонником». Указать рукопись А. в Синоде собр. ГИМ пока не оказалось возможным.

Лит.: К а л а й д о в и ч К., Строев П. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке. . . графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825, с. 221.

Г. М. Прохоров

Агрефений (2-я пол. XIV в.) — архимандрит смоленского Богородичного монастыря, в 1370-е гг. совершивший паломничество в Иерусалим и составивший описание «Хождение архимандрит (так!) Агрефенья», дошедшее в двух списках, XV и XVI вв. Имя паломника в научной литературе передавалось по-разному (Григентий, Грефений, Парфений), но в конце концов общепринятым стало его наименование А. Датировка хождения 1370-ми гг. (принадлежит архимандриту Леониду) основана на неупоминании турок, на приведении имен иерусалимского митрополита Германа и епископа Марка II (ум. в 1378 г.), а также на указаниях владений армянского духовенства в Иерусалиме. При описании палестинских городов А. отметил следы разрушений, нанесенных, по видимому, в 1366 г. ратью египетского султана (что отмечено и в Московском летописном своде): из 14 храмов пострадали 6.

Хождение начинается перечнем русских городов (Москва, Тверь, Смоленск, Новгород, (Великие) Луки, Витебск, Друцк, Слуцк, Белгород), затем путь паломника лежит на Царьград и Иерусалим (по дороге посещены острова Митилец, Хиос (Стихий), Родос, Патмос, Кипр). Путник последовательно описывает расположение Иерусалима («стоит в горах»), главные его христианские святыни (церковь св. Воскресения с ее реликвиями, св. Сион, Голгофу, гроб Давидов, св. Келью и др.). Далее следуют краткие описания Гефсимании, Галилеи, Вифлеема, Вифании, лавры св. Саввы, Назарета. Обратный путь паломника не приводится, указано только, что из Иерусалима он направился в Дамаск и видел Фаворскую гору.

В своем хождении А. отметил наличие в Иерусалиме служб разных христианских церквей: яковитов, хабежей (эфиопов), фрягов, греков, армян, иверов (грузин). Рассказ паломника насыщен сюжетами и образами Ветхого (Содом и Гоморра, Авраам и Исаак, гроб царя Давида и др.) и Нового (Христос и Пилат, исцеления Христа, Иоанн Предчета и др.) заветов. Упоминает А. также и апокрифические образы (Авимелех, проспавший 62 года, и др.). Это показывает, что автор был книжно образованным, наблюдательным человеком, сумевшим, не повторяя сведений *Даниила игумена* — своего предшественника, — найти краткие, но выразительные слова для характеристики посещенных им мест. Н. И. Прокофьев, разыскавший и опубликовавший список хождения XV в., обратил внимание на инженерно-экономический аспект при описании архитектурных памятников (в частности, закладку храмов на цистернах), а также на легендарные элементы и на некоторый архаизм лексики.

Изд.: Горожанский Я. И. Хождение архимандрита Агрефенья во Святую землю // РФВ, 1884, № 4, с. 251—312; 1885, № 4, с. 1—43; [Леонид, архим.] Хождение архимандрит Агрефенья обетели пресвятыя Богородици около 1370 г. // ППС. СПб., 1896, т. 16; Прокофьев Н. И. Хождение Агрефения в Палестину: (Текст и археограф. примеч.) // Литература Древней Руси. М., 1975, вып. 1. (Сб. тр. МГПИ им. В. И. Ленина, вып. 1), с. 136—151.

Адашев Алексей Федорович (1530-е—нач. 1561 г.) — государственный деятель, считающийся одним из руководителей русской политики середины XVI в., возможно, автор *Летописца начала царства*. А. происходил из среды богатого придворного дворянства. Род А. имел вотчину в Костроме; богатство этого рода выросло на торговле солью. А. появляется при дворе *Ивана IV* в начале 1540-х гг., после возвращения из Константинополя, где он находился вместе с посольством со своим отцом Ф. Г. Адашевым. Начало политической карьеры А. датируется 1547 г. Внешним выражением возвышения А. является его быстрое продвижение по лестнице чинов. По данным Разрядной книги в 1547 г. А. — рында (*Иван IV* назвал его позднее «батожником»), в 1550 г. — казначей, в 1553 г. — стряпчий и думный дворянин. А. принимает активное участие в политической жизни страны. Начиная с 1547 г. он участник почти всех военных походов *Ивана IV*; А. присутствует на важнейших придворных церемониях; с марта 1553 г. А. входит в «ближнюю думу» *Ивана IV*. По словам *А. М. Курбского*, без совета А. и его сторонников царь не мог «ничего же устроить или мыслить». Охлаждение *Ивана IV* к своему фавориту наступило в конце 1550-х гг., хотя считать А. активным противником Ливонской войны и в этом видеть причину опалы нет достаточных оснований. В мае 1560 г. А. был отправлен в Ливонию. После смерти царицы Анастасии царь велел оставить во взятом городе Феллине А. и его брата Даниила. По свидетельству *А. М. Курбского*, противники А. обвинили его в отравлении царицы. Тогда А. был сослан в Дерпт. В сентябре—октябре 1560 г. вотчины Алексея и Даниила А. были отписаны в царскую казну. Вскоре А. умер в Дерпте от «огненного недуга»; только это спасло его от насильственной смерти. Позднее все родственники А. были казнены *Иваном IV*.

А. — один из проводников политики, которую С. В. Бахрушин и А. А. Зимин рассматривали как политику компромисса между основными группами феодалов. Хотя о творцах этой политики мы знаем немного (насколько применимо к ним выражение *А. М. Курбского* «избранная рада» — вопрос дискуссионный: G ro b o v s k y A. N. The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation. New York, 1969) — ясно, что она должна была упорядочить жизнь московского общества и что А. играл в ней не последнюю роль. Документально засвидетельствовано участие А. в составлении приговора об оформлении отпусковых (входит в число дополнительных статей Судебника 1550 г. — грань 12, глава 160) и приговора царя «з бояры о разбойном деле» 18 января 1555 г. А. несомненно вел работу по созданию Государева родословца 1555 г., который оканчивался главой «Род Адашев». А., возможно, участвовал также в составлении официального свода разрядных

записей — Государева разряда 1556 г. и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Большой интерес представляет «Приговор царской о кормлениях и службах» (1555/1556 г.), помещенный в *летописях Никоновской* (список Оболенского) и *Львовской*. По мнению А. А. Зими́на, «Приговор» является не законом об отмене кормлений, а памятником политической публицистики — публицистическим обобщением многочисленных практических меропрятий в этой области; составителем «Приговора», возможно, был А.

А. был несомненно очень образованным человеком. После смерти И. П. Головина, женатого на дочери А. Анне, осталось много латинских и немецких книг; С. О. Шмидт предполагает, что это остатки библиотеки А. Имеются данные о причастности А. к официальному летописанию. В ящике 223 Царского архива хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Алексею смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых, которые у Алексея взяты». В ящике 224 находились «списки, что писать в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го». Таким образом, летопись, которая хранилась у А. («списки»), доходила до 7068 г. (1559/1560 г.) и являлась продолжением Летописца начала царства. А. А. Зимин высказал весьма убедительное предположение, что с именем А. следует связывать составление самого Летописца начала царства; предположение это подтверждается остроумными соображениями Б. М. Клосса, доказывающего, что правка Летописца в списке Оболенского Никоновской летописи произведена рукой А.

Деятельность А. оставила яркий след в истории русской общественной мысли. Если Иван IV в послании А. М. Курбскому называет А. «собакой» и заявляет о своей непричастности к меропрятиям «избранной рады» («словом яз был государь, а делом ничего не владел»), то в других источниках читается восторженная характеристика А. По словам А. М. Курбского, А. «в некоторых нравех» был «ангелом подобен». По словам Пискаревского летописца, когда А. «был во времени, и втепоры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе».

Лит.: Л и х а ч е в Н. П. 1) Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного // Ист. вестн. СПб., 1890, т. 40, с. 378—392; 2) «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; Ш м и д т С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // Учен. зап. МГУ. М., 1954, вып. 167, с. 25—53; 2) Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984, с. 165; Ба х р у ш и н С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Бахрушин С. В. Избр. тр. М., 1954, т. 2, с. 329—352; С м и р н о в И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958, с. 212—231; 3) З и м и н А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 29—41; 2) «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // Ист. СССР, 1958, № 1, с. 178—182; 3) Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978, ч. 3, с. 525—527; К о р е ц к и й В. И. О земельных владениях Адашевых в XVI в. // ИА, 1961, № 5, с. 119—132; А н д р е е в Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 117—148 (репринт: А н д р е е в Н.

Studies in Muscovy. London, 1970, N XI); Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. Ш. Герцена, т. 294), с. 81—85, 119—127; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 197—198; Курюки И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашова и Сильвестра // Источниковед. иссл. по ист. феод. России. М., 1981, с. 29—48.

Д. М. Буланин

Азбуковники — памятники древнерусской лексикографии. Старшие из словарей, выполненных в типе А., относятся ко времени не ранее второй половины XVI в. Начальный этап сложения А. связан с преобразованием разнородных по содержанию сборников XV—XVI вв. в сборники тематические. Значительной частью многих из них оказались обширные словари с алфавитным расположением статей. А. предшествовали четыре более ранних типа лексикографических трудов: словари-ономастиконы, словари символика (приточки), словари славяно-русские и словари-разговорники.

Словари-ономастиконы ко времени сложения азбуковников прошли путь от небольших перечней, глосс к библейским текстам, объяснявших названия мест и личные имена («Речь жидовьскаго языка», «А се имена жидовьская русьскы толкована» и др. XIII—XIV вв), до трехязычного лексикона с филологической ориентацией («Толкование именам по алфавиту» *Максима Грека*). Словесные символы передки и в древних опомастиконах, по собирали символику и в особые перечни глосс («Толкование словесем перазумным» — глоссарий к музыкальным символам Псалтыри; ранний список XV в. — в одном из сборников *Ефросина*; «А се приточне речеса», обычно как раздел в компиляциях XVI в.). Старший славяно-русский словарь — «Толкование неудобь познаваемым речам» XIV—XV вв., глоссарий к «Лествице» *Иоанна Синайского*. Высшим достижением в типе разговорников явилась «Речь тонкословия греческаго» — труд русского автора, выполненный в XV в. на Афоне, состоящий из тематических перечней слов, отдельных фраз и отрывков диалогов (все три списка, по которым устанавливается его архетип, падают на XVI в.). А. использовали все такого рода источники, а затем и печатные лексиконы Лаврентия Зизания (изд. 1596 г.) и Памвы Берынды (изд. 1627, 1653 гг.). Таким образом, в них оказались объединены результаты всего древнего этапа развития русской лексикографии.

В XVI в. среди книжников Московской Руси возникло своего рода движение по составлению А. в стремлении сохранить предствленную в рукописном наследии словесность древности. Разыскать в книгах «елико возможно» толкований, собрать воедино все то, что давали в этом отношении многовековая переводческая культура и экзегетика, — осуществление этой цели было осознано в названный период как настоятельная нужда. Словари представлялись одним из средств преодоления трудностей, создаваемых тем объемом, которого достиг к этому времени фонд читаемой литературы (памятники XI—XVI вв.), и ее языком. В А. видели

орудие повышения культуры чтения книг и работы над ними (переписка, правка, новые переводы и редакции). В создании значительного числа словарных трудов, в их фундаментальности и разнообразии сказалось намерение отстоять начитанность в древней литературе как свой исконный принцип образованности, противопоставить его идейным воздействиям Запада.

Создание А., таким образом, — органический этап в ходе развития русского словарного дела, связанный с историей русской книжности и русского литературного языка. Вместе с тем, как показал академик М. П. Алексеев, составление словарных «сокровищниц» было в XVI—XVII вв. характерно для лексикографии многих европейских стран. Эта общность одного из культурных процессов важна и для понимания типа русских А., который также точнее всего определить термином «тезаурус» (сокровищница).

Процесс оформления А. в особый тип охватил не менее полувека. К середине XVI столетия названный тип достиг своей зрелости, но, существенно изменяясь, продолжал развиваться на протяжении всего XVII в.

Насчитывают до двухсот списков А. (см. БСЭ), но такие подсчеты сугубо условны, потому что списки эти соотносимы не с одним памятником (хотя бы и с самой сложной историей), а с рядом лексикографических трудов. Расхождения между некоторыми списками таковы, что охватывают весь корпус словаря и относятся к самой сущности словарного текста. Нельзя ввиду этого сомневаться, что дело не в разных редакциях А. (например, краткой и пространной, как это предполагалось), а в наличии нескольких, видимо, многих словарей — А., тексты которых могли иметь и промежуточные стадии развития и новые редакции. Текстологический анализ всей совокупности дошедших до нас списков поэтому возможен лишь путем исторически последовательного вычленения каждого отдельного памятника и изучения его литературной истории.

Анализ связанных с А. рукописных материалов показал, что для текстологического изучения их существенны следующие признаки: каковы статьи, окружающие словарный свод (конвой его в начальной и в конечной части сборника); наличие или отсутствие общего названия всей книги и оглавления к ее составу (или к составу словаря); наличие или отсутствие деления всей книги (или текста словаря) на главы. Ряд примет, и они особенно значимы, относятся к тексту самого А., т. е. словарного свода: разновидности его наименования; наличие или отсутствие предисловия к словарю (иногда и послесловия); содержание предисловия (ранние или более поздние варианты); способы выделения из общего состава слов имен собственных (место, где дается ономастика — в конце каждой из букв или в конце словаря); место, отведенное особому предисловию к именам (дается ли оно в конце первого раздела, т. е. слов, начинающихся с буквы А, или в конце словарного свода, перед общим перечнем имен); содержание этого предисловия; объем словарного свода (до 1000 статей, более 2000 статей, более

5000 статей) — в изменении числа статей яснее всего отразились этапы развития А. как словарей-тезаурусов; порядок следования статей (принимается во внимание лишь алфавитное место первой буквы слова или также и место идущей вслед за этим гласной); в какой мере азбучный принцип перемежается включениями тематических градаций; каков набор словарных помет и отсылок (указания на языковую принадлежность слов, на литературные источники, отсылки к иным лексическим и орфографическим вариантам и т. д.); место таких помет и отсылок (на полях, над словом, в тексте словарных статей); виды принятых в словаре сокращений и степень их постоянства; характер глосс на полях А.

Самыми важными приметам для отнесения списка к тому или иному памятнику, а также для определения степени архаичности и отдельного списка и всего памятника являются: состав словарика, разряды применяемых в словаре толкований и состав литературных источников. Что касается всего комплекса перечисленных признаков, то он помогает увидеть движение текста каждого из словарных памятников, выявить его видоизменения и редакции.

Рассмотрение текстов А. по 93 спискам из пяти древлехранилищ страны (ГПБ, ГБЛ, ГИМ, БАН, ИРЛИ) позволило отчленить первые опыты в области создания А., когда типовые черты нового жанра («словарь-сокровищница») лишь складывались, от трудов, где названные черты уже вполне определились и нашли свое оформление (характеристика внешних и сущностных черт А. как памятников древнерусской письменности — в статье: К о в т у н Л. С. Символика в азбучниках. // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 38, с. 215—218). На текстологической основе оказалось возможным выявить семь памятников XVI—XVII вв. — эпохи широкого бытования азбучных тезаурусов. В ходе дальнейших разысканий число словарных памятников этого рода, как можно предвидеть, возрастет, но в любом из них скажется в той или иной мере общность традиции, которая была заложена в результате завершения в XVI в. трех крупных лексикографических предприятий. Упомянутые памятники дошли до нас в значительном числе списков.

П е р в ы й А. (18 списков из 93; тексты членятся на четыре редакции). Ближайший к периоду филологической деятельности Максима Грека (ум. в 1556 г.), во многом ориентирован на опыт византийской лексикографии. Создавался под сильнейшим воздействием суждений афонского ученого по вопросам перевода и правки церковных книг (см. в кн.: К о в т у н Л. С. Лексикография в Московской Руси, с. 65—80, 225—232). Сочинения Максима — среди главных источников А. в ряду с произведениями Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина и иных представителей византийской патристики. Его имя, единственное из числа современных А. сочинителей, постоянно встречаем на полях словаря. Роль афонца как истолкователя слов и выражений особо подчеркнута в предисловии. Рассказывая о составлении словаря, лексикограф, создавший А., пишет о своих

поисках «неудобь познаваемых речей» и толкований к ним, отмечая, что он обращался при этом к книгам Писания и к «освященным книгам» инока Святыя горы Максима Грека (ГПБ, О.XVI.I, л. 4 сл.). Старшая редакция текста (конец 50—60-е гг. XVI в.) имеет свыше 2000 статей (число статей незначительно варьируется по спискам). Почти одновременно с этой редакцией (ГПБ, О.XVI.I и др.) выполнялась еще и другая. Есть основания связать один из сборников, ее включающий (ГПБ, собр. Погодина, № 1143), а также представленный в нем вариант текста А. с именем *Нила Курлятева*, ученика Максима Грека, его сотрудника по переводу Псалтыри, осуществленному в Троице-Сергиевой лавре в 1552 г. (в Предисловии к этому труду Нил отстаивает переводческие принципы ученого грека и достоинства его переводов). Во второй редакции присутствуют материалы, связанные с работой 1552 г., внесены и всякого рода добавления, почерпнутые из сочинений Максима (например, тема стихотворства (составления канонов), введенная в текст «Предисловия толкованию коегождо имени человеческого»; там же, л. 25). В редакции Курлятева значительно сильнее, чем в старшей, проявилась тенденция к выработке собственно лексикографического подхода к толкованию слов (краткость и определенность формулировок в отличие от характерных для экзегетики пространных комментариев к тексту). Суть этой тенденции выразил составитель уже и первой редакции в концовке одной из статей, посвященной иконописной символике, где он советует читателю для более подробного знакомства с темой обратиться к самому литературному источнику: «а о образех святых небесных сил не описал зде, понеже о сих объяви по тонку святый Дионисий Ареопагитский в своей книзе, паче же не достанет ми время живота моего о сих по дробну писати, но точию о нужнейших зде воспомянув, удержаж си руку» (ГПБ, О.XVI.I, л. 114 об.). Осознание задач тезауруса, сочетающего энциклопедизм с разнообразием филологических и языковых сведений, присуще обеим ранним редакциям старшего А., но во второй преобладает интерес к языковой и литературной стороне описываемых материалов. Редакция Курлятева доведена менее чем до половины текста (до 972-й статьи с объяснением слова к и р и а к и н, из 2283-й статьи по тексту старшей редакции в списке ГПБ, О.XVI.I). Она была прервана по обстоятельствам судьбы Нила (дело старца Курлятева «и иных» значится в реестре Царского архива, куда оно поступило после кончины митрополита Макария (1563 г.), см. в кн.: Ш м и д т С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984, с. 74). Самая обширная из редакций старшего А. — третья (словник увеличился вдвое). В некоторых из ее списков (ГПБ, собр. Погодина, № 1655 и др.) тайнописью названо имя составителя — Ермолай. Возникла не ранее 1596 г., так как в ней среди славяно-русских глосс (число их к этому времени в А. стало активно расти) оказалось немало статей, извлеченных из «Лексиса» Лаврентия Зизания. В последней из редакций (четвертой), созданной также в конце XVI в. или в начале

XVII в. (старший список — ГБЛ, собр. Румянцева, № 456, 20-х гг. XVII в.), текст насыщен словами и оборотами из обиходного языка, в основном взятыми из словаря-разговорника XV в. «Речь тонко-словная греческаго», где лексике и фразам из среднегреческого языка приведены соответствия из живой русской речи, вполне отвечавшие и речевой практике более позднего времени (XVI—XVII вв.).

Книги, из которых лексикограф извлекал свои материалы, составляли круг читаемой литературы. Через отношение к слову видна и реакция на нее читателя. Среди помет, указывающих на литературные источники, лишь в одном разделе старшего А. (слова с начальным «А») оказались книги Ветхого и Нового завета (кн. Бытия, Псалтырь, 4-я кн. Царств, Апокалипсис, Толкование кн. пророка Даниила, Юдифь, Евангелие учительное, Евангелия от Матфея, от Марка, от Иоанна, Деяния апостолов, Послания Павла к Тимофею и к коринфянам, Толкование Иоанна Богослова), сочинения учительной литературы (Дионисий Ареопагит, Иоанн Лествичник, Иоанн экзарх Болгарский, Максим Грек), патерики и жития (*Патерик египетский*, *Житие Саввы Освященнаго*, *Житие Игнатия Богоносца*, *Житие Иларiona Мегленского*), отдельные церковные книги и сочинения (Устав скитский, Стихира в честь Богородицы, канон мученице Евфимии. Синосарь, Требник с чином пострижения монахов — «Постригальник»). Наряду с Палеей использована хронографическая литература (Царство греческое (еллинское), римское, русское, Хронограф, ГПБ, О.ХVI.I, л. 8.—23 об.). Со всей очевидностью проступает связь старшего А. с литературными источниками XV в. (текстологический анализ вскрыл двойной слой вовлечения глоссы из Гепнадиевской библии 1499 г., более всего из книг, которых недоставало для создания целостного собрания, и они были вновь переведены с вульгаты; привлечены и энциклопедические сборники XV в.).

Выполненный в духе объединительных предприятий XVI в., А. в наибольшей степени связан с двумя из них: с *Хронографом Русским* 1512 г. и с *Великими Минеями Четиями*. В Предисловии к Царскому списку Миней 1553 г., которое написано митрополитом *Макарием*, основателем всех работ по созданию огромного свода древнерусских книг, сказано о многих «трудах», вызванных исправлением «иностранных и древних пословиц» и переводом их на «русскую речь» (ВМЧ. СПб., 1868, с. III). Есть и призыв продолжить эту сложную исправительскую и переводческую работу, обращенный к тем, кто способен ее выполнить. Здесь явно выражена потребность в А., но они не упомянуты. Задача их составления еще будет поставлена перед книжниками. Пространный перечень сочинений, собранных в Минеях (среди них и разные сказания, повести, притчи, путешествия и т. д., «все книги, на которых воспитывалась Русь с самых древних времен до половины XVI столетия», — по словам издателей ВМЧ (там же, с. III)), данный Макарием в Предисловии к Минеям, мог бы служить и в ка-

честве реестра литературных источников А. Соотношение между этими книгами и источниками словаря ближайшее. А. и был предназначен служить пониманию подобных книг из обширного рукописного фонда древности. Памятники церковной литературы образуют старший пласт его литературных источников. Толкования к текстам Писания (особенно к евангельским книгам и к Псалтыри) занимают среди его материалов весьма заметное место. Глоссы и всякого рода пояснения слов почерпнуты также из церковной догматики, из житийной литературы, из монастырских уставов, из стихир и канонов. Но в фонде древней литературы присутствуют и памятники светского содержания, которые также оказались среди источников А., — *Александрия*, *Физиолог*, *Козьма Индикоплов*, *Хронографы* и *Хроники*. С возрастанием энциклопедизма А. в XVII в. эти материалы стали играть все большую роль.

В т о р о й А. (53 списка из 93). При составлении в его состав почти полностью были вовлечены материалы первого А. (в основу взят текст его старшей редакции), но они в значительной степени обогащены и преобразованы в результате непосредственного обращения к источникам. Многие статьи расширены до пространных выписок из сочинений. В этом — основная особенность данного А., представляющего собой своеобразный синтез литературной хрестоматии и словаря. Названное свойство заметно сближает его с энциклопедическими сборниками XV—XVI вв. Возможно, что сама популярность этого А. (самый распространенный из А. с конца XVI в. и на протяжении всего XVII в.) в немалой степени поддерживалась привычностью формы подобных собраний, ее способностью обеспечить справочную насыщенность книги. В словнике — более 5000 статей. В связи с трудностью обозрения материалов значительно чаще, чем в тексте старшего А., выделены тематические группировки слов (с регулярным повторением на полях каждого из буквенных разделов А.: «чины», «гради», «скоти» и т. д.). Некоторые из списков снабжены оглавлением. Роль Максима Грека в качестве истолкователя слов подчеркнута еще больше, чем в старшем А. Фрагменты из сочинений афонца — среди самых пространных. Такова, например, статья о метрике (акrostихида — краеграеспе). В полном объеме включен ономастикон Максима «Толкование именов по алфавиту», служащий целям составления канонов. В Предисловии Максим уже упомянут в качестве зачатателя собирания непереведенных слов — ср.: «яко же последе от истинных рачителей премудрости, паче же от премудраго философа Святыя горы инока Максима Грека люботрудне снискани быша и на руский преложены» (ГПБ., XVI, л. 20 и др.). Есть списки, где имя афонского монаха выписано в заголовок книги: «Превод Максима Грека от иноверных на руский язык, право» (ГПБ, собр. Погодина, № 1145). В Предисловии А. вместе с тем говорится о собственной роли книжника, его создавшего: «И того ради, елико сила и елико мощно ми бысть понудихся таковыя речи, во святых книгах обретая, толкованыи

изобрести»; и далее: «от многих различных повестей и глав толковых едину по единой собирая и, собрав воедино, совокупих и в сей книге по алфавиту написах» (ГПБ, Q.XVI. 20 и др.). В большом числе в этот А. влиты статьи из словаря-разговорника «Речь тонкословия греческаго» (обычно с общей пометой через все боковое поле: «гречески»). Значительное число статей почеркнуто из «Лексиса» Лаврентия Зизания, изданного в феврале 1596 г. в Вильне в одном переплете с Грамматикой церковнославянского языка. «Лексис» Зизания, несомненно, оказал на него ощутимое воздействие, даже и в форме: в старших списках А. словарный свод предварен целым рядом грамматических статей; однако собственно русская традиция старшего А. была для него определяющей. Скорее всего и составлен он в том же месте, где полвека назад создавался его предшественник (в Троице-Сергиевой лавре или Москве). Ввиду обилия списков литературная история этого А. особенно сложна.

Т р е т и й А. (6 списков из 93) был завершен в тот же год, что и второй, но в Новгороде. Его составитель привлек материалы двух более ранних А. В основе текст последнего из них, но нередко скорректированный показаниями старшего А. Этот труд оказался для него более приемлемым и в отношении принципов обработки материалов. Состав привлекаемых литературных источников снова заметно увеличен и частично изменен, так как на этот раз словарь ориентирован на книжные фонды иного центра образованности. Толкования Максима Грека использованы, но в Предисловии к словарю его имя вовсе не упомянуто. В словнике свыше 6000 статей уже в первой (более краткой) редакции этого А. (пространная редакция составлена в XVII в.). О дате и месте завершения труда свидетельствуют две записи, сделанные в списке ранней редакции, пока уникальном (ГПБ, собр. Погодина, № 1642, л. 2 и 22). В последней из них (более подробной) сказано, что он закончен «в царство Феодора Ивасовича московскаго и всея великия Росия самодержца» при патриархе *Иове*, «в великом Новгороде, во обители Антония римлянина многогрешным клириком, его же имя бог вестъ». Тайнописью здесь же и названо это имя: Димитрий (расшифровка Б. М. Клосса). Структура словаря существенно изменена, так как учитывается и внутренний алфавит — помимо первой буквы слова, следующая за ней гласная. В связи с этим тематические группировки слов крайне редки. Слова соотнесены между собой множеством разнообразных отсылок. Отличается продуманностью лексикографических приемов и четкостью формулировок.

Оживленная филологическая деятельность русских книжников в конце XVI в. (составление двух А. вслед за вышедшим в том же 1596 г. словарем Зизания) имела идеологические основания. Непосредственным поводом явился Брестский униатский собор 1596 г. Объединение сил было вызвано стремлением защитить литературный язык славян, показав его возможности и достоинства. Объявляя языками высокой книжности (веры и науки)

лишь греческий и латинский, католики и униаты стремились принизить его культурно-историческую роль.

Все три А., составленные в XVI в., по всей вероятности, осуществлялись при направляющем участии высшей церковной власти.

А.-тезаурусы в XVII в. охотно копировались, становясь в своем содержании все более энциклопедичными и меняя свой облик.

Списки, хранящиеся в ГПБ, получили специализированное описание в работах А. Карпова и А. В. Пруссак. Теперь их можно соотнести с исторически реальными памятниками. Сопоставив списки А. по словнику статей, входящих в словарные своды, А. В. Пруссак разделила их на четыре разряда и назвала четырьмя группами азбуковников. К числу копий текста старшего А. (в разных его редакциях) относятся три списка, причисленные описательницей к третьей группе А.; копиями второго А. являются списки первой группы (их здесь 21); списком третьего А. (новгородского) — единственный, отнесенный описательницей ко второй группе; копии, выделенные в четвертую группу, являются списками одного из словарных памятников XVII в. Присоединив к этому сведения о девяти рукописях Соловецкого собрания, описанных А. Карповым, увидим, что один из списков окажется копией старшего А., а шесть — второго. Что касается двух последних, то в одном из них представлен обширный словарный компендиум, созданный во второй половине XVII в. (ГПБ, Солов. собр., № 18, по водяным знакам 60-е гг. названного века; по этому списку описателем и дана общая характеристика А.), а в другом (ГПБ, Солов. собр., № 20) — поздний А. выборочного типа (основан на тексте второго А.).

Сборники, в состав которых входят А., обычно не имеют общего заглавия. Однако, судя по редким спискам, где такой заголовок есть (например, в некоторых списках второго из упомянутых словарных памятников: «Книга, глаголемаа буква», БАН, Арханг. собр., № 841 или «Книга, глаголемая лексис, сиречь недоведомыя речи», ГПБ, собр. Погодина, № 1145), а также по владельческим записям (например, «Сия книга, глаголемая алфавит, списана бысть в Двиньском уезде, на Пинежском волоку. . .», ГПБ, Q. XVI.9) можно заключить, что иноязычным терминам «алфавит» или «лексис» (последний воспринят от лексикографов Юго-Западной Руси) и славянскому их соответствию А. (его варианты: «буковник», «буковица», «буквы» встречаем и в заглавиях грамматических трудов с алфавитным расположением правил) были присущи уже в XVI в. оба значения: 'азбучный словарь определенного типа' и 'книга, включающая такой словарь'. Из рукописной традиции они вошли затем в археографию, причем второе из них оказалось для описателей более существенным. Напротив, исследователи, за редким исключением (И. В. Ягич, М. П. Алексеев), называют А. именно словари, оставляя без внимания все другие статьи подобных книг. Этому способствует обычное в описаниях, но исторически неточное рассмотрение таких материалов

в качестве «приложений» к словарным сводам. Вместе с тем несомненно, что конвой словарных сводов обладает известной регулярностью, и это помогает (при всей его текучести) отчленивать один словарный памятник от другого. Сведения о конвое А. обогащают наши сведения об их источниках и назначении, позволяют уточнить их историческую группировку. Статьи, окружающие словари-А., рассмотрены в описаниях многих собраний. Детальнее всего характеристика их — в книге А. Карнова.

Наиболее типичны для конвоя А. три группы статей:

а) сочинения, связанные с вопросами происхождения славянских языков и первых славянских переводов, а также статьи по грамматике, орфографии, просодике и поэтике;

б) словари (или их фрагменты), представляющие ранние типы древнерусской лексикографии, а также словарные компиляции из подобных текстов; лексикографические опыты, современные А., например «Вопрос и противу ответ по гречески» (отрывок из словаря-разговорника «Речь тонкословия греческаго»); «От книги, глаголемыя библии произвольники», «В деяниях апостольских произвольники» (приводятся и иные славяно-русские словари); «Толкование языка половецкого», «Толкование избранных слов» (извлечения из А.) и др.;

в) разного рода сведения богословского, исторического и реального характера, толкования отдельных понятий, раскрытие символики, перечни терминов, светских и церковных, например, «Счет по гречески» (от единицы до мириады); «Имена днем по гречески»; «Имена саом великие церкви гречески»; «А се имена месяцем жидовским языком»; запись: «Един кентарь имать РИ (108) литр, а литра полторы гривеники, а золотников ОЕ (75)» и др.

Сочетание статей конвоя первого из отмеченных разрядов с обширным словарем-А. придают всему сборнику языковедческий характер. Книжки такого типа называют в научной литературе «грамматическими А.». Статьи второго и третьего разрядов, примыкая к словарному своду, дополняют лексикографическую направленность материалов, объединенных в подобном сборнике.

Некоторые из сборников отличаются настолько значительным числом статей, что обширный словарный свод занимает в них довольно скромное место; в них оказались и могут быть еще найдены самые разнообразные произведения древнерусской литературы (например, *Житие Петра и Февронии*, «*Беседа трех святителей*», «*Стословец*» *Геннадия* архиепископа Константинопольского, «Сказание о ризе христовой», Слово *Даниила Заточника*, сочинения *Максима Грека*, *Зиновия Отенского* и т. д.).

Словари-А. — памятники анонимные; неизвестны и составители тех сборников, в которых они обнаружены. Судя по текстам А., первые из них несомненно возникли в среде переписчиков книг, переводчиков и справщиков переводов, почти исключительно монахов, людей книжных, начитанных. Составители тезаурусов считали себя собирателями толкований и обычно не называли своих имен. Некоторые сведения о лицах, причастных к созданию А.

в рукописях все же имеются; и здесь, как понятно, далеко не исчерпаны возможности новых находок.

Записи в списках А. показывают, как менялся на протяжении XVII в. круг их копиистов и читателей: все реже это монастырские филологи, занятые переводами и правкой церковных книг, все чаще — горожане из среднего и низшего сословий.

С конца XVII в. и в XVIII в. А. появляются и в крестьянских библиотеках старообрядцев (ценные списки такого рода представлены в хранилище рукописей ИРЛИ).

М. П. Алексеев дал в своей книге предварительное обозрение фондов (Словари. . . , с. 7—9), краткий очерк истории изучения А. (там же, с. 10—14), библиографию работ, где они упомянуты, и редких исследований, специально посвященных этой теме.

Первое издание А. И. П. Сахарова, снабженное его статьей «Древнерусские словари», имевшей и более раннюю публикацию (1842 г.), получило единодушную отрицательную оценку. Обоснованный критический отзыв был дан Ф. И. Буслаевым, напечатанным в связи с этим отрывки А. (1654 г.) из своего собрания, включенные затем в его «Историческую хрестоматию». Разбирая издание И. П. Сахарова, И. И. Срезневский заметил: «Нельзя не желать, чтобы сделано было другое при пособии многих списков» (Переписка А. Х. Востокова). В публикации А. И. П. Сахаровым слиты два случайно оказавшихся в его коллекции списка разных памятников, причем тексты того и другого искажены в числе статей, их содержании и в написаниях слов (анализ дан в ст.: К о в т у н Л. С. Азбуковники среди других текстов древней лексикографии и проблемы их издания // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 3—12). Издание текста старшего А. теперь подготовлено с учетом показаний 18 списков и с исследованием его литературной истории (К о в т у н Л. С. Азбуковники XVI в. (старшая разновидность)). К числу ранних трудов, уделивших специальное внимание А., относятся очерки К. Ширского и Н. И. Баталина. В исследовании И. В. Ягича широко привлечены грамматические статьи из конвоя различных списков А. (Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895). Ягич предполагал вслед за этим выполнить вторую «лексическую» часть, в которую должен был войти «богатый и для истории русского языка немаловажный материал так называемых алфавитов» (Рассуждения. . . , с. V—VI). Об А. как о сложном многоязычном словаре, насыщенном толковыми статьями, говорит академик А. С. Орлов (Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. АН СССР. Сер. В, 1931, № 3, с. 4). Издание одного из ранних опытов по составлению А. по списку конца XVI в. (ГБЛ, собр. МДА, № 173 (35)) осуществлено в книге Л. С. Ковтун «Лексикография в Московской Руси».

Изд.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. 2, кн. 5; Б у с л а е в Ф. И. 1) Дополнения и прибавления по второму тому Сказаний русского народа И. Сахарова // Арх. ист.-юр. сведений, отнес. до России / Изд. Н. Калачевым. М., 1850, кн. 1, отд. 4, с. 1—31 (отрывки);

2) Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861; К о в т у н Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 268—312 (по списку конца XVI в., ГБЛ, собр. МДА, № 173 (35)).

Лит.: Ш и р с к и й К. Очерк древних славяно-русских словарей // Филол. зап. Воронеж, 1869, вып. 1—3; Б а т а л и н Н. И. Древнерусские азбуковники // Там же, 1873, вып. 3—5; К а р л о в А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878; П р у с с а к А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделе имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915; J a n o w J. Leksykografia wschodnio-słowiańska do konca XVII w. Cz. 1. Uwagi o «Azbukiwnikach» i «Rozmowkach» bizantynsko-rosyjskich // Spraw. czyn. i pos. PAU, 1951, t. 52, N 2, s. 129—135; К о в т у н Л. С. 1) Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963; 2) Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 206—258 (гл. III. Процессы сложения Азбуковника); 3) Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977; А л е к с е е в М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.

Л. С. Ковтун

Александр (кон. XIV в.) — дьяк, автор Хождения в Царьград в 1391—1396 гг. А. приходил «куплюю в Царьград», т. е. цель его путешествия была связана с торговлей. В Царьграде он был в те же годы, когда и *Игнатий Смольнянин*, — при императоре Мануиле II, и оказался свидетелем осады византийской столицы 1390 г. Иоанном Калояном «с турецкою помощью». Иных сведений об А.-дьяке, кроме содержащихся в Хождении, нет. Особенностью Хождения А. является его краткость. Памятник дошел в составе *Летописи Новгородской IV*. В Хождении А. находится лаконичный перечень достопримечательностей Царьграда (Софийский собор, монастырь Мангана, церковь св. Апостолов, гробницы царя Константина и царицы Елены, монастыри — Студийский, Пантократора, св. Николая, храм Сергия и Вакха, Лазаря, Змеиная колонна и др.). Хождение А. недостаточно исследовано как самостоятельный литературный памятник — ни в жанре путешествий, ни среди летописных повестей.

Изд.: ПСРЛ. М., 1848, т. 4, с. 357—358; Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 376—378; С а х а р о в И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849, кн. 8, с. 71—72; A l e x a n d e r t h e C l e r g. On Constantinople // Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries/ By George P. Majeska. Washington, 1984, p. 156—165 (с пер. на англ. яз.).

Лит.: П р о к о ф ь е в Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 363), с. 170—172.

О. А. Белоброва

Александр Свирский (в миру Амос) (1448 г.—30 VIII 1533 г.) — основатель монастыря на р. Свири, названного позже по его имени Александро-Свирским, автор духовной грамоты. Очень скудные биографические сведения об А. С. приводятся только в Житии А. С., которое было написано его учеником и постриженником Иродионом, после смерти святого ставшего игуменом монастыря, А. С. происходил из семьи мелких землевладельцев села Мандеры

на р. Ояти, юношей ушел из дому в Валаамский монастырь, где принял постриг в 26 лет, в 1474 г. Пробыв в монастыре иноком 13 лет, в 1487 г. ушел на р. Свирь и создал здесь свой монастырь. По одним источникам, с 1506, по другим с 1508 г. по год своей смерти был игуменом монастыря, который ко времени его смерти стал одним из крупных севернорусских монастырей. Был признан святым и в 1547 г. канонизирован. А. С. принадлежит духовная грамота, датированная днем его смерти. Грамота адресована архиепископу Великого Новгорода и Пскова *Макарию*, попечением которого А. С. передает свой монастырь, предоставляя Макарию назначить на место игумена монастыря одного из четырех бывших в то время в монастыре священников. Литературу об А. С. см. в статье *Иродион*, игумен Александро-Свирского монастыря.

Изд.: АИ. СПб., 1841, т. 1, № 135, с. 195—196.

Л. А. Дмитриев

Александрия Сербская (в русских списках: «Книга, глаголемая Александрия», «Сказание и житие известно великого царя Александра» и др.) — одна из поздних версий греческого романа об Александре Македонском Псевдо-Каллисфена. Возникшая, по всей вероятности, на греческом языке, как и все главные версии этого романа, А. С. не позднее XIV в. была переведена южными славянами. В России появилась в XV в.

А. С. была в Древней Руси одним из источников сведений о македонском царе Александре, хотя она не является историческим сочинением. В ней, как и в других версиях Псевдо-Каллисфена, Александр, родившийся от египетского царя Нектанава (а не македонского царя Филиппа, как сообщают древние историки), покоряет всю Вселенную и стремится достичь пределов Земли, доходит до земного рая, но вынужден вернуться из своего путешествия обратно. На этом обратном пути Александр умирает. Потребность в историзме удовлетворяется главным образом тем, что речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, на его необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована здесь в историю о событиях, в которых элементы чудесного и необычайного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического романа Псевдо-Каллисфена, А. С. имеет ярко выраженные особенности средневекового произведения, в котором отражен характерный для той эпохи круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологией. А. Н. Веселовский назвал А. С. «христианской переделкой» псевдокаллисфеновского романа, в которой Александру стал покровительствовать пророк Иеремия, «чудовищные народы и звери обращались в фантазмагорю мытарств, страна блаженных приготавлила видение рая».

Первоначально были известны только славянские тексты памятника. Этим объясняется и его название. Позднее нашлись греческие списки той же самой версии романа, которые обычно называют «среднегреческими Александриями»; их сравнительно немного — 8 списков.

Веселовский в своем исследовании, посвященном происхождению памятника, под А. С. имел в виду и греческие, и славянские тексты. Точка зрения, согласно которой оригинал А. С. был греческим и лишь затем она была переведена на славянский, является, вообще говоря, общепринятой. В славянском тексте имеется много грецизмов, которые ясно свидетельствуют о том, что это перевод. Но соотношение текстов славянских и греческих таково, что нельзя сказать, что славянские являются непосредственным переводом с какого-либо из греческих списков. Некоторые авторы предполагали, что греческие тексты являются переводом со славянского. Первым из них был А. И. Соболевский, который считал, что грецизмы в славянском тексте могли быть поздними вставками, сделанными балканскими славянами, владевшими греческим языком и говорившими по-славянски с грецизмами. По его мнению, славянский текст есть перевод с латинского или какого-то из романских языков, а греческий — перевод со славянского. Слабость этого предположения состоит в том, что до сих пор не обнаружены латинские или романские тексты, близкие к А. С. В наше время сторонники мнения о том, что греческий текст произошел из славянского, считают, что оригинал славянского текста был все-таки греческим (Капальдо называет его рецензией), который до нас не дошел, а сохранившиеся греческие списки являются переводом со славянского. В своем предположении они опираются на несколько мест в греческих текстах, которые рассматриваются как ошибочное прочтение славянского текста переводчиком. Окончательно вопрос о соотношениях между греческими и славянскими текстами памятника не решен, но следует заметить, что сторонники вторичности греческих текстов ограничиваются обращением лишь к нескольким местам, без исследования текстов — и славянских и греческих — целиком; к тому же трактовка ими этих мест не является бесспорной.

Древнейший русский список А. С. находится в сборнике *Ефросина* 1088 (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11) и датируется концом XV в. Он является единственным русским списком А. С., дошедшим от XV—XVI вв.

А. С. появилась в России вместе с другими южнославянскими оригинальными и переводными, преимущественно с греческого, сочинениями (*Стефанит и Ихнилат*, «Троянская история» *Гвидо де Колумны* и др.). Дошедшие до нас русские списки всех этих памятников датируются второй половиной (концом) XV в. Первоначальный русский текст А. С. восходит к сербским спискам. Он не был ни новой редакцией, ни переделкой романа, если под редакцией понимать намеренное последовательно проведенное изменение текста. У него был ряд особенностей, но большей частью это про-

пуски в тексте, которые так или иначе свойственны всем русским спискам памятника. Многие были непонятны русским писцам, что видно из ошибок и изменений, имеющих в рукописях. Вся дальнейшая история памятника в России исходит от этого первоначального текста, вторичного влияния со стороны каких-либо других южнославянских списков А. С. впоследствии не было.

В конце того же XV в. возник особый вид текста, получивший название Ефросиновского. Если общерусский протограф был близок к южнославянским текстам, то в сборнике Ефросина находится уже несколько измененный текст. Создавший его писец, насколько мог, постарался сделать его осмысленным, понятным, без явных лакун и темных мест; в некоторых случаях он явно ошибочно осмыслил то, что ему, вероятно, было непонятно. Все изменения Ефросиновского вида можно определить в общей форме как «исправление» или «улучшение» текста и одновременное приспособление, освоение чужого литературного памятника. Сам список Ефросина не может считаться оригиналом, от которого произошли все остальные списки этого вида, так как в нем есть пропуски, которых в них нет. Поэтому и Ефросин не мог быть создателем Ефросиновского вида А. С.

Поскольку значительная часть списков XVII—XVIII вв. восходит не к тексту Ефросиновского вида, а к лежавшему в его основе оригиналу (общерусскому протографу), то, следовательно, в XV в. в России существовало несколько списков А. С. (восходящих к общему оригиналу). От XVI в. не дошло ни одного русского списка. Самым благоприятным временем для А. С., как и для других сочинений такого рода, стал XVII в., когда появилось множество редакций, сводов и очень вольных переделок А. С.

Списков XVII в. много, тексты их очень разнообразны, сильно отличаются друг от друга, что свидетельствует о живом отношении к А. С. в этом веке, когда не только переписывались известные прежде тексты, но и создавались новые переработки А. С. Именно из рукописей XVII в. видна вся история изменений этого памятника в России.

Почти половина списков содержит текст Ефросиновского вида; текстов, близких к первоначальному варианту, гораздо меньше. Появилось множество сводных списков, когда один текст А. С. дополняется другим, несколько отличающимся от первого, с удвоениями и повторами. В нескольких рукописях уже сводный текст дополнен рассказами из других сочинений, в частности из сказаний Троянского цикла.

В том же XVII в. появились тексты, соединяющие А. С. с разными редакциями *Александрии Хронографической*, которая и до и после этого существовала как самостоятельное произведение. И, наконец, на основе этих сводных и дополненных текстов А. С., с новым привлечением *Хронографической Александрии*, возникло необыкновенно обширное сочинение, создатель которого стремился, как кажется, сделать один общий рассказ на основе всех известных ему историй о македонском царе Александре. Почти все, что

по-разному рассказывается в Хронографической Александрии и в А. С., здесь соединяется, так что, например, после хронографического рассказа о том, как Нектанав прельстил Олимпиаду, в тексте написано «и паки о том же зачатии» и следует текст из А. С.

Кроме того, в XVII в. появились две существенные переработки А. С. В целом сюжет в них сохранился, но каждый отдельный эпизод перерабатывался в совсем новом, ином, чем прежде, стиле. С одной стороны, в них есть бóльшая «реалистичность» в изображении событий, а с другой — усиление сказочности, в частности, в новых эпизодах — с говорящими деревьями на пути Александра к раю, о рождении Антихриста и пр. В этих изменениях и дополнениях видно совсем иное, нехарактерное для XV в., осмысление жизни Александра и его деяний. Во многих эпизодах царь Александр превращается почти что в русского удалого молодца.

Списков А. С. от XVIII в. дошло несколько меньше, чем списков XVII в. Но важно отметить, что в этом веке А. С. уже только переписывалась — нет ни одного варианта текста, который бы не был представлен в рукописях XVII в. Три списка относятся к началу XIX в., ими заканчивается история А. С. в России.

Значительные изменения произошли с А. С. в южной и западной России. Их изучением до сих пор не занимались специально. Даже из беглого ознакомления с белорусскими и украинскими списками видно, что тексты их весьма отличаются от русских и южнославянских. Помимо собственного развития текста А. С., причюной этому были различные влияния, в частности Historia de praeliis (латинского перевода одной из ранних рецензий Псевдо-Каллифена, к которой ближе Хронографическая Александрия, чем А. С.), пришедшей в Россию из Польши.

Изд.: Život Aleksandra Velikoga / Izd. V. Jagić. Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности: Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; Александрия / Изд. ОЛДП. СПб., 1880, вып. 1; СПб., 1887, вып. 2; W e s s e l o f s k y A. Die Wunderepisode der mittelgriechischen Alexandreis // AfslPh. Berlin, 1882, Bd 11, S. 327—343; Истрин В. М. История сербской Александрии в русской литературе. Одесса, 1909, вып. 1; Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965; M i t s a k i s K. Der byzantinische Alexanderroman nach dem Codex Vind. theol. gr. 244. München, 1967 (Miscellanea Byzantina Monacensia, N 7); B e r k s h r. A. van den. Der «serbische» Alexanderroman. München, 1970.

Лит.: В о с т о к о в. Описание, с. 216; Пынин А. Н. Русские редакции средневековых сказаний об Александре // Отеч. зап., 1855, т. 102, № 11, с. 1—44; Ј а г и ć V. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga. Zagreb, 1867, s. 94—97; 2) Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // AfslPh. Berlin, 1877, Bd 2, S. 1—110; В е с е л о в с к и й А. Н. Из истории романа и повести. СПб., 1886, вып. 1; Истрин В. М. 1) Иверский список среднегреческой Александрии // ВВ. СПб., 1899, т. 6, вып. 1—2, с. 96; 2) К истории заимствованных слов и переводных повестей // Летопись Ист.-филол. о-ва при Новорос. унив. Одесса, 1905, вып. 13, с. 175—186; С о б о л е в с к и й А. И. 1) Из истории заимствованных слов и переводных повестей. Киев, 1904 (отд. отт. из Унив. изв., № 11; 2) К ис-

тории заимствованных слов и переводных повестей // ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 140—145; Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе // ИОРЯС, 1917, т. 22, кн. 1, с. 27—84; О р л о в А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 22—25; А д р и а н о в а - П е р е т ц, П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть, с. 26—50; Н а з а р е в с к и й. Библиография, с. 34—43; H a d g o v i c s L. A délszláv Nagy Sándor-Regény és Középkori irodalmunk // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv-és Irodalomtudományi osztályának Közleményei, 1960, t. 16, p. 235—295; Українські письменники, с. 820—821; P f i s t e r F. Alexander der Grosse in byzantinischen Literatur und in neugriechischen Volksbüchern. // Probleme der neugriechischen Literatur. Berlin, 1960, Bd 3, S. 112—130; G l e i x n e r H. J. Das Alexanderbild der Byzantiner. München, 1961; В е р к С h r. A. v a n d e n. Wo entstand die sogenannte serbische Redaktion des Alexanderromans? // Opera Slavica. Slawistische Studien zum V. internationalen Slawistenkongress in Sofia, 1963. Göttingen, 1963, Bd 4, S. 343—358; Т р и м р ф J. Zur Überlieferung d. mittelgriechischen Prosa-Alexander und d. Φυλλάδα του Μεγαλέξανδρου // Byzantinische Zeitschrift, 1967, Bd 60, S. 3—40; Л у р ь е Я. С. «Мировые сюжеты» средневековой беллетристики в русской и южнославянской литературах // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 16—26; М а р и н к о в и ч Р. Српска Александрида: Историја основног текста. Београд, 1969; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 320—359; S a r a l d o M. Recensioni // Ricerche slavistiche, 1973—1974, vol. 20—21, p. 359—369; В а н е е в а Е. И. 1) К изучению истории текста Сербской Александрии: (На матер. ленингр. списков XV—XVII вв.) // ТОДРЛ. Л., 1976, т. 30, с. 114—123; 2) О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // Там же, Л., 1979, т. 34, с. 152—161; 3) Киевский список Александрии XVI в. // Там же, Л., 1979, т. 33, с. 288—292; 4) Селевк и Филоп в Сербской Александрии // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 92—95; 5) Русские списки Сербской Александрии XV—XIX вв.: (Из ленинградских и московских собраний) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 57—69.

Е. И. Ванеева

Алексей (Алексий) (ок. 1293 г. — 12 II 1378 г.) — митрополит всея Руси (1354—1378 гг.), автор двух Поучений, Послания, или Грамоты на Червлёный Яр, Духовной грамоты, а также, возможно, переводчик и один из писцов Чудовского списка Нового завета. Родился в Москве в семье боярина Феодора Бяконта и Марии, выходцев из подвергавшегося частым «варварским находениям» Чернигова (*Летопись Симеоновская* называет отца А. боярином литовским вследствие того, очевидно, что Чернигов, входивший тогда в Брянское княжество, с 1356 г. принадлежал Литве). А. имел четырех братьев, от которых пошли боярские фамилии Игнатьевых, Жеребцовых, Фоминых, Плещеевых. Согласно Бархатной книге (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. . . , которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787, ч. 1, с. 278), род Фоминых «весь служил у митрополитов». Племянник А. Даниил Феофанович (в предсмертном монашестве Давид) стал одним из старейших бояр у великого князя Дмитрия Ивановича Донского и занимался внешней политикой Московского княжества, в частности был послом в Орде (умер в 1393 г. и похоронен в Чудовом монастыре рядом с А.; см. *Летописный свод Московский конца XV в.* (ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 220)). *Летописи Рогожская* и *Симеоновская* указывают крещальное

имя А. как Симеон, позднейшие же летописи и *Житие Алексея митрополита* (начиная с редакций XV в.) — как Елевферий; в некоторых списках *Летописи Никоновской* — оба имени рядом. Восприемником А. при крещении был юный князь Иван Данилович Калита. В детстве А. получил хорошее образование. *Житие* рассказывает, что однажды, когда мальчик ловил птиц, ему прислышался голос: «Алексие, что всеу тружаешия? Отселе будеши, человеки лоя» (ясно, что здесь использованы евангельские слова; ср.: Матф. 4.19; Марк, 1, 17), после чего он стал молчаливым, воздержанным и сосредоточенным книгочеем. В пятнадцать лет он начал мечтать о монашестве, в двадцать осуществил это желание. Став монахом А. в московском Богоявленском монастыре, он продолжил там свое книжное образование «и всякое писание Ветхое и Новое извыче». В монастырском хоре он пел, стоя на клиросе рядом со старшим братом Сергия Радонежского Стефаном, постригшимся в этом же монастыре.

А. прожил там 20 лет, затем (значит примерно в 1333 г.) его крестный отец великий князь Иван Данилович и митрополит Феогност привлекли его к делу управления русской церковью. А. переселился в митрополичью резиденцию, а после смерти Ивана Даниловича (31 V 1340 г.), в первые же месяцы правления Симеона Ивановича Гордого, стал митрополичьим наместником в г. Владимире и был намечен как наследник митрополита Феогноста. *Житие* указывает, что в таком качестве он пробыл 12 лет и 3 месяца.

6 декабря 1352 г. митрополит Феогност, уже два года как больной, возвел А. в сан епископа г. Владимира, учредив тем самым дотоле не существовавшую Владимирскую епископию (в рассказе «О Алексее митрополите» Рогожской и Симеоновской летописей говорится, что А. «пребысть епископомъ 3 лета или четири. . . дондеже преставися Фегнаст митрополит», а тот умер 11 марта 1353 г.; ясно, что вместо «лета» здесь должно быть «месяца»). Примерно в то же время великий князь Симеон Иванович и митрополит Феогност послали в Константинополь к патриарху посольство с просьбой рукоположить следующим русским митрополитом А. Согласно завещанию великого князя Симеона Ивановича (ум. 26 IV 1353 г.), А. оставлялся советником его братьев, Ивана и Андрея.

Послы вернулись примерно через полгода при князе Иване Ивановиче (1353—1359 гг.), уже после смерти тех, кто их посылал, с приглашением А. в Константинополь на поставление. Он вскоре туда отправился, возможно через Орду, так как сохранился текст ярлыка, выданного А. как уже митрополиту ханшей Тайдулой 11 II 1354 г. (см.: П р и с е л к о в М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, с. 81), которым он, его люди, кони и имущество оборонялись от всех возможных в пути посягательств, «коли к Царьграду поидет» (см. *Летопись Львовская* (ПСРЛ. СПб., 1910, т. 20, 1-я пол., с. 188)). В Константинополе А. провел около года. 30 июня 1354 г. патриарх Филофей издал настольную

грамоту А., которой утвердил его в сане митрополита всея Руси (РИБ, т. 6, Приложения, № 9, стб. 41—52).

Через два дня, 2 июля 1354 г., патриарх написал ответ новгородскому архиепископу Моисею, жаловавшемуся на московскую церковную власть, убеждая того безусловно подчиниться А. А так как стало известно, что некто Феодорит, безуспешно добивавшийся в Константинополе, еще при жизни Феогноста, поставления в русские митрополиты, достиг своей цели у болгар в Тырново, обосновался в Киеве и стал править подвластной Литве частью русской церкви, патриарх Филофей в том же месяце июля написал Моисею Новгородскому другое послание — чтобы тот признавал А., а не Феодорита (там же, № 11, стб. 60—64). Патриарх тогда же принял решение об официальном переносе митрополитской кафедры всея Руси из Киева во Владимир с сохранением за митрополитом звания «Киевского».

Феодорит быстро сошел с исторической сцены и его место занял на рубеже 1354—1355 гг. Роман. Как и А., он был поставлен в митрополиты всея Руси. Но существует некоторая неясность в вопросе, кто и когда его поставил. Очевидно, это сделал патриарх Каллист (1350—1353, 1355—1363), вернувшийся на свой престол после отречения Иоанна VI Кантакузина (ноябрь 1354 г.) и ухода на Афон патриарха Филофея. Как пишет Дж. Мейендорф (Alexis and Roman, p. 283—284), немедленно за сменой властей последовало примирение между Константинополем, Тырново и Литвой, а так как для Византии признать митрополита, посвященного в Болгарии, было невозможно, Ольгерд заменил Феодорита Романом.

Однако же, согласно византийскому историку — современнику Никифору Григору, Роман пришел в Константинополь раньше А. и был поставлен в митрополиты раньше его. Это, пишет он, было сделано по просьбе Ольгерда, обещавшего в случае ее выполнения, а также возвращения митрополии всея Руси из Владимира в Киев принять православную христианскую веру. Но появившийся вскоре в Константинополе А., которого Григора характеризует в высшей степени враждебно, — тот якобы и епископский сан приобрел на Руси путем подкупа, и вообще был порочным, коварным и безрассудным человеком, совершенно чуждым благочестия, а сверх того многократно обвиняемым в убийстве, — подкупив императора Иоанна Кантакузина и патриарха Филофея (этих людей Григора тоже люто ненавидел), добился того, что и его поставили в русские митрополиты, вследствие чего церковь Руси оказалась расколотой надвое. Но и на этом дело не кончилось, ибо стоило Роману уйти из Константинополя, А. сумел с помощью даров увеличить свой удел. Роман вынужден был возвратиться. Вернувшиеся тогда к власти в Константинополе Иоанн V Палеолог и патриарх Каллист хотели помочь Роману и подготовили соответствующие решения, но тут снова явился в патриархию А. и снова всех подкупил. Потому, дескать, и отказался креститься уже готовый к этому литовский

князь, сказав, что лучше поклоняться солнцу, нежели демону сребролюбия и т. д. (Nicephorus Gregoras. Historia bizantina. Bonn, 1855, vol. 3, 34, 36—54, p. 519—526). Существуют ученые, допускающие вероятность рассказа Никифора Григоры. Но более распространено в науке и более правдоподобно мнение, что сначала Филофей поставил в митрополиты всея Руси А., а несколько месяцев спустя Каллист — Романа.

Прибыв на Русь, А. рукоположил новых епископов. Борьба с Романом вынудила его через год по возвращении, осенью 1355 г., к новому путешествию в Константинополь (Е. Голубинский датирует это путешествие 1356 г., см. с. 190). Вместо себя для управления церковью он оставил в Переяславле волынского епископа Афанасия (видимо, постоянно проживавшего в московских землях, ибо он отмечен летописью в числе хоронивших митрополита Феогноста, — см. Рогожский летописец под 6862 г.; согласно *Житию Сергия Радонежского*, этот Афанасий Волынский во время своего наместничества в Переяславле возвел Сергия в сан игумена). Патриарх Каллист выделил Роману литовские (полоцкую и туровскую) и малорусские епископии, а также Новогрудок; Киев формально остался во власти А. как митрополита «всея Руси». При возвращении той же осенью на Русь А. попал в бурю на Черном море и дал обет в случае спасения возвести монастырь. Позже он выполнил это обещание, основав в Москве Спасский Андроников монастырь. В 1357 г. А. ездил в Орду по вызову к страдавшей глазами жене или матери хана Джанибека Тайдуле; А. удалось ей помочь. Согласно записи в рукописи XVI в., А. в Орде имел прение о вере перед царем с неким богатырем Мунзи, сыном слепого муллы Говзадина и сестры царя Барака (хана Берке?) (см.: Востоков. Описание, № 204, с. 273). Сохранился ярлык, выданный А. ханом Бердибеком в ноябре 1357 г., согласно которому русская церковь как молящаяся за татар освобождается от всех видов даней, поборов и насилий светской власти (см.: Летопись Львовская, 1, с. 189). При А. в Орде началась междоусобица, и он «многу истому от татар приим», но вернулся на Русь «цел и здрав от насилья поганых» (*летописи Новгородская IV* (ПСРЛ. Пгр., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 827) и *Софийская I* (ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 228)).

По завещанию князя Ивана Ивановича А. был назначен регентом при его восьмилетнем сыне Дмитрии. Благодаря этому А. стал фактически главой государства и оказался еще больше вовлеченным в политику на стороне московских князей. «По крещеньи» 1359 г. А. поехал в Киев. Из византийских документов известно, что великий князь литовский Ольгерд «заклучил его под стражу, отнял у него многоценную утварь, полонил его спутников, может быть и убил бы его, если бы он при содействии некоторых не ушел тайно и таким образом не избежал опасности» (РИБ, т. 6, Приложения, № 30, стб. 167—168). В Москву он вернулся в 1360 г.

Роман Литовский, отразив с помощью Ольгерда посягновение А. на Киев, перешел сам в наступление и в 1360 г. приехал

в Тверь, игнорируя А. (оказавшийся в трудном положении владыка Феодор избегал видеться с Романом). По жалобам А. патриарх Каллист в июле 1361 г. вновь разбирал вопрос о пределах «Киевской» и литовской митрополий. Из его грамоты известно, что Роман захватил Киев и Брянскую епископию (очевидно, после того как Брянское княжество было захвачено в 1356 г. Ольгердом). Право называться митрополитом «всех Руси» и Брянскую епископию патриарх оставил за А. Роман в конце 1362 г. умер, новый малорусско-литовский митрополит поставлен не был, и А. остался единственным митрополитом как бы действительно «всех Руси».

8 октября 1364 г., вскоре по возвращении на константинопольский патриарший престол, Филофей написал грамоту о присоединении Литовской митрополии к всероссийской Киевской, но не отослал ее, и она так и осталась неопубликованной (там же, № 15, стб. 91—98).

В 1365 г. А. заложил в Кремле каменную церковь во имя архангела Михаила (чуда в Хонех, 6 сентября; церковь была возведена за год), а около нее — согласно преданию, на месте ханской конюшни, подаренной А. исцеленной Тайдулой, — основал Чудов монастырь. А. также основал на Остоженке первый в Москве женский, Алексеевский (во имя Алексея человека Божия), монастырь, опять-таки, согласно преданию, для двух своих сестер. Кроме того, А. воздвиг в Серпухове Владычный монастырь и обновил Цареконстантиновский около Владимира и Благовещенский в Нижнем Новгороде.

В 1365 г. А. отнял Нижний Новгород и Городец у суздальского владыки Алексея. Согласно Никоновской летописи, посланный А. в Нижний Новгород Сергей Радонежский «затворил» там церкви, чем принудил князя Бориса уступить город Дмитрию Константиновичу. Суздальский владыка Алексей после этого вскоре умер.

В 1366—1370 гг. А. последовательно поддерживал московского князя в его борьбе с Тверью. К этому времени относится ряд грамот патриарха Филофея, написанных А. и русским князьям. В июне 1370 г., отвечая великому князю Дмитрию Ивановичу на его послание, Филофей характеризовал А. как «великого человека» (там же, № 16, стб. 97—104). Самого А. патриарх хвалил за доброе отношение к патриаршему престолу и признавался: «сильно люблю тебя, считаю своим близким другом» (там же, № 17, стб. 103—110). Тогда же Филофей направил грамоту русским князьям, убеждая их повиноваться митрополиту (там же, № 18, стб. 109—114), а новгородский владыка Алексей получил особую грамоту об этом и о необходимости повиноваться также московскому князю (там же, № 19, стб. 115—118). Князей, не хотевших вместе с Москвой воевать против Литвы, патриарх отлучил от церкви как действовавших «против священного христианского общежития» и объявил им, что заслужить прощение они могут только «ополчившись вместе с великим князем против врагов

креста» (там же, № 20, стб. 117—120). Смоленский князь Свято-слав получил особую грамоту такого же содержания (там же, № 21, стб. 121—124).

Но вскоре затем (1371 г.) Ольгерд и Михаил Тверской стали жаловаться патриарху на действия А.; Ольгерд требовал при этом особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосиля, Твери и Нижнего Новгорода (там же, № 24, стб. 135—140). Патриарх не спешил уступить этому требованию, но под давлением польского короля, грозившего обратиться подвластных ему православных в латинство, он поставил особого галицкого митрополита, о чем и известил в августе 1371 г. А. (там же, № 25, стб. 141—150). В сентябре того же года вследствие жалоб тверского князя Филофей послал А. требование в течение года явиться или прислать своих людей в Константинополь для суда по жалобам князя Михаила (там же, № 26, стб. 149—152), а самого князя патриарх просил прислать своих людей для суда с А. (там же, № 27, стб. 153—154). Но явно стремясь к тому, чтобы этот суд не состоялся, Филофей в том же году послал в Тверь и А. по грамоте с увещаниями помириться (там же, №№ 28 и 29, стб. 155—160 и 161—166). А чтобы иметь возможность не выполнить просьбу Ольгерда, патриарх побуждал А. посещать Киев и Литву: «слышу, — писал он, — что ты не бываешь ни в Киеве, ни в Литве» (там же, стб. 157—158). Что для этого упрека были основания, свидетельствует грамота патриарха Антония 1389 г., где говорится, что «приняв на себя вместо пасения и поучения христиан мирское начальствование». А. «увлекся в войны, брани и раздоры. С тем вместе он оставил литовскую землю без епископа» (там же, № 36, стб. 197—198). А. продолжал принимать участие и в действиях московского князя против тверского.

При А. продолжал развиваться культ митрополита *Петра*, первого московского епископа как «новаго чудотворца в Руси»: согласно летописному своду Московскому конца XV в., перед поездкой А. в Орду загорелась свеча «сама собою у гроба чудотворца Петра» (с. 180), согласно же Супрасльской летописи, свеча загорелась во Владимире (дотуда проводил А. великий князь Иван Иванович) перед иконой Богородицы, написанной митрополитом Петром; летопись отмечает также, что 15 августа 1372 г., в праздник Успения, произошло исцеление мальчика у гроба митрополита Петра, и А. повелел звонить в колокола и пел «канон молебный» (см. Рогожский летописец. (ПСРЛ, Пр., 1922, т. 15, вып. 1, стб. 100); подобные же случаи отмечены летописью под 1348 и 1351 гг.).

19 февраля 1374 г. А. поставил в Москве основателя и архимандрита нижегородского Печерского монастыря *Дионисия* (будущего вдохновителя написания *Летописи Лаврентьевской*) епископом Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца. В краткий период мира всех русских князей друг с другом и с Ольгердом А. посетить Литву не успел, может быть потому, что начавшееся «розмирье» с Ордой требовало его присутствия в Восточной Руси.

А после московско-тверской войны 1375 г. сделать это было уже невозможно. В начале 1376 г. к А. пришли от патриарха Филофея протодьяконы Георгий и Иоанн, от которых князь и митрополит могли узнать, что в конце 1376 г. *Киприан* был поставлен Филофеем в митрополита Литовского и Малорусского с правом наследования по А. митрополии всея Руси. Князь прав Киприана не признал и стал побуждать А. благословить как преемника *Митяя-Михаила*, своего духовника и печатника, но безуспешно. А. ни одну из сторон явным образом не принял, сам же попытался уговорить Сергия Радонежского стать после него главой русской церкви, но тоже безуспешно.

Умер А. «в день пятков в заутреннюю годину» (Рогожский летописец, стб. 120). Похоронен был в Благовещенском приделе основанной им церкви архангела Михаила. Через 60 лет верх этой церкви обвалился, ее разобрали, и при расчистке обрели останки А., как сказано в Житии, «целы и нетленны, и ризы его невреженны». Их перезахоронили в реконструированном Благовещенском приделе, справа. Общецерковное празднование памяти А. было установлено митрополитом *Ионою* в конце 1448 г., первым делом после его вступления на митрополичий престол (Г о л у б и н с к и й. История канонизации святых, с. 74—75). А. стал почитаться подобно тому, как уже почитался к этому времени митрополит Петр; — как заступник всей Русской земли и в первую очередь Москвы. Помимо дня смерти стали праздновать день обретения его мощей (20 мая), а впоследствии к этому добавился праздник святителей московских Петра, А., Ионы, *Филиппа* (II) и *Гермогена* 5 октября. В конце XV в. чудовский архимандрит, а затем новгородский архиепископ *Геннадий* воздвиг в Кремле церковь во имя А. и перенес в нее раку с его мощами.

При вступлении на митрополичью кафедру, очевидно, около рубежа 1354—1355 гг., А. написал Поучение «от Апостольских деяний к христолюбивым христианом», изданное в Прибавлении к изданию творений святых отцов. Он проводит здесь резкую границу между верующими и неверующими во Христа («кто не исповест Иисуса Христа Сына божия, в плоти пришедшаго бога и человека, тот несть божий, но антихристов») и учит паству быть скорой «на послушание», медленной «на глаголанье», «поздней» на гнев, иметь с ближними мир и любовь, избегать блуда, пьянства, грабежа, насилия, чародейства, волхвования, жажды богатства и «всякого злаго имения, иже пребывает души на вред», убеждает иметь «в уме своем смерть, и воскрешение, и суд», опрежая друг друга, стремиться «к церковному пению», не надеясь, что домашняя молитва заменяет церковную; князей, бояр и вельмож А. призывает править суд милостиво.

Послание, или Грамота, А. на Червлёный (или Черлёный) Яр (в Воронежских землях), изданное А. Павловым в АИ и в РИБ, было вызвано давними спорами рязанского и сарайского епископов об их границах. По этому поводу писали грамоты митрополиты *Максим*, Петр и Феогност. Грамота А. обращена «к всем крестья-

ном, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулом возле Хопор по Дону — попом и дьяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром». А. извещает здесь, что получил «благодать пресвятаго Духа» от патриарха и его собора и «приехал. . . к святой Софьи в митрополюю всяя Руси в Киев и к всем крестьяном, обретающимся в всей Руской земли», откуда следует, что Грамота была написана вскоре после его вступления на митрополичий престол. Вопрос о спорной области А. решил, как и его предшественники, в пользу рязанского владыки (им был тогда рукоположенный в 1355 г. Василий). В казне рязанской епископии хранился подлинник этой грамоты, подписанный А. по-гречески «Алексиос милостью Божией митрополит всей Росии и пречестной» (грамота была издана по сделанному в XVII в. списку с подлинника — ГИМ, Синод. собр., № 596 (473) (338), л. 34 об.).

Сохранилось также Поучение А. к христианам нижегородской и городецкой земель, изданное в «Душеполезном чтении». Датируется оно, по-видимому, временем одного из посещений А. Нижнего Новгорода (1357, 1370 гг.), или же периодом напряженных отношений Москвы с тамошними князьями (1363—1365 гг.). Давая общие нравственные наставления и напоминая, что «корень злобы, мятеж всякому беззаконию» — пьянство, А. разъясняет здесь — в средневековом духе — отчего случаются «удары на города» — такие бедствия, как нашествия неприятелей, мор и пожары («Все это бывает по нашему прегрешению перед богом»).

Согласно преданию, связанному с так называемым Чудовским списком Нового завета (хранился в кремлевском Чудовом монастыре, ныне исчез), за время, проведенное перед и после поставления в митрополиты в Константинополе, А. сделал свой перевод с греческого или список этой книги, отличающийся от распространенных в то время на Руси видов четьего новозаветного текста. Г. А. Воскресенский (Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1968, с. 173, 299) называет этот перевод третьей редакцией славянского Нового завета, которой свойственна «крайняя буквальность, буквальная близость к греческому тексту». Е. Голубинский (История русской церкви, т. 2, 1-я пол., с. 221—223, примечание) отмечает русизмы в языке этого перевода, а также ряд непереуведенных греческих слов и имен. А. И. Соболевский (Переводная литература, с. 26—31) полагает, что текст Нового завета, представленный Чудовским списком, не может быть переводом А.

В этой книге, кроме книг Нового завета, расположенных в каноническом порядке и присутствующих в полном составе, находятся распорядок евангельских и апостольских чтений, краткий Месяцеслов и (между четвертым Евангелием и Деяниями апостолов, л. 52 об.—54) слово «О наставленьи властелий, и яко не вся убо во власть поставляет Бог, всеми же действует», принадлежащее (согласно определению митрополита Леонтия) Никону Черногорцу. Главная мысль Слова та, что люди «самовластни» и беды

их бывают либо из-за грехов, либо из-за «безрассудья и безумья».

Этот список учитывался как авторитетнейший при правке Епифанием Славинецким и его помощниками в XVII в., а также при последующих исправлениях славянского текста Нового завета.

В Духовной грамоте А. завещает основанному им Чудовскому монастырю ряд сел (из них одно с мельницей, другие с деревнями и с бортью), жителям этих сел предоставляет возможность уйти, «отдав серебрецо» («а хто рост дает, тем воля ж»), а сам монастырь поручает заботам «князя великого Дмитрия Ивановича всеа Руси». Завершается грамота распоряжением: «А садец мой подолней — святому Михаилу». Дефектный оригинал Духовной грамоты А. и копия с нее, сделанная в XVII в., воспроизведены фотографически в приложении к фототипическому изданию Нового завета А.

Архимандрит Леонид пишет о найденной после смерти А. его «собственноручной записи» следующего содержания: «А Черкизово сельцо куплено на мое собинное серебрецо» (Моск. вед., 17 июня 1882, № 166, с. 4).

При раке А. хранились его облачения, саккос, епитрахиль и подризник, а также посох. В Чудовом монастыре к выносному образу А. был приделан золотой перстень, по преданию подаренный А. исцеленной им ханшей Тайдулой. В 1722 г. Петр I приказал передать его в синодальную ризницу, там он впоследствии был заменен медным и пропал. Кроме того, в Оружейной палате под № 10355 хранился другой медный перстень со стекловидной печатью с углубленным изображением животного. Согласно описям патриаршей ризницы XVII и XVIII вв., это — подарок А. хана Джанибека («Ногайского царя» Жанибека); исследование и снимок см.: Оренинков А. Перстень св. Алексея митрополита.

Изд.: Грамота митрополита Алексея на Червленый Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам о подсудимости их Рязанскому епископу // АИ, т. 1, № 3, с. 3—4; Поучение Алексея митрополита от Апостольских деяний к христоролюбивым христианом // Прибавл. к изд. святых отцов в рус. пер.: Год пятый. М., 1847, с. 30—39; Н е в о с т р у е в К. Вновь открытое поучительное послание святого Алексея, митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение, 1861, ч. 1, с. 449—467; РИБ. СПб., 1880, т. 6, Памятники древнерусского канонического права, ч. 1 (Памятники XI—XV вв.), № 19, стб. 167—172; Л е о н и д, архим. Село Черкизово // Моск. вед., 17 июня 1882 г., № 166, с. 4; Х о л м о г о р о в ы В. и Г. Радонежская десятина (Московского уезда) // ЧОИДР, 1886, кн. 1, с. 30, примеч. 2; Новый завет Господа нашего Иисуса Христа: Труд святителя Алексея, митроп. Московского и всея Руси / Фототип. изд. Леонтия, митр. Московского. М., 1892.

Лит.: [Г о р е к и й А. В.]. Святый Алексей, митроп. Киевский и всея России // Прибавл. к изд. творений святых отцов в рус. пер.: Год шестой. М., 1854, с. 89—128; М а к а р и й, митроп. Московский. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, с. 33—62; К а м е н с к и й А. Святитель Алексей // Справник. 1894, август, с. 421—444, сентябрь, с. 1—25, октябрь, с. 197—211, ноябрь, с. 405—421, декабрь, с. 601—618 (существует и отд. изд.); М у р е т о в М. Д. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде святителя Алексея, митрополита Киево-

Московского и Всероссийского // БЗ, 1897, ноябрь, с. 177—199, декабрь, с. 375—414; Г о л у б и н с к и й. История церкви, т. 2, 1-я пол., с. 170—225; П о н о м а р е в А. Алексий митрополит, св. и вся России чудотворец // ПБЭ. Игр., 1900, т. 1, стб. 523—531; С о к о л о в П. Русский архиперей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 318—466; Л и х а ч е в Н. П. Два митрополита // Сб. статей в честь Д. Ф. Кобыко. СПб., 1913, с. 1—8; О р е ш н и к о в А. Перстень св. Алексея митрополита // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928, т. 2, с. 171—186; Ш у м и л о в В. II. Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 49, 53; К а р т а ш е в А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 307—323; М е у е n d o r f f J. 1) Alexis and Roman: A Study in Byzantino-Russian Relations (1352—1354) // Byzantinoslavica, 1967, t. 28; 2) Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge Univ. Press, 1981.

Г. М. Прохорова

Алексей (XVI в.) — игумен Спасо-Геннадиева монастыря, автор цикла произведений, посвященных основателю этого монастыря, св. *Геннадию* Костромскому: «Канон, творение игумена Алексея»; «Сказание игумена Алексея к пастырю дому боголепного Преображения господа нашего Иисуса Христа и прещодобного аввы Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца»; «Предословие житию и чудесем и наказанию препод. отца нашего аввы Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца»; «Месяца генваря в 23 день житие и подвизи препод. отца нашего аввы Геннадия Костромского и Любимоградского, еже бе на Суруском озере. Списано бысть житие святого и отчасти чудес его учеником его игуменом Алексеем тоя же обители» (С т р о е в. Словарь, с. 15), в свою очередь состоящее из собственно жития, прижизненных и посмертных чудес святого (числом 19), «наказания» Геннадия, похвального ему слова, наконец молитвы; к этому циклу обычно присоединяется повесть об обретении мощей Геннадия Костромского, состоявшемся в 1644 г.

Годы жизни А. неизвестны, как неизвестны и годы его управления костромским монастырем. Появление его в обители Геннадия Костромского не могло произойти ранее 1529 г. — даты основания монастыря (А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1811, ч. 3, с. 687), и позднее 1565 г. — года смерти Геннадия, поскольку А. называет себя учеником святого. В указателе П. М. Стрובה отмечен лишь один год игуменства А. — 1584 г. (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 351), и эта дата согласуется с датировкой жития, которая определяется довольно точно на основании известий, содержащихся в «Сказании игумена Алексея. . .». Здесь А. завещает отвезти свой труд царю Федору Иоанновичу (1584—1598 гг.) и митрополиту Дниписию (1581—1586 гг.). Следовательно, житие Геннадия Костромского написано между 1584 и 1586 гг., а автор его находился уже в преклонном возрасте (обычно житие основателя монастыря вез на апробацию сам настоятель); возможно, смерть А. задержала канонизацию Геннадия вплоть до обретения мощей святого.

По словам В. О. Ключевского, сочинение А. «отличается свежестью биографических черт и простотою изложения» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 303). Вместе с тем есть некоторые основания предполагать, что творение А. является уже второй, «украшенной» редакцией Жития Геннадия Костромского. Восьмое и девятое чудеса, из числа присоединенных к житию, рассказывают о клирике Севастиане и диаконе Прохоре, которые оба страдали «зубною болезнию» и оба дали обет написать канон и житие Геннадия, после чего исцелились от недуга. Можно предположить, что А. пользовался этими первоначальными редакциями Севастиана и Прохора, до нас не дошедшими.

В XVII в. житие Геннадия Костромского было включено в четки минен Германа Тулунова и Иоанна Милютина, а на его основе составлена проложная память, издававшаяся в составе *Пролога*, начавшая с 1661 г. (см. изд. А. И. Попомарева). Литература, посвященная Геннадию Костромскому, пополнилась в XIX в. акафистом, сочиненным братом Сергиевой пустыни Карцевым и «пересочиненным» архиепископом ярославским и ростовским Нилом (П о п о в А. Православные акафисты за синодальный период русского церковного песнетворчества // ПС, 1902, № 6, с. 770—772). Научное издание жития Геннадия Костромского отсутствует, В. О. Ключевский издал лишь «Сказание игумена Алексея. . .».

Изд.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 463—464; Житие преподобного Геннадия, костромского и любимоградского чудотворца // Ярослав. епарх. вед., 1873, ч. неофиц., № 23, с. 183—190, № 24, с. 191—196 (с подновлением языка); Служба и акафист преподобному отцу нашему Геннадию, Костромскому и Любимоградскому чудотворцу: С присовокуплением сказания о житии его и чудесах. М., 1888 (с подновлением языка); Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1898, вып. 4, ч. 2, с. 23—25.

Лит.: К житию преподобного Геннадия, костромского и любимоградского чудотворца // Ярослав. епарх. вед., 1873, ч. неофиц., № 25, с. 202—203; Б а р с у к о в. Источники агнографии, стб. 114—115; Ф и л а р е т. Обзор, с. 165; Р о д о с с к и й А. С. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Пб. дух. акад. и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893, с. 207—208; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 128; Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси, с. 291—295.

Т. В. Буланкина

Аммон (Амон) (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор канона в честь *Иосифа Волоцкого*. Известно, что службу Иосифу написал в первой половине XVI в. писатель и книгописец того же монастыря *Фотий*. Однако в рук. ГПБ, Соф. собр., № 491, XVI в., в состав которой включена служба Иосифу Волоцкому (л. 1—16 об.), один из канонов озаглавлен «Канон преподобному Иосифу, творение Амона, глас 6, песнь 1, прмос. . .» (л. 7 об.). В других списках службы соответствующий канон не содержит упоминания об авторе и имеет некоторые отличия от текста Софийского списка (Софийский сборник весь посвящен Иосифу Волоцкому, как и многие другие волоколамские сборники XVI в.; автор всей службы Иосифу Волоцкому здесь не назван,

однако следующие статьи сборника содержат в заглавиях упоминания об их авторах — автор надгробного слова Иосифу *Досифей Топорков*, автор *Жития Иосифа Савва Черный*). Впервые имя А. как автора канона, посвященного Иосифу Волоцкому, было отмечено в «Словаре» митрополита Евгения, однако ссылка на источник была неопределенной — сказано, что канон сохранился «в рукописи новгородской Софийской библиотеки». Благодаря помощи Н. Н. Розова в настоящее время удалось определить местонахождение этой рукописи.

Имя Аммона для Руси является довольно редким. В описи Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. упоминается, что в библиотеку монастыря некий «Амон» дал «Псалмы в четверть дести» (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 13). Возможно, что именно этот Аммон принимал участие в составлении канона. Трудно решить вопрос о том, воспользовался ли Фотий канонем А., или, наоборот, А. внес изменения в текст, сочиненный Фотием. В 1591 г. церковным собором было установлено повсеместное празднование памяти Иосифа Волоцкого и по этому поводу были внесены исправления в существующий текст службы, в том числе добавлен был канон, который был определен как «творение Нова патриарха» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 312). Сопоставление всех редакций службы, посвященной Иосифу Волоцкому, помогло бы точнее решить вопрос о ее составителях.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827, т. 1, с. 34.

Р. П. Дмитриева

Андрей Алферьев (Олферьев) — упомянут в рукописи 80-х гг. XVII в. (ГИБ, F.IV.158, л. 71 об.—72) как книжник, переведший в 1586 г. («в лето 7094») «грамотику. . . из грамограшнюю с польской грамоти. . . на славенскую»; там же говорится, что прежде на польский язык была переведена латинская грамматика.

В статье анонимного автора, представляющей, по-видимому, отрывок какого-то более полного сочинения, много неясного. Прежде всего о какой латинской грамматике идет речь? Ее польский и славянский переводы либо не дошли до нас, либо пока не обнаружены. Анонимный автор упоминает о пяти склонениях (он называет их «вещаниями») латинской грамматики и о том, сколько примеров («подобников») имеет каждое «вещание», первое — три, второе — шесть, третье — десять, четвертое — два, пятое — одно; «и подобники предложи, глаголя сице, яко на сию подобники мнози имена римскаго языка обряшутся, но них они слогах не пишут е р ъ, в и е р ы, ш и е р ъ и скончуются имена ихъ на инья слова азбуки. А е р ъ или е р ъ преговариваютъ безъ шма». Далее автор отмечает отличие славянского языка, прибегая к цитатам из славянской грамматики, известной в рукописях XV—XVI вв. под названием «Осемъ частей слова» (текст и комментари-

ние см.: Я г и ч П. В. Рассуждения южнославянской и русской старшины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку / Изд. ОРЯС имп. АП. СПб., 1885—1895, т. 1, с. 326—365. Ягич ороверг мнение К. Ф. Калайдовича о принадлежности этой грамматики Иоанну Дамаскину и перевода ее — Иоанну экзарху Болгарскому). В 1586 г. «Осьм частей слова» была издана в Вильнюсе в типографии Мамоничей под названием «Грамматика словенска языка» (см. также: Булиц С. К. Очерк истории языка в России. СПб., 1904, т. 1, с. 150, 170).

Совпадение даты издания с датой перевода А. А. вызывает подозрение, не возникла ли вторая дата под влиянием выходных данных книги. Тем не менее, если дата перевода верна, это означает, что между переводом латинской грамматики, сделанным в 20-х гг. XVI в. толмачом и дипломатом *Дмитрием Герасимовым*, и латинской грамматикой, составленной в XVII в. братьями Лихудами, был осуществлен в Московском государстве еще один перевод. Вообще путь латинской грамматики к славянскому переводу через польский более характерен для Юго-Западной Руси, Украины и Белоруссии, с их тесной связью с Польшей, где латынь была основным языком церкви, администрации, науки и образования. Однако сообщение о переводе А. А. скорее всего исходит из Московских или севернорусских источников: анонимный автор, приводя свой пример имен собственных мужского и женского рода, называет город Псков и реку Пскову.

Грамматики являются новым жанром в литературе XVI в. Их появление на Руси вызвано различными причинами. Не случайно традиционным центром латинской образованности в Московском государстве был Посольский приказ. Перевод Дмитрия Герасимова представлял собой пособие по латинскому языку для русских и был отчасти вызван необходимостью прибегать к латыни в дипломатической практике и в делопроизводстве. С другой стороны, интерес к грамматическим жанрам был связан с ростом светского образования и распространением явлений гуманистической культуры.

Лит.: Соболевский Переводная литература, с. 122, 442; Мечковская П. Б. Ранние восточнославянские грамматик. Минск, 1984, с. 27—38, 52.

М. Д. Каган

Андрей Пресвитер (не ранее сер. XIV — не позже XVI в.) — московский священник, автор Слова на перенесение мощей святого Николая Мирликийского из Мир Ликийских в Малой Азии в г. Бари в Италии (9 мая 1087 г.). Слово считалось анонимным до тех пор, пока Е. В. Барсов не издал его по обнаруженному им списку в продававшемся на московском антикварном рынке сборнике XVI в. В этом списке автор Слова называет себя «многогрешным и грубым и недостойным прозвитером Андреем, бывшим причетником и клириком соборных церкви и апостольския в Руских странах преценитаго града Москвы». Отсюда ясно, считает

Е. В. Барсов, что прежде, чем стать пресвитером, А. служил причетником и клириком в московском Успенском соборе, поскольку же собор был освящен в 1327 г., пресвитером А. вряд ли мог стать ранее середины XIV в. Встречающиеся в Слове слова «граду нашему» наводят Е. В. Барсова на мысль, что пресвитером А. был тоже в одной из московских церквей. Надо заметить, что «соборной и апостольской церковью» А. называл вероятней церковь вообще, нежели определенный собор. Слово названо в заглавии «похвальным», и, действительно, будучи начисто лишено какой бы то ни было информативности, оно носит возвышенно-риторический характер. Начинается оно обращениями к «братиям» «похвалами» празднику, ритмически повторяющими слово «днесь»: «Днесь паста светоносное торжество. . . Днесь правосна светлая заря. . . Днесь расслабленных удеса радостное стягнутие обретши. . . Днесь язык онемевших благогласне восприемши. . . Днесь всяческий неизбытний недуг от человеческого естества непостоянно отгоняется. . .» и т. д. Далее автор, обращаясь к «братиям», призывает, «душевную съвесть очистивше и истинною верою оградившеся», «со усердием» праздновать память «досточюдного и святейшаго Николь». Этот призыв сменяется обращением к самому Николе с рефреном «радуйся»: «Радуйся, правый премудрости скровище. . . Радуйся, богонарочитая и златоканная труба. . . Радуйся, аргане, украсивый церковная устроена! Радуйся, цевнице доброгласная, исполняя радости благородных мудрования. . .» и т. д. Обращения к братии и Николе чередуются. Заканчивая Слово, автор столь же отвлеченно-этикетно говорит о себе: «Темже а(з) убогий и недостойный, паче же грешный и грубый, тмоу неразумна одержим. . . но, пресвятыи отче Николае, надеюся твоими молитвами обрести милость в настоящем сем пужном времени и грядущая ся изба(ви)ти муки. . .».

Как установил недавно игумен Макарий (И. И. Веретенников), автором Слова на перенесение мощей Николая Чудотворца является митрополит Московский *Афанасий*, в миру Андрей, XVI в.

Слово сохранилось в списках XVI—XVII вв. Е. В. Барсов допускает также, что автор Слова — тот отец Андрей, с именем которого известно *Сказание о убиении в Орде князя Черниговского Михаила и его боярина Федора*.

Изд.: Барсов. Вновь открытое слово пресвитера Андрея в списке XVI в. // ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. 2, с. I—II, 1—8.

Лит.: Никольский. Повременной список, с. 372—373; Макарий, игумен [Веретенников И. И.]. Всероссийский митрополит Афанасий / Богословские труды. М., 1884, сб. 25, с. 247—259.

Г. М. Прохоров

Андрей Юрьев (2-я пол. XV—нач. XVI в.) — автор редакции *Жития Федора Ростиславича Черного*. Кроме имени «Юрьев Андрей», по форме употребления которого видно, что это лицо не духовного звания, об этом человеке ничего не известно. Взяв

за основу проложное житие (XIV в.) ярославского князя Федора Ростиславича Черного (1240—1299 гг.), А. Ю. написал свою редакцию этого жития — «Житие и жизнь преподобного князя Федора Ярославского, списано от Ондreja Юрьева». Свое сочинение А. Ю. писал после открытия мощей Федора (после 1463 г.) и не позже начала XVI в. (дата самого раннего списка Жития Федора в его редакции — 1515 г.). А. Ю. был начитанным книжником, хорошо знавшим древнерусские оригинальные и переводные агиографические произведения, но написал ли он что-либо, кроме Жития Федора Ярославского, мы не знаем. Произведение А. Ю. — риторическая переработка и распространение краткого проложного Жития Федора. Н. И. Серебрянский называет сочинение А. Ю. «своеобразной полудерковпой-полусветской биографией князя». В. О. Ключевский отмечает литературное умение А. Ю., труд которого занимает «почетное место в ряду русских риторических произведений XV—XVI в.». Новых фактических и исторических данных в свой текст, по сравнению с проложным житием, А. Ю. не внес. Для риторических украшений и распространения текста-источника А. Ю. воспользовался *Сказанием о Борисе и Глебе*, проложным Житием Владимира, *житиями Леонтия Ростовского, Петра митрополита, Алексея митрополита, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Житием Дмитрия Солунского, «Повестью о гибели Батыя» Пахомия Логофета* и, наконец, *Словом о погибели Русской земли*. Обращение А. Ю. к Слову о погибели представляет собой наиболее примечательную черту его сочинения. Первые фразы вступления к Житию Федора в редакции А. Ю. — оригинальная переработка начала Слова о погибели. Ряд исследователей (В. И. Мансикка, Н. И. Серебрянский) считают, что использование А. Ю. Слова о погибели во вступлении свидетельствует о том, что этот памятник был известен ему в составе *Повести о житии Александра Невского* как предисловие к Повести. Ю. К. Бегунов приходит к выводу, что А. Ю. располагал текстом Слова о погибели не связанным с Житием Александра Невского, так как остальной текст сочинения А. Ю. не дает примеров самостоятельного обращения его к Житию Александра Невского (имеющиеся совпадения в юрьевском Житии Федора Ярославского с Житием Александра Невского восходят к тексту источника сочинения А. Ю. — проложному Житию Федора Ярославского). В. О. Ключевский полагает («по выражениям автора можно догадываться»), что сочинение А. Ю. было написано в Ярославле. Н. И. Серебрянский утверждает, что это произведение было создано «вдали от Ярославля, где-то на севере России».

Текст сочинения А. Ю. дошел в нескольких списках. Ранний из них (в составе сборника Спасо-Прилудского монастыря № 11/12), принадлежавший в свое время заточенному углицкому князю Димитрию, датируется 1515 г. (в настоящее время место нахождения неизвестно, сведения об этом сборнике у Строева). Из известных ныне списков юрьевской редакции Жития Федора Ярослав-

ского самый ранний (нач. XVI в.) — ГБЛ, собр. ОИДР, № 56 (список этот взят за основной в издании текста Жития Н. И. Серебрянским, по этому же списку опубликована начальная часть Жития в книге Ю. К. Бегунова, в этих же работах и у Барсукова сведения о списках).

Изд.: Серебрянский. Княжеские жития. Тексты, с. 93—99.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 173—175; Строев. Словарь, с. 298—299; Мансикка В. Житие Александра Невского: (Разбер редакций и тексты). СПб., 1913, с. 10—11; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 137—145.

Л. А. Дмитриев

Андроник Тимофеев, по прозвищу Невежа (2-я пол. XVI — нач. XVII в.) — московский типограф, автор послесловий к старопечатным книгам, гравёр. «Сказание известно о воображении книг печатного дела» называет его «учеником» первопечатников *Ивана Федорова* и *Петра Мстиславца*: «...последи тех мастеров Иоанна и Петра ученик их Андроник Тимофеев сын, прозвище Невежа, с товарищи начая мастер быти и царьским тем же повелением повелено ему книги печатати печатным воображением в царствующем граде Москве и раздавати по всем градовом во всей Росии Часовники и Псалтири, Апостолы и Евангелия, Триоди и Октаи и прочия божественныя книги» (Прота сьева Т. Н., Щепкина М. В. Сказания о начале московского книгопечатания. Тексты и переводы // У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 201). Биографических сведений об А. Т. не сохранилось.

В течение своей жизни А. Т. последовательно работал в трех типографиях, причем две из них основал самостоятельно. Первую же создавал в Москве совместно с *Никифором Тарасиевым* в 1567—1568 гг., т. е. через два года после отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Великое княжество Литовское. В послесловии к напечатанной здесь в 1568 г. Псалтири указаны имена печатников, причем имя А. Т. названо на втором месте (описание издания и фототипическое воспроизведение текста послесловия см.: Сводный каталог и описание старопечатных изданий вприлловского и глаголического шрифта. Вып. 19. Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева / Сост. Ю. А. Лябыщев. М., 1984). Предположение о том, что упомянутый здесь «Невежа Тимофеев» и печатник А. Т. — разные лица (там же, с. 11), представляется недостаточно аргументированным. По наблюдениям А. С. Зерновой, в оформлении Псалтири 1568 г. прослеживаются черты преемственности с изданиями Ивана Федорова и анонимной типографии; оригинальные же алфавитные инициалы были вторично использованы А. Т. в Псалтири 1602 г. (Зернова. Орнаментика. . ., с. 14—15). Типография Никифора Тарасиева и А. Т. погибла в московском пожаре 1571 г. (Соловьев А. Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве. М., 1993, с. 13).

Новая книгопечатня была создана по распоряжению царя *Ивана Грозного* в его резиденции — Александровой слободе (нынешний город Александров). А. Т. стоял во главе этой типографии. Известны два издания, напечатанные в «новом граде Слободе»: Псалтирь (1577) и Часовник (1577—1580). Орнамент Псалтири тесно связан с московским — и по стилю, и по общности досок. В инициалах — растительные гирлянды, как у *Ивана Федорова*.

С именем А. Т. связано также возобновление книгопечатания в Москве после двадцатилетнего перерыва. В 1587 г. он приступил к устройству государственной типографии, в которой напечатал следующие книги: Триодь постная (1589), Триодь цветная (1591), Октоих (ч. 1 и 2 — 1594), Апостол (1597), Часовник (1598, 1601), Мишень общая (1600 — два издания), Служебник (1602), Псалтирь (1602). Книговедческое описание изданий см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958, с. 15—21.

В послесловии к каждой из книг помещены выходные сведения, содержится традиционная просьба к читателям о снисхождении к труду печатников, а также указано имя главного типографа: «труди и тщанием мастера Андроника Тимофеева сына Невежи и прочих сработников». Свое имя и звание «мастер печатный» А. Т. вырезал на гравюре с изображением апостола Луки в издании Апостола 1597 г. На заставке из Триоди цветной 1591 г. встречаются инициалы «АН» в сочетании с буквами «ПМ» (ПАНМ), которые расшифровываются: «печатный мастер Андроник Невежа». А. Т. — первый русский гравер, подписывавший свои работы. Одним из сотрудников типографии был его сын *Иван Андроников Невежин*, впервые названный в послесловии к Часовнику 1598 г. Последний раз имя А. Т. встречается в Псалтири, вышедшей в ноябре 1602 г. В следующем московском издании — Триоди цветной, датированной апрелем 1603 г., — значится только имя его сына, под руководством которого типография работала до 1611 г.

А. Т. продолжил после *Ивана Федорова* работу над созданием русской художественно оформленной печатной книги. Его издания украшены нарядными и сложными заставками, декорированной вязью, инициалами. Шрифт в книгах А. Т. четкий, крупный, выполненный по образцу федоровского. Печать в две краски — черная и красная. Восприняв многие художественно-технические особенности книгопечатания от *Франциска Скорины* и *Ивана Федорова*, отец и сын Невежи внесли некоторые новые черты в орнаментику своих изданий. Они применяли, например, в заставках штриховку в клетку, которая не встречается у *Ивана Федорова*. Орнамент большинства книг А. Т., как полагает *А. С. Зернова*, «с достаточной степенью вероятности можно считать вырезанным самим Андроником Невежей» (*Зернова А. С.* Орнаментика. . . , с. 15). В своих изданиях А. Т. продолжал применять некоторые технические приемы, впервые появившиеся в последних изданиях анонимной московской типографии, как например

двойную нумерацию (по тетрадам и по листам) и исправление опечаток. Одно из лучших изданий А. Т. — Апостол 1597 г., где на фронтисписе помещена декоративная гравюра. Это первая московская книга, в которой указан тираж: «А напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят».

В настоящее время библиографической редкостью являются повежинские издания Часовника: в единственном экземпляре известен «слободской» Часовник 1577 г. (ГБЛ), в двух — Часовник 1598 г. (ГБЛ, Одесская ГИБ), в трех — Часовник 1601 г. (БАН, ГИБ, ГБЛ).

От остального тиража изданий А. Т. сохранились: Псалтирь 1568 г. — 8 экз., Псалтирь 1577 г. — 21 экз., Триодь постная — 39 экз., Триодь цветная — 31 экз., Октоих — 51 экз., Апостол — 26 экз., Минея общая (два издания) — 47 экз., Служебник — 83 экз., Псалтирь 1602 г. — 18 экз. (см.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Методические указания. М., 1979; М., 1982).

Лит.: РБС. СПб., 1914, с. 183—184 (Нааке—Пакенский—Николай Николаевич Старший); Сидорова А. А.: 1) Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 126—144; 2) История оформления русской книги. М., 1964, с. 70—74; Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. / Под общей ред. А. А. Сидорова. М., 1952, с. 14—16; Пемпровой Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964.

Л. И. Сагонова

Аникита Лев Филолог см. *Лев Филолог*.

Антоний — иеромонах ярославского Спасо-Преображенского монастыря, автор одной из редакций *Жития Федора Ростиславича*, князя Смоленского и Ярославского, прозванного Черным (или по другим источникам — Черным). Имя автора и место написания Жития названы в предисловии, начинающемся словами: «Е҃ма убо божественным мужем хотяще повести написать. . .». Здесь же указаны и заказчики произведения — митрополит *Филипп* и великий князь *Иван III*. Создание Жития связано с историей присоединения Ярославского княжества к Московскому государству. В 1463 г. накануне потери ярославскими князьями своей самостоятельности в Ярославле при архимандрите Христофоре был создан местный культ князя Федора, умершего в 1299 г. и его сыновей Давида (ум. в 1321 г.) и Константина. Были найдены их мощи, торжественно перенесены в Спасский собор и объявлены происходящие от них чудеса. Первое чудо Жития связано с именем ростовского архиепископа Трифона, отнесшегося с недоверием к новым чудотворцам, «мня сим чудотворением итумем (Спасо-Преображенского монастыря) много богатество приобрете, еже приношаху гражане на молебствие к раце их приходяще» (см. также: ИСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 185). Трифон послал в 1467 г. в Ярославль соборного протопопа Константина, который, пытаясь снять покровы с мощей, был вне-

запно поражен тяжкою болезнью и выздоровел только после раскаяния и молитв. По словам Жития, наказан был за неверие и Трифон; заболев, он оставил ростовскую кафедру, приехал в Спасо-Преображенский монастырь, где и умер в 1468 г. Однако стремление ярославского князя Александра Федоровича поднять престиж своего княжества авторитетом новых святых не увенчалось успехом. В 60-х гг. в Ярославле уже сидел наместник великого князя и существовало фактически двоевластие. Автор *Летописи Ермолинской*, современник событий, охарактеризовал эту ситуацию с явной проницательностью: «Сни бо чудотворцы явишася не на добро всем князем Ярославским, — простилися со всеми своими отчпшнами на век. . .» (ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, с. 157—158). После смерти в 1471 г. князя Александра Федоровича Ярославского княжество его переходит к Ивану III, а новые ярославские святые включаются в общерусский пантеон. По мнению В. О. Ключевского, А. написал Житие князя Федора между 1471 г. (о князе Александре в нем говорится как об умершем) и 1473 г. (год смерти одного из заказчиков — митрополита Филиппа). Однако Н. И. Серебрянский поставил под сомнение эту дату, обратив внимание на то, что официально заказанное сочинение А. широко распространялось только во второй половине XVI в., самый ранний его список датирован 1543 г. и не имеется ни одного списка XV в. Серебрянский считал маловероятным и официальное происхождение Жития, склоняясь к мысли, что оно написано по инициативе местного монастырского начальства где-то в конце XV в., но не позже 1573 г., когда были созданы жития князей Константина и Василия ярославских, в которых использовалось сочинение А. Предположения Серебрянского требуют дополнительных разысканий, так как нам неизвестны даты жизни А., — мог ли он писать в конце XV или даже в первой четверти XVI в.

Герой Жития князь Смоленский и Ярославский Федор Ростиславич — типичный князь времени феодальной раздробленности и первых десятилетий татарского ига. Получив в княжение Можайск, он затем поднимается по удельной лестнице и становится ярославским князем, женившись около 1267 г. на дочери покойного ярославского князя Василия Всеволодовича. В 1280 г. он становится и смоленским князем. Князь Федор стал родоначальником повой линии ярославских князей, которая впоследствии разрослась и в XV—XVI вв. насчитывала до 40 разных ветвей. Он выступал на стороне одной из княжеских коалиций конца XIII в. в борьбе за лидерство на северо-востоке русских земель и был союзником претендента на владимирский стол, а потом и великого князя Андрея Городецкого. Князь Федор принимал активное участие в феодальных усобицах, осаждал и жег русские города, прибегая к военной помощи татар. Так, в 1281 г. он совершил с татарами набег на Переяславль, а в 1295 г. сжег этот город; в 1293 г. вместе с другими князьями Федор принимает участие в страшной «Дюденевой рати», когда волжский хан Туден, сын Менгу-Тимура, опустошил северо-восточные русские города.

Известен его кровопролитный поход на Смоленск в 1296 г. В 80—90-е гг. Федор выступает верным вассалом хана Волжской орды, где он прожил примерно с 1281 по 1293 г. После смерти первой жены он женится на дочери хана Менгу-Тимура. Этот брак был разрешен константинопольским патриархом при условии, что дочь хана примет христианство. Она была крещена и получила имя Анна. В Орде родились и оба сына Федора, Давид и Константин, канонизированные вместе с Федором. В 1293/94 г. ярославцы отказались принять Федора на княжение и он завоевывает город с помощью татарского войска. (Насонов А. И. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 196).

Сочиния Житие князя Федора, А. обратился к существовавшим ранее проложно-летописным рассказам о смерти князя (А. И. Пономарев указывает на существование такого текста в Румянцевском прологе 1462 г. (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2. СПб., 1896); Ключевский предполагает, что этот текст мог быть написан вскоре после смерти князя. Серебрянский приводит и более полный текст, названный им «анонимным», см.: ВМЧ, 19 сентября, стб. 1255—1264). Взятое оттуда известие о нашествии Батыя дополнено рассказом о смерти Батыя, написанным *Пахомием Сербом*. В предисловии к житию князя Федора А. использовал предисловие, предосланное Пахомием Сербом житию митрополита Алоксея и принадлежащее ему же предисловие к Слову о переселении мощей митрополита *Петра*. Как отметили Ключевский и Серебрянский, следы этой компилятивной работы сказались в том, что в предисловие Жития князя Федора попали фрагменты, не подходящие ни к обстоятельствам написания произведения, ни к биографии князя Федора. Само же предисловие составлено в торжественном стиле, типичном для агнографии XV в., с использованием риторических оборотов («но яко богу хотящу прославити угодника своа, их же житию ангели удивипася и похвалиша, их же имена написана суть на небесех»), с примерами из священного писания, с традиционной ссылкой автора на свое «недостойнство» и «грубость».

Другим источником, сообщившим уникальные, нигде больше не встречающиеся сведения о жизни князя в Орде, исследователи считают не дошедший до нас, но отразившийся в Житии личный летописец князя Федора Черного. На этом основании Ключевский придавал Житию Федора ценность исторического источника, а А. И. Насонов использовал Житие для установления важных реалий в политике татарских ханов в XIII в. — особое значение в этикетке татарского двора имело то обстоятельство, что Федор «всегда у царя (хана) предстояше и чаюю подаваше ему» и то, что царь отпустил его на Русь, дав ему в подчинение других русских бояр. С осуждением говорит А. о ярославцах, отказавшихся принять князя, и тем как бы оправдывает его обращение к всецелой помощи татар: «шриде с ним множество татар; и кон быша были ему обиды от граждан, и он царевым повелением мсти обиду свою, а татар отпусти в свою землю в Орду с честью великою».

В полном виде Житие Федора сопровождается тринадцатью чудесами, первое из которых — история ростовского архиепископа Трифона и протопопа Константина — входит в текст собственно Жития и вероятно принадлежит перу А.

Произведение А. пользовалось популярностью в XVI в. Рассказ о преставлении князя и Житие, написанные А., были включены в *Великие Минехи Четии*, но не в Софийский список, составленный Макарием еще в Новгороде, а в более поздние Успенский и Царский списки. К авторитету св. князя Федора прибегали А. М. Курбский и Иван Грозный в своей переписке, причем царь оправдывал его примером допустимости царской ярости: «И князь Федор Ростиславичь, прародитель ваш, в Смоленце на пасху колики крови проливал есть! И во святых причитаются!» В дальнейшем Грозный упоминает исцеление царицы Анастасии от мощей князя Федора (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 19, 385, 45, 402).

Несмотря на то что текст А. опубликован и в какой-то мере исследован, его нельзя считать изученным. Не обследованы многочисленные списки этой редакции Жития, возможно представленного различными вариантами. По наблюдению Ключевского, сочинение А. в списках выглядит очень разнообразным вследствие пропусков и сокращений. Переписчики, чувствуя близость текстов летописно-проложных рассказов о смерти князя и Жития, написанного А., объединяли их. В Степенной книге имеется переработка сочинения А. с новыми подробностями биографии князя и с указанием на то, что они взяты «в летописаниях». Серебрянский считает, что редакция Степенной книги не связана непосредственно с сочинением А., а восходит к общему для них летописному источнику. В XVII в. была составлена новая редакция Жития князя Федора. После пожара 1660 г. мощи Федора и его сыновей были перенесены и установлен новый праздник перенесения мощей 13 июля, кроме уже существовавшего дня смерти князя 19 сентября. Вероятно, по поручению архимандрита Савватия была составлена новая редакция Жития для чтения во время службы на новый праздник. Редакция 1660 г. использовала тексты А. и Степенной книги и дополнила их фрагментами из Похвального слова княгине Ольге, из житий Владимира, Бориса и Глеба; в характеристику Федора внесены отрывки из *Повести о житии Александра Невского* в редакции Степенной книги.

Изд.: ВМЧ, Сентябрь 19. СПб., 1869, стб. 1261—1282; Яросл. епарх. вед., 1875, № 37, 10 сентября, ч. неофиц., с. 229—306, № 38, 17 сентября, ч. неофиц., с. 307—311.

Лит.: Жития святых российской церкви. Сентябрь. СПб., 1855, с. 233—245; Ф и л а р е т. 1) Обзор. . . Харьков, 1859, с. 150, № 100; 2) Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, с. 80—90; П и л. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь с присовокуплением Жития. . . : кн. Федора, Давида и Константина. Ярославль, 1862; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 171—176; Б а р с у к о в Н. Источники агнографии, стб. 593—607; Ст р о е в П. М. Словарь, с. 21; Э к з е м и л я р с к и й А. В. 1) Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887, с. 13—

19; 2) Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки. СПб., 1891, т. 2, с. 73—83; Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. СПб., 1898, с. 384—385; Г о л у б и с к и й. История канонизации, с. 76—78; П к о н и к о в В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 1, с. 881; С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 222—225, 228—233, 234; П р е с н я к о в А. Е. Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Иг., 1918, с. 421; П р и с е л о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 107; Н а с о п о в А. П. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.: Л., 1940, с. 40; Л у р ь е Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11, с. 159—160, 185; Ч е р е п и н Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 825—830; М у р а в ь е в а Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — нач. XV в. М., 1983, с. 248, 249—250; П о л о з и е в Д. Ф. Святые князья и земные страсти. Научно-атеистические исследования в музеях: Сб. научных трудов (Рес. музей истории религии и атеизма). Л., 1984, с. 52—62.

М. Д. Каган

Антоний (ум. 1588 г.) — епископ Вологодский, автор Жития Герасима Болдинского. Не позднее 1576 г. стал игуменом Герасимо-Болдинского монастыря. В этом году по приказу соборных старцев и игумена А. была переписана «с подлинного слово в слово» автобиография («изустная память») основателя монастыря Герасима (в рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 301, сохранилась копия 1663 г. с этого списка). А. на основании «изустной памяти» и рассказов монахов, учеников Герасима, написал пространное житие в Болдинском монастыре, следовательно, не позднее 1586 г., когда он получил сан епископа в Вологде. Видимо, в начале XVII в. в Вологде был составлен некролог с двумя чудесами 1598 г., посвященный самому А., который сохранился в рук. нач. XVIII в. ГИМ, собр. Уварова, № 107, л. 69 (выдержки из него по неизвестной рук. опубл. Волог. губ. вед., 1853, 11 апреля, № 15, ч. неофиц., с. 119—120). О писательской деятельности А. в нем ничего не сообщается.

Житие Герасима Болдинского, написанное А., содержит много фактических сведений из жизни основателя Болдинского монастыря. Однако стремление писателя соборности канон житийного жанра заставляет его обращаться к греческим образцам, в результате чего в его произведении появились эпизоды, явно написанные под влиянием Жития Герасима Иорданского.

Житие Герасима Болдинского дошло в небольшом числе списков; одним из близких оригиналу, видимо, является список 1686 г. в рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 600. На основании жития, написанного А., позднее была составлена другая редакция, более краткая в целом, но с более подробными известиями о Свердловском монастыре (сохранилась в рук. ГПБ, собр. Погодина, № 711). Житие не было издано, пересказ его есть в кн.: Ф и л а р е т. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, под 1 мая.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 304—305, 332; Барсуков. Источники агрографии, стб. 125—126; Филарет. Обзор, с. 165; Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 284—294.

Р. П. Дмитриева

Анфим (XVI или XVII в.) — архимандрит Голгофский, автор статьи «О силе книжной, яже над коеюждо речню пишется», в которой говорится о правилах употребления надстрочных знаков (ударений, придыханий, их сочетаний, апострофы, знаков «ертца» и «среч», заменяющих ерь и ер, знаков долготы и краткости, титла), знаков пунктуации («ушодностомии», т. е. точки с запятой, красной точки, запятой, точки) и красных инициалов. О писцах, незнакомых с изложенными здесь правилами, в заключение говорится: «Сицевни едино от трех себе да изберут: или от добре навыкших да учатся, или преводов добрых да възьмут, или писати престанут». Завершается сочинение зашифрованной фразой: «О сих дозде. твоей. ей. ей. мой. мой. мой. буди. се море. то глаголах. кто обитает». Встречается в подборке статей грамматического содержания. Издано по списку XVII в.: ГИМ, Синод. собр., № 933.

Изд.: Ягич П. В. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895, т. 1, с. 785—788.

Г. М. Прохоров

Апокриф о Адаме и Еве (в рукописях: «Слово о Адаме и Еве от зачала и свершения» или «Слово о Адаме, начало и до конца»; в более поздних списках «Слово о Адаме от начала и до конца и како изгнаи бысть из рая») — ветхозаветный апокрифический цикл, состоит из нескольких сюжетно самостоятельных частей.

В А. история грехопадения Адама и Евы и изгнания их из рая является завязкой. Основное содержание А. — это жизнь Адама и Евы на земле, где они, получив после долгого плача и мольбы седьмую часть рая, родили детей — Каина, Авеля, Сифа, а затем еще тридцать сыновей и тридцать дочерей — и Адам, научившись пахать, стал обрабатывать землю. Но дьявол, объявив землю своей, взял с Адама рукописание в том, что все люди будут принадлежать дьяволу. Чтобы избавиться от власти дьявола, Адам и Ева наложили на себя покаяние — стояли 40 дней в воде, Адам — в реке Иордан, Ева — в реке Тигр. Прожив 930 лет, Адам впал в болезнь. Сиф и Ева отправляются к раю за масличным деревом, которое может исцелить Адама. Дорогу к раю им преграждает зверь, названный в одних рукописях котур, в других горгоний или даже крокодил. Упрекая Еву в нарушении запрета, он грозит пожрать Сифа, по проклятию Сифа «затворяет его уста». Архангел Михаил сообщает, что Адама исцелит цельза, и дает Сифу три ветви — «пегви, кедра и кипариса». Адам, узнав «райские древа», делает себе из них венок и умирает. Ангелы берут его душу и тело в рай, а затем учат Сифа,

как похоронить тело отца. Через шесть дней после смерти Адама умирает Ева.

Текст А. дошел до нас в двух редакциях. В первой редакции повествование ведется не в хронологическом порядке: в первой части автор кратко излагает историю изгнания из рая, убийство Авеля, болезнь Адама и путешествие Сифа и Евы к раю. Все остальное читатель узнает из рассказа Евы, которая у смертного ложа Адама знакомит детей и внуков с событиями жизни их пра-родителей. Таким образом, вступительная часть А. повторена дважды. Составитель второй редакции, возможно для того, чтобы сделать повествование более стройным, сократил вступительную часть до нескольких фраз (в некоторых списках ее нет совсем). Остается только рассказ Евы. Поэтому вторая редакция получила название «Слово о исповедании Еввы и о болезни Адамовее» (в научных работах ее называют «Исповедание Евы»). И. Я. Порфирьев посчитал эти редакции за самостоятельные произведения.

Вторая редакция построена на переработанном тексте первой редакции, однако в ней есть дополнения из Полной *Палее Хронографической* — Плач Адама о рае, известие, что Адам и Ева спили «лиственные смоковное» и сделали себе одежду (ср.: Толковая Палея 1477 г.: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. 1 / Изд. ОЛДП. 1892, вып. 93, л. 43, 44). Обращение к Палее, возможно, подсказано было текстом первой редакции: автор переделки мог заметить, что рассказ о путешествии Сифа к райским вратам читается в Палее (л. 55 об.—56). В опубликованных текстах вторая редакция предстает в двух видах. В списке Румянцевского музея, № 358, XV в., л. 183—192, опубликованном А. Н. Пыпиным и Н. С. Тихонравовым, плач Адама перед раем не просто упоминается, но и приводится близко к тексту Палеи: «Раю мой раю, пресветлый раю, красота неизреченная, мене ради сотворен есть, а Евги ради затворен есть. Милостиве, помилуй мя падшего». В этом же списке приведены две версии рукописания Адама: изложен версию первой редакции, оговорив, что «инде писано во Святом писании», составитель рассказывает, как с наступлением ночи Адам испугался, что тьма будет вечной и дал на себя рукописание, чтобы дьявол вернул свет.

Таким образом, А., опираясь на известия Библии, дополнял их занимательными легендами и намеками на новозаветные события: Адам дает рукописание, так как знает, что бог в образе Христа придет на землю; он кается в реке Иордан, где впоследствии будет креститься Христос, и пр. По-видимому, для понимания А. читателю необходимо было знание библейского рассказа, существовавшего на Руси до XV в. в переложении Палеи. Упоминание рукописания Адама могло восприниматься читателями как намек на социальную борьбу низов против закабаления. Именно как осуждение записи людей «в работу вечную», в холопы трактовал эту притчу позже *Иван Пересветов*, а *Максим Грек* в специальном опровержении отмечал апокрифический характер легенды: «кончина спидевых безумное некое мудрословие, не от

божественных бо писаний. . .» (см.: Соч. И. Пересветова. М.; Л., 1956, с. 207, 325).

А. фундаментально был исследован И. В. Ягичем, установившим, что он является частично переводом, частично переделкой греческого произведения, восходящего к так называемому «Апокалипсису Моисея», более правильное название которого «Книга Юбилеев» или «Малое Бытие» (см.: Смирнов А. Книга Юбилеев или Малое Бытие: Второй выпуск ветхозаветных апокрифов. Казань, 1895, с. 25—26, 64—69). Однако в дошедшей до нас греческой версии нет ни рукописания дьяволу, ни покаяния Адама и Евы. Существует латинская версия этого же апокрифа, которая ближе к славянской тем, что в ней есть рассказ о покаянии, хотя нет рассказа о рукописании. Однако, по мнению Ягича, славянская версия не возникла под влиянием двух источников, греческого и латинского; скорее всего должен был существовать греческий текст, по составу эпизодов соответствующий латинскому (Публикацию греческого текста см.: Tischendorf. Apocalypses Aposyphae. Lipsiae, 1866, p. 10—12, 13—23).

Как и многие апокрифы, А. пришел в русскую литературу из Византии через Болгарию, где его перевод был сделан, по-видимому, не раньше XIV в. Древнейший славянский список первой редакции XIV в., хранившийся в Белградской народной библиотеке (на пергамене и бумаге, № 468 (104), л. 53 об.—57 об.), переписан с болгарской рукописи. Исследователи полагают, что легенда о рукописании Адама была включена в А. в Болгарии, так как аналогичный рассказ известен в болгарских народных сказаниях (см.: Иванов. Богомилски книги. . ., с. 349—351, № 13 — «Адамов запис, рукописание на право пахать землю»; там же, с. 351—352, № 14 — рукописание, чтобы дьявол вернул свет).

В русских списках первая редакция встречается реже, чем в болгарских. Древнейший из них, из *Измарагда* Троице-Сергиевой лавры (№ 794, л. 311 об.—323 об., см.: Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 6—15), относится к XVI в. Многочисленные болгаризмы указывают на то, что он восходит к болгарскому оригиналу. Вторая редакция больше была распространена на Руси. Ягич полагал, что она русского происхождения и появилась не ранее XV в. Так датируется список из собрания Румянцевского музея, № 358, опубликованный Пыпиным и Тихонравовым. Однако вывод Ягича о русском происхождении второй редакции вызвал сомнения — в 1895 г. у И. Франко, указавшего на болгаризмы в тексте, в 1982 г. — у болгарской исследовательницы А. Милтеновой, обнаружившей новые южнославянские списки второй редакции. Однако основным ее аргументом в пользу болгарского происхождения второй редакции является список А. в Бухарестском сборнике, № 740, XVI в., для которого П. Сырку предположил среднеболгарский протограф XIII—XIV в., до нас не дошедший. При этом Милтенова игнорирует существование русского списка XV в. Таким образом, тезис о болгарском происхождении второй редакции пока не доказан.

Отдельные мотивы А. связывают его с другими славянскими и русскими апокрифами. Вторая редакция кончается известием, что из венца, сплетенного Адамом из райских веток, в котором он был похоронен, выросло дерево, из которого был сделан крест для распятия Христа. Эта концовка послужила основой для *Апокрифов о крестном древе*, которые Милтенова рассматривает в едином комплексе с А. Рассказ о рукописании Адама читается в апокрифе «О Тивериадском море». О путешествии Сифа к вратам рая за лекарством для Адама и о его беседе с архангелом Михаилом рассказано в *Евангелии Никодима*. Известие о болезнях, которыми наказал бог Адама, перекликается с другим апокрифом, в котором дьявол дал Адаму 70 недугов, истыкав его во время сотворения. Наконец, многие мотивы А. фигурируют в вопросах и ответах *Беседы трех святителей*. А. отразился в украинских народных сказаниях и песнях.

Особым вопросом является соотнесение А. с упоминанием почти во всех известных *Списках отреченных книг*, начиная с древнейших, произведений под названием «Адам», или «Книги Адамовы». Н. С. Тихонравов заметил, что «конечно, под общим заглавием «Адам» первоначальный греческий индекс понимал какую-нибудь известную ему книгу. . . , но в нашем индексе это общее заглавие теряло смысл, а запрещение свою обязательную силу» (Т и х о н р а в о в. Соч., т. 1, с. 152).

Текст А. первой и второй редакции был опубликован по отдельным спискам XV—XVIII вв. из русских хранилищ А. Н. Пыпиным (вторая редакция), Н. С. Тихонравовым (первая и вторая редакции), И. Я. Порфирьевым (вторая редакция), И. Франко (вторая редакция). И. В. Ягич напечатал текст первой редакции по списку XVI в. из Венской придворной библиотеки с различиями по нескольким спискам. А. И. Яцимирский, суммируя все известия по публикациям и описаниям рукописей, в 1921 г. упоминает 27 списков без разделения их на редакции. Современные болгарские исследователи ввели в научный оборот некоторое количество новых южнославянских списков, сопроводив свои публикации текстологическими наблюдениями. Однако полного текстологического исследования А. с выяснением детального соотношения списков и построенном стеммы пока нет.

Изд.: П. Л. СПб., 1862, вып. 3, с. 1—7; Т и х о н р а в о в. Памятники, т. 1, с. 1—6, 6—15, 298—304; П о р ф и р ь е в. Апокрифы ветхозаветные, с. 34—46, 90—96, 208—216; Ф р а н к о. Апокрифы, т. 1, с. 19—23.

Лит.: П о р ф и р ь е в И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873, с. 172—179; С у м ц о в Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, с. 32—37; J a g i ć V. Slavische Beiträge zu den biblischen Aposcrphen: Die altkirchenslavischen Texte des Adambuches. Wien, 1893 (рец.: С п е р а н с к и й М. — Древности, М., 1895, т. 1, с. 279—282); Ф р а н к о И. Апокриф о Адамі: (О работе И. В. Ягича) // Житє і слово: Вісти. літ., іст. і фолькл., Рік. 2, кн. 3. Критика і бібліографія, XVII. Львів, 1895, с. 474—476; Т и х о н р а в о в Н. С. Соч. Т. 1. Древняя русская литература: Отреченные книги древней Руси. М., 1898, с. 152; П ы п и н А. Н. История русской литературы. 4-е изд. СПб., 1911, т. 1, с. 415—425, 427—429; Б о р о з д и н А. К. История русской

литературы. Ч. 1. Русская народная словесность и древняя русская письменность. 2-е изд. Пг., Киев, 1913, с. 115—116; Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор, с. 76—81; И в а н о в И. Богомилски книги и легенди. София, 1925 (фототип. переизд. София, 1970), с. 207—227; М и л т е н о в а А. Текстологически наблюдения върху два апокрифа: (Апокрифен цикъл за кръстното дърво, приписван на Григорий Богослов, и апокрифа за Адам и Ева) // Старобългарска литература. София, 1982, кп. 11, с. 35—55; Д и м и т р о в а Д. Някои наблюдения върху литературните особености на апокрифа «Слово за Адам и Ева» // Там же, с. 56—66.

М. Д. Каган

Апокриф о перействе Иисуса Христа — памятник, появившийся в византийской письменности еще в VIII—XI вв. и отмеченный в числе отреченных книг уже в славянском Погоднском Номоканоне XIV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 31).

До нас дошли, по крайней мере, две редакции этого апокрифа. Одна из них была включена в византийский Лексикон Свиды (X в.) (Suidae Lexicon/Rec. J. Bernhardt. Halis et Brunsvigae, 1853, t. 1-a, col. 967); она встречается также в сербском списке XV в. Другая редакция включена в Слово Иоанна Евбейского на благовещение Иоакима и Анны (традиционно датруемое XV в.), помещенное в *Великие Минеи Четьи* (9 сентября), а также читается в апокрифической компиляции, приписываемой болгарскому священнику Иеремии (Еремии), вместе с рассказом о древе крестном (см. *Апокрифы о крестном древе*). В редакции Свиды источником легенды объявляется иудейский старейшина Феодосий, живший во времена императора Юстиниана. Он сообщил христианам тайное известие о том, что юный сын плотника Иисус еще до начала своей проповеднической деятельности был призван читать св. Писание в Иерусалимском храме вместо одного из заболевших священников. В таких случаях устанавливалось происхождение нового иерея, и оказалось, что отец его уже умер, а мать заявила, что родила сына, будучи девой, по благовещению ангела. «Бабы верные» подтвердили, что Мария — дева. После этого Иисусу было разрешено читать в храме; в подтверждении правдивости сказанного автор ссылается на Иосифа, «писателя пленения Иерусалимскому». В редакции, связанной со Словом на благовещение Иоакима и Анны, вступительного рассказа Феодосия нет.

Из русских рукописей А. наиболее древним представляется текст, содержащийся в сборнике кирилло-белозерского книгописца *Ефросина* 70-х гг. XV в. — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, л. 1—1 об. Он соответствует редакции Слова на благовещение Иоакима и Анны и совпадает с будущим текстом ВМЧ. Текст, дошедший в соловецком списке XVII—XVIII в. (и опубликованный Цорфировым), напротив, примыкает к редакции Свиды; рассказан со ссылкой на Феодосия; здесь добавлено также, что Иисус получил все церковные степени: чтеца, ишодьякона, дьякона, иерея, архиерея, «и прочая». Редакция, восходящая к Лексикону Свиды, но в сильно сокращенном виде (без рассказа Феодосия), читается и в «Иерусалимском путнике» Даниила Корсунского,

памятнике конца XVI., тесно связанном с Хожением *Даншила игумена* XII в. (Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 172—173).

Связь А. с компиляцией *Перемни*, а также включение его наряду с другими «ложными словесами» в списки отреченных книг, давали основание некоторым исследователям видеть в нем памятник богомильского происхождения. Но, как отмечено другими исследователями, сама тема черейства Иисуса является скорее противоположной, ибо богомилы не признавали священства.

Но если А. и не имел богомильского характера, то и ортодоксальность его уже давно вызывала подозрения. С особым сочинением «Против глаголющих: Христа во священство ставили» выступил в XVI в. *Максим Грек*, настаивавший на том, что текст этого сказания находится в противоречии с текстом Библии. А., возможно, отразился и в украинском фольклоре, где существовали в XIX в. прозаические и поэтические (колядки) сказания о Христе-священнике.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 2, с. 164—171; Jagić V. Novi prilozi za literaturu bibliških apocryfa // Starine, 1800, kn. 5, s. 79—95; ВМЧ: Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, с. 443—444; Соколов М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе // Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежне. М., 1889, т. 2, с. 81, 102—104; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 235—239.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, с. 81—84; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 55—61; Лопарев Хр. Описание рукописей ОЛДН. СПб., 1899, ч. 3, с. 221; Радченко К. Этюды по богомилству: К вопросу об отношении апокрифов к богомилству // Изборник Киевский, посвященный Флорискому. Киев, 1904, с. 3; Щеглова С. А. К истории изучения сочинений преп. Максима Грека. Варшава, 1914, с. 3—7 (отд. отт. из РФВ); Андриалова В. П. Данило Корсунский — инакомыслик XVI в. // Зап. Ист.-филол. від. Укр. АН, 1926, кн. 9, с. 16—17.

Я. С. Лурье

Апокриф о Ламехе — предание о библейском герое Ламехе. А. рассказывает, как слепой Ламех, водимый поводом, на охоте случайно убивает Каина. А. известен в древнерусской письменности в составе *Псалти Хронографической*.

Изд.: Тихонравов. Памятники, т. 1, с. 24—25; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные, с. 50—51, 104, 105; Толковая псалтирь 1477 г.: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210 / Изд. ОЛДН. СПб., 1892, вып. 1. л. 57—57 об.; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 37—38.

М. А. Салмина

Апокрифы о Давиде — цикл легенд о персонаже Ветхого завета, авторе Псалтири, пастухе и певце, ставшем царем. Приблизительную их классификацию создал А. И. Яценковский (Библиографический обзор). Большое количество списков и разнообразие сюжетов свидетельствуют о популярности легенд о Давиде в славяно-русской письменности. Характерно и то, что эти произведения подчас не воспринимались древнерусскими книжниками

как апокрифические и часто помещались в качестве предисловий к спискам Псалтири. Не включены они и в *Списки отреченных книг*. Имя Давида встречается и в апокрифах, посвященных другим персонажам, например в рассказе о построении храма Соломоном (П о р ф и р ь с в. Апокрифы ветхозаветные, с. 238—239) или в легендах о Давиде и Сивилле (Ф р а н к о. Апокрифы, т. 1, с. 277—279; Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор, с. 179—180). При дальнейшем изучении А. списки рукописей, составленные Яцимирским, следует подвергать тщательной проверке, так как часть цифров взята им из описаний рукописей и не просмотрена de visu, отчего содержание списков в ряде случаев определено неточно и не соответствует разделу, в который эти списки помещены.

1. В первые разделы Яцимирский включил легенды, повествующие о рождении и жизни Давида (Жития Давида). Отчасти они основаны на эпизодах, встречающихся в Библии, хотя цельного рассказа о жизни Давида там нет: эпизоды эти читаются в разных местах Первой книги царств, посвященной Саулу. Древнерусский читатель был знаком с этими сюжетами по *Палее Исторической* (П о н о в. А. Н. Книга бытия небеси и земли; ЧОИДР, 1881, кн. 1, с. 150—152, 153—154, 168—169) и *Палее Толковой* (Палее толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892, стб. 746, 749, 750—752, 758, 761, 770) и *Палее Хронографической* (ГНБ, собр. Погодина, № 1435, л. 281—313, XV в.).

С некоторыми вариантами заглавие и начало этого апокрифа в списках читается так: «Слово о Давиде царе и пророце (господни), како родися (или «зачася») и како воцарися и житие его (исконн даже и до века)»; нач.: «Бже Исей муж силен и крепок зело, в сердце своем бога держаще. . .» В Слове о Давиде рассказано, как он был зачат хитростью его матери Изавели, отчего имя его с еврейского переводится словом «украден». Пастух и музыкант Давид излечивает своей игрой царя Саула от безумия, убивает восстановившего против Саула его сына Голнафа, становится зятем Саула, но вынужден спасаться от гнева царя. Затем Саул погибает от пращи Давида, поразившего его камнем в око (возможно, источником послужила греческая Историческая палея, в которой Саул назван одноглазым). Воцарившись, Давид становится «кровав и немилостив, блудник и душегубец». Отправив на смертную битву воина Урию, он соблазняет его жену красавицу Вирсавию, родившую ему сына Соломона. Против Давида восстает его первенец Авессалом, и Давид по совету Соломона побеждает войско восставших тремя камнями из пращи. Соломон отсекает голову Авессалому, запутавшемуся при бегстве волосами в ветвях дерева. Кончается рассказ тем, что Давид скорбит о своем первенце: «Соломон рече: „Отче, что плачешн, не веси ли, колико зла сътвори тебе?“ Давид рече: „О, сыну, плачу рождение мое, понеже бе рождение добри жены“».

Как видим, целый ряд деталей апокрифа противоречит каноническому тексту: филистимлянин Голнаф становится сыном Саула; Саул погибает не в битве с филистимлянами, а от руки Давида;

Соломон, о котором в этой части библейского текста не упоминается, выступает здесь активным действующим лицом — дает советы отцу и убивает Авессалома.

Текст апокрифа по Белградскому сборнику № 104 (к. XIV — нач. XV в.) исследовал В. Истрин. Обнаружив в списке гречизмы (сваргида — печать, рофая — фракийский меч, Андрей — греческое слово, ставшее собственным именем), Истрин предположил для русского текста греческий оригинал, но сюжеты эти более древние и восходят к древнееврейской литературе (так, рассказ о Вирсавии имеется в Талмуде). В русской рукописной традиции этот текст бытует, по-видимому, с конца XV в. Яцимирским указано 8 списков XV—XVII вв. Возможно, как это вообще характерно для апокрифов, между греческими и древнерусскими текстами посредниками были южнославянские списки.

Изд.: Н а ч о в П. А. Тиквешки рукопись // Сб. за народни умотворения, наука, книжница / Изд. Мин. на пар. просвещ., София, 1892, кн. 8, с. 395—398; Я ц и м и р с к и й А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // ПДШ, 1906, т. 162, с. 110—114.

Лит.: П о р ф и р ь е в И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 68—69; Н а ч о в П. А. Тиквешки рукопись // Сб. за народни умотворения, наука и книжница / Изд. Мин. на пар. просвещ. София, 1894, кн. 10, с. 106—112; Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 г. // ИЖМШ, 1896, кн. 6, с. 68—71; Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор, с. 173—174.

II. Второй вид Жития Давида соответствует по своему содержанию библейским и палейным текстам, с той только разницей, что весь рассказ посвящен Давиду и в меньшей степени — истории царствования Саула. Яцимирский указывает несколько вариантов заглавий, но чаще всего это произведение называется в рукописях «Сказание о Давиде царе, сыне Иессеове» и начинается словами: «Бысть в дни царя Саулова, бе муж живой в Вифлеме именем Иессеи и бе у него семь сынов, осмый же родися сын ему Давид чрез закон. . .». Давид становится пастухом, его из всех сынов Иессея избирает пророк Самуил для благословения, игрой на гуслях Давид исцеляет царя Саула, становится его зятем, убивает на посидишке филистимлянина Голиафа из пращи, скрывается от Саула в пещере, становится царем после того, как Саул, проиграв битву, бросается на свой меч, соблазняет Вирсавию, отправив на гибель ее мужа, за что наказан пророком Нафаном. Кончается повествование гибелью сына Давида Авессалома, восставшего против отца: во время бегства от воинов Давида он повисает на дереве, запутавшись в его ветвях волосами, и его поражают стрелами. Текст Жития скорее всего не воспринимался как апокрифический и помещался перед Псалтирью (см. ГПБ, Ф. I. 738, XV—XVI в., Ф. I. 737, XVII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 13, ГБЛ, собр. Ундольского, № 51, и др.) как предисловие. В названных сборниках ГПБ Житие Давида богато иллюстрировано. Кроме того, этот текст читается в составе *Златой цепи* и вместе с ней помещен

в Макариевских *Великих Минеях Четвицх* под 31 июля (Успенский список, л. 1069—1072, гл. 95). Всего Яцимирским указано 14 списков, самые ранние из которых датированы XV в., самые поздние — XIX в.

Текст этого вида Жития не издав, за исключением одного фрагмента, привлечшего внимание Порфирьева при описании соловецких рукописей (правда, он несколько отличается здесь от других списков): когда Давид играл на гуслях, овцы переставали жевать, слушая его; если в это время на стадо напал лев или медведь, Давид убивал их голыми руками (Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 135).

Лит.: Яцимирский. Библиографический обзор, с. 174—177.

III. К А. относятся рассказы о сочинении Псалтири. Они в какой-то мере сюжетно связаны с первым видом Жития Давида и в некоторых рукописях помещены вслед за ним. В. Истрич предполагал, что в протографе они составляли с текстом Жития один памятник. В некоторых списках Жития есть фраза, в которой Давид обещает написать псалмы; спасаясь в пещере от Саула, он говорит: «Аще выиду в дом мой или вылезу на одр постеле моее, а обрещу место господевии».

Апокриф под названием «Слово како исписа Давид псалтирь» состоит из трех легенд. Первая легенда и начинается с того, что Давид исполняет свое обещание: «Яко глаголет ся Давид господевии, обещах ся богу Наковлю, да егда воцари ся Давид възвзиска обрести место господевии и седе писати Псалтирь». Царский вельможа Впор трижды приходил ночью к Давиду с тайным разговором, но каждый раз видел у царя юношу, что-то шепчущего Давиду на ухо. Так Впор понял, что ангел диктовал Давиду псалмы.

Вторая легенда повествует о том, что Давид послал слуг на ближайшее болото избить жаб, мешавших ему своим криком сочинять. После этого он трижды находил на своем писании большую жабу, портившую его работу. На вопрос Давида: «Что тако пакости твориши ми?»: жаба отвечала: «Не дам аз тебе бога славити, якоже и ты мне не даеши». Тогда Давид сказал: «Всяко дыхание да хвалит господа» и отозвал слуг с болота.

В третьей легенде говорится, что всего Давид написал 365 псалмов, положил в сосуд, залил оловом и бросил в море, решив, что, если его слово истинно, оно вернется на землю. Псалтирь пробыла в море 70 лет, и уже после смерти Давида сын его Соломон, закинув в море сеть, извлек Псалтирь, но в ней оказалось только 153 псалма. Закапчивается эта легенда параллелью с Новым заветом: на этом же месте апостолы поймали 153 рыбы; Соломон наполнил мир псалмами, апостолы — правой верой и крещением, символом которого являются рыбы.

Три легенды бытуют в славяно-русской письменности и самостоятельно, вне связи со Словом о Давиде царе. Яцимирский, по

мнению которого русские списки восходят к южнославянским, указал их 18, старший из которых — Белградской нар. б-ки № 104, третьей четверти XIV в. (по датировке В. Истрина XV в.), младше — XVIII в. Яцимирский отмечает также самостоятельное существование третьей легенды о Псалтири в море в рукописях XVI—XVIII вв. (отдельно издана В. М. Ундольским, А. Н. Поповым). В Библиографии им указано 12 таких списков. По-видимому, связь с новозаветной символической поставила эту легенду в особое положение; по своему характеру она оказалась близка Толковой Псалтири, в составе которой она иногда и читается. И. Франко отмечает эти легенды в украинской рукописной традиции XVIII в.

Изд.: Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стб. 16; Норфье в И. Я. 1) Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 93—94; 2) Апокрифы ветхозаветные, с. 242—243; Попов А. Первое прибавление к Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875, с. 67; Начов Н. А. Тивешки рукопись // Сб. за народни умотворения, наука и книжнина / Изд. Мин. на нар. просвещ. София 1892, кн. 8, с. 398—399; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 272—274; Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // ПДПИ, 1906, т. 162, с. 114—116.

Лит.: Отчет командированного за границу приват-доцента Моск. унив. Василия Истрина за вторую половину 1894г. // ЖМНП; 1896, кн. 6, с. 68—71; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 180—185.

IV. Сказание о Псалтири, встречающееся в древнерусских рукописях под разными заглавиями («Поучение о составлении Псалтири», «Сказание о псалмех Давида», «Предисловие и сказ, како составлен бысть Псалтирь», «А се о том, како бысть Псалтирь съставлен»), или вовсе без заглавия, по-видимому, один из ранних А. о царе Давиде и его Псалтири, ставших известным на Руси в XIII—XIV в. Так датируется Гадательная Псалтирь — пергаменная рукопись ГПБ, Соф. собр., № 60 (в кн.: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1905, т. 1, с. 104, — ошибочно стоит XVI в.) и пергаменная рукопись ГПБ, Ф. п. I. 1. По первому списку памятник издал И. Куприянов.

Апокриф состоит из нескольких эпизодов и начинается с рассказа о том, как Давид организовал хор для пения псалмов. Нач.: «Начеяшу Давиду царствовати ко Сауле и избра от всех племен 70 муж, а от племени левитяна 4, яже начаху песни, бяху же си Асаф, Еман, Ефам и Дуфим. . .». Каждый из них имел с собою по 72 мужа, которые им подпевали. Это число совпадало и с участвовавшими в строительстве столпа — от Сима 25, от Хама 32, от Афета 15. Но столпотворение привело к разделению языков, создание же Псалтири символизировало объединение народов и должно было предшествовать созданию в будущем единого языка. Пение Псалтири сопровождалось игрой на инструментах: Давид играл на органе, другие же на кимвале, гуслях, перегуд-

нице. Далее сообщалось, что не все 150 псалмов сочинены Давидом, ему принадлежат только 72, но поскольку он «сам то замыслил», то «того дела книги ти псаломская Давидовы нарекошася». Евреи на некоторое время забыли обычаи своих отцов и стали поклоняться идолам. Псалмы были в небрежении и растерялись. Но пророк Ездра стал искать их и вновь собирать. Он записывал их не в порядке их создания, а в порядке нахождения, отчего сейчас они расположены «не по ряду», последние стоят первыми, а первые попали в конец.

В. Истрин находит этот текст в греческой *Хронике Георгия Синкелла*; А. И. Яцимирский отмечает сходство апокрифа с греческим текстом, опубликованным в «Acta Sacra» Питри, что указывает на греческий источник древнерусского текста. Соответствующий греческому фрагмент о составлении Псалтири читается в Краткой Хронографической Палее (Палее третьей редакции, ГИИ, собр. Погодина, № 1434, XV в.). Рассказ о составлении Псалтири издан по Палее И. Я. Порфирьевым. И. Франко приводит текст о составлении Псалтири по украинской рукописи XVIII в. Всего в Библиографии Яцимирского перечислено 14 списков.

Изд.: К у п р и я н о в П. Описание замечательной Псалтири // ЖМНП, 1855, ч. 88, декабрь, отд. 2, с. 165—167; П о р ф и р ь е в А. Апокрифы ветхозаветные, с. 237; Отчет командированного за границу приват-доцента Моск. ун-в. Василия Истрина за вторую половину 1894 г. // ЖМНП, 1896, кн. 6, с. 74—75; Ф р а н к о. Апокрифы, т. 1, с. 274—275; Словенская псалтирь / Изд. В. Ягич. Берлин, 1907, с. 1—4; Я ц и м и р с к и й А. И. Из истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности // ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 2, с. 290—294.

Лит.: И с т р и н В. 1) Из области древнерусской литературы. // ЖМНП, 1903, август, тл. 1, с. 404—405, 412—413; 2) Редакции Толковой палеи, СПб., 1907, I—V, с. 30; Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор, с. 185—187.

У. Текст апокрифа о составлении Псалтири частично использован в другом апокрифическом произведении, встречающемся в древнерусских рукописных сборниках начиная с XV в. с именем Евсевия Памфилийского, но иногда и как сочинение анонимное. Происхождение его также греческое: Истрин находит этот текст в греческой Парижской хронике 1336 г. В русской письменности оно довольно популярно, Яцимирский указал 35 известных ему списков. Первая часть апокрифа, рассказывающая о том, как Давид пел и плясал во время возвращения кнота из плена в Иерусалим, читается и в Хронографической Палее (см.: ГИИ, собр. Погодина, № 1435, XV в., л. 299 об. — 300). Затем следует текст о венин Псалтири и о составлении псалмов «не по ряду». Иногда статья о составлении Псалтири и сочинение Евсея Памфилийского в рукописях помещены рядом (см., например: П о п о в Н. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, вып. 1. Новоспасское собрание. М., б. г., с. 2—3, № 1. Псалтирь с толкованием XVI в.).

Лит.: И с т р и н В. 1) Из области древнерусской литературы // ЖМНП, 1903, август, т. 1, с. 412; 2) Редакции Толковой палеи, I—V. СПб., 1907, с. 95—98, 100—101; Я ц и м и р с к и й, Библиографический обзор, с. 188—192.

VI. К. А. А. И. Яцимирский относит легенду о Давиде и Вирсавии. Сюжет ее, по определению И. Я. Порфирьева, восходит к Талмуду. Он читается также в Библии, Псалтири, включен в апокрифические Жития Давида, но встречается в древнерусских рукописях и как самостоятельное произведение. Легенда состоит из нескольких эпизодов: 1. Давид видит Вирсавию, жену Урии Хеттеянина, моющуюся в саду, и велит привести ее к себе. 2. Соблазвив Вирсавию, он посылает Урию в битву, где его убивают. 3. Пророк Нафан обвиняет Давида в прелюбодеянии и убийстве и рассказывает притчу о богаче, отнявшем у бедняка его единственную овечку, сравнивая Давида с этим богачом. 4. В наказание умирает сын Давида, рожденный Вирсавией, впоследствии она рождает ему Соломона. 5. Пророк Гад (иногда Нафан) предлагает Давиду выбрать одно из трех наказаний: голод в стране в течение трех лет, или три месяца бегать Давиду от врагов, или три дня господство смерти в земле Давида. Давид выбирает смерть. Однако, когда стали умирать люди, Давид обратился к богу: «Се аз, господи, согреших, аз, пастырь, злое, сотворих, а се овцы что зло твориха!» и просит пощадить людей.

Легенда эта представляет собой сокращение библейского (или палейного) текста и несомненно возникла под его влиянием. В древнерусских рукописях часть эпизодов ее бывает пропущена. Однако апокрифами, по-видимому, следует считать только те списки, где фигурирует выбор наказания. Этот сюжет, также библейский, не относится в каноническом тексте к легенде о Вирсавии, а находится в другом месте: так бог наказывает Давида за то, что он устроил перепись народа (см.: Вторая Книга Царств, гл. 24, 1—1; Историческая Псалтирь: П о п о в А. Н. Книга бытия небеси и земли // ЧОИДР, 1881, кн. 1, с. 170—172).

Рассказ о Вирсавии известен на Руси с XIII—XIV в. В пергаменном списке Гадательной Псалтири (ГПБ, Соф. собр., № 60) он завершает весь цикл А. о Давиде. Нач.: «Давид же родом бяше пезлобив и нача миловати Сауловы дети. . .». Но эта фраза скорее всего взята из текста о составлении Псалтири (так кончается текст Сказания о Псалтири в пергаменной рукописи ГПБ, Ф. п. 1.1, XIII в., где рассказа о Вирсавии нет). Непосредственно же легенда о Вирсавии начинается словами: «Сидя же на полатех и виде жену Уриину мыющуюся. . .». Текст древнейшего русского списка очень краток, в нем нет эпизода с Нафаном, рассказывающим притчу. Легенда о Вирсавии иногда помещается перед Псалтирью (см., например, ГПБ, Солов. собр., № 711/819, XVI в., Псалтирь, принадлежавшая митрополиту Филиппу II).

Легенда о Давиде и Вирсавии в древнерусской рукописной традиции текстологически не исследована, не изучено ее отношение к апокрифическим текстам и к текстам апокрифического Жития Давида; не прослежен и источник древнерусского текста. Яцимирский, перечисляя более десяти списков, отмечает, что сочинение это редко встречается в южнославянских рукописях. Наличие легенды о Вирсавии отмечает Франко в поздней украинской традиции.

Изд.: Куприянов И. Описание замечательной Исалтири // ЖМНП, 1855, ч. 88, декабрь, отд. 2, с. 167; Франко. Апокрифы, т. 1, с. 276—277; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. Киев, 1912, с. 25—26.

Лит.: Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 69; Истрин В. Редакции Толковой пален, I—V. СПб., 1907, с. 97; Яцимирский. Библиографический обзор, с. 192—193.

М. Д. Каган

Апокрифы о Иакове брате Господнем (неканонические сказания об апостоле Иакове, авторе повозаветного соборного послания). Апокрифическая литература об Иакове брате Господнем основывается на четырех сюжетных мотивах: 1) преданиях об убиении Иакова перед иерусалимским храмом за проповедание Иисуса Христа Сыном Божиим; 2) сказании о том, почему Иаков назван братом Божиим (сказание о ссоре в семье Иосифа Обручника при разделе имущества, когда только один из четырех сыновей Иосифа от первой жены, Иаков, разделил свою часть наследства с девою Марией и ее сыном Иисусом Христом); сообщениях об Иакове — 3) как первом иерусалимском епископе и 4) как создателе первой литургии.

Источник предания об убиении Иакова — «Древности иудейские» Иосифа Флавия и христианизированная версия «Войны иудейской» Иосифа Флавия — «Егезиши». В IX в. предание было включено в *Хронику Георгия Амартола*. В составе этой хроники оно стало известно русскому читателю, а из нее перешло в *Летописец Еллинский и Римский* (см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. М., 1975, с. 279, фрагмент 152; с. 294, фрагмент 196).

Источники сказания о ссоре в семье Иосифа Обручника нам неизвестны. На русской почве это сказание встречается в составе статей о Иакове брате Господнем, помещаемых в прологах и мннеях четких под 23 октября (см. статьи: «Месяца того же в 23 день святаго апостола Иакова, по плоти брата Господня», нач.: «Святый Иаков апостол сей бысть первый епископ во Иерусалиме»; «В той же день мучение и похвала святаго апостола Иакова, брата Господня по плоти», нач.: «Господь наш Иисус Христос, сын и слово отчее»; «Месяца того же 23 память святаго священномученика и равна апостолом Иакова брата Господня», нач.: «Стих: Нареченный брат осужденному на древе»; «Месяца октоврия дня 23 житие святаго апостола Иакова, сына Иосифа Обручника, 1-го епископа иерусалимского, веддуг тела брата господня, от лику 70», нач.: «Иаков, святый апостол Христов, сын быв Иосифа Обручника»; «Житие святаго апостола Иакова, брата Господня», нач.: «Святый апостол Иаков, сын Иосифов, назвал Иисус Христос братом своим, бо Обручника Иосифа сын власный был»). Эти статьи включают в себя и предание об убиении Иакова, дающее варианты к краткой версии из *Хроники Георгия Амартола*, в них говорится и о том, что Иаков был первым епископом в Иерусалиме и создателем первой литургии. Специально эти памятники никем не изучались (не видящиеся их оригиналы, но видящиеся взаимно-

отношения между ними на русской почве и т. д.), поэтому в предстоящий момент нет возможности составить представление об истории их текстов. Издатели обратили внимание лишь на то, что «Житие и мучение святого апостола Пакова, брата Господня по плоти» (нач.: «Тенитися убо достояние поступати выше сильных»), помещенное в *Великих Минеях Четьих*, как и вышеназванные статьи под 23 октября, является переделкой жития, написанного Симеоном Метафрастом, и что в «Убиении святого апостола Пакова, брата Господня по плоти» (нач.: «Препеник церкви по апостолах Паков, брат господень, нареченный от всех праведник», ВМЧ, 23 октября) имеются большие фрагменты, сходные с этим первым житием. Есть общие места с «Житием» и «Убиением» и в памятнике, озаглавленном «В той же день Мучение и похвала святого апостола Пакова брата Господня по плоти». Но «Житие» и «Убиение» не знают сказания о ссоре в семье Иосифа Обручника, а «Мучение и похвала», как это было отмечено, имеет это сказание в своем составе. Нужны дальнейшие исследования, чтобы установить историческую иерархию текстов об Пакове, их взаимоотношения и источники.

Об Пакове как первом перусалимском епископе и создателе литургии говорится в «Епистолии на римляны, в ней же сказание о Пакове брате Господни и о двюнадесяте апостолу, како переве поставление бысть в священный чин», тоже малоизученном произведении. Это — памятник антилатинской полемики, представляющий собой обширный трактат об опресноках. Наиболее ранние из дошедших русских списков «Епистолии» датируются XV в. Отдельные фрагменты «Епистолии», как например, «Сказание о 12 апостолу, и о латыне, и о опресноцех», обращаются самостоятельно в рукописной традиции. Здесь также желательны дальнейшие исследования соотношения текстов и их связей с другими памятниками, рассказывающими об Пакове.

Изд.: П о п о в А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 163—164, 189—190, 190—238; ВМЧ, Октябрь, дни 19—31, СПб., стб. 1793—1832; Ф р а н к о. Апокрифы. т. 2, с. 172; т. 3, с. XLVI—XLVII, LXIII, 185—191.

Лит.: П а в л о в А. С. Критические опыты по истории древнейшей прерусской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 80—81; П о р ф и р ь е в. Апокрифы новозаветные, с. 4, 102; Ф р а н к о Н. Святейший Климент у Корсуня. Причинок до историй старохристьяньской легенды // ЗИТШ, 1902, т. 46, с. 42.

Н. В. Понырко

Апокрифы о крестном древе — легенды о судьбе деревьев, из которых были сделаны кресты для распятия Христа и казнивших вместе с ним разбойников.

А. «о крестном древе, о дву кресту разбойничю и о лбе Адамы», приписывавшийся Григорию Богослову, или Григорию Двоеслову, представляют собой ряд легенд. Каждая легенда имеет законченный сюжет и самостоятельную историю возникновения. Содержание этой композиции таково: I. В начале А. излагается

конец *Апокрифа о Адаме и Еве*. Сиф, сын Адама, привнесит заболевшему отцу три прута (или один) от райского дерева, из-за которого Адам был изгнан из рая. Адам делает веночек, в котором его хоронят. Из венка пред воротами рая вырастает дерево. II. Из рая было изнесено дерево ангелом (или рекою Тигр) в землю Медиамскую. Сиф зажег его в память отца. Это был вечный огонь. Авраам послал к огню Лота, который в искупление своего греха посадил три головни и вырастил из них дерево. Люди, живущие рядом, поклонялись этому дереву как чудотворному. На кресте, сделанном из него, был распят праведный разбойник. III. Моисей в скитаниях привел народ к реке Мерре, вода которой оказалась горькой. Ангел указал ему дерево, вынесенное потоком из рая. Моисей посадил его крестообразно в реку, и воды ее стали сладкими. Выросшее дерево послужило для креста неверного разбойника. IV. Вопрос — как разделилось дерево в раю? Оно было трехчастным: одна часть Адама, вторая Евы, средняя бога. После грехопадения части Адама и Евы упали. Часть Адама попала в реку Тигр и ее сжег Сиф (в некоторых текстах вечный костер горел на берегу Нила). Евина часть была вынесена потом в землю Медиамскую и ею Моисей усладил воду. От господней части, оставшейся в раю, архангел дал прутья для венца Адама. V. Происхождение райского дерева таково: когда бог сажал райский сад, Сатанаил крал у него семена и просыпал их посреди рая. Бог сказал, что выросшее от его рук дерево будет на изгнание дьяволу. VI. Как собрались все три дерева в Иерусалиме? Соломон, получивший власть над демонами, строил храм. Для тябла ему было нужно большое дерево. Ему указали на дерево Моисея, но оно в непогоду упало в реку Иордан и пролежало там три лета. Его нашел дровосек Елисей, уронивший в реку свой топор. С большим трудом дерево доставили к храму, но оно оказалось коротко. Как чудотворное, его хранили в алтаре. Соломону показали дерево, выросшее из головней. Сломив сопротивление людей, поклонявшихся этому дереву, Соломон приказал его срубить и доставить в Иерусалим, но и оно не подошло. Дерево продолжало творить чудеса, оно обожгло Сивиллу, севшую на него. В одних текстах Сивилла проклинает дерево, в других — благословляет и предсказывает, что на нем будет распят Христос. Третье дерево по приказанию Соломона приносят демоны от ворот рая. Незаметно в его корнях они выносят череп Адама, который остается лежать в поле. VII. История обретения лба Адамля. Слуга Соломона, сопровождавший его на охоте, во время бури спрятался в пещере, оказавшейся не из камня, а из кости. Соломон понял, что это череп Адама и приказал перенести его в Иерусалим. Там он поклонился ему, как первому созданию бога, а затем приказал закидать его камнями, как первого ослушника. Так образовалась гора Голгофа (Литостратон), место, на котором распяли Христа. Кровь его окрестила лоб Адама. VIII. История двух разбойников. Спасаясь от Ирода, по пути в Египет Мария с младенцем попадает к разбойникам, у которых тоже есть младенцы. Одного из них она спасает от смерти, вскармливая его шесть дней,

пока не выздоравливает его мать. Младенцы тоже становятся разбойниками, которых Пилат приговаривает казнить вместе с Христом. Вскормленный Марией и есть разбойник праведный, прославивший Христа и попавший в рай. Дерево, выросшее из венца Адама, пошло на крест Христа.

В основе славянских и русских переводов «крестных» легенд лежат еврейские и греческие сочинения, оригиналы которых подчас не сохранились. Они отразились в других литературных памятниках и в сочинениях других авторов. Так, Иоанн Златоуст (337—407 гг.) и его современник Епифаний Кипрский обращались к сказанию о погребении на Голгофе Адама и о распятии на этом же месте Христа. О путешествии Сифа к вратам рая повествуется во второй части *Евангелия Никодима* (см.: Tischendorf C. Evangelia apocrypha. Lipsiae, 1859, p. 303—304). В греческих списках Никодимова Евангелия есть эпизод встречи святого семейства на пути в Египет с разбойниками. «Крестные» легенды отразились и в апокрифах, восходящих к древним источникам, например в вопросах и ответах *Беседы трех святителей*, или в *Откровении Варуха*, где рассказано о Сатанаэле, посадившем в раю виноградную лозу (виноград иногда считался запретным плодом), вынесенную потоком из рая. Возможно, что легенда о древе Моисея родилась из символики Моисеева жезла, о котором написано в еврейской книге Яшар. В христианской литературе жезл Моисея был осмыслен как прообраз креста. Об услаждении воды крестом, сплетенным из ветвей кинариса, цевга (сосны) и кедра, и о древе, выросшем из них, повествуется в апокрифе о Моисее (см. *Апокрифы о Моисее*), вошедшем в состав *Палеи Толковой* и *Хронографической* (текст см.: Толковая Палея по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихомирова. М., 1896, вып. 2, с. 256—257; Толковая Палея 1477 г. (Хронографическая): Воспроизведение Синодальной рукописи № 210 / Изд. ОЛДП. 1892, т. 207 об.—208). Дерево, которым Моисей усладил воды, упоминается в Послании митрополита иерусалимского Афанасия к Панкту, известном по списку Повтородской Кормчей XIII в. О древе, выращенном Лотом из головней, сообщается в греческой Хронике Михаила Глики (XII в.). Предание о главе Адама было известно в Иерусалиме, где его в XII в. слышал *Даниил игумен* и внес в свое *Хождение*.

«Крестные» легенды связывают события и персонажей Ветхого завета с новозаветными: древо изгнания становится древом спасения, кровь и вода из ребра Христа крестит и спасает Адама, ребро которого — Ева — стало источником гибели его, а самого Христа называют новым Адамом.

В славянской литературе А. существует в сербском, болгарском и русском изводах. Болгарская исследовательница А. Милтепова разделила списки Сказания о древе крестном на три группы-редакции: I. пач.: «Адам беше в Едеме пред дверми райскими, егда же приближи ся ему смерть, възболе велико»; II. «Адам беше пред дверми райскими, егда же приближи ся день его к смерти».

одержим бысть болезнию великою»; III. «Егда погребоша Адама с вещцом, иже свив возложи на главу свою от древе, от него же изгнан бысть». Однако в работе Милтеновой нет полного текстологического анализа, не указаны взаимосвязи этих редакций. Предварительное сравнение текстов указывает только на общность и порядок расположения сюжетов, текстуально же памятники скорее всего независимы. Так, группы I и II, возможно, являются разными переводами, или даже переводами разных оригиналов. Таким образом, нет оснований считать эти тексты редакциями. Вопрос о взаимоотношении списков и проблема редакций памятника требуют дальнейшего исследования.

Наиболее ранние списки I группы датируются XIV в. Они представлены в сербском и болгарском изводах: сербская рукопись третьей четверти XIV в. Народной библиотеки в Белграде № 104 (утраченная) и болгарские рукописи XIV в. — ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1700 и конца XIV—нач. XV в. БАН, 13.6.13. Самая ранняя русская рукопись этой группы — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 794, XVI в. Возможно, что именно в XVI в. этот тип текста появился на Руси. Две рукописи, представляющие II группу, — сербские: сборник XV в. собр. Григоровича № 112 (II) Гос. б-ки Одессы и рукопись сер. XVII в. из Народного музея в Праге № IX.H.16 (S 19), обе ресавского правописания. III группа представлена в работе Милтеновой сборниками XVI—XVIII вв. Однако она не упоминает о русском списке ГБЛ, собр. Румянцев, № 358, XV—XVI в., опубликованном А. П. Пыпиным (ПЛ, вып. 3, с. 81—82). Кроме того, в сборнике *Ефросина* ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11/1088, XV в., л. 196—197 об. читается легенда об обретении головы Адама (см.: К а г а н М. Д., П о н ы р к о Н. В., Р о ж д е с т в е н с к а я М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980, т. 35, с. 175). Таким образом, III вид текста появляется на Руси в конце XV в., возможно, что этот тип текста и сложился на русской почве. В XVII в. текст I и III видов встречается отдельно в рукописных сборниках и в составе Палей.

Другим произведением о крестном древе является «Слово о древе спасенного креста, где обретется и како бысть», приписанное Севериану, епископу Гевальскому, современнику Иоанна Златоуста. По свидетельству самого памятника, это слово известно из древнего повествования «шекогю жидовина», обретенного в Вирите (Бейруте). В слове рассказано только об одном древе, выращенном Лотом из головней и срубленном для храма Соломона. Дерево, казавшееся на земле длинным, будучи поднятым на крышу, становилось коротким. Оно лежало в церкви и служило скамейкой, однако царица Сивилла отказалась сесть на него, провидя, что на этом древе будет распят Христос. Тогда дерево поставили в церкви и обложили 30 серебряными обручами по 30 сребренников каждый. Один из обручей и получил Иуда, предавший своего учителя. Слово Севериана Гевальского очень близко по сюжету к Слово Григория Богослова, однако оба они самостоятельны

по своему происхождению и скорее всего восходят к каким-либо общим источникам. Слово Севериана, известное в русских рукописях XV—XVI в. (см., например, рук. ГБЛ, собр. Румянцева, № 451, нач. XV в.), не считалось запрещенным и было помещено в Макариевских *Великих Минеях Четиих* под 14 сентября в подборке, посвященной празднику Вознесения креста (ВМЧ: Сентябрь, дни 14—24, СПб., 1869, стб. 763—766). Здесь же, в «Слове Григория, архиепископа Российского на Воздвижение честнаго креста» использован один из мотивов апокрифа Григория Богослова — о Елисее, нашедшем древо в реке.

Апокриф «о крестном древе и лбе Адама» значится в *Списках отреченных книг*. Древнейший русский список индекса читается в пергаменной рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 31, XIV в., л. 186—187 (текст опубли. И в п и н А. И. Для объяснения статьи о ложных книгах // *ЛЗАК*. СПб., 1862, вып. 1, с. 26—27, 38—40). В индексах автором апокрифа назван болгарский поп Иеремия, которому приписаны и другие апокрифы — «Как Христос плугом орал», «Как Пров Христа братом назвал», «Поставление Христа в иереи», «Послание Авгаря к Иисусу» и др. М. И. Соколов убедительно доказал, что отождествление этого попа Иеремии и ересиархом Богомилом неправомерно и что в приписанных ему апокрифических произведениях нет богомильских взглядов. Болгарский исследователь И. Иванов также не включает эти произведения в репертуар богомильской литературы (см.: И в а н о в И. Богомильски книги и легенди. София. 1925 (фототип. переизд. София, 1970)). В работах В. Ягича (1868 г.), А. Н. Веселовского (1872 г.), М. И. Соколова (1888 г.) опубликован и исследован текст обширной компиляции Иеремии по спискам болгарскому и сербскому XIII—XIV вв., русскому XIV в., хорватскому глаголическому XV в. И хотя главное содержание апокрифа составляет история древа для распятия Христа и разбойников, текст компиляции Иеремии отличается от Слова Григория Богослова и текстуально, и большим количеством дополнительных эпизодов (Исход Моисея, Медный змей, разбойники Амвросий и Еерон, Давид показывает Соломону восковую модель храма, орлы Соломона и др.). «Нельзя не признать, — писал М. И. Соколов, — что есть много общего между словом Григория, а также и Севериана, с одной стороны и . . . компиляцией (Иеремии) — с другой, в сказаниях о приспособлении крестного древа для постройки Соломонова храма. Но также очевидно, что наш компилятор не мог составить своего сказания на основе слов Григория и Севериана, равно как и наоборот. Отсутствие буквальных совпадений в сказаниях свидетельствует, что между ними нет прямой взаимной зависимости на почве славянских текстов. Все три сказания могут быть только возводимы в некоторых своих чертах к одному общему первоначальному источнику, который не известен» (С о к о л о в. Материалы. . . , с. 157).

В. Ягич предполагал, что славянский текст апокрифов Иеремии возник не позднее X—XII в. в Болгарии. В древнерусской

литературе эта компиляция в полном виде встречается редко, хотя отдельные ее части переписывались как самостоятельные произведения. По замечанию Соколова, история обретения главы Адама из компиляции Иеремии (череп нашел Христос, из-за него спорили два царя, один из них поместил его при воротах своего дома и входил в него в сопровождении шести приближенных) может с некоторой натяжкой быть соотнесена с индексом («Лоб Адамль, еже 7 царев сидело в нем»). Обретение главы Адама из Слова Григория Богослова к сюжету, упомянутому в индексе, не подходит. Компиляция Иеремии оказала некоторое влияние на Слово Григория Богослова. Так, в некоторых поздних списках легенда о разбойнике, вскормленном Богородицей, заменена легендой из компиляции Иеремии о разбойнике по имени Спутник, стерегущем крестное древо в ожидании распятия Христа (ГПБ, Солов. собр., № 925, л. 17, XVII в., П о р ф и р ь е в. Апокрифы ветхозаветные, с. 100—101).

Сюжеты А. о крестном древе, известные на Руси в списках XV в., находят аналогии в исторических хрониках этого же времени: *Палее Исторической* («Книге бытия небеси и земли»), где читается легенда о древе Лота (ЧОИДР, 1881, кн. 1, с. 48—49), и в более поздней Сокаращенной Палее русской редакции, где рассказано о древе Моисея (там же, с. 50). Но особенно популярным в древнерусской литературе, изобразительном искусстве и народной поэзии был сюжет о главе Адама. Русский читатель находил его в Синаксарных чтениях Постной Триоди на святой великий пяток, где им завершалась история осуждения и распятия Христа. Там же упоминалось о создании Соломоном Литостратона и о роли древа, которым был спасен падший от древа Адам. *Максим Грек*, опровергая утверждение *Луцидариуса*, что Адам умер в Иерусалиме и погребен в Европе, ссылается на сочинение, приписанное св. Афанасию, рассказывающее, что глава Адама принесена была потопом от востока и попала на Голгофу. На иконах изображалось распятие над черепом Адама. Главе Адама и кипарисовому кресту посвящены стихи «Голубиной книги».

Некоторые мотивы «крестных» легенд отразились в украинских народных рассказах и песнях (С у м ц о в Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, с. 85—89). Эти же легенды широко распространены и очень разнообразны в западноевропейской средневековой литературе.

Изд.: И.Л. СПб., 1862, вып. 3, с. 81—82; Т и х о н р а в о в. Памятники, т. 1, с. 305—308, 308—313; П о п о в А. Первое прибавление к Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875, с. 31—44; П о р ф и р ь е в. Апокрифы ветхозаветные, с. 47—50, 96—99, 101—103.

Лит.: Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, с. 489; J a g i ć V. 1) Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga // Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. U Zagrebu, 1868, kn. 9, s. 91—104, 2) История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871, с. 100—102, 106—109; П о р ф и р ь е в И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 105—115, 132, 138—141, 165—166; В е с е л о в

с к и й А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. 10. Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных древах // Прилож. к т. 45 Зап. имп. АН. СПб., 1883, с. 365—417; М о ч у л ь с к и й В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, с. 157—165; С о к о л о в М. И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. Компильция апокрифов болгарского попа Иеремии. М., 1888, гл. V, с. 72—211; М и л т е н о в а А. Текстологически наблюдения вверху два апокрифа. (Апокрифен цикъл за кръстното дърво, приписан на Григорий Богослов, и апокрифа за Адам и Ева) // Старобългарска литература. София, 1982, кн. 11, с. 35—55.

М. Д. Каган

Апокрифы о Соломоне — памятники славянской и русской литературы, посвященные библейскому царю Соломону. Обширный комплекс А. включал рассказы о Соломоне и «дивием звере» Китоврасе, человеке с двумя головами, жившем «под землею», о Соломоне и царевне, о Соломоне и «ужичкой царицы» (Малко-тошке) и о судах Соломона; к этому же комплексу примыкала и *Повесть о царе Адариане*, пожелавшем зваться богом, рассказанная от имени царя Соломона. Образцом для «Судов Соломона» был, очевидно, библейский рассказ (Третья Книга Царств, III, 16—28) о споре двух блудниц из-за младенца: царь разрешал их спор тем, что приказывал рубить «отроча» — та, которая предпочитала отказаться от ребенка, чем убивать его, оказывалась настоящей матерью. Многие А. восходили, по-видимому, к античным и средневековым восточным источникам — некоторые из них имеют параллели в талмудической литературе. Уже в XIV в. «О Соломоне цари басни и кощюпы и о Китоврасе» включались в южнославянские и русские *Списки отреченных книг*.

Наиболее древним из известных нам текстов А. является тот комплекс, который дошел в составе *Палеи Хронографической* полной и в дополнительных статьях к Палее (например, в Палее ГИМ, собр. Уварова, № 1304/85, XVI в.). Особая редакция Палеи, включающая А., была помещена в сборниках книгописца конца XV в. *Ефросина*. В сборниках Ефросина сохранилась также особая версия сказаний о Соломоне и Китоврасе, не входящая в Палею. В XVI в. А., по-видимому, специально исключались (вырезались) из рукописей Палеи. В XVII в. интерес к А. вновь возрождается в русской письменности — появляются новые сказания о Соломоне, его жене и Китоврасе.

«Суды Соломона», читающиеся в Палее, включают библейский рассказ о споре из-за младенца и ряд апокрифических сюжетов: спор трех сыновей о завещании отца (царь объясняет им символический смысл отцовского завещания), спор трех спутников об украденных одним из них кошельках с золотом (царь рассказывает им притчу о невесте, двух женихах и разбойнике — похитителем оказывается тот спутник, которому больше всех нравится поступок разбойника), испытание «мысли мужской и женской» (царь тайком предлагает мужу убить жену, а жене мужа — муж отказывается, а жена соглашается), спор законного сына и самозванца (кровь законного сына впитывается в кость отца), спор семерых

детей о наследстве (все, кроме одного сына, соглашаются раскопать гроб отца — царь догадывается, что шестеро детей прижаты матерью «с блудными мужи»).

Важнейшее место среди А. занимают сказания о сказочном звере Китоврасе. «Дивий зверь» Китоврас славянских сказаний генетически связан с талмудическим демоном Асмодеем, греческим кентавром или индийским духом — гандавром (от одного из двух последних названий происходит и имя Китоврас). Вместе с тем его сюжетная роль близка к роли Морольфа или Мархольта из западноевропейских средневековых сказаний о Соломоне и Морольфе: как и Китоврас, Морольф — грубое существо, оказывающееся, однако, в ряде случаев пронизательнее царя Соломона.

Сказания о Китоврасе в *Палее Толковой* начинаются без всякого объяснения, кто это такой: ясно только, что Китоврас — не человек, а «дивий зверь», какое-то могучее существо. Собираясь строить Иерусалимский храм, Соломон испытывает нужду в помощи Китовраса и посылает своих бояр ловить его. Налив вино в колодцы, из которых пил Китоврас, бояре подпавают Китовраса и сковывают его «ужем железным», на котором написано имя божие. Пойманный Китоврас обнаруживает нечеловеческую мудрость: увидев человека, выбирающего себе сапоги на семь лет, и гадателя, он смеется; увидев свадьбу, плачет. Лишь потом он объясняет причину своего поведения: человеку, выбравшему сапоги, осталось жить семь дней; скорая смерть ждала и жениха, а гадатель не догадывался, что сидит на земле, под которой спрятано золото. Китоврас помогает царю захватить у птицы «ногот» (грифа), драгоценный камень «шамир» (алмаз), чтобы тесать без помощи железа камни для построения храма. После того как храм построен, Соломон говорит Китоврасу, что его сила не больше человеческой, раз его сумели поймать люди. Китоврас просит снять с него цепи и дать перстень; освободившись, он забрасывает царя на край земли обетованной, где Соломона пришлось разыскивать мудрецам и книжникам. Далее в А. палейной редакции Китоврас упоминается только в связи с рассказом о двухголовом человеке, подаренном Соломону Китоврасом.

Наряду с А., сохранившимися в Палее, уже в XV в. был известен и отдельный краткий рассказ о Соломоне и Китоврасе, также (наряду с текстами из Палеи) помещенный помещенным книгописцем Ефросином в одном из его сборников. Здесь тоже поймать Китовраса помогает вино, налитое в колодцы, но главную роль при этом играет жена «борзого зверя», спрятанная Китоврасом в ухе, но ухитрившаяся сообщить юноше, своему любовнику, местонахождение колодцев, из которых пьет Китоврас. По-иному заканчивается в отдельном рассказе и пребывание Китовраса в плену у Соломона. Царь спрашивает зверя: «Что есть узорчнее (прекраснее всего) во свете семь?» «Всего есть лучши своя воля» — отвечает Китоврас и вырывается «на свою волю».

В кратком рассказе, помещенном у Ефросина, упоминается, что Китоврас был, возможно, сыном царя Давида («глаголют его,

яко царев сын Давидов») — следовательно, братом Соломона. Эта подробность сюжета связывает рассказ с изображением на Васильевских вратах XIV в. из Новгородской Софии (перенесенных *Иваном IV* в Александрову слободу), в надписи к которому указано, что Китоврас бросил «братом своим на обетованную землю». Следовательно, заключительный эпизод палейного А., как и легенда о Китоврасе — брате Соломона, была известна на Руси уже в XIV в.

Наиболее поздно, в XVII в., появились на русской почве апокрифы, в которых жертвой женского коварства оказывается не Китоврас, а сам Соломон — «Повести об увозе Соломоновой жены».

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 51—71; Тихомиров. Памятники, т. 1, с. 254—272; L u g i e J. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV siècle // Revue des études slaves, 1964, t. 43, p. 7—12; ПЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 66—86.

Лит.: Пыпин А. Н. Старинные сказки о царе Соломоне: Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1855, с. 262—284; Веселовский А. Н. 1) Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872 (переизд. в кн.: Собр. соч. А. П. Веселовского. Пгр., 1921, т. 8, вып. 1); 2) Новые данные к истории Соломоновых сказаний // Прилож. к т. 40 Зап. АН. СПб., 1881; Сперанский М. П. Заметки о рукописях Белградских и Софийских библиотек // Изв. Ист.-филол. ин-та в Нежиге. 1898, т. 16, с. 61; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 321—322, 327—331; Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 260—261.

Я. С. Лурье

Аристотелевы врата см. Тайная Тайных.

Арсений (ум. 2 III 1410 г.) — епископ Тверской, автор Арсеньевской редакции *Патерики Киево-Печерского*. Согласно Житию, после смерти родителей наследство раздал нищим и, удалившись в Киево-Печерскую лавру, постригся в монахи. Там на него обратил внимание митрополит *Киприан*, взял его с собой в Москву и сделал «своим протодьяконом». 24 июля 1390 г. он рукоположил его в епископы г. Твери на место Евфимия Висленя, которого был вынужден сместить вследствие жалоб тверского великого князя Михаила Александровича. При А. в тверских землях (в Твери и династически и церковно едином с ними Кашине) обживилось прерванное московско-тверской войной 1375 г. летописание (см. тверские и кашинские известия в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской*). В 1390 г. А. венчал в тверской церкви Спаса младшего сына Михаила Александровича Федора, которого отец женил «на Москве у Федора Андреевича у Кошки» (ПСРЛ. Пг., 1922, 15, вып. 1, с. 160); в 1394 г. воздвиг церковь в селе Желтикове «на рече на Тмаце во имя Феодосия и Антония» Киево-Печерских и создал Желтиков монастырь (там же, с. 164); в 1396 г. присутствовал в Москве на поставлении Григория на ростовскую епископию; в 1398 г. освятил возведенную Михаилом Александровичем «на Новом Городку» (в Городце) каменную церковь архистратига

Михаила; год спустя вместе с Михаилом Тверским встречал и ставил в церкви Спаса присланную из Константинополя от патриарха икону Страшного суда, а затем постриг умиравшего князя в монахи и похоронил его (там же, с. 165—176). В 1401 г. А. участвовал в московском соборе девяти владык (кроме него, там были новгородский, черниговский, ростовский, суздальский, рязанский, тверской, сарский и подонский, коломенский и луцкий) во главе с митрополитом Киприаном, судившем новгородского архиепископа *Иоанна* и луцкого епископа Савву. В том же году А. выступал посредником-миротворцем между князем Василием Михайловичем Кашинским и великим князем Иваном Михайловичем Тверским, захватившим спорные земли. Два года спустя А. освятил построенную Иваном Михайловичем в Городке каменную церковь Пиколы; тогда же (1403 г.) венчал в Твери сына Ивана Михайловича Ивана; в 1404 г. заложил и через два года освятил каменную церковь Успения Богородицы в Желтикове монастыре; еще через год пристроил к ней притвор со стороны р. Тмаки. При А. в 1399 г. князем Михаилом Александровичем была обновлена тверская церковь Спаса Вседержителя, а в 1406—1407 гг. была расписана церковь архистратига Михаила в Городке. Таким образом, на протяжении всего своего епископства А. действовал как энергичный пастырь и организатор. В посвящении церковей основанного им Желтикова монастыря Успению Богородицы и Феодосию и Антонию Печерским можно видеть проявление некоторой его ностальгии по месту пострига.

В 1406 г. «замышлением епископа Тферьскаго» был создан древнейший из дошедших до нас списков Киево-Печерского патерика (ГПБ, Q.п.І.31), содержащий названную по имени А. «Арсеньевскую» его редакцию (известно 26 ее списков). А. А. Шахматов полагает, что эта редакция была создана независимо от реконструируемой Основной, хотя создатель ее руководствовался той же целью: «положив в основание Патерика сочинения Симона и Поликарпа, дополнить их статьями однородного содержания» (Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // ИОРЯС, 1897, кн. 3, т. 2, с. 836—837). Арсеньевской редакции свойствен также ряд особенностей состава, композиции и содержания, некоторые асти Патерика в ней опущены, некоторые переставлены, некоторые заменены. В частности, опущены некоторые фрагменты Жития Феодосия Печерского, эпистолярная часть Посланий *Симона* и *Поликарпа*, Житие иконописца Олимпия; место рассказов о затворниках Никите и Лаврентии заняли повествования о целителе Агапите и чудотворце Григории, людях социально активных. В целом памятник стал более жанрово-однородным, более «общерусским» (менее «местным» киево-печерским) и отразил, как считают, новый нравственный идеал эпохи, сочетавший монашескую созерцательность с энергичной общественной деятельностью (см.: Патерик Киево-Печерский).

А. умер, очевидно, после инсульта («поболел главою»), разбитый параличом и потерявший дар речи. Похоронен в основанном

им Желтиковом монастыре. Его смерти и погребению посвящен летописный рассказ, древнейший вид которого сохранился в списке второй половины XV в. в составе второй подборки летописного материала в рукописи ГПБ, F.IV.603 (от этого текста зависит повествование летописей *Новгородской IV* и *Авраамки*, летописных подборок в сборниках ГБЛ, собр. Фадеева, № 24 и ГПБ, собр. Погодина, № 1596, а также позднейших летописей). Поэтические места этого рассказа (о параличе, смерти и погребении) стилистически родственны *Слову о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского* и произведениям, надписанным именем *Епифания Премудрого*, в первую очередь *Житию Стефана Пермского*.

В 1483 г. были открыты мощи А. и установлено местное празднование его памяти. По благословию тверского епископа *Васиана* инок Желтикова монастыря *Феодосий* написал Службу А. (канон, стихирь и, очевидно, молитву; см. Сборники служб середины XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, и ГБЛ, собр. Лукешевича, № 56, где указано имя автора — Феодосия), а также, вероятно, Житие Арсения. В каноне об А., в частности, говорится: «Благородием высок и благодушием изящен, разума мудростию удивлен бысть»; автор просит Христа, вняв молитвам А., помочь христианам в борьбе с варварами: «. . .молитвами твоего угодника жизнь умири всем, Слове, христианом, пособствуя на варвары. . .» (ГБЛ, ф. 310, № 104, XVI—XVII вв., л. 90). В XVII в. по благословию патриарха Никона при тверском архиепископе Лаврентии было постановлено праздновать день перенесения мощей А. (2 июля) и в 1655 г. была написана служба для этого праздника, а к Житию А. приложено Похвальное слово.

Лит.: Успенский В., Целепи Л. Святыи Арсений, епископ Тверский (Выпись из Царственного летописца). Град св. Петра, 1903; Колосов В. И. Родина святителя Арсения, епископа Тверского // Твер. епарх. вед., 1904, № 3, с. 77—81, № 7, с. 251—262; Виноградов И. А. Святой Арсений, епископ Тверской. Тверь, 1909; Конявская Е. Л. Арсеньевская редакция Киево-Печерского патерика // Вестн. МГУ, Сер. 9. Филол., 1983, № 2, с. 3—11.

Е. Л. Конявская, Г. М. Прозоров

Арсений Высокий (2-я пол. XVI в.) — книгохранитель библиотеки вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, составивший в 1584 г. указатель уставных чтений в монастыре на каждый день года. Труд А. представляет интерес как один из старейших по библиографии, созданных в Древней Руси: А. обычно указывает, из какого источника он заимствовал те или иные сведения, дает название рукописи, сообщает о ее формате, переплете, приводит иногда начальные слова своего источника и др.

Рукопись А. представляет собой небольшую книжку в 16° (заглавие отсутствует, нач.: «Всемилоствиваго спаса и пречистые богородицы и великаго чудотворца Дмитрия во обители Прилуцкого монастыря избран указец. . .»), которая была обнаружена И. А. Шляпкиным среди рукописей вологодской семинарии.

О своей находке И. А. Шляпкии сообщал в 1893 г. в докладе на заседании Общества любителей древней письменности, а затем в 1914 г. издал рукопись под названием «Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого». К изданию приложены фотографические снимки с л. 97 и 98 рукописи.

Изд.: Шляпкии И. Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высокого 1584 г. СПб., 1914, ПДПИ, № 184; (рец.: Е-в-д-о-к-и-м-о-в-И. — Русский библиофил. Пг., 1914, № 6, с. 63—64; П-о-л-я-к-о-в-А. — Библиографические известия. М., 1914, № 3—4, с. 301—302).

Лит.: Протоколы комитета и общих собраний имп. ОЛДП, 1892 / 1893 г. СПб., 1893, с. 17; Никольский И. Рукописная книжность, с. 78.

М. А. Салмина

Артемий (XVI в.) — игумен Троице-Сергиева монастыря, видный русский публицист. Годы рождения и смерти, мирское имя, происхождение неизвестны. Местом пострижения в монахи был либо Псково-Печерский, либо Корнильев вологодский монастырь. Длительное время находился в Порфирьевой пустыни близ Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь, в атмосфере Заволжья, пропитанной идеями *Нила Сорского*, сложилось мировоззрение А. как идеолога нестяжательства. Из Порфирьевой пустыни в 1551 г. по повелению царя А. был вызван в Москву и поставлен в игумены Троице-Сергиева монастыря. Перемена в судьбе А. была связана с намерением *Ивана IV* поставить на Стоглавом соборе (см. *Стоглав*) вопрос о секуляризации монастырских земель: готовясь к проведению этой важной меры, царь нуждался в единомышленниках. В 1552 г. А. самовольно оставил Троице-Сергиев монастырь и возвратился в Порфирьеву пустынь; к этому шагу его побудило, вероятно, несоответствие между его личными нестяжательскими взглядами и стяжательскими традициями монастыря, одного из крупнейших феодалов России. Иосифлянское руководство русской церковью, стремившееся к расправе со своим противником, в 1553 г. в связи с процессами *Ивана Висковатого* и Матвея Башкина добилось привлечения А. к суду на первых порах в качестве свидетеля, а затем и обвиняемого. По приговору соборного суда, признавшего А. виновным в еретичестве, он ссылается в 1554 г. в Соловецкий монастырь для пожизненного заключения. Вскоре А. бежит с Соловков и появляется в Литве вместе с осужденным за ересь в 1555 г. Феодосием Косым.

Из литературного наследия А. сохранилось шестнадцать посланий, из которых пять (два адресованных царю и три — неизвестным единомышленникам) относятся к московскому периоду его жизни, девять — к литовскому, когда мировоззрение А. значительно изменилось.

В московский период А. во многом являлся последователем *Нила Сорского*. Идеальной формой монашества он считал особножитие, которое в его понимании было равнозначно скитничеству, пропагандируемому *Нилом Сорским*. Подобно *Нилу Сорскому* путь к устранению пороков монашества А. усматривал в личном самоусовершенствовании иноков, но если *Нил Сорский* делал

акцент на внутренней борьбе со «страстными помыслами», то А. главным считал «дела» человека — исполнение им «заповедей господних». Исходя из этого, он придавал мало значения церковной обрядности и полагал, что не исполняющим «заповеди господни» не могут помочь ни посты, ни молитвы, ни «бдение протяженное», ни церковное украшение. Важнейшей из заповедей А. считал евангельскую заповедь любви — любви к богу и любви к ближнему. Следствием признания главенствующей роли заповеди любви явилась широкая терпимость А. в отношении еретиков. Он считал, что к заблуждающимся и сомневающимся, если сомнение происходило от «неведения», следовало относиться с кротостью, даже в тех случаях, когда сомнению подвергались не только «обычай» (обряды), но и догматы. В силу этого убеждения А. ересь Матвея Башкина, отрицавшего, в частности, догмат троицы, рассматривал как «ребячье» мудрствование, имевшее место от неведения. Так, призыв гуманно («с кротостью») относиться к заблуждающимся и широкая трактовка А. понятия заблуждения приводили в применении к условиям Русского государства XVI в. к отрицанию не только казней еретиков, но и самого понятия еретичества. Большое место в системе взглядов А. занимала тема «книжного учения». Повторяя слова Пила Сорского о том, что «писания много, но не вся божественна суть», А. полагал, что для того, чтобы разобратся в истинности Писания, следует учиться, и разум приобретает человеком только посредством учения. Правда, говоря о необходимости учения, А. имел в виду познание «разума божественных писаний», т. е. изучение человеком св. Писания. Однако несомненно, что призыв к книжному учению должен был способствовать объективно распространению грамотности и пробуждению самостоятельной мысли в широких кругах русского общества. Большой интерес имеет высказывание А. о соотношении «телесного» и «духовного» — «. . . вся духовная от телесных рождаются, якоже от нага зерна клас, тако бо предваряют духовных всегда телесная. . .», — представляющее собою по существу утверждение первичности материального начала и зависимости от него духовного. Публицистическая деятельность А. содействовала появлению ростков вольномыслия, и не случайно Феодосий Косой, наиболее радикальный из еретиков Древней Руси, был учеником А.

В литовский период своей жизни А. перешел на позиции защиты православия и обличал другие вероисповедания, а также ереси.

Изд.: Послания старца Артемия, XVI в. // РИБ. СПб., 1878, т. 4.

Лит.: Занков П. М. Старец Артемий, писатель XVI в. // ЖМНП, 1887, № 11, с. 47—64; Садковский С. Артемий, игумен Троицкий // ЧОИДР, 1891, кн. 4, отд. 3, с. 1—143; Вилинский С. Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906 (рец.: Мочульский В. Н. — Зап. Новорос. унив. Одесса, 1907, т. 107, ч. 2, с. 415—423; Истрин В. М. — там же); Будовиц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947, с. 262—270; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 153—168; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—1-й пол. XVI в.

М., 1960, с. 263—266, 269, 339—340, 364—365; М а i н к а R. 1) Des Starzen Artemij Polemik gegen die zehn Gebote: Aus der Auseinandersetzung der russischen Orthodoxen mit den Lutheranern Litauens im 16. Jahrhundert // Ostkirchliche Studien, 1964, Bd 13; 2) Der Konflikt des Starzen Artemij mit der russisch-orthodoxen Kirche // Ibid., 1966, Bd 15, H. 2/3, S. 3—34, 113—129; К а з а к о в а Н. А. Нестяжательство и ереси // Вopr. научн. атеизма. М., 1979, сб. 25.

Н. А. Казакова

Афанасий (в миру Андрей) (нач. XVI в.—между 1568—1575 гг.) — митрополит Московский, автор *Жития Даниила Переяславского*, возможный автор Степенной книги. Родом из Переяславля Залесского, ученик Даниила Переяславского, около 1530 г. священник соборной церкви Переяславля. В 1549—1550 г. переведен в Москву, стал царским духовником и протопопом придворного Благовещенского собора. В качестве царского духовника не раз упоминается в официальных летописях времени *Ивана Грозного*: в 1552 г. он благословил царя на поход к Казани и сам участвовал в этом походе, беседовал с царем накануне штурма, причащал его в день штурма, закладывая в Казани первую православную церковь Благовещения; в 1554 г. крестил царевича *Ивана Ивановича*, в 1556 г. — царевну Евдокию, в 1561 г. оглашал к крещению Марию Темрюковну (ПСРЛ. М., 1965, т. 29, с. 96, 105, 107, 109, 110, 191, 201—205, 224, 228, 291). В 1555 г. А. участвовал в посвящении первого казанского епископа Гурия. В 1562 г. А. был пострижен в Чудовом монастыре.

А. принадлежал к литературному кружку митрополита *Макария* и участвовал в его обширных предприятиях. Он, вероятно, был близок Макарию и правительству «Избранной рады». В 1553 г. А. вместе с *А. Ф. Адашевым*, *А. М. Курбским* и Мстиславским передал царю послание *Максима Грека*. В 1555—1556 гг. Макарий взял А. в помощники себе при поновлении образа Николая Великоряцкого (ПСРЛ. СПб., 1856, т. 7. с. 238, 239; т. 29, с. 237, 249). По поручению царя А. навещал Макария во время его предсмертной болезни и передал царю письменную просьбу Макария об удалении в молчальное житье — что было отклонено царем. А. распорядился организацией похорон Макария и стал его преемником на митрополичьей кафедре.

24 февраля 1564 г. А. избран, а 5 марта того же года поставлен русским митрополитом. При отъезде из Москвы накануне введения опричнины Иван IV не взял его с собою; именно А. адресовано известное послание царя в Москву от 3 января 1565 г. с изложением причин, заставивших его покинуть царство. Посольства от имени москвичей в Александрову слободу, принявшие условия введения опричнины, отправлялись официально по поручению митрополита. Однако сам А. опричного террора не одобрял: вопреки воле царя он обращался к нему с ходатайствами за опальных и даже смог «отпечаловать» у него боярина И. П. Яковлева и князя М. И. Воротынского (подпись и печать А. имеются на их крестоцеловальных записях царю — ЦГАДА, Древлехр., ф. 135,

отд. III, рубр. II, № 30, 35). Шлихтинг сообщает, что А. пытался удерживать царя от кровопролития. Возможен и конфликт между А. и царем в связи с отменой в июне 1564 г. податных привилегий митрополичьего дома.

19 мая 1566 г. «Афанасей митрополит всеа Русии, оставя митрополию за немощию велию, шел с митрополича двора в монастырь к Михайлову Чюду» (ПСРЛ, т. 29, с. 350). За этой официальной формулировкой угадывается начавшееся столкновение Ивана IV с руководством церкви. Относительно спокойный период их взаимоотношений при предшественнике А. был позади, впереди было их трагическое столкновение, закончившееся гибелью преемника А. — Филиппа II. А. еще смог покинуть свой пост, сохранив жизнь. В июле 1566 г. он даже выполняет по приказанию царя ответственную иконописную работу — поновляет икону Владимирской богородицы (там же, с. 355). Это последнее летописное известие об А. Возможно его участие в создании миниатюр *Летописного свода Лицевого*.

А. написал Житие Даниила Переяславского и его сокращенную переработку для Степенной книги — «Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском». Оба сочинения написаны, по-видимому, в 1562—1563 гг. (первое, по С. И. Смирнову, между 1556—1562 гг.).

Текст Жития издан С. И. Смирновым, сохранился в списках ГИМ, Синод. собр., № 926 (XVI в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 301 (1663 г.). Текст Сказания дошел в списках Степенной книги и был издан в ее составе Г. Ф. Миллером в 1775 г. и П. Г. Васенко в 1913 г. Все исследователи отметили близость биографа к Даниилу, простоту изложения и сравнительно небольшое влияние на это сочинение обязательных агиографических форм (в Сказании это влияние чувствуется еще меньше, чем в Житии). Рассказ А. изобилует бытовыми деталями, подлинными именами. В начале памятника указывается, что автор принялся за свой труд после неоднократных повелений Ивана IV и митрополита Макария. Имя автора в тексте не названо, но оно вполне однозначно выясняется из сообщаемых им о себе сведений, поэтому сделанная П. Г. Васенко атрибуция не вызывает сомнений. Степенная книга, включив в свою 16 градь целиком Сказание, в 17-й гради, в рассказе о Казанском походе, использует и Житие, что приводит к значительным повторениям. Как установил недавно П. И. Веретенников, А. принадлежит также похвальное слово на перенесение мощей Николая Чудотворца, изданное Е. В. Барсовым, — «многогрешнаго, и грубаго, и недостойнаго прозвитера Андрея, бывшаго причетника и клирика соборныя церкви и апостольския в русских странах преименитаго града Москвы слово похвално. . .».

П. Г. Васенко убедительно доказывает, что А. является также автором одного из самых знаменитых литературно-исторических памятников XVI в. — Степенной книги («Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших

богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от Бога, яко райская дресеа насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же благодатию возрастаеми, и божественною славою осияеаеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождем, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеаем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к богу восход утвердиша себе же и сущим по них»).

Степенная книга доводит последовательное изложение русской истории до конца 7068 г. (август 1560 г.), однако в ее тексте есть упоминания о двух событиях, датируемых летом 1562 г. и февралем 1563 г. По многочисленным реалиям можно отнести начало создания протографа Степенной книги к 1560 г., конец — ко времени от марта до декабря 1563 г.

Хотя автор (составитель) Степенной книги нарочито не называет своего имени, есть ряд серьезных свидетельств в пользу авторства А. Так, в 21-й главе 15-й грани («О явлении на воздухе святаго великаго князя Александра Невского и о пожаре») автор сообщает, что во время казанского похода он получил чудесное исцеление от гроба Александра Невского; в передающем тот же текст Шумиловском томе Лицевого свода имя указано — «Афанасий сиггел Благовещенский» (ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 230). Степенная книга неоднократно упоминает о различных событиях, участником или свидетелем которых был А., каждый раз отмечая его присутствие иносказательно; пропуск имени А. в этих текстах П. Г. Васенко считает традиционным проявлением авторской скромности, анонимности. Влияние А. видится и в непропорционально большом внимании, уделенном в Степенной книге его учителю Даниилу Переяславскому. Наконец, древнейший и наиболее авторитетный Чудовский список имеет на л. 3—8 запись скорописью XVI в.: «Книга Чюдова монастыря, собрана смиренным Афанасием митрополитом всеа Русии».

При создании Степенной книги привлекался значительный круг источников, в первую очередь летописных и агиографических, включая жития, похвальные слова святым, сказания о чудесах от икон. Главный летописный источник — *Летопись Никоновская* и ее продолжения, в том числе *Летописец начала царства*, использованные, как определил Б. М. Клосс, по Патриаршему списку 50-х гг. XVI в. (БАН, 32. 14. 8). Все источники подвергались А. умелому сокращению и редактированию, что привело к созданию «степенных» редакций ряда известных памятников и к определенному стилистическому единству Степенной книги. При этом некоторые агиографические произведения (*Житие Ольги*) впервые включались в летописный контекст.

Возможно, что памятники, содержащие краткие описания правлений русских князей, собранные по «степеням», «граням»

в соответствии с их генеалогией, существовали и до А. Хотя высказывавшиеся ранее аргументы в пользу существования «киприановской» Степенной книги не выдерживают критики, не исключено, что огромное предприятие А., замысел которого во многом принадлежит Макарию, имело частичных предшественников иного масштаба и характера. Так, возникновение замысла Степенной книги находится в определенной связи с генеалогическими выкладками *Сказания о князьях Владимирских* и с русскими главами *Хронографа Русского*.

Однако общая схема Степенной книги, определившая ее лицо, является уникальной. Последовательное изложение наиболее важных, с точки зрения автора, событий русской истории разбито на 17 степеней (граней). Членение исторического материала на степени для времени начала возвышения Москвы подчеркнуто делается не по великим княжениям, а по княжениям московским. Разделение на степени зачастую условно, не следует точно за княжениями. Так, для всех правлений 1054—1113 гг. отведена одна степень (третья), причем главным лицом в ней сделан не старший Ярославич, а князь Всеволод, от которого идет линия владимирских князей. Вся история страны складывается, таким образом, из этих «степеней», которые в соответствии с традиционным церковным образом изображаются как ступени лестницы, ведущей к богу, — русская история становится генеалогически единой цепью святых московских государей и их предков, «богоутвержденных скипетродержателей». В центре каждой степени — биография государя, сопровождаемая сочинениями о митрополитах и святых, живших в то время. Многие княжеские биографии значительно приближены к житиям святых, даже если эти князья не были канонизированы; для князей-святых в основу изложения берется не столько летописный, сколько агиографический материал. В то же время все житийные памятники интенсивно насыщаются риторическими и историческими мотивами, отражающими идеологию московского самодержавия. Начиная с первого жития — Ольги, в агиографические тексты неизменно включаются торжественные призывы к святым о покровительстве московскому правящему дому, царю Ивану IV, его семейству, его державе. Слово «самодержавство» и его производные — самые употребительные в лексике Степенной книги. Главной задачей вместе с тем провозглашается забота об укреплении церкви, умножении ее богатств, почитании ее святых, защита благочестия в стране, борьба с неверными. Эта церковная интерпретация сути московского самодержавия, соответствующая политической линии митрополита Макария, была провозглашена в Степенной книге накануне острого столкновения между царем и руководством церкви в годы опричнины. Чудовская редакция памятника создавалась в разгар этого столкновения, в годы правления митрополита Филиппа, погибшего от рук опричников. И позднее ни Иван IV, ни его преемники не отказываются от широкого использования политических концепций Степенной книги, далеких от исторической реаль-

ности, но крайне выгодных для царской власти. Памятник постоянно переписывается, несомненно влияние его текста, его идей на историческую литературу — от Лицевого свода Ивана IV до трудов дворянских историков XVIII в., а через посредство М. М. Щербатова даже на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. При этом в связи с изменением форм союза между государством и церковью в XVII в. трансформируется восприятие основного тезиса Степенной книги: государь-святой все больше понимается не просто как покровитель, а как земной глава церкви.

В исследованиях о Степенной книге упоминаются 74 ее списка (не считая Хрущевской и Латухинской редакций), и несомненно число это далеко не полное. Текст памятника отличается устойчивостью, хотя со временем накопилось немало писцовых ошибок. Однако наблюдаются значительные варианты в составе четырех «вводных статей», сопровождающих в ряде рукописей Степенную книгу. Имеются также списки, не содержащие значительных фрагментов памятника. В двух таких случаях (окончание 17 грани и окончание *Жития Петра митрополита* в 10 грани) речь безусловно идет о механических дефектах, закрепившихся в части рукописной традиции. Третий случай относится к Сказанию о посмертных чудесах митрополита *Алексея*: в 11 грани перед Словом о перенесении мощей Алексея говорится, что следом будет помещено Сказание, найденное в 1556 г. Однако Сказание отсутствует во всех ранних списках Степенной книги (XVI—начала XVII в.) и во многих более поздних списках. Попытку П. Г. Васенко считать списки, содержащие Сказание о посмертных чудесах Алексея, первой редакцией («видом») Степенной книги и построить всю дальнейшую историю текста как его движение от самого полного к наименее полному нельзя признать удачной. Списки XVII в., содержащие Сказание, в своих разночтениях в основном отражают более поздние этапы истории текста и изобилуют ошибками; один из этих списков (ГБЛ, собр. Пискарева, № 612/177) был избран в качестве основного при публикации памятника в ПСРЛ.

Древнейшие известные списки Степенной книги, Томский и Чудовский (собр. Томского краеведческого музея, № 91 и ГИМ, Чуд. собр., № 56/358), были созданы в Чудовском скриптории в 1566—1568 гг. при митрополите Филиппе. Списки, вероятно, писались параллельно, одними и теми же писцами, в нескольких случаях текст Чудовского списка вторичен по отношению к Томскому. При написании обоих текстов заметна остановка перед переходом к грани 17, повествующей о царствовании Ивана IV, — здесь происходит смена почерков (а в Чудовском списке и бумаги): 17-я грань и ее оглавление в начале рукописи написаны в обоих списках одним и тем же новым почерком. Совпадают и почерки редакционной правки обеих рукописей. Оба списка редактировались вместе при их создании, затем Чудовский список получил несколько дополнительных изменений. Главное из них — двух-

лиственная вставка Похвального слова князю Владимиру в конце его Жития.

Томский и Чудовский списки представляют второй этап истории текста памятника и восходят к одному протографу 1560—1563 гг. Из редакционной правки на этом этапе следует отметить значительное расширение генеалогических сведений о княжеских домах русских княжеств — Ярославского, Тверского, Рязанского и др. Эти дополнения стоят в связи с тенденцией русского летописания и кремлевской живописи XVI в. (фрески Архангельского собора) включить в «единую семью» русских князей правителей княжеств, когда-то боровшихся с Москвой. На этом же этапе в рассказ о святом князе Довмонте умело вносится примечание с родословием литовских князей.

В оглавлении Томского и Чудовского списков первоначально отсутствовало Сказание о Данииле Переяславском, хотя само Сказание в текст 16-й грани в обоих списках включено (в Томском списке — уже после графической концовки грани). Возможно, Сказание вошло в текст памятника лишь на этом этапе его истории. Не исключено, что А. мог участвовать в создании не только протографа, но и этих двух списков Степенной книги.

В 1594 г. с Чудовского списка была снята копия для *Ионы Думина*, причем между 8 и 9 гранями была вставлена думинская редакция *Повести о житии Александра Невского*. Вся редакционная правка Чудовского списка вошла в текст этой копии (ЦГАДА, ф. 381, № 346). Близким к Думинскому является составленный в конце XVI—начале XVII вв. Архангельский список (БАН, Арханг. собр., № 130), однако в нем уже утрачено окончание 17-й грани.

В дошедших до нас рукописях Сказание о чудесах митрополита Алексея впервые включается в Степенную книгу лишь в Пискаревском списке (ГБЛ, собр. Пискарева, № 612/177), который относится к первой четверти XVII в. (водяные знаки 1607 и 1618 гг.). Здесь имеются также все четыре вводные статьи, тогда как ранее только две первые строки одной из них были включены в Думинский список. Некоторые разночтения списка восходят к протографу памятника.

Следует отметить также список БАН, 32.8.6, датируемый 1630—1640 гг. и являющийся точной копией Томского списка. По этому списку знакомился со Степенной книгой М. В. Ломоносов, и его пометы остались на полях рукописи.

Изд.: Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российской. . . , напечатанная под смотрением. . . Герарда Фридерика Миллера. М., 1775, ч. 1—2; Окончание книги Степенной, содержащей российскую историю // Рус. достопамятн., издана ОИДР, учрежд. при имп. Моск. унив. М., 1815, ч. 1, с. 166—168; Б а р с о в Е. В. Вновь открытое слово пресвитера Андрея в списке XVI в. // ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 5—8; Книга Степенная царского родословия / Подг. к изд. и под ред. П. Г. Васенко // ПСРЛ. СПб., 1908—1913, т. 21, ч. 1—2; С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908;

Макарий, игумен [Веретенников П. И.]. Всероссийский митрополит Афанасий // Богослов. труды. М., 1984, сб. 25, с. 247—259.

Лит.: Калайдович К. Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митр. Макарию сочинение книги Степенной // Вестн. Европы, 1813, ч. 72, № 23—24, с. 207—224; Ключевский Д. С. Древнерусские жития, с. 240—243, 282—283; Барсуков. Источники агиографии, стб. 146—148; Строев. Словарь, с. 165—170, 196, 438—439; Филарет. Обзор, с. 77, 143, 154; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, с. 296—297; Голубинский. История церкви. М., 1901, т. 1, ч. 1; 1911, т. 2, ч. 1; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный источник: Опыт исслед. литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1; Зимин А. А. 1) К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. М.; Л., 1957, т. 13, с. 225—230; 2) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 86—91; 3) Митрополит Филипп и опричнина // Вопр. ист. рел. и атеизма. М., 1962, сб. 11, с. 278—280; 4) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 239—240; Бегунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 15, с. 116—130; Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // Там же. М.; Л., 1958, т. 14, с. 64—70; Кусков В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги // Учен. зап. Уральск. унив. Филол., 1959, вып. 28, с. 259—292; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Н. Н. Покровский

Афанасий (в миру **Андрей Высоцкий** (XIV—нач. XV в.) — игумен серпуховского Высоцкого монастыря, книгописец, инициатор написания книг. Сын священника Обонежской пятинны Новгородской земли, ученик — в монашестве — Сергия Радонежского, причем один из наиболее любимых, в *Житии Сергия А.* характеризуется так: «Бе бо Афонасие в добродетелях мужь чуден, и в божественных писании зело разумень, и доброписания много руки его и доньне свидетельствуть, и сего ради любим зело старцу» (ПлДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 390). В 1374 г. А. стал первым игуменом основанного Сергием по просьбе князя Владимира Андреевича в г. Серпухове на р. Наре «на Высоком» общежительного монастыря в честь Зачатия Богородицы. В 1381 г., начиная с 8 августа, пекий дьякон Вунько по благословению А. сделал список Пандектов Никона Черногорца (ГИМ, Синод. собр., № 218/193). По мнению Й. Иванова, вероятно, что Вунько был послан в афонский Зографский монастырь и скопировал там болгарский список, присланный туда тырновским патриархом Феодосием. В августе же 1382 г. к 210 листам, исписанным дьяконом Вунько, по всей вероятности сам А. (написать «при игумене грешном Афанасии», как это сделано здесь, мог только он сам) добавил еще восемь (л. 211—219) своего письма монашеско-учительного содержания; здесь находятся: Слово Исаака Сирина, Вопросы и ответы прещодобных отец о молитве, трезвении ума, о том, «како подобает безмольвнику седети в кельи», статьи «Како подобаеъ глаголати молитву», «Како подобаеъ держати ум», «Како обрести действие», «Святаго Симеона Новаго Богослова о молитве», «Поучение Василия Великого к инокам», Григория Нисского толкование

молитвы «Отче наш», «Преподобного отца нашего Стефана о все-нощном бдении, иже в неделю и в Господския праздники», «От Патерика» (Горский А., Певоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862, т. 2, ч. 3, с. 9—10).

Вероятнее всего А. был тем игуменом Афанасием, который в 1381—1382 гг. спросил митрополита Киприана «о неких потребных вещех», касающихся монастырской жизни, и получил в ответ обширное послание (АИ, т. 1, № 253, с. 474—482; РИБ, т. 6, № 32, стб. 243—270).

Осенью 1382 г. (не ранее октября), когда Дмитрий Донской после нашествия Тохтамыша изгнал из Москвы Киприана, с ним вместе удалился в Киев, а затем в Константинополь, и А. В каком-то константинопольском монастыре он купил себе келью и предался подвигу созерцательного «молчания» (исихии), как сказано в летописи, «поживе в молчании съ святыми старци и тако во старости глубоце преставися, съ миром къ Господу отиде» (см. *Летописец Рогожский* — ПСРЛ. М., 1965, т. 15, вып. 1, стб. 108). В июне 1392 г. в константинопольском Студийском монастыре Иоанна Предтечи русский инок Сергей «по благословению и по совету» А. написал Сборник поучений и житий, включавший сочинения Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина и др., а завершавшийся статьями «природоведческого» характера («О четырех морях», «О двенадцати ветрах» и т. п.). Сборник этот предназначался писцом Сергием для библиотеки серлуховского Высоцкого монастыря, откуда он, по всей вероятности, вместе с А. и вышел. Отослан же он на Русь был, возможно, вместе с иконами известного Высоцкого чина и грамотой с благословением, доставленными в монастырь от А. его преемнику, игумену Афанасию Младшему (ум. 12 сентября 1395 г.), иеромонахом Виктором (см.: Лазарев В. Н. Новые памятники византийской живописи XIV в. I. Высоцкий чин // ВВ. М.; Л., 1951, т. 4, с. 122—131). Сам этот сборник не сохранился; уцелели лишь два сделанных с него в XVI в. списка (ГБЛ, ф. 247, собр. Рогож. кладб., № 562, 1518 г., и ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 360). В послесловии к этому сборнику монах Сергей писал, что митрополит Киприан, возвращаясь на Русь, в Москву (1390 г.). «много моляшеть» А. «дабы пошел на Русь восприяти честная», но тот «не восхоте и рече: „Келия си ми лутше оных честных“».

В 1401 г. в Константинополе же, в монастыре Богородицы Иперивлепто пекиим «грешным Афанасием, малейшим в единообразных», был сделан список Церковного устава иерусалимской лавры Саввы Освященного под названием «Око церковное»; сам этот список тоже не сохранился; к нему восходят две копии XV в.: одна — из Саввина—Сторожевского монастыря (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 445, 1428 г.), другая — из Троице-Сергиева (Казань, Б-ка Казанского гос. университета, № 4634, 1429 г.). Писец Афанасий писал, явно имея в виду потребности русской богослужебной практики, что, по его мнению, без этой книги «пер-

ковное исполнение в певедении, яко в тме, шатается». Самого же его, как он пишет, «рачительство желанием распали к таковой купле труда, аще и не художне сию снискахом». В том, что пишет «Ока церковного» — А., заставляет сомневаться ученых место, где он писал, ибо думают, что раз Сергей в 1382 г. писал по благословию своего старца А. в Студийском монастыре, значит и тот должен был жить и писать только там (Вздорцов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских. . ., с. 177). Нет полной уверенности и в том, что А. — не *Афанасий Русин*, писавший книги на Афоне с начала по 30-е гг. XV в. Тоже не полностью исключено, что на А. указывает запись в другом списке Церковного устава, пергаменном, конца XIV—начала XV в. «Си тицик иеромонаха Афанаси(а). Кратовъца, Радолика попа и матере его» (см.: Строев П. Описание рукописей. . ., с. 257, № 71; Амфилохий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876).

В 1697 г. Кариоп Истомир написал «Слово о житии преподобного отца нашего Афанасия Высоцкого» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 288, л. 83 и сл.). По оценке В. О. Ключевского, биограф «пытался сделать ученый свод всех известий об этом ученике Сергея, но дал слишком много простора своим ораторским отступлениям и при скудости источников доверял смутному преданию более, чем следовало ученому биографу»; «Так он с большей уверенностью повторяет ошибочное предание об избрании Афанасия на патриарший престол в Царь-граде, о чем Симон Азарьин в предисловии к чудесам Сергея говорит еще перешительно, с оговорками»; «Вирши, которыми окапчивается житие, с известием, что оно написано в 1697 г., подтверждают догадку, что автор его — известный слагатель вирш Кариоп Истомир» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 356).

Филарет без достаточных к тому оснований предполагал, что послание патриарха Антония в Псков с обличением стригильников написано на деле А

Лит.: Востоков. Описание, с. 516—517; Смирнов С. Преподобный Афанасий Высоцкий. М., 1874; Барсуков. Источники агиографии, стб. 66—67. Строев П. Описание рукописей Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского монастырей. СПб., 1891, с. 257; Арсений и Иларий. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, т. 1, с. III; Филарет. Обзор, с. 95; Тренев Д. К. Серпуховской Высоцкий монастырь: Его иконы и достопримечательности. М., 1902; Иванов И. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406) // Изв. на Ип-та за бълг. лит. София, 1958, кн. 6, с. 27, 68—69; Вздорцов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 176—177, 190—192.

Г. М. Прохоров

Афанасий Никитин (ум. до 1475 г.) — тверской купец, автор «Хождения за три моря» — рассказа о путешествии в Индию и описания этой страны.

Биографические сведения о А. Н. известны нам только из «Хожения» и летописного текста, содержащего одну из его редакций. В летописи рассказывается, что «написание Офонаса тверитина купца» попало к летописцу в 1475 г. через дьяка Василия Мамырева после того, как А. Н. на обратном пути, «Смоленска не дошед, умер». Даты отъезда и возвращения А. Н. летописцу известны не были, но он выяснил, что великокняжеский посол Василий Папиц, одновременно с которым А. Н. начинал свое путешествие, ходил на Северный Кавказ «за год до казанского похода» князя Юрия, т. е. за год до одного из походов брата *Ивана III* Юрия Васильевича на Казань в 1467—1469 гг. Очевидно, это путешествие не могло начаться ранее 1466 г., ибо в этом году вступил на престол упомянутый в «Хожении» Касим-султан. Таким образом, путешествие А. Н. происходило между 1466 и 1475 гг. В научной литературе до последнего времени путешествие А. Н. датировалось 1466—1472 гг. на основе не очень ясных указаний Никитина о времени, когда он праздновал «Велик день» (пасху) в Ормузе (Гурмызе). Однако сам А. Н. неоднократно указывал, что не мог в Индии точно определить время пасхи и «гадал по приметам», исходя из мусульманских праздников. Расчет на основе указаний А. П. на мусульманские праздники (курбан-байрам) и сопоставление его известий по истории Индии с данными индоперсидских источников дают основание датировать путешествие А. Н. скорее 1471—1474 гг. (Л. С. Семенов).

В научной и научно-популярной литературе путешествие А. Н. часто придается большой практический или даже государственный смысл — А. Н. рассматривается как «торговый разведчик» *Ивана III*, «предприимчивый купец», разыскивавший некогда существовавший, но потерянный путь в Индию; особое значение придается тому, что его записки передал одному из летописцев Василий Мамырев, в котором видят «дьяка посольского приказа» (М. Н. Тихомиров, Н. В. Водовозов, Н. И. Прокофьев). Текст «Хожения» никак не подтверждает такого взгляда. Отправившийся в Северный Азербайджан (Ширвац), А. Н. имел с собой, как видно из летописной редакции «Хожения», только верительные грамоты своего государя — великого князя Михаила Борисовича Тверского и тверского архиепископа. Он пытался было пристроиться в педшему по Волге каравану московского посла в Ширван Василия Панина, но разминувшись с ним и встретив Папина лишь в Дербенте. Под Астраханью А. Н. и его товарищи были ограблены ногайскими татарами; они обратились к «ширваншаху» (местному государю) и послу Папину, но помощи не получили: «И мы заплакав да разошлись кои куды: у кого есть на Руси, и тот пошел на Русь, а кой должен, а тот пошел, куда его очи понесли». В числе тех, кто имел долги на Руси, и кому путь домой был закрыт из-за опасности разорения и несостоятельного должничества, был А. Н. Направившийся «от многой беды» из Дербента в Баку и в Персию, вдоль «Хвалитьского» (Каспийского) моря, а оттуда через Гурмыз и «Индийское море» в Индию, А. П. явно не имел с собой каких-

либо значительных товаров. Единственный товар, который он, судя по «Хожению», рассчитывал продать в Индии, был привезенный им с большим трудом конь, да и то этот товар принес ему больше неприятностей, чем дохода: мусульманский хан Чюнера (Джунгира) отобрал у него коня, требуя, чтобы А. Н. перешел в ислам, и только помощь знакомого персидского купца помогла путешественнику вернуть назад его собственность. Не достигнув каких-либо торговых успехов, А. Н. пришел к весьма пессимистическому выводу о возможностях торговли в Индии для русских купцов: «Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нет ничего на нашу землю; все товар белой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. . . А пошлии много, а на море разбойников много». Едва ли можно рассматривать путешествие А. Н. как важный этап в истории европейских географических открытий XV—XVI вв. и говорить о приоритете А. Н. по отношению к португальскому путешественнику Васко да Гама: в это время сама Португалия еще не была «открыта» Россией, а Россия — Португалией; русские земли входили в совсем иную географическую систему, чем страны западного Средиземноморья.

Василий Мамырев, получивший записки А. Н., никогда не был посольским дьяком. Путешествие А. Н. было предпринято на свой риск и страх, без какой-либо официальной помощи. Однако именно это обстоятельство делает его подвиг особенно поразительным. Когда А. Н. через шесть лет после начала своего путешествия с бесчисленными трудами, через «Стембольское» (Черное) море, вернулся на Русь, он едва ли был более способен расплатиться с долгами, чем в начале пути. Единственным плодом путешествия А. Н. были его записки — «Хожение за три моря».

«Хожение за три моря» дошло в двух изводах конца XV в. — Летописном, сохранившемся в *летописях Львовской и Софийской II*; основанных на своде 1518 г., в свою очередь отразившем независимый летописный свод 80-х гг. XV в., и Троицком (Ермолинском) сборнике конца XV в. ГБЛ, 304, III, № 4, содержащем также *летопись Ермолинскую*; к Троицкому изводу восходит и Сухановский извод «Хожения» XVII в. (дошедший в двух списках), где памятник подвергся существенной идеологической редакции. Кроме того, небольшие отрывки из «Хожения», имеющие совпадения с Троицким изводом, дошли в сборнике конца XV в. — ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, № 3271.

Вопрос о происхождении редакций «Хожения» решался в научной литературе по-разному. И. И. Срезневский полагал, что основные редакции XV—XVI вв. имели своим источником различные версии авторского текста, которые А. Н., переписывая, исправлял и изменял. Мнение о «Хожении», как о сочинении, написанном А. Н. после окончания путешествия, было поддержано и другими авторами (Н. С. Трубецкой, Н. В. Водовозов и др.). Представляется, однако, более убедительным мнение, что А. Н. не успел закончить и оформить свои записки и оставил только один вариант своего сочинения (В. П. Адрианова-Перетц, Р. Терегулова,

Г. П. Уханев); две версии были созданы уже редакторами — переписчиками конца XV—начала XVI в. При этом, по-видимому, Летописный и Троицкий изводы восходили, независимо друг от друга, к архетипу (авторскому тексту); в Троицком изводе текст подвергся более значительной обработке — были устранены некоторые черты, отражающие тверское происхождение автора, сглажены элементы просторечия.

«Хождение за три моря» — чрезвычайно своеобразный памятник древнерусской литературы. Своеобразие его часто воспринималось как следствие сознательной стилизации, осуществленной А. Н. при написании книги уже после возвращения из путешествия; в многочисленных записях А. Н. на особом тюркском жаргоне видели особый литературный прием — стремление придать «экзотичность» повествованию. И. С. Трубецкой считал характерным для «Хождения» чередование «довольно длинных отрезков спокойного изложения с более короткими отрезками религиозно-лирических отступлений», причем в расположении «отрезков спокойного изложения» обнаруживалась, по мнению исследователя, «поразительная симметрия»: «статичность» этих описаний нарастала от начала повествования к середине, а к концу они вновь обретали «динамический» характер. Однако симметрическое расположение фрагментов «Хождения» не было доказано И. С. Трубецким; разделение текста на отрезки «спокойного изложения» и «религиозно-лирические отступления» сугубо субъективно; ряд отрывков, отнесенных к числу «религиозно-лирических», включает описания и «статического» и «динамического» характера, несколько разделов совсем не учтено в этой схеме.

Предположение о написании «Хождения» в то короткое время, которое осталось А. Н. жить после возвращения из путешествия, весьма сомнительно. А. Н. вернулся в Россию (в Западную, Литовскую Русь) уже, очевидно, больным — он умер, не добравшись до Смоленска. Записи его доведены до приезда в Крым на обратном пути, самый характер записей указывает на их современность событиям. Единственный литературный жанр древней письменности, с которым «Хождение за три моря» обнаруживает явное сходство, это «хождения» или «паломники» в Святую землю — такие, например, как «Хождение игумена Даниила или описания путешествий на Флорентийский собор в 1439 г. Как и рассказы паломников, «Хождение за три моря» было путевым дневником, хотя и ведшимся не ежедневно, а через какие-то временные интервалы; ведя записи о своих приключениях, автор явно еще не знал, как они окончатся: «Уже подошла 2 Великая дни в бесерменьской земле, а христианства не оставих; далее бог ведает, что будет. . . Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана. . .». Впоследствии А. Н. все-таки нашел путь «из Гундустана», но и в последней части записи его странствий точно следуют за ходом путешествия и обрываются на прибытии в Кафу (Феодосию).

Литературное значение «Хождения за три моря» определяется именно тем обстоятельством, что оно было совершенно неофициаль-

ным памятником, свободным от канонов и традиций древнерусской церковной или официальной светской литературы. Даже сходство «Хожения» А. Н. с «хожениями» паломников было чисто внешним — путешествие его, как мы знаем, имело не «деловой» и не религиозно-ритуальный, а совершенно личный характер. Записывая свои впечатления на чужбине, А. Н., вероятно, надеялся, что «Хожение» когда-нибудь прочтут «братья рустии християне»; опасаясь недружественных глаз, он записывал наиболее рискованные мысли не по-русски. Но все эти читатели предвиделись им в будущем. Пока же А. Н. просто, но с поразительным умением выделить «сильные детали», описывал то, что он видел вокруг: «И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги. . . А детей у них много, а мужики и жонки все наги, а все черныя: аз куды хожу, ино за мной людей много, да дивуются белому человеку. . .».

Попавший в чужую страну, тверской купец далеко не все понимал в окружающей обстановке. Как и большинство людей, оказавшихся вдали от родной земли, он мог преувеличивать услышанное, делая поспешные обобщения — например, в рассказе о призрасти «черных женок» в стране «Чин и Мачин» (Китае) к чужеземцам: «А жены их с мужи своими спать в день, а ночи жены их ходить к гарипом да спать с гарипы», причём еще платят им «олафу» (жалованье), «да приносят с собою яству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы ее любил, а любят гостей людей белых, занже их люди черные вельми; а у которые жепы от гостя зачнетса дитя, и муж дает алафу. . .». О некотором легковерии А. Н. свидетельствуют и его рассказы о птице «тукук», испускающей изо рта огонь, и о «князе обезьянском», который посылает многочисленную обезьянью рать на своих противников (отголосок индийских сказаний о Ханумане).

Но там, где А. Н. опирался не на рассказы своих собеседников, а на собственные наблюдения, взгляд его оказывался верным и трезвым. Индия, увидевшая А. Н., совсем не походила на полную «всякого богатства» страну, где все счастливы «и нет ни татя, ни разбойника, ни завидливого человека», описанную в *Сказании об Индийском царстве*. Несмотря на все своеобразие Индии по сравнению с русскими землями, А. Н. увидел в ней хорошо знакомую ему картину человеческих отношений: «А земля людна вельми, и сельския люди голы вельми, а бояре сильны добре, и пышны вельми». А. Н. пребывал в основном на территории наиболее сильного мусульманского государства южной Индии — государства Бахманидов со столицей в «Бедере» (Бидаре), он был свидетелем войн, который вел визирь Бахманидов Махмуд Гаван (носивший титул «старшина купцов», «мелик-ут-туджар», в связи с чем А. Н. называл его «мелик-тучар») с соседними индуистскими государствами. А. Н. отчетливо осознавал разницу между завоевателями — «бесерменами» и основным населением — «гундустанцами»; он отметил, что из 26 визирей, вышедших в военный поход, было только 4 индийских визиря, «и султан ополелся на индеян, што мало вышло с ним». Заметил он и то, что мусульман-

ский хан «ездит на людях», хотя «слонов у него и коний много добрых», а «гундустанции все пешеходы. . . а все наги да босы». «Гарип» (чужеземец), обиженный «бесерменским» ханом, А. Н. сообщил «индеям», что он «не бесерменин»; он не без гордости отметил, что «индеяне», тщательно скрывающие от мусульман свою повседневную жизнь, от него не стали «крытися» (скрываться) «ни в чем, ни в естве, ни о торговле, ни о маназу (молитве), ни о иных вещех, ни жон своих не учили крыти».

В отличие от «индеян» (индуистов), «бесермене» (мусульмане) неоднократно пытались обратить А. Н. в ислам, и могущество мусульманского беъманидского султана не могло не произвести на него впечатления. «Такова сила султана индейскаго бесерменскаго», — заметил он, перечислив огромное войско «Бидарского князя», и прибавил по-тюркски: «А Мухаммедова вера им годится. А правую веру бог ведает». Это обстоятельство, по-видимому, оправдывал в глазах А. Н. пользование мусульманским именем («Хозя Юсуф Хорасани») и употребление мусульманских молитв. Одной из таких молитв (где в соответствии с Кораном, упоминается «Иса рух оало» — «Иисус дух божий») и заканчивается «Хожение».

Значит ли это, что А. Н. в Индии (как предполагает Г. Ленхофф) обратился в ислам? Такому предположению противоречат многократные заявления автора «Хожения» о его отпоре давлению «бесермен» и верности христианству — у нас нет оснований не верить этим заявлениям. Скорее можно предполагать иное. Пребывание А. Н. в Индии в роли бесправного «гарипа» (иноплеменника, метэка) и общение с представителями иных вер оказало, по-видимому, влияние на его мировоззрение. Взгляды А. Н. могут быть определены как своего рода синкретический монотеизм, выраженный А. Н. в следующей формуле: «А правую веру бог ведаеть, а праваа вера бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту». Итак, признаками «правой веры» являются для А. Н. только единобожие и моральная чистота. Такое определение «правой веры» явно не укладывалось в рамки русского православия XV в., как и христианской ортодоксии вообще. Выходящим за рамки ортодоксии было, естественно, не само требование моральной «чистоты», а то обстоятельство, что такая «чистота» и единобожие объявлялись необходимыми и достаточными условиями «правой веры» (именно поэтому, очевидно, данная фраза, вместе с мусульманскими молитвами, была исключена из Сухановского извода). У нас нет данных о связях А. Н. с еретическим движением конца XV в. (такую связь предполагал А. И. Клибанов, но первые достоверные свидетельства о повгородско-московской ереси относятся к несколько более позднему времени), однако заслуживает внимания совпадение его взглядов с воззрениями еретиков, считавших, судя по сочинениям их противников, что человек, творящий «правду», «приятен» богу независимо от того, крещен он или нет.

Но несмотря на такие черты вольномыслия у А. Н., отрыв от родной земли воспринимался тверским путешественником очень

болезненно. Любовь к родине не заслоняла для него очень острых воспоминаний о несправедливостях в родной земле, однако и эти несправедливости не стирали память о родине: «Русская земля да будет богом хранима! . . . На этом свете нет страны, такой как она, хотя князья (тюркское «бегляри» — «беки», «эмиры») Русской земли — не братья друг другу. Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней!» (все эти слова написаны по-тюрко-персидски — приводим их в новом переводе А. Д. Желтякова). Рассуждения А. Н. об отсутствии «братских» отношений между русскими князьями перекликаются с идеями общерусского летописного свода середины XV в., получившего отражение в *летописях Софийской I* и *Новгородской IV*. Но в конце XV в. эти рассуждения, как и утверждение, что в Русской земле «правды мало», а также религиозные взгляды А. Н., если бы он стал их проповедовать, могли принести ему серьезные неприятности. Но этого не случилось: тверской купец умер, не добравшись до родной земли.

«Хождение за три моря» — не искусственно стилизованное сочинение, а человеческий документ поразительной художественной силы. Написанные для себя записки А. Н. представляют собой один из наиболее индивидуальных памятников Древней Руси. Образ автора, не сочиненный, а естественно выраженный благодаря писательскому таланту автора, ощущается в этом произведении несравненно ярче, чем в большинстве литературных памятников того времени: мы знаем А. Н., представляем его личность лучше, чем личность большинства русских писателей с древнейших времен до XVII в. И именно поэтому, когда мы читаем в «Хождении» слова сочувствия А. Н. «толым сельским людям» Индии, то эти слова заслуживают несравненно больше доверия, чем если бы они исходили от дипломата или «торгового разведчика».

«Хождение за три моря» — пример того стихийного возникновения художественной литературы из деловой письменности, которое характерно для XV в. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение за три моря» напоминает записку *Инокентия* о последних днях жизни Пафнутия Боровского и предвосхищает величайший памятник древнерусской литературы — *Житие протопопа Авакума*.

Научное издание «Хождения» по всем спискам и с разночтениями трижды выходило в свет в академической серии «Литературные памятники» (1948, 1958, 1986).

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 330—358; СПб., 1910, т. 20, 1-я пол., с. 302—313; Major R. H. *India in the XV century being a collection of narratives and voyages to India*. London, 1857 (пер. на англ. яз.); Meyer K. H. *Die Fahrt des Athanasius Nikitin über drei Meere*. Leipzig, 1920 (пер. на нем. яз.); Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1477 гг. М.; Л., 1948 (2-е изд., доп. и перераб. — М.; Л., 1958); Афанасий Никитин. Хождение за три моря / С перелож. ритмич. речью, предисл. и ком. Н. Водовозова. М., 1950; Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře / Připravil V. Lesný. Praha, 1951 (пер. на чеш. яз.); Willman-Grabowsha H. *Atanasy Nikitin: Wedrówka*

за три моря. Wrocław, 1952 (пер. на польск. яз.); Хождение за три моря. М., 1960 (с пер. на англ. яз. и хинди); Die Fahrt der Afanasy Nikitin über drei Meere, 1466—1472, vom ihm selbst niedergeschrieben. München, 1966; Verdiani C. Afanasij Nikitin: Il viaggio al di là dei tre mari. Firenze, 1968 (пер. на ит. яз.); Afanasy Nikitin's Journey across three seas // Zenkovsky. Medieval Russia's epics, chronicles, and tales. New ed. New York, 1974 (пер. на англ. яз.); Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 г. / Предисл., подг. текста, пер., ком. П. И. Прокофьева. М., 1980; Athanasie Nikitini. Le voyage au dela des trois mers. Paris, 1982 (пер. на фр. яз.); ПЛДР. 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 443—477; Хождение за три моря / Изд. подг. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л., 1986.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817, т. 6, с. 344—346, примеч. 629; Срезневский И. И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. // Учен. зап. П отд. имп. АН. СПб., 1856, т. 2, вып. 2; Мишаев И. Старая Индия: Заметки на Хождение Афанасия Никитина. СПб., 1882 (отд. отт. из ЖМНП за 1881, № 6—7); Трубецкой Н. С. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты, 1926, № 1 (серия в кн.: Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983, с. 437—461); Терегулова Р. Хождение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV в. // Учен. зап. Тамбов. гос. пед. ин-та, 1941, вып. 1, с. 136—157; Богданов В. В. Путешествие Афанасия Никитина // Изв. ВГО СССР. М.: Л., 1944, с. 74, вып. 6, с. 330—336; Кунин К. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1947; Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг П. М. Афанасий Никитин и его время. М., 1951 (2-е изд. М., 1956); Уханов Г. П. Сиптаксис «Хождения за три моря». Автореф. канд. дис. Калинин, 1952; Ильин М. А. Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1955; Водовозов Н. В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV в. М., 1955; Зимин А. А. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. М.; Л., 1957, т. 13, с. 437—439; Клибаков А. И. 1) У истоков русской гуманистической мысли // Вестн. ист. мировой культуры, 1958, вып. 2, с. 45—66; 2) Свободомыслие в Твери в XIV—XV вв. // Вопр. ист. ред. и атеизма. М., 1958, вып. 6, с. 45—66; Verdiani C. Il ms. Troicito del «Viaggio» di A. Nikitin // Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver. Firenze, 1962, p. 673—683; Лурье Я. С. Подвиг Афанасия Никитина // Изв. ВГО СССР, 1967, т. 99, № 5, с. 435—442; Кучкин В. А. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности // ВИ, 1969, № 5, с. 67—78; Виташевская М. Н. Странствия Афанасия Никитина. М., 1972. Лихачев Д. С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы древней Руси. М., 1975, с. 259—265; Семенов Л. С. 1) К датировке путешествия Афанасия Никитина // Вспомог. ист. дисц. Л., 1978, т. 9, с. 134—148; 2) Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980; Lenhoff G. 1) Beyond Three Seas: Afanasij Nikitin's Journey from Orthodoxy to Apostasy // East European Quarterly, 1979, vol. 13, p. 432—447; 2) Trubetzkoy's «Afanasii Nikitin» Reconsidered // Canadian-American Slavic Studies (Winter 1984), 18, N 4, p. 377—392. Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры. 2. Дуалистический характер русской культуры на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 60—62.

Я. С. Лурье

Афанасий Русин (1-я пол. XV в.) — писец и покушник книг на Афоне, возможно, переводчик. Согласно приписке в рукописи ГИМ, собр. Воскрес., № 5, Четвероевангелие, л. 222 об., «В лето 6938 (1430) прекуплена бысть книга сия еромонахом Афанасием Русином в Святой Горе Афонстей, в обители царстей в Пандократору, в нарицаемой Лавре, в царство греческаго царя кд Ка-

лоуана Палеолога и при святейшем патриарсе константинопольском кир Иосифе, и пренесена бысть от Греческаго царьства на Русь богоспасаемого и богом възлюбленнаго града Тфери при благочестивом и при боголюбивом и многомилостивом и мнихолубивом великом князи Борисе Александровиче, и дана бысть книга сия святей Богородици на Перемеру в лето 6944 (1436) при игумене Ионе». В 1657 г. эта книга была вложена патриархом Никоном в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. В 1431 г. в афонской лавре св. Афанасия А. переписал Житие св. Афанасия Афонского (в 1436—1445 гг. копия с этого списка была сделана в Троице-Сергиевой лавре по повелению игумена Зиновия); в 1432 г. там же, «во обители царстей присподевы Мариам, в нарицаемей лавре преподобнаго и богоноснаго отца нашего Афонасиа, под криллем святаго Григория Паламы и преподобнаго отца нашего Петра Атонского, в кущи святаго и славнаго пророка» он переписал Житие Григория Омиритского в переводе некоего Андрония, как это ясно из приписки: «Отцу же моему кир Андрошию вечнаа память, иже преведе сию книгу от гречьскаго извода» (до нас дошла сделанная с этого списка дьяконом Емельяном для Кирилло-Белозерского монастыря копия — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 45/2184, приписка на л. 255 об. и 256). Возможно, что А. — одно лицо с «грешным Афанасием», переводчиком или переписчиком в 1401 г. в константинопольском монастыре Богородицы Иперивлепто Устава церковного под названием «Око церковное» (два сделанные с него списка, 1409 и 1428 гг., дошли до нас, см.: Восток. Описание, с. 710—711). Менее вероятно, но не исключено, что А. — состарившийся *Афанасий Высоцкий*.

Лит.: Строев. Словарь, с. 27; Соболевский. Переводная литература, с. 11, 31; Никольский. Рукописная книжность, с. 89; Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополья и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 180, 197—198.

Г. М. Прохоров

Б

Беседа трех святителей — апокрифический памятник, построенный в форме вопросов и ответов, изложенных от имени трех виднейших иерархов православной церкви — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Рукописная традиция, отражающая подобные беседы, чрезвычайно богата и разнообразна, часто под Б. т. с. подразумевают даже не один, а по крайней мере три памятника: переводный диалог Григория Богословца

и Василия строго догматического характера, старейший список которого читался уже в *Изборнике 1073 г.*, переводное «Устроение слов Василия и Григория Феолога, Иоанна» (извлечение из сочинения Афанасия Александрийского) и собственно Б. т. с., древнейший русский список которой относится в XV в.

Смешение трех перечисленных памятников было присуще первому исследованию В. Мочульского (1887 г.), но уже А. С. Архангельский, И. Я. Порфирьев и И. Н. Жданов убедительно показали, что при сходстве в диалогической форме Б. т. с. не содержит ни одного общего текста с первым (как и со вторым) из названных памятников. В своей второй работе (1893 г.) В. Мочульский уже отделил диалог из *Изборника 1073 г.* от Б. т. с., однако включал по-прежнему в число списков Б. т. с. «Устроение слов Василия. . .».

Характерной особенностью Б. т. с., отмеченной еще Ф. И. Булаевым, является явное влияние народной поэзии (фольклора) — «состоя в тесной связи с народными суевериями, загадками, приметами и различными мифологическими воззрениями, эта „Беседа“ дала содержание многим народным песням, сказкам, изречениям и, в свою очередь, вероятно, многое заимствовала из этих народных источников». Эти фольклорные мотивы присутствуют уже в южнославянском пергаменном списке Б. т. с., относящемся к XIV в. Здесь читаются также парадоксальные и шуточные вопросы-загадки, как: «Кто солгав спасе се, и кто истину рек погибе» (Петр и Иуда), «Коя хитрость првее на земли бысть» (портняжная — когда Адам «сшивъ листвие»), «Кто от пророк жив седе пояше, а гробъ му хождаше» (Иопа в чреве китовом), «Кто нерожден умрет и по ръждестве старевъсе и паки в утробу матери възлезе» (Адам и земля) и т. д.

Не позднее XIV в. Б. т. с. начинает включаться в *Списки отреченных книг*; в числе «ложных писаний», которых «не достоин держати», помещена она в индексе, обычно связываемом с именем *Киприана* (и содержащем в одном из списков ссылку на его молитвенник): «о Василие Кесарийском, и о Иване Златоусте, и о Григорие Богослове, въспросы и ответы о всем лгано. . . Еремия попа болгарского басни», — как и многие другие апокрифы, Б. т. с. приписывалась болгарскому ересиарху Иеремии, сборники сочинений которого существовали уже в XIII—XIV вв. До сих пор не установлены ни генеалогия, ни история текста многочисленных русских списков Б. т. с. В последней своей работе В. Мочульский распределил известные ему списки на 10 редакций (включив в их число, как мы уже отметили, «Устроение слов Василия», в качестве редакции 3-й), исходя главным образом, из начальных слов каждой редакции. Однако в большинстве случаев совпадение в начальных словах вовсе не означает идентичности последующего текста, — начинаясь одинаково, многие списки далее содержат совсем иные вопросы и ответы. С другой стороны, ряд вопросов-ответов, содержащихся в разных редакциях, выделенных В. Мочульским, совпадают. Совершенно не пытался

исследователь определить взаимные отношения отдельных редакций (а также ряда списков, которые ему не удалось перечислить ни к одной из намеченных им 10 редакций); нерешенным остался и вопрос об их общем протографе.

Особый интерес представляют списки Б. т. с., которые В. Мокульский отнес ко 2-й (она включает и еще не изданный список XV в. ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, № 256) и 7-й редакции и оставил за пределами 10-й редакции. Наряду с вопросами-загадками, которые читаются в южнославянском тексте, здесь встречаются и такие, которых там нет. Например: «Василий рече: внук рече бабе: положи мя у себе, — и рече ему баба: како ты положу, еще есмь девою? Григорий рече: Авель рече земле, тот бе первый мертвец» (там же другой вариант, где такой же диалог происходит между Христом и землей, говорящей ему: «Како ты положу, а ты мне отец?»); «Стоит град между небом и землей, а идет к граду посол нем, а несет грамоту написанную». . . (ковчег и голубь); «Кто поп не поставлен, диакон отметник, а певец — блудник?» (Иоанн предтеча, Петр апостол, царь Давид); «Кто родился прежде Адама с брадою?» (козел); «Кто есть два рождения имея, а не единожды имея крещения, а всем людям пророк показася?» (петух). «Отрок рече девице: дай мне свое, а я вложу свое в твое, когда мне надобно будет, а тебе отдам твое» (Христос просит у земли Адама и влагает в него душу, а потом возвращает его мертвым). Наряду с такими шуточными загадками мы встречаем и своеобразные «естественно-научные» вопросы, например: «Колико островов великих? Семьдесят и два, а языков розных только же, а рыб розных толко же, а птиц розных толко же. . .».

Списки второй редакции представляют интерес еще в связи с тем, что название их имеет подзаголовок: «от патерика римскаго». Едва ли этот заголовок может служить указанием на прямой источник Б. т. с., однако какая-то связь с западными источниками, но скорее типа «Монашеских игр» (*Josa monachorum*) возможна. Памятники эти сохранились в весьма древней рукописной традиции, начиная с XV—IX вв.; среди вопросов, содержащихся в них, обнаруживаются и такие, какие известны нам по русским рукописям Б. т. с., например: «Кто свою бабу лишил невинности? Авель землю», или «Сколько еще языков, сколько пернатых, сколько родов рыб?»

Существуют и греческие списки вопросов и ответов на библейские темы, сходных по характеру с Б. т. с., однако они более поздние, чем латинские «*Josa monachorum*» (XII—XVI вв.), и включают лишь два специфических вопроса, известных по славянским рукописям: «Кто солгав, спасе се. . .» и «Кто от пророк жив себе пояше. . .». Восходили ли греческие рукописи к латинским, или, напротив, латинские имели не дошедшие до нас греческие протографы? Не следует ли, учитывая устный характер вопросов-загадок, предполагать здесь различные фольклорные источники, которые могли отразиться и в латинских, и в греческих, и в славянских, и в русских памятниках?

Ф. Буслаев указывал на отражение в Б. т. с. языческих представлений: земля—корова, бог—бык (или вол), связывал ее с Голубиной книгой (это сопоставление затем развил В. Мочульский), отмечал, что загадки Б. т. с. отразились в таких литературных памятниках, как *Повесть о Дмитрии Басарге, Азбуковники* и т. д. Несомненна также связь отдельных редакций Б. т. с. с *Палеей Исторической* («Книгой бытия небеси и земли»), «Вопросами, от скольких частей создан был Адам» и др. «Люди со строгими православными убеждениями могли смотреть презрительно на это наивное собрание притчей и загадок, могли его преследовать с точки зрения богословской, но так обаятельна была поэзия этого памятника, что, несмотря на строгие запрещения, он расходился между русскими грамотными людьми во множестве списков, с самыми страшными, противоречащими духу православия, прибавлениями», — писал Ф. Буслаев.

Отдельное бытование загадок, содержащихся в Б. т. с., обнаруживается уже в русских рукописях XV в. Загадка о «граде» — ковчеге и «немом» голубе — после сохранилась среди берестяных грамот XV в. Кирилло-белозерский книгописец XV в. *Ефросин* не включил в свои сборники Б. т. с. в полном виде, но в этих сборниках мы читаем ряд вопросов, совпадающих с Б. т. с., например «Кто от пророк жив седе пояше. . .», «Поп не поставлен, дьякон отметник, певец блудник», «Рече внук бабе: баба, положи мя у себя. . .» (дважды), «Кой пророк двою родился? Кур», а также «естественно-научный» вопрос: «Язык человеческих 72, четвероногих же род 54, и рыба род 102. . .». Были ли все эти вопросы взяты Ефросином из Б. т. с., или, напротив, сборники ефросиновского типа оказали влияние на последующую традицию памятника — ответить при нынешнем состоянии изучения Б. т. с. затруднительно.

Среди памятников сатирической литературы XVII в. явное влияние Б. т. с. (или ее фольклорного источника) обнаруживает *Повесть о бражнике*, где высказываются те же упреки апостолу Петру («отметник») и царю Давиду («блудник»), что и в Б. т. с.

Б. т. с. издавалась неоднократно по разным спискам (в последнем издании, 1980 г., неверно указан шифр рукописи). Южнославянский пергаменный список Б. т. с. начала XIV в. см.: Мочульский и др. Следы народной библии. . ., с. 260—269.

Изд.: ПЛ, вып. 3, с. 168—178; Тихомиров. Памятники, 1863, с. 433—438; Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей: (По спискам Соловецкой библиотеки). Казань, 1874, с. 124—132; Вяземский П. П. Беседа трех святителей // ПДП, СПб., 1880, вып. 1, с. 63—123; Порфирьев. Апокрифы новозаветные, с. 378—396; Сушицкий Ф. И. Киевские списки «Беседы трех святителей»: (Из филологического семинара В. П. Перетца). Киев, 1911; Перетц В. П. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С. Петербурге 13—28 февр. 1911 г. Киев, 1912, с. 114—144; ПЛДР. XII в. М., 1980, с. 134—146 (с сокращ.).

Лит.: Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произн. в торж. собр. имп. Моск. унив. 12 января 1859 г.) // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 2, с. 15—31 (посл. изд. СПб., 1910); Пышин А.

Для объяснения статьи о ложных книгах // ЛЗАК. СПб., 1862, вып. 1, с. 41, 49; Мочульский В. В. 1) Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, с. 24—53; 2) Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса, 1893, с. 1—172 (рец.: Веселовский А. Н. — ЖМНП, 1894, № 2, с. 413—427; Перетц В. Н. — Библиограф, 1894, вып. 1, с. 35—37); Соколов М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888, вып. 1—5, с. 8; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности: Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изысканий. Казань, 1889, т. 1—2, с. 90—194; Красносельцев Н. Ф. К вопросу о греческих источниках «Беседы трех святителей» // Зап. Новорос. унив. Одесса, 1890, т. 55; Жданов И. Н. Беседа трех святителей и Иоса monachorum // ЖМНП, 1892, № 1, с. 157—194 (перепеч. в кн.: Жданов И. П. Соч. СПб., 1910, т. 1, с. 764—778); Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898, т. 1, с. 458—460; Nachtigall R. Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte «Беседа трех святителей» (Gespräch dreier Heiligen) // AfslPh. Berlin, 1901, Bd 3, S. 1—95; Berlin, 1902, S. 321—408 (рец.: Мочульский В. В. — ЖМНП, 1903, ноябрь, с. 206—221); Симоны П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 3. Законщны по спискам XV—XVII столетий // СОРЯС. Пг., 1922, т. 100, № 2, с. 12; Перетц В. Н. Студії над загадками // Етногр. вістн. Київ, 1933, кн. 10, с. 123—125; 187—188, 195—196; Архиповский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, с. 43; Каган М. Д., Поньрко П. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980, т. 35, с. 12, 70, 72, 122, 132, 179.

Я. С. Лурье

Борис Федорович Годунов (ок. 1551/1552 г.—13 IV 1605 г.) — царь, автор посланий, грамот. Б. Г. принадлежал незнатному роду, ставшему влиятельным при *Иване Грозном* (своим родоначальником Годуновы считали татарского предка Мурзу-Чета, служившего у московских великих князей в XIV в.). Воспитывавшийся в доме дяди, царского постельничего Дмитрия Ивановича Годунова, Б. Г. с раннего возраста оказался близко связанным с жизнью царской семьи. В 1570 г., по протекции дяди, он начал службу при царском дворе и быстро упрочил свое положение: в 1572 г., во время войны со Швецией, состоял рындой при царевиче *Иване Ивановиче*, в 1578 г. стал кравчим, в 1581 г., в связи с женитьбой черевича Федора Ивановича на сестре Годунова Ирине Федоровне, — был возведен в боярский сан. Женатый на дочери главы опричников Малюты Скуратова Марии Григорьевне, Б. Г. был активным опричником, но в оргиях в Александровской слободе участия не принимал.

С 1584 г., после смерти Ивана Грозного, удаления вместе с вдовой царицей Марией и ее сыном Дмитрием Нагих в Углич и ссылки Б. Я. Бельского в Нижний Новгород за учиненные в Москве беспорядки, Б. Г. как ближайший царский родственник вошел в состав правившего при царе круга, в котором первенствующее место принадлежало старейшему из рода Романовых, боярину Никите Романовичу Захарьину-Юрьеву, и близки к которому были бояре Милославские и Шуйские, а также «великие» дьяки Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы. После дворцовых

волнений 1584 г. и кончины в апреле 1585 г. Н. Р. Захарьина-Юрьева Б. Г. постепенно, в течение 1585—1587 гг., устранил с политической арены князей Милославских (И. Ф. Милославский умер в ссылке в Кирилловском монастыре), а затем (за организацию в 1587 г. московского волнения и «челобитье» о расторжении брака с царицей Ириной Федоровной) — И. П. и А. И. Шуйских и других «изменников» из боярских родов: Колычевых, Татевых, Бакасовых, Шереметьевых и др. Московские волнения 1587 г. закончились для знатных его участников массовыми ссылками в разные города, для «мужиков-воров» — казнью на Красной площади, а поддержавший «челобитье» митрополит Дионисий был заменен верным сторонником Б. Г., близким ему со времен опричнины, митрополитом *Иовом*.

В течение 1585—1587 гг. Б. Г. последовательно получил несколько высочайших титулов: «конюший и боярин ближний» царя, затем звания «слуги», «дворового воеводы», «наместника Казанского и Астраханского» и «правителя», т. е. достиг политического первенства и фактически стал при недееспособном царе Федоре Ивановиче полновластным правителем Русского государства. В 1588—1589 гг. путем ряда «приговоров» царя и бояр Б. Г. получил право переписки с иноземными «великими государями», участия в дипломатических сношениях государства и самостоятельного проведения приема иностранных послов по царскому церемониалу.

При участии Б. Г. Россия заключила 20-летнее перемирие с Польшей (в 1601 г.) и поддерживала дипломатические отношения с Австрией, Великобританией, Данией, Персией, Турцией и другими странами Запада и Востока, о чем свидетельствуют дипломатические документы того времени, воспоминания современников и сохранившаяся переписка Б. Г. с английской королевой Елизаветой I, австрийским императором Рудольфом II, его послом Николаем Варкочем (1591 г.) и римским папой Климентом VIII.

После войны со Швецией (1590—1593 гг.), завершившейся заключением Тявзинского «вечного мира», России были возвращены крепости Ивангород и Копорье, расположенные на пути к Балтийскому морю. Значительно больший успех был достигнут в 1591 г. в результате военных маневров под Москвой против союзника шведов крымского хана Казы-Гирея, в результате побед над которым Россия смогла отодвинуть свою оборонительную линию южнее, в «дикое поле», и за короткое время выстроила там целый ряд пограничных крепостей: Воронеж (1585 г.), Ливны (1586 г.), Елец (1592 г.), Белгород, Оскол, Курск (1596 г.).

В правление Б. Г. было продолжено начатое Иваном IV освоение Сибири: Сибирь была присоединена к России после одержанной в 1598 г. победы над последним сибирским ханом Кучумом; с 1600 г. стали брать ясак с Мангазеи; на сибирских землях стали строиться города (Тобольск — в 1587 г.); в глухих таежных местах за Уралом воеводы ставили острожки и укрепленные городки (Березов, Сургут, Обдорск, Нарым, Тара).

В 1589 г. Б. Г. (при содействии дьяков Щелкаловых, путем длительных дипломатических переговоров, посулов и диктата) добился от константинопольского патриарха Иеремии, приехавшего в Москву за очередной субсидией, согласия на поставление Иова патриархом всея России и подписи «Соборного постановления» об учреждении в России патриаршества. Важность обретенной русской церковью автокефальности было отмечено торжественным празднованием 26 января 1589 г. возведения Иова на патриарший престол, с шествием «на осляте», возглавляемом Б. Г.

При Б. Г. в 1590—1592 гг. предпринимались подготовительные меры для полного закрепощения крестьянства: по всей территории России шло составление писцовых кабальных книг, включавших портретные характеристики беглых холопов (П о л о с и н И. И. Социально-политическая история. . ., с. 221). Указы 1591—1592 гг. покончили с правом выхода крестьян от помещиков в «Юрьев день». Сам Б. Г., получивший в ведение северную область Вагу (Шенкурск), стал богатейшим в стране человеком.

В 1591 г., по случаю внезапной смерти 15 мая царевица Дмитрия Ивановича, начались народные волнения в Угличе, а в конце мая — московские пожары, спровоцированные Нагими (см., например, грамоту от 28 мая 1591 г. об Афанасии Нагом как инициаторе московских пожаров, опубликованную в 1929 г. А. И. Голубцовым). Для прекращения слухов о насильственном убийстве по воле Б. Г. царского наследника (слухи были подхвачены оппозиционными кругами и просочились за границу) была создана специальная следственная комиссия во главе с В. И. Шуйским. 2 июня в Кремле после оглашения дьяком Щелкаловым результатов следствия, содержащих полное опровержение версии об убийстве, собор высшего духовенства во главе с Иовом осудил Нагих за «измену» государю, возбуждение народных волнений и убийство государева дьяка Михаила Битяговского: вдовствующая царица Мария Нагая была пострижена в монахини, Михаил Нагой с братьями заточен в тюрьму, а углические повстанцы сосланы в Сибирь вместе с набатным углическим колоколом, у которого в наказание было урезано «ухо».

В 1594 г. (после смерти двухлетней царевны Феодосии) Б. Г. устранил от должности дьяка А. Я. Щелкалова, руководившего государственным приказным аппаратом и дипломатическим ведомством и ставшего в государстве слишком влиятельной фигурой (поводом к тому, по-видимому, послужила секретная беседа дьяка с австрийским послом Николаем Варкочем в 1593 г. о возведении на московский престол предполагаемого жениха царевны, немецкого принца эрцгерцога Максимилиана).

После смерти 21 февраля 1598 г. бездетного царя Федора Ивановича Б. Г., скрывшись с семьей в Новодевичий монастырь, продолжал некоторое время управлять оттуда страной именем вдовствующей царицы Ирины Федоровны (затем ипокини Александры).

Во время избрания Б. Г. на царство активную поддержку ему оказал патриарх Иов, который развернул широкую аги-

тацию за его кандидатуру (см., например, его «Окружную» грамоту от 15 марта 1598 г.//ААЭ, т. 2, № 1), организовывал народные шествия с поклонениями будущему царю и, наконец, оформил решение священного собора об избрании Б. Г. на царство «Грамотой утвержденной» (в первой ее редакции, датированной июлем 1598 г., которая была подписана только подвластным ему высшим духовенством).

Опираясь на армию, которую Б. Г. вывел из столицы под предлогом похода на крымского хана и которая присягнула ему во время этого адрельского похода под Серпуховом, он вернулся в Москву победителем и получил, наконец, признание своей кандидатуры в Боярской думе. 1 августа избрание его на царство было утверждено Земским собором 1598 г. (формирование которого затянулось на целый год) и было скреплено парадно оформленным текстом «Грамоты утвержденной», подписанной всеми его членами. 1 сентября Б. Г. был провозглашен царем (согласно несколько поповленному тексту «Чина венчания на царство» — ААЭ, СПб., 1836, т. 2, № 8), одержав таким образом победу над знатными конкурентами из рода Рюриковичей и Гедиминовичей, которые вновь было сделали безуспешную попытку скомпрометировать Годунова слухами о его причастности к насильственной смерти царевича Димитрия Ивановича и даже самого царя Феодора Ивановича.

В 1599—1600 гг. в связи с распространившимися слухами о тяжелой болезни Б. Г. (начавшими проникать за рубеж еще до венчания его на царство), которые вновь возродили надежды в оппозиционных кругах, Б. Г. принял ряд мер для утверждения новой династии: ввел клятву на кресте «не испортить» царской семьи никаким колдовским «зельем и кореньем» (ААЭ, СПб., 1836, т. 2, с. 38, 58—59) и молитву о многолети царской семье с испитием чаши о здравии государя. Молитва, написанная, согласно *Хронографу Русскому* 3-й редакции (по классификации А. Н. Попова), «мудрыми слагателями» (очевидно, не без участия патриарха Иова), должна была произноситься «на трапезах и вечерах», а нарушение этого приказа расценивалось как государственное преступление (О р л о в. Чаши государевы. . . , с. 13—14). В нарушениях подобного рода и были официально обвинены бывшие конкуренты Б. Г., вновь готовившие почву для переворота: Б. Я. Бельский (в 1599 г. после позорной казни сосланный в Нижний Новгород) и Романовы (в 1600 г. они были обвинены в «колдовстве» и покушении на жизнь царя, после чего Федор Никитич был пострижен в монахи под именем *Филарета* и сослан в Антониево-Сийский монастырь, его младшие братья Александр, Михаил и Василий отправлены в ссылку; опала постигла и их родственников князей Сицких и Черкасских, у которых, как и у Романовых, служил Григорий Отрепьев, а также дьяка В. Я. Щелкалова).

Крах правительства Б. Г. в последние годы правления, подготовленный целым рядом причин, был прежде всего обусловлен проводимой им политикой закрепощения крестьянства. Начало

Крестьянской войны ускорил постигший страну сильный голод, длившийся в течение 1601—1603 гг., от которого не могли спасти никакие предпринимаемые царем полумеры в виде временной отмены некоторых царских указов 90-х гг., даровой раздачи хлеба или предоставления работы некоторым голодающим. В 1603 г. правительственным войскам еще удалось подавить восстание Хлопка. Однако уже в 1604 г. недовольные народные массы, состоявшие преимущественно из беглых крестьян и холопов южных окраин России, стали примыкать к отрядам Лжедмитрия I, который начал военные действия против армии Б. Г. под именем «законного» царевича Дмитрия Ивановича.

По свидетельству современников, первые же известия о появлении Самозванца Б. Г. открыто расценил как осуществление давних планов боярской оппозиции. В ноябре 1604 г. он обратился (через австрийского императора Рудольфа II) с посланием к римскому папе Клименту VIII (принявшему Григория Отрешьева как повообращенного католика) в надежде разоблачить Самозванца и остановить интервенцию польского короля Сигизмунда III, однако письмо не застало папу в живых. Ошибочно приняв главным стратегическим направлением военную оборону против Речи Посполитой, правительство Б. Г. не придавало первоначально должного значения начавшейся в стране гражданской войне, не выставило регулярные войска на пути Самозванца, шедшего с южных окраин, и слишком поздно (только в январе 1605 г.) выступило с разоблачением его подлинного имени (см. изданные С. А. Белокуровым «Разрядные записи 7113—7121 гг.»).

В последние месяцы жизни Б. Г., одолеваемый болезнью, находился в состоянии отчаяния, грациившего с безумием, и страха перед Самозванцем (в лагерь которого не раз засылал тайных убийц или выштыывал о сыне у привезенной в столицу Марфы Нагой) и обращался за разъяснениями своих сомнений то к богословам, то к ворожбе, то к юродивым. Он скончался 13 апреля 1605 г. от «апоплексического удара», а 15 мая Лжедмитрий I одержал решительную победу под Кромами. Однако еще до вступления Самозванца в Москву вернувшиеся в столицу бывшие опальные представители боярской оппозиции (прежде всего Б. Я. Бельский), использовав народные волнения, поспешили расправиться с династией Годуновых, убив жену Б. Г. и его сына Федора. Первоначально Б. Г. был похоронен в Архангельском соборе, но при Лжедмитрии I прах его был перенесен в загородный Варсонофьев монастырь.

Легенда о полной необразованности и неграмотности Б. Г., который, по отзывам некоторых его современников-иностранцев, не умел ни читать, ни писать (ЧОИДР, 1911, кн. 3, с. 28), полностью развенчивается публикацией его автографов, фототипически воспроизведенных С. Д. Шереметьевым. Обучение Б. Г. и его сестры Ирины проходило под наблюдением их дяди Дмитрия Ивановича Годунова, человека не чуждого просвещению и обладавшего богатой библиотекой, много книг из которой он в конце жизни вложил в Ко-

стромской Ипатьевский монастырь (известны его Псалтырь 1591 г. и Евангелие 1605 г.). Однако писатели-соотечественники считали Б. Ф. малообразованным человеком, по-видимому, из-за недостаточного знания им книг св. Писания. Дьяк Иван Тимофеев писал о нем: «Царь не книгочий нам бысть». В то же время Семен Шаховской отмечал природную одаренность Б. Г. как оратора, пазывая его человеком «вельми сладкоречивым».

Не являясь высокообразованным и начитанным книжником, Б. Г. был для своего времени человеком с довольно широким кругом интересов. Б. Г. живо интересовался техническими новшествами: при нем в Москве был сооружен водопровод, подававший воду из реки Москвы в Кремль, а при дворе появились иностранные медики (в 1586 г. для царицы Ирины Федоровны были выписаны доктор и акушерка, а затем из Любека — врачи и «рудознавцы»). Б. Г. планировал введение в России школ по западному образцу и даже университета и сам посылал за границу для обучения иностранному языку нескольких дворянских «робят». При нем было осуществлено создание многотомного труда — *Чудовских книг четьих* (1600 г.) и в ряде городов открыты типографии.

Особенно поощрял Б. Г. развитие строительства, что благоприятствовало расцвету таланта русского архитектора Федора Кона, под наблюдением которого были возведены мощные укрепления вокруг Китай-города и вторая зубчатая стена вокруг Кремля, и который руководил строительством каменного города в Астрахани и сооружением неприступной крепости с 38 башнями в Смоленске. Б. Г. ревностно заботился и о благоустройстве столицы: по его приказу был надстроен столп колокольни Ивана Великого в Кремле, построено каменное Лобное место на Красной площади, залаты для военных приказных ведомств рядом с Архангельским кремлевским собором, каменные лавки в Китай-городе, новый широкий мост через Неглинную и была подготовлена модель грандиозного собора «Святая святых» на центральной площади Кремля, осуществлению строительства которого помешала смерть.

Однако, как и у большинства его современников, просвещенные взгляды Б. Г. уживались в нем с предрассудками и суевериями: он мог внезапно отказаться от лечения у иноземных врачей (как отказался от английских акушеров, приглашенных к царице Ирине) и обратиться к знахарям, колдунам и молитвам (потеряв таким образом сына-царевича) или, изгнав лекарей, начать причитать над больным в голос, как причитал он в 1602 г. над умирающим женихом царевны Ксении, герцогом Гансом Датским.

Умный и гибкий политик и дипломат, Б. Г. был выдающимся оратором, наделенным от природы красивым голосом и даром красноречия. Представление о его ораторском искусстве и эмоциональном воздействии его речей (сопровождаемых по свидетельству очевидцев выразительными жестами), которые он произносил при избрании на царство, можно в какой-то степени составить по их записям, вошедшим в состав «Грамоты утвержденной» 1598 г. и «Чина венчания на царство» (ААЭ, т. 2, № 7—8).

Едва ли следует приписывать Б. Г. все подписанные им грамоты и послания, поскольку за созданием и оформлением их как документов должны были прежде всего следить профессионально подготовленные приказные дьяки, в том числе и дьяки Посольского приказа, такие как А. Я. и В. Я. Щелкаловы или Иван Навроцкий и др. Однако несомненно участие Б. Г. как автора (и редактора) в создании посланий иностранным корреспондентам и ряда особо ответственных грамот, касающихся его личных запросов и политической позиции (таких, как, например, его грамоты Иову из Серпухова в 1598 г. — ААЭ, т. 2, № 3—4). В посланиях австрийскому императору Рудольфу II и римскому папе Клименту VIII одновременно с доводами о самозванстве Лжедмитрия I Б. Г. выдает и свои сомнения о подлинном лице Самозванца и начинает доказывать, что и сам царевич Димитрий Иванович как сын не принятой церковью седьмой жены Ивана IV не мог считаться законным наследником царского престола. В письмах к английской королеве Елизавете, кроме темы о льготных условиях торговли в России, предоставленных английским купцам, и ряда дипломатических проблем, Б. Г. касается также и заботивших его как отца вопросов об устройстве будущей семейной жизни его детей. Речам, посланиям и грамотам Б. Г. не свойственна книжная изощренность, они отличаются деловитостью, простотой изложения и совершенством делового стиля.

Изображение сложности и противоречивости личности самого Б. Г., свойственное писателям-современникам, которое впервые оказалось возможным, поскольку Годунов был не наследным, а выборным царем, привело, как показал Д. С. Лихачев, к новому решению проблемы характера в литературе начала XVII в.

Подавляющее большинство древнерусских сказаний и повестей о Смутном времени XVII в. (за исключением, пожалуй, только апологетических сочинений Иова) являются весьма тенденциозными источниками, отражающими оппозиционное отношение к Б. Г., созданное правительством В. И. Шуйского и утвердившееся при династии Романовых. Некритическое усвоение некоторых негативных оценок деятельности Б. Г., восходящих к первоисточникам XVII в., присуще и ряду историографов XVIII—XIX вв.: П. М. Карамзину (История государства Российского (1584—1604). М., 1824, т. 10—11), П. И. Костомарову (Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1604—1613). СПб., 1868, т. 1, с. 10—216), К. Н. Бестужеву-Рюмину (Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // ЖМНП, СПб., 1887, ч. 252, № 8, с. 49—112) и отчасти С. М. Соловьеву (История России, кн. 4. М., 1960, т. 7—8).

Сложность характера Б. Г. и драматизм событий его времени, отраженные в документальных и литературных памятниках XVII в., привлекли и внимание А. С. Пушкина. Опиравшийся в своем творчестве не только на труд П. М. Карамзина, но и на другие источники, А. С. Пушкин раскрыл глубокие социальные

корни трагедии Годунова, который слишком поздно увидел силу «мнения народного» и, не поняв пружин ее действия, ужаснулся мысли (перекликающейся с символикой «Медного всадника»), что «конь иногда сбивает седока» (П о л о с и н И. И. Социально-политическая история. . . , с. 244—245).

Изд.: СГГД. М., 1819, ч. 2, № 59; ААЭ. СПб., 1836, т. 2, № 3—4, 7—9; Сб. матер. по рус. истории нач. XVII в. / Пер., введ. и примеч. И. М. Болдакова. Прилож.: Выписки из дел корол. Архива в Копенгагене // Сообщ. Е. Н. Щепкиным. СПб., 1896, с. 59—74, 116—118; Ш е р е м е т ь е в С. Д. Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080—7111) // ЧОИДР. М., 1897, кн. 1 (180), с. 1—7; Л и х а ч е в Н. П. Истории дипломатических сношений с папским престолом при царе Борисе Годунове // ИОРЯС. СПб., 1906, т. 11, кн. 1, с. 316—336 и ил.; E v a n s N. Queen Elizabeth I and Tsar Boris: Five Letters, 1597—1603 // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1965, vol. 12, p. 49—68.

Лит.: Дрв. М., 1773, ч. 2, № XII—XV (английские грамоты к Б. Г.), № XII—XVIII (шведские грамоты к Б. Г.); СГГД. М., 1819, ч. 2, № 60, с. 103—123; ААЭ. СПб., 1836, т. 1, № 321—368, с. 382—457; т. 2, № 1—30, с. 1—85; Б у т к о в П. Договор о мире, заключенный между Россией и Швецией у Тязина 18 мая 1595 г. // ЖМНП. СПб., 1840, № 9, с. 325—378; АИ. СПб., 1841, т. 1, № 217—218, с. 411—415, № 229, с. 434—435, № 248, с. 464—466; АИ. СПб., 1841, т. 2, № 1—54, с. 1—66; ДАИ. СПб., 1846, т. 1, № 136—150, с. 228—254; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 2. (С 1594 по 1621 г.). СПб., 1852, стб. 3—920; П о п о в А. Н. Изборник славянских и русских статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869, с. 216—218; Н и к о л ь с к и й К. О службах русской церкви, бывших и прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885, с. 237—256; П л а т о н о в С. Ф.: 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888, с. 1—57, 80—108, 162—194, 227—281, 290—340, 351—368 (2-е изд. СПб., 1913); 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899, с. 192—297 (переизд. М., 1937); 3) Лекция по русской истории. СПб., 1904, с. 177—204; 4) Борис Феодорович // РБС. СПб., 1908, т. 3, с. 246—250 (доп. к статье К. Н. Бестужева-Рюмина); 5) Борис Годунов. Пг., 1921. 157 с.; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890, с. 1—453; С е м е в с к и й М. И. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. / ЛЗАК. СПб., 1893, вып. 9, с. 7—8, 55—60; Б е л о к у р о в С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.) // ЧОИДР. М., 1907, кн. 2, с. 1—6; Ж д а н о в И. Н. О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»: Лекция в Александровском лицее. СПб., 1892, с. 3—38 (переизд. Соч. СПб., 1907, т. 2, с. 99—134); Б е с т у ж е в - Р ю м и н К. Н. Борис Годунов // РБС. СПб., 1908, т. 3, с. 238—246; П о к р о в с к и й Н. В. Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1908, с. 18—32; О р л о в А. С. Чашни государевы. М., 1913, с. 3—18, 30, 39—41; Г о л у б ц о в П. А. «Измена» Пагих // Учен. зап. Рос. ассоц. н.-иссл. ин-тов обществ. наук Ин-та ист. (РАНИОН). М., 1929, т. 4, с. 55—70; Б а з и л ь е в и ч К. В. Борис Годунов в изображении Пушкина // ИЗ. М., 1937, т. 1, с. 29—54; Г р е к о в Б. Д. Исторические воззрения Пушкина // Там же, с. 18—21, 25; Л ю б о м и р о в П. Г. Новые материалы для истории Смутного времени // Любимиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, с. 299—302 (то же: Учен. зап. Саратов. ун-та, Пед. фак., 1926, т. 5, вып. 2, с. 99—102); Д е р ж а в и н а О. А. Анализ образов повести XVII в. о царевиче Дмитрии Угличском: (Из дис. «Повесть XVII в. о царевиче Дмитрии Угличском») // Учен. зап. Моск. гор. нед. ин-та. М.; Л., 1946, т. 7. Кафедра рус. лит., вып. 1, с. 21—34; С м и р н о в П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947, т. 1,

с. 160—188; 331—343; Буганов В. П.: 1) Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова: (Записи в Разрядной книге) // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1957, в. 19, с. 167—184; 2) Разрядная книга 1475—1598 г. / Подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966, с. 3—8, 341—545; Корецкий В. И. 1) Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в.: (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня) // Ист. СССР, 1957, № 1, с. 161—191; 2) Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ, 1971, с. 130—152; Б уд о в и ц И. У.: 1) Борис Годунов // ИЭ. М., 1962, т. 2, стб. 619—620; 2) Словарь, с. 31, 52, 241, 278, 318; П о л о с и н И. И. Социально-политическая история России XVI—нач. XVII в. М., 1963, с. 218—245; Allen W. D. The Georgian Marriage Projects of Boris Godunov // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1965, vol. 12, p. 69—79; А п п и л о г о в Г. Н. Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967, с. 7—109, 307—445; Са х а р о в А. Н. Переписка Елизаветы Английской с Борисом Годуновым // ВИ, 1967, № 2, с. 197—199; Л и х а ч е в Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 7—26; М о р д о в и н а С. П.: 1) К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 г. М., 1970, с. 127—141; 2) Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // ВИ, 1971, № 2, с. 55—63; С к р ы н и к о в Р. Г.: 1) Борис Годунов и царевич Дмитрий // Тр. ЛОИИ: Исслед. по соц.-полит. истории России. Л., 1971, вып. 12, с. 182—197; 2) Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова // Ист. СССР, 1975, № 2, с. 48—68; 3) Борис Годунов. М., 1983, 192 с.; A p p l e b y J. H. Doctor Christopher Reitingen and a Seal of Tsar Boris Godunov // Oxford Slavonic Papers, 1979, vol. 12, p. 32—39; Б р ю с о в а В. Г. Ипатьевский монастырь. М., 1982, с. 15—35.

Н. Ф. Дробленкова

Булев (Бюлов) Николай (сер. XV в. — 1548 г.) — врач, переводчик и публицист. Основные сведения о жизни Б. сохранились в двух документах (1548 и 1585 гг.) из Ревельского архива, связанных с тщетными попытками родственников умершего Б. получить его наследство, оставшееся в России. Уроженец Любека (известны имена его отца и отчима — Ганс Бюлов и Клавес Штруес, а также матери, братьев и сестер), Б. получил образование в Ростовском университете (1480—1483/1484 гг.). Об обширных познаниях Б. известно со слов его русских корреспондентов, а также из отзыва императорского посла Ф. да Колло, который видел в Москве в 1518 г. «маэстро Николая Любчанина, профессора медицины, астрологии и основательнейшего во всех науках». Предполагают, что Б. принял духовный сан. Согласно Н. Ангерманну, Б. был в России дважды. В первый раз он прибыл сюда в 1490 г. в составе посольства Георга фон Турна; за значительное вознаграждение он должен был заниматься составлением новой пасхалии. В этот первый приезд деятельность Б. протекала при дворе новгородского архиепископа *Геннадия*. После 1504 г. Б. уехал из Новгорода и поступил на службу к папе Юлию II. В 1508 г. Б. уже вновь в России, состоит придворным врачом при великом князе *Василии III*. Имя Б. фигурирует в летописном рассказе о смерти *Василия III* (1533 г.). Основная полемическая деятельность Б. приходится на второй период его пребывания в России. Попытка Ф. да Колло добиться освобождения Б. от службы при великом князе не увенчалась успехом; Б. до конца

своих дней жил в Московском государстве, а его значительное наследство перешло в царскую казну.

С большим или меньшим основанием Б. приписывают несколько переводов. Наиболее ранний из них, автором которого ряд исследователей считает Б., — перевод восьмой части трактата о времяисчислении «*Rationale divinatorum officiorum*» Вильгельма Дурандуса, сделанный по страсбургскому изданию 1486 г. (сохранился в единственном списке — ГПБ, собр. Погодина, № 1121). Б., вероятно, является автором перевода направленного против иудаизма полемического трактата Самуила «евреина» «*Rationes breves magni rabi Samuelis iudei patri*», сделанного по кельнскому изданию 1493 г. (обзор мнений об авторе перевода см.: Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 270, примеч. 225). Сочинение Самуила «евреина», переведенное Б. в 1504 г., позднее подверглось критике со стороны *Максима Грека*. С именем Б. связан перевод на русский язык по поручению митрополита *Даниила* «Травника» (1534 г.), изданного в Любеке в 1492 г. В рукописях указывается, что это сочинение «перевел полоняник Литовской, родом Немчин Любчанин». Оно было первым переводным медицинским трактатом в Древней Руси и сыграло важную роль в истории врачевания. С некоторой долей вероятности можно предположить, что Б. перевел многократно издававшийся астрологический альманах Штоффлера, идеи которого подвергли критике *Филофей*, старец Елеазарова монастыря, и *Максим Грек*.

Из оригинальных сочинений Б. сохранилась только беседа об иконе «Сонствие святого Духа» (в числе других списков известна в составе иконописных подлинников и *Азбуковников*); в этой беседе Б. излагает некоторые вопросы иконописания с католической точки зрения. Полемические произведения Б. не сохранились; о содержании их можно судить по ответным посланиям русских публицистов. В своих сочинениях Б. пропагандировал соединение католической и православной церквей, с одной стороны, и астрологию, с другой стороны. В промежутке между 1506 и 1515 гг. Б. написал послание в защиту греко-латинской унии, обращенное к ростовскому архиепископу *Вассиану Санину*; В. Жмакин обнаружил анонимное опровержение этого послания. Период особой активности Б.-публициста приходится на конец 10-х—начало 20-х гг. XVI в. В это время в ожесточенную полемику с Б. вступает *Максим Грек*, который в целом ряде сочинений опровергает мнение Б. о незначительности различий между православной и католической церквями. Среди сочинений *Максима Грека*, посвященных конфессиональным вопросам, выделяется его «Слово на латинов»; анализ состава этого сочинения, в котором опровергаются «главизны» Б., дает возможность восстановить в общих чертах утраченный трактат публициста, в котором доказывалось преимущество католического догмата *filioque*. Пропаганда астрологии, которой успешно занимался Б., встретила в России сочувствие, в частности, в лице *Ф. И. Кар-*

пова. Однако другие публицисты (Максим Грек, Филофей в послании *Мисюрю Мунехину*) выступили с развернутой критикой астрологических предсказаний Б. Особенно яростный протест вызвала пропаганда Б. астрологического альманаха Штоффлера, в котором предсказывался потоп в 1524 г. О полемических сочинениях Б., написанных после 1524 г., ничего не известно; видимо, это объясняется тем, что предсказание Штоффлера не осуществилось. Вероятно, тогда же в жизни Б. произошли какие-то крупные изменения (возможно, ошала), о чем можно судить по «Слову на Николая Немчина, прелестника и звездочетца» Максима Грека: «Миру убо преставление предвозвещати спешил еси, о Николае, повинувся звездам, внезапное же жития твоего раззорение предрещи не возмогл еси».

Изд.: Буслаяев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 2, с. 292—293 (перепеч. в кн.: Буслаяев Ф. И. Соч. СПб., 1910, т. 2, с. 298—299) (пер. на рус. яз.); Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. 8. Из истории иконописи // ИОРЯС, 1915, т. 20, кн. 1, с. 274—276; Ковтун Л. С. Символика в азбуковниках // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 38, с. 229.

Лит.: P a b s t E. Nicolaus Bulow, Astronom, Dolmetsch und Leibarzt beim Großfürsten in Rußland // Pabst E. Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands. Reval, 1873, Bd 1, S. 83—86; Жмакин В. Памятник русской противокатолической полемики XVI века // ЖМНЦ, 1880, ч. 211, с. 319—332; P a n s e n G. von. Dr. Nikolai Bulow, 40 Jahre in Rußland // Baltische Monatsschrift, 1892, Bd 39, S. 60—63; Майков Л. Н. Последние труды // ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 379—392; Святский Д. О. Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI в. // Изв. Научн. ин-та им. П. Ф. Лесгафта, 1929, т. 15, вып. 1—2, с. 45—55; R a a b H. Über die Beziehungen Bartholomäus Ghotans und Nicolaus Buelows zum Genadij-Kreis in Novgorod // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock: Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1958/59, Jhrg. 8, H. 3, S. 419—422; Зимин А. А. Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 78—86; S c h u l t z e V. Maksim Grek als Theologe. Roma, 1963 (Orientalia Christiana Analecta, N 167); A n g e r m a n n N. 1) Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Rußland um 1500 // Hansische Geschichtsblätter, 1966, Bd 84, S. 45—47; 2) Nicolaus Bulow: Ein Lübecker Arzt und Theologe in Novgorod und Moskau // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 1966, Bd 46, S. 88—90; 3) Neues über Nicolaus Bulow und sein Wirken im Moskauer Rußland // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, N. F., Bd 17, H. 3, S. 408—419; Гольдбергер А. Л. Три «послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 68—97; M i l l e r D. V. The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // Viator, 1978, vol. 9, p. 395—412.

Д. М. Буланин

Валаамская беседа («Месяца сентября в 11 день пренесение мощей преподобных отец наших Сергия и Германа, Валаамского монастыря начальников. . . Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа, Валаамского монастыря начальников. . .») — памятник русской публицистики XVI в. В. б. посвящена одному из важнейших вопросов внутренней политики Древней Руси XV—XVI вв. — вопросу о церковном и монастырском землевладении. Ожесточенный противник монахов-вотчинодержателей, автор В. б. обращается к царю с призывом изменить систему, при которой «непогребенные мертвецы», т. е. монахи, вмешиваются в светские дела. По мнению автора В. б., главе государства, «самодержцу», не следует делить власть с духовенством. В. б. написана в жанре беседы-поучения, которое вложено в уста основателей Валаамского монастыря Сергия и Германа.

Об авторе В. б. в литературе высказывались разнообразные мнения. Первый издатель памятника О. М. Бодянский приписал его *Вассиану Патрикееву*. К мнению О. М. Бодянского присоединились В. С. Икошкинов, И. Хрущов, К. И. Певоструев, В. Жмакин, С. Л. Авалиани. С. Л. Авалиани считал, что Вассиан Патрикеев написал В. б. после собора 1531 г., и этим объясняются ее отличия от других его произведений. Н. Петров высказал предположение, что авторы В. б. — Адриан, игумен Андросовской пустыни на Ладожском озере, и *Геннадий Люблимоградский*. Ни то, ни другое предположение нельзя признать убедительным. Различные соображения высказывались о социальной принадлежности автора В. б. Долгое время считалось, что В. б. написана сторонником боярской партии; по мнению И. И. Смирнова, памятник вышел из среды черного волостного населения русского Севера; И. У. Будовниц видел в В. б. выражение идеологии рядового монашества. Г. Н. Моисеева, составитель научного издания В. б., считает произведение памятником дворянской публицистики.

Датировка В. б. также была предметом оживленного обсуждения. И. А. Стратонов полагал, что памятник возник в связи с секуляризационными мероприятиями начала XVI в. А. А. Зимин относит составление произведения к концу XVI—началу XVII в., присоединяясь к точке зрения А. Е. Преснякова. Наиболее убедительной следует признать датировку В. б. серединой XVI в. Г. Н. Моисеева доказывает, что памятник создан во время заседаний Стоглавого собора (не ранее февраля и не позднее мая 1551 г.).

Поверив автору В. б., который в стереотипной формуле заявлял о своей неучености, многие исследователи писали о художественной ценности памятника. Между тем особенности

поэтики произведения, которое характеризуется многократными повторениями основной мысли, поочередными обращениями к царю и к инокам (последнее обстоятельство заставило Г. П. Бельченко увидеть в В. б. соединение двух сочинений), являются следствием художественного замысла автора В. б. Во многих отношениях В. б. близка к сочинениям *И. С. Пересветова*; характерно, в частности, обращение к деловой письменности.

В. б. получила широкое распространение в рукописной традиции. Г. П. Монсева выделяет первоначальную редакцию произведения, распространенный вид первоначальной редакции и вторую редакцию. Во второй редакции, сохранившейся в единственном списке, переработаны места, касающиеся управления государством; редактор противопоставляет мелким перодовитым феодалам представителей крупной феодальной знати. В некоторых списках распространенного вида первоначальной редакции текст В. б. расширен позднейшими добавлениями — «Иным сказанием тое ж Беседы», «Изветом» *Иосифа Волоцкого* и «Проречением» Кирилла Новозерского.

Изд.: Рассуждение инок князя Вассиана о неприличии монастырям владеть вотчинами / Изд. О. Бодянский // ЧОИДР, 1859, кн. 3, с. 1—16; Дружинин В., Дьяконов М. Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев: Апокрифический памятник XVI в. СПб., 1889; Монсева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958.

Лит.: Петров Н. Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев // Филол. зап., 1905, вып. 3—4, с. 1—36; вып. 5—6, с. 37—54; Авлиани С. Беседа преподобных Сергия и Германа валаамских чудотворцев как исторический источник // БВ, 1909, № 3, с. 368—383; Гудзий Н. К. К вопросу об авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» // РФВ, 1913, № 3, с. 151—160; Бельченко Г. П. К вопросу о составе и об авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев». Одесса, 1914; Седелников А. Д. Две заметки по эпохе Ивана Грозного // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 167—173; Смирнов И. И. «Беседа валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. // ИЗ. М., 1945, т. 15, с. 247—261; Зимин А. А. «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства // ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11, с. 198—208; Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // РЛ, 1980, № 3, с. 139.

Т. В. Буланина

Варлаам (ум. 1586 г.) — епископ Суздальский, автор повести, в которой рассказывается об обнаружении им текста Жития Евфросинии Суздальской и об обстоятельствах канонизации этой святой. В. был постриженником Махрицкого монастыря, очень недолго (с конца 1569 г.) был там игуменом, в 1570 г. получил епископскую кафедру в г. Суздале, погребен в Махрицком монастыре.

Известное в одной редакции Житие Евфросинии Суздальской, написанное иноком Евфимиева монастыря *Григорием*, сопровождается: 1) описанием чуда 1558 г., 2) повестью В. «О изобретении стихир, и канона, и жития княжны Евфросинии, без вести бывше

много лет», написанной от первого лица. Повествование В. перемежается перечислением чудес, происходящих у раки святой. Вопрос об авторе чуда 1558 г. остается открытым, предполагается, что эта статья скорее всего была написана Савватием, игуменом Махрицкого монастыря, который, согласно рассказу В., увез Житие из Суздаля и на долгие годы задержал у себя «для переписания чудес». Однако существует мнение, что автором ее был сам Григорий. Вопрос о том, кому принадлежит описание последующих чудес, в научной литературе не обсуждался.

По косвенным данным установлено, что свою повесть В. написал в 1577—1580 гг. Во время «путного шествия» из Москвы в Махрицкий монастырь В. случайно в монастырской книгохранительнице обнаружил Житие Евфросинии, которое тщетно искал в Суздале. Обнаруженный текст В. представил царю и митрополиту и добился установления собором празднования памяти святой. В. называет и конкретных лиц, и реальные события, но передано это с соблюдением витиеватого стиля, свойственного житийному канону. Жанр повествования об обстоятельствах создания жития, включаемого в состав самого жития, был общеприятным. В русской практике в этом жанре нередко выступают не сами авторы житий, а лица, собирающие материал и создающие условия для написания агнографического сочинения.

В роли собирателя материала и организатора создания житий В. выступал и ранее, будучи иноком Махрицкого монастыря. Примерно в начале 60-х гг. XVI в. агнографом *Иоасафом* были написаны Жития Григория и Кассиана Авнежских и Стефана Махрицкого. В Житии Григория и Кассиана Авнежских сообщается, что «главным источником сказания об Авнежских чудотворцах служили рассказы Махрицкого игумена Варлаама, который по поручению митрополита в 1560 г. на месте собирал сведения о чудесах и по донесению которого собор, установив празднование Григорию и Кассиану, распорядился составить сказание о них» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 279). Стараниями В. было написано тем же Иоасафом и Житие Стефана, основателя Махрицкого монастыря. В. отыскал в кладовой монастыря свитки с краткими записями прадеда своего Серапиона, современника Стефана, кроме того, сам описал чудеса святого, виденные им самим и со слов других свидетелей, а также включил в свой труд рассказы, слышанные им в детстве от прадеда. Этот материал он представил царю и митрополиту, которые поручили Иоасафу в соответствии с агнографическим каноном составить жизнеописание святого. Иоасаф прежде, чем приступить к написанию Жития, посетил Махрицкий монастырь и сам прочитал записи Серапиона и расспросил В. и других иноков. Все эти подробности о создании Жития Стефана описаны в самом памятнике.

Дошедшие сведения показывают, что сам В. не принадлежал к числу агнографов-профессионалов, но не лишен был литературных способностей. Судить о степени его писательских возможностей позволяет его повествование об обнаружении Жития Евфросинии.

Изд.: Житие и жизнь благоверных великих княжны Еуфросинии Суздальския: Списано иноком Григорием / Изд. ОЛДП. СПб., 1888, с. 132—148; Георгиевский В. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Ист.-археол. описание. Владимир, 1900, Приложение, с. 59—62.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 279—280, 285—286; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 655; Колобанов В. А. Владимиро-суздальские литературные источники XIV—XVI вв.: (Учебное пособие). М., 1982, с. 52—53.

Р. П. Дмитриева

Варлаам (ум. IV 1601 г.) — митрополит Новгородский, автор послания валаамским старцам и нескольких распорядительных грамот. В. был поставлен на митрополию «Великому Новгороду и Великим Лукам», согласно *летописям Новгородской II* (Прибавление) и Новгородской III, в 7100 (1592) г. из архимандритов московского Чудова монастыря. Похоронен был В. в Софийском соборе в Новгороде в Мартириевской паперти. Сведения, читаемые у Филарета, Толля, Венгерова, о том, что В. был митрополитом с 1594 по 1604 гг., очевидно, неверны. Согласно Мазурицкому летописцу последней трети XVII в., при В. была освящена церковь Воскресения «в Павлове монастыре, на Павлове улицы, в Великом Новгороде, в Славенском конце».

Послание Варлаама, датируемое 1592 г., валаамским старцам в «обитель Оптонья Великого во общий монастырь на Дыми Валаамского монастыря» наставляет их не нарушать «закона», уставленного истарии в Валаамском монастыре, жить в согласии и послушании. Послание опубликовано в АИ под № 236; здесь же под № 231—235, 237—241 опубликованы девять тарханских грамот, выданных В. в 1592 г. различным лицам и одна поместная грамота 1594 г. (№ 244).

Изд.: АИ. СПб., 1841, т. 1, №№ 231—241, 244.

Лит.: ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. 187, 263; М., 1968, т. 31, с. 147, 148; Толль Ф. Необходимое дополнительное Приложение к настольному Словарю. СПб., 1866, с. 86; Филарет. Обзор, с. 216; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1892, т. 10, с. 529; Титов С. А. 1) Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. . . СПб., 1895, ч. 4, отд. 2, с. 90—91; 2) Источники Словаря русских писателей. СПб., 1900, т. 1, с. 485; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, с. 107, 113, 192.

М. А. Салмина

Варлаам (кон. XVI в.) — игумен Коневского монастыря, автор Жития Арсения Коневского. Основанием считать В. создателем Жития Арсения Коневского является упоминание о нем в заглавии Жития: «Месяца июня в 12 день житие и подвизи и отчасти чудес исповедание преподобнаго Арсения, начальника Коневского монастыря. Списано игуменом Варлаамом тоя же обители Коневския» (рук. БАН, Арханг. собр., Д. 233, л. 490 об.). Строев (Словарь, с. 41) и Филарет (Обзор, с. 209) автором Жития считают *Василия-Варлаама*. Однако ни Строев, ни Филарет не приводят никаких

доказательств для отождествления псковского Варлаама с коневским игуменом. Ключевский держался мнения, что, кем и когда было написано это произведение, остается неизвестным. Биографических сведений о игумене В. не сохранилось. В «Списке иерархов» П. Строев помещает В. среди игуменов Коневского монастыря после Шмена (1551 г.) и до Леонтия (1610 г.); даты игуменства В. неизвестны. Имя В. как автора Жития Арсения повторяется в нескольких списках (количество списков вообще невелико), поэтому нет оснований не признавать этого известия за достоверный факт. По дошедшим документам известно два Варлаама, имеющих отношение к Коневскому монастырю. В новгородской летописи под 1571 г. упоминается игумен Деревяницкого монастыря Варлаам (ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 167). С 1573 г. по 1594 г. после разорения шведами Коневского монастыря монахи его поселились в Деревяницком монастыре. Возможно, в какие-то годы после 1573 г. этот Варлаам руководил братией Коневского монастыря. Грамоту 1610 г. к царю от Коневского монастыря вместе с игуменом Леонтием подписал «бывший крутицкой епископ Варлаам» (Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. СПб., 1869, с. 9). Однако приведенных сведений недостаточно, чтобы автора Жития Арсения отождествить с одним из названных Варлаамов.

По мнению Ключевского, полная редакция Жития основана на первоначальной, которая была лишена книжных риторических украшений. Существование этой первоначальной редакции доказывается наличием двух отрывков (в рук. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 806, XVII в., л. 244—246), отличающихся простотой изложения. Списки полной редакции относятся к XVII—XVIII вв. Текст Жития этой полной редакции изобилует наличием местных географических названий, конкретных дат и имен лиц, с которыми Арсению приходилось общаться. Любопытным в этом отношении является традиционность авторского предисловия, в нем сообщается: «Времени же лет рождения его и звания мирского и родителей, иже по плоти того родиста, именованна обрести невозможном, прехождения ради многих лет». Это предложение является данью канону, оно повторяется, например, в Житии Саввы Крыпецкого (отметим, автором его признается Василий-Варлаам). Далее в Житии Арсения Коневского сообщаются хотя и кратко, но вполне конкретные данные из его биографии — он родился в Повгороде и был «ковач меди», затем ушел в монастырь «Исыя гора». Все это позволяет считать, что жизнеописание Арсения начало вестись задолго до составления полной редакции. Однако окончательный вывод о литературной истории Жития можно сделать только после изучения всех его списков. Это произведение представляет интерес для изучения закономерностей создания произведений житийного жанра, а также содержащейся в нем большой информацией об условиях жизни и быта населения русского севера в XIV—XVI вв. Текст Жития Арсения вместе со службой и похвальным словом ему издан в Синодальной типо-

графии, общего титульного листа издание не имеет, экземпляр книги хранится в рукописном отделе БАН, 24.7.14 (из библиотеки И. И. Срезневского). Изданный текст представляет иную редакцию, чем в списке БАН, собр. Археогр. ком., № 3, л. 7 об. — 29 об.

Изд.: Житие Арсения, служба ему и похвальное слово. СПб., 1850.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 357; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 285; Барсуков. Источники агиографии, стб. 58—59; Филарет. Обзор, с. 209; Пимен, архим. Рождественский Конаевский монастырь. СПб., 1892; Будовниц. Монастыри на Руси, с. 120—126.

Р. П. Дмитриева

Варлаам, соловецкий монах см. *Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских.*

Варсонофий (2-я пол. XV в.) — иеромонах, автор «Хождения». В 1456 и 1461—1462 гг. В. совершил два хождения в Иерусалим через Палестину, Сирию, Египет, Синай и составил описание своего путешествия (известно в одном списке XVII в.). «Хождение» В. не содержит автобиографических сведений. Оно составлено в традиционном жанре путешествий по «святым местам» и позволяет представить себе маршрут и длительность пребывания паломника в пути (в Иерусалиме — два месяца, в том числе четыре ночи у гроба Господня). Наблюдательность автора проявилась при описании наиболее почитаемых святынь и памятников Латакии, Триполи, Дамаска, Бейрута, Каира (Мисюря) и др. Путь от Каира до Синая В. совершил в караване паломников, в числе которых были не только христиане, но и мусульмане. Большинство христианских святынь В. описывает, вспоминая библейские легенды и отчасти устные предания о них.

Изд.: Хождение священноинок Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—1462 гг. // ИИС. М., 1896, т. 15, вып. 3 (кн. 45); Хождение Варсонофия в Египет, на Синай и в Палестину // Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984, с. 162—168; 343—349, 414—417.

Лит.: Тихомиров Н. С. Сочинения. М., 1898, т. 1, с. 282—299; Прокофьев Н. П. Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. МГУ им. В. И. Ленина, № 363), с. 209—212; Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 261—266.

О. А. Белоброва

Василий II Васильевич (Темный) (1415—1462 гг.) — великий князь Московский (с 1425 по 1462 г. с небольшими перерывами), организатор летописания, вероятный автор воспоминаний о своем ослеплении. В. вступил на престол после смерти своего отца Василия I Дмитриевича, еще не достигнув девятилетнего возраста, и сразу же его права на престол стали оспариваться другими князьями. Согласно завещанию деда В. В. Дмитрия Ивановича Донского, престол после смерти его старшего сына Василия должен был перейти к следующему сыну — Юрию (занимавшему

при Василии I престол удельного княжества Галицко-Звенигородского); Василий I парушил это завещание, передав престол своему сыну. Борьба за престол в 1425—1430 гг. была временно прекращена решением ордынского «царя» Улу-Мухаммеда, давшего великое княжение В. В. Но Юрий Дмитриевич вскоре вновь начал борьбу и захватил Москву, где и умер в 1434 г. После смерти Юрия В. В. вернул себе великокняжеский престол, но его права вскоре стали вновь оспариваться сыновьями Юрия Галицкого — Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В 1445—1447 гг. Шемяка со своим союзником Иваном Можайским, пользуясь тем, что В. В. потерпел сокрушительное поражение от казанского хана и, попав в плен, вынужден был согласиться на выплату колоссального «окупа» татарам, устроили заговор против В. В. Великий князь был свергнут, ослеплен (отсюда его прозвище — Темный) и официально отрекся от прав на престол. В. В. был сослан в Вологду, но вскоре бежал в Кирилло-Белозерский монастырь и начал новую борьбу с Шемякой. С помощью тверского великого князя ему удалось занять Москву; Шемяка бежал в Новгород, где был в 1453 г. отравлен. Последнее десятилетие правления В. В. было ознаменовано рядом политических успехов: в 1456 г. великий князь одерживает победу над Новгородом и вынуждает его признать вассальную зависимость от Москвы; тогда же под фактическую власть великого князя переходит и Рязань; незадолго до смерти В. В. было подчинено и Ярославское княжество.

Со временем В. В. связан ряд летописных сводов. Наиболее ранним из них был свод, лежащий в основе *летописей Софийской I* и *Новгородской IV* и условно датируемый 1448 г. Свод этот, судя по младшей редакции СЛ, включал и рассказ о борьбе В. В. с галицкими князьями, но изложенный чрезвычайно сдержанно и нейтрально (титлом «великий князь» именовались здесь и В. В., и его соперники — Юрий Галицкий под 1434 г. и Дмитрий Шемяка под 1446 г.); национально-объединительные идеи свода и осуждение «братоненавидения» были выражены в статьях, посвященных предшествующим событиям, — в *Повести о Куликовской битве*, «Слове о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» и т. д.

Наиболее непосредственное выражение политическая линия В. В. получила в великокняжеском летописании, наиболее ранняя редакция которого относится к 50-м—началу 70-х гг. XV в. и представлена Музейным летописцем (текст доведен до 1452 г.) и летописью Лавровского (основной текст обрывается на 1469 г.), а также *летописями Пиканоровской* и *Вологодско-Пермской*, содержащими великокняжеский свод начала 70-х гг. XV в. Во всех этих летописях помещен подробный рассказ о борьбе В. В. за великокняжеский престол, включенный впоследствии в *Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г.* и последующее официальное летописание.

Характерной особенностью этого рассказа можно считать близость его автора к В. В. и явное сочувствие ему при изложении

всех перипетий борьбы за престол. В особенности это относится к рассказу о свержении и ослеплении В. В. в 1445—1446 гг., имеющему особый заголовок: «О великого князя изымании, како поиман бысть князем Иваном Одресвичем у Троицы, в Серьгееве монастыре». Подробнейшее описание событий, главным, а иногда и единственным свидетелем которых оставался В. В., дает основание предполагать, что источником его являются воспоминания самого В. В., изложенные слепым князем своему летописцу.

Характерно, что, несмотря на близость и постоянное сочувствие летописного рассказа великому князю, никакого ореола героя или даже мученика В. В. в этом рассказе не имеет. Великий князь ведет себя опрометчиво. Он не подозревает о подготовленном заговоре, не верит перебежчику Бунко, предупредившему его об опасности, и даже приказывает избить его. Тем временем Иван Андреевич Можайский приближается к Троице-Сергиеву монастырю, где находился В. В. Когда великий князь убедился в том, что захвачен врасплох, он не смог найти коня, чтобы бежать, и укрылся в монастыре. Но не надеясь на традиционное право убежища в храме, В. В. сам вышел из него с иконой в руках и стал «воить», обращаясь к Ивану Дмитриевичу: «Брате, помилуй мя, не лишите меня зрети образа божия!». Несмотря на обещание можайского князя не сотворить никакого «лиха» великому князю, В. В. не желает покидать монастырь, хватаясь за гроб Сергия, «кричанием моляся, захлинаяся». Иван Можайский приказывает своему слуге: «Возьми его»; великого князя сажают в «голые сапп» и отвозят в Москву — на ослепление.

Рассказ об ослеплении В. В., основанный, очевидно, на его воспоминаниях, строится не на этикетных формулах, как житийные и многие летописные рассказы, а на живых деталях, и именно благодаря этому образ В. В. в этом рассказе оказывается более человечным, чем традиционные образы князей-страдальцев. Этим рассказ об ослеплении В. В. напоминает такие памятники, как Записка *Иннокентия* о последних днях Пафнутия Боровского или «Хожение за три моря» *Афанасия Никитина*. Рассказ об ослеплении издан в составе Никаноровской летописи и *Летописного свода Московского великокняжеского конца XV в.*

Именем В. как великого князя подписаны два послания в Константинополь в защиту прав митрополита *Ионы*, избранного без санкции патриарха. Первая из этих грамот адресована в одном списке патриарху, в другом — императору (оба без имени) и датируется обычно 1441 г., вторая — императору Константину и датируется 1451—1452 гг. Однако датировка и самый факт отправления обеих грамот вызывают сомнения; вероятнее всего, они составлены в 50—60-х гг., когда у Ионы появился соперник — киевский митрополит всяя Руси.

Изд.: РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 62; ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 264—265; М., 1962, т. 27, с. 110—111; ПЛДР. М., 1980, XIV—сер. XV в., с. 504—521.

Лит.: Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 171—172; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской

Василий III Иванович (25 III 1479 г.—4 XII 1533 г.) — великий князь Московский и всея Руси (с 1505 г.), автор посланий. В княжение В. И. к Русскому государству были присоединены Псков и Смоленск. Уже назначенный В. И. наследником его отца *Ивана III Васильевича* было связано с разгромом повгородско-московской ереси в начале XVI в.; правление В. И. — время жесткой унификации русской культуры. Общерусское летописание существует в этот период лишь как официальное великокняжеское; относительно независимые летописные своды сохранились лишь в Пскове. Светские «неполезные» повести почти исчезают из обращения, довольно широкое распространение получает публицистика: поздние сочинения *Иосифа Волоцкого*, митрополита *Даниила* и их противников — *Вассиана Патрикеева*, *Максима Грека* и др. После смерти великого князя возникает развернутая *Повесть о смерти Василия III*, многократно перерабатывавшаяся в последующем летописании.

Как и его отец Иван III, В. выступал в качестве автора ряда дипломатических посланий, но выделить из сохранившихся «Посольских дел» его послания (в отличие от посольских речей и ответов) как памятники индивидуального творчества едва ли возможно. Послание В. его сестре *Елене Ивановне*, написанное в 1507 г., продолжает переписку между Иваном III и его дочерью о соблюдении «греческого закона» в Западной Руси. Письма В. И. его второй жене, *Елене Васильевне* (Глинской), представляют собой редкий для Московской Руси памятник чисто личной переписки: великий князь выражает беспокойство по поводу здоровья жены и младенца-сына (будущего *Ивана Грозного*) и не выходит за рамки бытовых тем.

Изд.: Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. Археогр. ком. М., 1848, т. 1, с. 1—5; ПДС. СПб., 1851, т. 1; РИО. СПб., 1882—1895, т. 35, 41, 53, 95.

Лит.: Костомаров Н. И. Московский государь великий князь Василий Иванович // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874, отд. 1, вып. 2, с. 341—369.

Я. С. Лурье

Василий (в иноках Варлаам) (XVI в.) — псковский священник, автор житий, служб святым и других произведений. Писательская деятельность В. падает на 40—60-е гг. XVI в. Скучные биографические сведения об этом писателе устанавливаются только на основании авторских приписок к его сочинениям.

Наиболее ранним из его произведений является *Житие Евфросина Псковского*, составленное В. в 1547 г. по просьбе монахов Елеазарова монастыря. Основным источником для В. послужила первая редакция *Жития*, относящаяся к началу XVI в. Чудеса были описаны В. на основании монастырских записей и, главным

образом, по рассказам очевидцев. При написании похвалы, следующей за чудесами, В. пользовался текстами произведений *Пахомия Серба* и *Епифания Премудрого*. Проложное Житие Евфросина (в рук. XVI в. псковского происхождения — ГБЛ, собр. Румянцова, № 397) представляет собой сокращение редакции В., однако неизвестно, кем было проведено это сокращение. Житие Евфросина в редакции В. было включено в *Великие Минеи Честныи* (Успенский и Царский списки).

В 1550—1552 гг. В. составил Житие псковского князя Всеволода-Гавриила (рук. ГБЛ, собр. Румянцова, № 397, XVI в., л. 390 об.—417 об.). Главным источником для него служили летописные записи, тем не менее в Житии встречаются значительные хронологические неточности. Скудость фактических сведений В. восполнил характеристикой личности князя, написанной под влиянием *Жития Федора Ростиславича Ярославского* и *Повести о житии Александра Невского*. В., используя какое-то «малое писание» и устные предания (он ссылается на клирика Ивана), присоединил к Житию Всеволода-Гавриила рассказ об обретении и перенесении мощей святого в 1192 г. и о чудесах, совершавшихся в конце XV и в первой половине XVI в. Это житие также было включено в состав ВМЧ.

После 1547 г., но до пострижения в монахи, В. написал четвертую редакцию Жития Александра Невского, в основу которой положил церковно-летописный рассказ *Летописи Псковской II*. В этом своем произведении В. стремился придать герою как можно больше черт благочестивого подвижника, с этой целью он обильно использовал выписки из агиографических сочинений: из житий Михаила Черниговского и архиепископа Иоанна Новгородского, написанных Пахомием Сербом, а также из Жития Федора Ростиславича и его сыновей, принадлежавшего *Антонию*, иеромонаху Спасо-Ярославского монастыря. Молитва, которую Александр Невский произносит перед боем, заимствована из *Сказания о Мамаевом побоище*. Эта редакция Жития включена в Царский список ВМЧ; в Успенский, законченный в 1552 г., она не попала. Издано житие в ПЛ. В рук. XVI в. ГБЛ, собр. Румянцова, № 397, л. 348 об.—353 помещено краткое переложение Жития в редакции В.

В предисловии и в тексте самого Жития Саввы Крыпецкого В. сообщает некоторые сведения о написании этого Жития и о себе. Житие было создано в 1555 г. по просьбе монахов Крыпецкого монастыря и по поручению игумена Иосифа. В приложении к биографии Саввы В. добавил описание 19 чудес, часть из них, совершившихся до 1555 г., описана им со слов иноков монастыря. Из рассказа о чуде 1555 г. видно, что тогда В. жил в монастыре. Из добавленных чудес за 1557—1564 гг. выясняется, что в эти годы В. стал монахом Крыпецкого монастыря, приняв имя Варлаам. Главным источником для написания Жития послужили монастырские предания, рассказанные старцами монастыря, которые, однако, уже не были современниками Саввы. Скудное по

фактическим данным Житие Саввы насыщено риторическими рассуждениями. При описании учительства Саввы В. использовал текст *Жития Варлаама Хутынского*, написанного Шахомием Сербом. В предисловии к Житию содержатся похвальные слова в адрес митрополита *Макария*. Издано Житие в книге «Повесть о начале. . .» в сокращении, с перестановками и подновленном стиле, ср. в рук. ГПБ, собр. ОЛДЦ, № 258, л. 137—210. Продолжная статья в рук. XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397 — сокращенное изложение Жития, написанного В.

Будучи уже священноиноком, В. в 1558 г. написал Житие новгородского владыки Нифонта, основателя Спасо-Мпрожского монастыря. В основу этого произведения он положил Сказание о Нифонте, заимствовав его из Киево-Печерского патерика Каспьяновской редакции (см. *Кассиан*). Сам В. написал предисловие, несколько новых известий о Нифонте, неизвестно откуда заимствованных, и похвалу. В конце Жития В. сообщил, что празднование в честь Нифонта было установлено при митрополите *Макарии*. Издано Житие в ПЛ.

В эти же годы В. было написано Житие Никиты — другого новгородского епископа (ГИМ, собр. Уварова, № 429, в 4-ку, л. 52—78). Для этого он воспользовался произведением *Зиновия Отенского*, написанным по поводу обретения мощей епископа Никиты в 1558 г. В. сообщает, что эту новую (четвертую) редакцию Жития епископа Никиты он написал по поручению митрополита Макария.

Помимо житий В. написаны службы Евфросину Псковскому, князю Всеволоду, Савве Крыпецкому, епископу Нифонту, Георгию мученику Болгарскому (см. *Илья*).

В. П. Адрианова-Перетц атрибутирует В. Похвальное слово Алексею человеку божию, известное по рук. начала XVII в. (О р л о в А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1896, вып. 1 (Сборники), с. 46, № 7 (199)). Оно написано было после 1559 г. Основным источником послужило *Житие Алексея* в древней редакции *Златоструя*; кроме того, В. использовал и свое собственное произведение — Житие Евфросина Псковского. Заметно также сходство Похвалы Алексею с Житием Нифонта, принадлежащим тоже В.

Между 1558 и 1563 гг. на основании краткой редакции *Жития Исидора Юрьевского* В. написал распространенный вариант его. В заглавии отмечено, что работал В. над Житием по «благословению митрополита Макария». Кроме обычного для В. витиеватого распространения текста, в содержании произведения усилена антилатинская направленность. Дополнительными источниками при написании Жития служили: 1) грамота, прочитанная в Москве по повелению митрополита *Исидора* после его возвращения, 2) определения *Стоглава* 1551 г., 3) слова Марка Ефесского к папе Евгению на соборе, 4) эпизод из Мучения Кирика и Улиты. Житие издано А. С. Будиловичем и В. Н. Перетцом.

Творчество В. по преимуществу связано с Псковской землей, и одно из последних его произведений — «Сказание об иконе зна-

мения Богородицы Мирожской», написанное в 1565 г., тоже посвящено псковской тематике. В нем описывается «чудо слезного знамения» — заступничество Богородицы за «Псков и люди» в виду угрозы со стороны Литвы. Издано в кн. А. Лапустина.

П. М. Строев (Словарь, с. 41) и Филарет (Обзор, с. 209) приписывают В. Житие Арсения Коневского. Это Житие было написано игуменом Коневского монастыря *Варлаамом*. Однако доказательств для отождествления псковского В. с Варлаамом коневским игуменом нет.

Н. С. Державин высказал мнение, что статьи о Всеволоде-Гаврииле и Александре Невском в Степенной книге (см. *Афанасий, митрополит*) были написаны В. Однако П. Г. Васенко оспаривает участие В. в работе над Степенной книгой.

Как показывает фактический материал, писательская деятельность псковского священника В. осуществлялась под покровительством митрополита Макария. В предисловии к Житию Саввы Крыпецкого В. и воздает хвалу своему покровителю. Творчество В. вполне соответствовало требованиям, которые Макарий предъявлял к произведениям агиографического жанра. Жития, написанные В. до 1552 г., оказались включенными в новые списки (Успенский и Царский) ВМЧ. По словам самого В., Макарий и позже продолжал ценить его как агиографа. Будучи посредственным писателем, В. хорошо усвоил тот литературный канон, который ценит митрополит Макарий, приспособился к приемам работы в житийном жанре и сумел создать большое число произведений. По сочинениям В. хорошо видны требования Макария, предъявляемые им к агиографическим сочинениям. Главной целью создаваемых произведений было прославление святого путем «шлетения похвалы». Образцом при этом служили сочинения знаменитых мастеров стиля «шлетения словес». В. стремился подражать Пахомию Сербу и делал заимствования чаще всего из его произведений. Но работал В. ремесленно, компилятивность его сочинений явно видна. Используя традиционную схему житий, он переносил характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое. В результате этого нередко рассказ о событиях оказывался искаженным. В житиях, написанных В., наблюдается скудость фактических сведений, текст расширяется за счет традиционных житийных формул и повторов. Подобный характер работы наблюдается и в ряде других житий, созданных в то время, имена авторов которых не все дошли до нас. Некоторые жития, написанные В., остаются неизданными.

Изд.: Повесть о начале псковского Печерского монастыря. М., 1831, с. 45—66; ПЛ, вып. 4, с. 1—9, 67—116; Б у д и л о в и ч А. С. О русском Юрьеве старого времени в связи с Житием священномученика Исидора и с ним сострадавших 72 юрьевских мучеников // Сб. учено-лит. о-ва при Юрьев. упив. Юрьев, 1901, т. 4, с. 76—89; Л а п у с т и н А. Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах божьей матери // Псковская старина: Тр. Псковск. церковн. ист.-археол. комитета. Псков, 1910, т. 1, с. 78—108; М а н с и к к а В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст / Изд. ОЛДП. СПб., 1913 (ИДПИ, т. 180), с. 33—48, 126—146; П е р е т ц В. Н.

Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 г. Киев, 1916, с. 167—176.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 239, 250—262; Строев. Словарь, с. 37—41; Филарет. Обзор, с. 209—210; Макарий. История русской церкви. СПб., 1891, т. 7, с. 427—432, 442—443; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный памятник: Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902, с. 77—78, 86—87; Серебрянский Н. 1) О редакциях Жития преподобного Саввы Крыпецкого. СПб., 1903; 2) Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 146—168; 3) Княжеские жития, с. 215—217, 257—260; Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 195—198; Ивока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче: Сообщенье Н. П. Лихачева. 1908 (ПДШИ, т. 168), с. VIII—XI; Андрианова-Перетц В. П. Из истории русской агиографии XVI в. // *Sertum bibliologicum* в честь А. И. Малеина. Иб., 1922, с. 146—154; Фетисов И. К литературной истории Повести о мученике Исидоре Юрьевском // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928 (ОРЯС, т. 101, № 3), с. 218—221; История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 522; Калиганов И. О предполагаемом автографе Василия-Варлаама // *Старобългаристика*, 1983, № 3, с. 79—91.

Р. П. Дмитриева

Василий (Гость) (2-я пол. XV в.) — автор Хождения в Святую землю, совершенного им в 1465—1466 гг. по необычному маршруту — через Малую Азию, Палестину, Египет. Описание виденных им мест (дошло в двух списках) отличается краткостью. Оно представляет собой перечень городов с указанием времени в пути («6 дней ходу», «14 ден ходу» и др.) и характерных примет («град. . . стоит между каменных гор», «мост камен. . . да под мостом тем две мельницы великы», «а посад велик, а полаты и бани велми хороши, а торгов много», «стены градныя мурованы камением», «стрельницы выводныа часты вельми», «врата шестеры железны»), в том числе связанных с ветхозаветными и новозаветными персонажами («до Осифова кладезя, где его братья продали», «Фаворская гора, где Христос преобразился» и др.), а также с апокрифами («храмина та, где Варух спях 70 лет»). Даты приведены по церковному календарю: «а приехали . . . на утрия Михайлова дни», «на память преподобного отца нашего Антониа в 17 день» и др. В. отметил поразившее его многообразие вероисповеданий и служб: «вокруг божия гроба службы: Греческая, Иверская, Сербская, Фряжская, Сирьянская, Яковитская, Мелфедиская, Куфидиская, Несторская. . .», пестрый состав населения восточных центров: «Арменове живут. . . а Турков. . . мало», «христиан мало, а боле срацины». Примечательно наблюдения В. по планировке городов и по их обороне: «Град Шама вельми велик, стоит в поле наравне, а три грады один во едином: средний град невелик, стены у него 10 сажений, да стрельницы часты, вход един, врата шестеры железны. . .», «Египет град вельми велик, а в нем 14 тысящ улиц, да во всякой улице по двоа врата и по две стрельницы, да по два стража, которые зажигают масло на свещнице. . . а улица с улицей не знается». В. сравнивает увиденные им города и места

с привычными ему русскими: «А во граде на конех не ездят, а самп лязят по лестнице», «а река под ним (озером — *О. Б.*) червлена, с Оку величеством». Наименование В. гостем (купцом) и внимание автора к «торгам» позволяет видеть в нем светское лицо. Высказанное П. И. Прокофьевым предположение об идентичности В. п московского дьяка Василия Мамырева представляется гипотетичным.

Изд.: Хождение гостя Василья / Под ред. архим. Леонида // ППС. СПб., 1884, т. 2, вып. 3 (вып. 6); Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984, с. 169—177, 350—361 и 417—420.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 230; Прокофьев П. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 363), с. 212—217; Семанн К. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 267—270.

О. А. Белоброва

Вассиан (в миру князь Василий Иванович Стригин Оболенский) (ум. 1508 г.) — епископ Тверской, автор грамоты митрополиту Геронтию. В 1461—1477 гг. архимандрит Тверского Отроча монастыря. Став в 1477 г. епископом, В. остался на престоле и после присоединения Твери к Русскому государству в 1485 г. и сохранял свой сан вплоть до смерти. По-видимому, именно ему, еще в бытность В. архимандритом, было адресовано Послание Иосифа Волоцкого о Троице — связь адресата с Тверью служила основанием для предположения (А. И. Клибанов), что предметом полемики Иосифа были не повгородско-московские еретики (так называемые иудовствующие), а тверские (о существовании которых во второй половине XV в. других сведений не сохранилось).

Единственное его произведение, известное нам, — его грамота митрополиту Геронтию, в которой В. доверяет митрополиту совершать «какое восхоцет божие великое дело, по святым правилам, преосвященный господни мой». Кроме того, В. приписывалось составление особой редакции Кормчей книги. Предположение о В. как о редакторе Кормчей основывалось на догадке А. Х. Востокова, обнаружившего в рукописях Румянцевского собрания (ныне в ГБЛ) Кормчую, в которой церковные правила были расположены не в хронологическом, а в систематическом порядке — по «титулам» или «граням» Номоканона («Собрания 14 титулов»). составителем которого считался константинопольский патриарх Фотий. «Таковое распределение правил не было ли сделано Вассианом епископом Тверским, в бытность его еще монахом, до конца 1478 г., ибо в одном списке Кормчей конца XV в., принадлежащем имп. Публ. б-ке и содержащем в себе такое же распределение по граням, надписано: Перевод Вассиана старца князя правила по граням. Вассиан епископ Тверской был из рода князей Стригиных Оболенских и до поставления на епископство архимандритом Отроча монастыря, где вероятно и трудился над означенной Кормчей, т. е. над распределением оной

по граням», — писал А. Х. Востоков. Мнение А. Х. Востокова было поддержано и другими авторами, хотя основывалось оно, как мы видим, на записи в рукописи, точных сведений о которой ученый не привел. Между тем в науке хорошо известна Кормчая, где текст действительно расположен по граням Фотиева Помоканона, и составителем ее как раз был «Васиан старец князь», но не Вассиан Стригин-Оболенский, а постриженный в монахи князь Вассиан Патрикеев. К сожалению, однако, рукопись с записью, обнаруженной Востоковым в Публичной библиотеке до 1842 г. (когда составлено его Описание рукописи Румянцевского музея), найти не удалось. Из двух Кормчых той же редакции, находящихся в ГПБ с первой трети XIX в., одна (F. II. 74) была составлена *Вассианом Патрикеевым*, но содержит только косвенные указания на его авторство (ссылка на л. 447 написание в 1517 г. «по благословению. . . Варлаама митрополита» и указание на противоречия между «святыми правилами» и Евангелием, включение «Собрания некого старца», написанного Вассианом), а другая (F. II. 79) не включает никаких особых записей и «Собрания некого старца». На основании имеющихся данных считать епископа Тверского В. составителем одной из редакций Кормчей, во всяком случае, едва ли возможно.

Изд.: РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 109, стб. 743—744.

Лит.: Востоков. Описание, с. 313, № 236; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959, с. 139—144, 243—244; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—1-й пол. XVI в. М., 1960, с. 181—183.

Я. С. Лурье

Вассиан (1-я пол. XVI в.) — игумен Соловецкого монастыря, автор дополнительных к *Житию Зосимы и Савватия соловецких* рассказов о 18 чудесах. Судя по сохранившимся монастырским грамотам, В. был игуменом в пределах 1514—1527 гг. (Ключевский. Древнерусские жития, с. 203). П. М. Строев приводит сведения, что он был определен игуменом в 1522 г. (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 816). Сведения о В. как авторе рассказов о чудесах сохранились в некоторых списках *Жития Зосимы и Савватия*, где часть чудес выделена заглавием — «Сня убо чудеса списана быша игуменом той же честныя обители Соловецкия» (по Ключевскому — рук. ГПБ, Солов. собр., № 175, л. 115; ГИМ, собр. Уварова, № 1038, л. 141). Первый рассказ (о спасении людей на острове Шужмоа) и несколько последующих записаны В. со слов старца Савватия. Описываемое в первом рассказе событие относится к 80-м гг. XV в. (время игумена Исана); хронологически это близко чудесам, описанным *Досифеем* в редакции *Жития соловецких чудотворцев Спиридона-Саввы*. В. продолжил вслед за Досифеем традицию передачи живого рассказа со слов очевидцев событий. В поле зрения исследователей древнерусской литературы эти рассказы не попали. Других сведений о В. как писателе не сохранилось.

Изд.: Житие и подвизи и отчасти чудес преподобнаго отца нашего Зосимы // ВМЧ, Апрель, дни 8—21. М., 1912, стб. 551—595.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 203—204; Я х о н т о в И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 19.

Р. П. Дмитриева

Вассиан, игумен Переяславского Никитского монастыря см. *Житие Никиты Столпника Переяславского.*

Вассиан, по прозвищу **Кошка** (Возмицкий, Вотмицкий) (ум. 1568 г.) — архимандрит Возмицкого монастыря, писатель, книгописец. Скучные биографические сведения устаиваются главным образом на основании записей в рукописях самого В. Он был постриженником Носифо-Волоколамского монастыря, учеником старца *Фотия*. Одно время являлся архимандритом Возмицкого монастыря (см. запись в рукописи ГИМ, Синод. собр., № 927, л. 1 — «Черпыда Васиана Фатеева, бывшего архимандрита Вотмицкого монастыря Тверскаго уезда писмо...»). Последние годы жизни он провел в Волоколамском монастыре, где и скончался в 1568 г., что устанавливается на основании описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. В дополнениях к описи сообщается, что после него в монастыре осталось 7 книг, пм написанных (*Г е о р г и е в с к и й* В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 22).

Дошедшие до нас писательское и книгописное наследие В. полностью связано с Волоколамским монастырем. В состав монастырской библиотеки XVI в. входили следующие дошедшие до нас рукописи, частично или полностью написанные В.: ГИМ, Епарх. собр., № 114, 231, 258, 419; Синод. собр., № 927; ГБЛ, Волок. собр., № 517, 530, Музейное собр., № 1257. Наибольший интерес представляют два сборника — Музейное собр., № 1257 и Синод. собр., № 927 (описание их имеется в книге: Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 114—115, 116). Они особенно наглядно демонстрируют характерную черту, свойственную составителям волоколамских сборников, которые любили переписывать произведения своих учителей и писателей, имеющих отношение к носифлянам. В. в эти свои два сборника включил по преимуществу сочинения волоколамских авторов, в том числе и свои собственные (*Д м и т р и е в а* Р. П. Волоколамские четыре сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 211—212).

В. известен как автор нескольких произведений, хотя авторство его не во всех случаях является безусловно установленным.

1. Словарный свод (*Б у л и ч* С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1901, т. 1, с. 163, 164; *К о в т у н* Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 263—267).

2. Житие *Фотия*, ученика *Вассиана Босого*, переписано В. в его сборнике ГИМ, Синод. собр., № 927, л. 171—178, где В.

сообщает о своем авторстве (Ключевский). Древнерусские жития, с. 295; Строев. Словарь, с. 44—45; Филарет. Обзор, с. 213).

3. Житие Кассиана Босого, переписано В. в его сборнике ГБЛ, Музейное собр., № 1257, л. 16 об.—24 об. (Ключевский). Древнерусские жития, с. 295; Филарет. Обзор, с. 213; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // РФВ, 1901. № 3—4, с. 101 и отд. Варшава, 1902, с. 258—261). Филарет автором Жития считает старца Фотия.

4. Статья «О вражде старцев Кирилло-Белозерского монастыря на Иосифлян» (Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. // Прибавл. к изданию Творений святых отцов, 1851, ч. 10, с. 502—527; Строев. Словарь, с. 44—45; Филарет. Обзор, с. 213).

5. Надгробное слово Акакию, епископу тверскому (умер в 1567 г.) переписано в рукописи ГИБ, собр. Погодина, № 1554, л. 52—56 об. (Зимин А. А. Крушая феодальная вотчина и социальнополитическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 285).

6. Строев (Словарь, с. 44—45) считал, что В. составлен *Патерик Волоколамский*, т. к. он переписан в сборнике В. ГИМ, Синод. собр., № 927, л. 2—42. В действительности, его автором является *Досифей Топорков*. Ключевский (Древнерусские жития, с. 294) об этом произведении сообщает неопределенно.

Р. П. Дмитриева

Вассиан Патрикеев (Косой; в миру князь Василий Иванович Патрикеев) (ок. 1470 г.—после 1531 г.) — выдающийся русский публицист XVI в. Дед и отец В. П. были близки к великим московским князьям *Василию II Васильевичу* и *Ивану III Васильевичу*, занимали высшие государственные должности и участвовали в проведении политики государственной централизации. Их деятельность продолжил В. П. — в 90-е гг. XV в. он принимал участие в войне с Литвой и затем, вместе со своим отцом, в мирных переговорах, был воеводой во время русско-шведской войны 1495—1497 гг. (водил русские полки под Выборг в 1496 г.), совместно с отцом участвовал в высшем государственном суде, выполнял поручения Ивана III по борьбе с удельными князьями. Во время династического кризиса конца 90-х гг. князь Патрикеевы выступали на стороне внука Ивана III Дмитрия, провозглашенного наследником престола; после отстранения Дмитрия от власти Патрикеевых постигла опала, и в 1499 г. В. П. был пострижен в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Вассиана. Здесь он встретился с главой нестяжателей *Пилом Сорским* и подпал под его влияние. Однако сильной энергичной натуре В. П. были чужды свойственные Пилу Сорскому созерцательность и сосредоточенность на внутреннем духовном мире.

В. П. преобразует учение Нила Сорского, придает ему активный характер и тесно связывает с идейно-политической борьбой, происходившей в русском обществе вокруг вопроса о монастырском вотчинном владении и судьбе еретиков. Около 1509 г. В. П. был возвращен из ссылки и стал доверенным лицом великого князя *Василия III Ивановича*. Поворот в судьбе В. П. был обусловлен политикой ограничения монастырского землевладения, проводимой Василием III в первую половину его княжения: учение В. П. давало необходимое идейное обоснование этой политике. В 20-е гг. XVI в. великокняжеская власть в лице Василия III меняет свою ориентацию и вступает в союз с нисифлянами, создавшими теорию теократического абсолютизма; в 1522 г. близкого к нестяжателям митрополита Варлаама сменяет ученик и последователь *Иосифа Волоцкого* митрополит *Даниил*. Ему удастся добиться в 1531 г. предания В. П. соборному суду. В. П. был осужден по обвинению в составлении новой, неканонической Кормчей книги, выступлениях против монастырского вотчинного владения, ереси (В. П. якобы отрицал церковное учение о двойной — божественной и человеческой — природе Христа и считал, что ему свойственна только одна, божественная сущность). По приговору суда был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь, где, по словам *А. М. Курбского*, «презлые нисифляне» «по мале времени его уморили».

В. П. принадлежит пять публицистических произведений: написанные еще в период его ссылки «Собрание некоего старца» и «Ответ кирилловских старцев» и относящиеся ко времени наибольшего приближения В. П. к великому князю «Слово ответно», «Слово о еретиках» и «Прение с Иосифом Волоцким» (между 1514 и 1515 гг.). «Собрание некоего старца», написанное в традиционном для русской церковной публицистики жанре поучения, имело целью опровержение «Доклада собора 1503 г.» в защиту монастырского вотчинного владения (на соборе был отвергнут предложенный правительством Ивана III проект секуляризации церковных и монастырских земель). Полемизируя с соборным «Докладом», В. П. призывал иноков «сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, штаяся своими руками»; свою точку зрения он обосновывал ссылками на Евангелие и исторические примеры — нестяжательность древних святых, основателей монастырей. «Ответ кирилловских старцев», которому для большей авторитетности была придана форма коллективного послания, был написан В. П. в связи с «Посланием» Иосифа Волоцкого великому князю о наказании еретиков. Инквизиторской программе нисифлян, требовавших беспощадных казней всех еретиков, как покающихся, так и непокаявшихся, в «Ответе кирилловских старцев» противопоставлялось иное, сравнительно гуманное отношение к еретикам: непокаявшихся еретиков следовало заточать, а покающихся — прощать и принимать в лоно церкви. В «Слове ответном» соединялись обе темы, волновавшие В. П., — об осуждении церковного и монастырского вотчинного владения и о необходимости относительно мягкого обращения с еретиками. Страстно

обличая иноков за отступление от евангельских заповедей любви, нестяжания и милосердия, В. П. рисует в «Слове ответном» яркие картины жестокой эксплуатации монастырских крестьян и с глубоким сочувствием пишет об их бедственном положении; так в творчестве В. П. возникает новая тема — о положении крестьян, игравшая большую роль в публицистике XVI в. Важным этапом в творчестве В. П. является написание «Прения с Иосифом Волоцким»; в нем в форме прямого диалога лидеров двух противоположных течений церковной мысли подводится итог их многолетней полемики. В «Прении» В. П. указывает также, что он «учил великого князя села отымати у церквей и монастырей», и формулирует, таким образом, идею секуляризации церковных и монастырских земель. В середине 10-х гг. В. П. приступает к составлению своей «нестяжательской» Кормчей. Для нее он пишет «Слово о еретиках», в котором подвергает всестороннему рассмотрению вопрос об их судьбе, и создает новую редакцию «Собрания некоего старца»; обоим произведениям В. П. придает форму канонических трактатов, в которых рассуждения автора подкреплялись ссылками на правила Кормчей книги. Первая редакция «Кормчей» В. П. была закончена в 1517 г., вторая, составленная при участии *Максима Грека*, — в 1518—1522 гг. Кормчая В. П., в отличие от официальной, признанной русской церковью, была построена не по хронологическому, а по систематическому принципу, что давало возможность составителю, путем соответствующего подбора статей, проводить нужные ему идеи.

Основными чертами литературной манеры В. П. являлись острота, страстность обличений и резкость, едкость полемики. Первого он достигал путем противопоставления реальной действительности (например, монашеского быта) идеалам христианского учения, второго — посредством широкого применения иронии. В последнем отношении публицистическое мастерство В. П. имело точки соприкосновения с «кусательным» стилем *Ивана IV*.

В истории русской публицистики XVI в. В. П. занимает почетное место как наиболее последовательный идеолог нестяжательства, чье учение о недопустимости для монастырей владеть селами отвечало не только интересам централизованного государства и светской части класса феодалов, заинтересованных в секуляризации церковных и монастырских земель, но и крестьянства, подвергавшегося нещадной эксплуатации в монастырских вотчинах. Нестяжательские идеи В. П. поддерживал после переезда в Россию Максим Грек, на них опирался Феодосий Косой, критикуя вотчинные права монастырей.

Изд.: Полемические сочинения инок — князя Вассиана Патрикеева // ПС, 1863, т. 3, с. 93—112, 180—210; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960, с. 223—285.

Лит.: Павлов А. О Кормчей князя-инок Вассиана Патрикеева // Учен. зап. Казан. ун-ва. по Отд. ист.-филол. и пол.-юрид. наук, 1864, вып. 2, с. 489—498; Иконников В. С. Русские общественные деятели XVI в. Киев, 1866, с. 44—63; Хрущов И. Князь-инок Вассиан Патрикеев // Древняя и новая Россия, 1875, т. 1, № 3, с. 264—276; Моисеева Г. Н.

1) К вопросу о датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 15, с. 349—361; 2) Об идеологии «нестяжателей» // Ист. СССР, 1961, № 2, с. 88—101; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 426—449; D e w e y П., M a t e j i c M. The Literary Arsenal of Vassian Patrikeev // The Slavic and East European Journal, 1966, vol. 10. № 4, p. 440—452; К а з а к о в а Н. А. 1) Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 155—243 (рец.: Л у р ь е Я. С. — Ист. СССР, 1972, № 4, с. 163—167); 2) К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 345—349; 3) Новый список сочинений Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 194—197; 4) Когда началась полемика нестяжателей с посифлянами // Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 111—115; З и м и н А. А. 1) Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 127—130, 330—335 и др.; 2) Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та, 1974, вып. 121, с. 87—103.

Н. А. Казакова

Вассиан Рыло (ум. 1481 г.) — архиепископ Ростовский (с 1468 г.), церковный деятель и публицист. До поставления на архиепископию был монахом Боровского монастыря, учеником Пафнутия Боровского, потом — игуменом Троицким и архимандритом Новоспасским. Был тесно связан с великокняжеской властью, ездил со специальной миссией в Западную Русь, убеждая местное духовенство подчиняться московскому митрополиту; в 1479 г. крестил сына *Ивана III Васильевича*. В 1478—1479 гг. возник конфликт между Иваном III и митрополитом *Геронтием*, в котором В. Р. оказался на стороне великого князя: сперва борьба шла между В. Р. и удельным князем Михаилом Андреевичем Вере́йско-Белозерским из-за власти над Кирилловым Белозерским монастырем, причем удельного князя поддерживал митрополит, а В. Р. — великий князь; затем В. Р. поддержал Ивана III против Геронтия в споре о том, как должен ходить митрополит при освящении нового Успенского собора — «посолонь» или против солнца.

Многoletняя лояльность по отношению к великокняжеской власти сделала особенно значительным выступление В. Р. с увещанием Ивану III во время «стояния на Угре» в 1480 г., когда ордынский хан Ахмат сделал последнюю попытку восстановить татарское иго над Русью. Некоторые из советников Ивана III (Ощера, Мамон и др.) советовали великому князю пойти на уступки хану, подошедшему к границам Московского княжества (первоначально Ока, затем — Угра) и рассчитывавшему на помощь польско-литовского короля Казимира; московские горожане требовали решительной борьбы с Ахматом. Иван III колебался и, по сведениям ряда летописей, вел переговоры с Ахматом. При таких обстоятельствах В. Р., незадолго до этого помиривший Ивана III с его мятежными братьями — удельными князьями, выступил со своим «Посланием на Угру». Осуждая «прежних развратников» великого князя, ссылавшихся на то, что Иван «от прародителей» связан «клятвою» — «еже не поднимати руки против царя стати». В. Р. заявил, что эта «клятва» прародителей ханам была клятвой «по

нужди» и что «великому Русьских стран хрестьянскому царю» не подобает повниваться «богостудному» «царю» Орды. Называя Русь «новым Израилем», сравнивая Ивана III с Моисеем, Иисусом Наввином, Давидом и императором Константином, ссылаясь на «Димокрита философа» (цитируя его слова по *Пчеле*, но добавляя от себя эпитет «философом первый»), В. Р. призывал его: «Напязи м спей и царствуй истинны ради и кротости и правды».

Наряду с «Посланием на Угру» с творчеством В. Р. может быть связан также рассказ о «стоянии на Угре», восходящий к ростовскому летописному своду 80-х гг. и сохранившийся в *Летописи Типографской*, а также в ряде других более поздних летописей. Если в «Послании на Угру» В. Р. призывал Ивана III не бежать с женой, детьми и «имением» в «иные земли», то в летописном рассказе автор упоминал о христианских «великих государях», обрекших себя именно на такую участь — «избегших от турков с имением и скитающихся» по чужим странам.

Прямое влияние «Послания на Угру» обнаруживают рассказы о событиях 1480 г. в Летописи Устюжской и кратком Кирилло-белозерском летописце.

Роль Вассиана оценивается историками и филологами по-разному: некоторые авторы считали, что «Послание» свидетельствует о принадлежности его к «консервативной группе феодалов», но большинство исследователей (Л. В. Черенин, И. М. Кудрявцев, А. Н. Насонов и др.) видели в В. не «консерватора», а, напротив, идеолога складывающегося Русского государства.

Кроме «Послания на Угру» (и, возможно, летописной повести) В. оставил также грамоты делового характера (см. распорядительную грамоту: ААЭ, т. 1, № 85). Послание на Угру по отдельным спискам не издано; текст только издан в составе летописей XVI в.

Изд.: ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, с. 517—523; СПб., 1856, т. 6, с. 225—230; СПб., 1859, т. 8, с. 207—213; СПб., 1910, т. 20, с. 340—344; М.; Л., 1959, т. 26, с. 266—273; ПЛДР. 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 521—537.

Лит.: Шахматов. Обзорение, с. 295—296; Кудрявцев И. М. 1) «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951, т. 8, с. 158—186; 2) «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы: (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) // Исслед. и матер. по др.-рус. литературе. М., 1961, с. 23—67; Павлов П. Н. Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г. // Учен. зап. Крестная. пед. ин-та, 1955, вып. 1, с. 202—212; Ганелин Я. Ш. Об умении читать разноточения // ТОДРЛ. М.; Л., 1960, т. 16; Черенин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 882; Лурье Я. С. 1) Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 289—293; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 218—219, 233, 244—247; 3) Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе // РЛ, 1982, № 2, с. 55, 64—65; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 320; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю. Г. Московские горожане в 1480 г. и победа на Угре // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985, с. 118—119; Halperin Ch. J. The Tatar Yoke // Slavica Publishers, 1986, p. 149—166.

Я. С. Лурье

Вассиан Санин (ум. 1515 г.) — архиепископ Ростовский, публицист. Как и его брат *Иосиф Волоцкий*, В. С. первоначально был монахом Пафнутьева Боровского монастыря; уход Иосифа из этого монастыря привел к «разлучению» между братьями, о котором упоминает Иосиф в послании к В. С. Послание это было написано в период усиления еретического движения — время, которое Волоцкий игумен объявлял «лютейшим» из всех времен, «отшелже солнце благочестия нача снати в Росийстей земли». Местопребывание В. С. в этот период неизвестно; вряд ли он был в Волоколамском монастыре, ибо Иосиф Волоцкий, писавший из монастыря епископу Пифонту Суздальскому о еретичестве митрополита *Зосимы*, ссылаясь на то, что «сказывал ти и самому, государю моему, брат мой Васьян». Уже с 1502 г., когда влияние покровителей ереси при дворе *Ивана III Васильевича* (снохи и внука великого князя) прекратилось, В. С. занял важное место внутри церковной перархии — стал игуменом московского *Симонова монастыря*, а с 1506 г. — архиепископом Ростовским. После разрыва Иосифа Волоцкого с волоколамскими князьями, перехода его вместе с монастырем под великокняжеский патронат и связанного с этим конфликта между Иосифом и новгородским архиепископом *Серапионом* В. С. вновь поддерживал брата и участвовал в церковном соборе 1509 г., лишившем Серапиона его сана. *Житие Серапиона* в связи с этим характеризует В. С. как «легка умом, легчайша же разумом».

Литературные интересы В. С. выразились в активной книгописной деятельности (сохранился ряд рукописей, переписанных им) и в написании жития Пафнутия Боровского.

Житие Пафнутия, написанное В. С., дошло до нас в двух редакциях — отдельной и редакции, включенной в *Великие Минеи Четии*. Вопрос о взаимоотношении между этими редакциями не решен. В отдельной редакции житие включает в себя «Повести отца Пафнутия» и рассказ «О убиении богобоязлива мужа», читающиеся и в *Патерике Волоколамском*; в тексте, включенном в ВМЧ, их нет. В ВМЧ в начале названо имя составителя жития — «Васьяна архиепископа Ростовского и Ярославского» и помещено предисловие о «добродетельности» и «богоугодности» Пафнутия. Текст в ВМЧ за май не издан — ср. ГИБ, Соф. собр., № 1321, л. 64а—80.

Житие Пафнутия, составленное В. С., имеет традиционный характер; помещенный здесь рассказ «О преставлении святого» явно опирался на Записку *Иннокентия*, но не сохранил тех ярких и индивидуальных подробностей, которые характерны для этого рассказа о последних днях жизни Пафнутия. Жизнь святого характеризуется в основном чертами внешнего благочестия — соблюдением молитвенного чина, поста и воздержания, удалением от женского общества; прозорливость Пафнутия проявляется в его способности уличить нарушителей монастырского «правила» и дисциплины. В одном случае нарушителем заповеди святого оказывается знаменитый иконописец Дионисий, позволивший себе вкусить «мирского ястия во обители», наказанный за это «лю-

тым недугом» и излечившийся только после покаяния. Суровому наказанию подвергаются и все лица, проявившие непочтительность к преподобному; в ряде рассказов наказание иноков, нарушивших правила, совершают бесы (демонологические мотивы встречаются в Житии неоднократно). Чудесная прозорливость Пафнутия выражается, в частности, и в том, что при известии об отставке архимандрита Симонова монастыря Пафнутий, с улыбкой взглянув на самого В. С., тогда еще «юна и новопострижена», предсказывает ему, что он впоследствии возглавит Симонов монастырь. Включение этого рассказа о чуде чрезвычайно характерно для В. С. как автора традиционно-канонических житий.

Связь иосифлян (и в особенности их союзника — архиепископа Новгородского *Геннадия*) с «латинами» была, возможно, причиной того, что врач-католик *Булев Николай*, служивший *Василию III Ивановичу*, в 1506—1515 гг. обратился именно к В. С. с посланием о необходимости соединения католической и православной церкви; полемический ответ на это послание был написан неизвестным волоколамским публицистом.

Описание рукописей Волоколамского собрания (ГБЛ), переписанных В. С.: И о с и ф, перомонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в Библиотеку Московской духовной академии. М., 1882 (отг. из ЧОИДР, 1881, кн. 3), № 66 (245); Ст р о е в П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского, Пафнутьева Боровского. СПб., 1891 (ОЛДП, № 98), с. 100—104.

Изд.: Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным / Изд. и вступ. статья А. П. Кадлубовского // Сб. Ист.-филол. о-ва при Ин-те кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899, т. 2, отд. 2, с. 98—149.

Лит.: Х р у щ о в И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, с. 38, 130 (рец.: Н е в о с т р у е в К. И. — Отчет о 12-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870); Ж м а к и н В. И. Памятник русской противокатолической полемике XVI в. // ЖМНП, 1880, № 10, с. 319—332; М а й к о в Л. П. Последние труды // ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 389—390; Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.: Л., 1959, с. 54, 76, 173—175, 254—255, 329—331, 368; З и м и н А. А. Крушая феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 64, 85—86, 100.

Я. С. Лурье

Великие Мишен Четви — свод древнерусских оригинальных и переводных памятников, главным образом житийных и риторических, церковно-учительного и исторического характера, состоящий из 12 книг-мишен. А. С. Орлов относит ВМЧ к числу книг «энциклопедического вида» эпохи русского средневековья (Книга русского средневековья, с. 37, 48). Митрополитом *Макарием* ВМЧ были задуманы как своеобразный многотомный сборник «всех книг четвых», «чтомых» на Русь (но преимущественно «святых», предназначенных для «душенполезного» чтения); их состав был подобран и утвержден церковью и должен был регламентировать годовой «круг чтения» на каждый день.

Известны три «чистовых», полностью завершённых списка ВМЧ, фактически представляющих три самостоятельных редакции, или, точнее, три 12-томных книжных свода («цикла»): Софийский, Успенский и Царский (названия спискам даны по месту их первоначального хранения и принадлежности). К настоящему времени из 12 книг Софийского (Новгородского) списка ВМЧ сохранилось 8 (утрачены экземпляры за декабрь, январь, март и апрель месяцы): 7 из них находятся в составе Софийского собрания ГПБ (постатейно описаны Д. И. Абрамовичем), а одна минея за август хранится в ЦГАДА (см.: Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель, ч. 1). Успенский список ВМЧ, единственный из всех трех сохранившийся в полном составе, находится в Синодальном собрании ГИМ (см.: Протасьева, Описание. . ., ч. 1, № 784—795 (986—997), с. 174—190). От Царского списка уцелели 10 томов (отсутствуют книги за март и апрель), также хранящиеся в Синодальном собрании ГИМ (там же, № 796—805 (174—183), с. 191—207).

Формирование трех беловых списков ВМЧ длилось около 25 лет. Общее представление о последовательности этого процесса можно составить на основании вкладных записей и предисловий митрополита Макария (его «Летописцев»), предпосланных томам ВМЧ. Создание Софийского свода ВМЧ было начато в Новгороде в 1529/1530 г. и длилось в течение 12 лет. Как свидетельствуют вкладные записи, 12 книг Софийского списка были вложены Макарием в новгородский Софийский собор «на помин души» его родителей в 1541 г. 12 Успенских книг ВМЧ Макарий внес как вклад «на память своей души и по своим родителям в вечный поминок» в Успенский Кремлевский собор в 1552 г., где этот комплект миней хранился до 1886 г., после чего был передан в Синодальную (Патриаршую) библиотеку. Работа над Царским списком, предназначенным для царя *Ивана IV*, продолжалась еще в 1554 г. В XVII в. Царский список ВМЧ хранился в царских палатах: на его декабрьской книге осталась помета дьяка Ивана Арбенева о принадлежности ее царю Федору Алексеевичу и Приказу книг Печатного двора.

Создание Софийского списка происходило при новгородском архиепископском доме Макария трудами «многих различных писарей» и книжников, не только переписывавших произведения, но и переделывавших их и предпринимавших новые переводы и «исправления» их по греческим оригиналам, «от иностранных и древних пословиц переводя на русскую речь», — как писал об этом в предисловии к ВМЧ сам Макарий. Для формирования первоначального состава ВМЧ были привлечены материалы всех подвластных архиепископу Макарию новгородских и псковских библиотек (Софийской, Вязицкой, Отенской и др.). Работа над Успенским и Царским списками частично также проводилась и в Новгороде (здесь, например, происходило коширование текстов Софийского списка), но, став митрополитом «всей Руси», Макарий мог уже привлекать к работе писцов и книжников различных

городов и монастырей со всех концов России, а окончательное оформление этих списков происходило, очевидно, под его наблюдением в Москве, в его митрополичьем скриптории.

Литературная история ВМЧ полностью не исследована. Предварительные наблюдения В. А. Кучкина над ноябрьской книгой ВМЧ раскрыли весьма сложные текстологические взаимосвязи Софийского, Успенского и Царского списков. В кошку, снятую около 1542 г. с Софийского списка ноябрьской минеи, в течение 5 лет (с 1542 по 1547 гг.) вносились дополнительные тексты (например, Толковое евангелие), а окончательно Успенский список мины за ноябрь был сформирован лишь около 1550 г. Работа над самым поздним, Царским, списком ВМЧ за ноябрь велась новгородскими и московскими мастерами в два приема, с привлечением материалов и Софийского, и Успенского списков (см. работу Кучкина 1974 г.). Е. В. Барсов в предисловии к «Описанию» ВМЧ, составленному А. В. Горским и К. И. Невоструевым (1884, с. X), отмечает существенные отличия Софийского списка от состава обоих московских списков ВМЧ, почти в два раза превышающих его по объему, благодаря пополнению, в частности, житиями русских святых, созданными в связи с канонизацией на соборах 1547 г. и 1549 г. (*Житие Иосифа Волоцкого* и др.), вступительными «Летописцами», излагавшими содержание и историю создания ВМЧ, словами *Григория Цамблака* или, например, «*Откровением*» *Методия Патарского*, а также — целыми сборниками сочинений отдельных авторов или книгами библейскими, *Златой цепью*, *Пчелой* и др.

Кроме трех основных списков ВМЧ — Софийского, Успенского и Царского — исследователями зафиксировано также наличие более поздней сокращенной редакции майской книги ВМЧ 1569 г. (см. работу С. А. Бугославского) и существование ранних черновых списков ВМЧ (например, декабрьской ВМЧ — см. работу Н. Ф. Дробленковой). Для создания полной картины развития и связей между собой текстов всех трех 12-томных книжных сводов ВМЧ необходимо дальнейшее разыскание и привлечение к изучению всех списков ВМЧ, включая их черновые и поздние копии, а также редакции XVII—XVIII вв.

Изучение ВМЧ началось еще в конце XVII в. с описания их состава, когда справщик Печатного двора, монах Евфимий, составил краткое «Оглавление» ВМЧ по Успенскому списку (оно известно в двух списках: ГИМ, Синод. собр., № 587 и 694 и в черновом автографе из собрания М. П. Погодина, коллекция П. М. Строева). «Оглавление» было опубликовано В. Ундольским в 1847 г. (прежде сделанное Т. Н. Протасьевой в ее «Описании» — на с. 172, 173 и 208, сноски 2, примечание со ссылкой на Н. С. Гринбаума, что составленное Евфимием «Оглавление» ВМЧ не было издано, — ошибочно). Последующие описания состава ВМЧ принадлежат Савве (1858 г.), Иосифу (1892 г.; полное оглавление Успенского списка ВМЧ), А. В. Горскому и К. И. Невоструеву (научное построчное описание ВМЧ с 1 сентября по 26 мая; под-

готовлено к изданию в 1884 и 1886 гг. Е. В. Барсовым) и Т. Н. Протасьевой, дополнившей это описание невошедшими материалами и указаниями русских оригинальных статей в Успенском и Царском списках ВМЧ.

В основу ВМЧ были положены материалы миней дома карьеревского состава (см. статьи М. Н. Сперанского 1896 и 1901 гг.) и *Пролога* (Синаксаря) — Стишного и 2-й (Славянской) редакции, а также Торжественников. Кроме того, они были пополнены агрографическими сочинениями, житиями и мучениями святых, русскими и переводными, полными текстами *патериков* (*Азбучно-Иерусалимского, Египетского, Синайского, Скитского, Сводного и Киево-Печерского*), библейскими книгами (Евангелиями, Апокалипсисом и пр.), толковыми Псалтирями, праздничными и похвальными словами, поучениями, посланиями, толкованиями, сочинениями «отцов церкви» — Василия Великого, Григория Богослова, целыми сборниками (*Златоустом, Златоструем, Маргаритом* и др.), «Тактиконом» Никона Черногорца (см. «*Пандекты*»: «*Тактикон*» Никона Черногорца), а также разнообразными историческими и публицистическими произведениями, сказаниями и «хождениями», документальными материалами (уставами, актами, грамотами и пр.), Кормчей книгой и даже апокрифами.

При сборе материала, который часто копировался с поздних, испорченных списков, производилось исправление «древних послов»: на основе древнейших писались новые редакции и делались новые переводы или производилась сверка и исправление переводных библейских, житийных и других произведений по их греческим оригиналам (например, В. П. Адриановой-Щеретц выявлены исправления по греческому оригиналу в тексте *Жития Алексея человека божия*, включенного в ВМЧ под 10 ноября).

Состав ВМЧ велик, разнообразен и представлен различными жанрами. Однако безусловно далеко не все книги, читавшиеся на Руси в первой половине XVI в., были включены в ВМЧ: не вошли летописи, хронографы (сами по себе являющиеся особыми книжными сводами) и целый ряд историко-литературных сочинений (притом не только светских по содержанию), а произведения некоторых авторов были включены не полностью (так, например, лишь несколько из известных посланий *Кириана*, слов *Кирилла Туровского*). Созданию ВМЧ предшествовала огромная составительская и редакторская работа; она была связана не только с отбором материала и распределением его по томам и внутри каждого тома по дням месяца, но и заключалась в сплошной и весьма существенной идейно-стилистической переработке всего пестрого материала, включенного в ВМЧ, с тем чтобы изложение было выдержано в едином торжественном и велеречивом стиле «второго монументализма». Как правило, включение памятника в ВМЧ приводило к созданию его новой редакции. Этот процесс особенно ярко прослеживается на примере житий.

Митрополиту Макарию, по всей видимости, принадлежит замысел создания ВМЧ, решение вопросов об их составе и участие

в окончательном их редактировании. Все случаи его личного участия в этом книжном своде как писателя (помимо уже атрибутированных ему сочинений) еще предстоит выявить.

К созданию ВМЧ были привлечены широкие круги русских писателей, переводчиков, книжников и переписчиков, начиная с известных публицистов и агнографов, таких, например, как *Зиновий Отенский*, *Лев Филолог*, *Василий Михайлович Тучков*, *Ермолай Еразм*, дьяк *Дмитрий Герасимов*, пресвитер *Илья*, псковский священник-агнограф *Василий-Варлаам* и др., до неопытных авторов какого-нибудь единственного сочинения, написать которое для ВМЧ им было поручено Макарием. «Во спасение души» предпринимали книгописные труды для ВМЧ и высшие церковные иерархи XVI в., такие как новгородский архиепископ *Феодосий*, епископ крутицкий *Савва Черный*, епископ вологодский и владимирский *Иоасаф*. Писцы работали над ВМЧ не только в книгописных мастерских митрополита в Новгороде и Москве, но и по велению царя переписывали книги также и в других городах России, о чем, например, свидетельствует запись писца *Мокия* (см.: *Савва*, архим. *Указатель*. . ., с. 210). Имена писцов, на долю которых легло копирование текстов ВМЧ, наиболее полно сохранились на полях Царского списка (в Успенском списке большинство этих записей было срезано при реставрации рукописи в XVII в. — см. «Описание. . .» Т. Н. Протасьевой (М., 1970, ч. 1)).

Внешнему оформлению ВМЧ и соблюдению их композиции, расположения материала по годовому кругу церковного календаря, придавалось особое значение. В каждой из 12 книг ВМЧ (по типу домакарьевских миней и прологов) произведения подобраны и расположены в порядке дней, на которые приходится «память» святого. Та часть матерпала, которая не поддавалась распределению по порядку дней календаря, не имея связи с именем какого-либо святого, помещалась в конец книги, в последних числах месяца, как своеобразное дополнение к минее. Составители стремились к примерному равенству объема всех 12 книг миней. Внешнее оформление ВМЧ тоже выдержано в стиле «второго монументализма». Размеры 12-томного книжного свода огромны и вполне соответствуют названию «Великие» миней, в отличие от значительно меньших по объему миней домакарьевского состава. Каждая из них 12 книг ВМЧ насчитывает от 1500 до 2000 листов форматом в развернутый александрийский лист, заполненных полууставом разных почерков в две колонки и украшенных изящными заставками нововизантийского стиля (по золотому фону с преобладанием синей краски). Заглавия выполнены четкой киповарной вязью. Кроме того, иллюминированы отдельные сюжеты внутри книг (например, в Софийском и Успенском списках за август). Часть книг сохранила переплеты XVI в. (с обрезом досок по размеру листов), обтянутые кожей, украшенной богатым тиснением; на средниках позеленевшей меди вязью вырезаны названия месяца.

ВМЧ зафиксировали состав книг, особенно цепившихся и имевших наибольшее обращение в определенных кругах грамотных людей рубежа XV—XVI вв., и при этом способствовали сохранению от гибели многих литературных памятников. Сбор книг по городам и монастырям Руси способствовал также формированию в Москве будущей Патриаршей (Синодальной) библиотеки.

В XVII в. ВМЧ были положены в основу *Миней четых Чудобских* (1600 г.), Германа Тулупова и И. И. Милютина, а в конце XVII—начале XVIII вв. — в основу *миней четых* Дмитрия Ростовского (Даниила Саввича Туптало), завершившего замысел митрополита Макария о заполнении произведениями всех дней годового «круга чтения».

Особой популярностью ВМЧ Макария пользовались у старообрядцев (выписки из ВМЧ встречаются в составе старообрядческих сборников, «Цветников»). В подражание ВМЧ Андрей Денисов составил свои четьи минеи для Выговской пустыни.

Научное издание текстов ВМЧ Макария (по трем спискам) было частично осуществлено Археографической комиссией в 1863—1916 гг. Неизданными остались книги за январь (11 числа), февраль, март, май, июнь, июль и август, ноябрь (с 26 числа). При пользовании этим изданием следует помнить, что в нем Успенскому списку ошибочно дано наименование Царского; это внесло путаницу в последующие работы исследователей (издание, предпринятое в 1910—1913 гг. Московской старообрядческой книгопечатней при журнале «Златоструй», носит выборочный характер и также не завершено; выпуски этого издания указаны: ТОДРЛ, 1985, т. 39, с. 242).

Изд.: Буслаяев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 771—784 (отрывки) Великие Миней Четий, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. комиссий. Т. 1. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868; Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869; Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883; Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870; Октябрь, дни 4—18. СПб., 1874; Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880; Ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897; Ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899; Ноябрь, день 16. М., 1910; Ноябрь, дни 16—17. М., 1911; Ноябрь, дни 16—22. М., 1914; Ноябрь, дни 23—25. М., 1916 (1917); Декабрь, дни 1—5. М., 1901; Декабрь, дни 6—17. М., 1904; Декабрь, дни 18—23. М., 1907; Декабрь, день 24. М., 1910; Декабрь, дни 25—31. М., 1912; Декабрь, день 31. М., 1914 (вып. 14, тетрадь 1 — не до конца); Январь, дни 1—6. М., 1910; Январь, дни 6—11. М., 1914; Апрель, дни 1—8. М., 1910; Апрель, дни 8—21. М., 1912; Апрель, дни 22—30. М., 1916; «Книга, глаголемая Козмы Индикополова» из рук Моск. главн. архива МИД. Миней Четья митрополита Макария (новгородский список) XVI в. Месяц август, дни 23—31 (собр. кн. Оболенского, № 159) / Изд. ОЛДП. СПб., 1886, № 86; Из Великих Миней Четых Макария / Подгот. текста и ком. Н. Ф. Дробленковой, пер. Н. Ф. Дробленковой и Г. М. Прохорова // ПЛДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986, с. 478—549, 625—634.

Лит.: Ундольский В. 1) Библиографические разыскания по случаю выхода «Описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей российских» / Сост. П. М. Строевым. М., 1845 (окончание) // Москвитянин. М., 1846, № 11—12, с. 209—210; 2) Оглавление Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московском Успенском соборе, сост. справщиком, монахом Евфимием // ЧОИДР, 1847, кн. 4, отд. IV, с. III—VIII, 1—78; С а в в а. архим. Указатель для обозрения Московской

Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 209—211; Макарий, еп. О новгородских Макарьевских Четых Минеях // *Летописи Тихонова*. М., 1859, т. 1, с. 68—73; Ключевский В. О. 1) Великие Минеи Четин, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. комиссии. Т. 1. Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868 (переизд. рец., опубликованной в газ. «Москва». 1868. № 90, 20 июня) // Ключевский В. О. Отзывы и ответы. 3-й сборник статей. М., 1914, с. 1—20 (2-е изд. Пгр., 1918); 2) Древнерусские жития, с. 221—297; Петров Н. О происхождении и составе славянорусского печатного Пролога: Иноземные источники (Продолжение) // *Тр. Киев. дух. акад.*, 1875, № 5, с. 348—351; Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1, с. 203—215, прилож. № 9, с. 74—130 (2-е изд. Владимир, 1901, с. 264—265, 273); О Четых Минеях // ПДП, № 4. Протокол годового собрания Общества 26 апреля 1879 г. с приложениями: (Доклады). СПб., 1879, вып. 3, с. 39—56; Веселовский А. Заметки по литературе и народной словесности. 3. К Сказанию о ереси жидов христианствами. СПб., 1883 (СОРЯС, т. 32, № 7), с. 26—28; Владимир П. В. Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII в.) // *ЧОИДР*, 1883, кн. 2, отд. 4, с. 68—75; Горский А. В., Невострев К. Н. Описание Великих Четых Миней Макария, митрополита Всероссийского / С предисл. и доп. Е. В. Барсова // *ЧОИДР*, 1884, кн. 1, отд. 2, с. I—XIX, 1—64; 1886, кн. 1, отд. 2, с. 65—184; Лебедев В. К истории кирилло-мефодиевского славянского перевода Библии на Русь: (Продолжение) // *Странник*, СПб., 1885, № 3, с. 407—411; Иосиф, архим. Подробное оглавление Великих Четых Миней всероссийского митрополита Макария, хранившихся в Московской патриаршей, ныне Синодальной библиотеке. М., 1892; Попомарев А. И. Жизнь и подвижнические труды преподобного Сергия Радонежского по древнему славяно-русскому Прологу и по Четным Минеям митрополита Макария // *Странник*. СПб., 1892, № 9, с. 3—19; Сперанский М. Н. 1) Протокол 14 заседания Славянской комиссии Московского археологического общества: Реф. докл. о южнославянских Четных Минеях и реформе Макария в минеях // *Древности*, 1895, т. 1, с. 34—35; 2) Сентябрьская Минея Четья домакарьевского состава // *СОРЯС*. СПб., 1896, т. 64, № 4, с. 1—23; 3) Октябрьская Минея Четья домакарьевского состава // *ИОРЯС*, 1901, т. 6, кн. 1, с. 57—87; 4) Славянская метафрастовская Минея Четья // *ИОРЯС*, 1904, т. 9, кн. 4, с. 176—189; Гребенетский А. Слова и поучения в Великих Четых Минеях митрополита Макария: Извлечение из протоколов Совета Киевской Духовной академии за 1900 г. // *Тр. Киев. дух. акад.*, 1901, № 5, Приложение, с. 367—369; Сироткин С. М. Шьмо по поводу издания и состава ВМЧ за декабрь месяц // *ЛЗАК*, 1901, вып. 12. Извлечения из протоколов, с. 126—130; Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. Вып. 2. Четья Миней; Прологи; Патерики. СПб., 1907, с. 1—154; Бугославский С. А. Сокращенная редакция Великой Четья Миней за май месяц в рукописи Пазанской духовной академии 1569 г. № 514 (533) (631) // *ИОРЯС*, 1913, т. 48, кн. 4, с. 347—351; Мансикка В. Житие Александра Цеского: Разбор редакции и текст. СПб., 1913, с. 107—142, Приложение (ПДП, т. 189), с. 15—31, 33—48; Попова Н. П. 1) Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней // *ЛЗАК*. СПб., 1913, вып. 25, с. 5, примеч. 2; 2) Посифово Сказание о ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // *ИОРЯС*, 1913, т. 48, кн. 1, с. 173—197; 3) О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М., 1934, с. 31, 33—36; Шестаков Д. Заметки о греческих текстах житий и Макарьевских Минеях Четинх // *БВ*, 1914, № 2, с. 369—382; Серебрянский. Княжеские жития, с. 123—139, 215—217, 257—260, Приложение (№ 31), с. 124—137; Адрянова В. П. Житие Алексея, человека божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, с. 99—107; Яцмирский А. П. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературе. LXXXIII—LXXXIV // *ИОРЯС*, 1917, т. 22, кн. 1, с. 27—44; Щеглова С. А. Богочасник: Историко-литературное исследование. Киев,

1918, с. 208, 231—232, 292—294; П е р е т ц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. IX. К изучению Четьи 1489 г. // Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1928, т. 1, вып. 1, с. 9—12, 19—21; О р л о в А. С. Книга русского Средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. АН СССР. Сер. В, 1931, № 3, с. 37—51; Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1946, ч. 1, с. 142 (Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского, ф. 201. Славяно-русские летописи); М у р а в ь е в Н. Митрополит Макарий как составитель Великих Четьих Миней: (К 400-летию составления Великих Четьих Миней) // Журн. Моск. патриархии, 1953, № 5, с. 49—54; П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева (ч. 1, № 577—819) / Под ред. М. В. Щенкиной. М., 1970, с. 170—208 (№№ 784—807); Р о г о в А. И. Миней: (Справка) // Метод. пособ. по описанию славяно-русских рук. для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973, вып. 1, с. 297—305; К у ч к и н В. А. 1) О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тезисы докладов Второй Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения; Секция рукописной книги. М., 1974, с. 22—26; 2) О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 86—101; Д р о б л е н к о в а Н. Ф. 1) Ранний вариант декабрьской Великой Миней Четьи // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 386—390; 2) Великие Миней Четьи // ТОДРЛ, 1985, т. 39, с. 238—243; 3) Из истории жанра Четьих Миней в русской литературе // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986, с. 139—181; M i l l e r D. B. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin; Wiesbaden, 1979. Bd 26. S. 262-382; А л е к с е е в В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулунов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1981, с. 126—137; Г а в р у ш и н Н. К. Первая русская энциклопедия // Памятники науки и техники. 1982—1983. М., 1984, с. 119—130.

Н. Ф. Дробленкова

Веннамин (кон. XV в.) — монах-доминиканец, «родом словенянин, а верою латынянин» (вероятнее всего, южный или западный славянин католического исповедания), участник литературного кружка, группировавшегося вокруг архиепископа Новгородского *Геннадия*. В 1491 г. со слов В. была сделана запись (на рукописи Дионисия Ареопажита) о падении Царьграда. В 1493 г. составил сборник библейских книг (Шаралыпомен, Ездра, Иеemia, Товит, Юдифь, книга Премудрости Соломона и Маккавеев и части книг Иеремии и Иезекииля), отсутствовавших в русских переводах с греческого и переведенных с католической Вульгаты — с предисловиями Иеронима Блаженного и комментариями католического богослова XIV в. де Лиры (сборник дошел в копии XVI в. — ГИБ, собр. Погодина, № 84). Все переводы с Вульгаты, содержащиеся в сборнике, были включены в Геннадиевскую Библию 1499 г.; в тексте библейского сборника находится прямое указание на то, что в него были включены те книги и разделы, которых не существовало в славянском переводе с греческого (по окончании одной из глав Иеремии, заимствованной из Вульгаты, сказано, что «отселе прочия главы . . . в другой книге писаны суть», — дальнейший текст действительно дан в Геннадиевской Библии по переводу с греческого). Очевидно, сборник был специально со-

ставлен для подготовлявшегося архиепископом Геннадием полного библейского кодекса. Наряду с В. в кружке Геннадия действовал (уже с 1489 г.) и Тимофей Вепнамшинов — возможно, ученик В.

Привлечение В. к деятельности Геннадиевского кружка было связано с напряженной борьбой против еретиков, которую вел этот кружок. Геннадий с тревогой отмечал «простоту» своих сподвижников и образованность противников — он специально перечислял книги (в том числе и библейские), которые «у еретиков все есть». Опыт «латинян» был для него особенно ценен — уиият *Юрий Мануилович Траханиот* сообщил ему «Речи посла цесарева» об испанской инквизиции; у католиков новгородский архиепископ мог заимствовать и аргументы против задуманной *Иваном III Васильевичем* при поддержке еретиков секуляризации церковных земель.

Важнейшим памятником борьбы против покушений государственной власти на церковные имущества стало публицистическое сочинение, именуемое в большинстве его списков «Слово кратко противу тех, иже в вещи священныя . . . соборныя церкви вступаються»; в настоящее время известна первоначальная редакция этого памятника, имеющая заголовок «Събраише от божественаго писания от Ветхаго и Новаго на лихоимцев». Об авторстве В. говорят многие черты «Слова кратко» — латинизмы в языке, западная терминология (именование Германской Римской империи «Священным царством») и католические тенденции. В доказательство искренности и законности церковных «стяжаний» автор ссылается на «Константинов дар» папам, подкрепленный «Карулом великим царем» и «Отто первым», и приводит известную католическую теорию «двух мечей» духовной власти. В «Събраиши на лихоимцев» католические тенденции были выражены еще ярче: «христианами» в равной степени объявлялись «греци, русь и латини»; «Карул Бертиц» (т. е. Карл сын Берты — Карл Великий) именовался «православной веры хранителем»; упоминая «хранителей православной веры», автор ссылается наряду с Карлом Великим также на Константина Великого, но не упоминает русских князей. При переделке «Събраиши» в «Слово кратко» оно было подвергнуто некоторой обработке — из числа «хранителей православной веры» был исключен Карл Великий и включены «и русские наши благочестивии начальници князь Владимир з женою и чада его». По-видимому, при той же переработке к «Слову кратко» было добавлено обращение «убогого» автора к его покровителю — «архиепископу достойнейшему», «на враги церковные и еретики ратоватено крепчайшему», «превосходящему всех своим добродетелями в сей пресветлой Руской стране», т. е., очевидно, Геннадию. Наиболее вероятная дата написания памятника — 1497 г.

Основные положения «Слова кратко» («Събраиши на лихоимцев») перекликались с идеями, высказывавшимися в те годы и другими «воинствующими церковниками», например *Иосифом Волоцким*. «Паче подобает повиноваться богови, нежели человеку, — мирь-

стии бо властелин человеци суть: тело отняти могут, души же ни», — говорится в «Слове кратком», «болши достоин повиноватися власти духовной неже мирской». Здесь упоминается и Юлиан-отступник, прикрывавший «желание святотатства евангельским свидетельством», и гибель Царьграда из-за «сребролюбия» его царей, отнимавших «благая церковная». Автор прямо призывает сопротивляться «нашего времени начальникам», покушающимся на владения «началников церкви»: «да не боится мирского властителя. . . по бескорбно противящимся и на церковная наступающим себе да поставит».

Кроме «Слова кратка» к творчеству В. может быть предположительно отнесен еще один памятник — перевод (с румынского перевода XV в.) текста итальянского религиозно-нравственного трактата XII в. «Флорес дарованиям и злобам» («Цветник добродетели»). В тексте этого трактата (по списку XVIII в.) указано, что книга «переведена з влоского языка на волошский. . . а потом з волошского на словенский чрез Вениамина перомонаха русина, року 1592», но, вероятно, дата «1592 г.» — ошибка вместо «1492 г.».

Изд.: Восток ов. Описание, с. 164; «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // ЧОИДР, 1902, кн. 2, отд. 2; Лурье Я. С. «Собрание на лихонимцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XV в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 21, с. 132—146.

Лит.: [Горский А., Невоструев К.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855, отд. 1, с. 41—53, 76—80, 124—129; Майков Л. Н. Последние труды // ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 373—379; Соболевский И. Переводная литература, с. 254—259; Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 г. СПб., 1914; Седелъников А. Д. 1) К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС, Л., 1926, т. 30, с. 205—225; 2) Очерки католического влияния в Новгороде в кон. XV—нач. XVI в. // Докл. АН СССР. Сер. В, 1929, № 1, с. 16—19; Denisoff E. Aux origines de l'église russe autocephale // Revue des études slaves, 1947, т. 23, р. 68—88; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 225—229, 244—246, 266—268, 273—275, 279—281; Smochina Nic. N și Smochina N. O traducere romîneasca di secolul al XV-lea a cartii «Floarea Darulilor» // Biserica Ortodoxa Romîna, 1962, anul 80, № 7—8; Копреева Т. Н. Западные источники в работе новгородских книжников конца XV—начала XVI в. // Федоровские чтения. 1979. М., 1982, с. 146.

Я. С. Лурье

Видение хутынского пономаря Тарасия (Прохора) — рассказ о чуде, совершенном популярным в Новгороде святым Варлаамом Хутынским (см. *Житие Варлаама Хутынского*). До включения их в поздние редакции Жития (Распространенную и Особую) рассказы о чудесах святого широко бытовали в устной новгородской традиции. Среди наиболее популярных чудес такого рода был и рассказ о видении хутынского пономаря. Будучи записанным, В. входило не только в состав Жития Варлаама Хутынского, но и переписывалось как самостоятельное произведение. Рассказ этот существовал в двух редакциях. Заглавия В. как в составе Жития Варлаама Хутынского так и в отдельных списках разно-

образы: «Чюдно видение преподобнаго Варлаама над Великим Новым Градом»; «В лето 7013. Бысть чюдо преславно и видение ужаса исполнено в пречестней обители боголешнаго Преображения господя бога и спаса нашего Исуса Христа и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама»; «Моление преподобнаго отца Варлаама о граде и о людех»; «Чюдо святаго Варлаама, како избави Новгород от потопа и огня». Содержание В. таково. Однажды пономарь церкви Спаса в Хутыньском монастыре «некия ради потребы церковныя» был «в полунощи» в церкви. Вдруг сами зажглись все свечи и паникадила, церковь наполнилась благоуханием и из находившейся внутри церкви гробницы вышел Варлаам и начал молиться. Кончив молитву, Варлаам подошел к объятому страхом пономарю и сказал ему: «Брате Тарасие, хочет господь бог погубити Великий Новьград; взыде, брате Тарасие, на самый верх церковный и узриши пагубу Великому Новгороду, что хочет ему господь бог сотворити». Тарасий, взойдя на кровлю церкви, увидел, что над Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое обрушиться на город (Хутыньский монастырь был расположен в 10 км на север от Новгорода, вниз по течению Волхова). Пономарь в ужасе сбегал вниз и рассказал святому об увиденном. Варлаам снова долго молился и затем вторично послал пономаря на верх церкви. На этот раз пономарь увидел множество грозных ангелов, стреляющих огненными стрелами «на множество народа людскаго, на мужи и жены и на дети их». А около каждого человека стоял его ангел-хранитель с книгой в руках. И если человек был «написан в живых», то ангел окроплял такого человека «кистою из сосуда, приемля мира небесного», и тот исцелялся. Если же человек был записан «ему же умерети», то ангел, «ше помазав его миром», отходил от него и человек этот был обречен на гибель. Вернувшись к Варлааму, пономарь рассказал ему об этом видении. Варлаам сказал, что бог пощадил новгородцев, «еже не потопил потопом града, но посылает господь бог на люди казнь — мор, но с милостью, рекше с покаянием». В третий раз поднимается пономарь по повелению святого на верх церкви и видит над Новгородом огненную тучу. Это видение пономаря Варлаам истолковывает так, что через три года после мора в Новгороде случится великий пожар. Вторая редакция В. отличается от первой тем, что имя пономаря в ней не Тарасий, а Прохор, и здесь есть дополнительный эпизод. Пономарь Прохор, войдя в церковь, видит там трех юношей. Они спрашивают Прохора о Варлааме. Удивленный их вопросом Прохор говорит, что, видно, они не здешние жители, раз не знают, что Варлаам умер уже триста лет тому назад. Подойдя к гробнице святого, юноши (это были посланцы бога) повелевают Варлааму встать из могилы и говорят, что бог велит ему покинуть Новгород, который будет погублен потопом. Варлаам отказывается сделать это; он готов погибнуть вместе с городом. Далее идет тот же текст, что и в первом варианте. Источником этого вставного эпизода послужил сходный эпизод *Мучения Дмитрия Солунского*. В тексте В. назван год видения пономаря — 1505, но возникновение этой

легенды, в основе которой лежат реальные события из жизни Новгорода, следует датировать немного более поздним временем. В 1506—1508 гг. в Новгороде свирепствовала моровая язва. Вот что пишет об этом новгородский летописец: «При великом князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископе Новгородцком, владыце Серапионе, бысть в Новгороде мор велми велик железюю, паде же и людей безчислено, и того бысть по три осени. Последнюю же осень, лета 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женска, 15 000 душ и 400 без-четырёх голов» (*Летопись Новгородская IV* — ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 460). В том же 1508 г. в Новгороде произошел пожар, про который летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Назвав число сгоревших — 2314, летописец добавляет — «утошших же и згоревлиих в пшел число бог весть, а горело день да ночь да на завѣтрее до полуден» (там же, с. 461). Оба события, хронологически следовавшие одно за другим, очевидно, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой легенды о видении пономаря Тарасия, которая и возникла под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород, т. е. вскоре после 1508 г. Д. С. Лихачев весьма убедительно соотносит время возникновения этой легенды с постройкой в Хутыньском монастыре в 1515 г. нового храма: «В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из числа новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город растлился на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутыньского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды» (Л и х а ч е в. Новгород Великий, с. 90). Д. С. Лихачев отмечает, что, несмотря на общие места и мистическую окраску В., это произведение, отличающееся целым рядом конкретных моментов, является «типично новгородским» (там же). Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи: до нас дошло семь новгородских икон и книжные миниатюры, посвященные этому сюжету; иконы отличаются яркостью и детальностью изображения событий, рассказанных в

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. 247; ПЛ. СПб., 1860, вып. 1, с. 283—284; *Житие Варлаама Хутыньского. В двух списках / Изд. ОЛДП. СПб., 1881, № 41; ПЛДР. Кон. XV—1-я пол. XVI в. М., 1984, с. 416—421.*

Лит.: Гусев П. Л. Новгород XVI века по изображению на хутыньской иконе «Видение пономаря Тарасия». СПб., 1900; Орлов А. С. Видение Хутыньского пономаря Тарасия—Прохора (нач. XVI в.) // ЧОИДР, 1908, кн. 4, с. 1—12; Седелников А. Литературно-фольклорные этюды // Slavia, Praha, 1927, roč. 6, seš. 1, с. 64—98; Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, с. 89—90; П о р ф и р и д о в Н. Г. Два сюжета древнерусской живо-

писи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 112—118; Лихачева Л. Д. Миниатюристи — читатели новгородских литературных произведений // Там же, с. 337—341; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 61—68, 81—83, 280.

Л. А. Дмитриев

Висковатый Иван Михайлович (ум. 1570 г.) — политический деятель и дипломат, автор рассуждения о принципах иконописи. Выходец из низов, В. благодаря своим выдающимся способностям сделал блестящую карьеру. Из подьячих В. стал думным дьяком, печатником, главой Посольской избы, ведавшим внешней политикой *Ивана IV* (иностранцы именовали его «канцлером»). Посольские дела сохранили следы прямого вмешательства В. в решение внешнеполитических вопросов, когда энергичному дьяку удавалось даже (например, в 1553 г.) добиваться изменения решений, принятых царем вместе с боярской думой. Возвышение В. относится ко времени падения представителей так называемой Избранной рады — *Адашева* и *Сильвестра*, с которым В. находился явно во враждебных отношениях. В отличие от *Адашева* и *Курбского*, В. был, по известиям иностранцев, сторонником войны с «христианами» (Ливонской войны) и союза с «татарами» (Крымом). Когда Курбский после своего бегства писал о «царях русских» «от простого всенародства», которых Иван IV возвышает в противовес вельможам, он имел, очевидно, в виду таких людей, как В.

В течение большей части опричного периода В. оставался во главе русской внешней политики, и лишь кризис опричнины в 1569—70 гг. привел к его падению. Он был казнен летом 1570 г. вместе с казначеем Н. Фушиковым и другими приказными деятелями; заголовок «изменного дела» 1570 г., сохранившийся в Описи Посольского приказа, связывает В. с новгородским «изменным делом» и с опричниками Басмановыми. Гибель В. была связана также с интригами его соперников (сторонников сближения с католическими державами), дьяков братьев Щелкаловых.

Идеологическая и литературная деятельность В. нашла выражение в его Исповеди (или Списке), Вопросах, Покаянии и ответе, входящих в состав соборного дела 1553—1554 гг. («дела В.»). Дело это было возбуждено самим В., в течение трех лет публично выступавшим («вопьявшим» «на народе») против тех икон и росписей, которые были созданы по указаниям Сильвестра после пожара 1547 г. для кремлевского Благовещенского собора («Четырехчастная икона») и золотой палаты Кремлевского дворца. Несмотря на резкие возражения митрополита *Макария*, В. представил царю письменное изложение своих возражений и добился созыва в конце 1553—начале 1554 г. специального церковного собора, разбиравшего этот вопрос. Собор окончился поражением В.: «Стал еси на еретики, а ныне говориши и мудртвуеть не гораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики; знал бы ты свои дела, которые на тебе положены — не разройши списков», — заявил В. Макарий; В. покаялся в своих «сумнениях». Однако наказание

В. было формальным (трехгодичная эпитемия), и в этом деле он выступал скорее в роли нападающей, чем обороняющейся стороны. Обвинение в недостаточном благочестии было выдвинуто против В. лишь после его опалы и казни в 1570 г.: в послании в Кириллов Белозерский монастырь 1573 г. Иван Грозный писал про В., что тот вместе с И. Шереметевым «первые не почали за кресты ходити» (в церкви). Однако этот упрек, высказанный задним числом, едва ли заслуживает серьезного внимания.

Сущность выступления В. в 1553—1554 гг. заключалась в том, что он отвергал новое абстрактно-символическое направление в живописи середины XVI в. По мнению В., пророческие видения и символы неуместны в иконописании — иконы должны быть наглядны и передавать содержание Библии тем, кто «не ведут книги» (т. е. неграмотным). Он возражал против изображения «невидимого божества и бесплотных», против изображения бога Отца, настаивая на том, что изображаться может только Христос «по человеческому образу». Осуждал он, в частности, одну из композиций «Четырехчастной иконы», в которой Христос изображен «в лоне Отче», а тело его «херувимскими крылы покрыто». Отвергая утверждения «латын», что «тело господа нашего Иисус Христа укрываху херувими от срамоты», В. возражал также и против того, что «греки его пишють в порьтках»: «он порьтков не нашивал, и аз того для о том усумневаюс, а исповедаю, яко господь наш Иисус Христос нашего ради спасения принял смерть поносную и волею претерпел распятие, а от коризны не укрывался». В. протестовал и против росписи Золотой палаты, где «написах образ Спасов, да туто ж близко него написана жонка, спустя рукава кабы пляшет, а подписано под нею: блужение. . .».

Спор В. с новыми явлениями в русском иконописании имел серьезный теоретический смысл. Уже еретики, с которыми в конце XV в. спорил *Иосиф Волоцкий*, отвергали иконное изображение Троицы на том основании, что Троица (как и божество вообще) «телесными очами не зрима». Однако из этого не следует, что В., отвергая изображения «невидимого божества и бесплотных», продолжал традиции повгородско-московских еретиков конца XV в. Основным источником, на который ссылался в своих рассуждениях В., были решения вселенских церковных соборов. В. подчеркивал, что именно его главный противник Сильвестр был связан с недавно осужденными еретиками — Матвеем Башкиным и *Артемием*; в связи с этим в соборное дело 1553—1554 гг. были включены «Жалобницы» Сильвестра и священника Симеона, оправдывавшихся по поводу своих сношений с еретиками (именно эти «Жалобницы» служат основным источником относительно ереси Башкина). Но, опираясь на древнюю греко-православную традицию, В. стремится к ее последовательному сохранению, отвергая последние «мудрования» и «злокозньства». Митрополит Макарий, обличавший В. и угрожавший ему обвинением в «галатской ереси» (обвинение не вполне понятное — вероятнее всего, речь идет об иудео-христианах, с которыми спорил апостол Павел

Послании к галатам»), в противоположность своему оппоненту, не различал древней традиции, утвержденной соборами, и иконописной практики XV—XVI вв. — греческой и русской. По наблюдениям искусствоведов некоторые изображения, против которых возражал В. (изображение Христа с херувимскими крыльями), действительно восходили к католическим композициям и отражали, возможно, те «латинские» влияния, которые появились в Новгороде конца XV в. при архиепископе Геннадии.

Кроме материалов, входящих в соборное дело 1553—1554 гг., некоторые исследователи относят к творчеству В. также известные приписки к Летописному своду Лицевому, в частности рассказ о болезни царя в 1553 г., где сам В. выступает в сугубо положительной роли, а его противник Сильвестр — в отрицательной. Решение этого вопроса зависит, однако, от датировки приписок — в роли редактора Лицевого свода В. мог выступать только до 1570 г., когда он подвергся опале и погиб.

Изд.: ААЭ. СПб., 1836, т. 1, № 238; ЧОИДР, 1847, год 3, № 3, отд. 2; Розыск или список о богоухильных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 // ЧОИДР, 1838, кн. 2, отд. 3.

Лит.: Андреев Н. Е. 1) О деле дьяка Висковатого // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1932, т. 5 (перевзд. в кн.: Андреев Н. *Studies in Muscovy*. London, 1970, № III); 2) *Interpolations in the Sixteenth-Century Muscovite Chronicles* // *Slavonic and East European Review*, 1956, vol. 35 (перевзд. в кн.: Андреев Н. *Studies in Muscovy*, № X); 3) Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРП. М.; Л., 1962, т. 18, с. 117—148 (перевзд. в кн.: Андреев Н. *Studies in Muscovy*, № XI); История русского искусства / Под общей ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кемениова и В. П. Лазарева. М., 1955, т. 3, с. 565, 578, 580—582; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958, с. 232—233, 257—261; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 366—367; Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972, с. 40—68.

Я. С. Лурье

Влас Игнатов (Игнатъев) (кон. XV—XVI в.) — дипломат, переводчик. Биографические данные о В. И. скудны. А. И. Соболевский считал его «западнорусским уроженцем», И. Е. Евсеев, напротив, «северным уроженцем»; ни то, ни другое предположение источниками не подкрепляется. В качестве толмача латинского и немецкого выполнял многие дипломатические поручения: на рубеже XV и XVI вв. плавал вокруг Скандинавии к датскому королю Иоанну (Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908, с. 188); в 1505 г. вел переговоры в Ивангороде о возвращении пленников, «которые взяты в Ливонской земле» (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851, ч. 1, стб. 131—133, 139); в 1510 г. участвовал в приеме любекских послов во главе с Иоганном Роде в Новгороде (*Hanserecesse*. Leipzig, 1894, 3. Abth., Bd 5, S. 650); в 1517 г. принимал участие во встрече С. Герберштейна (Памятники дипломатических сношений. . ., т. 1, стб. 195—197); сопро-

вождал посольство князя Ивана Ярославского-Засекина в Испанию к королю Карлу V в 1525 г.; в сентябре 1526 г. отправлен с посольством в Империю «в дначе место» (ПСРЛ. М., 1978. т. 34, с. 15; СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 521).

В. И. был довольно образованным человеком. Переводческая деятельность его началась при дворе новгородского архиепископа *Геннадия* вместе с *Дмитрием Герасимовым*: в 1498 г. он переводил надписания псалмов из немецкой Псалтири. В 1500 г. переводом занимался Дмитрий Герасимов, но это был уже не первый этап работы, как явствует из следующей записи: «А преже того года за два переводил их (надписания. — *Т. Б.*) архиепископу пръвое Влас и потом Митя». На основании этой записи И. Е. Евсеев приписывает В. И. (наряду с Герасимовым) перевод предисловий и пояснительных статей во всех частях Геннадиевской Библии. Совместно с Дмитрием Герасимовым В. И. помогал *Максиму Греку* переводить Толковую Псалтирь (работа была закончена до 1522 г.). О том, как проходила работа, сообщает Герасимов в послании *Мисюрю Мунехину*: «А ныне, господине, переводит (Максим Грек. — *Т. Б.*) Псалтирь с греческаго толковую великому князю, а мы с Власом у него сидим, переменяяся: он сказывает по-латыньски, а мы сказываем по-русски писарем» (Прибавления к изданию творений святых отцов. М., 1859, ч. 18, с. 190). В. И. участвовал и в других переводах Максима Грека — Толкового Апостола (работа закончена в 1519 г.) и, возможно, Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (точной датировке не поддается), в исправлении Триоди (Соч. препод. Максима Грека. Казань, 1859, ч. 1, с. 33). В. И. не остался в стороне и от споров Максима Грека с *Федором Ивановичем Карповым* (Николюскии П. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христ. чт., 1909, № 8—9, с. 1124). На рассказах В. И. основано сочинение Иоганна Фабра о правах и обычаях московитов; его сведениями пользовался С. Герберштейн, когда занимался описанием морского пути из России в Данию вокруг Скандинавии. По предположению Н. А. Казаковой, В. И. был переводчиком письма Максимилиана Трансильвана о путешествии Магеллана (правда, исследовательница высказывает и другое предположение: переводчиком мог быть Дмитрий Герасимов).

Изд.: Казакова Н. А., Катускина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана: (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 227—252.

Лит.: Гамель И. Х. Англичане в России, в XVI и XVII столетиях: (Приложение к т. 8 Зап. имп. АН). СПб., 1865, с. 172—173; Соболевский И. Переводная литература, с. 186, 278; Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914, с. 10; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 41, 44, 48; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 64—66.

Т. В. Буланова

Воронцов Иван Михайлович (2-я пол. XVI в.) — боярин, воевода и дипломат, составитель статейного списка о посольстве

в Швецию в 1567—1569 гг., состоявшемся в обстановке взаимного недоверия обеих сторон — как шведских официальных кругов, так и московских послов — накануне свержения шведского короля Эрика XIV. В статейном списке почти нет описаний страны, в нем содержатся краткие записи о деловых встречах, беседах и об испытаниях, выпавших в Швеции на долю участников посольства: В. и его спутники пережили в Стокгольме переворот 1568 г., низложивший Эрика в пользу Иоанна; они находились 8 месяцев в заключении и едва спасли свою жизнь. Статейный список, опубликованный дважды, хранится сейчас в ЦГАДА.

Изд.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910, т. 129, с. 127—170; Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954, с. 7—62, 329—330, 351, 358—369.

О. А. Белоброва

Воспоминание о новгородском архиепископе Ионе см. *Паломный Серб.*

«Воспоминание отчасти святыя горы Афонския, како наречена бысть Святая гора и коих вин ради тако прозвася» («Повесть о приходе пречистыя богородицы во Афонскую гору в данный ей жребий») — апокрифическое сказание о посещении Афона богородицей, в состав которого включен рассказ о посещении богородицей Лазаря четверодневного, перевод с греческого. Другой вариант перевода, принадлежащий Стефану Святогорцу, включен в книгу «Рай Мысленный» (Иверская типография, 1659, л. 4—7), а также опубликован Порфирием Успенским по рукописи сербского монастыря св. Павла (Восток Христианский, ч. 2, с. 129—131). Порфирий Успенский анализировал версию Стефана Святогорца, в то время как закрепившееся в русской рукописной традиции В. практически не исследовалось.

В начале XVII в. В. было включено в собрание сочинений *Максима Грека* (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200), что дало основание А. И. Иванову считать Максима его автором. Основным аргумент А. И. Иванова — использование сюжета о посещении богородицей Афона в двух других сочинениях, принадлежащих Максиму Греку, — в статье «Вопрошание известно от неких, почто от тридневного воскресения Христова. . .» (по книге А. И. Иванова № 278) и в «Изложении отчасти пребывания и чина сущих во Святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных» (там же, № 323). Однако первая часть «Вопрошания. . .» (ответ на вопрос об артуре и вариант сюжета о посещении богородицей Афона и Кипра) почти дословно совпадает с текстом другого сочинения начала XVI в. — послания *Нила, епископа тверского об артусе*. В. Г. Брюсова обосновывает принадлежность Нилу и заключительной части «Вопрошания. . .» (см.: Брюсова В. Г. Тверской епископ грек Нил и его послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 180—187). Таким образом, авторство Максима Грека по отношению к «Вопрошанию. . .» сомнительно,

а следовательно, использование в нем сюжета о посещении богородицей Афона и Кишра не может служить аргументом для атрибуции Максиму В., как и беглое упоминание путешествия богородицы в «Изложении отчасти...» (см.: Спицицына П. В. Послание Максима Грека (1518—1519 гг.) Василию III об устройстве афонских монастырей // ВВ. М., 1965, т. 26, с. 128—129).

Ранняя рукописная традиция В. не связана с именем Максима Грека. Древнейшие его списки относятся к началу XVI в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 686; собр. МДА, № 50; в упоминаемом М. И. Сперанским сборнике XV в. ГБЛ, собр. ОИДР, № 189 читается другое сочинение со сходным началом. Сборник МДА, № 50 содержит слова Афанасия Александрийского и жития русских и греческих святых, Троицкой лавры, № 686 — преимущественно жития сербских святых.

Большая часть списков В., относящихся к XVI в., происходит из наиболее крупных монастырских библиотек: Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 686; собр. МДА, № 50), Кирилло-Белозерского (ГПБ, Соф. собр., № 1418), Волоколамского (ГПБ, Q.XVII.64 — сборник *Нифонта Кормилищына*; ГБЛ, Волок. собр., № 166), Соловецкого (ГПБ, Солов. собр., № 437/51) монастырей. Популярность В. в монастырской среде XVI в. связана, по всей видимости, с возросшей ролью Афона как международного христианского центра после падения Царьграда. В 60-е гг. XVI в. с вариантом названия «Повесть о приходе пречистыя богородицы...» В. попадает в прибавления к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г. (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 4013; ГИМ, Музейское собр., № 2176) вместе с *Повестью о царице Динаре* и кратким русским летописцем (см.: Троицкая я. Ранние этапы...). При внесении в прибавления к *Хронографу* сочинение утратило заключающие его в ранних сборниках краткие слова «О житии пресвятой богородицы», «Знамение господа нашего Иисуса Христа», приписываемые Епифанию Кипрскому.

Для XVII столетия характерен процесс циклизации сочинений с афонской тематикой вокруг В. (сказания о Ватопедском монастыре, об Иверской святогорской иконе, отрывки из житий афонских святых и др.). Представляя собой рассказ об истоках христианства на Афоне, В. служило наиболее выигрышным фоном для разнообразных сочинений об афонских святых, чудесах от святогорских икон. Не случайно именно в окружении сочинений о святогорских Иверском и Ватопедском монастырях В. было включено в собрание сочинений Максима Грека (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 200).

В XVIII в. В. распространялось преимущественно в составе сочинений Максима; в XIX в. на его основе был создан духовный стих (ИРЛИ, Пинеж. собр., № 25, XIX в.; ИРЛИ. Карел. собр. № 216, XX в.). В. остается неизданным.

Лит.: Порфирий [Успенский]. Восток Христианский: История Афона. Ч. 2. Афон христианский, мирский. Киев, 1877, с. 3—26; Сперский М. И. Повесть о Динаре в русской письменности // ИОРЯС.

Л., 1926, т. 31, с. 60, 79; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, с. 24; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 195—196; Троицкая Т. С. Ранние этапы литературной истории Повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 30—39.

Т. С. Троицкая

Г

Геласий (1460-е гг.), — игумен Саввина Вишерского монастыря, причастный к составлению жития Саввы Вишерского. П. М. Строев и архимандрит Филарет считали, что Г. — автор Жития Саввы Вишерского и что *Пахомий Логофет* это житие «исправил» после 1464 г. В. О. Ключевский полагал, что сначала Г. составил записки о Савве Вишерском, а на их основании Пахомий Логофет написал житие. Столь разноречивые суждения возникли в результате обращения к разным редакциям и спискам Жития Саввы Вишерского. Большинство списков называет в самом начале жития его автором Пахомия Логофета. В *Великих Минеях Четиих*, например, сообщается, что житие Саввы Вишерского «сътворено священноиноком Пахомием» (ВМЧ, Октябрь. Дни 1—3. СПб., 1870, стб. 25). В то же время в конце ряда списков читается: «Списано же бысть и изъобретено житие блаженнаго отца Савы священноиноком Геласием бывшу тогда игуменом тоя обители в лето 6972 (1464) индикта 12» (ГБЛ, Костром. собр., № 17, л. 409 об.; ГБЛ, собр. Румянцева, № 371, л. 441 и др.). Наиболее подробно освещает историю создания жития концовка списка ГБЛ, собр. МДА, № 15 (л. 379): «. . . от того жития списася повелением и благословением преосвященнаго архиепископа великаго Новаграда и Пскова владыкы Ионы, списано же бысть и изобретено блаженнаго житие игуменом Геласием бывшаго настоятелем тогда тоя обители. Написано же бысть и сотворено рукою смиреннаго священнонока Пахомия Сербина, иже от Святыя горы». Одно из посмертных чудес Саввы Вишерского сообщает о приходе в Саввин Вишерский монастырь архиепископа новгородского *Ионы* и о его повелении настоятелю «святого Савы образ написати на иконе, такожде и стихеры и канон и прочая» (ГБЛ, Костром. собр., № 17, л. 406—406 об.). В житии Ионы, архиепископа новгородского, сообщается о его повелении Пахомию Сербину составить («списати») каноны и жития, в том числе Савве Вишерскому (ПЛ. СПб., 1862, вып. 4, с. 31). В. О. Ключевский убедительно показывает, насколько богаче биографическими фактами допахомиевская редакция жития Саввы Вишерского, и связывает ее с Г.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 156—157; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 95; 2) Словарь, с. 51, 229—230; Барсуков. Источники агиографии, стб. 472—474; Филарет. Обзор, с. 112.

О. А. Белоброва

Геннадий (ум. 1505 г.) — новгородский архиепископ, создатель первого полного библейского кодекса, автор посланий. В одном летописном известии приводится прозвище (фамилия) Г. — Гонозов. В 70-х — начале 80-х гг. Г. был архимандритом московского Чудова монастыря; в спорах между *Иваном III* и митрополитом *Геронтием* поддерживал великого князя. Назначенный в 1484 г. новгородским архиепископом, Г. должен был стать проводником великокняжеской политики в недавно присоединенном Новгороде, однако вскоре между Г. и великим князем обнаружилось серьезные противоречия из-за крупных земельных владений архиепископской кафедры. Вместе с *Иосифом Волоцким* Г. вел борьбу против новгородско-московской ереси («жидовствующих»), пользовавшейся до нач. XVI в. покровительством великокняжеской власти.

Публицистическая деятельность литературного кружка, организованного Г., была непосредственно связана с борьбой против еретиков. Творчество самого Г. представлено в основном его посланиями, написанными в 80-х — начале 90-х гг. XV в.; большинство этих посланий имеет целью убедить церковных иерархов и митрополита решительно и беспощадно расправиться с еретиками. С этой же целью Г. приказал записать и отослать в Москву «Речи посла цесарева» об учрежденной в Испании инквизиции. В послании митрополиту *Симону* Г., смущенный «простотой» своих сподвижников и образованностью вольнодумцев, выступал за создание училищ для духовенства. Конкретное практическое назначение этих посланий (не имевших, в отличие от большинства посланий *Иосифа Волоцкого*, церковно-полемического и догматического характера) предопределило их стилистические особенности — они написаны разговорным языком, с просторечными оборотами и введением прямой речи упоминаемых в посланиях лиц.

В те же годы Г. распространял церковно-полемическую и астрономическую литературу, которой пользовались еретики. В состав литературного кружка, собравшегося вокруг Г. в Новгороде, входили дьякон *Герасим Поповка*, его брат, переводчик и дипломат *Дмитрий Герасимов*, сподвижники великой княгини Софии Палеолог — братья *Юрий Мануилович* и *Дмитрий Траханиоты* и монах-доминиканец *Вениамин*. При дворе Г. было написано «Слово краткое в защиту церковных имуществ (первоначальное название — «Събрание на лихоимцев»), наиболее яркий памятник публицистики «воинствующих церковников», введение к Пасхалии (издано в РИБ), рассуждение «О летах седмыя тысяч», сделан ряд переводов и составлен первый в России полный библейский кодекс (см. Библия) — Геннадиевская Библия 1499 г. (включая книги

Товит, Юдифи, «Маккавеев» и др., переведенные с католической Вульгаты). С именем Г. связывается также *Повесть о белом клобуке*, созданная, по-видимому, уже в следующем столетии. В 1504 г. Г. и его сподвижникам удалось добиться полного осуждения еретиков, но сам Г. по воле великого князя был смещен с архиепископской кафедры и умер в опале.

Изд., АИ, СПб., 1841, т. 1, № 104; РИБ. СПб., 1908. 2-е изд., т. 6, № 113, 119, стб. 753—760, 811—820; Казакова П. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в. М.; Л., 1955, № 12, 13, 16, 18, 19, 22.

Лит.: Грандицкий М. Геннадий архиепископ Новгородский // ПО, 1878, ч. 3; 1880, ч. 3; Седелников А. Д. 1) К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вепиамина // ИОРЯС, Л., 1926, т. 30, с. 205—225; 2) Очерки католического влияния в Новгороде в кон. XV—нач. XVI в. // Докл. АН СССР. Сер. В, 1929, № 1, с. 16—19; Лурье Я. С. 1) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, глава IV; 2) К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 68—77; Копреева Т. Н. Западные источники в работе новгородских книжников кон. XV—нач. XVI в. // Федоровские чтения. 1979. М., 1982, с. 140—152.

Я. С. Лурье

Геннадий (в миру **Григорий**) (ум. 23 I 1565 г.) — основатель и первый игумен Спасо-Геннадиева монастыря, автор «Показания и поучения к братии и к людям». Биографические данные о нем извлекаются преимущественно из его жития, написанного учеником святого *Алексеем*. Г. был родом из Литвы (позднейшая повесть об обретении мощей святого называет местом его рождения Могилев), сыном «великого пана». Вопреки воле родителей, старавшихся удержать отрока от чрезмерных подвигов, Г. оставил дом и пошел бродить по пустыням. В поисках обители, где ему можно было бы постричься в иноки, Г. добрался до Москвы и нашел там себе друга и единомышленника Феодора, а затем побывал с ним в новгородских краях. Наконец, юноши явились к *Александру Сурскому* (см. *Иродион*), но тот отказался постричь «ленивых отрочат» и отослал их к *Корнилию Комельскому* (см. *Нафанаил*). Корнилий согласился принять в свой монастырь лишь Г., а Феодору предсказал, что тот свяжет себя брачными узами и будет жить в миру. Через некоторое время ропот братии, недовольной исключительным прилежанием Г., вынудил Корнилия вместе с учеником покинуть монастырь и удалиться в костромские пределы на Сурское озеро, где они основали новую обитель. Однако их совместное житье здесь продолжалось недолго: великий князь *Василий III Иванович*, путешествуя на богомолье, посетил Комельский монастырь и был разгневан, когда не нашел там Корнилия. Он добился того, что старец вернулся в свой монастырь, оставив во главе новосозданной пустыни своего ученика, причем выбор пал на Г. Великий князь просил Корнилия молиться о даровании ему наследника. Это последнее сообщение (поездка Василия III на богомолье упоминается и в летописи: ПСРЛ. СПб., 1859, т. 8,

с. 272; СПб., 1904, т. 13, 1-я пол., с. 46) позволяет датировать основание Спасо-Геннадиева монастыря приблизительно 1529 г. (*Иван Грозный* родился в 1530 г.) и отвергнуть встречающиеся в литературе другие даты — 1505 г. (З е р и н с к и й В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892, т. 2, с. 321; Д е н и с о в Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, с. 921) и 1540 г. (С т р о е в П. М. Списки перархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 351). Г. был близок к великокняжеской семье. Однажды, находясь в Москве в доме боярыни Юлиании Федоровны, он предрек ее дочери Анастасии, что она в будущем станет царицей. Позднее Г. был восприемником детей Анастасии Романовны и Ивана Грозного, в частности их дочери Анны (ПСРЛ. СПб., 1906, т. 13, 1-я пол., с. 158; СПб., 1906, т. 13, 2-я пол., с. 460).

Два независимых друг от друга источника свидетельствуют о том, что Г. был неграмотным. Это, во-первых, Житие Корнилия Комельского, содержащее несколько отличающийся от Жития Г. рассказ об основании Геннадиева монастыря. Когда Г. пожелал уйти в пустынь «паедине безмолствовати», рассказывает Житие Корнилия, старец не хотел отпустить своего ученика: «Не можешы места того строити, безкнижну ти сущу» (БАН, Арханг. собр., Д. 235, л. 298—298 об.). Во-вторых, в наставлениях о том, как изображать костромских чудотворцев — Пахомия Перехтского (см. *Житие Пахомия Нерехтского*) и Г. (эти наставления следуют в рукописях за службой Пахомию), сказано: «Бе бо Генадей не умеешы грамоте» (БАН, 17.5.30, л. 16). Из этих сообщений В. О. Ключевский заключает, что духовное завещание святого («Наказание и поучение к братии и к людем»), полностью включенное в Житие Г., было им продиктовано (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 303). «Наказание» Г. содержит традиционные для памятников этого жанра призывы к братии стяжать иноческие добродетели. Будучи сам неграмотен, игумен рекомендует инокам приумножать монастырскую библиотеку. Филарет без достаточных оснований приписал Г. «Почтение святых отец к новопостриженным инокам» (Ф и л а р е т, архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. Январь—апрель, с. 100; опубл. в кн.: [Н е в о с т р у е в К. И.] Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни. Харьков, 1862, с. 57—75 (отд. отт. из журн. «Духовный вестник» за 1862 г.)). Столь же произвольна догадка Н. Петрова о том, что *Валаамская беседа* написана Адрианом, игуменом Андросовской пустыни на Ладожском озере, и Г.

Изд.: Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских: Месяц январь. СПб., 1857, с. 400—402 (пер. на рус. яз.); Житие преподобного Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца // Яросл. епарх. вед., 1873, ч. неофиц., № 24, с. 193—194 (с подновлением языка); Святые угодники божии и подвижники костромские, их жизнь, подвиги, кончина и чудеса. Кострома, 1879, с. 16—17 (пер. на рус. яз.); Ф и л а р е т, архиеп.

Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно: январь—апрель. 3-е изд. СПб., 1882, с. 105—107 (пер. на рус. яз.); Служба и акафист преподобному отцу нашему Геннадию, Костромскому и Любимоградскому чудотворцу: С присовокуплением сказания о житии его и чудесах. М., 1888, с. 47—56 2-го сч. (с подовлением языка); Житие преподобного отца нашего Геннадия Костромского. М., 1904, с. 12—14 (пер. на рус. яз.).

Лит.: Книга глаголемая описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякого чина святых / Изд. М. В. Толстой. М., 1887, с. 196—197; Петров Н. Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев // Филол. зап., 1905, вып. 3—4, с. 1—36; вып. 5—6, с. 37—54; РБС. М., 1914, с. 395—396 (Гааг—Гербель).

См. также *лит.* к ст. *Алексей, игумен Спасо-Геннадиева монастыря.*

Т. В. Буланина

Георгий Скрипца (нач. XVI в.) — ростовский священник, автор «Написания о вдовых полах». «Написание» Г. С. было вызвано решением церковного собора 1503 г., повелевшего «вдовым попом и дьяконом не пети, ни священству касатися». Решение это мотивировалось тем, что вдовы священники «делают безчине — после своих жен держат у себя наложницы, а вся священническая действуют» (второй брак священникам-вдовцам запрещался, и поэтому вторые жены в таких случаях приравнивались к наложницам). Вдовы священники и дьяконы, имеющие наложниц, полностью лишались сана, а тем, на которых «улики нет о падении блудном», разрешалось исполнять обязанности дьячков и получать от новых священников и дьяконов четверть их дохода. Слагать сан вдовым священникам предписывал еще в XIV в. митрополит *Петр*, а в XV в. — митрополиты *Фотий* и *Феодосий*; такое же правило существовало и в Пскове.

Г. С., протестовавший против этого решения, не известен какими-либо иными выступлениями в публицистике конца XV — начала XVI в.; о нем известно только, что он сам был вдовым священником — «нищим вдовцом». Г. С. указывал, что постановление собора 1503 г. противоречит всем канонам православной церкви: «дерзнули есте сотворити дело велико, каково не бывало, как и стала православная вера». Он указывал на сугубо формальный характер этого постановления: «А вы, господа, всех ереев и дьяконов безо испытания на лица зря, осудили: которой поц имеет жену — чист, а не имеет жены — нечист, а чернец, не имея жены, чист. . . А вы неблагословною виною раздор в церкви священником учинили есте: чернцем попом — достойно служити во градах и в селах, а вдовцом, чистым попом недостойно служити. . .». В таком предпочтении «чернецов» над белым духовенством автор усматривал сходство с «латинством»: «и в латинской вере ино ереом их быти всем без жен, они бо, кроме бокия писания, избобрили себе ересь своей погибели». В ответ на утверждение, что решение это принято ради благочестия — «что попы в жен место наложницы держат», автор указывал, что это зло сотворилось от «нерадения и небрежения» самих высших иерархов, которые не «дозирали» священников, препоручая это дело светским властям — боярам,

дворецким, «гнунам» и «доводчикам»; несправедливым иерархам он противопоставлял в качестве окончательной инстанции «царский суд».

Инициатором решения собора 1503 г. о вдовых попах считался *Иосиф Волоцкий*, которому принадлежит сочинение в защиту его, включенное в *Стоглав*. Однако выступивший против этого решения Г. С. не обнаруживал никаких черт принадлежности к направлению, которое обычно противопоставляется в научной литературе «иосифлянству» — к «местожительству» (главный публицист этого направления *Вассиан Патрикеев* упоминал о решении о «попах вдовых» лишь между прочим — в более поздней полемике с Иосифом). Выступление Г. С. свидетельствует о существовании в конце XV—начале XVI в. публицистов независимого направления, противостоявших церковной верхушке.

О соборном решении 1503 г. см.: ААЭ, т. 1, № 383; ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 49; Стоглав. СПб., 1863, гл. 77—81.

Изд.: Написание вдового попа, Георгия Скрипцы, из Ростова града о вдовствующих попах // ЧОИДР, 1848, год 3-й, № 6, отд. 4, с. 45—54.

Лит.: Г о л у б и н с к и й. История церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 619—623; Б у д о в н и ц Н. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947, с. 107—109; К а з а к о в а Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960, с. 279; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 425; Z o r n J. M. The Disciplinary Rulings of the Council of 1503 // The Council of 1503: Source Studies and Questions of Ecclesiastical Landowning in XVIIIth-Century Muscovy / Ed. by E. L. Keenan and D. G. Ostrowski. Cambridge Mass., 1977, p. 45—56 (ротапринт).

Я. С. Лурье

Герасим Поповка (ум. 1503) — дьякон, впоследствии архидьякон и игумен Богоявленского монастыря, сподвижник новгородского архиепископа *Геннадия* в подготовке библейского кодекса и других меропрятнях. Младшим братом Г. был известный переводчик и дипломат *Дмитрий Герасимов*. С именем Г. связан ряд рукописных книг, разосланных им по поручению Геннадия в Волоколамский и иные монастыри и сопровождаемых приписками и краткими посланиями; первая из них (*Патерик Скитский*) была послана *Иосифу Волоцкому* еще в 1487 г. Весьма вероятно, что эта рассылка была связана с начавшейся в те годы борьбой Геннадия против новгородских еретиков и стремлением новгородского владыки обеспечить монастыри книгами, которые «у еретиков все есть». В 1489 г. Г. послал в Волоколамский монастырь «Житие и деяния Сильвестра папы Римского», а в Кириллов Белозерский монастырь — поучение Афанасия Александрийского против ариан. В 1491 г. Г. записал со слов другого сподвижника Геннадия — доминиканца *Вениамина* рассказ о взятии Константинополя турками (опубликован А. Х. Востоковым). В 1499 г. Г. руководил изготовлением Геннадиевской Библии, на первом листе которой указано, что она писана «во дворе архиепископле, повелением архиепископа архидьякона инока Герасима»; в том же году был

назначен игуменом московского Богоявленского монастыря. К 1503 г. относится последняя вкладная запись Г. — на книге Дионисия Ареопагита, данной им в Пафнутиев Боровский монастырь.

Изд.: Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Савина, препод. игумена Волоцкого. СПб., 1868, с. 262—263; Восток в. Описание, с. 164.

Лит.: Майков Л. П. Последние труды // ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 371—392; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XV—нач. XVI в. М.: Л., 1960, с. 266—268, 271; Копреева Г. Н. Западные источники в работе новгородских книжников конца XV—начала XVI в. // Федоровские чтения. 1979. М., 1982, с. 144.

Я. С. Лурье

Герман, монах Спасо-Каменного монастыря см. *Житие Филиппа Иранского*.

Герман, иеромонах Столбенского монастыря см. *Филофей Пирогов*.

Герман Подольный (или **Пустынный**) (ум. 1533 г.) — инок Кирилло-Белозерского монастыря, предполагаемый автор описания монастырских рукописей конца XV в. Адресат посланий *Нила Сорского*, *Нила Полева* и неизвестного лица, писец и владелец рукописного сборника ГИБ, Кир.-Белоз. собр., № 101/1178, так называемого Германова сборника (запись XVI в.). В этой книге содержатся реестр и два варианта, черновой и белой, составленного в конце XV в. описания книг Кирилло-Белозерского монастыря, раскрывающего их содержание и являющегося ценнейшим источником по истории монастырской библиотеки, библиотечного дела и книжной культуры Северо-Восточной Руси XV в. Рукопись содержит также хроникальные заметки за 1501—1510 гг. Г. П. был монахом Кирилло-Белозерского монастыря, затем, как показывает тематика заметок за 1501—1509 гг., уйдя оттуда, жил неподалеку от монастыря в Белозерском же крае, а после этого основал неподалеку от вологодского Прилуцкого монастыря собственный монастырь, Подольный (тематика заметок за 1509—1510 гг.). Среди заметок есть записи о смерти *Паисия Ярославова*, Андрея, старшего брата Нила Сорского, самого Нила Сорского. Имеющиеся тут же упоминания о Буруновых позволяют судить о близости Г. П. к роду Сорокоумовых-Глебовых.

Собственные послания Г. П. до нас не дошли. Одно из них было адресовано Нилу Сорскому, тот в ответ на него написал (не раньше 70—80-х гг. XV в.) свое послание, содержание которого позволяет думать, что Г. уже оставил в это время Кирилло-Белозерский монастырь (мягко, стараясь не обидеть адресата, Нил Сорский пишет здесь о распространении среди монахов своеволия и левинимания к «божественным писаниям»). Из этого послания ясно также, что Г. П. навещал Нила Сорского в его лесном скиту и что у них при этой встрече возник спор. Вспоминая этот разговор, Нил в послании просит Г. П. не скорбеть из-за того, что было между ними

тогда сказано, и продолжает настаивать, что «не просто или яко же прилучится подобает нам творити делания кая, но по божественных писаниих и по преданию святых отец». В списке этого послания, содержащемся в «Германовом сборничке» (л. 218—221) — и больше ни в каком другом списке, — над строкою, где у Нила идет речь о месте, в каком он поселился, уйдя из Кирилло-Белозерского монастыря, к словам «якоже сам видел еси» приписано: «и похвалил мя еси», отчего получается, что Нила Сорского за выбор им места для своего скита похвалил Г. П.

В сборнике ГИМ, Синод. собр., № 791, XVI в. (л. 76—93 об.), содержится послание неизвестного лица к «От благородного корене родившемуся и от благочестивых родителей воспитанному и изрядному и духовному господину моему старцу Герману» с убеждением вернуться в только что покинутый им пеназываемый монастырь. Автор укоряет Г. П. в потакании своей слабости, своеволии, говорит о печали, причиненной им отцу, матери и «сродникам своим еже по плоти, иже zde во обители оставил еси смущены», передает ему повеление его старца ни о чем не держать совета с неким Пенкою, а также просит никому не показывать эту «грамотку».

Из двух посланий к Г. П. Нила Полева следует, что после отлучения *Иосифа Волоцкого* от церкви новгородским архиепископом *Серапионом* за самовольный переход из его власти в непосредственное подчинение митрополиту Г. П. считал отлученными и всех постриженников Иосифа, к которым относились Нил Полев и *Дионисий Звенигородский*. Нил Полев узнал об этом от Дионисия и написал Г. П. пространное и резкое послание, в котором предлагает ему пойти и обличить в неправильном решении (имеется в виду смещение архиепископа Серапиона) царя и митрополичий собор, укоряет Г. П., говоря, что тот был мягок и добр, когда речь шла о «вразех Христовых и отступницех православныя веры христианския, о идолопоклонницех», относительно которых он, по словам Нила Полева, говорил: «Нам судити не подобает никого — ни верна, ни пeverна, но подобает молитися за них, в заточение не посылати», — а теперь, будучи простым чернцом, берется судить митрополита, епископов и игуменов. Слова Нила Полева показывают также, что Г. П. в то время уже ушел из Кирилло-Белозерского монастыря, но еще не основал Подольный, жил уединенно и не имел священнического сана: «Ты же живещи в пустыни и спеш еси своих ради грех в уединение, и ныне священнический сан судиши, не на тебе лежащий».

Из второго послания Нила Полева ясно, что Г. П. в ответ на первое его послание прислал к нему «дьякона своего Илью и с ним грамотку свою», в которой отмечал резкий тон первого послания и, по-видимому, извинялся за причиненное огорчение. Отвечая Г. П., Нил Полев объясняет, что он потому пишет «жестоко», что помнит «своего духовного отца и своему спасению непрелестнаго наставника и житие, и подвижи, и к богу правую и истинную его веру. . .» (речь идет об Иосифе Волоцком). Послания эти были

написаны в период пребывания Нила Полева и Дионисия Звенигородского в Белозерских пределах, т. е. до 1511—1512 гг.

Изд.: Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, сост. в конце XV в. СПб., 1897.

Лит.: Горский А. Отношения инокв Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. // Прибавл. к изданию творений святых отцов в рус. пер. М., 1851, ч. 10, с. 502—527; Жмакин В. Нил Полев // ЖМНП, 1881, т. 216, с. 185—199; Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси / Изд. ОЛДН. СПб., 1882 (ПДП. № 16). с. 48—52; Пророков Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. М., 1974, т. 29, с. 125—143.

Г. М. Пророков

Герман Полев (в миру Григорий; по прозвищу Садырев) (1530-е гг.—1568 г.) — архиепископ Казанский, автор поучения царю, книгописец. Он происходил из семьи Полевых, многие из которых были постриженниками Волоколамского монастыря, был сыном Филофея (в миру Федора) Полева. Сведения о Г. П. сохранились в ряде источников: 1) в кратком волоколамском летописце *Игнатия Зайцева* по рук. ГБЛ, Волок. собр., № 362; 2) в *Летописи Никоновской* — ПСРЛ, СПб., 1905—1906, т. 13; 3) в «Истории о великом князе московском» А. Курбского — РИБ, СПб., 1914, т. 31, стб. 317—319; 4) в *Житии Филиппа митрополита* — рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 380 и рук. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 694 (две редакции); 5) в Житии Гургия Казанского, написанном *Гермогеном*; 6) в Житии Германа Садырева, составленном между 1657—1672 гг. на основании житий Филиппа и Гургия — рук. ГИМ, собр. Уварова, № 792.

Расцвет политической карьеры Г. П., завершившейся его гибелью, падает на 50—60-е гг. В 1551 г. он занял должность архимандрита Старицкого Успенского монастыря. После следствия над Матвеем Башкиным, проведенного его отцом Филофеем Полевым, Г. П. было поручено привести его в заточение в Волоколамский монастырь, что и случилось в декабре 1553 г. Оставшись в монастыре, Г. П. в течение 1554 г. выполнял обязанности казначея. В 1555 г. он получил должность архимандрита Свияжского монастыря. После смерти казанского архиепископа Гургия Руготина, с которым Г. П. был тесно связан, 12 марта 1564 г. его перевели в архиепископы Казани. 19 мая 1566 г. *Афанасий* оставил митрополичий престол. В это время Г. П. находился в Москве, и *Иван Грозный* предоставил ему митрополичью кафедру. Однако, как сообщается в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского, Г. П., не успев освоиться с полученным высоким саном, сразу же выступил с поучением царю, в котором резко осудил его за проведение опричной политики. О содержании этого поучения можно судить только по пересказу его А. Курбским (РИБ, т. 31, стб. 317—318). Царь немедленно лишил его митрополичьего сана. 24 июля 1566 г. митрополитом был утвержден *Филипп II*. В Никоновской летописи среди участников обряда поставления назван

и Г. П. как архиепископ Казанский. Новый митрополит, активно выступивший против опричного террора, нашел поддержку только со стороны Г. П. Филипп Колычев был сведен с митрополии 4 ноября 1568 г., а через два дня после этого Г. П. был найден мертвым у себя на московском подворье. В разных источниках несколько по-разному сообщается об обстоятельствах и времени гибели Г. П.

Не считая критического выступления Г. П. по адресу царя, у нас нет никаких свидетельств о его писательской деятельности. Есть основания полагать, что до начала выдвижения Г. П. на церковно-политические посты он трудился в Волоколамском монастыре как профессиональный писец. В описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. имеются следующие записи: «Евангелие в десь Германова письма Садырева», «Богородичник в десь Германова письма Садырева» (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложение, с. 8, 11). В рук. ГИМ. Епарх. собр., № 74 сообщается о том, что она написана Г. П. в 1544 г. (Щепкина М. В. и Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 51).

Лит.: Елисеев Г. З. Жизнеописание святителей Гурия, Германа и Варсонофия казанских и свияжских чудотворцев. Казань, 1847; Садыков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950, с. 26, 58; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 240—247, 255, 256.

Р. П. Дмитриева

Герман Соловецкий см. *Досифей, игумен Соловецкого монастыря.*

Гермоген (ок. 1530 г. — 17 II 1612 г.) — патриарх, агиограф и автор грамот-воззваний. Так как в 1610 г. по польским источникам Г. был 80-летним старцем, полагают, что он родился ок. 1530 г. (легенда связывает его рождение с Казанью, но некоторые польские источники считают его выходцем с Дона). О происхождении Г. определенных данных также нет, и предположения историков колеблются от возведения его к роду Шуйских (Рюриковичей) или Голицыных (Гедиминовичей) (Д. М. Глаголев и др.) до отнесения к донскому казачеству. Наиболее обоснованно мнение С. Ф. Платонова, который полагает, что Г. «был незнатного происхождения» и вероятнее всего являлся выходцем из посадского духовенства. По предположению Я. Г. Солодкина, Г. мог быть выходцем из мелких служилых людей, к среде которых принадлежали его племянник А. С. Крылов и внук П. Чурин, как свидетельствуют «оброчная грамота уфимскому сыну боярскому Андрею Семенову сыну Крылову» (не ранее 1627/28 г.) и «Пермская летопись» с 1263—по 1881 г. (Второй период / Сост. В. Н. Шишонко. Пермь, 1882, с. 469—472).

Г. начал службу клириком казанского Спасо-Преображенского монастыря еще при его основателе Варсонофии. В 1579 г. он уже приходский священник казанской церкви св. Николая в Гостином

ряду и участвует в проведении церемонии «обретения» чудотворной иконы Казанской Богоматери; существует предположение, что он является также и составителем краткого варианта Сказания о «явлении» иконы Казанской Богоматери и чудесах ее, отправленного *Ивану Грозному*. В 1587 г. (по ПБЭ ошибочно — в 1582 г.) Г. принял причестие (по-видимому, в московском Чудовом монастыре, после смерти жены) и вскоре после этого стал игуменом, а затем архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря. 13 мая 1589 г. состоялось возведение Г. в сан епископа и поставление казанским и астраханским митрополитом.

В течение 17-летней деятельности в качестве казанского митрополита Г. усиленно способствует созданию пантеона местных казанских святых и их популяризации, а также ведет активную христианизацию нерусского населения Поволжья, переселяя целые семьи новокрещенцев в особые слободы, помещая их в окружение и под наблюдение русского населения (при этом усмирение непокорных допускало применение цепей, физических наказаний и тюремного заключения). Так, в 1591 г. он созывает новокрещенцев в соборную церковь Казани и в течение нескольких дней читает им текст св. Писания и проповеди о христианской вере. В грамоте 9 января 1592 г. Г. обращается к патриарху *Иову* с просьбой установить ежегодное поминовение в церквях казанских христиан-мучеников за веру и русских героев, навших под Казанью в 1552 г. (Список казанских героев, выявленный Г., впоследствии, по велению патриарха Иова, был занесен в общий Синодик). В 1592 г. Г. участвует в церемонии перенесения мощей Германа Казанского из Москвы в Свияжск, в церковь Успения свияжского Богородицкого монастыря. При Г. ведется энергичное строительство церквей и монастырей в Казани и близлежащих селениях. В связи со строительством церкви Богоматери в Казанском женском монастыре Г. составляет пространное Сказание о явлении иконы Казанской Богоматери. В 1595 г. он участвует в церемонии «открытия мощей» углицкого удельного князя Романа Владимировича и — при перестройке соборной церкви Спасо-Преображенского монастыря — в церемонии «открытия мощей» Гургия и Варсонофия Казанских.

В 1598 г. Г. приезжает в Москву для участия в избрании на царство *Бориса Годунова* и в церемонии всенародного моления у Новодевичьего монастыря. В 1605 г., при Лжедмитрии I, Г., получивший звание сенатора, был вызван в Москву для участия в работе нового сената, но открыто выступил с требованием крещения Марины Мнишек в православную веру, за что подвергся опале и был выслан в Казань.

После свержения Лжедмитрия I (17 мая 1606 г.) и избрания на царство Василия Шуйского Г. вновь был вызван в Москву на собор русских епископов, который, низложив польского ставленника патриарха Игнатия, возвел Г. Казанского 3 июля 1606 г. в сан всероссийского патриарха.

Всероссийским патриархом Г. был в течение 6 неполных лет (до 17 января 1612 г.); церковно-политическая деятельность его

постоянно была направлена на поддержку правительства В. И. Шуйского (несмотря на случавшиеся между ними личные разногласия). По отношению к восстанию И. И. Болотникова 1606—1607 гг. Г. сразу же занял непримиримо враждебную позицию. Агитация Г. была направлена на развенчание лозунгов, под которыми выступал И. И. Болотников: патриарх пытался убедить в том, что подлинный царевич Димитрий Иванович мертв, что участники восстания — «еретики», «отступившие от бога и от православной веры» и действующие по воле «сатаны» и «дьяволом чета», а царь Василий Шуйский — «законный», «святой и праведный» «истинный крестьянский царь». С этой же целью Г. организовал 3 июня 1606 г. торжественное перенесение мощей царевича Димитрия Ивановича из Углича в Москву, в Архангельский собор (к месту захоронения Ивана IV и двух других его сыновей, *Ивана Ивановича* и Федора). Кроме этого, патриарх учредил трехкратные церковные богослужения в году, посвященные памяти царевича Димитрия: в день его рождения, убийства и перенесения мощей. Вероятно, Г. принадлежала также инициатива составления Жития царевича Димитрия Ивановича.

Во время осады Москвы войсками Болотникова (октябрь 1606 г.) в Кремлевском Успенском соборе была оглашена «вслух во весь народ» написанная протопопом Благовещенского кремлевского собора Терентием «Повесть о видении некоему мужу духовну», после чего Г. объявил шестидневный общенародный пост (с 14 октября), во время которого совершались богослужения. После одержанной Шуйским победы над войсками Болотникова под Москвой (27 ноября 1606 г.) Г. рассылает по городам свои грамоты 28 (29) и 30 ноября, которые носят характер агитационных воззваний, открыто призывавших к вооруженному отпору восставшим («ворам»), к соблюдению верности Шуйскому и разъяснявших, что крестоцелование «царю Димитрию» — это измена «законному» царю, что истинный царевич Димитрий мертв, а мощи его перенесены в Москву. 22 декабря 1606 г. Г. направляет грамоту казанскому митрополиту Ефрему с благодарностью за усмирение жителей Свияжска.

20 февраля 1607 г. в московском Успенском соборе при большом стечении народа Г. проводит всенародное церковное покаяние с целью прощения всех совершенных в годы «смуты» клятвопреступлений (в том числе и с целью прощения Василию Шуйскому целования креста Лжедимитрию I). Для церемонии в столицу был привезен дряхлый и уже ослепший первый патриарх Иов, при котором совершалось крестоцелование Лжедимитрию I. Акт всепрощения включал чтение во всеуслышание челобитной исповедания, обращенной от имени всего православного люда к патриарху Иову, в которой народ просил у бывшего патриарха прощения за все нарушения крестоцелований, за «измены» своим прежним царям, Борису Годунову и его сыну Феодору (а также самому патриарху Иову) и за крестоцелование прежнему «вору» (Лжедимитрию I), именовавшему себя «царем Димитрием». Цере-

мония завершалась чтением в соборе «разрешительной» грамоты, написанной от имени обоих патриархов. Когда же, спустя два месяца, несмотря на это церковное мероприятие, на сторону победившего под Калугой Болотникова перешел 15-тысячный отряд царской армии, Г. предал Болотникова и его соратников церковному проклятию.

Г., однако, не всегда соглашался с политическими поступками царя и, когда после падения Тулы 10 октября 1607 г. Шуйский прекратил военные действия, распустил войска «тульских сидельцев» и вернулся в Москву, Г. резко осудил его за это преждевременное «успокоение», и оправдание этому решению Шуйского находил лишь в том, что царя «уласкаху» «советницы лукавые» (В а с е н к о. Новые данные. . ., с. 141, 144).

Летом 1608 г. Г. развернул агитацию против Лжедмитрия II, войска которого (с 1 июня 1608 г.) расположились в 12 верстах от Москвы в с. Тушине (а затем осаждали Москву до марта 1610 г.) и посылал в лагерь Тушинского «вора» свои «увещательные» грамоты.

17 (25) февраля 1609 г., во время первой попытки низложить Шуйского, Г., увлеченный толпой на Лобное место, пытался стать «законного» царя, выдерживая унижительные оскорбления. Со свойственным Г. упорством, отказываясь признавать законным постриг царя в монахи, он и после свержения Шуйского пытался вернуть ему власть, рассылая повсюду свои обличительные воззвания и пытаясь «наки возвести царя».

С приходом к власти «семибоярщины» Г. фактически оказался в политической изоляции. В вопросе об избрании царя он выступал за русских кандидатов на престол (В. В. Голицына или М. Ф. Романова) и даже установил по русским церквям молебны об избрании царя «от корене российского рода». Когда же кандидатура королевича Владислава была утверждена Боярской думой, Г. выступил с требованием, чтобы перед венчанием его на царство Владислав принял православие: кроме того, Г. добился заключения договорного «обещания охраны православия», с текстом которого и было направлено к польскому королю русское посольство, а также написал о верноповедальном ограничении в сопроводительных грамотах Владиславу и Сигизмунду III. После того, как в ночь на 21 сентября 1610 г., под угрозой Тушинского «вора», боярское правительство выпустило в столицу польские войска, Г. выступил против решения правительства о принесении присяги королю Сигизмунду III.

Действия патриарха против оккупантов и кандидатуры короля стали еще более решительными к концу ноября 1610 г. Несмотря на угрозы М. Г. Салтыкова (30 ноября 1610 г.) и требования Ф. И. Мстиславского, пытавшихся склонить патриарха, «чтоб крест целовати королю самому», Г. отказался подписать новый текст договорной грамоты, направляемой русскому посольству под Смоленск (отсутствие подписи Г. под новой договорной грамотой позволило русским послам опереться на этот факт при отказе от кандидатуры

в русские цари польского короля). Вступив в открытую борьбу против короля Сигизмунда, Г. созвал москвичей в Успенский собор и, объяснив состояние дел, запретил присягать Сигизмунду III («королю креста не целовать»).

С призывами к открытому восстанию против польской интервенции («повелевати на кровь дерзнути») и агитационными патриотическими грамотами Г. выступил после смерти Тушинского «вора» 11 декабря 1610 г. Первые (не сохранившиеся) патриотические воззвания Г. появились 25 декабря 1610 г., последующие были написаны 8 и 9 января 1611 г. в Нижний Новгород и в Суздаль или во Владимир. Грамоты Г. разоблачали предательские планы короля Сигизмунда III и, «разрешая» народ от присяги королевичу Владиславу, призывали население городов идти «к Москве на литовских людей».

Грамоты Г. подняли фигуру патриарха до главы патриотического движения как в сознании самих патриотов (которые писали в грамотах, что действуют «по благословиению патриарха» — ААЭ, т. 2, № 181), так и в представлении московского правительства национальной измены и оккупационных властей (Г. сам отрицал легенду, созданную о нем народом, что он был инициатором вооруженного сопротивления интервентам).

С целью изоляции Г. от народа 16 января 1611 г. на патриаршем дворе была поставлена стража, не пропускавшая даже его дворовых слуг, «дьяки и подьячие и всякие дворовые люди поиманы, а двор его весь разграблен», так что он не смог писать свои воззвания. 11 февраля 1611 г., когда Первое ополчение под предводительством П. П. Ляпунова разбило отряд воеводы Куракина, М. Г. Салтыков приступил к Г. с требованием, чтобы тот своим авторитетным словом патриарха остановил продвижение к Москве народных ополчений, но натолкнулся на решительный отказ Г. (по свидетельству Нового летописца, Г. якобы ответил Салтыкову встречным условием: «. . . если ты и все сущи с тобою изменники и королевские люди изыдете из Москвы вон, то я отпущу к ним, чтоб возвратились назад. . .»).

После подхода к Москве отрядов Первого народного ополчения (3 марта 1611 г.) и вспыхнувшего в столице 19 марта 1611 г. восстания москвичей оккупационные власти низложили патриарха Г. (вновь поставив патриархом Игнатия) и заключили его в темницу Чудова монастыря, где его содержали под охраной 50 стрельцов; он был ограничен в пище и питье, и ему было запрещено общение с людьми, кроме лиц (М. Г. Салтыкова, пана Гонсевского и др.), которые пытались уговорить его остановить продвижение к столице отрядов народного ополчения.

30 августа 1611 г., после убийства П. П. Ляпунова (22 июля 1611 г.) и распада Первого ополчения, Г. успел написать свое последнее воззвание нижегородцам, вызванное слухами о нарастающем движении казачества под предводительством Заруцкого, пытавшегося поставить русским царем сына Марины Мнишек.

Последние 9 месяцев жизни Г. прошли в заключении. Точная причина его смерти неясна; известно, что его морили голодом («метали» ему «на неделю спол овса и мало воды»), и, согласно одним источникам, он умер «гладною смертью», а по другим — «от зноя затхошася» или его «нужне умориша», «удавлен был» (см.: М а к а р и й. История русской церкви, т. 10, с. 157, примеч. 107).

Первоначально Г. был похоронен в Чудовом монастыре, но в 1652 г. состоялось перезахоронение его тела в московском Успенском соборе.

Деятельность Г. довольно многогранна: он был и активным церковным деятелем, и писателем, и издателем.

Как казанский и астраханский митрополит и всероссийский патриарх Г., кроме строительства церквей и монастырей и миссионерской деятельности, вел активную борьбу против влияния римско-католической церкви, способствовал восстановлению древних церковных служб (службы апостолу Андрею Первозванному) и написал «Послание наказательно. . . о исправлении церковного пения», в котором выступал против развития в церковном пении тенденции к многоголосию (на это сочинение Г. ссылались на церковном соборе 1651 г.). Г. был образованным богословом, искусно слагал речи (известны его речи, обращенные к царю В. Шуйскому), хотя сам и не был «сладкогласен». Учителем Г., как полагают исследователи, был казанский книжник-просветитель *Герман Полев*.

Несмотря на бурные события времени его патриаршества, Г. стремился продолжать традицию ведения летописных записей. Текст «Летописца» патриарха Г., факт существования которого он подтверждал сам (ААЭ, т. 2, № 169, с. 290—291), не обнаружен. А. Н. Насонов предполагает, что «следы его надо искать в Хронографе 2-й редакции, в части до 7118 (1609) г. включительно» («Летописные памятники. . .», с. 266).

С церковной деятельностью Г. связана и его издательская деятельность. По инициативе патриарха Г. в правление Шуйского для типографии был построен «превеликий» дом и для печатания книг была сделана новая «штанба» (все это сгорело во время московского пожара 1611 г.). Печатавшим книг при Г. (в 1606—1610 гг.) занимались О. М. Радишевский, Иван Андроников Небезин, Аникита Федоров Фофанов.

Литературное наследие патриарха Г. не имеет специального научного исследования, кроме созданной им редакции Повести о житии Петра и Февронии, текстологический анализ и подготовка текста которой сделаны Р. П. Дмитриевой. Предпринятое в 1912 г. издание корпуса основных его сочинений («Творения св. Гермона. . .») включило главным образом агиографические сочинения.

Патриарху Г. принадлежат следующие произведения: 1) «Повесть (сказание) о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери (в рукописи известна под названием «Месяца июля в 8 день. Повесть и чудеса пречистые богородицы, честнаго и славнаго ея явле-

ния образа, иже в Казани. Списано смиренным Ермогеном, митрополитом Казаньским») — 1594 г. Сохранился автограф — ГИМ, Синод. собр., № 982 (С а в в а. Указатель для обозревания московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 164; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970, ч. 1, с. 16—17). Издана Е. Маловым, А. С. и в «Творениях. . .» на с. 1—34; 2) редакция Г. Повести о житии Петра и Февронии, муромских чудотворцев (в рукописи известна под названием «Месяца июня в 25 день святого и благоверного князя Петра и супруги его, благоверных Февронии») — 1594 — март 1595 гг. Издана отдельной книгой в 1913 г. и в кн. Р. П. Дмитриевой; 3) Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев (в рукописи известно под названием «Житие и жизнь, иже во святых отец наших Гурия, первого архиепископа повопросвещенного града Казани, и Варсонофия, епископа Тферскаго, казанских чудотворцев. Списано Ермогеном, митрополитом казанским») — 1596—1597 гг. Издана П. Любарским и в «Творениях. . .» на с. 35—51; 4) «Слово» об обретении мощей митрополита *Алексея* (в рукописи известно под названием «Месяца мая, во 20-й день. Обретение честных и многоцелебных мощей, иже во святых отца нашего Алексея, митрополита Киевскаго и всея Руси чудотворца. Слово вкратце. Списано же бысть обретение Германом (так!) патриархом»). Издано в «Творениях. . .» на с. 51—56; см. также в Четиях Минеях Иоанна Милотина: ГИМ, Синод. собр., № 802; 5) «Послание наказательное Гермогена патриарха Московскаго и всея Руси ко всем людям, паче же священником и диаконом о исправлении церковного пения». Отрывок издан А. В. Преображенским в «Творениях. . .» на с. 56—57; см. также: ГИМ, Синод. собр., № 811/815, л. 267—283; 6) Грамота патриарху Иову с прошением разрешить совершать в пределах казанской митрополии поминовение русских воинов, погибших под Казанью в 1552 г., и казанских христиан-мучеников за веру Иоанна Нового, Стефана и Петра, с переложением краткого текста их житий — 9 января 1592 г. Издана в «Прибавлениях. . .» П. Любарским и в «Творениях. . .» на с. 58—62; 7) Речь при венчании на царство В. И. Шуйского — 1606 г. Издана А. Галаховым; 8) «Богомольная» грамота митрополиту Филарету о молебне во всех церквях по случаю войны царя В. И. Шуйского со сторонниками Лжедмитрия II, укрепившимися в с. Коломенском — 29 ноября 1606 г. Издана в ААЭ, т. 2, № 57 и в «Творениях. . .» на с. 62—66; 9) «Богомольная» грамота митрополиту Филарету о мятеже в Северских и Рязанских городах, о раскаянии Ляпунова и Сумбулова и молебне во всех церквях о поражении коломненских «мятежников» — 30 ноября 1606 г. Издана в ААЭ, т. 2, № 58 и в «Творениях. . .» на с. 67—74; 10) Грамота казанскому и свияжскому митрополиту Ефрему о помиловании жителей Свияжска, раскаявшихся в измене царю В. И. Шуйскому, и похвала за предусмотрительно припятые Ефремом меры по укрощению «мятежа» — 22 декабря 1606 г. Издана в ААЭ, т. 2, № 61 и в «Творениях. . .» на с. 74—76; 11) Послание

патриарху Иову о пришествии Г. в Москву — 5 февраля 1607 г. Издано в ААЭ, т. 2, № 67 и в «Творениях. . .» на с. 76—77; 12—13). Две «Памяти» о созыве московских людей в соборную церковь святой Богородицы — 19 февраля 1607 г. Изданы в ААЭ, т. 2, № 67 и в «Творениях. . .» на с. 77; 14) Грамота на построение церкви Николы в с. Чернышове — 23 марта 1607 г. Издана в «Сборнике кн. Хилкова» и в «Творениях. . .» на с. 77—78; 15) «Богомольная» грамота Филарету, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, о молебствии по случаю похода царя В. И. Шуйского против отрядов И. И. Болотникова — 6 июня 1607 г. Издана в ААЭ, т. 2, № 73 и в «Творениях. . .» на с. 78—79; 16) «Богомольная» грамота митрополиту Филарету о молебствии по случаю победы царского боярина кн. Голицына на р. Восме — 11 июня 1607 г. Издана в ААЭ, т. 2, № 74 и в «Творениях. . .» на с. 80—82; 17) Речь, обращенная к царю В. И. Шуйскому с прошением выступить против отрядов Тушинского «вора» — 1607 г. Издана в «Сборнике Муханова» и в «Творениях. . .» на с. 82—83; 18—19) Два воззвания ко всему русскому народу о незаконном сведении с престола царя В. И. Шуйского — после 11 июля 1610 г. Изданы в ААЭ, т. 2, № 169 (датированы 1611 г.) и в «Творениях. . .» на с. 83—91 (ошибочная датировка — после 25 февраля 1609 г.); 20) Грамота от имени патриарха Г. и русских духовных и светских людей всех чинов и званий, отправленная с членами русского посольства под Смоленск к польскому королевичу Владиславу Сигизмундовичу об избрании его на русский престол с прошением принять греческое вероисповедание и крещение по обряду греко-русской церкви — 12 сентября 1610 г. Издана в СГГД, ч. 2, № 207 и в «Творениях. . .» на с. 91—97; 21) Грамота от имени патриарха Г. к польскому королю Сигизмунду III — сентябрь 1610 г. Издана в «Сборнике Муханова» и в «Творениях. . .» на с. 97—100; 22) Грамота в Нижний Новгород, Казань и другие города против поставления русским царем сына Марии Мишиек — 20-е числа августа 1611 г. Издана в СГГД, ч. 2, № 229, в ААЭ, т. 2, № 194 и в «Творениях. . .» на с. 100—101.

Кроме «Летописца» не сохранился ряд агитационных грамот Г., о существовании которых пишут современники (например, по свидетельству пана Гонсевского, от имени Г. распространялись патриотические воззвания около 25 декабря 1610 г.; сведения о грамоте-воззвании патриарха Г. в северные города от января—февраля 1611 г. сохранились в тексте грамоты ему из Перми 13 марта 1611 г. — АИ, т. 2, № 323, с. 383—384). Г. приписывается также составление в 1598 г. Сборника чипов о принятии в православную церковь «латинян», магометан и других иноверцев. Этот «сборник Гермогена», хранящийся в б-ке ОИДР, № 190, указывает П. Мансветов (Патриарх Гермоген, с. 424).

Следует, однако, учитывать, что вопрос о степени авторского участия Г. в создании ряда перечисленных произведений окончательно не решен (это касается, например, таких составленных от имени Г. грамот, как № 20—21, «прощальной» — «разрешительной»

грамоты, прочитанной в Успенском кремлевском соборе в феврале 1607 г., «Летописца Гермогена» и др.).

Агиографические сочинения Г., как правило, тесно связаны с его церковно-миссионерской проповеднической деятельностью и носят ярко выраженный дидактический характер. Большинство их написано в период его жизни в Казани и посвящено казанской тематике.

В автографе сохранилось лишь Сказание о явлении и чудесах от иконы Казанской Богоматери. Датировка Сказания определяется временем последнего чуда от иконы (1579—1594 гг.) и заключительным рассказом о построении Казанского девичьего монастыря, освященного в 1593 г. В текст Сказания вкраплены некоторые автобиографические подробности.

В основу своей переработки Повести о житии Петра и Февронии Г. положил ее вторую редакцию и переделал не только саму Повесть, но частично и чудеса муромских чудотворцев. Редактирование носит в основном характер стилистический; Г. работал, «прибегая к распространениям и стилистическим исправлениям» и дополняя текст традиционными рассуждениями о греховности человеческого рода (Повесть о Петре и Февронии, с. 133). Редакция Жития Петра и Февронии, созданная Г., получила распространение в старообрядческой среде и имеет два старопечатных издания (там же, с. 132, примеч. 25).

В основу кратких житий казанских великомучеников (изложенных в грамоте Г. Иову 1592 г.), как пишет сам Г., он положил небольшие найденные им повести и устные рассказы: «обретенная» им в Казани «Повесть о страдании в лето от Р. Х. 1529 генваря в 24 день мученика казанского Иоанна», «виденное» им в московском Чудовом монастыре «в книге Степенной и в Царственной» сокращенное житие Стефана Казанского и рассказ о житии казанского мученика Петра, который ему «случилось слышать в повестех от достоверных людей». В. О. Ключевский отмечал характерную для стиля Г. «скудность известиями», даже тогда, когда тот «не мог не знать подробностей», так как описывал их от лица очевидца событий. При этом нельзя отказать Г. и в определенном интересе к сюжетной занимательности повествования и некоторой живости при описании бытовых сцен, когда он использовал устные рассказы.

Знание церковной и гражданской истории отразилось и в составленных Г. грамотах-воззваниях; он убеждал широкие круги своих читателей примерами из священных писаний или из римской истории (измену Шуйскому сравнивал он с изгнанием царя Агринны «мятежелюбивым родом иудейским» — ААЭ, т. 2, № 169; или, доказывая москвичам, что нельзя впускать в столицу гетмана Яколевского, сравнивал его с Карлом Великим, постепенно лишившим Италию политической независимости).

Обличительные воззвания Г., когда они предназначались для распространения через церковь (против И. И. Болотникова, П. М. Зарудного и его идеи избрания царем сына Марины Мни-

шек, против самозванцев и в защиту законного царя Василия Шуйского), были близки по стилю к церковным проповедям. Агитационные же патриотические грамоты Г., рассылавшиеся по городам и обращенные к их жителям, сочетали кляжную риторику с деловым стилем и просторечными оборотами, характерными для агитационной патриотической письменности городов 1608—1612 гг.

Современники (автор «Новой повести», горожане, составители грамот, Авраамий Палицын, Дионисий, Пожарский, а позднее дьяк Иван Тимофеев, И. Хворостинин и др.) выше всего ценили патриотический подвиг и гражданское мужество Г., сравнивая его с «непоколебимым столпом», удерживающим на себе своды «великой палаты» — России. Лишь позже автор Хронографа 1617 г. попытался дать более многогранный образ Г.: «Бысть. . . словесен муж и хитроречив, сладкогласен, о божественных словесах всегда упражняющийся и вся книги Ветхаго Закона и Новаго Благодати навиче. А правом груб. . . , к злым же и благим не быстро разпрорзртелен, но к лъстивым паче лукавым прилежа и слуховерствователен бысть».

Изд.: СГГид. М., 1819, ч. 2, № 207, с. 446—457; № 229, с. 499—500; Копия с грамоты митрополита Гермогена к патриарху Иову: 9 января 1592 г. // Прибавл. к Казан. вестн. Казань, 1829, № 16, с. 123—126; ААЭ. СПб., 1836, т. 2, № 57—58, с. 126—135; № 61, с. 138—139; № 67, с. 148—160; № 73, с. 164—165; № 74, с. 166—170; № 164—165, с. 279—284; № 169, с. 286—291; № 176, с. 296—302; № 179, с. 304—308; № 194, с. 332—334; Г а л а х о в А. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. М., 1848, т. 1 (IX—XVIII столетия), с. 364—366, 370—375; Сборник Мухомова. 2-е изд. СПб., 1866, с. 182—184, 278—280; Л ю б а р с к и й П. Сборник древностей казанской епархии. . . Казань, 1868, с. 7—32, 66—75 (Приложение к ПС); М а л о в Е. Казанский Богородицкий девичий монастырь: История и современное его состояние. Казань, 1879. Приложение, с. 1—XIX; Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, с. 81—82; А. С. Материалы для истории русской церкви Гермогена, патриарха московского, Сказание о явлении и чудесах от иконы пресвятыя Богородицы Казанской, писано в 1594 г. (№ 982, 4°, скороп., 36 л.) // ЧОИДР, 1880, кн. 6, отд. 3, с. 1—44; П р е о б р а ж е н с к и й А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. 1904 (ИДПИ, т. 155), с. 8—10; Творения святейшего Гермогена, патриарха московского и всея России: (Сприложением чина поставления патриарха). М., 1912; Месяца июня в 25 день святого и благовернаго князя Петра и супруги его, благоверныя Февронии. М., 1913; П о в е с т ь о П е т р е и Ф е в р о н и и / Подг. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 124, 132—135, 203—204, 275—287.

Лит.: Е в г е н и й. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд., СПб., 1827, т. 1, с. 184—186; Е л и с е е в Г. Жизнеописания святителей: Гурия, Германа и Варсонофия казанских и свияжских чудотворцев. Казань, 1847; П. А. А. Всероссийские патриархи // ЧОИДР, 1847, кн. 3, отд. 4, с. 25—28; Ф и л а р е т. Обзор, 1859, с. 307, № 193; М а н с в е т о в Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа, СПб., 1861, т. 13, № 25, с. 161—180; № 27, с. 209—224; № 30, с. 281—292; № 33, с. 345—359; № 34, с. 384—395; № 35, с. 407—424; Р у б л е в с к и й П. Гермоген, патриарх всероссийский // Страшник, 1864, т. 2, № 5, с. 77—102; № 6, с. 111—152; Служение Ермогена, патриарха Московского, бедствующему отечеству // ПС, 1866; ч. 2, с. 81—123; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 305; М а к а р и й, митр. История русской

церкви. Т. 10, кн. 1. Патриаршество в России. СПб., 1881, с. 123—166; Баруков. Источники агиографии, стб. 141—143; Строев. Словарь, с. 62; Воробьев Г. «Смутное» время: Деятельность русского духовенства (1605—1613) // Рус. архив. М., 1892, кн. 1, с. 5—49; Платонов С. Ф. 1) Очерки по истории «Смуты» в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, с. 306—308, 322, 347, 436—437, 447, 469, 476—479, 481—493, 521—523, 527—528, 632, 634, 637; 2) О происхождении патриарха Гермогена (1883 г.) // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903, с. 231—235; 2-е изд. СПб., 1912, с. 211—214; 3) «Смутное» время. Пб., 1923, с. 125—126, 135—137; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900, т. 1, с. 741; Глаголев Д. М. 1) Краткая заметка на мнение С. Ф. Платонова о происхождении патриарха Гермогена // Рус. архив. М., 1901, № 3, с. 125; 2) Святейший патриарх Ермоген // Там же, 1902, кн. 3, с. 245—301; 3) Род великого господина святейшего Ермогена // Там же, 1902, кн. 2, с. 578; Васенко П. Г. 1) Новые данные для характеристики патриарха Гермогена // ЖМНП, 1901, № 7, с. 138—145; 2) Патриарх Гермоген. Б. м., 1906, с. 30—36; Кремлевский А. Гермоген // ПБЭ. Пгр., 1903, т. 4, стб. 317—333; Мятлев Н. В. Патриарх Гермоген и князя Шаховские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1905, вып. 2, с. 7—9; Иванов Ф. Церковь в эпоху «Смутного» времени на Руси. Екатеринбург, 1906, с. 193—203; Покровский И. М. Гермоген, митрополит казанский и астраханский, впоследствии патриарх всероссийский, перемий местный духовный писатель-историк, и его заслуги для Казани (с 1579 по 1606 г.) // Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казан. унив. Казань, 1907, т. 23, вып. 3, с. 137—162 (то же: ПС, 1907, № 3, с. 328—350); Царевский А. Гермоген святейший патриарх всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству // ПС, 1907, № 3, с. 351—400; Успенский Д. Страдальцы за землю Русскую патриарх Гермоген и трицкий архимандрит Дионисий. М., 1911, с. 3—30, 45—48; Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912; Висоцкий Н. Г. Гермоген // РБС, М., 1916, [т. 5], с. 64—76; Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1951, с. 189—191, 282—284, 287—291, 314, 430, 491, 501; Насонов А. Н. Летописные памятники храпилиц Москвы: (Новые материалы) // ПИ. М., 1955, т. 4, с. 266—267; Будовиц. Словарь, с. 49, 52, 241—242; Каштанов С. М. Гермоген // Сов. ист. энциклопедия. М., 1963, т. 4, стб. 397.

Н Ф Дробленкова

Геронтий (ум. 1489 г.) — митрополит Московский, автор посланий. Был епископом Коломенским; в 1473 г. церковный собор, возглавляемый великим князем *Иваном III*, поставил Г. митрополитом. С конца 70-х гг. обнаруживаются противоречия между Г. и великим князем. Г. поддержал удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского в его тяжбе с архиепископом Ростовским *Вассианом Рыло* из-за судебной власти над Кирилловым Белозерским монастырем и выдал Михаилу Андреевичу грамоту, подтверждающую его права. Иван III вмешался в конфликт и поддержал ростовского владыку. Затем между великим князем и митрополитом возник спор по каноническому вопросу: следует ли при освящении новых церквей (и, в частности, Успенского собора в 1479 г.) ходить «шосолонь» или против солнца. Позиция Г., отвергавшего хождение «шосолонь», очевидно более соответствовала традициям греческой церкви и была поддержана зарубежным царем, молдавским епископом Ромапским Василием, написавшим русскому митрополиту специальное послание (напечатано А. Ф. Быч-

ковым). Столкновения продолжались и в последующие годы: в 1482 г. Г. демонстративно покинул митрополичий престол, и Иван III вынужден был «бить ему челом»; в 1484 г. великий князь сам сделал попытку сместить митрополита. Попытка эта не удалась, но вплоть до конца его жизни положение Г. оставалось весьма неопределенным и двусмысленным.

Борьба между Г. и Иваном III получила отражение в летописании. Явное сочувствие митрополиту обнаруживает независимый летописный свод 80-х гг. XV в., лежащий в основе *летописей Софийской II и Львовской* и составленный при участии митрополичьего дьяка *Родиона Кожуха*. Однако свод 80-х гг. не был митрополичьим сводом Г.: напротив, свод этот резко критиковал и великого князя и самого митрополита за их «неверие» в явившиеся в 1474 г. мощи митрополита Феогноста и «небрежение» к ним. Оппозиция Г. по отношению к Ивану III отражала настроения крупного духовенства, недовольного вмешательством великокняжеской власти в церковные дела, но оппозиция эта не имела еще определенного идеологического обоснования. Только в конце жизни Г. до него доходят слухи о ереси в Новгороде: на грамоту новгородского архиепископа *Геннадия* о еретиках Г. вместе с Иваном III ответил довольно сдержанным посланием, в котором разрешал наказывать «духовне» изобличенных еретиков и доследовать дела тех, кто «не дошел еще, по правилам, градские казни». Впоследствии *Иосиф Волоцкий* упрекал Г. за то, что он не боролся с ересью, ибо боялся великого князя, покровительствовавшего еретикам, и сам был «грубостно сдържимъ». Речь шла, очевидно, о богословской необразованности Г., отличавшей его от «обличителей ереси» конца XV в.

Кроме отмеченных уже правой грамоты Г. о Кирилловом монастыре (опубликована Н. К. Никольским) и его послания Геннадия (опубликовано последний раз Я. С. Мурье) от Г. осталось еще несколько сочинений: послание Ивану III на Угру 1480 г., призывающее князя сопротивляться хану, но в гораздо более сдержанной и менее яркой форме, чем это делал Вассиан Рыло в своем послании, и два послания вятчанам 1486—1489 гг. о подчинении великокняжеской власти (опубликованы в АИ). Послание Геронтия на Угру не издано; оно содержится в митрополичьем формуляришке — ГИМ, Синод. собр., № 562, л. 199 об.—202.

Изд.: АИ. СПб., 1841, т. 1, №№ 97, 98; РНБ. СПб., 1880, т. 6, № 114; Казакова Н. А., Мурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в. М.; Л., 1955, Приложение, №№ 14—15; Никольский Н. К. Правая грамота митрополита Геронтия. Отчет о заседании ОЛДН. СПб., 1895 (ИДП, № 114).

Лит.: ПСРГ, СПб., 1853, т. 6, с. 115—358; СПб., 1910, т. 20, ч. 1; Быхов А. Ф. Описание церковно-славянских и русских сборников Публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1, с. 507—508; Голубинский. История церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 549—559; Черепиц Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, с. 183—197; Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 303—315;

Гиреев Михаил см. *Мисюрь Мунехин М. Г.*

Головин-Скряба Иван Иванович (в монашестве Иона) (пач. XVI в.) — представитель московского служилого рода Ховриных—Головиных, автор послания *Иосифу Волоцкому*.

Полемика Иосифа Волоцкого в начале XVI в. с его прежними друзьями — боярами — связана с резким изменением социально-политических позиций «воинствующих церковников» после отказа великокняжеской власти в 1503 г. от секуляризационной политики и расправы над еретиками в 1504 г. В 1507 г. Иосиф вступил в конфликт с удельным князем Федором Борисовичем Волоцким — сыном покровителя Иосифа князя Бориса Волоцкого: князь Федор покушался на монастырское имущество; Иосиф заявил о переходе монастыря из-под власти волоколамских князей к великому князю *Василию III*. Великий князь согласился взять монастырь под свою власть, но епархиальный архидиакон Волоколамска погородский архиепископ *Серапион*, в наказание за такой самовольный переход, отлучил Иосифа от церкви: в свою очередь, митрополит *Симон* за этот поступок лишил в 1509 г. сана и отлучил самого Серапиона. Возникла острая полемика, в ходе которой Иосиф писал послания двоюродному брату Г.-С. *И. И. Третьякову-Ховрину*, отцу Г.-С. Ивану Владимировичу Головину (оно не дошло до нас), Б. В. Кутузову и, по-видимому, еще другие послания.

Послание Г.-С. Иосифу, написанное 18 января 1511 г., было одним из откликов на послание волоцкого игумена *И. И. Третьякову* и *И. В. Головину*. В послании Третьякову Иосиф просил его поговорить «с своим дядею с *Иваном* с *Володимировичем* да и сь его сыном с *Иваном*, запеж тот божественным писанием искуснейша многих человек». По словам самого Г.-С., послания Иосифа вызвали в нем «борения помыслов»; до Иосифа доходили даже слухи, будто Г.-С. говорил: «Толко аз напишу противу того, и все списки *Иосифовы* будут ложны». В послании *И. В. Головину* Иосиф привел «свидетельства», обличающие «погрешения» его сына; волоколамский игумен грозил, что если Г.-С. не «престанет» «от тех речей», он будет против него «писати».

Послание Г.-С. написано как ответ на эти угрозы Иосифа Волоцкого. Внешне Г.-С. держится чрезвычайно почтительно; он просит «пользовать» себя, «страннаго и окааннаго», «днесь и заутра», отрицает достоверность приписываемых ему дерзких слов против Иосифа. А. А. Зимин высказал мнение, что в этом послании Г.-С. «после получения послания волоцкого игумена становится его пламенным последователем» (Послания Иосифа Волоцкого, с. 273), однако «смирение» Г.-С. в его послании скорее формально, чем действительно; в нем сквозит ирония. На угрозу Иосифа и дальше «писати» против него Г.-С. с достоинством ответил: «а есть ти что

на мя писати, не престай, преподобне, бога ради, на мя писати». «Аз бо грешный не уничижаю, ни злословлю кого. . .», — писал Г.-С., многозначительно указывая на то, что хотя бы и «зело грешен», но, однако, «никим же отлучен» от «соборней апостольской церкви» (это был явный намек на отлучение Иосифа Серапионом). Таким образом, послание Г.-С. Иосифу, хотя не столь яркое, как послания *Вассиана Патрикеева* и самого Иосифа, является любопытным памятником церковно-полемической литературы начала XVI в.

Изд.: Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, ч. 1, с. 17—21; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959, с. 334—336.

Лит.: Хрущов И. П. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, с. 235—236; Ржига В. Ф. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» // Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук, 1929, № 9, с. 813; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XV—нач. XVI в. М.; Л., 1960, с. 442—443; Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972, с. 126.

Я. С. Лурье

«Грамота Утвержденная» 1598 г. об избрании царем *Бориса Федоровича Годунова* — крупное историко-публицистическое произведение, официально освещающее события, которые связаны с приходом к власти Годунова и созывом Земского собора 1598 г., оформленное в виде деловой грамоты.

Необычной остротой избирательной борьбы, достигшей апогея в феврале—июле 1598 г., С. Ф. Платонов объяснял причину, по которой Годунов «так дорожил торжественной формальностью при своем избрании и. . . пышным текстом избирательной грамоты» (Очерки. . ., с. 241). В борьбе за свою кандидатуру Годунов использовал все преимущества своего многолетнего положения фактического правителя государства при царе Федоре Ивановиче: поддержку армии, различные средства агитации и опору на патриарха *Иова*, возглавлявшего верхи духовенства.

Текст Г. У., датированной 1 августа, был оглашен на Земском соборе 1598 г. и скреплен 500 (или 600) подписями его членов. Он был создан в июле 1598 г., после признания членами Боярской думы победы Годунова над его конкурентами из знатных боярских родов (такими как Федор Пикитич Романов, Ф. И. Мстиславский, Б. Я. Бельский, а также некогда побывавший на царском престоле по прихоти *Ивана Грозного* Симеон Бекбулатович). Это признание явилось не только результатом активной агитационной деятельности, развернутой патриархом *Иовом* на первоначальном этапе борьбы за кандидатуру Годунова (в январе—феврале 1598 г.), но и следствием принесения Годунову присяги армией во время апрельского похода под Серпухов против крымских татар.

В Г. У. последовательно раскрываются ход и приемы агитации за Годунова, изображаемого всенародным избранником. В ней повествуется о народных шествиях с иконами и пением

молитв, организованных Иовом, которые направлялись к Новодевичьему монастырю вначале к вдовствующей царице Ирине (именем которой Годунов продолжал править страной), а после ее пострига в монахини — к самому Годунову, изображаются массовые сцены с коленопреклонением, прошениями принять управление «безгосударными» людьми и с «воплями» жен, бросающих оземь своих младенцев, а также рассказывается о рассылке Иовом агитационных грамот, сопровождаемых «росписью», как следует проводить богомолитвы о новой царской фамилии (ср. «Окружную грамоту» Иова от 15 марта 1598 г. — ААЭ, т. 2. СПб., 1836, № 1, с. 3—4). В пользу кандидатуры Годунова приводятся чисто «земские» доводы: достоинства его правления, победы и «расширение» при нем государства.

Г. У. открывается историческим вступлением о происхождении русских царей «от корени Августа кесаря» и судьбах династии Рюриковичей, начиная с первых киевских князей и кончая царем и самодержцем Иваном Васильевичем и его сыном Федором, правление которого особенно восхваляется. Прекращение царской династии со смертью Федора Ивановича и двухлетней царевны Феодосии изображается как божий суд «грех ради наших».

Повествование о современных событиях 1598 г. имеет ярко выраженную тенденциозную направленность. Избрание Годунова на царствие изображается как проявление божьей воли: он именуется «тешлым заступником царьского корени», напоминает, что сам царь Иван Васильевич называл его сыном и, наконец, к нему как царскому родственнику (шурину) может быть применено определение «царьского семени богоизбранный цвет».

Законность избрания на царство Годунова, человека не царской крови, подкрепляется примерами из римской и греческой истории, именами христианских правителей незнатного происхождения, такими как царь Константин, Феодосий Великий, цари Маркиан и Тивий.

Агитационные задачи побудили составителей Г. У. представить претендента на царский престол как идеального правителя, полностью лишенного честолюбивых помыслов. Удалившись в Новодевичий монастырь и не соглашаясь на всемирные уговоры стать царем, Годунов со слезами на глазах умоляет патриарха поверить ему, что он не разрешает себе и помыслить о восхождении на высочайшую, царскую ступень. Согласие Годунова стать царем представлено в Г. У. как совершаемое вопреки его желанию, по воле царицы Ирины и всего народа и под угрозой патриарха отлучить его от церкви в случае отказа (именно в «грехе» властолюбия и обвиняли Годунова после его смерти такие представители оппозиционной группировки, как дьяк Иван Тимофеев).

Документ государственной важности, Г. У. была составлена в строгом соответствии с принятыми в деловой письменности формами, включала точные даты, использовала тексты других документов («Соборное определение», «Роспись» членов собора 1598 г., «Окружную» грамоту Иова 15 марта 1598 г.), была скреплена

подписями и печатями. Однако благодаря своему агитационному назначению она приобрела черты остро публицистического литературного произведения, выдержанного в стиле торжественного красноречия, и заняла в литературном процессе начала XVII в. особое место среди памятников, в которых, как отмечал Д. С. Лихачев, зарождались новые приемы изображения человеческого характера (Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970, с. 23).

Из текста самой Г. У. известно, что она была составлена в двух экземплярах: «большая» грамота представляла собой парадный царский экземпляр с 14 золотыми и серебряными вислыми святительскими печатями (она хранилась в царской казне) и «меньшая» грамота с восковыми красными и черными печатями, которая хранилась в ризнице патриарха (по-видимому, по поводу именно этого экземпляра Г. У. иронизировал дьяк Иван Тимофеев, когда писал, что Годунов принудил святителей положить хартию об избрании его царем в раку чудотворца Петра в Успенском соборе — «Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951, с. 74).

В подлиннике Г. У. не сохранилась. Царский ее экземпляр исчез, очевидно, в первом десятилетии Смутного времени, так как в Описи архива Посольского приказа за 1614 г. он уже не упоминается. Г. У. известна в трех рукописных копиях XVII—XIX вв. Строгановский список ее (ГПБ, О. IV. 17) был переписан в первой четверти XVII в. в Соль-Вычегодске стряпчим Строгановской канцелярии Жданом Ворониным и вошел в состав историко-литературного сборника (текст в пем датирован 1 августа; ААЭ, т. 2, № 7). Плещеевский список (без конца) сохранился в составе Разрядной книги второй трети XVII в. (ГБЛ, Музейное собр. 737). Список Малиновского является копией первой четверти XIX в. (ЦГАДА, ф. 197, кол. А. Ф. Малиновского, портф. 4, № 27), по-видимому сделанной с утраченного списка, который опубликовал в 1774 г. И. А. Навроцкий и переиздал в 1788 г. П. И. Новиков.

Текстологические наблюдения позволяют установить наличие редакционных расхождений в текстах Г. У. Список Навроцкого—Новикова представляет текст «Первой» (черновой) редакции грамоты, датированный июлем 1598 г. Эта редакция отличается большей близостью к ее первоисточникам («Окружной» грамоте Иова и «Соборному определению») и более откровенной агитационной направленностью, отсутствием имени *Гермогена* и перечнем только членов священного собора, на основании чего можно полагать, что она возникла в патриаршей канцелярии под непосредственным наблюдением самого Иова. Текст, датированный 1 августа, представляет окончательную редакцию Г. У.: он содержит перечень всех членов Собора 1598 г., включая представителей разных сословий и членов Боярской думы. Этот текст, подвергшийся внимательной стилистической обработке в царской канцелярии, был положен в основу парадных царского и патриаршего экземпляров Г. У. Последующие редакции Г. У., как

полагает С. П. Мордовина, датируются концом декабря 1598 г. и началом 1601 г. Однако текстологические выводы исследователь Г. У. (С. П. Мордовиной и Р. Г. Скрынникова) по датировке ее редакций и целому ряду других вопросов не совпадают.

Г. У. 1598 г. была положена в основу «Грамоты Утвержденной» 1613 г. об избрании на царство Михаила Романова. Из нее Грамота 1613 г. заимствовала начало («Богословие»), рассказ о русских правителях, образцы речей и копцовку.

Изд.: «Грамота избранная и утвержденная первая» на царство царю Борису Федоровичу, изд. И. А. Навроцким // Опыт трудов Вольт. Рос. собр. при имп. Моск. унив. М., 1774, ч. 3, с. 74—191; ДРВ. 2-е изд. М., 1788, ч. 7, с. 36—127; ААЭ. СПб., 1836, т. 2, № 7, с. 16—54; Мордовина С. П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 г. М., 1970, с. 127—141.

Лит.: Платонов С. Ф.: 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888, с. 319—320 (2-е изд. СПб., 1913); 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899, с. 226—249; 3) Заметки по истории земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903, с. 11—12, примеч. 2 (2-е изд. СПб., 1912); Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Рус. мысль, 1892, № 1, с. 140—172 (перевзд.: Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 8); Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова // ЧОИДР. М., 1906, кн. 3, с. 2, 6; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени (XVII в.) // Учен. зап. Саратов. гос. унив., пед. фак. Саратов, 1926, т. 5, вып. 2, с. 21—97; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, с. 63; Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // ВИ, 1971, № 2, с. 55—63; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983, с. 85—90, 103—142.

Н. Ф. Дробленкова

Григорий (XVI в.) — монах суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, агиограф. Все данные о жизни и творчестве этого писателя известны только по упоминаниям о нем в его собственных произведениях. В рукописной традиции хорошо сохранился единообразный тип записи об авторстве в заглавиях к произведениям Г. — «творение Григория инока смиренного», иногда добавляется, что он трудился в «обители св. Евфимия». До В. О. Ключевского писательская деятельность Г. датировалась по-разному — от XV до XVII в. В. О. Ключевский наиболее точно определил временные рамки творчества этого писателя, отнеся их ко второй четверти XVI в.

Первые сведения о суздальском агиографе Г. были собраны в 1754 г. ключарем суздальского собора Анием Федоровым в его труде «Историческое собрание...». Список сочинений Г. в течение XIX в. был уточнен на основании обращения к древнерусским рукописям. Наиболее полно с упоминанием имени автора произведения Г. представлены в рук. ГБЛ, собр. Прянишникова, № 60 (XVI в.) и собр. Тр.-Серг. лавры, № 863 (нач. XVII в.). Все агиографическое наследие Г. посвящено местным суздаль-

ским святым. Им написаны жития основателя суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Евфимия, Евфросинии Суздальской, суздальского епископа Иоанна, основателя Успенского монастыря на реке Яхроме Козмы Яхромского (археографический обзор епископов этих сочинений см. в работе В. А. Колобанова. 1978 г.). Он же является автором служб, посвященных этим святым, а также службы еще одному суздальскому епископу — Феодору. Кроме того, ему принадлежит «Слово на память всех святых русских, новых чудотворцев» и служба им. Существует предположение, что создание Слова связано с деятельностью собора 1547 г., на что указывает упоминание в заглавии «о новых чудотворцах», а также перечень имен святых в самом произведении, где главным образом речь идет о святых, канонизированных названным собором (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 285; М а к а р и й. История русской церкви, т. 8, кн. 3, с. 58). В предисловии к Слову имеется авторское замечание, которое содержит намек на то, что оно написано после Жития Евфимия. Кроме того, в этом же похвальном слове Г. отмечает как современник работу владимирских иноков Рождественского монастыря над *Повестью о житии Александра Невского*. Известно, что монахом Рождественского монастыря *Михаилом* в связи с канонизацией Александра Невского на соборе 1547 г. была написана новая редакция его жития, включенная затем в *Великие Минеи Четии*. Очевидно, и творчество Г. было обусловлено общим оживлением агиографической работы, которую возглавлял митрополит *Макарий*. Тем не менее следов связи с кругом агиографов митрополита Макария и заинтересованности самого митрополита в работе суздальского автора не обнаруживается, он оставался только местным агиографом. Из числа суздальских святых, жизнеописания которых были составлены Г., собор 1549 г. признал местночтимым святым одного Евфимия. Канонизация Евфросинии добился суздальский епископ *Варлаам* позднее, при митрополите *Афанасии*, при этом текст жития святой, написанного Г., как сообщает сам Варлаам, был обнаружен им случайно в 70-х гг. XVI в. Следует обратить внимание на то, что эти святые местно почитались давно и имена их упомянуты среди других русских святых в рук. ГИМ, Синод. собр., № 336, относящейся к нач. XVI в. (Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 84—85). Недостаточное внимание к произведениям Г. со стороны митрополита объясняется, видимо, какими-то церковно-политическими соображениями, а отнюдь не особенностями творческой манеры автора.

В житиях, написанных Г., наблюдаются характерные черты агиографических сочинений середины XVI в. — применение пышного украшенного стиля в подражание агиографическим образцам предшествующего периода, нередко с прямым заимствованием текстов из них. В. О. Ключевский отметил, что жития, созданные Г., «более похожи на витиеватые похвальные слова, в которых сквозь риторику, занятую у Григория Цамблака, Елифания и

других образцов, проглядывает лишь скудное и смутное предание» (Древнерусские жития, с. 286). На заимствованиях из предисловия *Пахомия Серба к Житию Сергия Радонежского* построено предисловие к Житию Евфимия, в предисловии к Житию епископа Иоанна использован текст предисловия *Епифания Премудрого к Житию того же Сергия Радонежского* (Ключевский. Древнерусские жития, с. 286). «Слово на память русских чудотворцев» построено на заимствованиях из произведений *Григория Цамблака* (Сивкова А. И. Русско-болгарские литературные связи: Литературная история слов Григория Цамблака. Автореф. канд. дис. Л., 1983, с. 17).

В древнерусском рукописном наследии не только сохранились сами произведения Г., но и не было утрачено упоминание имени автора. В настоящее время списки произведений суздальского агиографа собраны и классифицированы В. А. Колобановым. Житие Евфимия известно в двух редакциях — краткой и пространной. В. О. Ключевский полагал, что краткая редакция представляет собой сокращение полной. В. А. Колобанов считает, что Г. сначала создал краткий вариант, а позднее, после соборов 1547—1549 гг., написал пространную редакцию. Во всяком случае Житие Евфимия было написано до 1543 г. — краткая редакция Жития включена в рукопись митрополита *Данила*, имеющую вкладную запись 1543 г. (ГБЛ, Волок. собр., № 490). Отметим, что и пространная редакция имеется в списке XVI в. (ГБЛ, собр. Прянишникова, № 60). Житие Евфросинии дошло в большом числе списков, ранние из которых относятся к XVI в. Житие епископа Иоанна В. А. Колобанову известно по четырем спискам, которые, по мнению исследователя, представляют собой две редакции: первоначальную, наиболее точно сохранившуюся в списке собр. Прянишникова, № 60, и более позднюю в единственном списке XVII в., в которой отсутствуют два фрагмента текста. Житие Козмы Яхромского известно по пяти спискам, один из них относится к XVI в. Из житий Г. издавалось неоднократно только Житие Евфросинии.

Изд.: Житие и жизнь благоверных великих князны Евфросинии Суздальской. Списано иноком Григорием / Изд. ОЛДП. СПб., 1888 (ПДП. № 91); Житие преподобной Евфросинии Суздальской по списку XVII в. // Тр. Владим. учен. арх. ком. Владимир, 1899, кн. 1; Георгиевский В. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание. Владимир, 1900, Приложение; Колобанов В. А. Владимирско-суздальская литература XIV—XVI вв.: Учебное пособие. М., 1978, вып. 3.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827, т. 1, с. 104; Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // ВОИДР. М., 1855, т. 22, отд. 2, с. 129—131; Ключевский. Древнерусские жития, с. 283—286; Макарий. История русской церкви. СПб., 1877, т. 8, кн. 3, с. 58; Строев. Словарь, с. 70—72; Филарет. Обзор, с. 130; Голубинский. История канонизации, с. 84—85, 104, 108, 143—144, 151; Колобанов В. А. 1) К вопросу об изучении Владимирско-суздальской литературы XIV—XVI вв. // Учен. зап. Владим. пед. ин-та,

Григорий (кон. XVI—нач. XVII в.) — монах Псково-Печерского монастыря, автор второй редакции *Повести о Псково-Печерском монастыре*, редакции *Жития Всеволода-Гавриила* 1602 г., предполагаемый автор Распространенной редакции *Повести о Довмонте*.

Г. продолжил труд игумена *Корнилия* по созданию письменной истории Псково-Печерского монастыря, создав вторую редакцию *Повести о Псково-Печерском монастыре*. История текста *Повести* не изучена, и трудно судить о том, каким был ее состав в редакции Г. Чаще всего она имеет заглавие: «Повесть списана о Печерском монастыре, иже во Псковской земли, и о Марце, первом старце Печерском, в ней же явлено вкратце и о чудесех от иконы пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения, и о избавлении града Пскова и обители Печерския от пленения в пашестве безбожнаго короля литовьского Стефана» (ЦГАДА, ф. 181, № 639, л. 198 об.). В некоторых списках *Повести* сохранилось имя составителя: «Собрано же вся сия три повести от многих скудная. . . по благословению господина Тихона, архиепископа Казаньскаго, поужением же Печерскаго монастыря еклисиарха аввы Исая, с сими свидетельством тоя же обители игумена Никона, труды же и снискашем их лепостиваго послушника, имемем букв численых слогу: третьему сотое с осмым, паки же и с третьим седмьдесятые, сотые же паки со десятым и девятьсотые по древнему» (там же, л. 214; см. также ГПБ, собр. Титова, № 917; ГБЛ, ф. 236, № 61). В 1583 г. Тихон был поставлен архиепископом Казанским, его преемником в монастыре стал Никон, время его игуменства точно не установлено, но в 1587 г. игумен был уже *Мелетий*. Таким образом, запись позволяет довольно точно определить время собирания трех повестей — 1583—1587 гг. Цифровая тайнопись указывает на имя собирателя — Г. Первая часть — о начале монастыря и о Марке, первом старце Печерском — основывается на тексте *Корнилия*. Г. написал новое предисловие, главная мысль которого — Печерский Марк «тезоименит» древним трем Маркам (апостолу, иноку, прославленному Феодором Студитом, и Киево-Печерскому). *Корнилий* сомневался в достоверности рассказов о Марке Печерском и историю обители начинал с *Ионы*. Г. излагает монастырские предания о первом старце, главные из них — о перенесении мощей Марка и о наказании болезнью *Корнилия*, сомневающегося в существовании Марка. Легендами распространена и история открытия пещер, она дополнена описанием их внешнего вида, в доказательство особого свойства пещер («смраду же не бе слышати отнюдь ни от каковых людей умерших»). Г. передает легенду времен *Корнилия* об утонувшем старце. Более подробно Г. рассказывает о деятельности игумена Герасима и особенно *Корнилия*, характеризуя его деятельность

по благоустройству монастыря, перечисляя все церкви, построенные К., сообщая точную дату его смерти. Об осаде Пскова (вторая повесть) автор рассказывает со слов игумена Тихона, келаря Арсения и демественника Ферацонта, но пользуется также и письменным изложением видения Дорофею, принадлежащим «шеведу Митрофану». Описание осады монастыря (третья повесть) сделано на основе собственных наблюдений — Г. был очевидцем и участником обороны монастыря, о чем свидетельствуют не только особенности рассказа, но и признание автора: «И аз окаянный милостию и хранением ся четверицею пленения и смерти от союстат избавлен, кроме внешних нападений» (там же, л. 213 об.). Помимо собственных наблюдений, Г. воспользовался рассказами очевидцев, защитников монастыря и плешных врагов, полностью процитировал грамоту Я. Замойского и ответ на нее инока Патермуфия. Глава об осаде монастыря дает подробное описание событий и наиболее интересна в литературном отношении. В отдельных списках Повести среди статей более позднего времени читается следующее сообщение: «. . . 93 сентября в 5-й день в субботу в 1-й час ночи видеша старец Савестиан толмачь, да Василий Аксентиев, да дьяк Григорей икоонник . . . в церкви пречистыя богородицы Успения во олтари свещу горящу. . .» (ЦГАДА, ф. 181, № 399, л. 64 об.; то же: ГБЛ, ф. 200, № 69). Н. И. Серебрянский считал, что «леностивый послушник» Г., автор Повести, и дьяк Г.-икоонник — одно и то же лицо. Других сведений о Г. нет.

В 1602 г. этим же Г. была составлена, по-видимому, и новая редакция Жития псковского князя Всеволода—Гавриила. В предисловии автор говорит, что принялся за написание «попужением и благословением. . . владыки кир Генадия, правяща престол епискупский пресвятыя и животворящия Троица богоспасаемых градов Пскова и Изборска» (ГПБ, Q.I.70, л. 69). Некоторые списки сохранили указание на время составления Жития и имя автора: «. . . в лето 7110, апреля. . . ленивым и неключимым рабом графися Печерянином, имея слог имени буквенны: с третьем сотое и осмое и паки с третьем седмдесятос, сотое же паки с седмдесятым, кончает же за грубость четыре десятим» (ЦГАДА, ф. 181, № 145/212, л. 75 об.—76). В основу своего труда Г. положил текст жития Всеволода-Гавриила в редакции *Василия-Варлаама*, однако существенным образом его изменил, в основном дополнил по летописным источникам. Неоднократно Г. указывает на источники, которыми он пользовался: «о добродетельном его (Всеволода. — В. О.) житии, еже от младых ногтей и до кончины, мало поизобретох от истории навгородския» (ГПБ, Q.I.70, л. 69), «от летописменных цветов» (л. 68 об), «пишут же и навгородстий ханографи» (л. 94). Какими именно из новгородских летописей пользовался Г., пока еще не установлено, так как изучение текста с этой точки зрения не проводилось. По мнению Н. И. Серебрянского, ничего нового Г. из летописей не позаимствовал, он был озабочен лишь литературным распространением Жития, написан-

ного Василием-Варлаамом. Но такие выводы были сделаны без подробного текстуального сопоставления двух памятников, без определения источников, которыми пользовался Г. Даже при поверхностном сравнении можно заметить, что Г. существенно дополнил текст Василия-Варлаама, однако дополнения касаются в основном событий, которые непосредственно не связаны с жизнью Всеволода. Так жизнеописание Всеволода начинается с повествования о временах *Владимира Мономаха*, деда псковского князя. Г. довольно подробно описывает ситуацию после смерти Всеволода Ярославича, рассказывает о княжении Мстислава в Новгороде, о закладке им города, «больше первого», основанного Ладогой. Далее Г. обращается к истории перенесения царских регалий в Киев и т. д. Множеством подробностей наполняются и другие эпизоды. Манера повествования Г. более конкретна, не столь отвлеченна и абстрактна, как у Василия-Варлаама. Г. идет за летописным источником не только в изложении фактов, но и в стиле, и в объяснении событий. Подробное сопоставление двух редакций Жития еще предстоит сделать, не решены и многие другие вопросы в истории текста этого произведения.

Н. И. Серебрянский приписывал Г. и составление Распространенной редакции Повести о Довмонте на том основании, что по приемам переделки своих источников Житие Всеволода-Гавриила и Распространенная редакция Повести о Довмонте имеют много сходства. Сравнение приемов работы с источниками показало, что у авторов этих двух произведений разные представления о литературном каноне, разные требования к стилю, разное отношение к используемому материалу. Все это не позволяет считать Г. автором распространенной редакции Повести о Довмонте. Сходство в рассказе о видении Дорофею в Распространенной редакции Повести о Довмонте и Повести о Псково-Печерском монастыре для Н. И. Серебрянского было еще одним доказательством того, что Г. — автор обоих произведений, однако в данном случае сходство могло возникнуть в результате обращения разных авторов к одному источнику — произведению «певца Митрофана».

Научного издания Повести о Псково-Печерском монастыре нет, существующие издания (Повесть о начале и основании Печерского монастыря, взято из древних летописцев, обретающихся в книгохранилище этого монастыря. М. Синодальная тип., 1801, 1807, 1831; то же. Псков, 1849) представляют собой переложение древнего текста с исправлениями и перестановками. Житие князя Всеволода-Гавриила в редакции Г. не издавалось.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827, т. 2, с. 200; Ключевский. Древнерусские жития, с. 315; Строев. Словарь, с. 378—380; Фларет. Обзор, с. 214, 225; Серебрянский Н. И. 1) Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 46—63; 2) Княжеские жития, с. 260—261, 280; Охотников В. И. 1) Распространенная редакция Повести о псковском князе

Григорий Цамблак (ок. 1365—1419?) — митрополит, болгарский писатель, видный представитель Тырновской книжной школы, культурный, общественный и церковный деятель Болгарии, Молдавии, Сербии и России. Родился и учился в Тырново, в круге патриарха Евфимия, принадлежал к высшей придворной аристократии. Представители фамилии Цамблаков занимали государственные посты в Византии, Болгарии (в Синодике царя Бориса есть славословие Цамблаку, великому примиктору), Молдавии. Некоторые ученые считают достоверным родство Г. Ц. с митрополитом всея Руси *Киприаном*. В «Похвальном слове митрополиту Киприану» («Григория мниха и прозвитера, игумена обители Плиснаирьския, надгробное иже во святых по истине Киприану, архиепископу Росийскому» — единственный список XVI в. ГИМ, Синод. собр., № 235/384) Г. Ц. назвал его братом своего отца.

Жизнь Г. Ц., как и жизнь всех балканских писателей этого трагического периода истории (турецкая экспансия на Балканах), очень богата событиями, частыми переездами; не все сведения о его жизни достоверны. В 1379 г. он был еще в Тырнове и участвовал в торжественной встрече митрополита Киприана на его пути в Константинополь. Время и место пострижения Г. Ц. неизвестны. Остается гипотезой присутствие Г. Ц. при осаде турками и падении г. Тырново (1393 г.), хотя в «Похвальном слове патриарху Евфимию» об этом и последовавших событиях написано с большой художественной убедительностью. Скорее всего эти тяжелые годы Г. Ц. пережил в Византии — в Константинополе или на Афоне, — может быть, состоял при патриархии. Для такого предположения есть основание — грамота 1401 г. византийского патриарха Матфея молдавскому правителю Александру, в которой патриарх так характеризует Г. Ц.: «честнейший в иеромонахах и духовный отец кир Григорий, келейный инок патриарха».

К этому периоду жизни Г. Ц. относятся его первые произведения: анонимное «Слово похвальное великомученику Георгию» (1397 г.) и, может быть, «Сказание о перенесении мощей преподобной Параскевы из Тырнова в Видин и в Сербию», которое в рукописях встречается чаще всего как дополнение к Житию Параскевы, написанному болгарским патриархом Евфимием.

В 1401 г. патриарх Матфей послал Г. Ц. в Молдавию для разбора некоторых спорных вопросов между Византийской патриархией и молдавским митрополитом Иосифом. В Молдавии Г. Ц. оставался до 1406 г., занимая должность «пресвитера великой церкви Молдовлахийской» (имеется в виду соборная церковь тогдашней столицы Молдавии — Сучавы). В 1401 г., проезжая из Константинополя в Молдавию, в г. Белгороде (ныне г. Белгород-Приднестровский) Г. Ц. познакомился с легендой о местной

чтимом мученике, трапезундском торговце Иоанне, мощи которого были позднее перенесены в Сучаву, в соборную церковь. Предполагают, что Г. Ц. участвовал в создании культа Иоанна Белгородского как молдавского национального святого. В связи с перенесением мощей он написал Житие («Мучение. . .») и Службу Иоанну Новому. Это Житие Иоанна Нового Белгородского — первое произведение молдавской средневековой литературы. Оно переписывалось, перерабатывалось, позже было переведено на румынский язык и напечатано, а его эпизоды были использованы в стенописных циклах на тему жизни этого святого. По языку, стилю и жанровым особенностям Житие Иоанна Нового характерно для агиографии Тырновской книжной школы. В 1403—1406 гг. Г. Ц. написал и скорее всего произнес некоторые слова (это входило в его обязанности пресвитера, т. е. проповедника). Слова составляют самый обширный раздел творчества писателя. К молдавскому периоду его жизни относятся 16 слов: похвалы святым, слова на праздники господские и богородичные, беседы триодного цикла. Ко времени проповеднической и церковно-организаторской деятельности Г. Ц. в Молдавии, вероятно, относится (приписывается ему Р. КонстантINESКУ) анонимное «Предисловие и поучение к всяким православным христианом».

В 1406 г. Г. Ц. был вызван из Молдавии на Русь митрополитом всея Руси Киприаном. Но по пути, на берегу р. Неман, Г. Ц. узнал о смерти Киприана, на поддержку которого в своей дальнейшей жизни и деятельности рассчитывал. Наиболее аргументированным остается мнение, что, получив известие о смерти дяди, Г. Ц. ушел в Сербию, где и оставался до 1408 г. Об этом периоде его жизни известно меньше всего. В Сербии, в Дечанском монастыре, им было написано Житие и Служба сербскому королю Стефану III (в рукописях под заглавием — «Житие и жительство святого великомученика в царех Стефана Сръбскаго, иже в Дечах, съписано Григорием мнихом и пресвитером, игуменом бившим тоезде обители»). Заголовок этого произведения дает основания считать, что писатель был некоторое время игуменом Дечанской обители.

Биографические данные Жития Стефана Дечанского (убит в 1331 г. — канонизирован ок. 1340 г., мощи его находились в том же монастыре) во многом не соответствуют исторической правде. Идеализация характера и поступков героя проведена даже тогда, когда по нормам христианской морали он достоин осуждения. В этом разница между произведением Г. Ц. и первым сербским житием этого правителя, которое точнее передает исторические факты. В Житии Стефана Дечанского отражены существенные стороны светской и церковной жизни Сербии. Рассказ о конфликтах между крупными феодалами и монашеством по поводу монастырской собственности позднее был использован в посланиях *Иосифа Волоцкого*. Описания природы, бытовые детали, интерес к внутреннему миру человека, к современным политическим и общественным событиям сближает Житие с теми произ-

ведениями, которые представляют переходные формы от средневековой агиографии к биографии (например, с написанным Константином Костенечским в это же время Житием Стефана Лазаревича). Житие Стефана Дечанского известно также и в русской редакции (например, в *Хронографе Русском*), а эпизод, где рассказывается о возвращении Стефану Дечанскому зрения, под заглавием «Чудо о святом Стефане, како ему святой Николай очи на длани дарова», входит в часто переписывавшийся на Руси цикл чудес св. Николая Мирликийского (эпизод известен во многих списках, например, ГПБ, Соф. собр., № 1321; ВМЧ, Май).

В 1409 г. Г. Ц. приезжал в Киев во время пребывания там (1409—1410 гг.) московского митрополита *Фотия*, назначенного на место Киприана. О присутствии Г. Ц. в южнорусских землях в это время свидетельствует его Слово надгробное митрополиту Киприану. В нем указывается, что со времени кончины митрополита прошло 2—3 года, а содержание показывает, что Слово могло читаться по поводу годовщины со смерти Киприана перед людьми, которые хорошо его знали. Некоторые исследователи считают, что Слово могло быть написано и произнесено в Москве (над гробом Киприана в Успенском соборе), куда Г. Ц. мог поехать в связи со своими будущими планами, используя отсутствие в городе митрополита Фотия. Русские летописи не отмечают поездку Г. Ц. в Москву в 1409 г., хотя упоминают (Супрасльская летопись) о кратковременном пребывании Г. Ц. там в 1414 г. Надгробное слово митрополиту Киприану — произведение в известной степени публицистическое, так как панегирический стиль (который достиг высокого развития в проповедях Г. Ц.) здесь служит для характеристики исторического лица, современника, чья жизнь была хорошо известна слушателям. Подчеркивая свое родство с Киприаном, Г. Ц., может быть, ненавязчиво рекомендует себя (ср., например, более откровенное в этом плане *Житие Петра митрополита*, написанное Киприаном), и поэтому нельзя категорически утверждать, что Г. Ц. приехал в Литву с планами занять именно митрополичий престол своего дяди. Можно без сомнения сказать только то, что он рассчитывал на поддержку Киприана в своей дальнейшей жизни.

Последовавшее выдвижение Г. Ц. на место митрополита Литвы было связано не только с его опытом и личными качествами, но и с энергичной сепаратистской политикой литовского правителя Витовта. Витовта не устраивало сознательное или вынужденное обстоятельствами предпочтение митрополитом Фотием московской объединительной политики и его постоянное пребывание в Москве, а не в Киеве. Конфликты между Витовтом и Фотием привели к разрыву, и на соборе южнорусских епископов в 1414 г. Фотию были предъявлены тяжкие обвинения. На втором соборе в том же году Г. Ц. был назван как человек, достойный стать литовским митрополитом. Сразу после второго собора Г. Ц. уехал в Константинополь добиваться благословения на митрополию от вселенского,

патриарха Евфимия II, но там с него сняли сан и отлучили от церкви. Тем не менее на четвертом соборе в г. Новогрудке епископы в присутствии и по желанию Витовта выбрали Г. Ц. литовским митрополитом. Собор подтверждал и оправдывал свое решение, рассылая оправдательное послание, а Витовт со своей стороны разослал Окружную грамоту (изд. в Актах Западной России, СПб., 1846, т. 1, №№ 24, 25). В ответ московский митрополит Фотий написал три послания с проклятиями собору и обвинениями Г. Ц. в незаконном поставлении, а новый византийский и вселенский патриарх Иосиф II подтвердил отлучение Г. Ц. от церкви. В самый тяжелый период своей жизни эмигранта Г. Ц. написал Слово похвальное патриарху Евфимию Тырновскому, в котором его ораторский талант достиг полной зрелости. Это произведение — один из немногих исторических источников о национальной трагедии — завоевании турками столицы Болгарии Тырново. Описание героической судьбы последнего болгарского патриарха Евфимия составляет лучшие страницы творчества Г. Ц. Тогда же был закончен цикл проповедей писателя (23 по данным русских рукописей), большая часть которых вошла в так называемую «Книгу Григория Цамблака» (Н. Донцовой известно 10 списков), содержащую чаще всего 18 слов.

Есть предположение, что Г. Ц. ввел в употребление в Киевской митрополии служебные рукописи Тырновской редакции и так называемый «болгарский распев» в музыкальную практику южно-русских земель. Ему принадлежит еще «Стих на целование» — стихира к празднику Успения. По предположению Дмитрия Ростовского, Г. Ц. установил в русских землях культ популярной на Балканах св. Параскевы Епиватской. Возможно, благодаря Г. Ц. тексты Жития и Службы Иоанну Белгородскому вошли в русскую рукописную традицию (далее русскими писателями XVI в. создавались переработки на основе обоих произведений).

В 1416 (1418?) г. Г. Ц. перенес митрополию из сожженного Едигеем Киева в Вильно. В 1418 г. по инициативе папы Мартина V и немецкого короля Сигизмунда созывается Констанцкий собор. На соборе Г. Ц. возглавлял делегацию из 300 представителей Литвы, Великого Новгорода, Молдавии, Великой Орды Едигея. Собор в Констанце являлся одной из попыток уничтожить ереси, сгладить противоречия между Восточной и Западной церковью в напряженной религиозной и политической обстановке начала XV в. В заключении на этом соборе церковной унии Г. Ц. по существу не участвовал, он предложил лишь провести диспут на данную тему, возможно, следуя инструкции князя Витовта и мечтаая о военной помощи Балканским странам со стороны участвующих в соборе государств. По мнению некоторых исследователей, обвинения Г. Ц. в униатстве и признании примата папы (например, анафема Г. Ц., которая читалась в XVI в. в русских церквях) несправедливы. Речи его на соборе, высказывания современников, в том числе его противника митрополита Фотия, не

дают основания для таких крайних выводов. Приписываемое ему полемическое антилатинское «Слово, како держат веру немцы» и сведения летописного характера (см. кн. Яцимирского) представляют Г. Ц. последовательным защитником православия. Некоторые источники (см. статью Соколова) сообщают, что умер Г. Ц., может быть, от «морowego поветрия» в 1419 г., но вопрос о времени кончины киевского митрополита все еще остается спорным. Указываются и несколько мест его захоронения: Киев, Вильно, Рим, Новоградок, Москва. Эти противоречия дают возможность думать (см. кн. Грекова) об удалении неугодного митрополита с кафедры или его тайном уходе из Литвы (но не в Молдавию, по старой гипотезе Яцимирского).

Часть текстов богатого литературного наследия Г. Ц. (более 40 произведений) еще не издана. Атрибуция некоторых из них оспаривается, но не исключено и то, что объем его творчества в дальнейшем увеличится. В русской рукописной традиции жития и слова Г. Ц. известны в большом количестве списков начиная с 20-х гг. XV в. и кончая поздними старообрядческими. Они входили в разные по типу сборники — «авторские», содержащие только его произведения, минеи четьи (включая *Великие Минеи Четии* митрополита *Макария* и минеи Дмитрия Ростовского), *Пролог*, *Торжественшик*, перерабатывались русскими писателями, позднее были включены в старопечатный *Соборник*, изданный в Москве в 1642 г. Жития Г. Ц. написаны в высоком стиле «плетения словес» и свидетельствуют об общем для стран Юго-Восточной Европы культурном подъеме, предшествовавшем турецкому завоеванию.

Гимнографическое творчество Г. Ц. охватывает, кроме упомянутых служб Иоанну Новому и Стефану Дечанскому, две новые редакции службы св. Параскеве (условно называемые сербская и русская), может быть, службу Киприану и др. Цикл его минейных и триодных проповедей, восходящих по жанру к классической византийской проповеди, охватывал все значительные праздники года и не имел аналогов в славянских литературах до этого времени (такой полнотой, но другим характером отличались только Слова Климента Охридского). Наконец, Похвальные слова Киприану и Евфимию показывают Г. Ц. как писателя, чуткого к событиям своего времени, глубоко переживающего потерю дорогих людей и трагедию своей Родины. О смерти Г. Ц. в *Летописи Никоновской* сказано: «Тое же зимы (в 1419 г. — А. И.) умре Григорей митрополит Цамблак на Кieve, родом болгарин, книжен зело, изучен убо бе книжней мудрости всяцей из детства, и много писания, сотворив, остави» (ПСРЛ. СПб., 1897, т. 11, с. 235).

Изд.: Шафарик Я. Живот краля Стефанъ Дечанского // Гласник Друштва српске словесности. Београд, 1859, кн. 11, с. 35—94; Леошид, архим. 1) Нова граћа за бугарску историју // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1871, кн. 31, с. 243—291; 2) Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприану // ЧОИДР, 1872, кн. 1, с. 25—32;

Каѳуѣниаски Е. 1) Aus der panegyrischen Litteratur der Sfld-slaven. Wien, 1901, S. 28—60; 2) Werke des Patriarch von Bulgarien Euthimius. Wien, 1901, S. 432—436; Яцимирский А. И. Из истории славянской проповеди в Молдавии и Валахии. СПб., 1906 (ПДШИ, т. 163); Иваниов Й. Български старици из Македонија. Софија, 1931, с. 433—436; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Софија, 1958, ч. 1, с. 180—190; Русев П., Давидов А. Григорий Цамблак в Румѣния и в старата румѣнска литература. Софија, 1966; Србљак. Приредно Ћ. Трифунѣвић. Београд, 1970, т. 2, с. 308—316; Русев П., Гѣљбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евѣимий от Григорий Цамблак. Софија, 1974; Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. Софија, 1983.

Лит.: Макари И. О Григорий Цамблаке, митр. Киевском, как писателе // ИлоРЯС, 1857, т. 6, вын. 2, с. 98—154; Сырку П. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака // ЖМНП, 1884, ноябрь, с. 106—153; Шевырев С. П. История русской словесности. СПб., 1887, ч. 3, с. 178—204; Соколов П. И. Киевский митрополит Григорий Цамблак: (Очерк его жизни и деятельности) // БВ, 1895, июль, с. 52—72; август, с. 157—199; Яцимирский А. И. Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904; Киселков В. Сл. Митрополит Григорий Цамблак. Софија, 1943; Turdeanu E. Grégoire Camblak: faux arguments d'une biographie // Revue des études slaves, 1946, t. 22, p. 46—81; Паумов Е. П. 1) Из истории русско-сербских средневековых связей (второе житие Ст. Дечанского в соч. И. Волоцкого) // Учен. зап. Ин-та славяновед. М., 1963, т. 26, с. 37—47; 2) Кем написано второе житие Ст. Дечанского? // Славянский архив: Сб. статей и матер. М., 1963, с. 60—72; Holthusen I. Neues zur Erklärung des Nadgrobnoe Slovo von Grigorij Camblak auf den Moskauer Metropolitен Kiprian // Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavisten Kongress in Prag. 1968. München, 1968, S. 372—382; Мечев К. Ст. Григорий Цамблак. Софија, 1969; Năsturel P. S. Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak: Le martyre de St. Jean le Nouveau d'Akkerman // Actes du 1er Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes. Sofia, 1971, t. 7; Ангелов Б. Ст. Григорий Цамблак — автор на служба в чест на Йоан Нови Сучавски // Ангелов Б. Ст. Страници из историята на старобългарската литература. Софија, 1974; Кожухаров Ст. Търновската книжовна школа и развитието на химичната поезия в старата българска литература // Търновска книжовна школа. Софија, 1974, с. 277—311; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 291—310; Konstantinescu R. Un sermon anonyme et l'activité littéraire de Grégoire Camblak en Moldavie // Études Balkaniques, 1976, № 2, p. 103—113; Бегунов Ю. К. 1) Рукописное наследие Григория Цамблака и задачи его изучения // Byzantinobulgarica. Sofia, 1978, t. 5, с. 311—322; 2) К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака // Сов. славяновед., 1981, № 3, с. 57—64; Търновска книжовна школа. Т. 3. Григорий Цамблак: Живот и творчество. Софија, 1984.

А. Трифонова

Гурий Тушин (в миру **Григорий**) (1452 или 1455—1526 гг.) — игумен Кирилло-Белозерского монастыря, автор летописца, книгописец. Происходил из знатного боярского рода Квашниных, в 1478 или 1479 г. постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, где оставался до своей смерти; в 1484 г. был игуменом. Трудясь как переписчик, Г. Т. был при этом одним из организаторов монастырского книгописания, под руководством которого работали другие монахи-переписчики; он являлся также составителем ряда сборников и редактором некоторых входивших в их

состав произведений. Рукою Г. Т. или под его руководством написано 37 книг, из которых в настоящее время выявлено 23.

По своему содержанию книги Г. Т. могут быть разбиты на три группы: 1) книги св. Писания и богослужебные; 2) житийные сборники; 3) религиозно-нравственные сборники. Состав последних показывает, что интересы Г. Т. тяготели к аскетически-созерцательной литературе (в сборниках большое место занимают сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита), что было обусловлено влиянием *Нила Сорского*, чьим учеником был Г. Т. О близости ученика к учителю свидетельствует адресованное Г. Т. послание *Нила Сорского*. В сборниках Г. Т. находятся одни из самых ранних списков сочинений *Нила Сорского*.

С конца второго десятилетия XVI в. состав сборников Г. Т. меняется: сочинения писателей аскетически-созерцательного направления встречаются в них реже, и вместе с тем появляются статьи, трактующие насущные проблемы религиозно-общественной жизни. К числу их относится, в частности, послание *Максима Грека Василию III* об устройстве афонских монастырей и произведения *Вассиана Патрикеева* — «Слово о еретиках» и «Собрание некоего старца». Оба произведения *Вассиана* читаются в сборнике Г. Т. в особых редакциях, отличных от авторских; составителем их был, вероятно, Г. Т. Особенности *Тушинских* редакций сочинений *Вассиана Патрикеева* показывают, что, разделяя основные положения учения *Вассиана*, Г. Т. стоял вместе с тем на менее радикальных позициях: путь ликвидации вотчинных прав монастырей он усматривал не в секуляризации монастырских вотчин, а в увещаниях иноков следовать обету нестяжания. В историю нестяжательства Г. Т. вошел как переписчик и распространитель сочинений крупнейших писателей-нестяжателей и пропагандист их идей.

Г. Т. сыграл некоторую роль и в развитии летописания конца XV—начала XVI в. Он был составителем «Летописца русского», входящего в состав его последней, тридцать седьмой книги. Летописец Г. Т., охватывающий период с 1074 по 1523 г., принадлежит к кратким летописцам, которые велись в Кирилло-Белозерском монастыре. Несмотря на краткость, летописец Г. Т., в силу своей идейной направленности и преобладания в нем общерусских известий над местными, может быть отнесен к числу общерусских летописчиков. По мнению Я. С. Лурье, летописец Г. Т., так же как и другие краткие кирилловские летописчики, свидетельствует о тесной связи историографической деятельности кирилловских иноков с составленным в начале 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре независимым общерусским летописным сводом.

Изд.: Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 109—200.

Лит.: Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII-го // Христ. чт., 1907, август, с. 174—177; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 244—276; Сициана Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 89—113; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 201—209.

Н. А. Казакова

Д

Даниил (2-я пол. XV в. — 1547 г.) — митрополит всея Руси, писатель и публицист. Родом из Рязани («рязанцем» называет Д. *Житие Иосифа Волоцкого*, составленное Саввой Черным, и Выпись о начале Волоколамского монастыря; волоколамские синодики относят к его роду двух рязанских епископов — Симеона и Леонида; отмечался также повышенный интерес составителя *Летописи Никоновской*, которым, как установил Б. М. Клосс, был Д., к истории Рязанского княжества), Д. был поначалу монахом Иосифо-Волоколамского монастыря. При жизни *Иосифа Волоцкого* он не играл сколько-нибудь видной роли в монастыре; его имя не фигурирует в числе десяти старцев, которых Иосиф считал своими наиболее достойными преемниками (см. послание Иосифа Волоцкого *Василию III*). Очевидно, под давлением великого князя Василия III Д. после смерти Иосифа был избран игуменом Волоколамского монастыря (сентябрь 1515 г.; впрочем, игуменом Д. назван уже во вкладной записи *Иоанна Полева*, помеченной 1514 г. — ГБЛ, ф. 113, Вол. собр., № 39). В руководстве монастырем Д. неукоснительно следовал заветам Иосифа Волоцкого, пытаясь ввести еще более строгие правила монастырского общежития. В частности, он не разрешал монахам держать собственные книги в кельях, что вызвало противодействие всей братии (см. послание волоколамских ипоконов: Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. XLVI // ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 2, с. 312—315). 27 февраля 1522 г. по желанию великого князя Д. был поставлен в митрополиты на место оставившего кафедру Варлаама. Д. поддерживал Василия III во многих церковных политических мероприятиях, не брезгуя никакими средствами. Именно поэтому А. М. Курбский назвал впоследствии Д. и других иосифлян «потаковниками». В мае 1523 г. митрополит помог Василию III заманить в Москву и схватить его «запазушного врага»

северского князя Василия Шемячича, дав тому свои «опасные грамоты». В 1525 г. Д. помог устроить великому князю неканонический развод с бесплодной Соломонией Сабуровой. Следуя традициям Иосифа Волоцкого, Д. ревностно защищал право монастырей владеть вотчинами. Он был инициатором соборов 1525 и 1531 гг., осудивших *Максима Грека* и *Вассиана Патрикеева*. В 1531 г. Д. добился канонизации Пафнутия Боровского, учителя Иосифа Волоцкого. Политические противники очень резко оценивали деятельность Д. «Яз того не ведаю, есть ли митрополит на Москве», — говорил Максиму Греку И. Н. Берсень Беклемишев (ААЭ, т. 1, с. 141). Едкую характеристику Д. дал С. Герберштейн. По его словам, Д. был «приблизительно 30 лет от роду, человек крепкого и тучного сложения с красным лицом» (Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908, с. 41); С. Герберштейн рассказывает, что митрополит окуривался серным дымом перед торжественными богослужениями, чтобы не показаться преданным более удовольствиям, чем аскетическим подвигам. После смерти Василия III, а в особенности после смерти Елены Глинской положение Д. заметно ухудшилось. В 1539 г. Д. был смещен боярской группировкой Шуйских; его заставили подписать грамоту, в которой он отрекался от митрополии по неспособности. Последние годы жизни Д. провел в Волоколамском монастыре, где и похоронен.

Д. был весьма плодовитым писателем (наиболее удобный для пользования перечень его сочинений дан в работе В. Г. Дружинина). В. И. Жмакин в своей монографии насчитал 16 слов митрополита (им опубликованы в отрывках слова 2, 3, 5, 7, 10, 12—16 по перечню В. Г. Дружинина), 18 посланий (опубликованы послания 1, 2, 4, 12, 14, 17, 18 по перечню В. Г. Дружинина; послание 15 напечатано Макарием Булгаковым, послание 16 — в АИ), поучение (издано в ПЛ и ПЛДР) и окружное послание (издано в ПЛ) помимо сочинений административного характера. В. Г. Дружинин обнаружил и опубликовал еще 26 посланий и поучений (их жанр не всегда ясен) митрополита Д. по единственному списку ГПБ, Q. I. 1439, при составлении которого, возможно, использован архив Д. (Синицына Н. В. Федор Иванович Карнов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 6). Согласно В. Г. Дружинину, Д. принадлежит также сочинение в защиту монастырских вотчин («О святых божественных церквах и о возложенных божних стяжаниях церковных и о восхищающих таковая и насилствующих»), которое находится в той же рукописи. Наконец, следует отметить читающуюся здесь статью «Православным», которая представляет собой фрагмент из особой редакционной *Сказания о Мамаевом побоище*, входящей в состав Никоновской летописи и принадлежащей перу ее составителя (Клосс. Никоновский свод. . . , с. 127—128). Некоторые ученые XIX в. совершенно неосновательно приписывали Д. известное послание *Ивану Грозному*, напечатанное в кн.: Голохвастов Д. П., Леонид, архимандрит. Благо-

вещенский перер Сильвестр и его писания // ЧОИДР, 1874, кн. 1, с. 69—87.

Слова и поучения Д. посвящены животрепещущим проблемам общественной жизни его времени. Он обличает догматические заблуждения еретиков, внушает мысль о божественном происхождении власти великого князя, призывает судей и правителей быть праведными, не брать мзды, доказывает преимущества общежительных монастырей. Д. — талантливый сатирик, с тонкой наблюдательностью изобразивший дурные нравы различных сословий Московского государства; в бытовых сценках, которые рисует Д., он использует живой, разговорный язык. Большая часть посланий Д. носит нравоучительный характер. Упорядочению монастырской жизни посвящены послания в Иосифо-Волоколамский, Владимирский Волосов и Владычен Введенский монастыри. Послания Д. адресованы лицам различного общественного положения. Известно три послания старцу *Дионисию Заенигородскому*, который не мог ужиться с игуменом Волоколамского монастыря *Нифонтом Кормилицыным*; послание Досифею, епископу Сарскому и Подонскому — ставленнику Д. из иноков Иосифо-Волоколамского монастыря; послание епископу Геннадию Суздальскому (правда, его принадлежность Д. оспаривал А. С. Орлов); наконец послание князю Юрию Ивановичу Дмитровскому в ответ на вопрос, следует ли поститься в понедельник, на который приходится праздник Успения богородицы (ср. послание Максима Грека, возможно, адресованное тому же князю: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, № 311). Адресаты остальных посланий неизвестны. Хронология как слов, так и посланий писателя почти не разработана. Очевидно, большая часть их была создана, когда Д. находился на митрополичьем престоле; незадолго до отречения от митрополичьего сана он написал окружное послание.

В своих произведениях Д. проявил себя очень начитанным книжником. Каждую мысль он иллюстрирует огромным количеством цитат из Писания и сочинений отцов церкви. Ему были хорошо известны как переводные (патерики, Кормчая, Александрия, хроники), так и славянские («Слово о законе и благодати» митрополита *Илариона*, Похвальное слово царю Константину Евфимия Тырновского, летописи) произведения. В своем творчестве Д. использовал также сочинения своих современников — переводы Максима Грека, «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Об образованности Д. были высокого мнения такие начитанные люди, как Максим Грек и *Ф. И. Карпов*. «Доктором закона Христова, украшенным многими знаниями», назвал митрополита Максим Грек. «Высокия книжности разуму уроженному, святейшему господину *Данилу митрополиту*» адресует свое послание *Ф. И. Карпов*, «всякою премудростию опасному ведением наученному и учения исполнену».

Митрополит Д. принимал активное участие в культурной жизни своего времени. Б. М. Клосс убедительно доказал непосредствен-

ное участие Д. в составлении Никоновской летописи; в тех же кругах, что и Никоновская летопись, возникла, по мнению Б. М. Клосса, первоначальная редакция западнорусского Хронографа (см. *Хронограф Русский*). Под наблюдением митрополита занимался переводами Максим Грек, по его поручению перевел «Травник» *Николай Булев*. В митрополичьей канцелярии под руководством Д. редактировалась *Летопись Иоасафовская* и Сводная Кормчая, составлялись формуляры митрополичьих посланий, систематизировались копии земельных актов московского митрополичьего дома. Б. М. Клосс выявил многочисленные рукописи, которые Д. частично переписал или отредактировал; в их числе сборник слов митрополита (ГБЛ, ф. 173, собр. МДА, № 197) с авторской правкой.

Сочинения митрополита Д. пользовались широкой популярностью. Основной корпус их (за исключением вошедших в сборник ГПБ, Q.I.1439) сохранился в значительном количестве списков; древнейший список тринадцати посланий Д. — известный «Сильвестровский» сборник (ГПБ, Соф. собр., № 1281). Сочинения митрополита Д. неоднократно использовались в творчестве других древнерусских писателей. Патриарх *Иов* в своем послании грузинскому митрополиту Николаю частично использовал третье слово Д.; на сборник слов Д. ссылаются авторы «Поморских ответов».

Изд.: АН. СПб., 1844, т. 1, № 293, с. 534—537; ПЛ, СПб., 1862, вып. 4, с. 194—204; Макарий. История русской церкви. СПб., 1874, т. 7, с. 393—394; Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1884; Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го в. // ЛЗАК. 1909, вып. 21, с. 36—38, 45—106, 113—114 (с. № 2, 6—31, 33); ПЛДР. Кон. XV—1-я пол. XVI в. М., 1984, с. 520—533, 749—750.

Лит.: Беляев И. Д. Даниил митрополит московский // ИпоРЯС, СПб., 1856, т. 5, вып. 4, стб. 193—209; Макарий [Булгаков]. Соч. московского митрополита Даниила // Христ. чт., 1872, № 10, с. 181—275; *** Даниил, московский митрополит, как проповедник // Ряз. епарх. вед., 1874, № 6, Прибавления, с. 132—139; Орлов А. С. Слово к Геннадию еп. Суздальскому о пленении умном. (Читано в заседании Славянской Комиссии И. М. А. О. 6 января 1913 г.). Б. м., б. г.; Клосс Б. М. 1) Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 114—125; 2) Митрополит Даниил и Никоновская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 188—204; 3) Никоновская летопись и Максим Грек // Там же. Л., 1976, т. 30, с. 124—131; 4) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Д. М. Булагин

Дедеркин Феофил (XV в.) — автор послания *Василию II* о землетрясении в Италии 4 декабря 1456 г. В послании, написанном из «Заримья, из латинь», повествуется о том, как некий «князь Мпкалай» «пророчествовал на свою веру на латинскую» и как, через три дня после его прорицания и смерти, «в Римьской стране и земли» произошло страшное землетрясение, в котором погибло около 50 городов, перечисленных в послании (в числе их «Неополь»).

Послание Д. Ф. сохранилось в трех списках XV—XVI вв. — в одном из сборников, составленных известным кирилло-белозерским книгописцем *Ефросином* — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/1086, в западнорусском сборнике 1483 г., из собрания Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (нынешнее местонахождение неизвестно), и в дополнении к Палее 1517 г., написанной (как и текст послания) в Пскове Константином, священником Духовской церкви «на Довмонтовой стене» — ГБЛ, собр. Ундольского, № 719. Имя Д. Ф. известно лишь по кирилло-белозерскому списку: киевский сборник содержал только вторую половину текста, а в Палее 1517 г. памятник назван «Пророчеством князя Миколая».

П. Д. Симони, издавший текст по кирилловскому списку, высказал предположение, что автор послания мог быть врачом Феофилом, присутствовавшим при болезни и смерти Василия III в 1533 г., а упоминаемый в послании «князь Миколай» — *Николаем Булевым*, врачом и философом, также жившим на Руси при *Василии III*. Если бы такое отождествление было верным, то рассказ, содержащийся в послании, следовало бы датировать временем значительно более поздним, чем 1456 г. (Василий III стал великим князем в 1505 г.), и рассматривать как легендарный. Но сборник Ефросина, содержащий послание Д. Ф., датируется 1471—1479 гг., киевский список — XV в., и даже позднейший из всех — исковский — написан еще при жизни Николая Булева. Сопоставление же с ипостранжными источниками свидетельствует о том, что перед нами не легенда, записанная задним числом, а довольно точное переложение итальянского рассказа об обширном землетрясении, действительно происшедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г. (Archivio storico per la province Napoletane, Napoli, 1885, anno 10, p. 353—356); переложение это скорее всего сделано в Белоруссии или на Украине (судя по обилию полонизмов в языке всех списков), возможно, для Радзивиллов, с которыми связан киевский список послания.

Изд.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901, Приложения, с. 234; Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий / Пригот. к печ. П. Симони. Пг., 1922, вып. 3 (СОРЯС, т. 100, вып. 2), с. 13—16.

Лит.: Варлаам. Описание сборников XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. П отд. имп. АН. СПб., 1858, кн. 5, с. 39—40; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1897, вып. 2, с. 218; V a r a t t a М. I terremoti d'Italia. Torino, 1901, p. 67—68; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 154—155; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. М.; Л., 1980, т. 35, с. 140—141; К а з а к о в а Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980, с. 158—163.

Я. С. Лурье, А. А. Турилов

Денис (ум. ок. 1490 г.) — священник, еретик. После присоединения *Иваном III* Новгорода был — вместе с другим еретиком — *Алексеем*, приглашен великим князем в Москву, где служил в великокняжеской соборной Архангельской церкви. Только в 1490 г. новгородскому архиепископу *Геннадию* удалось добиться созыва церковного собора против еретиков; епископы, собравшиеся на собор, прежде всего добились изгнания Д. из храма; Д. ответил на это обвинениями («речами хульными») против *Геннадия Новгородского*. Собор отлучил Д. вместе с рядом других еретиков от церкви. Отправленные в Новгород, Д. и его товарищи были подвергнуты по приказу *Геннадия* публичным истязаниям, завершившимся сожжением шутовских берестяных шлемов на головах осужденных; после этой расправы Д., по известию *Иосифа Волоцкого*, сошел с ума («предан бысть всельшемуся в него бесу хульному и пребысть месячное время, козогласуя скверный гласы зверскими и скотии. . .») и умер.

Единственный литературный памятник, сохранившийся от Д., — его Покаяние (или, вероятнее, фрагмент Покаяния), написанное во время собора 1490 г. и обращенное к митрополиту *Зосиме*. Судя по дошедшему до нас тексту, Д. никак не упоминал о еретическом характере своих воззрений, а каялся в заблуждении «от пути истиннаго певъздержанием языка злым своим произволением».

Изд.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв. М.; Л., 1955, Приложение, № 21, с. 386—388.

Лит.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, с. 192, 198—200; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 127—128, 136—140, 186.

Я. С. Лурье

Дионисий (ум. 15 X 1385 г.) — архиепископ Суздальский и Нижегородский, автор грамоты, инициатор и возможный участник создания *Летописи Лаврентьевской*. Московский летописец характеризует Д. как «мужа. . . хитра, премудра, разумна, промышленна же и расъсудна, пязщепна в Божественных писаниях, учителна и книгам сказателя. . .» (ПСРЛ, Пгр., 1922, т. 15, вып. 1. Рогожский летописец, с. 105—106). В молодости он подвизался как монах-анакорет на Волге около Нижнего Новгорода; в конце 20-х — начале 30-х гг. XIV в. создал там общежительный Вознесенский печерский монастырь. Судя по тому, что там после Д. осталась икона Богородицы с предстоящими Антонием и Феодосием Киево-печерскими, он был выходцем из Киево-Печерской лавры. В начале 50-х гг. Д. посылал своих учеников основывать общежительные монастыри. В 1371 г. он постриг сорокалетнюю Василису-Феодору, вдову нижегородского князя Андрея Константиновича; раздав свое имущество и отпустив на свободу челядь, она удалась в основанный ею Зачатейский монастырь, чтобы жить «в молчании, тружаяся рукоделием»; ее примеру последовали многие

боярыни, «и вси общее житие живяху» (там же, с. 133). Постриженниками Д. были Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский, или Ушженский.

19 февраля 1374 г. в Москве митрополит *Алексей* поставил Д. епископом Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца. В том же году нижегородская паства Д. совершила нападение на посольство Мамаю, а спустя несколько месяцев (31 марта 1375 г.), когда плешных решили добить, один из них, вбежав во двор владыки, едва его не убил выстрелом из лука (стрела коснулась его одежды). Около 1375 г. суздалец Дорофей по благословению Д. составил компиляцию «О Богумиле попе», выбрав для нее из «Беседы» Козмы Пресвитера наиболее известные высказывания попа Богумила «о крестном древе», против причастия и литургии; эта компиляция вошла в состав русской «Кормчей» книги в 110 главах с «Мерилом праведным» 2-й редакции и распространилась во множестве списков (Бегунов Ю. К. Болгарские богомилы и русские стригольники // *Vyzantinobulgarica. Sofia, 1980, t. 6, p. 71*). В 1377 г., с 14 января по 20 марта, монах Лаврентий по благословению Д. написал Лаврентьевскую летопись для нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича. Судя по особенностям этой рукописи, писец Лаврентий при участии какого-то более решительного, чем он, человека — возможно, самого Д. — переделывал ту часть своей работы, где речь идет о татарском завоевании Руси. *Повесть о нашествии Батые* в этой летописи в значительной мере состоит из отрывков предшествующего летописного текста. В отличие от соответствующих известованных летописей *Новгородской I* и *Ипатьевской* здесь князья, погибшие при Батыевом нашествии, прославляются как герои и страдальцы за веру, а кроме того, здесь содержится почти неприкрытый призыв к освободительной антиатарской борьбе. Судя по всему этому, Д. прикровенно, как бы устами летописца XIII в., прославлял современных ему русских князей на борьбу за свободу — за три года до Куликовской битвы, в момент московско-нижегородского похода на вассальный Мамаю Булгар (см. также Повести о нашествии Батые, где изложена другая точка зрения на происхождение этого текста).

После смерти митрополита Алексея (1378 г.) Д. наряду с Сергием Радонежским и *Феодором Симоновским* оказался в числе наиболее решительных противников *Митяя-Михаила*, выдвинутого великим князем Дмитрием Ивановичем кандидата на митрополичий престол. Планировавшееся князем поставление Митяя в епископы собором русских епископов было сорвано протестом Д. (1379 г.). Чтобы опровергнуть Д., Митяй-Михаил составил выписки из сочинений отцов церкви, «укоризны наводяче на Дионисия, еже о иноцех властолюбцех» (эти выписки видел в хранившемся в библиотеке Синода сборнике «Цветец духовный» И. И. Срезневский: Памятники, с. 109, 114—115; в настоящее время местонахождение этого сборника неизвестно). Чтобы Д. не помешал Митяю в Константинополе, куда тот собирался от-

правиться для поставления в митрополиты, князь его арестовал. Д. пообещал оставаться на Руси, за чего поручился Сергей Радонежский, и князь его выпустил на свободу. Но Д., добравшись до Нижнего Новгорода, тут же бежал в Константинополь. Помешать поставлению в русские митрополиты Пимена, избранного послами на место умершего в дороге Митяя, Д. не удалось. Но он сумел достичь того, что патриарх Нил высказался о необходимости низложения поставленного им в результате обмана митрополита Пимена. Сам Д. был возведен патриархом в сан архиепископа (тем самым на Руси появилась вторая — после Великого Новгорода — архиепископия, Суздальская; при этом за ней были закреплены Нижний Новгород и Городец). Д. получил от патриарха Нила также фелонь с крестами, стихарь с источниками, грамоту в Псков против еретиков-стригольников (о еретиках патриарх узнал скорее всего от самого Д.) и поручение вводить в тамошних монастырях общежительный устав. Кроме того, Д. приобрел для Руси в Константинополе священные реликвии — «страсти Спасовы» и мощи многих святых. В 1381 г. Д. прислал на Русь из Константинополя с чернецом-греком Малахией Философом две копии иконы Богоматери Одигитрии, из которых одну поставили в церкви Спаса в Нижнем Новгороде, а вторую в соборной церкви в Суздале.

Вернувшись на Русь в конце 1382 г., Д. посетил Нижний Новгород (1 января 1383 г. участвовал в похоронах «книжного, грамотного, чудного старца Павла Высокого», любимого им, — «яко и самому Дионисию прослезити по немь» — ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 147—148), Суздаль (святил там воду на Богоявление, 6 января), Великий Новгород, а оттуда «по повелению» владыки Алексея «иде в Псков» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 379). Там Д. дал Снетогорскому монастырю грамоту о соблюдении правил иноческого общежития (напечатана в РИБ), а самому городу Пскову — уставную грамоту. Эта грамота не дошла до нас: в 1395 г. слышал о ней, отменял ее и просил ее прислать, чтобы разорвать, митрополит *Киприан*, считавший, что Д. «въплелся не во свое дело». Грамоту же в псковский Снетогорский монастырь отменял позже, в 1418 г., митрополит *Фотий*, тоже полагавший, что Д. «учинил не по преданию правильному, не в своей области, ни в епископии» (РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 46). По всей вероятности, Д. принадлежит также связываемое в науке с именем *Стефана Пермского*, а в большинстве списков надписанное именем патриарха Антония Поучение против псковско-новгородских стригольников. Вариант с именем патриарха Антония не первоначален, но маловероятно и то, чтобы его автором был Стефан Пермский, глава другой епархии. Д. же, как известно, действовал в пределах новгородской архиепископии как представитель патриарха и был, судя по всему, инициатором борьбы со стригольничеством. В грамоте патриарха Нила против стригольников, вдохновителем и огласителем которой был, очевидно, Д., сказано, что ему поручено патриархом

учить еретиков и сказать им «из уст» от патриаршего имени больше, нежели изложено в грамоте. Связываемое с именем Стефана Пермского Поучение против стригольников как раз и является обращением к еретикам русского человека, чувствующего себя вправе говорить от имени высшей церковной власти. Создать это Поучение Д. мог в 1383 г., когда он приезжал в Новгород «изо Царяграда от патриарха Нила с благословением и грамотами» и был послан владыкой Алексеем в Псков, чтобы утвердить там «правoverную веру истинную крестьянскую», колеблемую «от злых человек, диаволом наущеных» (Новгородская Первая летопись. . . , с. 378—379). Написанное в центральной своей части в форме ряда прямых обращений к еретикам («Вы же, стригольници. . .»), Поучение представляет собой апологию отвергаемой еретиками церковной иерархии; автор ссылается на Писание, сочинения Иоанна Златоуста, Григория папы Римского, *Пролог* и *Патерик Киево-Печерский* (пересказывает, как в результате молитв за покойного смрад от его тела обратился в благоухание). Тот факт, что имени Д. нет ни в одном из списков Поучения, а само оно оказалось переделано в послание патриарха Антония, может объясняться тем, что кто-то постарался спасти его, когда победитель в борьбе за русский митрополичий престол Киприан (принявший в этой борьбе участие Д. был насильно низведен с исторической арены, очевидно, с ведома Киприана) стремился уничтожить следы паставнической деятельности Д. в Пскове, несправедливо утверждая, что «патриарх ему того не приказал деяти» (АИ, т. 1, № 10, с. 18; РИБ, т. 6, № 29, стб. 235).

С Д., очевидно, связано совпадающее по времени с его пребыванием в новгородских землях и вполне соответствующее общему характеру его деятельности явление там иконы Богородицы Тихвинской (1383 г.) (см. *Сказание о иконе Богоматери Тихвинской*).

После возвращения на Русь Д. сумел стать доверенным лицом Дмитрия Донского и летом 1383 г. вновь отправился к патриарху в Константинополь в сопровождении княжеского духовника Феодора Симоновского как посланец великого князя. Преодолев колебания патриарха Нила, разногласия среди членов посольства и подделав княжеские грамоты, Д. добился того, что был поставлен в русские — судя по всему «Киевские и вся Руси» — митрополиты, несмотря на то, что были живы и правили — один в Киеве, другой в Москве — митрополиты-соперники, Киприан и Пимен. Из Константинополя Д. отправился в Киев и был там лишен свободы князем Владимиром Ольгердовичем, обвинившим его, согласно летописи, в том, что он пошел в Царьград ставиться в митрополиты без его повеления. Проведя полтора года в заточении, Д. скончался. Похоронен в Киево-Печерской лавре, «в пещере великого Антония, и есть тело его и донныне цело и не тленно», — записал летописец, по-видимому, в начале XV в. (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, с. 151).

Филарет (Обзор, с. 76—82) без каких-либо на то оснований считал Д. составителем *Измарагда*.

Изд. РИБ. СПб., 1880, т. 6. Памятники древнерусского капопического права. Ч. 1. (Памятники XI—XV вв.), № 24, с. 205—210; № 25, стб. 211—228; Казакова П. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв. М.; Л., 1955, с. 236—243.

Лит.: РИБ, т. 6, № 22, с. 191—198; № 23, с. 199—204; № 28, с. 233—236; Приложение, № 33, с. 193—228; Соколов Пл. Русский архиепией из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 487—541; Комарович В. Д. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 27—57; Прохоров Г. М. 1) Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972, т. 4, с. 77—104; 2) Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 77—98; 3) Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1979, с. 66—82, 172—176.

Г. М. Прохоров

Дионисий Звенигородский Луна (в миру Давид) (ум. 1538 г.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор послания митрополиту *Даниилу*, книголюб. Д. происходил из рода звенигородских князей, был сыном Владимира Глебовича. Он принял пострижение у самого игумена *Иосифа*, однако не был из числа тех его учеников, которые ревностно служили для упрочения монастыря и славы своего наставника. Видимо, его знатность позволяла проявлять некоторую независимость. Известным фактом его биографии является то, что он вместе с другим видным постриженником Иосифа *Пилом Полевым* оставил Волоколамский монастырь (по одним источникам против воли Иосифа, по другим — с его согласия) и несколько лет провел в скитах у «заволжских старцев». В 1511 г. они вернулись в Волоколамский монастырь. Поездка их закончилась скандалом — доносом на сторонников *Нила Сорского*. Все эти сведения известны из посланий Нила Полева, адресованных сподвижнику Нила Сорского *Герману Подольному* (Жмакин В. Нил Полев. — ЖМНП, 1881, № 8, с. 189—196) и из так называемого Письма о нелюбках, написанного неизвестным автором, в котором, со слов Нила Полева и Дионисия Звенигородского, описан конфликт, возникший между ними и «заволжскими старцами» (Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 366—369). Несколько разное истолкование известий этих двух источников, имеющих значение для освещения спора между нестяжателями и иосифлянами, имеется в ряде современных исследований, о них см. в кн.: Змиин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 114.

Каких-либо других следов деятельности Д. в церковно-политической борьбе не сохранилось; по всей видимости, он в ней не принимал участия и не занимал никаких административных постов, хотя и был в близких отношениях с митрополитом *Даниилом* (Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, с. 267). Никаких его литературных или публицистических произведений не сохранилось. Однако он безусловно принадлежал к числу лиц, не лишенных литературных интересов. Он состоял в переписке с митрополитом *Даниилом*, по его послания

не дошли до нас. Существование его письменного обращения к Даниилу устанавливается из ответного послания адресата, написанного в 1528 г., — «Писах еси ко мне в послании твоём. . .» (АИ, т. 1, № 293, с. 534—537). О связи его с митрополитом Даниилом говорит и то, что ему принадлежали рукописи, написанные Дашилом (Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 7).

Д. была собрана хорошая личная библиотека, которая потом перешла в монастырскую казну. В описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. перечислено 12 ему принадлежавших рукописей: Г е о р г и е в с к и й Т. В. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложение, с. 7—23. Известны следующие его рукописи: ГИМ, Енарх. собр., №№ 96, 348, 351, 405; ГБЛ, Волок. собр., №№ 459, 661. Д. не принадлежал к числу книгописцев-профессионалов. В отличие от многих других постриженников Волоколамского монастыря он не переписал ни одной книги для монастырского обихода. И большинство рукописей его личной библиотеки написаны разными писцами (их имена представлены в описи книг).

Однако, безусловно, подбор произведений для своих четьих сборников он делал сам. Наибольший интерес в этом отношении представляют два его сборника — Енарх. собр., № 405 и Волок. собр., № 661. Д. привлекают произведения разного плана — публицистические, исторические, литературные, при этом у него явно проявляется склонность к произведениям, только что увидевшим свет. Отметим, что переписанное в его сборнике *Прение живота и смерти* 3-й редакции — один из ранних сохранившихся списков. Он в свои сборники включает и сочинения, имеющие лично к нему отношение, — послание Нила Полева старцу Герману, родословие звенигородских князей (подробнее об этих сборниках см.: Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 206—207).

Хотя у нас нет возможности судить о Д. как о писателе, он безусловно принадлежал к числу лиц, близко связанных с писательской средой своего времени. Его ученик по Волоколамскому монастырю *Онуфрий Исаков*, видимо, перенял от своего учителя интерес к современным литературным произведениям, о чем свидетельствует состав его сборника Волок. собр., № 577, в конце которого сделана запись о кончине Д.

Р. П. Дмитриева

«Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Пустытника — переведенное на славянский язык около середины XIV в. и получившее распространение на Руси произведение византийского монаха XI в. Филиппа Монотропа («Пустытника», или, точнее, «Уединенника»). По-гречески Д. написана восьмистопным ямбом («политическим» стихом), переведена ритмической прозой; представляет собой композицию из сравнительно небольшого Плача, горестного обращения к собственной душе, содержащего

около 370 стихов («Плачеве и рыдания инокa грешна и странна, имже спирашася к души своей») и Диалога, разговора Души-госпожи и служанки-Плоти, разделенного на четыре части («слова»), каждая из которых включает более 1000 стихов. Композиции предпосланы три предисловия (Михаила Пселла, Константина Ивеста и самого автора), сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. Плач датирован 12 мая 1095 г., Диалог — 1097 г. В заключительном «Оглаголении яже к любозагорным» Филипп сообщает, что написал Д., будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран или пределов. Часть ученых считает, что имеется в виду русская Смоленщина, часть, что это места расселения славянского племени смолян в Македонии на Балканах. По содержанию Д. представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке и даже целых периодов текста, почерпнутых как из св. Писания и святоотеческой литературы (в частности, из «Лествицы» Иоанна Синайского), так и у античных мыслителей — Платона, Аристотеля, Плотина, Гиппократa, Галена (в XI в. Византия переживала своего рода «возрождение» — подъем интереса к античности). Свою задачу Филипп определяет как чисто литературную — перемену трудных для восприятия речей Писания «в удобь приятен вид».

Жанр «зеркала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, навеян ему был, возможно, появившимся в XI в. под названием *Стефанит и Ихнилат* греческим переводом индийской «Калилы и Димны». Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то Д. написана как «душезрительное зеркало» — занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в Д. ведут Душа и Плоть, похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); функционально это то же, что сквозной, или «рамочный», диалог «Калилы и Димны», «Тысяча и одной ночи». Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная со своей Плотью, по никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем полезном, теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «словеса наказательная»; Плоть охотно вступает в разговор и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников Д. вызывала, очевидно, недоумение своей литературной формой, ибо Михаил Пселл в своем предисловии обороняет Д. от нападок тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием чуждым как Ветхому, так и Новому заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования Д. (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции — того, в каком Д. перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к пенаученым», к таким же «невещам, яко же и аз. . .», а не убо к разумным, ни же к словесным,

ни к ветиям премудрым, ни же к учителем». В XIX—XX вв., в отличие от XI-го, Д. вызывает удивление не своей формой, а содержанием: ученых удивляет, что не душа учит плоть, а плоть душу, а также и то, чему она ее учит. Человек определяется в Д. как «животное смешанное»: вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, надежденное — подобно животным — способностью желать и впадать в ярость, но в то же время — властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, проявляет себя только в деятельности, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом.

Всего насчитывается более 50 греческих и около 160 славянских, в подавляющем большинстве русских, списков Д. Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как Д. (уступающим ей по количеству и объему сведений, но все-таки сопоставимым с ней ее предшественником из доступных на Руси сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, можно считать лишь «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского). Перевод Д. был сделан в середине XIV в., видимо, на Афоне или в Болгарии в среде монахов-исихастов (в монастыре Григория Синаита в Парории). Старейшие русские списки Д. относятся к концу XIV в. Д. активно использовали на Руси во второй половине XV в., ссылаясь на нее и приводя из нее выдержки, чтобы доказать несправедливость распротравившихся было ожиданий конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира». Переписывали Д. на Руси по XIX в. включительно.

Издание греческого текста Д. осуществлено врачом Спиридоном Лавриотом по одной афонской рукописи; экземпляров почти не сохранилось: 'H Δίοπτρα, 'Εν 'Αθήναις, 1920. Лат. пер. J. Pontanus Philipp Solitarii Dioptra: Ingolstadt, 1604 (PG, t. 127, col. 701—878). Отдельно издавался «Плач»: Augay Em. Les. «Pleurs» de Philippe le Solitaire. Paris, 1875; Schuckburgh E. S. The Soul and the Body. Cambridge, 1894 (с англ. пер.).

Изд.: ПЛДР. Кон. XV—1-я пол. XVI в. М., 1984, с. 68—151; Прохоров Г. М. Памятники переводной русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987, с. 200—285.

Лит.: Калайдович К., Строев П. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Ф. А. Толстова. М., 1825, с. 3, примечание; Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, с. 456; Порфирьев И. Я. Описание рукописей Соловецкой библиотеки, находящихся в Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 541; Филарет. Обзор, с. 17; Батюшков Ф. Д. Сказания о споре души с телом в средневековой литературе // ЖМНП, 1891, февраль, с. 326—342; Безобразова М. Заметка о Дипотре // Там же, 1893, ноябрь, с. 27—47; Sonn у A. Der Todesjahr des Psellos und die Abfassungszeit der Dioptra // Byzantinische Zeitschrift, 1894, Bd O, S. 602—603; Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южно-славянской и русской литературе // ИОРЯС, 1916, т. 21, кн. 2, с. 68—77; Mercati S. G. Di una recente edizione della Δίοπτρα //

Studi bizantini, 1927, t. 2, p. 293—294; Grumel V. Remarques sur la Dioptra de Philippe le Solitaire // Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd 44, N. 1/2, p. 198—211; W e n g e r A. Ciel ou paradis; Le séjour des âmes, d'après Philippe le Solitaire. Dioptra, livre IV, chap. X. // Ibid., p. 560—569; Соколов М. В. 1) Психологические воззрения в Древней Руси // Очерки по истории русской психологии. М., 1957, с. 43—69; 2) Борьба вокруг философско-психологических вопросов в России в XIV—XVI вв. // Из истории русской психологии. М., 1961, с. 24—50; Б а ч м а н о в В. С., П л о т н и к о в а А. К. К изучению философской мысли Древней Руси XI—XV вв. // Вестн. ЛГУ, № 5, Серия экономики, философии и права, 1965, вып. 1, с. 70—72; М и к л а с X. 1) Към въпроса за славянския превод на Филишповата «Диоптра» // Старобългарска литература. София, 1977, кн. 2, с. 169—181; 2) Поглед върху Филишповата «Диоптра» // Там же. София, 1978, кн. 3, с. 56—61; П р о х о р о в Г. М. «Диоптра» Филиппа Пустынника — «душезрительное зеркало» // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 143—166.

Г. М. Прохоров

Дмитрий Герасимов (Митя Малый) (ок. 1465 — после 1536 г.) — дипломат, переводчик. В юности учился в Ливонии, где приобрел знание немецкого и латинского языков; вероятно, в период обучения перевел латинскую грамматику Доната. Был переводчиком посольского приказа, в 1525 г. посетил Рим в качестве гонца великого князя. С пменем Д. Г. связан ряд литературных переводов, В 1500 г. вслед за *Власом Игнатовым* для архиепископа новгородского *Геннадия* он переводил надписания псалмов из немецкой Псалтири. И. Е. Евсеев приписывает Д. Г. и Власу перевод предисловий и пояснительных статей во всех частях Геннадиевской Библии. Несколькo позже, также по поручению новгородского архиепископа Геннадия, перевел с латинского антииудейские трактаты Николая де Лиры (1501 г.) и, возможно, Самуила Евреина (1504 г.); впрочем, некоторые исследователи атрибутируют последний перевод *Николаю Булеву*. Вместе с Власом Игнатовым принимал участие в переводе Толковой Псалтири *Максимом Греком*: Максим Грек переводил Псалтирь с греческого на латинский, Д. Г. и Влас — с латинского на русский. В 1530-е гг., по поручению новгородского архиепископа *Макария*, Д. Г. выполнил перевод с латинского Толкования на Псалтирь Бруно Вюрцбургского; к этому переводу он написал специальное послесловие, полностью напечатанное в «Описании рукописей Соловецкого монастыря. . .». Интересовался Д. Г. и вопросами иконописания — о них идет речь в его послании *М. Г. Мисюрю Мунехину* (напечатано А. В. Горским). Д. Г. является наиболее вероятным переводчиком «Письма Максимилиана Трансильвана» (секретаря императора Карла V), в котором дается описание путешествия Магеллана (первое издание на латинском языке вышло в Келье в 1523 г.). Д. Г. сыграл значительную роль не только в распространении в России знаний о Западе, по и на Западе о России. На основе бесед с Д. Г. во время его пребывания в Риме в 1525 г. итальянский писатель Паоло Джовио (Павел Иовий Новокамский) составил описание Московии, которое он включил в свою «Книгу о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Кли-

менту VII». В этой книге высказывается, в частности, мысль о том, что если от Северной Двины плыть по морю, держась правого берега, то можно достигнуть Китая. Таким образом, Д. Г. впервые в истории географических знаний высказал предположение о возможности использования Северного морского пути. Со слов Д. Г. итальянский картограф Батиста Аньезе составил также в 1525 г. одну из первых карт России (некоторые исследователи считают, что источником карты России Аньезе послужила русская карта, привезенная Д. Г.).

Изд.: Горский А. В. Максим Грек Святогорец // Прибавл. к изд. творений святых отцов. М., 1859, ч. 18, с. 190—192; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 150—151; Казакова Н. А., Катускина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 240—252.

Лит.: Соболевский. Переводная литература, с. 122, 186, 189—193; Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 248—266; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974, с. 70—84; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 81—83.

Н. А. Казакова

Дмитрий Зограф (2-я пол. XV в.) — переводчик. О нем известно из приписки к славянскому переводу ямбической поэмы византийского автора VII в. Георгия Писидийского «Шестоднев» (ср. *Шестодневы*): «В лето 6893 (1385) преведено бысть сие Слово святаго и премудраго Георгия Писида от греческих книг на русский язык Димитрием Зографом». Перевод не сохраняет стиха (количества слогов) оригинала, но его определенно можно назвать ритмизованным. Его язык, хотя перевод и назван русским, не отличается от языка переводов, сделанных в XIV в. южными славянами на Балканах, равно как и орфография славянского текста. И само прозвание переводчика, Зограф, известное у южных славян, позволяет допустить, что он был болгарин или сербом. Но при этом вполне возможно — и это объяснило бы слова приписки, — что работал он на Русь, куда попасть мог, например, в свите митрополита *Киприана*. Южнославянских списков «Похвалы к богу о сотворении всеа твари» (так поэма называется в переводе) неизвестно.

Изд.: Шляпкин И. А. «Шестоднев» Георгия Писида в славянском переводе 1385 г. СПб., 1882 (ПДПИ, т. 32).

Лит.: Шляпкин И. А. Георгий Писидийский и его поэма о миротворении в славяно-русском переводе 1385 г. СПб., 1890; История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 184—186.

Г. М. Прохорова

Дмитрий Федорович Лапшин (XVI в.) — дьяк, книгописец из Иосифо-Волоколамского монастыря. Первые известия о нем относятся к 1520 г. (при составлении купчей он упомянут как свиде-

тель — Иосифова монастыря дьячок Дмитрий Федоров сын). Судя по его подписям на грамотах — «Митька попов, Федоров сын, Лапшин», «Митя Федоров сын Смолнянинов» — надо думать, что он происходил из семьи священника из подмосковной деревни Смолняниново. С начала 40-х гг. XVI в. до начала 60-х он выступал в роли дьяка — систематически составлял грамоты для вкладчиков в Иосифо-Волоколамский монастырь. В эти же годы и позже он выполнял обязанности монастырского слуги — приказчика. Последним известием о Д. Л. является упоминание о сделанном им в ноябре 1583 г. вкладе в Иосифо-Волоколамский монастырь. Видимо, вскоре после этого он скончался. По данным синодика Иосифо-Волоколамского монастыря он перед смертью принял пострижение с инокеским именем Никодим.

Помимо выполнения упомянутых выше обязанностей дьяка Д. Л. трудился как переписчик рукописей. Его имя названо во всех трех описях XVI в. библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (опись 1545 г. опубликована в приложении к кн.: Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911; опись 1573 г. по рук. ГБЛ, ф. 79, № 37 опубл. в ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 1—16; опись 1591 г. — рук. ИРЛИ, р. IV, оп. 26, № 20). Судя по характеру записей, в которых повторяется одна и та же формулировка («письмо Дмитрея Лапшина» или «письмо Мити Лапшина»), он являлся профессиональным книгописцем, на протяжении многих лет переписывал рукописи и для монастыря, и по заказам частных лиц. Б. М. Клоссом установлено не менее 12 рукописей, в написании которых принимал участие Д. Л. Время написания их — от 40-х до 70-х гг. XVI в. Этот книгописец-профессионал работал под руководством видных деятелей иосифлянства: митрополита *Даниила*, архиепископа Новгородского *Феодосия*, *Евфимия Туркова*. Н. В. Сеницына обратила внимание на явно иосифлянскую тематику (защита монастырского землевладения) подбора произведений, которые переписывал Д. Л. (Сеницына Н. В. Рец. на книгу «Судные списки Максима Грека и Исака Собака» / Изд. Подг. Н. Н. Покровский, под ред. С. О. Шмидта. М., 1971 // ВИ, 1973, № 2, с. 155). Следует подчеркнуть его участие в литературно-книгописной работе, которую организовал митрополит Даниил: по заданию последнего им был переписан текст *летописи Симеоновской* (рук. БАН, 16.8.25). Д. Л. работал переписчиком систематически и профессионально: переписывал значительные по объему произведения (Толковая Псалтирь в переводе *Максима Грека*, «*Пандекты*» и «*Тактикон*» *Никона Черногорца*, Библия), а также делал копии одних и тех же произведений в нескольких экземплярах (в рук. ГБЛ, Волок. собр., № 522 и ГПБ, Q.1.214).

Лит.: К л о с с Б. М. О рукописях, написанных дьяком Дмитрием Лапшиным // АЕ за 1974 г. М., 1975, с. 136—142; З и м и н А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 167—169.

Р. П. Дмитриева

Досифей (кон. XIV—нач. XV в.) — архимандрит нижегородско-печерского Вознесенского монастыря, автор «Устава (или Правила) Святыя горы» и, по-видимому, «Чипа, како подобает пети 12 псалмов особь, их же пояху во дни и в нощи отцы пустыинни, о них же воспоминается в книгах отеческих и в житиях и мучениях многих», после названия «Чипа» сообщается: «Сей бо чин принесе от Святыя горы преподобный Досифей архимандрит печерский». Очевидно, имеется в виду нижегородско-печерский архимандрит. Раньше считали автором «Устава» и «Чипа» одного из киево-печерских архимандритов, но таковых с именем Д. неизвестно. «Устав» Д. представляет собой ответ на просьбу игумена Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой Пахомия (ученика и преемника умершего в 1392 г. основателя этого монастыря Дмитрия Прилуцкого) рассказать, что Д. видел и слышал на Афоне, чему его учили святые отцы, «како иноци держат правило в кельях своих», «како послушници живут». Д. сообщает, что «послушници живут по старцеве воли и благословенью, а братья живут — котории по своим кельям, — дръжат си правило равно от начала до конца живота своего». Д. объясняет, в чем состоит это правило и чем оно отличается от принятого в монастырях на Руси. Он особо подчеркивает, что святогорцы «дръжат молчание и бегают молвы, мятежа мирьского». По рукописи начала XV в. «Устав» опубликован Н. К. Никольским. «Чип» не опубликован, находится в рук. ГПБ, ОРК, О.І. № 18, л. 261—299.

Изд.: Никольский Н. К. Послание архимандрита печерского Досифея священно(иноку) Пахомию о святогорском уставе иноческого келейного правила // ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 2, с. 65—68 (то же в кн.: Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907, № 19, с. 141—144).

Лит.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 65—68.

Г. М. Прохоров

Досифей (кон. XV—нач. XVI в.) — игумен Соловецкого монастыря, автор одной из редакций *Жития Зосимы и Савватия*, книголюб. О Д. известно немного, и все, что дошло до нас о нем, связано с его литературно-просветительной деятельностью. Д. стал монахом Соловецкого монастыря при жизни игумена Зосимы (до 1478 г.) и был его учеником. После смерти Зосимы в Соловецком монастыре часто менялись игумены, Д. в очень непродолжительный срок занимал должность игумена (до 1483 г.) (Досифей, архим. Географическое. . . , ч. 1, с. 64). В дальнейшем, судя по дошедшему материалу, все его внимание сосредоточилось не на административно-хозяйственной деятельности, а на укреплении монастыря как культурного центра и утверждения памяти его основателей. Сохранилось свидетельство о том, что якобы сам Д. в 1478 г. написал первую икону с изображением Зосимы и Савватия (там же, с. 282). Однако в *Житии Зосимы и Савватия*

при описании чуда Зосимы, помогающего «на море стражующим человеком в беде», сообщает, что в монастыре не смели «держати до 30 лет по преставлении преподобнаго образа писати» (ВМЧ, Апрель, дни 8—21, стб. 549).

Д. является создателем одной из лучших и хорошо сохранившихся древнерусских библиотек. С этой целью он по крайней мере несколько лет провел в Новгороде, занимаясь организацией переписки книг для монастыря. Уцелело два перечня книг, переписанных специально для монастыря по инициативе Д. в 1493 и 1494 гг. Эти перечни включены в состав приписок к двум рукописям, тоже предназначавшимся для Соловецкого монастыря. К настоящему времени Н. Н. Розовым уточнен список сохранившихся книг, собранных стараниями Д. для монастыря. Д. положил начало созданию разносторонней по составу библиотеки своего монастыря. Содержание этих рукописей отражает известную широту взглядов Д., интерес его к церковно-полюемической тематике и к лучшим произведениям оригинальной русской литературы. Д. сам выбирал лучшие списки для переписывания, сам редактировал послесловия и делал вкладные приписки. Об отношении его к книгам как библиофила свидетельствует экслибрис, которым он метил свои книги. По мнению Н. Н. Розова, Д. в подборе книг для Соловецкой библиотеки находился под сильным воздействием церковно-полюемической и литературной деятельности новгородского архиепископа *Геннадия* и, по всей видимости, входил в число членов геннадиевского кружка.

О пребывании Д. в Новгороде и об общении его с архиепископом Геннадием известно из «Слова о сотворении Жития начальников соловецких», написанного Д. и дошедшего в составе Жития Зосимы и Савватия. Здесь Д. рассказал о том, при каких обстоятельствах было написано это Житие. При встрече Д. с архиепископом Геннадием в Новгороде последний уговорил Д. описать жизнь основателей Соловецкого монастыря. Д., уединившись, написал по памяти, что знал о Зосиме и Савватии. Сведения о Савватии и ранних годах жизни Зосимы были заимствованы им тоже по памяти из записок, сделанных в монастыре со слов «подруга» Савватия и Зосимы старца Гермапа, которые к этому времени уже были утрачены. Свой труд Д. не решился показать Геннадию. Через несколько лет, в 1503 г., он был в Ферапонтовом монастыре и уговорил проживавшего там в заточении бывшего митрополита *Спиридона-Савву* на основании своих записей переписать заново жизнеописание Зосимы и Савватия, что последний и сделал. До нас дошел наиболее ранний текст Жития Зосимы и Савватия только в редакции Спиридона-Саввы. В предисловии к другой редакции Жития, составленной тоже в XVI в., было высказано мнение о том, что труд Д. был написан «неухищренно», Спиридон же Житие «отчасти убо и добрословием украси» (Я х о п т о в. Житие. . ., с. 21).

Судить о писательской манере самого Д. мы имеем возможность только на основании его «Слова о сотворении Жития». В послед-

нем просто, четко и ясно описана история создания Жития. «Слово о сотворении Жития» дошло в двух видах (или редакциях), один из которых напечатан в ВМЧ и Р. П. Дмитриевой, а другой — Р. П. Дмитриевой. По мнению В. О. Ключевского, в большинстве списков оно представлено в поздней переделке, а первоначальный вид его сохранился в списке ГБЛ, Волок. собр., № 659 (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 202). И. К. Яхонтов оспорил это мнение и считал, что зависимость между текстами была обратной (Я х о н т о в. Житие. . . , с. 20). Для решения этого вопроса требуется проведение специального исследования не только «Слова» Д., но и всего текста Жития Зосимы и Савватия, в составе которого дошло «Слово». Для изучения писательской деятельности Д. Волоколамский сборник № 659 представляет особый интерес. Дело в том, что в нем переписаны еще два небольших произведения, посвященных Соловецкому монастырю — «Чудо Зосимы о иноци диаconi» и «Пророчество отца нашего Зосимы» (напечатано В. О. Ключевским). Автором последнего, написанного в 1510 г., по мнению В. О. Ключевского, мог быть Д. Это предположение В. О. Ключевского не лишено оснований. В целом рассказ посвящен описанию распрей в монастыре; начнется он со слов умирающего Зосимы, обращенных к автору рассказа, и далее рассказчик говорит о себе в первом лице. То же самое предсмертное обращение Зосимы имеется в Житии Зосимы, в той части, где повествование ведется от имени Д. — «Се аз. . . Дософей» (ВМЧ, Апрель, дни 8—21, стб. 589). Следует к тому же обратить внимание на то, что значительная часть статей Волоколамского сборника № 659, написанного в первой половине XVI в., судя по тематике, ведет происхождение из Новгорода, где в это время архиепископскую кафедру занимал иосифлянин *Макарий* (Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 215—216). Имея в виду, что в свое время Д. поддерживал связь с новгородским архиепископским домом, вопрос о происхождении статей о Соловецком монастыре в составе этого сборника заслуживает особого внимания. Только в редакции Волоколамского сборника «Слова о сотворении Жития» сообщается о том, что Д. привез и показал Гепнадию отредактированное Спиридоном Житие. Это случилось, по всей видимости, до июня 1504 г., когда Гепнадий был сведен с кафедры. Изложенные факты позволяют связывать происхождение статей о Соловецком монастыре в Волоколамском сборнике непосредственно с Д.

Только Филарет, ссылаясь на рук. собр. Царского, № 96, среди сочинений Д. называет еще «Похвальное слово Зосиме».

Видимо, последнее дошедшее до нас известие о Д. относится к 1514 г. В отводной грамоте Соловецкого монастыря, составленной в 1514 г., среди «лучших старцев» монастыря упомянут «бывший игумен Достофей» (Д о с и ф е й, архим. Географическое. . . , ч. 1, с. 66).

Изд.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 459—460; ВМЧ, Апрель, дни 8—21. М., 1912, стб. 586—589; Дмитриева Р. П. «Слово о сотворении жития началник соловецких Зосимы и Савватия» Досифея // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 123—136.

Лит.: Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. 2-е изд. М., 1853, ч. 1; Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, с. 13—32; Розов Н. Н. 1) Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 294—304; 2) Когда появился в России книжный знак // АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 88—91; 3) Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общей ред. Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 312—316; Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 г. М., 1971, с. 358—361; Бегунов Ю. К. Книгописная деятельность игумена Досифея // Die Welt der Slaven, Köln; Wien, 1972, Jhrg. 17, N. 2, s. 255—264; Шапов Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV—XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 85—90.

Р. П. Дмитриева

Досифей Топорков (Вощечников) (2-я пол. XV — после 1547 г.) — племянник *Иосифа Волоцкого* и его ученик, писатель и книгописец. Д. Т. прожил долгую жизнь: в 1485 г. он и его брат *Вассиан* уже были иноками и принимали участие в росписи только что отстроенной каменной церкви Успения в Волоколамском монастыре (Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 15—16), а последние литературные труды его относятся к 1545—1547 гг. В конце XV—начале XVI в. он, видимо, усиленно работал как монастырский книгописец-профессионал: в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. неоднократно упоминаются рукописи «Досифеева писма Вощечниковѧ» (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, с. 10, 12—14, 16, 18). В рук. ГИМ, Епарх. собр., № 174 имеется помета о том, что она написана «многогрешным иноком Досифеем» «по благословению отца игумена Иосифа». В 1510-х гг., видимо, после смерти Иосифа (1515 г.), Д. Т. некоторое время проживал в Пафнутьевом монастыре; сохранились также сведения, что в 1520-е гг. он жил в Симонове монастыре и имел там общение с *Вассианом Патрикеевым*. На суде 1531 г. он выступил свидетелем против *Вассиана* (его показания опубликованы в кн. Н. А. Казаковой). Последний на том же суде отзывался о нем следующим образом: «Старец великой, доброй, у меня в кельи бывал многожды». Это свидетельствует о том, что *Вассиан* ценил Д. Т. как интересного собеседника, хотя они и являлись идейными противниками. К концу жизни у Д. Т. установились тесные связи с *Савватиевым* тверским монастырем, куда он сделал ряд значительных вкладов, в том числе завещал список *Хронографа*, который был переписан по его собственному заказу в 1538 г. для личного пользования (в настоящее время разделен на две части — ГПБ, F.IV.178 и собр. ОЛДП, F.97, а печальные листы с автографом Д. Т. находятся в рук. ГИМ, собр. Уварова, № 356).

Если справедлива гипотеза А. Д. Седельникова, развитая и уточненная Б. М. Клоссом, то ранней из известных нам работ Д. Т. окажется *Хронограф Русский*. А. Д. Седельников предполагал, что Д. Т. выступал как редактор одной из переделок Хронографа, которую мы знаем как редакцию 1512 г. Но после того как О. В. Творогов и Б. М. Клосс доказали, что эта редакция и есть первоначальная редакция памятника, стало возможным говорить о Д. Т. как составителе Русского хронографа, над которым он работал, по предположению Б. М. Клосса, в 1516—1522 гг. Характеризуя этот памятник, О. В. Творогов отмечает «необычайную эрудицию составителя Хронографа, его неутомимость в разыскании и подборе источников и высокое литературное мастерство, позволившее создать на их основе повествование безупречной композиции и — насколько это оказалось возможным — даже единого стиля» (Т в о р о г о в. Древнерусские хронографы, с. 187). Свою непосредственную связь с иосифлянством автор Хронографа отметил в предисловии — в «Изложении о вере», мысли и выражения из которого были использованы им на суде против Вассиана Патрикеева (С е д е л ь н и к о в. Досифей Топорков и Хронограф, с. 762—763). С деятельностью Д. Т. по составлению Русского хронографа следует связывать упоминания в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. о списках в «перевод» Д. книги Бытия и «Криницы» (какой-то хронографической компиляции типа *Хроники Георгия Амартола*). По мнению А. Д. Седельникова (там же, с. 768), слово «перевод» надо воспринимать как «текстуальную справку», но проводимую шире и свободнее стилистически.

В 1528—1529 гг. Д. Т. по поручению архиепископа новгородского *Макария* работал по исправлению перевода патерика Синайского. Некоторые списки патерика сохранили приписку Д. Т., в которой он называет себя «Досифеос Осифитие». По мнению И. М. Смирнова, Д. Т. не занимался правкой текста в соответствии с греческим оригиналом, а делал пересказ патеричных повестей в более доступной форме для древнерусского читателя (С м и р н о в. Материалы. . . , с. 189). Текст патерика, правленный Д. Т., был включен в *Великие Минеи Четии* под 30 июня. В дальнейшем опыт работы над Синайским патериком Д. Т. использовал в своем собственном сочинении — *Патерике Волоколамском*, предисловие которого имеет много совпадений с послесловием в *Патерике Синайском* (там же, с. 179). А. Д. Седельников не без оснований склонен считать «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии от землетрясения в 1542 г.» запись устного рассказа, сделанной Д. Т. или по крайней мере по его инициативе (С е д е л ь н и к о в. Досифей Топорков и Хронограф, с. 772—773). «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии» не издано (рук. ГБЛ, собр. Музейное, № 1257, л. 425—428). Последними литературными трудами Д. Т., написанными примерно в 1545—1546 гг., являются Волоколамский патерик («Сказание о русских пустынножителях») и «Слово падгробное» Иосифу Волоцкому. Краткое

«Слово надгробное» содержит редкие биографические сведения об Иосифе Волоцком, однако автор не всегда точен (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 292).

А. Д. Седельников (Досифей Топорков и Хронограф, с. 772—773) считает, что главной идеей в творчестве Д. была идея провиденциализма, которая связывает между собой наиболее значительные произведения этого автора — Хронограф и Волоколамский патерик.

Изд.: Слово надгробное Иосифу Волоцкому / Изд. К. И. Невоструевым. М., 1865 (отд. отт. из ЧОЛДП); Волоколамский патерик. Сергиев Посад, 1915 (Семинарий по древнерусской литературе Московских женских курсов, № 5); ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1 (Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г.); Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960, с. 296—297.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 293—295; С м и р н о в И. Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита Макария // БВ, 1916, № 5, с. 163—189, № 6, с. 275—291; С е д е л ь н и к о в А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Изв. АН СССР. Сер. 7. Л., 1929, № 9, с. 755—773; Т в о р о г о в О. В. 1) К истории жанра хронографа // ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 203—220; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 31—43, 160—194, 205—207; К л о с с Б. М. Никонский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 168—169.

Р. П. Дмитриева

Е

Евдоким (Евдокимица) (кон. XVI—нач. XVII в.) — грамматик, автор труда «Книга, глаголеемая Простословия, некнижное учение грамоте, избрана некоторою безнадежною сиротою, скитающеюся бес покоя, Евдокимищем препростом. В сей же настоящей книзе беседует первое о грамоте и о ея строении, потом о букве и о буквенных писмянех, еще же о слозех писмянных и о всех пристоящих к тому». У нас нет сведений об авторе «Простословия». Глухие намеки на судьбу Е. можно усмотреть в «Предисловии» к его грамматическому труду, но при этом нельзя забывать риторическую условность манеры, в которой оно написано. Е. начинает его с объяснения названия своей книги «Простословие» и своего прозвания «Евдокимища препростой»: «. . . есмь препрост. . . и есмь от детства моего ненавычен изяществу, и того ради невеждствие облада мя, и познах много прегрешений, и сего ради постигоша мя многы беды и различны скорби». Согласно «Предисловию», претерпев различные многочисленные «скорби. . . от лихоимец», он в результате «. . . несказанного. . . и безгодного гоненна от враг, всего лишен бых, отечества своего, и стяжания,

и своих трудов, напоследок же и здравия своего отсах, толико единого бога не отсах» (Я г и ч. Рассуждения. . . , с. 917). По-видимому, труд по созданию грамматики Е. предпринял уже в конце жизненного пути, принадлежа духовному званию.

Когда, где и как работал Е. над своим грамматическим трудом и создал ли еще что-нибудь кроме него, неизвестно. Вслед за И. В. Ягичем можно лишь предполагать, что книжная деятельность Е. была связана с московским Чудовским монастырем, откуда исходил древнейший список «Простословия».

В «Предисловии» к своей книге Е. пишет, что основной своей задачей он считал создание краткого и доступного для быстрого освоения практического руководства по грамматике: «. . . ищущим разума и требующим ума предложих некнижное учение грамоте вкратце, учредих е разумне ради скорого учения и для искуснейшаго умения книжнаго» (Я г и ч. Рассуждения. . . , с. 918).

Согласно наблюдению И. В. Ягича, «Простословие» Е. известно в двух вариантах (редакциях?), представленных тремя списками и несколькими отрывками текста. Первоначальный вариант сохранился в двух списках, в том числе древнейшем списке московского Чудовского монастыря (ГИМ, Чуд. собр., № 236—34, л. 116—138), который датируется 1589—1600 гг.

И. В. Ягич отмечает, что грамматический труд Е. носит компилятивный характер и состоит из двух частей: фонетико-орфографической и морфологической. Первая часть «Простословия» отличается «некоторой самостоятельностью» и носит следы определенной переработки статей грамматического содержания (ряд их исследован и опубликован И. В. Ягичем в главе VII его «Рассуждения. . .»). Вторая часть наименее оригинальна и почти полностью заимствована из русского перевода латинской грамматики Доната. И. В. Ягич выражает сомнение в принадлежности второй части «Простословия» Е. Это сомнение основывается на том, что в третьем (Тихонравовском) списке вторая часть полностью отсутствует, а в списке Уварова представляет собой просто текст перевода грамматики Доната без переработок, и лишь в древнейшем Чудовском списке содержит некоторые сокращения перевода Доната и его исправления. Однако характер исправлений источника в Чудовском списке (где учение латинской грамматики о двух числах заменяется — соответственно греческой грамматике — учением о трех числах) позволил ученому остановиться все же на предположении о принадлежности Е. обеих частей «Простословия».

Второй, согласно И. В. Ягичу, более поздний по времени возникновения, вариант (редакция) «Простословия» представлен списком середины XVII в. из собрания Тихонравова. Тихонравовский список текстуально почти полностью совпадает с первоначальным вариантом «Простословия» Е. От первоначального текста он отличается отсутствием второй части грамматического труда, заменой «Предисловия» Е. новым введением и заглавием, а также включением на особой странице, предваряющей

текст «Простословия», анаграммы, при расшифровке дающей иное имя автора — «Боголеп». Второй вариант «Простословия» озаглавлен: «Книга, глаголемая Простословия, сиречь Азбуковник словенскаго языка, ея же изложиша мнози премудрии и духоноснии мужие в обителех. . .».

И. В. Ягич допускает возможность, что оба имени, как имя мирское и монашеское, могли принадлежать одному и тому же лицу, но не исключает также и другой возможности, что Боголеп «воспользовался трудом своего собрата Евдокима» (Ягич. Рассуждения. . ., с. 915). Кроме того, исследователь считает возможным и случайный характер появления в Тихонравовском списке загадки с этим именем как грамматического упражнения (оно встречается в ряде рукописей начала XVII в., напр., ГПБ, Q.XVI.1, л. 134 об. — 1623 г.).

В рукописях встречаются и отрывки из сочинения Е. — например, в том же Тихонравовском сборнике на л. 7 (опубликован И. В. Ягичем под № 6) и дважды в тексте «Написания языком словенским о грамоте и о ея строении. . .» (Ягич. Рассуждения. . ., с. 655, 659).

И. В. Ягич издал «Простословие» Е. по Чудовскому списку с привлечением двух других рукописей.

Изд.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895, т. 1, с. 634—635, 687, 912—949.

Лит.: Б у д о в н и ц. Словарь, с. 67.

Н. Ф. Дробленкова

Евфимий I (Емелиан) Брадатый (ум. 1 XI 1428 г.) — архиепископ Новгородский, автор Исповедания веры и грамоты псковскому духовенству. Избран в архиепископы по жребию из иеромонахов повгородского Деревяницкого монастыря в 1423 г., рукоположен спустя год в Москве митрополитом *Фотием*, тогда и был наречен новым иноческим именем Е. *Летописи Новгородская II* и *Новгородская III* сообщают, что до епископского избрания Е. был «духовником владычным», т. е. духовником архиепископа (предшественником Е. на повгородской кафедре был *Симеон*). Кроме сказанного, по новгородским летописям о Е. известно также, что он «постави церкву в Новеграде па един день за олтарем святыа Софиа, святыи Спас Милостивый» и что в 1427 г., когда литовская рать стояла у Порхова, архиепископ ездил с новгородскими посланниками на переговоры к литовскому великому князю Витовту и заплатил в качестве выкупа за русских пленников 6000 рублей из своей казны. Брадатый Е. назван в *НПЛ*, современники явно имели в виду большой подбородок Е. Исповедание веры (нач.: «Емелиан, священноинок, милостию божнею нареченный в святейшую епископию новгородскую, се пишу рукою своею и разумом своим. . .») Е. написал при поставлении в архиепископы (напечатано в ААЭ). Оно включает Символ веры, обещания соблюдать «церковный мир», повинуюсь во всем митрополиту Фотию, обере-

гать порученное ему стадо «от всякаго зазора лукаваго», не делать ничего «по нужи» «ни от царя или от князя великаго, или от князей многих», не желать иного митрополита, «разве кого поставят из Царяграда», не позволять никому из своей паствы «к арменом свадьбы творити, и кумовства, и братства, такоже и к латином». Судя по опубликованным спискам Чина избрания и поставления в епископы, Е. дословно воспроизвел текст епископского Исповедания веры, представляющего собой традиционную составную часть названного Чина (ср.: ААЭ, т. 1, № 375, с. 467—473; Павлов. Памятники древнерусского канонического права, № 52, стб. 451—455).

От 1426 г. дошла грамота Е. (опубликована А. С. Павловым) псковскому духовенству об игуменах, попах и дьяконах, приходящих в новгородскую епархию «от иных стран с Русской Земли или из Литовской Земли» («А се о прихожих попех с грамотою отпустною или без грамоты», нач.: «Благословение преосвященного архиепископа Великого Новгорода, владыки Еуфимиа в дом святей живоначалней Троице в град Псков. . .»), содержание которой составляет повеление не принимать без отпустной и ставленной грамот лиц духовного звания, приходящих из соседних епархий. Эта грамота была включена в июльскую книгу *Великих Миней Четвиц Макария* (см. археографические примечания к изданию А. С. Павлова).

Изд.: ААЭ. СПб., 1836, т. 1, № 370, с. 463; АИ. СПб., 1841, т. 1, № 31; Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб.: 1908 (РИБ, т. 6), № 54, стб. 473—476.

Лит.: ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. 110, 140—141, 183, 238; СПб., 1848, т. 4, с. 120, 121, 203—206; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 35; Филарет. Обзор, с. 105—106; Голубинский И. История церкви. М., 1900, т. 2, 1-я пол. тома, с. 409.

Н. В. Понырко

Евфимий Турков (в миру **Елеазар Иванович**) (ум. 1587 г.) — игумен Волоколамского монастыря, писатель, книгописец, один из наиболее активных организаторов и составителей документации письменных материалов Волоколамского монастыря второй половины XVI в. Сохранились наиболее важные факты биографии Е. Т. Постригшись в Волоколамском монастыре в июле 1551 г., о чем он сам и сообщил (см. в рук. ГБЛ, Волок. собр., № 412, л. 119), Е. Т. был отдан под начало бывшего новгородского архиепископа *Феодосия*; служил ему до его кончины в 1563 г. В 60-х гг. стал уставщиком, а с 1575 и до смерти был игуменом Волоколамского монастыря. В своей духовной он рассказал о том, как по просьбе братии монастыря сам *Иван IV* склонил его занять этот пост.

Под руководством Е. Т. и при непосредственном его участии было составлено несколько документально-деловых произведений, имеющих значение для истории разных видов деятельности:

монастыря. В 1573 г. он вместе с книгохранителем Пафнутием Рыковым составил новую опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря (рук. ГБЛ, собр. Горского, № 37, содержание описи изложено П. Казанским: Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 1—16). Находясь в должности уставщика, Е. Т. составил «Список старой кормовой», в который были внесены имена вкладчиков в монастырь (рук. ГИМ, Епарх. собр., № 1/6), затем им же этот список был заменен новым (рук. ГИМ, Епарх. собр., № 15/675). В 1584—1585 гг. он вновь обратился к этим материалам и на их основе составил особые записные книги (рук. ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 482). Значительным трудом Е. Т. является Обиход монастырский (или Устав), в котором даны подробные сведения о распорядке монастырской жизни. Он сохранился в нескольких экземплярах, в том числе список, относящийся ко времени составления обиходника (1578 г.) в рук. ГИМ, Синод. собр., № 829, написан самим Е. Т. (Щекина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 51). О записных книгах и обиходнике см.: Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 8—9; 3 и м и н. 1) Рукописи Евфимия Туркова. . . , с. 138; 2) Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1977, вып. 38, с. 19—20.

Е. Т. в пределах монастыря занимался разными видами книгописной деятельности. Он переписывал рукописи: так, в дополнениях к описи книг 1545 г. сообщается, что в 1571 г. им были даны вкладом 7 книг, из них четыре были написаны его рукою (Горский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложение, с. 22—23); вместе с Иеремиею, другим учеником Феодосия, Е. Т. переписал рук. ГБЛ, Волок. собр., № 514, его рукою написана рук. ГИМ, Епарх. собр., № 256; правил он и тексты в монастырских рукописях по более исправным спискам, об этом имеется запись в рук. ГБЛ, Волок. собр., № 133; соблюдая монастырскую традицию, Е. Т. следил за составлением сборников своих учеников, например в сборнике ГБЛ, Волок. собр., № 512 его ученика *Левкеи Аишева* отмечено — «благословение Евфимия», здесь же имеется и автограф Е. Т. Личные его сборники (ГБЛ, Волок. собр., № 412 и № 572, ГИБ, Q.XVII.50) по подбору в них произведений характеризуют Е. Т. как одного из книжных людей Волоколамского монастыря, наиболее последовательно соблюдающих традиции литературно-образовательного круга иосифлян (см.: Дмитриев Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 212—215). Один из своих сборников (XVII.50) Е. Т. сопроводил предисловием, написанным в полемическом тоне, с упоминанием каких-то своих идейных противников. В предисловии сообщается, что Е. Т., став игуменом, постарался собрать сочинения своих учителей и уважаемых современников. Предисловие опубликовано в кн. «Послания Иосифа Волоцкого».

В составе перечисленных сборников дошла до нас значительная часть литературного творчества самого Е. Т. Он переработал ряд произведений, посвященных *Иосифу Волоцкому*. Отредактировав и поместив в своем сборнике (ГБЛ, Волок. собр., № 572, л. 40—61 об.) текст «Надгробного слова Иосифу Волоцкому», Е. Т. указал при этом, что автором его является *Досифей Топорков* (З и м и н. Рукописи Евфимия Туркова. . ., с. 136). Когда было установлено местное почитание Иосифа Волоцкого в 1578 г., Е. Т. предпринял переработку его жития, написанного ранее Саввою Крутицким (П о п о в Н. Саввию житие Иосифа Волоцкого в переделке XVI в. // Библиогр. летопись, 1914, вып. 50, с. 59—71). Как предполагает А. А. Зимин, позднее на основании этих материалов им же было заново написано житие основателя Волоколамского монастыря; сохранилось в рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 324 (З и м и н. Рукописи Евфимия Туркова. . ., с. 136). Значительно раньше, видимо сразу после смерти Феодосия (1563 г.), Е. Т. составил записку о последних днях своего учителя; она была переписана самим автором в сборнике Левкеи Аишева (рук. ГБЛ, Волок. собр., № 512, л. 213). Здесь же он записал известия о взятии Полоцка в феврале 1563 г. (среди духовенства в походе на Полоцк участвовали иосифляне).

Пожалуй, наибольший интерес в литературном плане представляют произведения Е. Т., включенные в составленный им Канонник (ГБЛ, Волок. собр., № 412). После наиболее важных общепотребительных церковнослужебных канонов здесь помещены сначала служба его патрону, святому Евфимию, а затем служба Иосифу Волоцкому. Далее следуют произведения самого Евфимия (в черновом виде, с пометами и правкой): 1) духовная грамота, 2) предсмертная исповедь, 3) канон на исход души, 4) канон за друга умершего, 5) в виде летописных записей краткие некрологи лиц, живших в монастыре во время его игуменства (последнее произведение частично опубликовано В. О. Ключевским). Литературное творчество Е. Т. Ключевский охарактеризовал следующим образом: «Евфимий пишет просто, но его изложение проникнуто теплым чувством и обличает в авторе литературный талант» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 297).

Самому Е. Т. посвятил краткий некролог его ученик Левкия Аишев (рук. ГБЛ, Волок. собр., № 213, л. 491).

Изд.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 415—416; К у н ц е в и ч Г. Феодосий, архиепископ повгородский (1451—1563): (Его «Житие») // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899—1900. СПб., 1900, с. 1—14; Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текстов А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 109—110.

Лит.: Ст р о е в. Словарь, с. 98—99; Ф и л а р е т. Обзор, с. 225; З и м и н А. А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 136—139.

Р. П. Дмитриева

Елена Ивановна (1476—1513 гг.) — дочь великого князя *Ивана III Васильевича*, великая княгиня Литовская (с 1494 г.), королева Польская (с 1501 г.). По условиям мира 1494 г. между Русским и Литовским государствами, Е. И. была выдана замуж за литовского великого князя Александра; Александр обязался сохранить за женой веру ее отцов — «греческий закон» (православие). Это условие делало Е. И. центром притяжения всех православных (западнорусских) элементов в Литве; в 1499 г. именно принуждение Е. И. к переходу в «латинство» (и переход православных феодалов в Москву) явилось поводом к русско-литовской войне. После смерти Ивана III и мужа Е. И. Александра ее брат *Василий III* (заявивший в 1505 г. русский престол) пытался с ее помощью занять литовский престол; воцарение в Литве и Польше Сигизмунда I не замедлило сказаться на судьбе вдовствующей королевы. В 1512 г. она предприняла неудачную попытку «отъехать» в Москву, была арестована и вскоре умерла — по-видимому, насильственной смертью.

Памятниками литературного творчества Е. И. были ее послания отцу, матери и братьям в 1501 г., во время русско-литовской войны и связанных с нею дипломатических переговоров. Необычный характер этих посланий, написанных, по словам Е. И., «з великие беды своя и жалости сердечные» и призывающих прекратить «крови христианское розлитие» и восстановить прежнюю «любовь и дружбу», побуждал многих исследователей видеть в них своеобразный «человеческий документ» — «излияния» «печального сердца» Е. И. Однако послания эти, как выясняется из польских материалов, были написаны Е. И. как дипломатический документ — по прямому указанию ее деверя, кардинала Польши Фридриха. Более того, в устном заявлении, конфиденциально переданном Ивану III личным послом Е. И., опровергалось все то, о чем она писала в посланиях * — вопреки ее заявлениям в послании, она указывала, что терпит притеснения веры от того самого кардинала Фридриха, по поручению которого писала отцу, и от свекрови — вдовствующей королевы. Е. И. просила даже, чтобы Иван III взял от Александра специальную грамоту о неприкосновенности ее «греческого закона» и о получении наследства от свекрови.

Написанные по поручению польских правителей с определенной политической целью послания Е. И. заслуживают особого внимания потому, что использованные в них средства эмоционального воздействия прямо осознавались автором как литературные приемы. Лирические жалобы «служебницы и девки» Ивана III, как именовала себя Е. И., обнаруживают явную и искусную стилизацию под фольклор — они во многом напоминают обрядовые и особенно бытовые «причеты»: «в чем бых отцу своему згрубила, или пред тобою согрешила. . .». Похоронную «причеть» напоминают и слова Е. И.: «Лучше ми было под ногами твоими, государя моего, умерети. . .». Послания Е. И. остаются блестящим примером того литературного мастерства, которое русские писа-

тели XV в. обнаруживали даже в чисто дипломатической переписке.

Изд.: Сборник русского исторического общества. СПб., 1882, т. 35 (2-е изд. 1892), с. 368—376, 421—422, 453.

Лит.: Елагин Н. Елена Иоанновна, великая княгиня Литовская и королева Польская // ЖМНП, 1846, № 4, отд. 2, с. 61 и 96; В а г т о с з е в и с з J. Helena Iwanowna, żona Króla Alexandra Jagellonczyka. 1847; Церетел и Е. Елена Иоанновна, великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. СПб., 1896; Л у р ь е Я. С. Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская как писатель-публицист // Canadian-American Slavic Studies, 1979, vol. 13, N 1—2, p. 111—120.

Я. С. Лурье

Епифаний (кон. XIV—нач. XV в.) — инок, автор «Сказания о пути к Иерусалиму». «Сказание» существует в ряде списков XVI—XVIII вв. и представляет собой просто краткий перечень пунктов и расстояний между ними на пути из Великого Новгорода через Царьград, Афон и острова до Иерусалима. Архимандрит Леонид предполагал, что автор «Сказания» — *Епифаний Премудрый*; и указывал на 1415—1417 гг. как на возможное время его паломничества. Затем он установил факт заимствования большей части текста «Сказания» из «Хождения» архимандрита Грефения, написанного в 1370-е гг. (см. *Агрефений*) и пришел к выводу, что Епифания Премудрого «следует исключить если не из паломников, то из паломников-писателей». К.-Д. Зеeman допустил, что странное имя Грефений (архимандрит Леонид пытался его прочесть как Агрефений) есть искажение имени Епифаний. В таком случае можно думать, что «Сказание» и «Хождение» по-разному отражают одни и те же путевые заметки некоего архимандрита монастыря пресвятой Богородицы Епифания. С Епифанием Премудрым, считает К.-Д. Зеeman, у этого автора нет ничего общего. У «Сказания» инок, чем у «Хождения», начало: в «Хождении» сначала указываются расстояния от Москвы и Твери до Смоленска, от Смоленска до Мипска, далее — без связи с Минском — от Великого Новгорода до Лук, от Лук до Витебска, оттуда до Дрютска, от Дрютска до Слуцка, после чего идет Белгород, а затем Царьград; в «Сказании» же дорога начинается Великим Новгородом и идет через Великие Луки, Полоцк, Минск, Малый Слуцк, Великий Слуцк и лишь потом — так же, как в «Хождении» Агрефения. Так что не исключено, что некий Е., возможно Епифаний Премудрый, совершил паломничество в Святую землю после 1370 г. и воспользовался для своего итинерария уже существующим «Хождением» какого-то автора, имя которого дошло до нас в искаженной форме.

Изд.: Леонид, архим. Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму // ППС. СПб., 1887, вып. 15 (т. 5, вып. 3).

Лит.: Леонид, архим. Хождение архимандрит Агрефенья обители пресвящия Богородица около 1370 г. // ППС. СПб., 1896, вып. 48 (т. 16, вып. 3); S e e m a n К.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976, S. 139, 203.

Г. М. Прохорова

Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV—1-я четв. XV в.) — инок Троице-Сергиева монастыря, автор житий и произведений других жанров. Сведения о Е. П. извлекаются только из его собственных сочинений. Судя по одному из них — «Слову о житии и учении» Стефана Пермского, — можно думать, что Е. П., как и *Стефан Пермский*, учился в ростовском монастыре Григория Богослова, так называемом Затворе, славившемся своей библиотекой: он пишет, что нередко «спирахся» со Стефаном о понимании текстов и бывал ему иногда «досадитель»; это наводит на мысль, что если Стефан и был старше Е. П., то ненамного. Изучал же там Стефан славянский и греческий языки и в итоге мог по-гречески говорить. Огромное в сочинениях Е. П. количество по памяти приведенных, сплетенных друг с другом и с авторской речью цитат и литературных реминисценций показывает, что он прекрасно знал Псалтирь, Новый завет и ряд книг Ветхого завета и был хорошо начитан в святоотеческой и агиографической литературе (см. об этом в кн. В. О. Ключевского на с. 91—92); по приводимым же им значениям греческих слов видно, что и он в какой-то мере выучил греческий язык (немаловажно в этом отношении то, что, согласно *Повести о Петре, царевице ордынском*, в Ростове церковная служба велась параллельно на греческом и русском языках).

Из надписанного именем Е. П. Похвального слова Сергию Радонежскому следует, что автор много путешествовал и побывал в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме. Но поскольку составленного Е. *Жития Сергия Радонежского* касался в XV в. *Пахомий Серб*, не исключено, что слова о путешествиях принадлежат ему; однако же стилистически это «Слово» родственно произведениям Е. П., и никаких иных причин думать, что в него вторгался со своим пером Пахомий, нет.

Архимандрит Леонид предполагал, что до нас дошло написанное Е. П. указание пути к Иерусалиму, имея в виду «Сказание», надписанное именем *Епифания* «мниха». Позднее выяснилось совпадение большей части текста этого памятника с «Хождением» *Агрефения*. Не исключено все же, что Епифанием, совершавшим паломничество в Святую землю после 1370 г. и воспользовавшимся для своего «Сказания» незадолго до того написанным «Хождением» Агрефения, был именно Е. П. (странным только для Е. П. кажется начало пути из Великого Новгорода). Ф. Китч допускает, что Е. П. побывал на Афоне еще до написания Слова о житии и учении Стефана Пермского, потому что в приемах «плетения словес», свойственных этому произведению, чувствуется знакомство автора с произведениями сербских и болгарских агиографов XIII—XIV в. (но она не исключает и того, что Е. П. мог познакомиться с ними в Ростове).

В заглавии Похвального слова Сергию Радонежскому Е. П. назван «учеником его». Пахомий Серб в послесловии к Житию Сергия говорит сверх того, что Е. П. «много лет, паче же от самого возраста юности», жил вместе с Троицким игуменом. Более опре-

деленно можно сказать только, что в 1380 г. Е. П. был в Троице-Сергиевой лавре и был тогда уже взрослым, грамотным, опытным книжным писцом и графиком, а также склонным к защите летописного характера наблюдательным человеком: сохранился написанный им там в это время Стихирарь — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 22 (1999) — с целым рядом содержащих его имя приписок, в том числе о происшествии 21 сентября 1380, тринадцатого дня после Куликовской битвы (приписки изданы И. И. Срезневским).

Когда умер Сергей Радонежский (1392 г.), Е. П. начал делать записи о нем. Видимо, в 90-х гг. Е. П. переселился в Москву. Но весной 1395 г., в момент смерти в Москве Стефана Пермского, он отсутствовал там. Написанное как будто под свежим впечатлением от смерти Стефана Пермского «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» принято датировать 1390-ми гг. Но твердых оснований для такой датировки, исключаяющей начало XV в., нет. Е. П. пишет, что он старательно повсюду собирал сведения о Стефане и составлял собственные воспоминания. Эти свои расспросы Е. П. вел и писал, очевидно, в Москве, в Пермь не ездя (иначе, я думаю, он об этом сказал бы). Себя он называет в тексте «худым и недостойным убогим иноком», «иноком списающим», в позднейшем же заглавии назван «преподобным в священноиноках»; так что возможно, что в священники он был рукоположен позже написания «Слова о житии и учении» Стефана Пермского. Е. П. отмечает, что взялся за работу над этим «Словом» с большой охотой, «желанием обдержим. . . и любовью подвигаем», что и подтверждает очень живая и хроматически богатая тональность произведения и авторская щедрость на разные, казалось бы, необязательные экскурсы (например, о месяце марте, об алфавитах, о развитии греческой азбуки). Местами в его тексте сквозит ирония (над собой, над церковными карьеристами, над волхвом Памом). В свою речь и в речь своих персонажей, в том числе язычников, Е. П. обильно вкладывает библейские выражения.

Всего в «Слове о житии и учении» Стефана Пермского насчитывается 340 цитат, из которых 158 — из Псалтири. Иногда Е. П. составляет очень длинные цепи из одних цитат. Замечено (Ф. Вигзелл), что цитирует он при этом не буквально точно, по памяти, не боясь изменять грамматическое лицо, если это ему зачем-то нужно, и свободно приспособливать цитируемый текст к своему ритму речи, не поступаясь, однако же, его смыслом. Иногда в тексте Е. П. встречаются как бы пословицы («Видение бо есть вернейши слышания», «аки на воду сея»). Во вкусе Е. П. игра словами вроде «. . . епископ „посетитель“ наричется, — и посетителя посетила смерть». Он очень внимателен к оттенкам и смысловой, и звуковой, музыкальной стороны слова и иногда, будучи как бы остановлен каким-то словом или вспыхнувшим чувством, вдруг пускается в искусные вариации на тему этого слова и как бы не может остановиться. Образцы такого рода риторических

вариаций, восходящих к античному приему «Горгниовой схемы», Е. П. мог видеть как в переводной литературе, так и в оригинальной южнославянской (например, в Житии св. Симеона, написанном в XIII в. сербом Доментианом, и в произведениях так называемой тырновской школы патриарха Евфимия).

Е. П. пишет о себе — конечно, риторически-самоуничижительно — как о неуче с точки зрения античной образованности, но широкое использование им восходящих к античности приемов искусства слова показывает, что он прошел хорошую риторическую школу либо в ростовском «Затворе», либо у южных славян, либо в Византии у греков. Используя, например, прием гомеотелевтона (созвучия окончаний) и гомеоптотона (равнопадсжья), откровенно ритмизуя при этом текст, он создает без всякого перехода от обычной прозы, в прозаическом окружении, периоды, приближающиеся, на современный взгляд, к стихотворным. Такого рода панегирические медитации (В. П. Зубов, О. Ф. Коновалова сравнивают их с книжным художественным орнаментом) находятся обычно в тех местах, где речь касается чего-то, возбуждающего у автора чувство вечного, невыразимое обычными словесными средствами. Подобные периоды бывают перенасыщены метафорами, эпитетами, сравнениями. Причем при сравнениях (отмечает О. Ф. Коновалова) имеется в виду обычно не реальное сходство чего-то с объектом речи, а библейское по происхождению символическое значение предмета. Синонимы, метафорические эпитеты, сравнения иногда выстраиваются, как и цитаты из Писания, в длинные цепи. Именно «Слово о житии и учении» Стефана Пермского в первую очередь позволяет говорить о Е. П. как о русском писателе, в творчестве которого стиль «плетения словес» достиг наивысшего развития.

По композиции «Слово о житии и учении» делится на введение, основное повествование и риторическое завершение. Основное повествование членился на 17 главок, каждая со своим названием («Молитва», «О церкви Пермстей», «Поучение», «О прении волхва» и др.). Заключительный раздел в свою очередь имеет четыре части: «Плачь пермьских людей», «Плачь церкви Пермския, егда овдове и плакася по епископе си», «Молитва за церковь» и «Плачеве и похвала инока списающа». Из них «Плачь пермьских людей» содержит наибольшее количество конкретных исторических сведений и наиболее близок к летописным плачам. В «Плаче церкви» сильнее фольклорные мотивы типа похоронных плачей вдов и невест. В целом в этой заключительной части Слова различают три стилистических слоя: фольклорный, летописный и традиционный для житий похвальный. Композиция Слова со всеми ее особенностями принадлежит, судя по всему, самому Е. П.: предшественников и последователей этого Слова по композиции среди греческих и славянских житий не обнаружено.

Будучи выдающимся произведением по своим литературным качествам, Слово о Стефане Пермском является также ценнейшим историческим источником. Наряду со сведениями о личности

Стефана Пермского оно содержит важные материалы этнографического, историко-культурного и исторического характера о тогдашней Перми, о ее взаимоотношениях с Москвой, о политическом кругозоре и эсхатологических представлениях самого автора и его окружения. Примечательно это «Слово» отсутствием в его содержании каких бы то ни было чудес. При том, однако же, оно ни в коем случае не являет собой и биографию в современном смысле слова. Лишь мимоходом, например, мы узнаем, что Стефан был хорошо знаком с великим князем Василием I Дмитриевичем и митрополитом *Киприаном* и пользовался их любовью, но когда и как он с ними познакомился — неизвестно; также между прочим — из плача пермских людей — становится известно, что какие-то москвичи уничижительно звали Стефана Храпом, но как возникло и с чем связано это прозвище, — тоже неизвестно. Главное, на чем сосредоточивает Е. П. внимание, — это учеба Стефана, его умственные качества и его труды по созданию пермской грамоты и пермской церкви. Е. П. хвалит Стефана за упорность в учении, отмечая, что тот, обладая острым и быстрым умом, тем не менее мог долго вникать в каждое слово изучаемого текста, но при этом быстро, искусно, красиво и трудолюбиво писал книги. Е. П. отмечает с похвалой, что Стефан научился всей внешней философии и книжной мудрости, что он знал греческий и пермский языки; что он создал новый письменный язык, пермскую грамоту, и перевел книги с русского и греческого языков на пермский и обучил этой грамоте по этим книгам пермяков; что он научил их петь гимны на пермском языке; что он спасал их от голода, привозя хлеб из Вологды; за то, наконец, что он защищал свою паству от жестокостей московской администрации и от новгородских разбойников.

«Слово о житии и учении» Стефана Пермского дошло до нас в рукописях и в полном виде (старейший или один из старейших списков — ГПБ, собр. Вяземского, № 10, 1480 г.; всего известно около двадцати списков XV—XVII вв.), и в так или иначе сокращенном, в том числе кратком проложном (всего известно более тридцати списков по-разному сокращенного текста Слова). В XVI в. митрополит *Макарий* включил «Слово о житии и учении» в *Великие Минеи Четии* под 26 апреля (Успенский список: ГИМ, Синод. собр., № 986, л. 370—410).

Живя в Москве, Е. П. был знаком с Феофаном Греком, любил к нему ходить беседовать, и тот, как он пишет, «великую к моей худости любовь имеяше». В 1408 г., во время нашествия Едигея, Е. П. со своими книгами бежал в Тверь, где нашел покровителя и собеседника в лице архимандрита Спасо-Афанасьева монастыря Корнилия, в схеме Кирилла. Спустя шесть лет архимандрит Кирилл вспомнил о виденных им в Евангелии Е. П. четырех необычных миниатюрах с изображением константинопольского храма святой Софии («вспомянул ми в минувшую зиму», — пишет Е. П.). В ответ на это в 1415 г. Е. П. и написал ему свое послание, сохранившееся в единственном списке — ГПБ, Солов. собр., № 1474/15,

л. 130—132 (XVII—XVIII вв.). В этом послании или отрывке, озаглавленном «Выписано из послания иеромонаха Елифангия, писавшего к некоему другу своему Кириллу», речь идет о Феофане Греке как об авторе рисунка, скопированного Е. П. в своем Евангелии и заинтересовавшего Кирилла. Е. П. высоко оценивает ум, образованность Феофана и его искусство. Только из этого послания известно, что Феофан Грек расписал более сорока каменных церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате, Кафе, Великом и Нижнем Новгородах, в Москве, а также «каменную стену» (казну, полагает Н. К. Голейзовский) у князя Владимира Андреевича и терем у великого князя Василия Дмитриевича. Е. П. отмечает также необычайную свободу поведения художника во время творчества, — что он, работая, никогда не смотрел на образцы, беспрестанно ходил и беседовал, причем ум его не отвлекался от его живописи. При этом Е. П. иронизирует над скованностью и неуверенностью «поцих наших» иконописцев, неспособных оторваться от образцов. В этом письме Е. П. между прочим называет себя «изографом», а из того факта, что он скопировал рисунок Феофана Грека, ясно, что по крайней мере книжным графиком-миниа­тюристом он был.

В 1415 г. Е. П. уже не жил в Москве («егда живях на Москве», — пишет он в послании Кириллу Тверскому). Скорее всего он уже вернулся тогда в Троице-Сергиеву лавру, так как в 1418 г. закончил требовавшую его присутствия там работу над житием основателя лавры, Сергия Радонежского (в начале этого жития Е. П. отмечает: «...таковый святой старец пречюдный и предобрый отнеле же преставися 26 лет преиде»). Вероятно, в это время, если не ранее, Е. П., как пишет Пахомий Серб, «бе духовник в велицей лавре всему братству».

Житие Сергия Радонежского — еще большее по объему произведение, чем Слово о Стефане Пермском. По композиции оно схоже с тем: основная часть повествования предваряется вступлением и тоже разбита на отдельные главки с особыми названиями (всего их здесь тридцать), а завершается все Житие «Словом похвальным преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено бысть учеником его, священноиноком Епифанием». По своей тональности и тематике это житие гораздо ровнее и спокойнее, чем «Слово о житии и учении» Стефана Пермского. Здесь нет таких, как там, экскурсов «в сторону», меньше иронии; почти нет ритмизированных периодов с гомеотелевтонами, гораздо меньше игры со словами и синонимических амплификаций, но все же они есть; нет «плачей», есть в конце лишь «Молитва». Чувствуется, что произведение написано гораздо более спокойным, чем «Слово о житии и учении», человеком. Однако же у них много и общего. Совпадают многие цитаты из Писания, выражения, образы. Сходно критическое отношение к действиям московской администрации на присоединяемых землях. Е. П. обращает здесь иногда прямо-таки пристальное внимание на чувственно воспринимаемую сторону предметов (очень ярко, например, описание полученных в монастыре после голода

хлебов и перечисление красочных и роскошных дорогих тканей). Будучи тоже одной из вершин русской агиографии, Житие Сергия Радонежского, как и Слово о Стефане Пермском, является ценнейшим источником сведений о жизни Московской Руси XIV в. Оно содержит большое количество имен, начиная от людей, переселившихся вместе с родителями Сергия из Ростовской области в Радонеж, и кончая митрополитом и великим князем московским, появляющимися в некоторых его эпизодах. В отличие от «Слова о житии и учении» это житие полно чудесами. В середине XV в. дополнил его в части посмертных чудес, но также кое в чем и сократил и перекomпоновал Пахомий Серб. Полагают даже, что Житие не сохранилось в совершенно чистом первоначальном виде. Оно дошло до нас в нескольких редакциях, соотношение которых до сих пор полностью не изучено. В редакции, которую Н. С. Тихонравов считал первоначальной, Ю. Алиссандратос обнаружила симметрическое расположение тем. В XVI в. митрополитом Макарием Житие было включено под 25 сентября в ВМЧ. Оно подвергалось неоднократным переделкам и после Пахомия Серба (подробнее см. в статье «Житие Сергия Радонежского»).

Помимо заканчивающей Житие похвалы Сергию Радонежскому, Е. П. приписывается и вторая похвала Сергию под названием «Слово похвално преподобному игумену Сергию, новому чудотворцу, иже в последних родах в Руси возсиявшему и много исцеления дарованием от бога приемшаго».

На основании слов Е. П. в Житии Сергия Радонежского о племяннике того *Феодоре Ростовском* («Прочая же его деанна ижде напишутся, яко убо иного времени подобна требующа слово») можно думать, что он по крайней мере замышлял написать Житие Феодора, но нам оно неизвестно.

К «Слову о житии и учении» Стефана Пермского и к Житию Сергия Радонежского (особенно к Слову) многими чертами близко «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». Первой это отметила В. П. Адрианова-Перетц, но сама она склонилась к мнению, что автор подражал Е. П. и писал, стало быть, не ранее 20-х гг. XV в. А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго рассматривали Слово как произведение XIV в. А. В. Соловьев остался на этой точке зрения и, сравнив следом за В. П. Адриановой-Перетц литературные приемы двух Слов, пришел к выводу, что оба они написаны одним автором. Он оценил Слово о князе как самое блестящее произведение литературы конца XIV в. и заключил, что Е. П. написал его прежде «Слова о житии и учении» Стефана Пермского. Но М. А. Салмина и М. Ф. Антонова вернулись к точке зрения В. П. Адриановой-Перетц, одна — на том основании, что Слово о Дмитрии Донском впервые появилось, по ее мнению, в так называемом «своде 1448 г.» (гипотетическом источнике *Летописей Софийской I и Новгородской IV*), другая — потому, что «неопровержимых фактов, свидетельствующих об авторстве одного лица — Елифания», обнаружить она не смогла, но заметила явные стилистические параллели

Слову в НІВЛ — в *Повести о нашествии Голтамыша* (1382 г.), в философско-поэтическом сопровождении Духовной грамоты митрополита Киприана (1406 г.), в сообщениях о параличе и смерти тверского епископа *Арсения* (1409 г.) и в предисловии к рассказу о преставлении тверского князя Михаила Александровича (ранее С. А. Богуславский и С. К. Шамбинаго отмечали сходство стиля этого предисловия и сочинений Е. П., см.: *История русской литературы*. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 238, 245—246). После этого в тексте Слова было замечено случайно в него попавшее Письмо автора к заказчику, а в композиции этого Письма — черты сходства с композицией произведений Е. П. — *Жития Сергия Радонежского* и Письма к Кириллу Тверскому; при этом был разъяснен и непонятый ранее период текста Слова, в который вошло Письмо; оказалось, что, играя смысловыми планами речи, автор намекает на какое-то связанное с князем зло и дает понять, что предпочитает о нем умолчать. Это место обнаруживает его знакомство с *«Диоптрой» Филиппа Пустынника* (и тот же ведущий к «Диоптре» прием оказывается использован в поэтическом сопровождении Духовной грамоты митрополита Киприана). Были отмечены также стилистические параллели между надписанными произведениями Е. П. и московской летописью (характеристика *Дионисия Суздальского*, *Повесть о Митяе-Михаиле*) и указан случай специфического для Е. П. использования слова «посетитель» в грамоте митрополита *Фотия*. В итоге оказалось возможным (Г. М. Прохоров), что Е. П. был при митрополите Киприане причастен к ведению московского летописания и выполнял литературные заказы для общерусского свода; в частности, написал «Слово о житии и о преставлении великого князя» (древнейший вид текста сохранился в списке XV в. в ГПБ, F.IV.603); а при митрополите Фотии выполнял роль писателя-секретаря.

Умер Е. П. не позже 1422 г., времени открытия мощей Сергия Радонежского (об этом он еще не знает).

Изд.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всяя России чудотворца: (По лицевому списку Троице—Сергиевой лавры XVI в.). Сергиев Посад, 1853; Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа // ПЛ. СПб., 1862, вып. 4, с. 119—174; Послание Епифания к преподобному Кириллу 1413 г. / Изд. А. И. Никифоровым // ПС, 1863, т. 3, с. 323—328; Срезневский И. Памятники, стб. 240—241; Житие и подвизи преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца, и малословдание от божественных чудес его, списано учеником его, священноиноком Епифанием // ВМЧ, Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883, стб. 1463—1563; В той же день (25 сентября) Слово похвально преподобному отцу нашему Сергию, сотворено бысть учеником его, священноиноком Епифанием // Там же, стб. 1563—1578; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием в XV в. / Сообщил архим. Леонид. Печатаются по Троицким спискам XVI в. с разночтениями из Синодального списка Макарьевских Четивих-Милей. СПб., 1885 (ПДПИ, № 58); Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму под ред. архим. Леонида // ППС, СПб., 1887, т. 5, вып. 3 (15), с. I—III, 3—6; Тихоново в П. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892 (2-е изд. М., 1916; репринт: Die Legenden des heiligen Sergij von Radonež. Nachdruck

der Ausgabe von Tichonravov. Mit einer Einleitung und einer Inhaltsübersicht von L. Müller. München, 1967); Житие св. Стефана, епископа Пермского написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком., под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897 (переизд. с введ. Д. Чижевского: *Apophoreta Slavica*. The Hague, 2, 1959); Месяца апреля 26 день. Преподобнаго во священнойпокии отца нашего Епифанія счиноно бысть Слово о житии и учении свягата отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа // ВМЧ, Апрель, дни 22—30. М., 1915, стб. 988—1109; Г р а б а р ь И. Э. 1) Феофан Грек // Казан. музейн. вестн., 1922, № 1, с. 5—6; 2) Феофан Грек: (Очерк из истории древнерусской живописи) // О древнерусском искусстве. М., 1966, с. 78—82; Письмо Епифанія к другу своему Кириллу / Пер. с др.-рус. и ком. А. И. Некрасова // Мастера искусства об искусстве. Т. 4. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. М.; Л., 1937, с. 15—18; Епифаний Премудрый: Перевод с др.-рус. И. Г. Добродомова / Сост., предисл. и примеч. Н. К. Голейзовского // Мастера искусства об искусстве. Т. 6. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. М., 1969, с. 26—30; С т р о к о в А., Б о г у с е в и ч В. Новгород Великий. Л., 1939, с. 108—110; Л а з а р е в В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961, с. 113—114; Послание Епифанія Кириллу Тверскому / Подг. текста, пер. на соврем. рус. яз. и ком. О. А. Белобровой // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 398—403, 750—751; Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего, игумена Сергия чудотворца. Списано бысть от Премудрейшаго Епифанія / Подг. текста и ком. Д. М. Буланина, пер. на соврем. рус. яз. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // ПЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 256—429, 570—579; Выпсано из послания иеромонаха Епифанія, писавшаго к некоему другу своему Кириллу / Подг. текста, пер. на соврем. рус. яз. и ком. О. А. Белобровой // Там же, с. 444—447, 581—582.

Лит.: Филарет. Обзор. Харьков, 1859. с. 119—120; К л о ч е в с к и й В. О. 1) Образцовые писатели русских житий в XV в. — ПО, 1870, № 8, с. 188—208; 2) Древнерусские жития, с. 88—132, 247, 351; А р с е н и й и И л а р и й. Описание славянских рук. б-ки Св.-Троиц. Сергиевой лавры. М., 1878, ч. 1, с. 36—37; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 511—521, 544—548; Л е о н и д [Кавелин]. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троице-Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887, вып. 1, с. 22, 49, 75; М., 1887, вып. 2, с. 40, 41, 105; Б е л о к у р о в С. А. Преподобный Сергей Радонежский и Троице-Сергиева лавра в русской литературе. М., 1892; З е л ь н и к и й И. Епифаний Премудрый как автор житий // Тр. Киев. дух. акад., 1897, № 3, с. 230—232; Ч у р и л о в с к и й И. Ф. Записки о рукописях Чудовского монастыря, содержащих Житие Стефана Пермского // ЛЗАК, 1901, т. 12, Извлечения из протоколов, с. 32—36; Епифаний Премудрый // ПБЭ. Пг., 1905, т. 5, стб. 483—484; Г о л у б и н с к и й Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 2-е изд. М., 1909; С е д е л ь н и к о в А. Д. Из области литературного общения в начале XV в.: (Кирилл Тверской и Епифаний «Московский») // ИОРЯС. Л., 1926, т. 31, с. 159—176; М а р т ю ш е в А. М. «Епифаньева» повесть как исторический документ о коми народе: (Матер. к истории коми народа) // Зап. О-ва изуч. Коми края. Усть-Сысольск, 1929, вып. 2, с. 12—34; История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 235—238; А д р и а п о в а - П е р е т ц В. П. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5, с. 82—89, 91; Б о р и с е в и ч Л. С. 1) Памятники московской литературы XIV—начала XV в. (1326—1418). Автореф. канд. дис. Тюмень, 1951; 2) Политические тенденции в московских «житиях» XIV в. // Учен. зап. Шахтин. пед. ин-та, 1957, т. 2, вып. 1, с. 53—63; З у б о в В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: К вопросу о редакциях Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 145—158; Л а з а р е в В. Н. Живопись и скульптура Новгорода: XIV век // История русского искусства. М., 1954, т. 2, с. 150—154; Л и х а ч е в Д. С. 1) Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 105—115; 2) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958, с. 80—103; 2-е изд. М., 1970, с. 72—92; 3) Некоторые

задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958 (то же в кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, с. 95—151); 4) Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.; Л., 1962; 5) Предвозрождение на Руси в конце XIV—первой половине XV в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 136—182; В о р о н и н Н. Н. 1) Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих // ТОДРЛ. М.; Л., 1957, т. 13, с. 364—374; 2) Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. XIII—XV столетия. М., 1962, с. 184, 415—420; К о в а л о в а О. Ф. 1) К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 205—211; 2) Сравнение как литературный прием в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым: (Из наблюдений над стилем панегирической литературы XIV—XV вв.) // Сборник статей по методике преподавания иностранных языков и филологии. Каф. иностр. яз. и филол. Ленингр. технол. ин-та холодильной промышленности. Л., 1963, вып. 1, с. 117—137; 3) Похвальное слово в «Житии Стефана Пермского»: (Форма и некоторые стилистические особенности) // Там же. Л., 1965, вып. 2, с. 98—111; 4) «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в.: (К вопросу о соотношении) // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 101—114; 5) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. М.; Л., 1969, т. 24, с. 136—139; 6) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970, т. 25, с. 73—80; 7) Панегирический стиль русской литературы конца XIV—начала XV в.: (На материале Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым). Автореф. канд. дис. Л., 1970; 8) Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 325—334; 9) Конструктивное и стилистическое применение цитат в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым // Zeitschrift für Slavistik, 1979, Bd 24, Heft 4, S. 500—509; 10) К вопросу о традиционной схеме и сюжетном повествовании в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1982, Jhrg 31, H. 1, S. 27—29; С о л о в ъ е в А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 85—106; Д а н е М. М. Epiphanius' Image of St. Stefan // Canadian Slavonic Papers. Toronto, 1961, t. 5, p. 72—86; Б у д о в н и ц. Словарь, с. 71, 102, 237; Г о л е й з о в с к и й Н. К. 1) Заметки о творчестве Феофана Грека // ВВ. М., 1964, т. 24, с. 139—149; 2) Епифаний Премудрый о фресках Феофана Грека в Москве // Там же, М., 1973, т. 35, с. 221—225; Д м и т р и е в Л. А. 1) Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964, т. 20, с. 72—89; 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 208—262; Л о т м а н Ю. М. Лекции по структуральной поэтике, Вып. 1. Введение, теория стиха. Тарту, 1964 (Учен. зап. Тарт. ун-в., вып. 160. Тр. по знаковым системам, т. 1) с. 75—76; M u l i ć M. Pletenije sloves i hesihasmus. — Radovi Zavoda za slavensku filologiju. Zagreb, 1965, t. 7, s. 141—156; Б е л о б р о в а О. А. О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 91—100; V a i l l a n t A. Notes sur la Vie d'Etienne de Perm // Revue des études slaves, 1966, t. 45, p. 33—37; Н о л т х у с е н J. Epifanij Premudryj und Gregor von Nyssa (Ein Beitrag zur Erforschung der enkomiaistischen Literatur bei den Slaven) // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 64—82; Ф л о р я Б. Н. Ком-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 218—231; M a n s o n J. P. Studies in Russian Hagiography During the Period of the Second South Slavic Influence. Ph. D. Dissertation, Harvard University, 1968; С а л м и н а М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970, т. 25, с. 81—104; W i g z e l l F. 1) Цитаты из книг Священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 232—243; 2) Convention and Originality in the Life of Stefan

of Perm: a Stilistic Analysis // Slavonic and East European Review, London, 1971, vol. 49, N 116, July, p. 339—355; Appel O. Die Vita des hl. Sergij von Radonež: Untersuchungen zur Textgeschichte. München, 1972; Грих и н В. А. 1) Принципы воплощения нравственного идеала в сочинениях Епифания Премудрого // Вестн. Моск. унив. Филол., 1973, № 4, с. 15—23; 2) Сюжет и авторские принципы повествования в агиографических произведениях Епифания Премудрого // Сб. статей аспирантов и соискателей: Филол. сб. Мин. высшего и среднего специального образования. Каз. ССР, 1973, № 12, с. 79—86; 3) Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV вв. М., 1974; 4) Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV—начала XV в. Автореф. канд. дис. М., 1974; 5) Жанровое своеобразие агиографических сочинений Епифания Премудрого // Проблемы типологии и истории русской литературы. Пермь, 1976 (Учен. зап. Прм. ун-та, т. 304), с. 193—213; Антонова М. Ф. 1) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 140—154; 2) Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 127—133; 3) Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 223—227; Петканова-Тотева Д. Нови черти на похвалното слово през XIV—XV в. // Търновска книжовна школа, 1371—1391. София, 1974, с. 89—112; K i t c h F. M. The Literary Style of Epi fanij Premudroj Pletenije sloves. München, 1976; П о п Р. Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудрого // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 88—94; Z i o l k o w s k i M. C. The Style and Autorschip of the Discourse on Dmitrij Ivanovic Donskoj. Ph. D. Dissertation, Yale University, 1978; A l i s s a n d r a t o s J. 1) Medieval Slavic and Patristic Eulogies. Firenze, 1982, p. 40—42, 68—69, 72—73, 80—88, 101; 2) Симметрическое расположение эпизодов одной редакции «Жития Сергия Радонежского» // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, Kiev, September 1983. Vol. 2. Literature, Poetics, History. Columbus, Ohio, 1983, p. 7—17; 3) Следы патристических типов похвал в Житии Стефана Пермского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984, с. 64—74; П р о х о р о в Г. М. 1) Неюватный текст и Письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 40, с. 229—247; 2) Епифаний Премудрый // Там же, с. 77—91 (совместно с Н. Ф. Дробленковой); Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987, с. 92—102, 110—120, 150—154.

Н. Ф. Дробленкова (библиография), Г. М. Прохоров

Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный) (XVI в.) — писатель и публицист. Литературное творчество его относится к 40—60-м гг. XVI в., расцвет падает на середину века. Биографические сведения о нем скудны и устанавливаются, главным образом, на основании его собственных сочинений. В 40-е гг. Е.-Е. жил в Пскове, в конце 40-х—начале 50-х оказался в Москве. Как полагают ученые, именно его упоминает *Летопись Никоновская* под 1555 г. среди лиц, участвовавших вместе с митрополитом *Макарием* при поставлении Гурия епископом казанским: «протопоп Спасской з дворца Ермалай» (ПСРЛ, СПб., 1904, т. 13, с. 250). В 60-х гг. он постригся в монахи под именем Еразма.

И успех церковной карьеры, и дальнейшие неудачи и разочарования Е.-Е. были определены его писательской деятельностью. На Е.-Е. как писателя обратили внимание в 1546 г., когда он находился в Пскове. Это устанавливается на основании его послания царскому книжочию Кир-Софронию (издано Леонидом), в котором говорится следующее: «Тебе же, возлюбленный брате, Кир-

Софроние, пишу сие списание ради твоего словеси, егда отъедеши со царем от наших псковских предел в царствующий град Москву, понуди нас восписати о потребных твоему христолюбию» (рук. ГПБ, Q.XVII.67). Видимо, знакомство Е.-Е. с Кир-Софронием произошло осенью 1546 г., во время посещения *Иваном Грозным* Пскова (на это обратил внимание А. А. Зимин в кн. «Пересветов и его современники», с. 116). На запрос Кир-Софрония Е.-Е. отослал написанную им «Зрячую пасхалию» (не опубликована).

Переезд Е.-Е. в Москву и получение им должности протопопа дворцового собора надо скорее всего связывать с привлечением к нему внимания как образованному писателю. В это время как раз под руководством митрополита Макария особенно интенсивно работал большой круг церковных писателей по созданию жизнеописаний русских святых. Макарий, по всей видимости, привлек к этой работе и Е.-Е. По поручению его Е.-Е. было написано по крайней мере три произведения. В своем «Молении к царю» Е.-Е. сообщает: «благословением превеликаго всея России архiereя, Макария митрополита, составих три вещи от древних драги» (Ш л я п к и н. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного, с. 566). Мнения ученых не совпадают, о каких именно грех произведениях говорит здесь Е.-Е. Если считать, что в них говорится об историческом прошлом («от древних»), можно из числа произведений Е.-Е. выбрать Повесть о Петре и Февронии и Повесть о епископе Василии. Тематика их связана с историческим прошлым Руси. Кроме того, они удовлетворяют и второму признаку, названному Е.-Е., — появление рассказов с муромской тематикой обусловлено было писательской деятельностью в связи с собором 1547 г., на котором были канонизированы муромские святые: поэтому и можно думать, что написаны они были по поручению митрополита Макария. Повесть о Петре и Февронии была написана как жизнеописание муромских святых Петра и Февронии, а содержание Повести о епископе Василии было использовано в *Житии Константина, муромского князя, и его сыновей*. Вопрос о третьем произведении остается спорным.

Время работы над этими произведениями было для Е.-Е. наиболее благоприятным и для его творчества, и в его церковной карьере, но оно оказалось очень непродолжительным. Уже в «Молении к царю» (напечатано И. А. Шляпкиным и в кн. Р. П. Дмитриевой), которое исследователи датируют концом 40-х—началом 50-х гг., Е.-Е. жалуется на притеснения и враждебное отношение к себе со стороны царских вельмож. Видимо, скоро и со стороны Макария произошло охлаждение к его писательскому таланту. Макария явно не удовлетворяли написанные Е.-Е. произведения на муромскую тему. Он не захотел включать Повесть о Петре и Февронии в составлявшийся в это время новый сборник *Великих Миней Четких*, а текст Повести о епископе Василии был значительно переработан, прежде чем его использовали в составе Жития князя Константина, которое было написано другим автором, видимо, в 1554 г.

Е.-Е. хотя и находился в непосредственном общении с влиятельными церковными и политическими деятелями своего времени, но ни к какой определенной группировке не принадлежал, он был одинок. Исследователи, рассматривая общественно-политические и религиозные воззрения Е.-Е., не могут причислить его к какому-либо существовавшему в то время идейно-политическому направлению. В его сочинениях, с одной стороны, прослеживаются идеи, близкие нестяжателям, с другой — исследователи отмечают наличие концепции нисифлян в вопросе о соотношении церковной и царской власти. Не имея поддержки со стороны какой-либо определенной политической группировки, он сам не смог сыграть сколь-либо значительной церковно-политической роли.

Возлагаемые Е.-Е. большие надежды на царя как на главную силу в установлении и социальной справедливости, и его личной судьбы не оправдались. Преодолеть создавшуюся неблагоприятную обстановку, на которую Е.-Е. жаловался царю, видимо, не удалось. Примерно в начале 60-х гг. он постригся в монахи, о чем свидетельствует появившееся второе имя в списках некоторых его произведений («Ермолай, во иноцех Еразм»). Имя его как писателя было известно еще в 60-е гг., но позже о нем забывают и произведения его переписываются как анонимные.

Благодаря счастливой случайности в настоящее время мы имеем сравнительно полное представление о творчестве Е.-Е.: произведения его (за исключением посланий) дошли до нас в двух сборниках, написанных самим автором. Один из сборников был составлен в 50-х гг. (рук. ГПБ, Солов. собр., № 257 (307)), второй относится к 60-м гг. и написан Е.-Е. после принятия им монашества (рук. ГПБ, Соф. собр., № 1296). Сопоставление состава сборников показывает, что, став монахом, Е.-Е. отошел от общественно-политической жизни и сосредоточил свое внимание на проблемах церковной догматики. Однако надо отметить, что от идей, изложенных в «Правительнице», он не отказался: переписывая это произведение во второй сборник своих сочинений, он внес в него некоторые дополнения фактического порядка.

Наиболее важным публицистическим произведением Е.-Е. и является его трактат «Благохотящим царем правительница», который был направлен им царю с предложением проведения социальных реформ. Это произведение датируется серединой века, мнения исследователей расходятся самое большее в два-три года. Трактат содержит проект податных реформ и переустройства земельного обеспечения военной службы. Классовая позиция автора в исследовательских работах оценивается по-разному: одни исследователи считают его дворянским идеологом (Т. И. Райнов, И. И. Смирнов, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Т. А. Колесникова), другие склонны видеть в нем выразителя интересов крестьянства (Р. Ю. Виппер, В. Ф. Ржига, А. С. Орлов, Н. К. Гудзий, А. А. Зимин). Автор «Правительницы» безусловно сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благо-

состояния общества. По его мнению, крестьянство терпит непосильные лишения, более всего притесняемое боярством. Поэтому он предлагает среди прочих реформ и такие, которые могли бы облегчить его тяготы. Е.-Е. призывает царя к действиям на благо всего общества — «ко благополучию всем сущим под ним, не едиными вельможами еже о управлении пещис, но и до последних» (Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, с. 193). «Правительница» издавалась в отрывках В. Жмакиным, П. Н. Милюковым, полностью — В. Ф. Ржигой.

Эта позиция Е.-Е. в отношении крестьянства тесно связана с идеей гуманности, проводимой им и в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в его сочинениях назидательного содержания («Главы о увещании утешительнем царем, аще холщени и вельмож» — издано А. И. Клибановым, «Поучение к своей душе» — издано И. А. Шляпкиным, добавления второй редакции — В. Ф. Ржигой, «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже»).

Надо отметить также, что Е.-Е. стоял на твердых официальных позициях в вопросах церковной догматики и на протяжении многих лет тщательно разрабатывал проблему троичности божества, имеющую в XVI в. принципиально важное значение в споре с еретическими учениями. Не случайно его «Книгу о троице» переписывали рядом с «Просветителем» *Иосифа Волоцкого*. Но в отличие от Иосифа Волоцкого в спорах с современными ему русскими еретическими вероучениями он участия не принимал. «Книга о троице» и «Зрячая пасхалия» свидетельствуют о его образованности и большой начитанности в церковно-богословской литературе.

Е.-Е. был не только публицистом и церковным писателем. Ему принадлежат два упомянутых выше произведения — Повесть о Петре и Февронии и Повесть о рязанском епископе Василии, которые можно характеризовать как произведения художественной прозы. Написанные одновременно, в конце 40-х гг., они имеют много общих черт: источниками для них послужили муромские легенды, и изложены они в общей стилистической манере. Но имеются и различия. Повесть о епископе Василии написана предельно сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали его не разработаны. Она издавалась неоднократно — в «Летописях» Н. С. Тихонравова, ПЛ, в кн. Р. П. Дмитриевой. Совершенства в разработке сюжета (ясности в передаче главной мысли, конкретности деталей, четкости диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, композиционной завершенности) Е.-Е. достиг в Повести о Петре и Февронии. Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. На Е.-Е. оказало такое большое влияние народное предание о муромском князе и его жене, что он, хорошо образованный церковный писатель, перед которым

была поставлена цель дать жизнеописание святых, создал произведение, по существу далекое от житийного жанра. Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это же время создавалась в писательском кругу митрополита Макария, к которому, собственно, принадлежал и Е.-Е. Повесть о Петре и Февронии резко отличается от житий, написанных в это время и включенных в ВМЧ, она стоит одиноко на их фоне и ничего не имеет общего с их стилем. К ней скорее можно найти параллели в повествовательной литературе второй половины XV в., построенной на новеллистических сюжетах (*Повесть о Дмитрии Басарге*, *Повесть о Дракуле*).

В Повести о Петре и Февронии рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всесильных бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Е.-Е., нашли наиболее полное и цельное выражение именно в этом произведении. А. И. Клибанов, рассматривая философские и общественно-политические взгляды писателя, пришел к выводу, что Е.-Е. стоял на позициях чисто христианской гуманности и противостоял принципам гуманизма; он, по мнению исследователя, отрицал личность человека и просил у господствующих милости для угнетенных. Однако Повесть о Петре и Февронии нельзя назвать произведением, точно и безоговорочно иллюстрирующим эти положения; надо признать, что ее автор не умещается в границах этой концепции. Сюжет повести построен на активных действиях двух противостоящих сторон, и только благодаря личным качествам героини она выходит победительницей. Ум, благородство и кротость помогают Февронии преодолеть все враждебные действия ее сильных противников. В каждой конфликтной ситуации противопоставляется высокое человеческое достоинство крестьянки низкому и корыстному поведению ее высокородных противников. Е.-Е. не был связан с каким-либо реформационно-гуманистическим течением, но высказываемые им в этом произведении мысли о значении ума и человеческого достоинства созвучны идеям гуманистов.

Повесть о Петре и Февронии является одним из шедевров древнерусской повествовательной литературы, и имя автора ее должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья. Повесть издавалась неоднократно (в ПЛ, М. О. Скрипилем, в «Изборнике», В. Ф. Ржигой); научное издание памятника осуществлено Р. П. Дмитриевой.

Изд.: Летописи Тихонравова. М., 1859, т. 2, с. 97—99; ПЛ, СПб., 1860, вып. 1, с. 29—38, 27—52; Попов А. Книга Еразма о святой Троице // ЧОИДР. М., 1880, кн. 4, с. I—XIV, 1—124; Жмакп В. Митрополит Давид и его сочинения. М., 1881, Приложения, с. 69—74; Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, с. 176—179; Леоид. Систематическое описание славяно-российских руко-

писей собрания А. С. Уварова. М., 1893, ч. 2, с. 57; Шляпки И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 545—568; Ржига В. Ф. 1) Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33, с. 103—200; 2) «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957, т. 13, с. 431—436; Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии (тексты) // Там же. М.; Л., 1949, т. 7, с. 224—256; Клябанов А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // Там же. М.; Л., 1960, т. 16, с. 178—207; Русские повести XV—XVI вв. / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1958, с. 108—115; «Изборник»: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 454—463; Дмитриева Р. П. Особая редакция Повести о Петре и Февронии // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 192—209; Повесть о Петре и Февронии / Подг. текстов и иссл. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979 (рец.: Антопольский Н. — Новый мир, 1980, № 4, с. 269—270; Демкова Н. С. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981, т. 40, № 2, с. 178—181; Woźniak A. — Slavia orientalis, Warszawa, 1982, роç, 31, N 1—2, с. 79—81); П.Д.Р. Кон. XV—1-я пол. XVI в. М., 1984, с. 626—663.

Лит.: Буславев Ф. И. Песни древней Эдды о Зигурде и муромская легенда // Буславев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1, с. 269—300; Веселовский А. Н. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброкке // ЖМНП. СПб., 1871, № 4, отд. II, с. 95—142; Ржига В. Ф. Кто был монах Еразм? // ИОРЯС АН. 1916, кн. 2, с. 5—12; Яворский Ю. А. К вопросу о литературной деятельности Ермолая Еразма, писателя XVI в. // Slavia, 1930, гоç. IX, сеñ. 1, с. 57—80; сеñ. 2, с. 273—299; Скрипиль М. О. 1) Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. М.; Л., 1949, т. 7, с. 131—167; 2) «Повесть о Петре и Февронии» и эпические песни южных славян об огненном змее // Научн. бюл. ЛГУ, 1946, № 11—12, с. 35—39; Зимин А. А. 1) Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 229—233; 2) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 116—120; Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958, с. 104—106; 2) Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 92; 3) Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980, с. 292—299; Клябанов А. И. 1) Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // Из. М., 1959, т. 65, с. 303—315; 2) Реформационные движения в России. М., 1960, с. 236, 284, 288—290, 338—341, 351—353, 368—369; Росоветский С. К. 1) К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора // Тез. докл. XXI студ. конф. Филол. и ист. Вильнюс, 1968, с. 31—32; 2) К изучению фольклорных источников «Повести о Петре и Февронии» // Вопросы русской литературы. Львов, 1973, вып. 1 (21), с. 83—87; 3) К вопросу о времени создания и авторе Повести о Петре и Февронии // Вісн. Київс. унів. Сер. филол., 1974, № 16, с. 56—60; 4) «Повесть о Петре и Февронии» в литературном процессе XVII в. // Вопросы русской литературы. Львов, 1974, вып. 1 (23), с. 49—54; 5) Повесть о женьтибе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1975. М., 1976, с. 30—35; Румянцева В. С. Кружок Стефана Влифатьева // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975, с. 184—185; Conrad V. Die Erzählung von Petr und Fevronija: Überlegungen zu Textverständnis und Autorabsichten // Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen. Berlin, 1984, S. 35—60.

Р. П. Дмитриева

Ермолин Василий Дмитриевич (2-я пол. XV в.) — московский купец и строительный подрядчик, вероятно, также архитектор и скульптор; автор послания, возможно, был причастен к лето-

писанию. Богатый купеческий род Ермолиных (ведший свою генеалогию от некоего Васки, возможно, пришедшего в Москву из Западной Руси) был связан свойством с боярским родом Сорокумовых-Глебовых; на дочери Е. был женат представитель этого рода Дмитрий Бобр. Сохранились документы о земельных владениях Е., проданных им в 60-х гг. XV в. своему зятю. Земельные акты, связанные с Е., см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952, т. 1, № 334—335. Связаны были Ермолины и с Троице-Сергиевым монастырем, где постригся дед Е. Ермола (в иночестве Ефрем) и его отец Дмитрий (Диоисий). В *Житии Сергия Радонежского* отец Е. Дмитрий упоминается как человек «многоречист и пресловущ в беседе, бе бо умея глаголати русски, гречески, половецки», хотя и недостаточно благочестивый и проникнутый «духом хулным» (действию «блудного беса» подвергался, согласно житию, и дед Е.). Образованность отца унаследовал и Е. Ему принадлежит, очевидно, «Послание от друга к другу», в котором «Василий Дмитриев Ермолич» отвечает западнорусскому любителю церковной письменности, писарю польского короля Казимира IV, «шану Иакову», просившему Е. прислать ему *Пролог* («прилог») с «осмогласником». Е. отвечал, что подобные книги имеются в продаже в большом количестве, но текст их содержится в различных сборниках, а не под единым переплетом, как хотелось бы адресату; он предлагает Иакову прислать бумагу и денег, чтобы нужная книга была изготовлена «доброписцами» «с добрых списков».

Наиболее известным литературным памятником, связанным с Е., является *Летопись Ермолинская*. На протяжении 6970 (1462)—6980 (1472) гг. эта летопись содержит известия о строительной деятельности Е. (отсюда и название летописи, данное ей А. А. Шахматовым) — см.: ИСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 157—160. Однако известия о Е. были добавлены к оригиналу Ермолинской летописи, доходившему до 1481 г.; следовательно, они были сделаны не ранее этого года. Известия о Е. не были продолжены далее 1472 г., видимо, потому, что в 1472 г. его строительная деятельность прервалась — может быть, в связи с «прею» (ссорой) между Е. и представителем боярского рода Ховриных Иваном Головой в начале их совместной работы по строительству Успенского собора; Е. вынужден был «отступитися всего наряда». Из более ранних работ Е. в летописи упоминается строительство Афанасьевской церкви на Фроловских воротах Кремля и «городной» (кремлевской) стены в 1462 г., обновление кремлевской церкви Вознесения в 1467 г. (об этой работе Е. сообщают и другие летописи), строительство каменной трапезы в Троице-Сергиевом монастыре и двух церквей во Владимире (одной на Золотых воротах) в 1469 г., а также перестройка «резаной на камне» церкви в Юрьеве-Польском в 1471 г. Но наиболее, пожалуй, интересно участие Е. в 1464—1466 гг. в создании каменных скульптур св. Георгия (частично сохранились) и св. Дмитрия на Фроловских воротах Кремля; в связи с этим Е. обычно считается виднейшим русским скульпто-

ром XV в. (предположительно ему приписывается и барельефная икона Одигитрии в поварне Троице-Сергиева монастыря).

Обстоятельства создания особого списка летописи, включающего известия о деятельности Е., неизвестны — он мог быть заказан им самим после окончания его трудов или кем-либо из близких в его память.

Изд.: Седелъников А. Д. «Послание от друга к другу» и западно-русская книжность XV в. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитар. наук. Л., 1930, № 4, с. 223—225.

Лит.: Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (отд. отт. из ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 4, с. 6—8); Соболев Н. Н. Русский зодчий XV в. Василий Дмитриевич Ермолин // Старая Москва. М., 1914, вып. 2, с. 16—23; Олсуфьев Ю. А. Три доклада по изучению памятников искусства Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1927, с. 33—40; Воропин Н. П. Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 573—575; Черепин Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв. // Вопр. ист. рел. и атеизма. М., 1959, сб. 7, с. 280—283; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 329, 445; Павлов А. Н. История русского летописания XI—начала XV в. Л., 1976, с. 172—173; Выголов В. П. Скульптура Георгия на башне Московского кремля // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М., 1985, с. 5—38.

Я. С. Лурье

Ефросин (2-я пол. XV в.) — монах Кирилло-Белозерского монастыря, книгописец. До нас дошло шесть рукописных сборников, частью переписанных его рукою, частью собранных им из рукописей других писцов. Само имя книгописца Е. (правильно — Евфросин) и все известия о его жизни почерпнуты из записей, сделанных им в этих сборниках.

Сведения о жизни Е. крайне скудны. Известно, что деятельность его связана с Кирилло-Белозерским и, возможно, Ферапонтовым монастырями. Е. писал сборники для игумена Кирилло-Белозерского монастыря Игнатия. Текст из Большого Катехизиса Феодора Студита написан им в Кирилло-Белозерском монастыре (ГИМ, собр. Уварова (далее Ув.), № 894, л. 515). «Слово о добрых и злых жезлах» выписано из Пролога Ферапонтова монастыря (ГШБ, Кир.-Белоз. собр. (далее КБ), № 6/1083, л. 117). В сборниках Е. помещены выписки из «Кириллова» устава, имеются ссылки на книги из библиотеки этого монастыря. Наконец, не случайно сборники Е. дошли до нас в составе Кирилло-Белозерского собрания. Вероятно, Е. жил не только на севере. В его рукописях упоминается и Троице-Сергиев монастырь, его библиотека; в одном из сборников (КБ, № 22/1099) перечислены игумены этого монастыря и сообщено о времени игуменства Сергия и Никона. Сведения о Е., содержащиеся в его сборниках, могут быть дополнены еще некоторыми данными. «Тое зимы» после октября 6986 г., т. е. зимой 1477—1478 гг., Е., как он записал в сборнике КБ, № 11/1088, «на игуменство поехал». Куда именно он направился? До нас дошла грамота второй половины XV в.,

в которой фигурирует игумен Ефросин, одновременно выступающий в несколько необычной для игумента роли писца. Это данная грамота Ивана Кулударя подведомственному Троице-Сергиеву монастырю небольшому прилудкому Рождественскому монастырю, находившемуся в Углицком княжестве (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952, т. 1, № 229). Почерк грамоты имеет черты сходства с почерком Е., и предположение о том, что в 1477—1478 гг. Е. ездил на игуменство в Углицкое княжество для передачи земель Кулударя Троицкому монастырю, соответствовало бы ряду данных, содержащихся в сборнике Е. В сборнике КБ, № 9/1086 читается запись: «На Москве некто тать именем Куладар до 300 церкве покрал» (речь идет, очевидно, о деятельности дьяка Куладаря в 1446 г., когда он был сторонником Шемяки, за что расплачивался впоследствии). А в «Страннике» (указателе расстояний между географическими пунктами), помещенном Е. в сборнике КБ, № 22/1099 и описывающем путь от Москвы до Царьграда и Средиземного моря, им сделана приписка: «От Белаозера до Углича 240 верст»; по-видимому, Е. был знаком этот путь.

Книгописец Е. не был простым монахом, он называет себя попом, т. е. имеющим сан священника. Можно предположить, что он тот «поп Ефросин», «старец Ефросим крылошанин», который в 60—80-е гг. выступал от имени Кириллова монастыря в качестве «послуха» (Акты социально-экономической истории. . . М., 1958, т. 2, № 173, 226).

О времени литературной деятельности Е. свидетельствуют даты, которыми он обозначал в своих рукописях начало и конец работы. Самая ранняя дата — 1463 г.: «В лето 6971 июля 18 в понедельник дню час 9 концах Апокалипсис» (КБ, № 53/1130, л. 155 об.); самая поздняя — 1491 г. — сопровождает миниатюру, изображающую Александра Македонского: «В лето 7000-е октября 20 сий Александр написан бысть Ефремом Ефросину» (КБ, № 11/1088, л. 19). Таким образом, свои сборники Е. составлял на протяжении тридцати лет. В них упоминал он и своих современников — митрополитов *Филуппа I* (1464—1473 гг.), *Геронтия* (1473—1489 гг.), архиепископа Ростовского *Вассиана Рыло* (1467—1481 гг.), игумена Троице-Сергиева монастыря *Авраамия* (1475—1478 гг.), сына *Ивана III*, великого князя *Ивана Ивановича Молодого* (ум. в 1490 г.), братьев *Ивана III* князей *Андрея Углицкого* (ум. в 1494 г.) и *Бориса Волоцкого* (ум. в 1497 г.).

Из шести сборников, составляющих рукописное наследие Е., сборники в 8° (КБ, № 22/1099, № 9/1086, № 11/1088 и, возможно, 6/1083) предназначались для келейного чтения и скорее всего хранились в келье их владельца. Сборники КБ, № 11/1088 и № 6/1083 имеют прямые указания о принадлежности их Е., остальные отождествляются по почерку. Три из них не значатся в каталоге библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, со-

ставленном в конце XV в. В этом каталоге (КБ, № 101/1178) упомянуто пять ефросиновских сборников, из которых «шотребник» и «четвертый сборник игумена Игнатия» могут быть отождествлены с КБ, № 6/1083 и пятым известным нам сборником Е. — КБ, № 53/1130 (сборник в 4°, состоящий в большей части из рукописей других писцов). Три других сборника, внесенных в каталог монастыря под названием «меньшей», «средней» и «большой» до нас не дошли, так как не совпадают по содержанию ни с одной из известных нам рукописей. Шестой сборник, *Торжественник* в лист, целиком переписанный Е., назвавшим в нем свое имя (ГИМ, собр. Уварова, № 894), — традиционного церковно-учительного содержания. Создавая его, Е. выступал в роли простого переписчика. Труд этот длился четыре года, чрезвычайно отягощая Е., о чем свидетельствуют многочисленные записи, сделанные им по окончании каждого из разделов: «кончах в лето 6981 генваря», «кончах в лето 6982 зиме», «кончах в лето 6985 декабря» . . . и т. д. (всего 10 записей в разных частях книги), и заключительная запись: «Бог мя избавил . . . Сильно есмь рад, коли кончал строку последнюю». «Не за епитимию ли написана эта огромная книга? нетерпеливое многословие писца высказывает нечто подобное», — предположил известный археограф XIX в. архимандрит Леонид (Кавелин). Подтверждением этой догадки может служить запись, сделанная Е. после слов «Бог мя избавил. . .», — запись неуместная и едва ли благопристойная, которая была впоследствии затерта (хотя читается ясно) и резко осуждена в приписке, сделанной иным почерком: «О, горе окаянному, внимающему сего света житие». Не был ли уход Е. из Кириллова монастыря и его отъезд на игуменство в том же 1477 г., когда он закончил переписку Торжественника, следствием какого-то конфликта с монастырским начальством? Впоследствии, по всей видимости, Е. вернулся в Кириллов монастырь.

Наибольший интерес представляют четы, келейные сборники Е. Их отличает характерный для XV в. энциклопедизм, отразивший широту интересов русского читателя и книжника. В этих своеобразных миниатюрных библиотеках сосредоточены произведения самых разнообразных жанров. Паряду с обычными для монашеского чтения произведениями церковно-учительными — житиями и памятями святых в мшнях и прологах, синаксарями, словами и поучениями отцов церкви, библейскими текстами, служебными статьями, молитвами и уставами — в сборниках Е. встречается большое количество светских произведений, посягающих подчас апокрифический характер и мало подходящих для благочестивого монаха. Произведения беллетристические, Пален, летописцы, хронографы, хождения, полемические сочинения против латинян, статьи по светскому и каноническому праву, по географии, астрономии, зоологии, медицине, нумизматике, лексикографии, нотированные тексты, собранные Е. в своих энциклопедических сборниках, свидетельствуют об историко-литературных естественнонаучных, юридических и эстетических представлениях

на Руси XV в. В известной мере сборники Е. продолжают и развивают направление, возникшее в русской письменности XIV в. Так, ряд статей по античной медицине, так же как и отрывки из натурфилософских сочинений — «Диоптры» Филиппа Пустынника и Дионисия Ареопажита — могли быть заимствованы из сборников самого Кирилла Белозерского. Е. отличает стремление к активному поиску сочинений такого рода.

Источниками сборников Е. прежде всего являются памятники письменности. Из них почерпнуты естественнонаучные, в частности географические, представления книгописца. В центре его внимания прежде всего стоит «Хождение» игумена Даниила. На всем протяжении своего списка Е. сделал пометы и комментарии: «зачало пути от Царьграда ко Иерусалиму», «о Гепсиманин», «о Елеонстей горе», «море Содомское, около его два дни пути», «Генниса озеро кругло, около его семь поприць, масло же чюдно и рыб множество, вода zelo чиста и светла» и пр. В рукописях Е. фигурирует и фантастическая Индия, которой правит царь-пана Иоани, и Индия, которую завоевывает Александр Македонский. Из Хронографа Е. выписывает сведения о границах четырех великих морей, имена великих гор, рек, берущих начало из четырех райских источников — Фисона, Геона-Нила, Тигра и Евфрата. Источником географических познаний служит и Библия. Вместе с тем Е. отразил то живое знакомство со странами и путями, которые, возможно, изведal сам, ходя из монастыря в монастырь, или знал по рассказам таких же, как он, монахов, путешествующих по Руси и к святым местам — па Афон, в Царьград, в Иерусалим. Отсюда его записи «От странника»: «От Белаграда (Аккермана) до Царяграда по Черному морю семьсот миль, а от Царяграда по Белому (Эгейскому) морю до Сахиса (?) острова 300 миль», «От Кипра до Яфы 300 миль, то есть пристанище Иерусалимское», вместе с путешествиями по Руси — «От Москвы до Киева верст полторы тысящи, а от Киева до Белаграда девяносто миль, а от Белаграда до моря миля 5 верст», затем «от Москвы до Волги 240 верст», прибавив к этому, как уже было отмечено, расстояние «от Белаозера до Углека».

Знаменательно то большое внимание, которое уделял Е. вопросам мироздания, явлениям природы. Его представления в этой области не выходят за рамки средневековой натурфилософии. Источниками Е. служат Палая Толковая, сочинения Иоанна Дамаскина и константинопольского патриарха Геннадия. В сборниках Е. помещен трактат о дуге небесной, учение о семи планетах и звездах, о том, что Земля покоится на семи столпах, статьи о величине солнечного, земного и лунного кругов, о широте и долготе земли. Привлекают Е. и апокрифические статьи на естественнонаучные темы, например, легенда о изобретении астрономии Мундом, внуком Ноя. Приводит Е. и наименования Земли по-эллински и иудейски — «хайя», «гипо», «адаман». К практическим знаниям относятся сведения о громах и предсказания по нему погоды и видов на урожай, о молнии и граде, о падающих звездах, кометах,

извержении вулкана, землетрясениях. Встречается описание конкретного землетрясения, происшедшего в декабре 1456 г. (по рассказу *Феофила Деберкина*), и солнечного затмения, случившегося в 1424 г. Е. полемизирует с неверными, с его точки зрения, взглядами: «молвят бо неци баспословци, яко под землю течет солнце и луна с прочими звездами», борется с суеверием — «учением дьявола», что от звезд и луны бывают болезни и зло людям.

Аналогично теоретический и практический интерес вызывала у Е. медицина. Он помещает (вслед за Кириллом Белозерским) статью «Галиново на Ипократа», где изложена теория Гипократа о четырех стихиях человеческого тела, и статью под названием «Александрово» — рассуждение о постепенном развитии человеческого зародыша, принадлежащее, вероятно, Александру из Афродиссии, греческому ученому начала III в. н. э., комментатору Аристотеля. Медицинские сведения находятся в переписанных Е. отрывках из «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. Практическая медицина нашла свое отражение в статьях о лечении женщины (о лекарстве, предотвращающем преждевременные роды), об исцелении болезней мирром, о крашении волос и врачевании уха и желудка. Верил Е. и в силу врачевальных молитв, большая часть из которых — апокрифы: «Иоанна Златоуста от всех уд», «Коли жепя дитятем болит», «От зубной боли». Возможно, он и сам пытался врачевать, о чем говорят такого рода приписки: «Аще кто костию подавится, призови па помощь святого Власия», или молитвенное обращение: «Боже Моиссова знамения помилуя мя, научи глаголати, аще кого змия уясть». Он оспаривал у народных врачей и волхвов право лечить, что отразилось в статьях «Афанасия мниха о наузех и стрелце громней», «Иоанна Златоуста о лечящих болезни волхованием наузы», «Григория Богослова, не тебе еже навязывати на выю детницу бесовских врачеваний».

Е. присущ интерес к гуманитарным знаниям. Его привлекают памятники исторического характера. Библейско-исторический материал и сведения по древней истории он брал из Пален, откуда им был заимствован восходящий к *Хронике Георгия Амартола* очерк истории Римской империи от Ромула и Рема до Константина Великого. *Хроника Иоанна Малалы* была известна ему по обширным извлечениям, сделанным в *Летописце Еллинском и Римском*, на который Е. ссылается. В одном из сборников (КБ, № 11/1088) помещена хронографическая компиляция, получившая в науке название Ефросиновский хронограф и восходящая к не дошедшей до нас ранней редакции *Хронографа Троицкого*. Часть фрагментов Ефросиновского хронографа восходит к *Хронике Георгия Амартола*. Древняя история представлена у Е. обширными выписками из «*Истории Иудейской войны*» *Иосифа Флавия*, озаглавленными «От пленения Иерусалимского» (КБ, № 53/1130, л. 426—493 об.). Библейская и всемирная история содержатся также в особой редакции «*Летописца вскоре*» патриарха *Никифора*. Отдельно переписан у Е. рассказ о венчании

на царство византийского императора Мануила. Интересом к древней истории объясняется и то, что из обширной *Пчелы* извлекается рассказ о Марафонской битве, приписанный Плутарху. Среди кратких заметок встречаются сделанные рукой Е. хронологические выписки типа: «Царь Константин Велики взял Узантию, городок малы за 200 лет до седмье тысячи и созда град Царьград», или «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии лет 30-ю, а Византия старей Вавилона лет 40 без лета».

Всемирная история дополнена у Е. историей русской. Его рукой переписан наиболее ранний из дошедших до нас кирилло-белозерских летописчиков. Основной текст его сейчас находится в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1554, но он был вырван, очевидно, П. М. Строевым из сборника КБ, № 22/1099, где сохранилось начало. Летописчик начинает с родословия от Рюрика до *Василия II Васильевича*, в нем содержатся известия по русской истории до 1445 г. (З и м и н А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 22—27). Летописчик Е. по своему происхождению связан с «Летописцем русским» XV в., наиболее ранний список которого происходит из Кирилло-Белозерского монастыря (Н а с о п о в А. Н. Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Матер. по истории СССР, М., 1955, вып. 2, с. 273—324). Сопоставление «Летописца русского» с *Летописью Ермолинской* (ПСРЛ, т. 23) и с сокращенными летописными сводами конца XV в. (ПСРЛ, т. 27) дает основание предполагать, что их общим протографом был неофициальный Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в., отразившийся в летописчике Е. в наиболее ранней редакции.

Среди других статей летописного характера следует отметить записи о смерти русских князей и митрополитов, рассказы об установлении христианства на Русь и об основании епископии в Ростове и Новгороде. Но особое внимание Е. привлекала тема борьбы с татарами. Он помещает в своем сборнике перечень татарских набегов начиная с 1377 г., битвы на реке Пьяне, и кончая пожаром Москвы 10 апреля 1453 г. Среди выписок из летописчика замечательны такие: «В лето 6888 (1380) бысть Мамаевичина, Мамияк за Доном на Усть Непрядвы» (вероятно, последнее событие в одной из приписок отмечено как «за Доном Момияковщина»), «В лето 6890 бысть Тахтамышевичина на август 20 на князя на Дмитрия Ивановича и взя Москву и много зла сотвори». В этот же сборник Е. включил сокращенную переработку рассказа о Мамаевом побоище, назвав ее *Задонщиной*. Не прошел Е. и мимо столетнего юбилея этой битвы, отметив его краткой записью: «В лето 6888 сеп. 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 сеп. 8 и тому прешло лет 100».

Большое значение имеют сборники Е. для изучения процессов, происходящих в русской литературе второй половины XV в. Интерес к сюжетному повествованию, к поэтическим произведениям — одна из характерных черт древнерусской литературы

этого периода. В сборниках Е. помещено значительное количество оригинальных и переводных произведений этого типа. К первым относятся *Задонщина* и *Повесть о Дракуле*. Среди переводных произведений едва ли не центральное место занимают сюжеты, связанные с именем Александра Македонского. Это две Александрии — переведенная в XII в. первая редакция *Александрии Хронографической* и переведенная в XIV в. *Александрия Сербская*. К ним примыкают и другие рассказы об Александре: рассказ Палладия о посещении Александром индийских «пагомудрецов» рахманов, история его «воздухохождения» — полета на грифах, легенда о дочери Александра, коварством похитившей живую «пародимскую» (райскую) воду. В этом же ряду занимательных повестей стоят *Апокрифы о Соломоне* (в том числе рассказы о Соломоне и Китоврасе, о Соломоне и «ужичской» (южской) царице Моалкототшке (царице Савской), Суды Соломона), *Сказание о двенадцати снах Шахаиши*, *Сказание о Индийском царстве*, *Повесть о царе Адариане*, притчи из *Повести о Варлааме и Иоасафе*, патеричные рассказы. Е. привлекают произведения, соприкасающиеся с фольклорными сюжетами, такие как Плач Адама о рае, названный им «Стих старика за пивом», Слово о хмеле, проложное Слово о правде и неправде, напоминающее народный стих о правде и кривде, Легенда о перстне римского царя, найденном апостолом Петром в рыбе, представляющая собой вариант мирового сюжета «Поликратова перстня», легенда о дьяволе, обманом проникшем в ковчег Ноя, рассказ о чуде митрополита Киприана, скомороший диалог о добрых и злых женах, наконец, народные загадки, тесно соприкасающиеся с апокрифической *Беседой трех святителей*.

Большое место занимают в сборниках Е. и сами апокрифы. Помимо «О Соломоне и Китоврасе басен и кощюнов» он перечисляет рассказы об Адаме, Мельхиседеке, *Апокриф о иерействе Иисуса Христа*, *Епистолию Иисуса Христа о неделе*, «Пророка Ездры творение», *Сказание о двенадцати пятницах*, о начале правоверных и неправоверных народов, апокрифические вопросы (о рае, о десяти девах), отрывки из *Евангелия Пикодима* и др. Об «отреченности» этих произведений Е. знал очень хорошо, так как сам включал в свои сборники списки (индексы), где эти книги характеризовались как «сретическая списанья», которых не подобает «ни внимати, ни чести». Недаром после *Сказания о двенадцати пятницах* (от которого сохранилось только название и начало текста, а остальные листы оказались вырезанными) он написал: «сего во зборе не чти, ни многим являй».

Интересу к «скровным» (скрытым, отреченным) книгам сродни и стремление Е. по крохам собирать сведения по античной мифологии и философии. Упоминания об античных богах — Митре, Палладе, Артемиде он берет из Хропки Георгия Амартола, из «Покаяния» мученика Киприана. В Уваровском сборнике, вполне ортодоксальном по содержанию, на полях Е. делает приписку, упоминающую Крона, Диониса, Иру, Артемиду. Читающаяся

в другом сборнике приписка: «Что есть человек? Человек есть, рече, животно словесно мертвенно» скорее всего попала к Е. из одной беседы Иоанна Златоуста именно потому, что, по словам Златоуста, так определяют человека «языческие философы» (Творения Иоанна Златоуста. СПб., 1896, т. 2. кн. 1, с. 130—131).

Списки произведений, известных нам по сборникам Е., во многих случаях являются старшими в русской рукописной традиции. Однако они обладают, как правило, целым рядом индивидуальных особенностей, внесенных самим Е., редактировавшим тексты по своему вкусу. Е., выступая как редактор, создает новые редакции целого ряда произведений. Так, из Пален Толковой он почти всюду исключает богословскую полемику, сохраняя библейский, апокрифический и «физиологический» материал — тему мироздания, легенды о Соломоне, рассказы о животных — о львице, о птицах «згуде» и «алконосте», «фениксе», «харадре», о рыбах «мюрөме», «многоножке». Он вносит сокращения в «Хождение» игумена Даниила, в Сказание об Индийском царстве, в отрывки из «Истории Иудейской войны», в «Задонщину». Эти сокращения носят характерный для Е. целенаправленный характер, отличаются общими стилистическими приемами. В сокращенный текст вводятся отсылки к источникам — к книгам Священного писания или к произведениям, переписанным Е. в других его сборниках. Наконец, Е. вставляет фразы собственного сочинения, заменяющие сокращенный текст или дающие его краткий пересказ. Свою сокращенную переработку первой части Задонщины Е. дополняет выписками из краткого летописца, в которых некоторые события соотношены с Мамаевым побоищем: «В лето 6899 (1381) во праздик Вознесения господня прииде изо Царяграда на Русь Киприан митрополит год снустя по задончине», «В лето 6896 (1388) маия 19 преставися князь великий Дмитрей Иванович по задонщине на осмой год», «В лето 6900 (1392) сен. 25 преставися старец Сергий (Радонежский) по задонщине 13 лет прешло».

Работа редактора местами переходит у Е. в собственное творчество. К писательским приемам можно отнести привлечение им из других произведений цитат, подходящих к теме. В ефросиновской редакции «Задонщины» имеется фрагмент из *Слова о гибели Русской земли*. Толковая Паленя дополнена выписками из «Шестоднева», *Физиолога*, Хроник Амартола и Малалы; перечисление славянских племен в «Летописце вскоре» патриарха Никифора заимствовано из Толковой Пален. Рассказ о Генисаретском озере из «Иудейской войны» Иосифа Флавия в виде приписки на полях дополняет соответствующее место «Хождения» игумена Даниила. К *Слову о змеле* Е. прибавил отрывок из другого обличительного сочинения — *Слова о ленивых, сонливых и упрячливых*. Ряд индивидуальных чтений в списках ефросиновских сборников, возможно, представляет собой авторские тексты самого Е., таковы — вторая часть плача жен в Задонщине, написанная в стиле воинских повестей и летописных текстов, приписка

о рахманах, читающаяся на полях Хронографической Александрии, татары, заменившие филистимлян в рассказе о Самсоне и Далиле. В четырех сборниках Е. есть *Слова о добрых и злых женах*, приписанные Иоанну Златоусту, отрывки на эту же тему из *Пролога*, Притч Соломона, Пчелы. Благодаря различной подборке фрагментов и дополнению их новыми материалами письменного и устного происхождения каждый раз Е. создавал новое произведение с преобладанием элементов иного жанра — поучение для монахов, скоморошья сценки, книжное Слово, собрание афоризмов.

Некоторые из памятников, помещенных у Е., не встречаются ни в каких других рукописях и, может быть, являются его собственными сочинениями. Такова вставка в Сказание о рахманах (напечатано в кн. «Александрия»), живущих близ Индии «нагомудрецах», у которых нет «ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни бою, ни зависти, ни вельмож, ни татбы, ни разбоя, ни игр». У Амартола этих слов нет, и их можно считать отражением весьма смелых взглядов самого Е., имеющих характер своеобразной социальной утопии. Он же может считаться и автором оригинальной версии рассказа о Китоврасе, имеющей название «О Китоврасе от Палеи», но не встречающейся ни в одной из известных редакций Палеи. Китоврас — полузверь, получеловек («стан человек, а ноги коровии») — назван братом царя Соломона, который взял его в плен, воспользовавшись предательством жены Китовраса. Соломон задает пленнику вопросы: «Царь спросил его, что есть узорчнее во свете сем? Он же рече — всего есть лучше своя воля. Абие крянулся и все переломал и поскочил на свою волю». Среди традиционных цитат Слова о добрых и злых женах читается совершенно оригинальный диалог, противопоставляющий добрую жену злой, возможно, представляющий сфросиновскую обработку устного произведения. Чудо митрополита Киприана, варьирующее сказку о провалившемся дворе, также известно только по рукописи Е.

Круг интересов Е., тяга его к светско-познавательным, беллетристическим произведениям, как правило, с вымышленным сюжетом, большое внимание к статьям естественнонаучного характера делали его представителем светского направления в русской общественной мысли и литературе. Это направление, возникшее в русской письменности второй половины XV в., было приостановлено на целое столетие разгромом еретических движений в начале XVI в. и победой официальной феодально-христианской идеологии укрепляющегося централизованного государства. Тем не менее многие рукописи XV в., в том числе и сборники Е., сохранились в московских хранилищах (к XVII в. относится копия с одного из сборников Е. — хранится в Кирилловском историко-художественном музее, № 2967). Это обстоятельство сыграло определенную роль в сохранении литературного опыта и в возрождении русской беллетристики уже в самом начале XVII в.

Как было сказано, прямых данных об оригинальном творчестве Е. у нас нет; в разделе «Изд.» отмечены издания памятников, которые могут быть отнесены к нему предположительно.

Изд.: Luria [Lur'e] J. S. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit de XV siècle // *Revue des études slaves*. Paris, 1964, t. 43, p. 9; Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.; Л., 1965, с. 143—144; Каган - Тарковская М. Д. 1) «Слово о женах о добрых и злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 382—386; 2) Чудо митрополита Киприана: (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина) // Л., 1981, т. 36, с. 234—238; ПЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 72; 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 174—177.

Лит.: В а р л а м. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. П отд. имл. АН, 1859, кн. 5, с. 1—66; Рузский Н. В. Сведения о рукописях (описание сборников), содержащих в себе Хожеие в Святую Землю русского игумена Даниила в начале XII в. // ЧОИДР, 1891, кн. 3, отд. 2, с. 9—26; Леонид, архимандрит. Систематическое описание рукописей гр. А. С. Уварова. М., 1893, ч. 1, с. 480; Пикольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. / Изд. ОЛДП. СПб., 1897, вып. 113, с. 8, примеч. к № 107, с. 17—29, 57—83 (ср. с. XLIV—LXV); Симоны П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий // СОРЯС, Пг., 1922, т. 100, № 2; Седелников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // ИноРЯС. Л., 1929, т. 2, с. 626; Лурье Я. С. 1) Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 130—168; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 204—209; 3) Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // *Intern. Journ. of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 31—32 (1985), с. 257—267; 4) Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец // ТОДРЛ, т. 41; Дмитриева Р. П. 1) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966, с. 276—291; 2) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв.: (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 143—170; 3) Четыре сборника XV в. как жанр // Там же. Л., 1972, т. 27, с. 150—180; Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросинский хронограф // Там же. Л., 1977, т. 32, с. 256—274; Каган - Тарковская М. Д. 1) Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 192—199; 2) Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 250—252; Каган М. Д., Попырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Там же. Л., 1980, т. 35, с. 3—300; Мухомов Т. А. «Слово о хмеле» в списках XV в. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 155—156, 159—163.

М. Д. Каган, Я. С. Лурье

Житие Авраамия Галицкого см. *Протасий*.

Житие Авраамия Ростовского — памятник агиографии, написанный, по мнению большинства исследователей, не ранее XV в. Ж. повествует о легендарном основателе ростовского Богоявленского монастыря — Авраамии, память которого церковь отмечает 29 октября. В отношении времени жизни героя Ж. Авраамия, о котором кроме Ж. не сохранилось исторических сведений, мнения ученых, напротив, расходятся: Макарий Булгаков относил его подвиги к первым десятилетиям христианства на Руси, В. О. Ключевский — к 1073—1077 гг. (т. е. после смерти *Леонтия Ростовского*), А. А. Титов — к концу XI—началу XII в.; Е. Е. Голубинский и А. П. Кадлубовский, отказывающиеся видеть в Авраамии основателя Богоявленского монастыря (монастырь впервые упоминается в *Летописи Лаврентьевской* под 1261 г.), — к XIV в. Е. Е. Голубинский пытался отождествить без достаточных оснований героя Ж. с игуменом Авраамием Низким, ходившим в Царьград с митрополитом Пименом в 1385 г. Приходится, однако, считаться и с указанием третьей редакции Ж., что мощи Авраамия были обретены «во дни великаго князя Всеволода Юрьевича Владимирскаго внука Мономахова в лето 6683 октоврия в 27 день» (по-видимому, эту редакцию цитирует и Амвросий: *История российской иерархии*. М., 1811, т. 3, с. 64—65).

Разногласия эти порождены анахронизмами и противоречиями в тексте самого Ж. (уже в первоначальной редакции, например, говорится о великом князе, который сидит во Владимире, что совсем не согласуется с господством язычников в ростовских пределах), списки которого делят на три редакции, различающиеся прежде всего в описании жизни Авраамия до его прихода в Ростов. Первая редакция вовсе умалчивает об этом начальном периоде жизни святого, она, по словам В. О. Ключевского, «не житие сколько-нибудь связное, а довольно неискusstvenная сшивка общего очерка с двумя сказаниями» — о сокрушении идола Велеса и о борьбе святого с происками беса. Эта редакция неоднократно издавалась — в ПЛ (с разночтениями по рукописи второй редакции), в «Ярославских епархиальных ведомостях» за 1874 г. (перепечатка предыдущего издания), в ВМЧ, А. А. Титовым, М. П. Тихомировым, в кн. «Древнерусские предания». На основании первой редакции была составлена проложная память (издана А. И. Пономаревым). А. П. Кадлубовский предложил делить списки, содержащие эту первоначальную редакцию, на две версии, из которых вторая, содержащая имена князей и епископов ростовских, — позднейшая. Во второй редакции Ж. появляется более обстоятельный рассказ о юных годах Авраамия. Здесь названо, в частности, и место его рождения — город Чухлома,

сказано, что он постригся на Валааме. Предполагают влияние на эту редакцию Жития Авраамия Галичского или Чухломского (см. *Протасий*), чем определяется время ее появления — не раньше второй половины XVI в. Третью редакцию Ж. на основании отрывка ее, извлеченного Макарием Булгаковым из устава Валаамского монастыря и напечатанного им в «Истории русской церкви», датировали концом XVII или началом XVIII в. Филарет (Обзор, с. 266) бесосновательно приписал ее Фсодору Полетаеву. Полный текст этой редакции, напечатанный М. И. Соколовым и содержащий подробный рассказ об обстоятельствах ее создания (отсюда выясняется, между прочим, что уже в XVII в. появились скептики, сомневавшиеся в приурочении жизни Авраамия к древнему периоду), позволяет отодвинуть время возникновения третьей редакции на полстолетия (чудо 1649 г.). В третьей редакции, в основе которой лежит вторая, биография Авраамия дополняется новыми легендарными подробностями: оказывается, в частности, что первоначально он был язычником и носил имя Иверк, а после крещения был назван Аверкий. Установившуюся схему взаимоотношения редакций Ж. Авраамия Ростовского цитался пересмотреть Е. Е. Голубинский, согласно которому первоначальной является вторая редакция, а первая представляет собой ее проложное сокращение. Построение Е. Е. Голубинского, значительно усложняющее историю текста Ж., подверглось критике в книге А. П. Кадлубовского.

На позднее происхождение Ж. указывает и литературное происхождение большинства его мотивов, не всегда умело соединенных вместе. А. П. Кадлубовский установил влияние на него Жития Авраамия Затворника, входящего в состав «*Маренесиса*» *Ефрема Сирина*, а также апокрифического Жития Иоанна Богослова (см. *Апокрифы о Иоанне Богослове*). Л. А. Дмитриев доказал заимствование рассказа о бесе, заключенном в рукомойник, из легенды об Иоанне Новгородском (прежние исследователи не исключали возможности и обратного влияния или происхождения рассказа из общего источника). Наконец, Б. М. Соколов отметил переключку Ж. Авраамия с былинами об Идолище поганом.

Изд.: П. Л. СПб., 1860, вып. 1, с. 221—225; Преподобный Авраамий архимандрит, ростовский чудотворец // Ярослав. епарх. вед., 1874, ч. неофиц., № 45, с. 353—357; ВМЧ, Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880, стб. 2025—2032; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1889, т. 1, с. 263—265 (отрывок); Соколов М. П. 1) Пространное житие преподобного Авраамия, ростовского чудотворца // Ярослав. епарх. вед., 1890, ч. неофиц., № 14, стб. 213—222; № 15, стб. 225—239; 2) О редакциях жития св. Авраамия Ростовского // Тр. VIII Археол. съезда в Москве. М., 1895, т. 2, с. 238—240 (отрывок); Титов А. А. Житие преподобного Авраамия Ростовского чудотворца: По рукописи XVII в. // Ярослав. губ. вед. 1892, ч. неофиц., № 52, с. 2; № 53, с. 2 (перенеч. в статье: Титов А. А. Житие преподобного Авраамия Ростовского. (По поводу письма о нем иезуита И. М. Мартынова) // Христианин, 1908, № 8, с. 559—570); Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Повомарева. СПб., 1896, вып. 2, ч. 1, с. 42—44; Тихомиров М. П. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968, с. 184—188; Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982, с. 130—134.

Лит.: Церковь русская во дни св. Владимира и Ярослава до избрания митрополита Илариона. 988—1051 // Христ. чт., 1850, ч. 1, с. 59—61; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 26—38; Барсуков. Источники агнографии, стб. 1—5; Строев. Словарь, с. 318; Пономарев А. Авраамий // ПБЭ. Пг., 1900, т. 1, стб. 203—210; Кадлубовский А. 1) Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 1—43 (рец. Е. Е. Голубинского // Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого. СПб., 1905 (СОРАС, т. 78, № 4) с. 96—98); 2) Несколько разъяснений по поводу рецензии акад. Е. Е. Голубинского // РФВ, 1906, т. 55, № 1 и 2, с. 327—330; Голубинский Е. Е. 1) История канонизации, с. 82—83; 2) История церкви. М., 1904, т. 1, 2-я пол., с. 763—775; Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности: Труды славянской комиссии имп. Моск. археол. об-ва. М., 1907, т. 4, вып. 1, с. 59—61; Соколов Б. М. Былины об Идолище поганом // ЖМНП, 1916, Нов. сер., ч. 63, май, с. 20—28; История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 66; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 154—155; Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982, S. 142.

Т. В. Буланова

Житие Адриана Пошехонского — памятник русской агнографии XVI в. Самый ранний из дошедших до нас списков Ж. — конца XVI в. (ГПБ, собр. Погодина, № 861, сборник-конволют XVI—XVII вв., л. 969—981 об.). Текст Ж. в этом списке представляет собой рассказ об основании Адрианом своего монастыря и о трагической гибели Адриана во время нападения на монастырь, через 10 лет после его основания, крестьян соседнего села. Список этот озаглавлен: «Житие и подвизи преподобных отец наших, игумена Андреяна и старца Леванида, начальников честных обители Успения пресвятыя богородицы в Пошехонии, зовомаея Андреенова. Списано бысть житие святых тое же обители многогрешным игуменом Алексеем». Время создания этого текста точно датируется началом 70-х гг. XVI в.: автор произведения обращается с мольбой к святому помочь «царю нашему» одолеть крымских татар и «главу их» хана Девлет-Гирея. Вопрос о борьбе с Девлет-Гиреем особо остро стоял как раз в начале 70-х гг.: в 1571 г. он совершил поход на Русь, во время которого была сожжена Москва, а в 1572 г. был разбит при Молодах Воротыньским (в 1577 г. Девлет-Гирей умер). На начало 70-х гг. указывает и имя «списателя»: с 1570 по 1573 г. игуменом Адрианова-Пошехонского монастыря был Алексей. Вероятно, Алексей, о котором нам ничего кроме его имени неизвестно, и был автором данного текста. Текст этот не имеет ни вступления, ни заключительной похвалы святому, а содержание его отличается сюжетной остротой. Рассказ начинается с сообщения о появлении в Корнильево-Комельском монастыре, постриженником которого был Адриан, таинственного пезнакомца по имени Бестуж, под влиянием которого Адриан решает покинуть свой монастырь и основать в пустынных местах собственную обитель. В 1540 г. Адриан с послушником Леонидом уходит из Комельского монастыря. Бестуж приводит их в пошехонские леса и таинственно исчезает. С рядом фантастических и реалистических подробностей рассказывается, как

пришельцы устраиваются на новом месте, ставят кельи, создают монастырь. После сообщения о смерти Леониды следует основная часть произведения — рассказ о нападении на монастырь жителей села Белого 5 марта 1550 г. Рассказ этот, имеющий отдельный заголовок — «Страдание преподобного отца нашего игумена Андреана от зверообразных разбойник», насыщен драматическими подробностями. Это не повествование о мученической смерти подвижника во славу веры, а наполненное живыми реалиями описание действительного события с яркими диалогами, отличающимися мрачным юмором. Столь же живо рассказано и о том, как было раскрыто это тайное нападение на монастырь и чем оно завершилось для жителей Белоселья. Время написания памятника отдалено от описанного в нем события двадцатью годами. Не приходится сомневаться поэтому, что автор Ж. пользовался рассказами современников, а возможно, и свидетелей и участников разгрома монастыря в 1550 г. Все остальные известные в настоящее время списки Ж. датируются XVII в. и более поздним временем и состоят из двух частей: из такого же текста, как в Погодипском списке, и второй половины жития, имеющей самостоятельное заглавие: «Слово на обретение честных мощей преподобно-мученика игумена Андреана». Это Слово повествует об открытии мощей Адриана Пошеховского в 1626 г. Слово написано более книжным, чем первая часть Ж., языком и носит деловой, официальный характер. Здесь повествуется о том, что случилось с телом убитого Адриана во время нападения на монастырь белосельцев, как стало известно о месте его погребения (в первой половине Ж. автор говорит, что ему ничего неизвестно о том, где находятся останки Адриана), подробно описано обретение мощей Адриана и перенесение их в Адрианово-Пошеховский монастырь. Основная задача Слова — доказать, что вырытые на территории Рябицина монастыря останки человека — это мощи Адриана, что еще до того, как стало известно, что это его мощи, на том месте, где они были погребены, уже свершались чудеса. Несмотря на деловой характер этой второй части Ж., и она наполнена целым рядом интересных подробностей, в ней немало живых, ярких деталей. В этой части Ж. сообщается, что предсмертный рассказ монаха Рябицина монастыря Ионы, поведавшего передавшую ему его отцом историю о тайном погребении убитого Адриана, записал священник Лукьян Козмин. Активное участие в открытии мощей Адриана принимал игумен Рябицина монастыря Лаврентий. Ключевский считал, что последний и был автором этой части Ж. Издатели текстов жития в «Ярославских епархиальных ведомостях» считали автором Лукьяна Козмина. К «Слову на обретение мощей» присоединены рассказы о чудесах. Первые из них датируются 1626 г., последнее — 1670 г. Слово скорее всего было написано в близкое время к 1626 г. Тогда же были записаны и первые чудеса. Со временем, в ходе дальнейшей литературной жизни памятника, к нему присоединялись рассказы о более поздних чудесах. Кроме охарактеризованного вида Ж. — его первой

редакции, состоящей из двух одновременно созданных частей и объединенных в единое повествование, существует вторая редакция Ж., представляющая собой сокращение и переработку первой редакции. Основная тенденция второй редакции — приращение тексту произведения характера, более соответствующего официальной агиографии: коренным образом перерабатываются или устраняются совсем все наиболее сюжетно острые эпизоды, бытовые подробности; язык повествования приобретает отвлеченный, книжный характер; несмотря на сокращение произведения, в его текст вводятся общие места, в начале Ж., в традиционно-житийных формулировках сообщается о рождении Адриана «в богоспасаемом граде Ростове . . . от родителей благочестивых и богобоязненных». Ж., особенно в первой половине его первой редакции, — одно из интереснейших произведений древнерусской агиографии. В сущности, это не житие святого, а яркая, живая повесть, в которой нашли отражение социальные противоречия между монастырем и населением окрестных деревень. И повесть эта замечательна не только своей социальной остротой, но и своей сюжетной динамичностью, непосредственностью изложения.

Изд.: Житие и страдание святого преподобномученика Адриана игумена, пошеховского чудотворца // Яросл. епарх. вед., 1873, ч. песфич. № 4, с. 25—31; № 5, с. 33—42; № 8, с. 55—61; № 9, с. 63—70; № 10, с. 71—78.

Лит.: П е к р а с о в И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса. 1870, ч. 1, с. 64—66; К л ю ч е в с к и й, Древнерусские жития, с. 327—328; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 13—15; Б у д о в и ц. Монастыри на Руси, с. 301—304; Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 199—213.

Л. А. Дмитриев

Житие Акакия Тверского см. *Васиан Кошка.*

Житие Александра Куштского — памятник русской агиографии XVI в. (датировка В. О. Ключевского). Судя по знанию ряда мелочей, Ж. написано монахом основанного Александром Куштского монастыря. Как ясно из Ж., Александр (17 марта 1371 г. — 9 июня 1439 г.) был уроженцем Вологды, звался Алексей, юношей явился в Спасо-Каменный монастырь на острове на Кубенском озере, тамошний игумен Дионисий постриг его и отдал в послушание старцу. Спустя много лет Александр, ища уединения, вышел из монастыря и поселился в лесном и болотистом месте Сянжема. По причине близости мирских поселений он ушел и оттуда — за восемьдесят «поприщ» на север в труднодоступные места на реке Кушта, в двух «поприщах» к востоку от Кубенского озера, где, как он слышал, подвизался другой отшельник, Евфимий. Тот уступил ему свою келью, а сам отправился на покинутую Александром Сянжему и воздвиг там церковь Покрова Богородицы и монастырь.

Александр какое-то время жил один, кошая мотыгой землю и сея яровой хлеб, потом пять лет прожил с пришедшим к нему старцем, после чего появился и третий. Сходя в Ростов к епископу Дионисию, бывшему игумену Спасо-Каменного монастыря, некогда его постриженному, Александр возвратился с благословением и всем потребным «на устройство пустынное» и воздвиг — неподалеку от первоначальной кельи Евфимия — церковь Успения Богородицы. Князь Дмитрий Ярославский, владелец тамошних мест, дал ему средства «на созидание обители», а княгиня Мария стала посылать в нее продовольствие. Во время татарского набега на тамошние села пять татар явились в монастырь, но осененные рукой игумена крестом пали на землю как мертвые. Через несколько часов игумен «возбуди» их, и они «шюидоша путем своим, славяще и хваляще милости святаго». Оставшаяся вдовой княгиня Мария, посетив однажды монастырь, нечаянно увидела Александра читающего псалмы обнаженным «до церсей», причем «ядаху святаго комары и угре». Заметив ее, «преподобный озлобися на ню, занеже бо бе пресече ему молитву». В другой раз Александр предсказал княгине смерть через двадцать дней.

Есть в Ж. эпизод, характеризующий отношение Александра к ворам. В тот год урожай был хорошим, «делатели», сгребя на гумне пшеницу в кучу, ушли «почивати», и на гумно явился вор-поселянин. Он набил пшеницей мешок, но не смог его поднять. Тут он услышал вопрос игумена: «Почто, чадо, не по силе взял еси?» Игумен посоветовал ему отсыпать. Испуганный вор, и отсыпав, не смог поднять мешок. Игумен «еще усыпати повеле», так что «мало оастая», но и тогда тот «невозможе поднять». Лишь когда Александр Куштский простил его и велел больше так не делать, тот легко поднял мешок и, пообещав впредь не воровать и поблагодарив Александра, ушел «в дом свой».

Перед смертью Александр повелел своей братии, Савватию и Симеону, воздвигнуть церковь во имя Николая Чудотворца и указал место, где ее построить.

Ж. описывает внешность Александра — человека среднего роста, «излише» сухого, круглолицего, со спокойными («тихими») глазами, круглой бородой по грудь, с темно-русыми, наполовину седыми волосами.

Погребен он был на указанном им месте южнее алтаря церкви Успения. Из его могилы выросла рябина. В один из праздников Успения оставленный без надзора некий «детипц» соседей-поселян отломал у этой рябины ветку, после чего рука его отекала и стала сильно болеть. Лишь когда его родители, через несколько дней явившись вновь в монастырь, помолчились и приложились к гробу игумена-основателя, рука мальчика выздоровела. Это было первое чудо преподобного Александра Куштского. Оно побудило с благоговением относиться к надгробной рябине и брать ее «ягодичие» «на исцеление недугов». После рассказа об этом первом чуде в Ж. говорится о ночном пожаре 7027 (1519) г., когда сгорели оба храма.

Большинство посмертных чудес Александра — это исцеление приводимых к нему из окрестных деревень больных, преимущественно (в 13 случаях из 20) бесповатых. При этом называются имена больных или их родных, указываются «веси», их расстояние от обители. В одном из этих случаев Александр опять предстает нетерпимым к воровству хозяином: он явился во сне беснующемуся Мануилу и сказал: «. . . есть у тебе в дому седло монастырское, и ты его отдай в дом мой, понеже то седло украдено бысть в пустыни».

Бывшее прежде последним девятнадцатое чудо в отличие от остальных датировано, причем не только указан год — 7027 (1519), — но и сказано, что это было «при державе в православии изрядно сиятельного царя нашего и великого князя Иоанна Васильевича Московскаго и всея России, и при благоверных сынех его царевичах князе Иоанне Иоанновиче и князе Феодоре Иоанновиче». Очевидно, на этом основании В. О. Ключевский считал, что Ж. написано во времена царя Иоанна. В некоторых списках к этим чудесам приписано последнее, двадцатое, датированное 7181 (1673) г.

Списки Ж. не часты (XVII—XIX вв.). Под 9 июня оно включено в Тулуповские и Милютинские Четии Минеи. В Тулуповских Минеях и некоторых других списках сопровождается Похвальным словом Александру Куптскому. Существует также (см., например, список ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 624 (156), Трефолой русским святым, конец XVI—начало XVII в., л. 467) Служба Александру, примечательная тем, что тропари ее канона начинаются теми же словами, что и их ирмосы. Весь этот комплекс памятников не издан.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 300; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 16—17; М у р а в ь е в А. П. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894, с. 353—365.

Г. М. Прохоров

Житие Александра Ошевенского см. *Феодосий, игумен Ошевенского монастыря*.

✠ **Житие Александра Свирского** см. *Иродион*.

Житие Алексея митрополита — памятник русской агиографии, первоначальная редакция которого датируется XIV в. Существует пять редакций Ж., из которых первоначальная — рассказ «О Алексее митрополите» — содержится в *Летописце Рогожском* XV в., *Летописи Симеоновской* XVI в. и содержалась в *Летописи Троицкой* 1408 г. Судя по тесной связи, тематическому (митрополичий престол), композиционному, стилистическому и лексическому родству этого рассказа с примыкающей к нему в летописи *Повестью о Митяе-Михаиле*, они были написаны одновременно, стало быть между 1379 и 1382 гг. Вставленный в летопись вслед за сообщением о кончине митрополита *Алексея*,

под 6885 (1377—1378) г., рассказ «О Алексее митрополите» представляет собой весьма суммарное и неточное описание жизни митрополита от рождения до смерти и похорои, причем акцент сделан на постепенности прохождения Алексеем всех иерархических ступеней: тем самым — по контрасту — в невыгодном свете выставляется фигура *Митяя-Михаила*, по воле великого князя ставшего заместителем митрополичьего престола после смерти митрополита Алексея. По внешности беспристрастный и фактографичный рассказ этот, предваряющий Повесть о Митяе, в литературном отношении являет собой как бы посредственную ступень между погодным летописным повествованием и Повестью с ее интригой и сюжетом (преступление и наказание Митяя).

После того как 20 мая 1431 г., при митрополите Фотии, были обретены мощи митрополита Алексея, архимандрит, а затем епископ Пермский *Питирим* написал службу (стихиры и канон) митрополиту Алексею, используя для нее как житие первоначальный летописный рассказ «О Алексее митрополите» (*Пахомий Серб*, а вслед за ним Ключевский склонен был считать Питирима автором первоначального рассказа). Около 1450 г. митрополитом *Ионой* было установлено всецерковное празднование памяти митрополита Алексея; в связи с этим, примерно в это время, Пахомий Серб написал повесть об обретении мощей митрополита Алексея, а затем и Ж., пополнив сведения первоначального рассказа, но данными столь же неточными и хронологически спутанными, почерпнутыми из разных источников, устных и письменных, главным же образом «от самого писания архимарита Питирима» (Житие... составленное Пахомием Логофетом, с. 4—5).

Однако 1486 г., полагает Ключевский, Ж. вторично было пересмотрено и дополнено. В *Летописи Никоновской* (ПСРЛ. СПб., 1897, т. 11, с. 29—35) находится 3-я редакция, представляющая собой компиляцию нескольких источников, главными из которых служили первоначальный рассказ и Пахомиева редакция; почти дословные выписки из них здесь чередуются. В XVI же веке по распоряжению митрополита *Макария* при составлении Степенной книги была создана новая, 4-я редакция Жития (ПСРЛ. СПб., 1913, т. 21, 2-я пол., с. 346—386) опять-таки как компиляция разных источников — предшествующих редакций (в том числе 3-й), *Жития Сергия Радонежского*, летописных записей. Ж., приписывавшееся Питириму, и Пахомиево были включены митрополитом Макарием в ВМЧ под 12 февраля (ГИБ, Соф. собр., № 1320, л. 285 и сл.).

В последние десятилетия XVII в., при патриархе Адриане, монахе Чудова монастыря, по всей видимости, известным справщиком книг и сотрудником Епифания Славинецкого Евфимием, была написана 5-я, самая полная редакция Ж. Кроме предшествующих редакций и летописи автор воспользовался доступными ему грамотами, ярлыками, своим знанием рукописей XIV в. и истории Московского княжества. Хотя и этот редактор не смог, отмечает Ключевский, устранить все неточности и внутренние проти-

воречия своих предшественников, его труд он считает одним из лучших в древнерусской литературе среди житийных памятников по искусству и грамотности изложения и сравнительной свободе от условных форм и общих мест жития. Оканчивается это Ж. известием о перенесении мощей митрополита Алексея в 1686 г. К нему приложены акты, которые упоминает в тексте автор, ханские ярлыки и копия найденной в казне рязанской митрополии подлинной грамоты митрополита Алексея на Черный Яр с его собственноручной подписью по-гречески. Эта, пятая, редакция находится в рукописи ГИМ, Синод. собр., № 596, Сборник, XVII—XVIII в.; напечатанная в книге «Службы и акафист. . .» Краткая проложная редакция Ж. напечатана и А. И. Пономаревым в «Памятниках. . .».

Изд.: Житие митрополита всея Руси святого Алексея, составленное Пахомием Логофетом // ОЛДП. СПб., 1877—1878, т. 4, № 1—2; Службы и акафист иже во святых отцу нашему Алексею митрополиту, всея России чудотворцу. М., 1891; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковноучительной литературы. СПб., 1898, вып. 4, ч. 2, с. 41; Шляков Н. Житие св. Алексея митрополита московского в пахомиевской редакции // ИОРЯС. СПб., 1914, т. 19, кн. 3, с. 85—152; Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Сербя: (Старшая редакция Жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 242—257; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1979, с. 216—218.

Лит.: Ключевский Д. Древнерусские жития, с. 120, 132—140, 168—169, 243—245, 319, 355—356; Барсуков. Источники агиографии, стб. 27—31.

Г. Н. Прохоров

Житие Антония Римлянина («Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина и о приходе от града Рима в Великий Новгород») — легендарное житие популярного новгородского святого. Согласно Ж., Антоний, итальянский отшельник, приплыл в Новгород по морю прямо из Рима, стоя на огромном камне. Вслед за ним плыла бочка с сокровищами. Новгородский епископ Никита оказывает Антонию подобающий прием и советует ему заложить монастырь на том месте, куда пристал камень. Впоследствии архиепископ *Нифонт* делает Антония игуменом созданного им монастыря. Ж. отпосит чудесное плавание Антония к 1105 г.

Новгородский Антониев монастырь впервые упоминается в летописях под 1117 г.; Антоний, реальный основатель монастыря, был скорее всего богатым новгородцем, о поставлении Антония в игумены говорится под 1131 г., о его смерти — под 1147 г. Именование Антония Римлянином начинается лишь в XVI в. Легенда о его римском происхождении сложилась, по-видимому, в ту эпоху, когда утрата Новгородом независимости вызвала появление ряда сказаний о наследовании «римских» святых (конец XVI—начало XVII в.).

Ж. сохранилось в рукописях конца XVI—XVIII вв., текст его идентичен во всех списках. Повествование в Ж. ведется от

лица игумена Андрея, пресмника и ученика Антония, который несколько раз упоминает о себе в тексте, — тем самым Ж. претендует на древность (XII в.). Однако язык и анахронизмы Ж. свидетельствуют о том, что оно принадлежит значительно более поздней эпохе (судя по упоминанию некоторых реалий, не могло быть написано ранее 30-х гг. XVI в.). Имя Андрея могло попасть в Ж. либо в результате намеренной подделки, либо из какого-то древнего источника. Точное время составления Ж. неизвестно; появление его объясняется общим для XVI в. стремлением к канонизации местных святых. Мысль о прославлении Антония могла возникнуть после канонизации в 1558 г. епископа Никиты (отсюда его роль в Ж.). Из статей, приложенных к Ж., явствует, что автором его с наибольшей вероятностью можно считать монаха Антониева монастыря *Нифонта*, известного своей деятельностью и сочинениями по поводу канонизации Антония в 1597 г. Кроме того, в сочиненном Нифонтом около 1591 г. Похвальном слове есть указание, что к этому времени Ж. Антония уже существовало. Таким образом, Ж. датируется приблизительно 70—80-ми гг. XVI в. Текст Ж. неоднороден: его составитель соединил легендарную часть с реальной, причем допустил некоторые несоответствия между ними, включил в текст отрывки из духовной и купчей грамот Антония и заполнил недостающее общими местами. По установившемуся мнению, Нифонт пользовался при сочинении «Сказания» не дошедшим до нас древним кратким Ж., которое действительно могло принадлежать игумену Андрею, и по обычаю древнерусских книжников присвоил имя Андрея своей переделке. Этого древнего Ж. могло, однако, не быть: фактические сведения «Сказания» не выходят за пределы данных *Летописи Новгородской I*, отсюда же могло быть взято имя Андрея. Сознательная подделка, произведенная в таком случае Нифонтом, имеет свое объяснение. В 70-х гг. XVI в. Антониев монастырь вел длительную земельную тяжбу с посадскими людьми; в текст Ж. не случайно вставлены цитаты из грамот Антония и рассуждения о монастырских землях, купленных якобы самим святым на собственные деньги. Древность жития придавала бы вес монастырским претензиям.

Ж. обычно встречается в рукописях в составе большой композиции, озаглавленной «Житие и подвизи преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина игумена бывшего в Великом Новеграде. . .»; кроме Ж., в нее входят предисловие, Похвальное слово и, довольно часто, статья «О предложении тела. . .». Автором всех этих статей является Нифонт. Предисловие к Ж. и Похвальное слово Антонию написаны им около 1591 г., когда по инициативе игумена Кирилла Завидова монастырь начал добиваться открытия мощей и канонизации Антония. После канонизации, в марте 1598 г., Нифонт прикладывает к прежним статьям пространную записку о прошедшей церемонии и бывших при ней чудесах святого («О предложении честного и многочисленного тела преподобного и богоносного отца нашего Антония

чудотворца Римлянина иже в Великом Новгороде»). В послесловии к этой статье Пифонт перечисляет свои заслуги.

Ж. со всеми дополнительными статьями вошло в *Минеи Четехи Чудовские* 1600 г. и в другие четыре минеи XVII в. (17 января и 3 августа). Во второй половине XVII в. для печатного *Пролога* была сделана краткая и небрежная переделка Ж. В конце XVII в. к Ж. было прибавлено описание 18 новых чудес. В полном или сокращенном виде Ж. часто переписывалось в сборниках XVII—XVIII вв.

Подробный перечень всех статей жития см.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 435—438. Перечень (весьма неполный) списков Ж. см. в кн. Н. П. Барсукова.

Изд.: ПС, 1858, № 5—6, с. 157—171, 310—324; ПЛ. СПб., 1860, вып. 1, с. 263—270.

Лит.: Буслаяев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861, т. 2, с. 110—115; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 306—311; Барсуков. Источники агнографии, стб. 48—51; Голубинский. История церкви. М., 1904, т. 1, 2-я пол., с. 590—595; Валк С. П. Начальная история древнерусского частного акта // Всомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937, с. 285—318; Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси // ИЗ, 1945, т. 17, с. 233—241; Янин В. Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // Вести. МГУ. Ист., 1966, № 3, с. 69—80 (перезд. в кн.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с. 40—59); Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 23—25.

Е. А. Фет

Житие Антония Сийского — житие основателя Антониево-Сийского монастыря в Архангельском крае на реке Сии. Антоний, родом из семьи зажиточных землевладельцев села Киехты Двинской волости (род. в 1478 г.), после смерти родителей уходит в Новгород, поступает здесь на службу к боярину, женится. После смерти жены и своего хозяина Андрей (мирское имя Антония) покидает Новгород. В Преображенском монастыре на реке Кене принимает монашеский постриг. Пробыв здесь некоторое время, Антоний с двумя монахами уходит дальше на север, чтобы создать собственный монастырь. Вместе со своими спутниками он пытается обосноваться на реке Шелексе, притоке реки Емцы. В этом месте он пробыл 7 лет, но все же вынужден был уйти отсюда, так как местные крестьяне никак не хотели примириться с непрошеными пришельцами. В 1520 г. Антоний с четырьмя монахами уходит на реку Сию и создает здесь новый монастырь, ставший со временем одним из крупнейших монастырей русского Севера. Умер Антоний в 1557 г.

По-видимому, вскоре после смерти Антония инок монастыря Филофей начал писать Ж., но монастырская братия почему-то воспротивилась этому. Что из себя представлял труд Филофея, мы ничего не знаем. В 1578 г. Ж. было написано иноком Сийского монастыря *Ионою*. Через год, в 1579 г., новую редакцию Ж. на

основе Ж., написанного Иопой, составил сын *Ивана IV Васильевича Грозного* царевич *Иван Иванович*. На основе этих двух редакций, с прибавлением рассказов о чудесах святого (до 1663 г.), записываемых в разное время, в 60-х гг. XVII в. была составлена третья редакция Ж. Имеется также проложная редакция Ж.

Исчерпывающего исследования Ж. нет.

Изд.: Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. Славяно-русский прелог. Ч. 1. Сентябрь—декабрь. СПб., 1896, с. 65—67; Преп. Антоний, Сийский Чудотворец: Ист. сведения о церковном его почитании / Сост. иеромонах Никодим. СПб., 1901.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 300—302 и 336—337; Макарий. Исторические сведения об Автлевском Сийском монастыре // ЧОИДР, 1878, кн. 3, с. 1—122; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881, с. 110—118; Барсуков. Источники агнографии, стб. 51—55; Конов А. Преподобный Антоний, сийский чудотворец и церковно-историческое значение славянской им сбители. СПб., 1895; Будовиц. Монастыри на Руси, с. 270—276; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера. Л., 1977, с. 25—32.

Л. А. Дмитриев

Житие Арсения Копевского см. *Варлаам, игумен Копевского монастыря*.

Житие Арсения Тверского — агнографический памятник, посвященный Тверскому епископу *Арсению*. Сохранилось в двух редакциях — Основной и Макарьевской 1764 г. в значительном количестве списков (свыше 50); древнейший — ГБЛ, собр. Ундольского, № 286, 80—90 гг. XVI в. Первоначальная редакция была создана, по-видимому, в связи с открытием в 1483 г. мощей тверского епископа Арсения, когда было установлено местное празднование его памяти. Инок Желтикова монастыря *Феодосий* по благословию тверского епископа *Вассиана* написал тогда Службу (канон и стихиры) Арсению. Имя Феодосия как автора и очевидца чудес упоминается также в Ж. На этом основании В. О. Ключевский предположил, что и Ж. написано примерно в то же время и тем же иноком Феодосием. О такой же датировке первоначальной редакции Ж. свидетельствуют слова в Ж. о конце «века» и наступлении восьмой тысячи лет: «... но в последняя сия времена, егда же коньчина седмаго века приходит, осьмый же наставши, но и тогда у гроба святого точатся безпрестани чюдеса. . .» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 286, л. 24).

Сохранилось проложное Ж., известное по спискам с середины XVI в., издано А. И. Пономаревым. Оно создано, по-видимому, независимо от про странного. Как исторический источник интереса оно не представляет: Арсений в нем — тверитин, от «младых поготь» возлюбивший бога, подвизается в некоем монастыре, затем основывает собственный на Желтикове и лишь после этого ставится «от князей и от вельмож» в епископы (см., напр., ГИМ. собр. Уварова, № 1001 (684), л. 8 об.).

В 1764 г. ректор тверской духовной семинарии Макарий значительно распространил и беллетризировал старое Ж., ввел в него обширные диалоги, подробно описал суд над предшественником Арсения Ефимием Висленем и таким образом создал свою редакцию Ж. (подобным образом он создал и новую редакцию *Жития Михаила Ярославича Тверского*). Эта редакция сохранилась в ряде списков.

Изд.: Житие и Повесть об обретении мощей Арсения Тверского. СПб., 1791 г.; Памятники др.-рус. церковно-учит. лит. Вып. 4. Славяно-русский пролог, ч. 2 / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1898, с. 47—48; Житие святого отца нашего Арсения епископа Тверского. С изображ. святого и объяснит. примечаниями. М., 1905.

Лит. см. в статье *Феодосий*.

Е. Л. Колявская

Житие Артемия Веркольского — одно из севернорусских житий, в основе которых лежит верование местного сельского населения в «мощи» своих местных «святых», которым приписывался дар чудотворения. Артемий, сын крестьянина из села Верколы (село с этим названием на реке Пинеге сохранилось до наших дней), в 12 лет был убит молнией, когда вместе с отцом бороповал папню. Сначала его останки погребли в лесу, но потом перенесли их (через 33 года) в село Верколу к местной церкви, так как в том месте, где он лежал в лесу, люди будто бы видели сияние. У перенесенных останков мальчика начались «исцеления» и другие чудеса. Рассказ о гибели Артемия (собственно житие) очень краток, и основное содержание Ж. — рассказы о чудесах. В этих рассказах нашли яркое отражение жизнь и быт севернорусского села XVII столетия.

До нас дошло несколько редакций Ж. Первая редакция, составленная по повелению новгородского митрополита Макария, была написана в близкое к 1618 г. время (этим годом датируется последнее чудо в этой редакции), она включает в свой состав 53 чуда. В основе этой редакции лежал первоначальный вид рассказа об Артемии, возникновение которого можно связывать с перенесением останков Артемия из леса в Верколу в 1577 г. Этот первоначальный вид представлял собой краткую справку о нем и описание первых 19 чудес. Следующие после первой редакции Ж. повторяли текст первой редакции, дополняя его новыми чудесами. Вторая редакция, составление которой следует относить к 1649 г., состоит из 72 чудес. Третья, созданная в самом начале XVIII в. (последнее чудо в ней датировано 1700 г.), содержит рассказы о 85 чудесах. К этим трем основным редакциям восходят четвертая и пятая (проложная) редакции. Первая редакция представлена тремя вариантами, четвертая — двумя. Заглавие Основного варианта первой редакции: «Житие святого праведнаго богомудраго отрока новоявленнаго Артемия Веркольскаго чудотворца. Снисано по благословению Макария, митрополита новгородскаго. Благослови отче». Научного издания текста Ж. нет.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 323—324; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 183—187; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 249—261.

Л. А. Дмитриев

Житие Варлаама Важского см. *Иона, игумен Глушицкого монастыря.*

Житие Василия Блаженного. Сведения о герое Ж. скудны и большей частью легендарны. Считается, что он родился при *Иване III* в подмосковном селе Елохове, в 16 лет переселился в Москву, где юродствовал на улицах и площадях. Излюбленными его местами была Красная площадь и баня у Варварских ворот в стене Китай-города. По преданию, умер 2 августа 1552 г. Был похоронен поблизости от Покровского, «что на рву», собора (там было кладбище, упраздненное при царе Алексее Михайловиче). В 1588 г. иждивением очень почитавшего Василия царя Федора Ивановича были открыты мощи юродивого. Над могилой Василия построили церковь, впоследствии соединенную с собором и ставшую его «Васильевским приделом». С тех пор собор стал называться «Покровским Василия Блаженного собором».

Ж. было написано вскоре после открытия мощей (оно опубликовано И. И. Кузнецовым по старейшему списку 1600 г.). Это памятник, в котором сильно сказался стиль «второго монументализма» с его склонностью к риторике и общим местам. При невысокой информативности Ж. оно полно реминисценций из других текстов — в частности, из похвального слова Иоанну Богослову, приписываемого Иоанну Златоусту и включенного в *Великие Минеи Четии* (сравнение подвижника с артистом, «музыкальным художником»), из Домостроя (объяснение парадоксального жеста Василия, пиврявшего камень в дома благочестивых жителей и, напротив, плакавшего у вертепов; оказывается юродивый бросал камень в бесов, силившихся проникнуть в жилища праведников, и вместе с ангелами оплакивал ведущих «скардную» жизнь). Занятия характерны и для «краткого похвального слова» Василию, которое, по всей вероятности, завершало основной текст Ж. «Краткое похвальное слово» — это мозаика из эпоса второй службы Василия и похвалы Исидору Твердислову.

Однако Ж. имеет несомненную художественную ценность; в нем дан набор стереотипов поведения юродивого: презрение к телу (на самых ранних иконах Василий изображен нагим, без «одеяния чресл»; поскольку у него было прозвище Нагой, это, возможно, отражает реальность); элементы общественного протеста (легендарный эпизод о том, как Василий «шаловал» во дворце *Ивана Грозного*); жесты юродивого, и т. д.

Наряду с этим ранним («полным», по терминологии издателя) Ж. существует и позднее Ж., созданное уже в XVIII в. (в позднем Ж. упоминаются «игрища» на Красной площади; это очевидный

намек на общедоступный театр Петровской эпохи). Оно представляет собою собрание народных рассказов о Василии и принадлежит столь же к литературе, сколь и к городскому фольклору. И. И. Кузнецов назвал его «житием особого состава».

А. И. Соболевский предложил другую терминологию — Ж. «каноническое» и Ж. «апокрифическое», справедливо отметив, что дилетантское, избыливающее ошибками издание И. И. Кузнецова не дает представления о литературной истории Ж. Необходимо новое, научное издание и исследование Ж. Василия Блаженного — и «канонического», и «апокрифического».

Изд.: Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. М., 1910 (Зап. Моск. археол. ин-та, т. 8) (рец.: Соболевский А. И. — ИОРЯС, 1913, кн. 3, с. 391—395).

Лит.: Лихачев Д. С., Шапченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 106, 130—132 и др.

А. М. Шапченко

Житие Василия и Константина, князей Ростовских см. *Павломий, ярославский монах.*

Житие Всеволода-Гавриила см. *Василий, Григорий.*

Житие Геннадия Костромского см. *Алексей, игумен Спасо-Геннадиева монастыря.*

Житие Георгия Нового см. *Илья, новгородский иеромонах.*

Житие Герасима Болдинского см. *Антоний, епископ Вологодский.*

Житие Герасима Вологодского — памятник русской агиографии, посвященный одному из древнейших святых Вологодского края, однако никаких ранних сведений о Герасиме Вологодском до нас не дошло. Но-видимому, существовало какое-то раннее Ж., которое могло погибнуть при захвате и разорении Вологды польско-шведскими отрядами в Смутное время, в 1612 г., когда был разгромлен основанный Герасимом Троицкий на Кайсаровом ручье монастырь. Об этом сообщается в Сказании XVII в. о чудесах Герасима. Само это Сказание носит традиционный характер перечисления чудес, якобы совершенных святым. Одни из них — краткие, в несколько строк, записи о выздоровлении больных при посещении монастыря или гробницы святого, либо при чудесном явлении его болящим; другие — более распространенные сюжетные повествования, в которых нашли отражение бытовые стороны жизни той эпохи, исторические события. Все записанные чудеса относятся к первой половине—середине XVII в., т. е. к тому периоду, когда Троицкий монастырь возродился после разгрома 1612 г. Наибольший интерес этого позднего традиционного Сказания о чудесах святого представляет пред-

посланное рассказу о чудесах небольшое вступление, в котором составитель чудес пишет, что в старых вологодских летописцах сообщалось о том, что Герасим пришел в 1147 г. из Киева на реку Вологду и основал здесь монастырь, и хотя в то время города Вологды еще не существовало, какие-то поселения в этом месте уже были. В этой же записи сообщается о существовании более древнего Ж. святого и говорится, что он умер в 1178 г.

Списки Сказания о чудесах Герасима очень редки. Один из них находится в ГИМ, собр. Уварова, № 1247 (107) (134), в сборнике севернорусских житий начала XVIII в., на л. 69—81 об.: «Месяца августа в 19 день, память преподобнаго отца нашего Герасима, Вологодского чудотворца» (25 чудес, с 1649 г.), второй список указан П. Коноплевым в сборнике из библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря № 37/36: «Чудеса и деяния и преславная новоявленная творения преподобнаго и приснопамятнаго отца нашего Герасима, иже у пресвятыя Троицы, вверх посаду с поля от Прилука, что у Кайсарова ручья» (время сборника не указано). Памятник не исследован.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 332; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 25—43; Барсуков. Источники агрографии, стб. 126—127; Коноплев П. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 12—14.

Л. А. Дмитриев

Житие Германа Соловецкого — памятник русской агнографии конца XVI—начала XVII в. Название этого произведения как жития — явление позднее. В рукописях XVII в. оно имеет устойчивое название — «Повесть о блаженном старце Германе, сподвижнике преподобным отцем Зосиме и Саватию, како поживе с ними на острове Соловецком и о преставлении». Сам автор и его современники-читатели, по-видимому, не считали возможным отнести его к жанру жития. О конкретных обстоятельствах написания произведения в нем самом сообщается следующее: «Списася убо повесть сия вины сицевы. Понеже древнии отцы о авве Германе, како преставися и где погребеся, о сем писанию не предана. А мне, писателю повести сея, в старость пришедшу, паче от болезни утешяему, и усумнехся, да не глубиною забвения покрыто будет преставление и погребение старца Германа». В этом объяснении с упоминанием реальных обстоятельств создания произведения соблюдается в известной мере традиционность авторских предисловий. Стилистически близкий оборот — «да не в забвение будет по бозе добродетельное житие» — употребил в свое время и *Досифей*, соловецкий монах в «Слове о сотворении жития Зосимы и Саватия», первый обратившийся к жизнеописанию основателей Соловецкого монастыря. Обычно созданию жития святого предшествует собиране материала об обстоятельствах его жизни, оформленного в виде записей, в которых, как правило, не соблюдается стиль житийного канона. Ж. более соответствует

этому первоначальному этапу работы по жизнеописанию святого, что, видимо, осознавал сам автор. Однако можно отметить наличие в Ж. отдельных элементов, приближающих его к каноническому житию: оно завершается похвалой святому, а в своем повествовании автор свободно пользуется стилистическими оборотами, свойственными житийному жанру.

Помимо похвалы, Ж. составлено как бы из трех частей. Наличие такого произвольного деления объясняется использованием в нем трех источников, которые имелись в распоряжении автора. Ж. начинается свободным выборочным пересказом известий о Германе по *Житию Зосимы и Савватия Соловецких*. Об обращении к этому Житию как главному источнику сообщает сам автор. Во второй части Ж. дается характеристика деятельности Германа по созданию Жития Зосимы и Савватия. Построена она на использовании упомянувшегося Слова Досифея, дошедшего до нас в составе названного Жития. Автор Ж. пользовался текстом той редакции Жития Зосимы и Савватия, которая переписана, например, в рук. ГПБ, Солов. собр., № 175. Дело в том, что некоторые своеобразные особенности текста, известного по этой рукописи, перешли в Ж.

Источником третьей части Ж., в которой повествуется об обстоятельствах смерти и погребении Германа, послужил устный рассказ, услышанный автором еще в юности от очевидца событий, монаха Соловецкого монастыря Тихона.

Помещенная в конце Ж. похвала святому написана с соблюдением традиций данного жанра. Следует обратить внимание на наличие в некоторых случаях стилистической близости между похвалой и основным текстом Ж. Применение автором Ж. стилистических приемов, свойственных житийному жанру, может служить свидетельством о его навыках к профессиональной писательской деятельности. Однако с полной уверенностью об этом можно будет говорить только после изучения произведения в целом.

За Похвалой в рукописях обычно следует описание явления Германа пресвитеру Григорию, случившееся в селении Тотьма в 1612 г., с добавленным последующих шести его чудес. Вопрос о том, появилась ли данная статья одновременно с Ж., или была присоединена позднее, не исследовался. В большинстве списки Ж. Германа дошли до нас в названном составе.

Имя автора Ж. остается неизвестным, но, как следует из упоминаний обстоятельств его создания, имеющихся в нем самом, оно было написано монахом Соловецкого монастыря, входившим в число братьев интеллектуального труда (как известно на Соловках занимались профессионально и книгописанием, и иконописанием). В юности автор Ж. обучался иконописному мастерству.

Ж. по существу никогда не изучалось, не считая нескольких наблюдений, высказанных В. О. Ключевским и И. Яхонтовым. Ключевский предположил, что Ж. было написано «вскоре пе-

обретении его мощей в 1627 г.». Яхонтов высказал недоумение по поводу этой даты. Действительно, остается неизвестным тот источник, откуда Ключевский заимствовал приведенные им сведения. Перенесение мощей Германа из деревни Хавроньиной в Соловецкий монастырь было осуществлено значительно раньше, при игумене Исаие (1483—1485 гг.). По мнению Яхонтова, составление Ж. надо относить «ко второй половине XVI в. или даже к началу XVII в.» (Жития. . . , с. 34).

Видимо, временем создания Ж. следует считать конец XVI—начало XVII в. Помещенное после Ж. чудо о явлении Германа пресвитеру Григорию датируется 1612 г., что позволяет думать, что написано оно было не позднее этого времени. В соловецких рукописях, как правило, Ж. переписывается вслед за *Житием Филиппа митрополита*. Последнее было написано в конце XVI в. Филарет сообщает, что автором Жития Филиппа был соловецкий монах *Пафнутий*. Возможно, рукописная традиция Соловецкого монастыря помещать названные два произведения рядом свидетельствует о том, что оба произведения созданы на Соловках в хронологически очень близкие сроки. Однако, как литературная история Ж. в целом требует уточнений, так и датировка и связь ее с другими литературными явлениями в Соловецком монастыре конца XVI—начала XVII в. требует специального исследования.

П. [П.] В[асильев] в словарной статье о Германе Соловецком (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1893, т. 8а, с. 529) пишет без ссылки на источник, что «Григорий сочинил ему тропарь и написал икону вместе с Савватием и Зосимою», а житие его составлено после обретения мощей. Известен Григорий иконописец, автор челобитной 1651 г. царю Алексею Михайловичу о распущенности духовенства г. Вязьмы. Другой *Григорий*, «иконник» Псково-Печерского монастыря, в начале XVII в. написал Житие Всеволода-Гавриила и Повесть о Псково-Печерском монастыре (Серебрянский Н. 1) Княжеские жития, с. 260—261, 2) Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 46—59). Однако автора тропаря Герману, видимо, скорее следует отождествлять с автором Ж. этого святого, если учесть, что, согласно его собственному сообщению, он занимался и иконописанием.

Списки Ж. известны не ранее середины XVII в., напр. ГИБ, Солов. собр., № 194 (1663 г.), № 968 (1657 г.), № 183 (XVII в.). Издания текста обнаружить не удалось.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 325; Б а р с у к о в. Источники агнографии, стб. 130—131; Я х о н т о в И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 32—36.

Р. П. Дмитриева

Житие Григория Пельшемского — памятник вологодской агнографии, повествующий об основателе Пельшемского (Лопотовского) монастыря. Единственным указанием на дату создания Ж.

служит замечание второй редакции о том, что кончина святого (умер, согласно Ж., 30 сентября 1449 г.) описана со слов инока Тихона, который прежде служил Григорию, а после его смерти постригся в Пельшемском монастыре. На основании того, что Ж. выражается о Тихоне как об уже умершем («бе некий мпих, именем Тихон»), а о прижизненных чудесах святого автор замечает, что они «множества ради, паче же и пред многими леты бывша писанию не предашася», В. О. Ключевский предполагает, что Ж. было создано в конце XV или начале XVI в. (Списки сохранились с середины XVI в.). Автор Ж. неизвестен. Сходство в рассказе о пребывании Григория в Сосновце с таким же рассказом в Житии Дионисия Глушицкого навело Филарета на предположение, что автором Ж., как и Жития Дионисия, был глушицкий инок *Иринарх* (Обзор, № 104, с. 118). Но возможно, что автор одного из этих житий заимствовал данный рассказ у автора другого жития. Полного текстологического исследования Ж. нет. Известные списки позволяют говорить о трех его редакциях. Первая («Месяца сентября в 30 день. Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Григория чудотворца игумена в Лопотове Пельшемскаго (или: на Пельшме реце жившаго)»; нач.: «Добро убо и полезно зело иже божественных мужь жития почитати и проповедати велегласно. . .») представлена списками ГБЛ, собр. Ундольского, № 298 (XVII в.), ГИБ, Соф. собр., № 1470 (2-я пол. XVI в.). Эта же редакция читалась, по словам Н. Коноплева (Святые Вологодского края, с. 60), в сборнике Вологодского кафедрального собора № 3 (л. 210—225), местонахождение которого в настоящее время неизвестно. Ключевский ошибочно отнес к этой же редакции Ж. в составе *Великих Миней Четких по Успенскому списку*, где в действительности читается вторая редакция. Вторую редакцию («В той же день. Житие и подвизи и от чудес похваление преподобнаго отца нашего игумена Григория чудотворца Пельшемскаго. Благослови, отче», нач.: «Добро убо и полезно зело, иже божественных мужей житие повествовати. . .») можно назвать «Минейпой», поскольку она входит в различные сборники четых-миней под 30 сентября: в ВМЧ по Успенскому и Царскому списку (соответственно ГИМ, Синод. собр., № 986, л. 983—988 и Синод. собр., № 174, л. 1073—1111), в Тулузовские мшцы четьи (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 665, 1627 г.), в еще одну сентябрьскую минею из собрания Троице-Сергиевой лавры (№ 664, 1657 г.), в Милютинские миней четьи (ГИМ, Синод. собр., № 797). Эта же редакция читается в *Прологе* под 30 сентября. В Милютинских минеях и в Прологе предисловие отсутствует, и Ж. начинается непосредственно с повествования о святом: «Сей преподобный отец наш Григорий от славнаго града Галича, от благочестиваго корене израсте доброплодная розга от славных родителей болярска роду».

Две указанные редакции существенно различаются между собой. Ключевский, в частности, пишет: «Одна из них с предисловием, 3 или 7 посмертными чудесами и длинным похвальным сло-

вом; другая без предисловия, с 8 чудесами и более краткой похвалой святому». Однако предисловие отсутствует, как уже говорилось, не во всех списках второй («Минейной») редакции. Кроме того, более распространенная похвала святому — это особенность не первой, а второй редакции, в которой похвала включает в себя краткий пересказ Ж. Бесспорными приметами первой редакции являются следующие: она начинается с рассказа о том, как родители Григория пытались склонить его к женитьбе и как после смерти родителей Григорий раздал все немалое родительское имущество (род Лопотовых был одним из богатых в Галиче) и ушел в Богородицкий монастырь на берегу Галицкого озера, где и постригся. Вторая редакция ничего не говорит ни о предполагавшейся женитьбе, ни о смерти родителей Григория, а местом пострижения Григория называет монастырь Макария Желтоводского. Расходятся редакции и в дальнейших сведениях о святом (см. об этом: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 196—197; К о н о л е в. Святые Вологодского края, с. 60—64).

Сравнение двух указанных редакций заставляет думать, вслед за Ключевским, что первая редакция первична. Она более детально и конкретно описывает жизнь Григория, тогда как вторая обобщает подробности и повествует о святом более абстрактно (правда, наряду с этим во второй редакции добавлены некоторые новые сведения). Кроме того, автор второй редакции допустил некоторые ошибки, внес в текст противоречия. Например, во второй редакции в рассказ о приходе Григория к Шемяке, осадившему Вологду, вставлено сообщение о том, что Григорий пришел вначале «во град», а затем шел к Шемяке. В связи с этим возникла двусмысленность: то ли Григорий посетил Вологду перед тем, как идти к Шемяке, находившемуся вне города (что, видимо, и имелось автором в виду), то ли он посетил Шемяку в Вологде, как и понял Ключевский, укоривший автора жития в противоречии самому себе: «согласно с своим источником (*Житием Дмитрия Прилуцкого*. — Л. С.) он говорит, что Шемяка осаждал город безуспешно, и однако тут же замечает, что святой приходил к князю во град» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 198).

В списке XVI в. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 693 сохранилась третья редакция Ж., оставшаяся неизвестной Ключевскому и другим исследователям. Она совмещает в себе приметы первой и второй редакций. Однако промежуточной между ними ее нельзя признать по следующим причинам. Во-первых, текст этот сильно сокращен; в нем нет многих из тех сведений, которые есть в первой и второй редакциях. Во-вторых, что важнее, в нем есть свидетельство того, что его составитель пользовался текстом не только первой, но и второй редакции. Дело в том, что первая редакция рассказывает лишь об одном случае, когда Григорий выступал обличителем князя, творящего неправду. Эпизод обличения Дмитрия Шемяки, осаждавшего Вологду и разорявшего ее окрестности, приурочен здесь к 1430 г. Во второй редакции перед

этим рассказом вставлено сообщение о хождении Григория в Москву с целью обличения Юрия Дмитриевича, отнявшего великокняжеский престол у своего племянника *Василия II*. При этом сообщение о хождении Григория в Москву во второй редакции датируется 1431 г., а датировка второго рассказа связана с датировкой первого: «В та же лета». В третьей редакции рассказ о хождении Григория в Москву отсутствует, наряду со многими другими сведениями о святом, а датировка происшедшего под Вологодой дана, тем не менее, как во второй редакции: «В та же лета». Это дает основание рассматривать третью редакцию как сокращенно-контаминированную.

Как уже говорилось, Ж. Григория имеет текстуальные совпадения с Житием Дионисия Глушицкого. Кроме того, автор использовал Житие Дмитрия Прилуцкого — в частности, при составлении похвалы Григорию (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 197).

Изд.: Пролог. М., 1659, 30 сентября (и последующие изд.); ВМЧ, Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883, стб. 2268—2296; Памятники др.-рус. церк.-учит. лит. Вып. 2. Славяно-русский пролог. Ч. 1. Сентябрь—декабрь / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896, с. 28—30.

Лит.: А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1813, т. 5, с. 21—22; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1856, с. 81—82; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 196—198; В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880, с. 279—298; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 138—139; Ст р о е в. Словарь, с. 326—327; Ф и л а р е т. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, т. 3, с. 171—175; 2) Обзор, с. 154; К о п о п л е в Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР, 1895, кн. 4, с. 60—64; К а д л у б о в с к и й А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 199—202; Б у д о в и ц. Монастыри на Руси, с. 177—181.

Л. В. Соколова

Житие Григория и Кассиана Авнежских см. *Иоасаф, игумен Дачи юви монастыря.*

Житие Гурия и Варсонофия Казанских см. *Гермоген.*

Житие Даниила Переяславского составлено после 1553 г., по С. И. Смирнову — между 1556—1562 гг., вскоре после смерти Даниила (ум. в 1540 г.) его учеником, имя которого в Ж. не названо. По высказанному в разное время предположению (А. И. Свирилин, П. Г. Васенко и А. П. Кадлубовский) автором Ж. был царский духовник Андрей, известный в дальнейшем как *Афанасий, митрополит московский*, составитель Степенной книги.

Ж., как говорится в предисловии к нему, было написано по повелению царя *Ивана Грозного* и московского митрополита *Макария*. В нем упоминаются царь *Василий III* и его брат князь Дмитрий Иванович Углицкий, посещавшие переславские монастыри и обогащавшие их своими дарами. В особых главах сообщается, как Даниил был удостоен чести крестить царских

наследников — будущего Ивана Грозного и его брата Георгия. С помощью бояр Челяднихых Даниил хлопочет в Москве перед царем Василием III и архиепископом Симоном об основании нового переславского монастыря. Все это свидетельствует о стремлении автора Ж. прославить власть московского государя (в одной из глав содержится еще панегирик Ивану III). Другой чертой Ж. Даниила Переяславского является, по определению А. П. Кадлубовского, внешнее выражение благочестия, характерное для круга житий патерика Волоколамского. Пребывание юного Даниила в Боровском Пафнютевом монастыре в течение 12 лет и вся дальнейшая его жизнь в переяславских монастырях представлены в Ж. как монашеский подвиг. Еще ребенком он подражал истязавшему себя Симеону Столпнику; особую заботу Даниила составляли хлопоты об умерших печальной смертью — неизвестных странниках, убитых разбойниками и др. Среди монахов Даниил стремился насадить трудолюбие и добродетели, а когда стал архимандритом Горицкого монастыря, ввел строгие ограничения: разорил бани, запретил самовольный выход монахов за пределы обители, свидания с родственницами. В то же время Даниил признал излишне жесткими правила иноческого подвижничества, исповедуемые кирилловским старцем Тихоном. В Ж. рассказывается о прозорливости Даниила, которая позволила ему обрести молци князя Андрея Смоленского, для освидетельствования которых в Переяславль собрались представители церковных властей из Москвы и Суздаля. Пророческий дар Даниила позволил ему предсказать судьбу некоторых «первосвятителей» — московского митрополита *Иоасафа* и чудовского архимандрита *Ионы*.

Ж. дошло в четырех редакциях в списках не ранее XVII в.: первоначальной, сокращенной, написанной для Степенной книги («Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском»), проложной и переработанной (две последние относятся к XVII в.: переработка последней, четвертой, принадлежит киржачскому вгумену Александру, конец XVII в.). К Ж. примыкает Повесть об обретении мощей Даниила Переяславского и чудеса, имевшие место с 1652 г. до начала XVIII в. Первоначальная, сокращенная редакции, Повесть об обретении мощей и чудеса Даниила Переяславского опубликованы С. И. Смирновым. Об авторе Ж. см. также в статье: «Афанасий, митрополит Московский».

Изд.: Пролог. М., 1689, л. 196—197; П о н о м а р е в А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Славяно-русский Пролог. СПб., 1898, с. 64—67; С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила переяславского чудотворца: Повесть об обретении мощей и чудеса его. М., 1908; Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском // ПСРЛ. СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 615—626.

Лит.: С в и р е л и н А. И. 1) О начале и устройнии Переславского Данилова монастыря. М., 1863, с. 74—76; 2) Житие препод. Даниила. Переяславль-Залесский, 1894; Н е к р а с о в И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, ч. 1, с. 51—52; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 282—283; Б а р с у к о в. Источники агиографии,

стб. 146—148; Филарет, архиеп. Русские святые. СПб., 1882, с. 447; Каплуновский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых, 1—5. Варшава, 1902, с. 273—284; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 204—212; Будовиц. Монастыри на Руси, с. 259—260, 336; Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниквед. М., 1970, с. 91, 99, 100, 103, 113.

О. А. Белоброва

Житие Димитрия Прилуцкого — один из самых ранних памятников вологодской агиографии. Герой Ж. Димитрий родился в начале XIV в., происходил из богатой купеческой семьи г. Переславля-Залесского. М. И. Смирнов, опираясь на местное предание, говорит о нем как об уроженце деревни Веслево Переславского уезда, из рода Покропаевых. Согласно Ж., в юные годы Димитрий принял постриг в переславском монастыре «святых Богородица, иже на Горицах». В скором времени был рукоположен в иеромонахи и основал близ города свой монастырь во имя Николая Мирликийского чудотворца. Под влиянием бесед с Сергием Радонежским (их знакомство состоялось в Переславле в 1354 г., когда Сергий был рукоположен в сан пресвитера епископом Афанасием Волинским) Димитрий ввел в монастыре общежительный устав, неизвестный до того на Севере Руси. Молва о переславском игумене дошла до великого князя Московского Димитрия Донского, и тот призвал его в столицу, прося быть восприемником при крещении одного из своих сыновей. По возвращении из Москвы Димитрий оставил новооснованный монастырь и с учеником Пахомием удалился на Север, где в Авнежской округе построил на берегу р. Великой, притока р. Лежи, церковь в честь Воскресения Христова. Видя недовольство местных жителей, Димитрий ушел в окрестности г. Вологды, где основал Спасо-Прилуцкий общежительный монастырь в честь праздника Всемилоственного Спаса и Пресвятой Богородицы (1 августа, так называемый «первый», «медовый Спас»). Это был первый на Руси монастырь в честь праздника, установленного Андреем Боголюбским в 1164 г. в память о победе над волжскими булгарами. Игуменом этого монастыря, согласно Ж., Димитрий оставался до смерти 11 февраля 6900 г. (1392 г.).

Ж. дошло до нас по крайней мере в пяти редакциях, представленных более чем 120 списками. Почти все списки называют автором Ж. игумена Прилуцкого монастыря Макария. В монастырском синодике (ОР Волог. обл. краев. муз., № 2013, 1754 г., л. 75 об.) он назван пятым игуменом после Димитрия Прилуцкого, Пахомия, Константина и Михаила. Единичные списки называют автором Ж. Марка, Марина, Логгина, по это, по-видимому, результат разного рода ошибок и описок. Главным источником сведений о Димитрии послужили автору устные рассказы Пахомия, преемника Димитрия по игуменству.

Первой редакцией Ж. Ключевский считал редакцию без предисловия и Похвалы святому, с пятью чудесами (нач.: «От слав-

наго града Переславля, от благочестиваго корене израсте добродо- плодная розга...»). Последнее «чудо о граде Вологде» начинается здесь замечанием, опущенным во всех остальных редакциях: «По сих же летех и иная неаписана чудеса, ему же и мы самовидцы бывше. . .». В составе «чуда о вятчанех» в этой редакции уже содержится пересказ (с указанием источника) эпизода о новгородском князе, пришедшем ратью на г. Сурож, из Жития Стефана Су- рожского.

Другая, по Ключевскому — вторая, редакция наиболее часто встречается в списках. Ряд чудес, прерванный в первой редакции на «чуде о граде Вологде», продолжается в ней еще девятью чуде- сами. Эта редакция дополнена предисловием, в котором заметно влияние предисловий к Житиям Стефана Пермского *Епифания Премудрого* и Сергия Радонежского *Пахомия Серба*. Заканчи- вается она Похвалой: «Но убо ныне прекратим слово писати, чудеса святаго неисчетна бо суть. . .», — которая по стилю — повторяющимися хайретизмами — близка к акафисту. Автор Похвалы уподобляет Димитрия Прилуцкого его небесному по- кровителю — Димитрию Солунскому — и сравнивает их жития. Самый ранний из известных списков этой редакции датируется 1494 г. (ГПБ, Солов. собр., № 518/537, л. 216 об.—243). Это «Ми- ней новым чудотворцам монастырская, написана на Вологде в соборниках» по повелению священноинока Досифея (нач.: «Иже святое житие поживших и веру божественную сохранивших святых преподобных отец великих. . .»). В XVI в. эта редакция была вклю- чена в *Великие Минеи Четы митр. Макария* под 11 февраля (см. ГПБ, Соф. собр., № 1320, л. 78а—88 с, XVI в.). В нескольких списках, вологодского происхождения вариант Минейной ре- дакции сопровождается 34 чудесами.

Минейная редакция часто встречается вместе с особым боль- шим похвальным словом Димитрию, созданным в традиции «пле- тения словес». Ключевский называет это Слово третьей редак- цией Ж. В нем использованы биографические известия и 12 первых чудес Минейной редакции, а также предисловие к *Житию Сергия Радонежского Пахомия Серба* (нач.: «Приидете, святое и честное постник сословие, днесь свидетесь, отцы и братия. . .»).

В составе Пролога встречается самая краткая — Проложная редакция Ж. Она представляет собой, по Филарету Гумилевскому, «извлечение» из Минейной редакции. Содержит сравнение с Иоан- ном Златоустом, сведения о пострижении Димитрия, об основании Никольского и Воскресенского монастырей, о встрече с Сергием и совместных беседах о том, «како бы общее житие управити», об основании Спасо-Прилуцкого монастыря и о преставлении (нач.: «Сей преподобный и богоносный отец наш Димитрий бысть родом Российскаго царства, от страны Московския, от града Пере- яславля. . .»).

На основе Проложной и вологодского варианта Минейной редакции позднее была создана Сводная редакция Ж. Автор ее в заглавии не указан. Начинается она как Проложная и точно

следует ей до эпизода о преставлении Димитрия. Текст расширен четырьмя вставками из Минеиной редакции, развивающими отдельные моменты Ж. (о пострижении, об отношениях с родителями, о принятии священства, о беседах с Сергием). С эпизода, в котором Димитрий уподобляется Иосифу Прекрасному, следует переработанный текст вологодского варианта Минеиной ред. За «Сказанием о чудесах. . .» помещено «Сказание о сретении чудотворного образа преподобного и богоносного отца нашего Димитрия игумена, иже на Прилуце, вологодского чудотворца и о новосозданной церкви во обители его». Сводная редакция известна пока только в одном списке XIX в. (ГПБ, Ф.1.774. Сборник житий вологодских святых, л. 1—35).

В Ж. нашли отражение многие события русской истории XIV—XVII вв.: победа Димитрия Донского на Куликовом поле, болезнь «корчета», распространившаяся на огромном пространстве от Москвы до Вологды (1409 г.), нападения на Вологду вятчан (1417 г.), Дмитрия Шемяки (ок. 1448 г.), воляков (1618 г.) и т. д.

Ж. отразилось в ряде литературных произведений XV—XVI вв. Оно упомянуто в Похвальном слове всем русским святым Григория, монаха Спасо-Евфимиева монастыря: «Кто не весть Димитрия Прилуцкого, о нем же убо мнози повести списана быша. . .» (ГБЛ, ф. 304, № 337. Сборник нач. XVII в., л. 582). В *Житии Антония Сийского* вспоминается об изгнании Димитрия с Авнеги. В *Житие Григория Пельшемского* включен эпизод о нападении Шемяки зимой на Вологду, в Похвальном слове этого жития использована Похвала Димитрию. Имя Димитрия Прилуцкого упоминается в *Житии Галактиона Вологодского* (XVII в.), в послании *Ивана Грозного* в Кирилло-Белозерский монастырь (1578 г.). Сохранилось несколько местных преданий о Димитрии, записанных вологодскими краеведами И. К. Степановским, Н. И. Суворовым и др. (предания о «белоризцах», о сретении образа Димитрия). Часть из них соответствует содержанию Ж. (рассказ о помощи «белоризцев» в составе «чуда о граде Вологде», «Сказание о сретении чудотворного образа. . . Димитрия игумена. . .»). Знаменательно, что как в Ж., так и в преданиях Димитрий Прилуцкий выступает патроном Вологды.

Полного исследования текстов Ж. и их научного издания пока нет. В изданном А. И. Пономаревым Прологе опубликована Проложная редакция Ж. В «Материалах. . .» архиеп. Макария — Минеиная редакция (по двум принадлежавшим ему спискам).

Изд.: Материалы для истории русской церкви. Харьков, 1863, т. 2, с. 51—77; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковноучительной литературы. СПб., 1896, вып. 4. Славяно-русский Пролог, с. 38—39.

Лит.: Савваитов П. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 188—189, 270—271; Вологодский летоисец. Вологда, 1874, с. 6—7; Верюжский И. 1) Преподобный Димитрий, игумен Прилуцкий, вологодский чудотворец. Вологда, 1879; 2) Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 104—130; Савваитов П., Суворов Н. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря.

СПб., 1884; Филарет (Гумилевский). 1) Обзор, с. 108; 2) Жития святых: (Февраль—апрель). СПб., 1885, с. 92—98, 190; Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 5, с. 242—243; Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894, с. 336—375; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 34—38, 64—65; Степановский И. К. Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда, 1895, с. 82—102; Ильинский И. Переславский Псково-Печорский женский (бывший мужской) монастырь и его основатель Дмитрий Прилуцкий // Владим. губ. вед., 1898, № 36—38; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 189—194; Голубинский. История канонизации, с. 73; Дилекторский Ф. Николаевский женский монастырь в г. Переяславле Владимирской губернии. М., 1904, с. 58; Барсуков. Источники агиографии, стб. 156—160; Савваитов П., Суворов Н., Суворов И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1914; Смирнов М. И. Переславищина: Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор. Переяславль-Залесский, 1921, с. 60; Летопись города Вологды. Вологда, 1963; Будовиц. Монастыри на Руси, с. 134—141; Дмитриев Л. А. Дмитрия Прилуцкого житие // ТОДРП, 1985. — 39. с. 195—196.

Т. Н. Украинская

Житие Дионисия Глушицкого см. *Принарх, инок Глушицкого монастыря.*

Житие Евфимия Новгородского см. *Пахомий Серб.*

Житие Евфимия Суздальского см. *Григорий, монах Спасо-Евфимиева монастыря.*

Житие Евфросина — памятник агиографии, посвященный основателю Псковского Елеазарова монастыря и защитнику «сугубой аллилуйи» Евфросину. Первое Ж. Евфросина было составлено вскоре после его кончины (1481 г.), не позже 1510 г., так как Псков в его тексте назван свободной землей.

Ж. нетрадиционно по своей форме и содержанию. В предисловии автор ясно говорит о целях своего произведения — открыть тайну сугубой аллилуйи и доказать ее превосходство над трегубой. Полемические цели Ж. определили его необычную форму — автор не соблюдает канонов жития, не дает биографии Евфросина, подробно излагая лишь историю его споров об аллилуйе с распопом *Иовом*. Это не столько Ж., сколько повесть о спорах относительно сугубой аллилуйи. В Ж. можно выделить следующие части: 1) предисловие, состоящее из рассуждений автора о догматическом смысле сугубой аллилуйи и современных спорах о ней; 2) повесть о спорах между Евфросином и *Иовом*; 3) описание двух явлений автору: Евфросина и его сподвижника Серапиона, поуждающих автора завершить Ж., и богородицы, раскрывшей ему смысл сугубой аллилуйи; 4) описание двух чудес с дьяконом Закхеем; 5) неоконченный список послания Евфросина к духовенству Псковского Троицкого собора; 6) историко-биографические рассказы — об игумене Игнатии, его братьях и отце, о Серапионе, о приходе братии в пустынь к Евфросину, о трудах Евфросина, строительстве церкви и др. Историко-

биографические рассказы представляют необработанные в литературном отношении записи, разбросанные во 2-й и 3-й частях Ж. Чаще всего они являются отступлениями от основной темы. Ж. примечательно как полемическое произведение, свидетельствующее о неутихающих спорах в новгородско-псковской земле в конце XV—начале XVI в., и как памятник литературы, дающий интересный материал для наблюдений в области истории жанра жития и изображения человеческого характера. Центральная тема Ж. — правильность сугубой аллилуйи — раскрывается автором не только в отвлеченных рассуждениях, но и в живых примерах: «светоносном» житии и «дивной» кончине Евфросина и неблагочестивой жизни и «злой» смерти гордого умом «дострочного» философа распопа Иова. Характеристика двух противников более всего интересна в литературном отношении.

Биографических сведений об авторе древней редакции не сохранилось. Исследователи высказывают разные мнения о времени составления Ж., личности автора и целях его произведения. Учеником и последователем Евфросина называет автора П. Некрасов, монахом Елеазаровского монастыря — В. О. Ключевский и Макарий. В. Малинин полагает, что после распоряжения архиепископа Геннадия «житие списати», игумен Елеазаровского монастыря Памфил специально для этой цели пригласил в монастырь писателя, который был послушным исполнителем воли игумена и братии; работа была окончена в 1504 г., когда архиепископ Геннадий оставил новгородскую кафедру. Е. Е. Голубинский считает Ж. фальсификацией: его автор воспользовался посланиями неизвестного псковича к монаху Афанасию и другими документами о споре Афанасия с псковичами по поводу сугубой аллилуйи и приписал его взгляды и историю Евфросину, чтобы авторитетом имени этого подвижника доказать правильность сугубой аллилуйи. Н. И. Серебрянский согласен с исследователями, которые считают, что автор не был монахом Елеазаровского монастыря: он плохо знаком с историей пустыни, не знает ближайших сподвижников Евфросина. После «явления» ему Евфросина и Серапиона автор идет к игумену Памфилу и спрашивает его о том, кто такой Серапион, действительно ли он одним из первых пришел в обитель к Евфросину. Только после «явления» автор внимательно рассмотрел иконописное изображение Евфросина и убедился в сходстве. Но в Ж. нет указания, что оно было составлено по чьей-то официальной инициативе. В нем много неясных рассуждений, собственных толкований, расходящихся со взглядами Евфросина, нет ни одной даты и стройно изложенной биографии святого. Этого не должен был допустить игумен Памфил, заинтересованный в составлении подробного Ж. и правильном изложении взглядов Евфросина и самой сути его споров о сугубой аллилуйе. Ж., считает Н. И. Серебрянский, носило неофициальный характер и сохранило следы личных взглядов автора и его интереса к вопросу об аллилуйе, который и привел его в Елеазаровский монастырь. Здесь автором были

начерно записаны рассказы Памфила и других монахов, а завершено Ж. было уже вне стен обители, возможно, в каком-нибудь новгородском монастыре. Из письменных источников автор предполагал перепиской Евфросина с архиепископом Евфимием и посланием Евфросина к духовенству Троицкого собора. О том, что споры об аллилуйе не утихли после смерти Евфросина, во время работы неизвестного автора над его Ж., свидетельствует послание о трөгубой аллилуйе Дмитрия новгородскому архиепископу Геннадию. Автор древней редакции не создал канонического Ж. — эту задачу выполнил в 1547 г. псковский агиограф *Василий (в иноках Варлаам)*. Разбросанные в тексте древней редакции, по словам Василия, «ово зде, ово инде», биографические сведения о Евфросине он разместил в хронологическом порядке и дополнил их общими для житийной литературы местами. Текст древней редакции Ж. опубликован Н. И. Серебрянским. В рукописных сборниках встречается редко: ГБЛ, собр. Ундольского, № 306, XVI в. (по этому списку текст опубликован); ГИМ, собр. Хлудова, № 207.

Изд.: Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского: (Первоначальная редакция) // ПДШИ. СПб., 1909, т. 173, с. 1—XXIV.

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, с. 39—41; Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития, с. 252—257; 2) «Псковские споры» // Соч. М., 1959, т. 7, с. 76—101; Макарий. История русской церкви. СПб., 1891, т. 7, с. 427—429; СПб., 1898, т. 8, с. 129—142; Нильский Н. К истории споров об аллилуйе // Христ. чт., 1884, май—июнь, с. 690—729; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901, с. 1—32; Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами // ЧОИДР, 1905, кн. 214, с. 196—218; Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 78—146; Лихачев Д. С. Литература времени образования национального Русского государства. (1460—1530-е гг.), гл. VII. Литература Пскова 2-й пол. XV—1-й пол. XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 406—409.

В. И. Озотникова

Житие Евфросинии Суздальской см. *Григорий, монах Спасо-Евфимиева монастыря*.

Житие Ефрема Перекомского см. *Роман, игумен Перекомского монастыря*.

Житие Зосимы и Савватия соловецких — памятник древнерусской литературы, созданный на рубеже XV—XVI вв. История его написания была зафиксирована письменно и дошла до нас в составе самого Ж.: в «Слове о сотворении жития Зосимы и Савватия» *Досифея Соловецкого*, составителя первоначальных записей о деятельности основателей Соловецкого монастыря, и в предисловии и послесловии *Спиридона-Саввы*, которому принадлежит литературная обработка материалов, собранных Досифеем, завершенная в 1503 г.

Но и о последующей судьбе произведения в XVI в. сохранились весьма интересные свидетельства того времени. До нас дошло предисловие к Ж., приписываемое одному из авторитетнейших писателей XVI в. — *Максиму Греку*. Предисловие как самостоятельное произведение встречается в сборниках в составе сочинений Максима Грека, а также переписывается в рукописях вместе с текстом Ж. Атрибуция Максиму Греку предисловия, а также и текста самого Ж. в этой редакции с этим предисловием требует уточнений. Автор предисловия пишет, что он обратился к этой теме по просьбе какого-то лица («будучи понужаею тобою»), скорее всего связанного с Соловецким монастырем. В том же предисловии дана оценка литературного творчества предшественников. По мнению Максима Грека, Досифей описал подвижничество основателей монастыря слишком просто, без красноречия («по тонку и неухищренно»), Спиридон-Савва литературно улучшил произведение, но в недостаточной степени («он же отчасти убо исправил и добрословием украсил, но не все»). Следует обратить внимание на то, что автор Предисловия предъявляет претензии главным образом к литературному стилю произведения. В отношении своей работы над Ж. он отметил только, что к древнему прибавил и новое.

Между 1533—1538 гг. соловецкий монах Богдан обратился к сербскому писателю *Льву Аниките Филологу* с просьбой написать похвальные слова Зосиме и Савватию. Последний выполнил просьбу соловецких старцев, воспользовавшись как источником текстом Ж. с предисловием Максима Грека.

К перечню конкретных лиц, принявших в XVI в. участие в работе над Ж. следует добавить имена соловецкого игумена *Вассиана* и митрополита *Филиппа II*. В некоторых списках Ж. этим авторам приписывается описание ряда чудес. Однако в настоящее время нельзя сказать с достаточной определенностью, когда и какие именно чудеса были описаны Вассианом и Филиппом. В разных списках даются разные сведения. Например, в рук. ГПБ, Солов. собр., № 175 Вассиан назван автором ряда чудес начиная с рассказа о спасении людей, терпевших бедствие на острове Шужмое, в списке же *Великих Миней Четких*, относящемся к более раннему варианту Ж., по, где это чудо тоже описано, упоминания о Вассиане как авторе чудес нет. О работе Филиппа Колычева в бытность его игуменом Соловецкого монастыря над включением в Ж. новых чудес тоже нет ясности. Во многих списках в заглавиях ряда чудес сообщается лишь, что они написаны при игуменстве Филиппе. Однако, как отмечено в некоторых исследованиях, участие Филиппа по созданию чудес было более значительным и конкретным. Издатель похвальных слов Зосиме и Савватию Льва Аникиты Филолога, ошибочно приписавший авторство *Зиновию Отенскому*, во вступительной статье отметил, что Филипп в 1548 г. не только описал новые чудеса Зосимы и Савватия, но сопровождал их предисловием. И. Яхонтов, ссылаясь на текст Жития в рук. ГПБ, Солов. собр., № 175, говорит о Филиппе только как об авторе некоторых чудес (Я х о н т о в.

Жития. . . , с. 19). О степени участия в работе над Ж. не только авторов чудес, но и других, в том числе упомянутых выше, писателей, можно судить только после установления полной истории текста Ж.

Из упомянутых выше предисловий к данному Ж. следует, что главной целью всех переработок было стремление к литературному усовершенствованию и приближению стиля его к житийному канону. Заключение это требует подтверждения тоже данными истории текста Ж.

Исследованием, специально посвященным Ж., можно назвать, пожалуй, только одну главу в книге И. Яхонтова. Достаточно общепризнанно мнение о том, что Ж. дошло до нас в одной редакции — Спиридона-Саввы (Я х о н т о в. Жития . . . , с. 18—19). Считается, что списки Ж., кроме добавлений новых чудес, отличаются лишь включением или отсутствием тех или иных дополнительных статей. Известна и издана еще краткая проложная редакция Ж.

Наблюдения И. Яхонтова основаны были только на исследовании одного списка Ж. в рук. ГИБ, Солов. собр., № 175. Обращение к другим спискам произведения показывает ошибочность вывода И. Яхонтова о том, что основной текст Ж. не изменялся после обработки его Спиридоном-Саввой. Полное обследование дошедшего до нас в большом количестве списков Ж. позволит установить литературную историю его, степень и характер работы над ним отдельных писателей, значение его как историко-культурного явления.

В настоящее время можно сказать, что текст Ж. в редакции Спиридона-Саввы известен только по одному списку в рук. ГБЛ, Волок. собр., № 659. Еще В. О. Ключевский установил, что «Слово о сотворении Жития Зосимы и Савватия», написанное Досифеем и включенное в состав Ж., в названном списке отличается от текста его по другим спискам и представляет собой более раннюю редакцию. Однако В. О. Ключевский не обратил внимания на то, что и основной текст Ж. по этому списку тоже отличается от текста в других списках. Тот же текст, который был включен в Софийскую редакцию ВМЧ, представляет собой новый вариант литературной обработки, который был положен в основу дальнейших совершенствований произведения. Один из таких видов новой обработки текста дошел до нас в списке Солов. собр., № 175, к которому обращался в своем исследовании И. Яхонтов.

Изд.: Жития преподобных Зосимы¹ и Савватия соловецких и похвальные слова в память их // ПС. 1859, ч. 2, с. 211—240, с. 347—368; с. 471—511, ч. 3, с. 96—118, 197—216; Б у с л а е в Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 727—740; Жития преподобных отец наших 1) Савватия, начальника соловецкого, 2) Зосимы, игумена соловецкого (заимствовано из Минеи Четья). СПб., 1890; Памятники др.-рус. церк.-учит. лит. Вып. 4. Славяно-русский пролог. Ч. 2. Январь—апрель. СПб., 1898, с. 65—70; Житие преподобных отец наших Савватия и Зосимы соловецких, М., 1907; Сказание о житии Савватия и Зосимы, соловецких чудотворцев. М., 1908; В тот же день месяца апреля в 17 день: Житие

и подвизи и отчасти чудес преподобнаго отца нашего Зосимы, начальника Соловецкого монастыря того, понеже бо зачатая святая сна обитель житием и начальством раба божия старца Саватия и подруга его Германа некоего боголюбива мниха и по сем приеде на остров отец Зосима и состави обитель. Списано бысть Спиридоном, митрополитом, Киевским. Благодлави, отче // ВМЧ, Апрель, дни 8—21. М., 1912, стб. 502—595.

Лит.: [С у б б о т и н Н. И.] Сведения о Филологе черноризце-преповеднике XVI в. // Прибавл. к изд. творений святых отцов. М., 1859, ч. 18, с. 522—547; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 198—203; Я х о н т о в И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 13—32; Т и т о в А. Житие и подвизи преподобных отец наших Зосимы и Саватия, соловецких чудотворцев (по рукописи XVII в.), М., 1889; Л и х а ч е в Д. С. Забытый сербский писатель 1-й пол. XVI в. Аникита Лев Филолог // Горски Виженац. A Garland of Essays offered to Prof. E. M. Hill. Cambridge, 1969, p. 215—219; Д м и т р и е в а Р. П. 1) «Слово о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Саватия» [Доспех // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 123—136; 2) Значение Жития Зосимы и Саватия соловецких как историко-культурного источника // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. с. 215—228.

Р. П. Дмитриева

Житие Игнатия Вологодского; см. *Логгин, монах Спасо-Прилуцкого монастыря.*

Житие Иоанна Казанского — произведение XVI в., по жанру скорее являющееся мартирологом, хотя признаки этого жанра представлены в нем в неразвернутом виде. Ж. написано не позднее 50-х гг. XVI в., датировка определяется ранним из сохранившихся списков. Рассказ краткий, по своему сюжету очень прост: татары убили пленника по имени Иван после того, как он отказался отречься от православной веры. Любопытными являются некоторые конкретные детали, указывающие на то, что рассказ, возможно, связан с какими-то реальными событиями и был составлен лицом, побывавшим в Казани. Описание событий в нем приурочено к 24 января 1529 г. Под этим числом рассказ включен в *минеи четьи* Синодальные, *Чудовские*, Тулузова. О пленнике Иване сказано, что он родом из Нижнего Новгорода, а служил в Казани у князя Али-Шукура. Имя князя Али-Шукура известно по русским летописям, там есть упоминание о том, что сына этого князя убили в Казани в 1531 г. (ПСРЛ. СПб., 1904, т. 13, ч. 1, с. 57). Заканчивается рассказ сообщением, что похорошили мученика «на старом кладбище руском». Некоторыми натуралистическими подробностями в описании смерти героя рассказ напоминает повесть «О преставлении старца Антония Галичина» Как в случае с этой повестью, ранние списки рассказа о мученике Иване известны по волоколамским рукописям. Самым ранним из них является список *Нифонта Кормилицына*, озаглавленный «О святем мученице Иване, иже за Христа мучен во граде Казани» (рук. ГПБ, Q.XVII.64, описана в кн.: Пославния Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 101—107). Нифонт Кормилицын как видный представитель духовенства участвовал в походе на Казань в 1550 г., описание

которого помещено в той же рук. Q. XVII.64. Вероятно, с его именем надо связывать появление рассказа о «казанском мученике» в литературной среде посифлян; из рукописи Нифонта переписан текст рассказа в сборнике Мартина Рыкова (ГБЛ, Волок. собр., № 520). Каких-либо конкретных фактов о причастности Нифонта к созданию этого произведения не установлено, хотя не исключено, что именно он вывез его из Казани или даже сам его написал.

Установить публикации текста и исследований, посвященных Ж. Иоанна, «мученика казанского» не удалось, не считая перечисления списков, сделанного Барсуковым. Следует упомянуть еще об одном списке (ЛОИИ, собр. Лихачева, № 294), который имеет заглавие «Сказание великаго и славнаго чудеси, еже бысть во граде Казани».

Лит.: Барсуков. Источники агиографии, стб. 243; Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 222.

Р. П. Дмитриева

Житие Иоанна, Устюжского юродивого — агиографический памятник XVI в. В тексте Ж. сообщается, что его составил в 1554 г. со слов очевидцев, знавших Иоанна, в том числе отца и тетки автора, сын священника великоустюжского собора, а затем игумена Борисоглебского сольвычегодского монастыря Дионисия. Ж. входит в один цикл с *Повестью о Борисоглебском монастыре* и *Повестью о подвигах и чудесах Прокопия Устюжского* (см. *Житие Прокопия Устюжского*), написанных тем же автором. Ж. построено по традиционной схеме. Последовательно рассказывается о рождении Иоанна, переезде его родителей из села Пухово в город Орлов под Великим Устюгом; отмечается воздержанность младенца Иоанна, сызмала соблюдавшего пост по средам и пятницам; описывается уход Иоанна в Устюг и поселение возле гроба святого Прокопия Устюжского в самодельной сторожке, его подвижничество и юродство (окружающие не понимали его, укоряли, били, плевали в него), наконец, его кончина. Среди чудес — прижизненных и посмертных — традиционный рассказ о том, как Иоанн мог лежать на горячих углях; описывается избавление от «огненной болезни» княгини Мария, исцеление расслабленной Екатерины.

Автор, видимо, был довольно почитан: он ссылается на св. Писание, цитирует Псалтирь, проявляет обычное для средневекового писателя самоуничижение. Однако он не стремится украсить Ж. высоким риторическим стилем, включает в свой рассказ немало исторических реалий: среди них географические названия, например, Петровская улица в Устюге, имена и прозвища (Григорий, зовомый Долгая брада; заместитель князь Феодор, зовомый Красный; Феодор Тутыгин; Андрей, рекомый Мишнев и др.). О стремлении повествователя к достоверности свидетельствует и перечисление известных исторических лиц, его современников —

Ивана IV, митрополита *Макария*, архиепископа Ростовского Никандра, епископа Вологодского и Пермского Киприана. Правда, автор *Ж.* ошибочно называет Софию матерью, а не женой *Ивана III*. Это показывает, что *Ж.* было составлено не в Москве, что оно основано на местных преданиях. *Ж.* написано после церковского собора 1547 г., официально установившего местное почитание Иоанна в городах Сольвычегодске и Великом Устюге, и возникло, вероятно, под влиянием уже сложившегося к тому времени культа Прокопия Устюжского. В рукописной традиции *Ж.*, как правило, переписывалось вместе с *Житием* Прокопия, иногда оба жития составляли отдельные сборники («*Книга житий*» Прокопия и Иоанна Устюжских).

В XVII в. текст *Ж.* претерпел некоторые изменения, в него были добавлены незначительные риторические вкрапления, увеличилось число чудес. С. И. Шаховским было составлено похвальное слово Прокопию и Иоанну. Написанное во второй половине XVII в. чудо о бесноватой Ефросинии, дочери некоего «сребковача» именем Козмы, за исцеление которой ее муж «повелеша зделати» к мощам Иоанна «очи сребрены и позлатити и», знакомит читателя с ремесленниками-ювелирами, издавна составлявшими значительную часть населения Великого Устюга. Чудо о бесноватой Соломонии, написанное неизвестным устюжским попом Иаковом, переписывалось самостоятельно и при этом называлось повестью, часто примыкая к сборнику «*Великое Зерцало*» (Ярославский музей, № 531/146, вторая пол. XVII в. и др.). Особенность этого чуда заключается в том, что Соломонии являются оба устюжских святых — Прокопий и Иоанн. М. О. Скрипиль датировал чудо (повесть) 1671—1680 гг. когда уже окончательно сложился устюжский агнографический цикл.

Лит.: *Жития святых* российской церкви, также иверских и славянских и местночтимых. . . Месяц май. СПб., 1858, с. 449—454; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 278, 319; М а к а р и й, архип. История русской церкви. СПб., 1874, т. 7, кн. 2, с. 442—443; Б а р с у к о в. Источники агнографии, стб. 255—258; С к р и п и л ь М. О. Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть: Статьи и исслед. М.; Л., 1941, с. 197—215.

О. А. Белоброва, А. П. Власов

Житие Иоасафа Каменского — литературный памятник, созданный, по Н. П. Барсукову и И. Некрасову, в конце XV в., а по В. О. Ключевскому не ранее 1547 г. и посвященный местному чтимому святому вологодского края. В научной литературе (Н. Коноплев, Н. П. Барсуков, А. Кадлубовский) отмечалась зависимость данного *Ж.* от Сказания о Спасо-Каменном монастыре *Паисия Ярославова* и от агнографических памятников (*житий Евфросина Исковского, Макария Калязинского, Стефана Махрицкого, Феодора Ярославского* и др.). В. О. Ключевский весьма критически оценивал *Ж.* как исторический источник. В тексте *Ж.* Иоасаф называется князем Андреем Дмитриевичем, сыном Дмитрия Ва-

сильевича Меньшого и внуком Василия Васильевича Ярославского. В Сказании же Паисия Ярослава и в *Житии Александра Куштского* Иоасаф — внук великого князя *Василия II Темного*; согласно Ж., князь Андрей Дмитриевич постригся в монахи после смерти жены и родителей, а по Сказанию, его пострижение совершено еще в 12-летнем возрасте. В Ж. скончавшийся в возрасте 24 лет Иоасаф прославляется как целитель — в пяти посмертных чудесах, в предисловии, похвале и в службе. В Ж. описывается явление Христа в келью Иоасафа и его беседа с ним, молитва Иоанну Златоусту, созерцание рая. Присутствует здесь и мотив искушения Иоасафа дьяволом в виде ангела. А. Кадлубовский склонен видеть в Ж. апологетику внутреннего подвижничества и пестяжательства. П. Коноплев убедительно показывает комплиментарность Ж. и противоречивость в изложении истории его создания. В списках Ж. (XVII—XVIII вв.) авторская позиция выражена в обычной этикетной форме самоуничужения: «... понеже извития словесем не вем, ни решения притчам не навыхох, ни от философов граматники учихся, яже си и риторская никогдаже прочитах...». В рук. ГИБ, Солов. собр., № 227, сер. XVII в. приводится «списателево имя», зашифрованное в «вычурной анаграмме» тайнописи (не разгадана, опубликована дважды: 1) Описание рукописей Соловецкого собрания, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885, ч. 2, с. 303; 2) Коноплев Н. Святые Вологодского края, с. 57). Нередко в сборниках XVII—XVIII вв. списки Ж. сопровождаются Сказанием Паисия Ярослава. Текст Ж. не опубликован.

Лит.: Саввантов П. Описание Вологодского Спасо-Каменного монастыря. СПб., 1860; Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Русп. Одесса, 1870, ч. 1, с. 42—43; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 275; Барсуков В. Источники агиографии, стб. 36—37; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 56—59; Кадлубовский А. Очерки по истории древне-русской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 268—273; Описание Вологодского Спасо-Каменского Духова монастыря / Сост. в 1860 г. П. Саввантовым, испр. и доп. в 1885 г. Н. Суворовым. Вологда, 1905, с. 16—18.

О. А. Белоброва

Житие Ионы — памятник русской агиографии, посвященный первому русскому митрополиту, поставленному без санкции Константинополя. Ж. сложилось довольно поздно. При жизни *Ионы* далеко не всегда и не везде пользовался почетом: двусмысленная роль этого иерарха в борьбе между Дмитрием Шемякой и *Василием II*, сомнительность его прав на митрополичий престол — все это объясняет скудость известий об Ионе. Только в *Летописном своде Московском великокняжеском 1479 г.* в рассказе о перенесении останков митрополитов при строительстве Успенского собора в 1472 г. появилось упоминание о том, что Иона был найден сохранившимся «в теле» — это уже предвещало будущую канонизацию. Более подробный рассказ о том же обретении мощей *Ионы* был помещен в летописном своде 80-х гг. XV в., отразившемся

в летописях *Соборной II и Львовской*. Автор этого свода, церковник, находившийся в оппозиции к великокняжеской власти, отнюдь не сомневался в том, что «Иону цела суца обретоша» и что обретенные мощи исцелили отрока «попова сына» и «Селивача. . . Рязанца», однако поведение церковных и светских властей, оставивших мощи митрополитов «безчестно» на месте строительства, возмущало его. Тот же летописец сообщал, что «слово» об «обретении Ионине» и два канона были заказаны *Пахомию Сербу* («а в слове том написа, яко в теле обрели чудотворца неверия ради людского, занеже кой только в теле лежит, тот у них свят. . .»). Служба Ионе, составленная Пахомием, сохранилась.

Наиболее ранняя редакция Ж., содержащаяся в *Великих Минеях Четких* (31 марта) и названная «Словом похвальным» святому, составлена в 1547 г. по поручению *Ивана IV* и митрополита *Макария*. Она риторична, начинается с обращения к слушателям («Приидите, возлюбленнии добрии послушники. . .») и содержит весьма мало фактических сведений об Ионе. Начинается она с упоминания о пророчестве митрополита *Фотия*, увидевшего Иону, заснувшего в поварне Симонова монастыря, где он был монахом и трудился: Фотий предрек, что молодой инок станет великим святителем. Далее рассказывается о возведении Ионы на рязанскую епископию, а потом о смерти Фотия и о поездке Ионы за благословением в Царьград, где был, однако, уже поставлен «некий Исидор» (от Рима); Ионе была обещана митрополия в случае смерти *Исидора*, «или паче что о нем случится»; далее упоминается об отступничестве Исидора и о соборе, осудившем этого митрополита и поставившем на его место Иону. Далее агиограф непосредственно переходит к чудесам святого («О дочери великого князи о отроковице именем Анна», «О скорой татарщине» и т. д.). Среди этих рассказов о чудесах особо заслуживает внимания рассказ «О преподобном Пафнотии чудотворце иже в Боровске». Речь здесь идет об одном из самых деликатных моментов биографии Ионы: как рассказывал *Иосиф Волоцкий*, его учитель игумен Пафнутий Боровский, несмотря на свои тесные связи с великокняжеским домом, не велел «звати митрополитом» Иону. В «Слове похвальном» суть конфликта затемнена: Ионе сказали «поции клеветници», что Пафнутий творит в монастыри своем нечто «сыпротивно заветцанию» Ионы; явившись к митрополиту, Пафнутий отвечал ему «не гладостно и не поадаателне»; «митрополит же бий его жезлом своим и посла его в темницу»; пробыв там в «южах железных» «время доволно», Пафнутий «свършленно покаание с смирением положи» и «Иона покаание это приат». После рассказа о первых восьми чудесах следует краткое описание смерти и последующего перенесения мощей Ионы, а затем рассказы о четырех чудесах, произошедших после его смерти («О Иване, иж бысть нем. . .») и т. д.).

Следующей по времени редакцией Ж. Ионы можно считать редакцию Степенной книги (1560—1563 гг.) — «Сказание отчасти жития, иже во святых. . . Ионы митрополита». Здесь сокращены

риторические формулы минейной редакции и расширены биографические сведения. В начале содержатся сведения о происхождении Ионы «от мест града Галича близ предел Казацкие земли», о его отце, о пострижении будущего митрополита в 12 лет в монастыре «Галичской земли»; далее упоминается, со ссылкой на «духовное завещание» (пространную редакцию Устава) Иосифа Волоцкого о борьбе юного Ионы за «благочиние» в Симоновом монастыре. О назначении Ионы рязанским епископом сказано, что оно совершилось «по пророчеству прежде его бывшего великаго святителя Фотия», — создается впечатление, что Иона стал епископом уже после смерти Фотия в 1430 г. Поездка Ионы в Царьград не связывается столь непосредственно со смертью Фотия, как в минейной редакции, — поездка эта отнесена к «шестому лету» после его смерти, т. е., очевидно, к 1436—1437 гг. Разделил редактор Степенной книги и два других события, соединенных в Минеях, — отрешение Исидора и поставление Ионы. Осуждение Исидора и бегство его из Москвы описаны подробно; далее указывается только, что «тогда хотяше поставлен быти в митрополиты всей Русей земли. . . Иона», но этому помешал «враг человеческого роду вселукавый дьявол». После этого редактор переходит к наиболее трудному для агиографа сюжету — к выступлению Шемяки против Василия II и роли Ионы в этих событиях. Вопреки ранней летописной традиции, составитель Степенной книги прямо связывает Шемяку с татарами: «братошненавистный же князь Дмитрий Шемяка Юрьевич. . . посылает поганым много дарования о убиении великаго князя». Упомянув захват власти Шемякой и роль Ионы в отправлении детей великаго князя к отцу в ссылку (что объясняется «лукавством» и «лестью» Шемяки), редактор деликатно поясняет, что Дмитрий повелел Ионе «жити на митрополиче дворе, понеже прежде наречен бысть и благословен на рускую митрополию». Но далее Ионе приписывается роль обличителя Шемяки: «Ночью неправду деши и клятву преступаеши и тем богу досаждаеши? Господина великаго князя, и чада его оскорбляеши. . .». В соответствии с этим и примирение Дмитрия Шемяки со ссыльным Василием Темным (отправление его в Вологду) изображается как полная капитуляция: «И Шемяка срама и страха исполнися. . . и умирися с великим князем, каеся и прощения прося, и себе повинна творяше». При таком изложении поставление «сего дивного» Ионы описывается как бесспорное и естественное завершение победы над внутренней смутой и зарубежным «латынством». После рассказа о поставлении Ионы на митрополию в Степенной книге, как и в минейной редакции, следуют рассказы о чудесах, но с характерными изменениями: рассказ о столкновении между Ионой и Пафнутием опущен и вставлен рассказ о пророчестве двух святителей — митрополита Ионы и Ионы, архиепископа Новгородского, предрекиших «великой Орде разорение и Росийскому царствию распространение», заимствованный из жития новгородского владыки. Заканчивается Ж. в Степенной книге «Похвалой святому Ионе».

Третья редакция Ж. — «Повесть имат сказание собрано от части жития и чудотворения. . .» — наиболее пространна. За вступлением, заимствованным из «Слова похвального» («Приле. возлюбленни. . .»), следуют здесь две статьи «О новых чудотворцах» («О первых новых чудотворцах» и «О последних новых чудотворцах») с перечнем русских святых — от Ольги, Владимира, Бориса и Глеба до Ионы и «прославленных» вместе с ним чудотворцев, канонизованных в 1547 г. (включая Пафнутия Боровского). В изложении биографии Ионы автор следует в основном Степенной книге, но вставляет обширные рассказы о «Сидоре безумном» (митрополите Исидоре), Флорентийском соборе, о Шемяке, о посланиях митрополита Ионы в Литву, перенесении его мощей и т. д.

Таким образом, все дошедшие до нас редакции Ж. Ионы являются памятниками агиографической литературы, написанными не ранее середины XVI в. В XVII в. похвальное слово Ионе по поручению патриарха *Иова* написал князь Семен Шаховской. Единственная опубликованная редакция Ж. — «Сказание отчасти Жития» в составе Степенной книги. Минейная редакция («Слово похвальное») содержится в неопубликованном томе Успенских ВМЧ за март (ср.: Иосиф, архим. Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария. . . М., 1892, стб. 59—62 (ГИМ, Синод. собр., № 992, л. 951—955 об.); в Софийских и Царских списках ВМЧ мартовский том не сохранился). Та же редакция — в Минейном сборнике за январь-апрель: ГПБ, Соф. собр., № 1356, л. 455—462. Третью редакцию, «Повесть имат сказание отчасти жития. . .» — см. в минейном сборнике за март — ГПБ, Солов. собр., № 510/529, л. 275 об. — 319 об. (по-видимому, тот же текст содержался в рукописи XVI—XVII в., принадлежавшей В. О. Ключевскому). Кроме трех названных сохранились еще особые виды и версии Ж., не исследованные в научной литературе, — ср., например, ГПБ, Солов. собр., № 511/530, л. 203; ГПБ, Q.I.603 и др. Службу Ионе см. в Служебной минее — СПб., 1895, июнь, л. 21 об.—90. Ср. также летописные известия об Ионе: ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 294; СПб., 1853, т. 6, с. 195—196.

Изд.: ПСРЛ., СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 505—526.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 240—242, 319; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 266—272; К а р л о в Г. Очерки на Историю Российской перархии: Церковная смута; Св. Иона, последний митроп. Киевский и всея Руси // ЧОИДР, 1864, кн. 4, с. 143—144; Я б л о н с к и й В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 182—184; Б е л я к о в а Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982, с. 152—154.

Я. С. Лурье

Житие Иосифа Волоцкого — памятник русской агиографии, посвященный известному церковному деятелю конца XV—начала XVI в., игумену Волоколамского монастыря *Иосифу Волоцкому*. Известны три Ж. — написанное епископом Крутицким Саввой Черным в 1546 г. и включенное в *Великие Миней Четии* (дошло

в двух редакциях), Надгробное слово Иосифу, составленное его племянником *Досифеем Топорковым* «по мнозе времени» после смерти его дяди и учителя (Иосиф умер в 1515 г.), наконец, Ж., автором которого в нескольких списках назван некий «Филолог». Автором последнего Ж., нередко обозначаемого в литературе как «Ж., составленное неизвестным», часто считается южнославянский (сербский) публицист *Лев Филолог* (в русских рукописях прозвище его передавалось как «Филогон»), другие сочинения которого помещены в одном списке (Овчинниковском) с Ж.; между Ж. и другими сочинениями Филолога наблюдаются текстуальные совпадения. Возможно, что Ж., как и другие сочинения Филолога, писавшего на недостаточно понятном для русского читателя языке, было переведено или переделано известным публицистом XVI в. *Зиновием Отенским*.

Между Ж., составленным Саввой, Надгробным словом Досифея Топоркова и Ж. Льва Филолога обнаруживается сходство в изложении; возможно, что сербский агиограф пользовался Ж., составленным Саввой, а может быть и Надгробным словом. Во всех этих памятниках замалчиваются и искажаются факты биографии Иосифа Волоцкого, известные из его собственных сочинений и других современных источников. Так, сам Иосиф сообщал, что его пребывание в Боровском монастыре, где он стал после смерти Пафнутия игуменом, окончилось уходом из-за столкновения с *Иваном III*. Совершенно иначе описаны эти события в обоих Ж. и Надгробном слове: здесь говорится, что Иосиф стал игуменом по завещанию Пафнутия и решению «самодержца всея Руси великого князя Ивана Васильевича»; отношения Иосифа с Иваном III изображены как вполне дружественные, и единственной причиной его ухода из Пафнутиева монастыря объявляется несогласие с братией монастыря из-за строгого общежития. Но записка *Иннокентия* о последних днях Пафнутия ничего не упоминает о назначении им Иосифа преемником. Отношения же Иосифа с великим князем были в конце 70-х гг., когда умер Пафнутий, весьма напряженными: из великокняжеского Боровска он перешел к брату Ивана III Борису Волоцкому, выступившему как раз в это время (1479 г.) против великого князя; враждебную позицию по отношению к великому князю, покровительствовавшему еретикам, Иосиф занимал вплоть до 1503—1504 гг. (когда Иван III порвал с еретиками). Совершенно искаженно изображена во всех трех памятниках история церковных соборов конца XV—начала XVI в. Собор 1491 г., осудивший лишь новгородских еретиков и никак не удовлетворивший «обличителей» ереси, слит в обоих Ж. с собором 1504 г., покончившим с ересью, в некий единый собор на еретиков, происходивший при участии Ивана III, *Василия III* и Иосифа Волоцкого (в действительности Василий III и Иосиф могли участвовать только в соборе 1504 г.). В Надгробном слове Досифей сперва рассказывает о «книге», написанной Иосифом против «богоборного веления» еретиков (т. е. о «Просветителе», составленном, по-видимому, лишь в начале XVI в.), затем о рас-

праве над еретиками, устроенной *Геннадием* (без упоминания о предшествующем соборе 1490 г.), а затем об осуждении еретиков на соборе, возглавляемом «благочестивым великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии и сыном его князем великим Василием Ивановичем всеа Русии» (т. е. о соборе 1504 г.). В Ж., составленном Львом Филологом, собор на еретиков предшествует «стечению» епископов, обсуждавшему вопрос о «второбрачии» священников и монастырском владении «селами»; между тем, по более достоверным данным, собор о вдовых попах происходил в 1503 г., до второго собора на еретиков. Приписывая постановку вопроса о допустимости монастырского владения «селами и пивами» великому князю, Филолог упоминает, что о «стяжании сел монастырем» «шоболеша» и некие «отцы, иже безмолвное и уединенное житие проходящие и любящие», по Иосифу (виднейшему защитнику монастырского землевладения) он приписывает сдержанную и как бы нейтральную позицию в этом споре: «И в сих же съвопрошаниях Иосиф разумно и добре различия, лучшая к лучшим смотря, обоюду ползующая». Наконец, в явно идеализированном виде изображают оба Ж. судьбу Волоколамского монастыря после смерти Иосифа — они утверждают, что Иосиф перед смертью назначил своим преемником *Даниила*. Но ни в своем предсмертном послании Василию III, ни в Духовной грамоте Иосиф, перечисляя возможных преемников, даже не упоминает среди них Даниила — очевидно, этот ближайший сподвижник великого князя и будущий митрополит стал игуменом помимо воли своего предшественника.

Оба Ж., как и Надгробное слово, вполне соответствуют агнографическому канону, утвердившемуся в конце XV—начале XVI в. Им свойственны традиционные этикетные ситуации житийной литературы: расставание житийного героя с родными и их «плач», уход святого из своего монастыря и «скорбь» по нему, его странствование под видом «невегласа», склонность к ручному труду даже после достижения им высокого сана (в Надгробном слове рассказывалось, что рядовой инок, вручную молотвию жито вместе с Иосифом, признавал: «не премолоти мн. . . сего игумена»), милостивое освобождение святым пойманных в монастыре воров и т. д.

Все три Ж. изданы К. И. Невоструевым; первая редакция Ж., составленного Саввой, напечатана, кроме того, в ВМЧ, вторая редакция — в «Библиографической летописи»; Ж., принадлежащее Льву Филологу, опубликовано в ЧОИДР.

Изд.: Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инок Досифея Топоркова. М., 1865; Житие преподобного Иосифа Волоколамского / Сост. Саввой, еп. Крутицким. М., 1865; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, сост. неизвестным. М., 1865 (все три публикации, подготовленные К. Невоструевым, — отд. отт. из ЧОИДР за 1865 г.); ВМЧ, Сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, стб. 453—492; Житие Иосифа, сост. неизвестным // ЧОИДР, 1903, кн. 3, отд. 2, с. 22—43; вторая редакция Жития, сост. Саввой: Библиографическая летопись СПб., 1914, вып. 50, с. 60—71 (подг. Н. П. Поповым).

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 292—295; К а д л у б о в с к и й А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, 1—5; И в а н о в С. Кто был автором анонимного жития преподобного Иосифа Волоцкого? // БВ, 1915, т. 3, сентябрь, с. 173—190; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.: Л., 1960, с. 235—236, 410—414, 437—439; Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси, с. 229—258.

Я. С. Лурье

Житие Исаяи — агиографический памятник, повествующий о жизни и деятельности реального исторического лица — ростовского епископа XI в., известного по ранним письменным древнерусским памятникам. Пожалуй, самое раннее упоминание о нем читается в Житии Феодосия Печерского: «Тъгда же христоролюбивый князь (Изяслав Ярославич. — М. К.) от монастыря великаго отца нашего Феодосия избрав единого от братия, иже в чьрньчскомь житии просиявъша, Исаяю наричемааго, того же извел игумена постави в монастыри своемь у святааго мученика Димитрия, иже и послезе добрых ради прав его поставлен бысть епискупьм Ростову городу» (Успенский сборник XII—XIII в. М., 1971, с. 95). Имя Исаяи встречается и в летописях (см.: Указатель к первым восьми томам ПСРЛ, СПб., 1898, отд. 1, с. 373), в частности в Повести временных лет под 6596 (1088) г. сказано, что ростовский епископ Исаяя участвовал в освящении церкви св. Михаила в монастыре Всеволодовом (Выдубицком) при митрополите *Иоанне*; под 6597 (1089) г. — что он вместе с митрополитом *Иоанном* освящает церковь Богородицы в Печерском монастыре (факт, позже использованный в Ж.). Ростовский край, населенный славянскими племенами, во времена Исаяи еще только начал подвергаться христианизации, проходившей с немалыми трудностями: предшественник Исаяи епископ *Леонтий* был убит: среди населения еще было сильно влияние религиозных вождей «волхвов» (ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 1, с. 117). После смерти Исаяи, происшедшей около 1090 г., ростовскую кафедру закрыли вплоть до середины XII в. (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 63, 75, 113).

В Ж. агиограф включил даты — 1062 г. (в некоторых рукописях 1067 г.) — поставление его на игуменство, 1077 г. — на епископство; в 1164 г. найдены его мощи, в 1474 г. перенесенные на новое место; нет только даты смерти. Приводятся имена и его современников. Но, казалось бы, столь точные сведения не всегда соответствуют другим источникам. Так, в *Летописи Тверской* поставление Исаяи ростовским епископом датировано 1072 г., хотя сам факт поставления заимствован из житийной литературы (ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 2, с. 406). В Ж. Исаяю рукоположил митрополит *Иоанн*, однако он занимал кафедру в 1080—1089 гг.; в 1068—1079 гг. митрополитом был *Георгий*. В *Летописи Никоновской* сказано, что мощи *Леонтия* и *Исаяи* были открыты в 1162 г. Эти

расхождения дат и несоответствие исторических лиц, существовавших в то время, свидетельствуют о позднем написании Ж.

Рукописная традиция Ж. полностью еще не изучена, однако в исследованиях XIX в. отмечены две стабильные редакции текста. В ПС за 1858 г. опубликован текст 1-й редакции с переводом, в подстрочных примечаниях даны характерные признаки 2-й редакции (пересказ—перевод текста 1-й редакции рукописи Троицкой лавры № 44 дан также в кп. «Жития святых. . .»). Текст 1-й редакции, встречающейся в списках очень редко, опубликован по сборнику-конвольту ГИБ, Солов. собр., № 647(806) (806/916), XVI—XVII в.; на листах с Ж. филигранные не просматриваются.

1-я редакция озаглавлена «Месяца мая в 15 день память Исайя епископа Ростовского чудотворца. Благослови отче». Она не имеет вступления или предисловия и начинается прямо с кратких сведений об Исае: «Сей убо блаженный Исайя от земля Руския от области Киевския рождение и воспитание име». Кроме того, что Исайя постриженник Киево-Печерского монастыря, автору неизвестно о нем ничего; все сведения почерпнуты им из Жития Феодосия Печерского, *Жития Леонтия Ростовского*, *Повести временных лет* и *Патерики Киево-Печерского*. Скучность известий обусловила и краткость произведения, основное содержание которого посвящено официальной деятельности Исайи. Его учительство в монастыре («груды ко трудом прилагая, учением же своим верных душа напаяя на истинный разум к богу приводя») предопределило и его миссионерскую деятельность в качестве епископа: он обходит ростовскую и суздальскую земли, проповедуя христианство, крестя жителей, «идеже обретае идолы, и вся огню предаше, и по всему ревнуя апостольскому житию». Автор продолжает сравнение Исайи с апостолами в рассказе о единственном чуде, происшедшем еще при жизни его: как апостолы на облаке были припесены на усение Богородицы, так и Исайя, извещенный ангелом, был доставлен в Киев на освящение церкви Богородицы в Печерском монастыре в 1089 г. и так же возвращен обратно в Ростов. Дальнейшее повествование касается только мощей Исайи, открытых в 1164 г. во время копания рвов для построения нового ростовского собора Успения Богородицы взамен сгоревшего деревянного. Похороненные в новом соборе мощи долго находились в небрежении, «яко николи же во притворе оном свеще горети у гроба святого, священнику приходит с кадилом ко гробу», несмотря на «многие чудеса», совершавшиеся от тела Исайи. В 6982 (1474) г. мощи были перенесены в новый гроб к южной стене собора. Заключиваются Ж. краткой молитвой с просьбой зачитать «от глада, и пагубы, и нахождение иноплемених, и от всех злых». Посмертных чудес Ж. не имеет; их заменяет фраза: «и доныне с верою приходящим ко гробу его и подае исцеление».

Текст 1-й редакции положен в основу 2-й, пространистой редакции. Ее автор в своей работе обращался к тем же источникам — Печерскому патерику и Повести временных лет. Пополнение 2-й редакции сделано путем двух вставок, одной из Жития Феодосия,

читающегося в более поздних редакциях Печерского патерика, о первом игумене Дмитровского монастыря Варлааме, другой — из Повести временных лет о митрополите Иоанне: это место читается в летописи сразу вслед за рассказом об освящении Печерской церкви (см.: ПВЛ, т. 1, с. 137). Обе вставки, как отметил Ключевский, мало связаны с сюжетом самого Ж. Текст 2-й редакции имеет и стилистические отличия от 1-й: в него внесены распространения и стереотипные житийные формулы: так, после известия о сжигании идолов, добавлено, «и велико тщание о том имеше, пищих же меду и удовляя пищею и одежама, и милосердуд о них, яко чадолюбивый отец, и украшена обитель духу пресвятому является» (ГПБ, собр. Титова, № 2059, XVI в., л. 109). Ж. 2-й редакции озаглавлено «Месяца мана 15 день житие пже во святых отца нашего Исана епископа Ростовского чудотворца. Благослови отче», начинается риторическим вступлением «Венець убо многоцветный, всякым украшением цветovým украшен, зрящу его многу светлость поодавет. . .» (там же, л. 103—103 об.) и заканчивается похвальным словом, которое архиепископ, переносащий его мощи, произносит над телом Исаяи.

Редакции Ж. претерпели различные модификации. Так, в некоторых списках нет дат. Могло происходить соединение редакций (например, ГПБ, Соф. собр., № 1357, XVII в., вступление и заключение из 2-й редакции, основной текст — 1-й, но без дат). Несколько позже, может быть, в конце XVI или в начале XVII в. на основании текста 1-й редакции возникла проложная редакция с характерным для этого жанра сокращенным текстом (см., напр., ГПБ, собр. Титова, № 239, XVI—XVII в., где текст без дат кончается известием об обретении мощей и многих исцелениях от них). Этот же текст с небольшими разночтениями читается и в печатном *Прологе* (см.: Пролог. М., 1643, 15 мая, л. 384 об.—385 об.). Здесь есть даты: поставление Исаяи на Ростовскую епископию в 6585 г. (как и в Ж.), и, что особенно важно, указана приблизительная дата смерти Исаяи (в Ж. ее нет) «на второе лето по освящении церкви Печерския», что дает приблизительно 1090 г., вероятно, отсюда и взятый всеми авторами, писавшими в XIX в. об Исаяе.

Возможно, вскоре после появления 1-й редакции Ж. была составлена и служба, во многом отразившая его содержание (см. *Минея служебная*. М., 1646, л. 186 и след.): «По всему уподобися преславным апостолом и обтече всю Русскую землю, идольскую леть попирая», «обходя грады и веси в Ростовской и Суздальской области идольские капища разоряя» (почти цитата из Ж.); отмечено, что вначале гроб Исаяи «в небрежении бысть»; встречается и мотив, близкий к заключительной молитве Ж. — «Умилосердися владычице на непотребные своя рабы и не предаждь нас в руже поганых грех ради наших».

Ж. принято было датировать XIII в. (см. *Историю русской литературы*) и относить, как и Ж. первого ростовского епископа Леонтия, к областной ростовской литературе этого периода. Основанием для этого послужила дата — 1274 г. — последняя, фигу-

рирующая в Ж. как дата перенесения мощей и установления почитания — в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1894, т. 13, с. 363), назван 1231 г. — дата торжественного освящения Успенского собора в Ростове. Однако уже Ключевский заметил, что 1274 г. появился в результате ошибочного прочтения. В издании ПС, как и в издаваемой рукописи из Соловецкого собрания, стоит \neq СЦПВ (6982) г., в параллельно помещенном переводе прочитанный как 1274 вместо 1474. По-видимому, дело не просто в ошибочном прочтении, так как хотя в подавляющем большинстве рукописей стоит 6982, но встречаются и рукописи с датой 6782 (\neq СѢПВ) (напр., ГПБ, Соф. собр. № 1419. л. 422—426, Торжественник, XVI в.). Таким образом, только полное выявление и обследование всех списков Ж. позволит окончательно решить вопрос датировки. Тем не менее существуют и другие аргументы, указывающие на XV в. как на время появления произведения: 1) Перенос мощей совершает архиепископ, в 1-й редакции без имени, во 2-й — Иоанн, хотя на самом деле в 1474 г. Ростовским архиепископом был *Вассиан Рыло*. Архиепископы (это тоже отмечено Ключевским) существуют в Ростове с 1390 г.; 2) Рассказа о преставлении Исайи нет в месяцесловах XV в.; 3) Ж. не встречается в рукописях ранее XVI в., где оно традиционно помещается между *Житием Леонтия* и *Житием Игнатия Ростовского*.

Скорее всего создание Ж. и службы приурочены к канонизации Исайи. В *Житии* епископа Леонтия указано, что мощи Исайи были обнаружены в 1164 г., когда после пожара в Ростове сгорела деревянная церковь Богородицы (что подтверждается и известиями *Летописи Никоновской*), и по повелению *Андрея Боголюбского* на ее месте стали копать рвы для фундамента новой постройки (ПС, 1859, ч. 1, февраль, с. 306—307). По-видимому, с этого же времени началось народное поклонение мощам Исайи, хотя епископ никакого празднования ему не установил. По мнению Голубинского, 1474 г. — дата установления архиепископом Вассианом Рыло местного празднования памяти Исайи. К тексту об Исайе в позднейших списках *Жития Феодосия Печерского* было добавлено «и тамо со святыми чтут его, прият бо чудотворения дар», как объяснение причины канонизации.

Ростовские епископы получили статус общерусских святых еще до Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг., хотя неизвестно никакого официального указа по этому поводу. Вторая редакция Ж., вошедшая в *Великие Минеи Четии* (15 мая), широко распространена в рукописных сборниках 30—40-х гг. XVI в. Ключевский вообще не нашел достаточных оснований для ее датировки. Но можно предположить, что именно вторая редакция была составлена для установления общерусского празднования памяти Исайи. Автор второй редакции заметил, что эпизод чудесного прибытия Исайи на освящение Печерской церкви и сравнение его в этой связи с апостолами взяты из Печерского патерика (ср.: А б р а м о в и ч Д. Киево-Печерський патерик. Київ, 1930, с. 14—15),

написав: «известно же о сем сказуешь в Патерице печерском» (ГПБ, собр. Титова, № 2059, л. 111 об.). По мнению издателя Ж., эта ссылка указывает на XV—XVI вв., когда появилось такое название патерики. Наконец, архиепископ во второй редакции назван Иоанном. Архиепископ с таким именем в Ростове был в 1520—1525 гг. Не дают ли эти наблюдения основания для датировки второй редакции началом — первой четвертью XVI в.?

Исследуя жанрово-стилистические особенности старших северо-восточных житий, Ф. И. Буслаев, а за ним В. О. Ключевский отметили их примитивность, «проложность», краткость, связывая проявление этих произведений с утилитарно-богослужебными потребностями вновь зарождавшейся в ростово-суздальской земле государственности. С этой точкой зрения не согласился С. А. Бугославский, проследивший в ростовских житиях продолжение киевской литературной традиции, сочетавшей элементы агиографические и документально-летописные, использующей византийские агиографические формулы. С. А. Бугославский пришел к выводу, что «традиции византийской агиографии, унаследованные Киевскими агиографами не прерываются. . . мы имеем дело не с зарождением нового стиля, а лишь с упрощением под пером еще неопытных севернорусских авторов старых изысканных приемов письма». Бугославский датировал Ж. XIII в. В дальнейшем место этого памятника в древнерусской литературе должно быть пересмотрено. Предстоит связать его с исторической обстановкой последней четверти XV в., когда Ростов уже был присоединен к Москве (в 1474 г.) и рассмотреть в контексте литературы этого периода.

Изд.: ПС, 1858, ч. 1, март, с. 432—450; Жития святых российской церкви: Месяц май. СПб., 1858, с. 240—245 (пересказ-перевод текста 1-й редакции по рукописи из библиотеки Троицкой лавры № 44); Ярослав. епарх. вед. 1876, ч. неофиц., с. 26—28.

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1863, с. 124; (Б у с л а е в Ф. — Рец. на кн.: «Православный собеседник», 1858 // Летописи Тихонравова. М., 1859, т. 1, отд. 3, с. 75—76); С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 127, 15 мая; Ф и л а р е т. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, т. 2. Май—август, с. 91—96; 2) Обзор, № 34; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 227—230; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 61, 80, 90, 91, № 38; Б у г о с л а в с к и й С. А. 1) Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Статьи по славяноведению и русской словесности: Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928 (СОЛЯС, т. 101, № 3), с. 335—336; 2) Литература Ростова XIII—XIV вв. § 2. Жития // История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 62—66.

М. Д. Каган

Житие Исидора Твердислова — памятник агиографии, рассказывающий о ростовском юродивом Исидоре. Как отметил В. О. Ключевский, Ж. очень бедно историческими приметами, несмотря на то, что оно посвящено, по-видимому, реальному персонажу и написано вскоре после его смерти (принято считать,

что Исидор умер в 1474 г.), В тексте Ж. дат нет. Поздний ростовский летописец XIX в. (см.: ГПБ, собр. Титова, № 1677 (1350)) называет 1419 г. — время прихода Исидора в Ростов, 1484 г. — год его смерти. Эту дату приводит и Филарет Гумилевский (Русские святые. . . , с. 90). Дата 1474 г. встречается в месяцесловах XVII в. (см., напр., ГИБ, собр. Погодина, № 1962, л. 76, где Исидор назван новым чудотворцем).

Как доказал в своих работах А. М. Панченко, юродство, характерное для Руси, не связано с душевной или телесной болезнью; юродство «Христа ради» — «добровольно принимаемый христианский подвиг», «аскетическое самоуничужение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти». Юродивый одним своим видом и поведением служил укором обществу.

Все Ж. составлено из традиционных для жизнеописания юродивого блоков, включая и известие о его происхождении: «яко поведают неции, от западных убо стран, от латиньска языка, от немецкая же земля от славных и богатых, яко глаголют, от местерска роду бе». Был ли Исидор действительно из рода Великого Магистра, или просто дворянином-рыцарем, неизвестно (в списках XVII в. писцы иногда заменяют слово «местер» словом «мастер»), но появление на Руси выходцев из Западной Европы, принявших на себя личину юродивых, не редкость. Согласно указаниям *Подлинника иконописного*, святой Исидор выглядел так: «Подобием рус, власы велики, брада аки Никиты мученика подоле, риза на на нем едина, раздранна серодикая, правое плечо наго, руки крестообразно, ноги голы».

Произведение состоит из четко выделенных подзаголовками частей. После небольшого вступления, разъясняющего прозвище святого — Твердислов («вправду тезоименно наречеса, утверди бо ум со словом вкупе»), идет собственно Ж. После страстий по русским городам Исидор пришел в Ростов, где построил себе на острове среди болотистого места хижину без крыши. Днем он ходил по городу, терпя от жителей «досаждение и укоризны, и раны», ночью же, когда его никто не видел, молился в своем убежище, или лежал на земле под дождем и снегом, ничем не укрытый. Два чуда он совершил еще при жизни. Первое: один ростовский купец во время кораблекрушения был спущен с корабля в море на доске как жертва, способная спасти остальных его спутников. Исидор, представ перед тонущим, вернул его чудесным образом снова на корабль, но взял с купца слово молчать. Второе: Исидор пришел в дом князя, где готовился пир, и попросил напиться. Слуга прогнал его. Во время обеда все сосуды с питьем оказались пустыми. Князь, узнав о поступке слуги, послал за Исидором. Тот подал просфиру киевского митрополита, и сосуды наполнились вином. Третье чудо — само преставление Исидора: после его смерти город наполнился благоуханием. Святого похоронили на месте его хижины, где потом поставили собор Вознесения (сначала деревянный, а при *Иване Грозном* — каменный). И, наконец, в Ж. читается одно посмертное чудо: один пресвитер хотел посмотреть

мощи Исидора и стал копать, но неизвестной силой был отброшен от гроба, стал нем и расслаблен; выздоровел он только после молитвы у гроба святого. Кончается Ж. Похвалой Исидору. Таков состав произведения, читающегося в рукописях XVI в. (см., напр.: ГПБ, Соф. собр., № 1357, 1389, 1361).

Ж. встречается в большом количестве списков, самые ранние из которых относятся к началу—первому 30-летию XVI в., хотя не исключено отнесение некоторых из них и к концу XV в. По-видимому, В. О. Ключевский не был знаком с рукописной традицией Ж., отчего ошибочно отнес его составление ко второй половине XVI в. До полного текстологического изучения памятника трудно говорить о его редакциях, однако предварительное знакомство со старшими списками позволяет сделать следующие наблюдения. Текст Ж. в целом не подвергался каким-либо изменениям. Кроме списков с уже указанными чудесами, имеются такие, в которых читаются еще два посмертных чуда — о пьянице, «исступившем ума» и о болящем «очною и главною болезнью». Скорее всего эти два чуда добавлены несколько позднее; они и стилистически отличаются от прижизненных чудес-легенд. Добавочные чудеса читаются уже в тексте Ж., вошедшем в Софийский список *Великих Милей Четих Макария* (ГПБ, Соф. собр., № 1321, л. 404 об.—406 об.). Читаются они и в списке *Торжественника* 1536—1538 гг. (ГПБ, Соф. собр., № 1419). В пользу более позднего происхождения текста этих чудес говорят и относящиеся к ним авторские ремарки: «се новейшее и преславное чудо, еже видесте очи наши. . .», «потщихомся елико по силе наших написати отчасти избранных святого чудес. . .». Они нарушают стилистическое и композиционное единство повествования, так как следующая теперь уже за ними Похвала также начинается с авторского вступления: «Како убо возмогу исписати. . . твое равно аггелом житие и твоя преславнаа чюдеса многгрешный и глусный аз вкупе душой и телом». В рукописях начала XVI в. (ГПБ, собр. Титова, № 2059 и Соф. собр., № 1364 — рукопись, данная в Кирилло-Белозерский монастырь в 1547 г.) имеется большое предисловие, отсутствующее в других списках (в том числе в ВМЧ). Авторские мотивы в предисловии традиционны: «мала некая въспомянувшѣ от великих чюдотворенних блаженаго Исидора», «сна подобает нам собравше вписати», «ова убо слышахом, наче же и сами видехом очима нашими чюдотворения божиа». Скорее всего и предисловие написано позже основного текста Ж. и независимо от дополнительных чудес. При этом составление житийного ядра может быть отнесено к XV в. По мнению Филарета, в 1500 г. оно, без сомнения, было уже написано. Одновременно с Ж. или вскоре после него была составлена и Служба (ГПБ, собр. Титова, № 2059).

Вероятно, в XVII в. возникла очень краткая Проложная редакция (см., напр., Пролог в списке ГПБ, собр. Титова, № 1187, а также: Пролог. М., 1643, май 14, л. 381—383), озаглавленная «В той же день преставление святого блаженнаго Исидора иже

Христа ради уродиваго, нарицаемаго Твердислова ростовского чудотворца». В ней нет чудес, предисловия, Похвалы; сохранился только текст собственно Ж. и рассказ о преставлении Исидора.

По-видимому, почитание памяти Исидора началось вскоре после его смерти и быстро распространилось не только в ростовской, но и в других областях. Е. Голубинский упоминает месецеслов 1487 г. Троице-Сергиевой лавры № 761, в котором уже значится св. Исидор Твердислов. Исидор упоминается в церковном уставе из библиотеки Черемышльского Троицкого Лютикова монастыря, написанном между 1474—1513 гг. вероятно, на юге близ Киева (Изв. имп. Археол. о-ва. СПб., 1865, т. 5, вып. 3, стб. 137—144), а также в Уставе 1522 г., написанном для епископа Вологодского и Пермского Алексея (ГБЛ, собр. Румянцева, № 446, см. В о с т о к о в, Описание, с. 713).

В то же время о канонизации Исидора как общерусского святого можно говорить только начиная со второй половины XVI в. На соборах 1547 и 1549 гг. он канонизирован не был. В 1552 г. митрополит Макарий в послании к Ивану Грозному, находившемуся в Казанском походе, среди ростовских святых Исидора не называет (ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 309). И только в 1563 г., сообщая Макарию о завоевании Полоцка, царь включает Исидора в перечень ростовских святых (АИ. СПб., 1841, т. 1, с. 320, № 168). Таким образом, Исидор мог быть объявлен общерусским святым между 1552 и 1563 г. (по Голубинскому — между 1549 и 1563 гг.), а его Ж., следовательно, написано задолго до этого события.

Как отметил Ключевский, чудеса Исидора, занимающие столь значительное место в Ж., основаны на новгородских легендах: чудо о купце совпадает с одним из мотивов легенды «Садко», а чудо о княжеском шире повторяет эпизод из *чудес Николая Качанова*, новгородского юродивого (хотя мотив о превращении воды в мед или вино встречается в *Житии Козмы и Дамаска* и восходит к еще более древнему, евангельскому сюжету — посещению Христом брака в Канне Галлилейской). К наблюдениям Ключевского можно добавить, что и чудо о пресвитере также имеет аналогию в новгородской легенде: в летописи под 1462 г. рассказано, что великий князь *Иван III Васильевич* вошел в церковь Преображения и хотел открыть мощи св. Варлаама, но из гробницы вырвался пламень и едва не ослепил князя, который в ужасе выбежал из церкви (см. *Житие Варлаама Хутынского*). Кроме знакомства с легендами, автор проявляет начитанность в св. Писании, пользуясь цитатами из Евангелия от Марка и из Первого Послания апостола Павла к Коринфянам.

Ж. принято относить к областной ростовской литературе конца XV—начала XVI в., продолжавшей развиваться, несмотря на потерю Ростовом Великим не только политической самостоятельности, но и всей своей территории (см.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 350). Однако отсутствие в этом произведении местных ростовских мотивов и реалий, его связь с литературами других областей и быстрое распростране-

ние по Руси позволяет поставить вопрос, не было ли это Ж. создано хотя и в Ростове, но уже как памятник общерусского значения, тем более что оно в известной мере послужило образцом для создания канонической формы жития юродивого (ср., например, с *Житием Прокония Устюжского*).

Текст Ж. не издан.

Лит.: Жития святых российской церкви, также пверских и славянских и местно чтимых подвижников: Месяц май. СПб., 1858, с. 235—245; Ключевский. Древнерусские жития, с. 280—284; Барсуков. Источники агнографии, стб. 231—233; Фларет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Изд. 3-е. СПб., 1882, т. 2, май 14, с. 88—91; 2) Обзор. № 124; Веселовский А. Былины о Садке // ЖМНП, 1886, декабрь, с. 251—284; Леонид. Св. Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочиния на Руси: (До XVIII в.). СПб., 1891, с. 162—163; Ковалевский П. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1895, с. 238—249; Голубинский. История канонизации, с. 84, 108, 548; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понурко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., с. 72—153.

М. Д. Казан

Житие Исидора Юрьевского — сохранившийся в двух редакциях рассказ о мученической смерти 8 января 1472 г. священника Исидора и 72 юрьевских жителей, которые были брошены под лед в результате столкновения с епископом и латинствующими властями г. Юрьева. В исторических источниках (как в русских летописях, так и местных немецких хрониках) сведений об этом событии не содержится, что дает некоторым исследователям повод сомневаться в подлинности описанных событий.

Краткая редакция, автор которой неизвестен (название: «В той же день (8 января. — Л. С.) страсть святого священномученика Исидора, проветера новаго, пострадавшего за Христа во граде Юрьеве от безбожных немец, и иже с ними пострадавших святых мученик седмидесят и трех», нач.: «Той святой священномученик Исидор живяше в латынях во граде Юрьеве в русском концы с православными крестьяны. . .»), была создана, по мнению И. Фетисова, вскоре после описанного события, но не ранее 1474 г. (К литературной истории. . ., с. 219). Список ее датируется XVI в. (Лихачев Н. П. Инока. . ., с. IX). Вторая, распространенная редакция (название: «Месяца генваря в 8 день. Страдание святого священномученика Исидора Новаго и иже с ним пострадавших за Христа 72 мученик, во граде Юрьеве Ливонском от немец поганых. Списано священноиноком Варлаамом смиренномыном по благословению митрополита *Макария* московского и всея России»; нач.: «В лета 6980 (1472) попущением божим на христианы, развирепевшимся безбожным латынем. . .) написана известным биографом Псковских и Новгородских святых *Василием* (в иночестве *Варлаамом*) между 1558 и 1563 гг. с благословения митрополита Макария. Это произведение представляет собой созданную на основе краткой редакции «витиевато изложенную повесть с введением и послесловием, проникнутую антила-

тинской тенденцией и горячей ненавистью к латинянам» (Фетисов. К литературной истории. . ., с. 218). Гибель мучеников оказывается в редакции Василия-Варлаама результатом сознательного, заранее обдуманного гонения на священника Исидора со стороны латинян г. Юрьева. Источники, которыми пользовался автор Полной редакции, и его литературные приемы рассмотрены И. И. Фетисовым (К литературной истории. . .). Списки Ж. указаны в работах А. С. Будиловича, И. И. Фетисова, Н. П. Барсукова, Н. П. Лихачева.

Обе редакции изданы, краткая — Н. П. Лихачевым, полная — по разным спискам А. С. Будиловичем и И. И. Фетисовым.

Изд.: Будилович А. С. О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священномученика Исидора и с ним сострадавших 72 юрьевских мучеников // Сб. учено-лит. о-ва при имп. Юрьев. унив. Юрьев, 1901, т. 4, с. 75—144; Лихачев Н. П. Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908 (ПДП, № 168), примеч. 3, с. IX—XI; Перетц В. П. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 г. Киев, 1916, с. 158—176 («Заятия И. И. Фетисова»).

Лит.: Муравьев А. Н. Жития святых российской церкви. СПб., 1857, с. 19; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 252, 259; Барсуков. Источники агиографии, стб. 230—231; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882, с. 15—17; 2) Обзор, с. 154; Голубинский И. История канонизации, с. 574; Фетисов И. И. К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928 (СОРЯС. т. 101, № 3), с. 218—221.

Л. В. Соколов

Житие Кассиана Босого — памятник агиографии, посвященный монаху Иосифо-Волоколамского монастыря Кассиану и написанный примерно в середине XVI в. Ж. известно по двум волоколамским рукописям (ГИМ, Синод. собр., № 927, л. 102—109 об.; собр. Музейское, № 2157, л. 6 об.—24 об.). По мнению Филарета, Ж. было написано *Фотием*, учеником Кассиана Босого. А. А. Зимин разделяет это мнение. Ключевский, сопоставляя текст этого Ж. с Житием Фотия, написанного *Вассианом Возмицким*, учеником Фотия, пришел к выводу, что оба жития принадлежат одному и тому же лицу. Эти произведения представляют собой небольшие биографии, близкие друг другу стилем изложения и даже употреблением одних и тех же выражений. Кроме того, Ключевский обратил внимание на одну деталь в содержании Ж., где автор упоминает о себе: сообщая о пожаре, остановленном молитвой Кассиана, он прибавляет: «мне же в та времена лучшъ быти в келаряхъ». По Житию Фотия известно, что он много лет был уставщиком и не желал занимать более высокие посты, а Вассиан известен как архимандрит Возмицкого монастыря. В этом и другом произведении приведены конкретные биографические сведения о героях повествования. Автор биографии Кассиана использует сочинение Саввы Черного о Иосифе Волоцком (см. *Житие Иосифа Волоцкого*) и приводит интересные известия не только о Кассиане, ближайшем соратнике Иосифа, но и о быте Иосифова монастыря в целом.

Лит.: Ф и л а р е т. Обзор, с. 156; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 295—296; З и м и н А. А. Крушная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России: (Конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 115—116.

Р. П. Дмитриева

Житие Кирилла Белозерского см. *Пахомий Серб.*

Житие Козмы Яхромского см. *Григорий, мочал Спасо-Евфимиева монастыря.*

Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора — памятник агиографии XVI в. Ж. известно по четырем редакциям: средней, сокращенной, пространной, Похвальному слову. По мнению последнего исследователя этого жития Н. Серебрянского, «первым опытом церковной биографии муромских князей» следует признать текст Средней редакции, которая была написана во второй половине XVI в. В XVII в. была создана Сокращенная редакция, видимо, для четий мисей Иоанна Милютина. На материале Средней редакции скорее всего в начале XVII в. было составлено Похвальное слово. Пространная редакция представляет собой сводку текстов Средней редакции и Похвального слова.

Есть основания полагать, что составление Ж. было предпринято уже после собора 1547 г., на котором муромский князь был признан местночтимым святым, но не позднее 50—60-х гг. Это произведение представляет интерес возможностью проследить методы работы писателей литературного круга митрополита *Макария*, усиленно трудившихся над агиографическими произведениями в середине—второй половине XVI в. Центральной темой Ж. является описание установления христианства в Муромской земле и миссионерской деятельности князя Константина. Хотя начало событий, связанных с князем Константином, приурочено к определенной дате (1223 г.), произведение не имеет под собой ни реальной исторической основы, ни какого-либо сложившегося религиозно-легендарного предания. Толчком к почитанию этих муромских князей и составлению Ж. скорее всего послужило обнаружение большой каменной плиты с перечислением их имен. Так думать позволяет краткая заметка, дошедшая до нас в сборнике XVII в. (ГБЛ, собр. Долгова, № 53, л. 355—356 об.). В ней без каких-либо подробностей сообщается, что князь Константин с «чады своими», прибыв в Муром из Киева, «неверные люди в веру привел» и воздвиг храм Благовещения, и затем тоже кратко сказано о посещении храма *Иваном Грозным* (перед походом на Казань). В этой же рукописи на л. 353—355 переписан именно тот вариант текста Повести о рязанском епископе Василии первой редакции, который был использован во второй редакции этой повести, написанной специально для Ж. князя Константина (см.: Д м и т р и е в а Р. П. Повесть о рязанском епископе Василии: (История текста первоначальной редакции) // ГОДРЛ. М., 1977, т. 33, с. 48—49). Таким

образом, упомянутая заметка и Повесть о епископе Василии, помещенные рядом в рукописи собр. Долгова, представляют собой материал, отражающий самый ранний этап по составлению Ж. Скудость сведений о князе Константине заставила автора Ж. обратиться к существующим образцам агиографии на соответствующую тему. При составлении средней редакции были использованы летописный рассказ о крещении Руси, *Память и похвала князю Владимиру*, проложные жития Владимира и Ольги, проложное *Житие Леонтия Ростовского*, *Сказание о Борисе и Глебе*. Автор Ж. использовал не только отдельные обороты и выражения для передачи соответствующей ситуации, но по большей части в рассказ включал целые отрывки из перечисленных произведений. В результате проделанной работы, во многомносящей компилятивный характер, было создано пышное произведение с чертами эмоционально-экспрессивного стиля, к которому стремились агиографы макарьевского круга. Включенная в состав Ж. Повесть о епископе Василии тоже подверглась переработке, стилистически приблизившись к основному повествованию.

Как характерную особенность этого произведения следует отметить почти полное отсутствие в нем исторически достоверных фактов и местных муромских реалий: так, рязанско-муромская епископия на самом деле всегда находилась в Рязани и название ее борисоглебской связано с развитым культом Бориса и Глеба в Рязани, начало которого было положено строительством Олегом Святославичем в Старой Рязани собора Бориса и Глеба (Михайловский Е., Ильенко И. Рязань, Касимов. М., 1969, с. 33—35). В Ж. же излагается легенда о том, что якобы сначала епископия находилась в Муроме. Упоминаемая в этом произведении муромская церковь Бориса и Глеба по другим источникам неизвестна. Это результат творческих домыслов автора Ж.; в первой редакции Повести о епископе Василии, откуда заимствуется в Ж. повествование о муро-рязанской епископии, название церкви не сообщается. Отсутствие в Ж. местных муромских реалий свидетельствует не только о том, что оно было написано не в муромской среде, но и о том, что автор произведения прежде всего стремился соблюсти правила агиографического канона, а отнюдь не донести до читателя исторически достоверный рассказ. Исследователи заблуждаются, когда пытаются найти в этом произведении исторические факты и муромские реалии (см., напр.: Масленцын С. Муром. М., 1971).

Однако, видимо, надо признать достоверным историческим фактом то, что Иван Грозный проявил интерес наряду с Петром и Февронией и к этим муромским святым. В краткой заметке рукописи Долгова, № 53 сказано, что при посещении храма Благовещения (во время подготовки похода на Казань 1552 г.) Ивану Грозному была показана «цка каменная велика самородная» с высеченными на ней именами князя Константина и его сыновей. В последующих редакциях описаны дальнейшие знаки внимания царя этим святым — по его повелению был отстроен каменный собор

и устроена рака святым. Подтверждением того, что Иван Грозный видел в «сроднике своем» князе Константине одного из защитников самодержавного государства, является включением изображения его в роспись Архангельского собора Московского кремля, которая была осуществлена в 60-е гг. XVI в. (Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятника письменности XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 275—276).

Вопрос об авторе Ж. остается открытым. Краткая запись о князе Константине в рукописи собр. Долгова скорее всего была составлена в 50-е гг. XVI в. лицом, связанным с Муромом и его церковными событиями: автор ее, сообщая о расположении храма Благовещения в Муроме, использует местную топонимику («в верхнем конце, в старом городище») и сообщает конкретное местоположение в церкви гробницы, покрытой каменной плитой. Само Ж. написано лицом, хорошо знакомым с русской агиографией и усвоившим приемы литературного творчества, широко применяемыми в литературном круге митрополита Макария. В. О. Ключевским было высказано предположение, поддержанное архимандритом Мисаилом, о том, что автором Ж. мог быть Михаил — инок владимирского Рождественского монастыря, упоминаемый в рукописях второй половины XVI в. как «господин Михаил мних», так как ему принадлежит служба, посвященная князю Константину и его сыновьям, а также часть канонов Петру и Февронии Муромским. В последующих исследованиях это предположение не было оспорено; однако, чтобы оно стало признанным фактом, требуются дополнительные аргументы. Средняя редакция Ж. опубликована в ПЛ, сокращенная — Н. Серебрянским; пространная редакция и Похвальное слово остаются неизданными.

Изд.: ПЛ, вып. 1, с. 229—237; Серебрянский. Книжеские жития. Приложения, № 27, с. 100—107, 237—247.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 286—288; Мисаил, архим. Святой благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают его мощи // Тр. Владим. учен. арх. ком. Владимир, 1909, вып. 8, с. 1—130.

Р. П. Дмитриева

Житие Корнилия Комельского см. *Иафаналл*.

Житие Лазаря Муромского — сочинение, составленное в форме автобиографии Лазаря, основателя Муромского монастыря у восточного берега Онежского озера (ум. 8 марта 1391 г.), записанной с его слов его преемником Феодосием, или же написанное в такой форме позже произведение неизвестного автора. Из него следует, что Лазарь был выходцем из Византии, постриженником игумена «римския обители Высокогорския» Афанасия Дискота, посланным в Великий Новгород к архиепископу Василию «новести сказати. . .

о белом клобуке», — имеется в виду легендарная история передачи новгородским владыкам константинопольским патриархом белого головного убора, изложенная в *Повести о белом клобуке*. Кроме того, здесь содержится намек на какую-то повесть Василия Новгородского о самом Лазаре: «И о мне грешнем повесть духовно и явлено да скажется Василием епископом новгородским». Лазарь похоронил епископа Василия, а тот вскоре явился ему во сне и повелел основать монастырь на острове в Онежском озере. Лазарь выпросил этот остров у его владельца, новгородского посадника Ивана Фомина сына Захарьевича, жителя Славенского конца. Но когда он добрался до острова, встретил там сопротивление местных жителей — племен лопи, чудь и самояди. Лишь после того, как он исцелил слепорожденного мальчика старейшины-лопьянина, те покинули остров. Из рассказа ясно, что у Лазаря была с собой икона — «образ Владыки Христа-Бога». При новгородском архиепископе Моисее (1352—1360 гг.), преемнике Василия, Лазарь вновь посетил Новгород и получил там все необходимое для устройства обители. Сын к тому времени покойного посадника Ивана Федор передал ему завещанные монастырю отцом сто гривен и грамоту на владение землями и водами. В ряде списков Ж. приводится текст грамоты (из него следует, что подаренные места были в свое время куплены дедом посадника Ивана) и описывается прикрепленный к ней «на утверждение» свинцовый моливдовул. В Ж. говорится также, что первые пришедшие к Лазарю, чтобы жить вместе с ним, монахи «от дальних стран» поставили церковь Лазарева воскресения, прибывшие затем киевские иноки Иона и Ефросин — церковь Успения пречистой Богородицы Афонской, а явившийся с Афона старец Феодосий «своим именем» воздвиг трапезную церковь во имя Иоанна. Этот Феодосий наименовал монастырь Успение Богородицы Муромской. О нем говорится, что он «премудр бе книжной мудрости». Он записал рассказы Лазаря и был избран им в преемники. Умер Лазарь в возрасте 105 лет в 1391 г. и был похоронен за алтарем Лазаревской церкви.

Согласно наблюдениям П. К. Литвиновой (дипломная работа в Лен. гос. ун-в.), известно тринадцать списков Ж. XVII—XIX вв., из которых одиннадцать содержат краткую редакцию, а два (ГИМ, собр. Уварова, № 542 (408), XVII в. и ГБЛ, собр. Ундольского, № 146, XVIII в.) — пространные. Пространными воспользовался для издания Амвросий. Название произведения в списках варьируется: «Повесть о Муромском острове», «Повесть о Лазаре Муромском», «Начало святяя обители Успения пречистыя Богородицы Печерския и Рождества великого во пророцех Претеча Господня Иоанна и преподобного чудотворца Афанасия, еже есть близ Понта Окияна моря».

Филарет назвал это «духовное завещание» Лазаря весьма любопытным, но, к сожалению, испорченным переписчиками. С. П. Валк усомнился в соответствии формы грамоты посадника Ивана, содержащейся в Ж., нормам XIV в. и датировал произве-

дение XVII в. (В а л к С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937, с. 301—303). Известно, что в 1539 г. Муромский монастырь вел с Палеостровским монастырем тяжбу из-за земельных владений и проиграл, возможно потому, что не смог представить владельческих документов (по крайней мере, их подлинников). В 1650 г. царь Алексей Михайлович дал разоренному в Смутное время «немецкими и литовскими людьми» Муромскому монастырю грамоту на владение землей и водой, в которой сослался на «списки», упоминающие посадника Ивана как дарителя монастырю «по душах своих» земли и воды (Олонецкие губернские ведомости, 1849, № 37, с. 113—116). По мнению П. К. Литвиновой, около середины XVII в. была создана лишь краткая редакция Ж., а пространные более древни, одна — середины XVI в., а другая — конца XV—начала XVI в., в основе же всего лежит подлинная автобиография Лазаря, записанная Феодосием в конце XIV в.

В 1958 г. из Муромского монастыря в Кижи была перевезена небольшая деревянная Лазаревская церковь с иконостасом. Иконостас датируют XVI в., саму же церковь, судя по особенностям обработки дерева, креплению дверей не на петлях, а на пятах, врубленных в стены, и по традиции, считают современной основателю монастыря (см.: Б а р т е н е в И., Ф е д о р о в Б. Архитектурные памятники Севера. М.; Л., 1968, с. 31; С м и р н о в а Э. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969, с. 51—52, 120—126).

Ж. неоднократно пересказывалось (К о с т о м а р о в П. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевоего уклада. СПб., 1863, с. 358—360; П е т р о в К. Муромский монастырь // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886, вып. 2, с. 99—117; Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 43, с. 183—194); отдельно публиковалось извлеченное из него завещание посадника Ивана Фомина сына Захарьевича (Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. // Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941, с. 355; Грамоты Великого Повгорода и Пскова / Под ред. С. П. Валка. М.; Л., 1949, с. 284).

Изд.: А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1813, ч. 5, с. 115—129; Б а р с о в Е. П. Русские святые. СПб., 1862, вып. 1, с. 325—326; Д о к у ч а е в - Б а с к о в К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Муромский монастырь // Христ. чт., 1886, сентябрь—октябрь, с. 496—505.

Лит.: Ф и л а р е т. 1) Русские святые. СПб., 1862, вып. 1—4, с. 325—336; 2) Обзор, с. 99; Б а р с о в Е. П. Преподобный Лазарь Муромский // Олонец. губ. вед. 1867, № 43; Б а р с у к о в. Источники агиографии, сб. 322; Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси, с. 113—120; Р о з о в П. П. «Повесть о новгородском белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 200—204; Л и т в и н о в а П. К. Сказание о Муромском острове — памятник повгородской публицистики XV в. // Пробл. компл. изуч. Севера-Запада РСФСР. Л., 1972, с. 24.

Н. К. Литвинова, Г. М. Прозоров

Житие Макария Желтоводского и Унженского — памятник агиографии XVI в. Ж. сообщает о Макарии (1349 — 25 июля 1444 г.), что он был уроженцем Нижнего Новгорода, сыном Ивана и Марии. Двенадцати лет от роду Макарий втайне от родителей постригся в Нижегородском Печерском монастыре при его основателе, архимандрите *Дионисии*, впоследствии архиепископе Суздальском (будущем участнике борьбы за русский митрополичий стол). По сведениям Ж., Дионисий взял отрока после его пострижения к себе в келейники. Из Печерского монастыря Макарий спустя годы «отошел» ради «безмолвного жительства» в «пустынь» на р. Лух, где основал первый свой монастырь. Затем он переселился на Желтые воды и основал там другой монастырь. В 1439 г., во время нашествия казанских татар на русские земли, монастырь на Желтых водах был разорен, а Макарий вместе с уцелевшими русскими людьми переселился на р. Унжу и основал здесь последний свой монастырь, где спустя пять лет умер и был похоронен.

В рукописной традиции известны две редакции Ж.: краткая, мало украшенная (нач.: «Сей преподобный отец Макарий родился в Нижнем Новеграде, честна сын родителю. . .») и пространная, украшенная (нач.: «Что убо похвала благоверию и что ино утверждение, разве еже ведати и внимати милосердию божию. . .»). Текстологическое исследование списков Ж. до сих пор не сделано. Очевидно, что первоначальной является краткая редакция. Составитель пространной редакции пользовался кратким Ж., украсив его словесно, не распространил фактическую его основу. Он сам сообщил в предисловии, что «видех писания» о Макарии и «от писавших известихся» о нем.

В канонизацию 1547—1549 гг. Макарий не попал. Но из Ж. ясно, что уже в 1522 г. его чтили на Унге как святого и имели здесь его икону. В 1532 г., по сведениям того же Ж., в Солигаличе была заложена церковь во имя Макария, в честь избавления города от татар. Тематика большей части чудес, имеющих в краткой редакции, связана с периодом столкновения Руси с Казанским царством — начиная от двух первых чудес, случившихся во время нашествия татар на город Унжу и Унженский монастырь в 1522 г. и кончая чудом об исцелении воеводы Ивана Выродкова, случившимся во время похода русского царского войска на Казань. Значит, краткая редакция с чудесами может быть датирована периодом, близким ко времени завоевания Казанского царства в 1552 г. Подтверждение этому находим и в тексте службы Макарию, предшествующем в отдельных списках краткому Ж. Время ее создания тоже определяется кануном 1552 г.: здесь в молитвенном обращении к святому есть прошение о даровании «победы православному царю нашему на неверныя варвары». Служба имеет явное солигалическое происхождение: Макарий называется в ней «заступником и помощником» «граду нашему Галическому», говорится, что «днесь град твой, отче, Галич, тобою хвалится». Не определяет ли это солигалического происхождения и Ж.?

Краткое Ж. могло быть написано либо в Унже (или Унженском монастыре), либо в Солигаличе, где Макарий на протяжении XVI в. почитался как местночтимый святой. Можно предположить, что краткой редакцией Ж. с чудесами предшествовал более ранний вид, без чудес. Об этом говорит наличие отдельных списков, помещающих единственное прижизненное чудо Макария — об исцелении дочери унжанина Федора — внутрь Ж., перед повествованием о кончине Макария и следующим затем разделом чудес. Другая группа списков выносит и это чудо в заключительный раздел чудес. Можно предположить, что структура списков, помещающих прижизненное чудо внутрь Ж., отражает наиболее ранний его вид, который заканчивался повествованием о кончине Макария и еще не имел особого раздела чудес.

В 1619 г. вновь поставленный патриарх Филарет постановил «преподобному отцу Макарию честь воздаяти тако ж, яко ж и прочим святым преподобным отцем» по всему Русскому государству. Перед этим было осуществлено свидетельствование чудес, происходящих у гроба Макария. По инициативе патриарха молодой царь Михаил Феодорович вместе со своей матерью, инокиней Марфой, ходил в 1619 г. на богомолье в Унженский монастырь, ко гробу Макария. Филарет Никитич располагал в это время текстом Ж.: «а даст бог вперед подлинное Макариево Житие и чудотворение приплю», — писал он царю (см.: Письма русских государей. М., 1848, с. 27—46). Какая это была редакция, не ясно.

Вторая, пространная, редакция Ж. возникла после 1615 г.: этим годом датируется первое из новых чудес, присоединяемых второй редакцией к чудесам первой редакции. Существовала ли она в 1619 г. или появилась несколько позже? Мы находим ее в сборнике, писанном Германом Тулушовым в 1633 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 694, л. 340). В четвь-мшнейном сборнике Германа Тулушова, писанном годом раньше, в 1632 г., помещена краткая редакция Ж. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 679, л. 595).

После 1640 г. было написано Сказание об обновлении Желтоводского монастыря («Сказание по сокращению о зачатии на Желтых водах обители святого и преподобнаго отца нашего Макария, игумена желтоводскаго и унженскаго чудотворца, и о разорении ея от безбожных агарянских внуков, и заустении, и поновлении по многих летех, пакы на том же месте о устроении»). Оно помещается в рукописях вслед за пространной редакцией Ж. (ГИМ, собр. Уварова, № 1197 (398) (105), л. 69 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 119, л. 106). Здесь повествуется о том, как в 1620 г. строителем Авраамием был возобновлен Желтоводский монастырь, находившийся 180 лет в заустении после разорения его при жизни Макария воинством Улумахмета и Мамотяка. Авраамий, отыскавший заброшенное место и поселившийся здесь, собрал вновь монастырскую братию в запустевшую обитель; с этого момента начался бурный расцвет Желтоводского монастыря. Строитель Авраамий умер в 1640 г., Сказание написано после его смерти.

Текст Ж. не издан, перечень его списков, указанный Н. П. Барсуковым, может быть значительно расширен.

Лит.: Описание Макариева Унженского, Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря. М., 1835; М а к а р и й, епархионах. Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария, Желтоводского и Унженского чудотворца. М., 1850; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 324; Б а р с у к о в. Источники агрографии, стб. 335—339; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 123—124.

Н. В. Поньрко

Житие Макария Колязинского — памятник агрографии, посвященный деятелю второй половины XV в. Макарию (в миру Матвею) (1402—1483 гг.), основателю одного из крупнейших монастырей Тверской земли. Макарий, по свидетельству его младшего современника *Иосифа Волоцкого*, происходил из рода кашинских бояр Колязиных. После смерти жены он постригся в Клобукове монастыре, откуда ушел с семью старцами и около 1459 г. основал Троицкий монастырь на земле некоего Василия Коляги. По имени его основателя монастырь стал называться Макариевым, а по имени прежнего землевладельца — Колязинским. Событие это относится ко времени борьбы Твери с Москвой за главенствующее положение среди русских княжеств, в которой тверские князья стремились опереться на авторитет и поддержку крупных церковных деятелей. Колязинский монастырь играл роль и идеологического центра. Именно там, у Макария Колязинского, получил благословение тверской купец *Афанасий Никитин*, отправляясь в 1486 г. на Восток. По уже в 1485 г., через два года после смерти Макария, Тверь потеряла свою самостоятельность и была присоединена к Москве. Однако Макариев Колязинский монастырь, выгодно расположенный на волжском торговом пути, не потерял своего значения.

Макарий Колязинский вошел в круг церковных деятелей, почитаемых иосифлятами. О нем писал Иосиф Волоцкий в главе 10 своей Духовной грамоты — «Отвещание любозаборным и сказание вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Русстей земли сущих» в 1507 г. (ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 186[4], выш. 2, отд. 2, с. 89; ВМЧ, Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стб. 558—559), как о ревнителе святой жизни, подкрепляя это мнение свидетельством «великого старца» Митрофана Бывальцева, девять лет прожившего на Афоне, однако, по его словам, «всуче трудихся и без успеха шествовах толкн путь, еже во Святую Гору мимо Колязинской монастырь: мощно всем подобно творится зде киновиям, иже во Святой горе сущим».

Однако «обретение» в 1521 г. мощей Макария, объявление его новым «чудотворцем» и канонизация как местночтимого святого московским митрополитом *Даниилом*, занявшим этот пост в 1523 г., вызвала возращение противника иосифлян *Вассиана Патрикеева*, звавшего Макария как «простого человека» и «мужика сельского» (Ж м а к и н В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, с. 214—218; К а з а к о в а П. А. Вассиан Патрикеев

и его сочинения. М.; Л., 1960, с. 112, 297). Вероятно, в связи с этой канонизацией начали собирать сведения о жизни и делах Макария. В сборниках XVII в. до нас дошло известие о том, что «в лета 7032 (1524) марта в 17 день (день смерти Макария. — М. К.) воспрашивал князь Юрий Иванович (Дмитровский. — М. К.) стретеньския старицы Ефросинии Василиевския жены Кожина о житии преподобнаго Макария чудотворца» (ГИБ, собр. Погодина, № 1574, л. 28). Ефросинья знала мамку Макария Евфимию, его родителей — Василия и Ирицу, его жену Елену, умершую во время мора, сообщила, что сам Макарий умер 81 года от роду. Другие сведения о Макарии со слов Иосифа Волоцкого поместил в *Патерике Волоколамском Досифзй Топорков* (Волоколамский патерик по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927, XVI в. // Моск. высшие женские курсы: Семинарий по др.-рус. лит., [1912], вып. 5, с. 13—15). Ряд подробностей биографии Макария Колязинского, известных Иосифу Волоцкому и Ефросинье, не попал в его официальное Ж.

Старшие списки Ж. датируются XVI в. Ж. традиционно состоит из трех частей: собственно Ж. с авторским предисловием, тремя прижизненными чудесами и Словом о преставлении Макария, Сказания об обретении мощей Макария 26 мая 1521 г. во время рытья рвов для новой церкви в Колязинском монастыре и Сказания о посмертных чудесах. Рукописная традиция Ж. полностью не изучена, но предварительные наблюдения над списками XVI в. позволяют выявить два вида текста. Второй вид (ГИБ, Солов. собр., № 826/936) более полный, в нем читается рассказ о постриженниках и учениках Макария — Маркеле и Сергии, выдержка из Духовной грамоты Иосифа Волоцкого со ссылкой на Митрофана Бывальцева, упоминание о семи старцах, покинувших Клобуков монастырь вместе с Макарием, дата обретения его мощей. Однако эти подробности скорее всего вторичного происхождения, на что указывают сопровождающие их фразы: «о них же последи поведано будет», или «мы же о сих оставльше, паки на подлежащее возвратимся». Первый вид текста (ГИБ, Соф. собр., № 1491) беднее эпизодами, но более цельный стилистически. Это же соотношение подробностей присуще и Сказанию об обретении мощей: в первом виде текста гроб Макария посещает только дмитровский князь Юрий Иванович, во втором — митрополит Даниил посылает свидетельствовать чудеса еще и чудовского архимандрита Иону, отчего эпизод удваивается. В первом виде текста 16 посмертных чудес, во втором — 93, в число которых включены и три прижизненных; некоторые из чудес датированы, последняя дата — 1539 г. В первом виде текста чудо о Захарии расслабленном изложено подробнее, чем во втором виде; зато чудо о бесноватом Василии Рясине дапо подробнее во втором виде текста. В первом виде эти чудеса следуют одно за другим, а во втором виде между ними рассказывается о многих людях, приходивших к Макарию за утешением, в то время как «невегласи» смеялись над ним, не признавая в простом и бедно одетом иноке игумена и святого.

16 чудес первого вида Ж. представляют собой небольшие рассказы-миниатюры; 93 чуда второго вида — это только краткий перечень; в сокращенном варианте в него включены и 16 чудес из первого вида, но не в прежнем порядке: так чудо 1-е соответствует 18-му, 2-е—8-му, 3-е—9-му, 4-е, возможно, — 16-му, 5-е—12-му, 6-е—23-му (26-му, или 36-му), 7-е—19-му, 9-е—30-му, 13-е—48-му, 14-е—51-му, 15-е—52, 16-е—64-му.

Авторское предисловие Ж. у обоих видов общее, но во втором виде существует еще и авторское послесловие, в котором сообщается, что история жизни Макария идет от Маркела и Сергия и передается из уст в уста, и, хотя прошло уже 64 года после смерти Макария, жития его еще никто не написал. Стилистически это послесловие традиционно и никаких примет автора не содержит. В тексте первоначального вида Ж. этого послесловия нет (как нет в самом Ж. упоминания об иноках Маркеле и Сергии), но есть авторское предисловие ко второй части произведения — Сказании об обретении мощей, из которого следует, что оно, возможно, написано тем же лицом, что и само Ж.: «Аз же убогий мало преже сих понужахся написати о рожении, и воспитании, и о равноангеловом житии его, елико изобретох, тако вашей любви написах. Ныне же прострох недостойную мою десницу во еже мало что явити о проявлении мощей его». В Сказании второго вида этого предисловия нет.

Таким образом, можно предположить, что первый вид трехчастного произведения, складываясь постепенно, связан с первой канонизацией Макария как местночтимого святого и появился между 1521 и 1524 гг. Второй вид Ж. появился через 64 года после смерти Макария (1483+64) и приурочен к собору 1547 г., на котором было канонизировано большое количество русских святых, составивших по замыслу митрополита *Макария* русский пантеон, соответствующий новой роли Московского государства в политической и идеологической жизни христианского мира после Флорентинской унии и падения Константинополя. Объявление Макария общерусским святым зафиксировано в Окружной грамоте митрополита Макария 1547 г.: «Пети и праздновати повсюду марта в 17 день великому чудотворцу игумену Мекарию Колязинскому» (ААЭ, т. 1, с. 203). В *Подлиннике иконописном* под 17 марта внешность нового святого описывалась так: «Подобием стар и сед, брада поменше Власиевы, не раздвоилась, риза преподобническа, ряса празелень с белилы».

Автор первого вида Ж., создатель основного текста, скорее всего был книжником-профессионалом, хорошо владевшим как композицией житийных произведений, так и их традиционным стилем. В его тексте постоянны ссылки на св. Писание и отцов церкви: сам автор считает себя, как это принято, грубым и недостойным писать жития, однако он «убояхся осуждения раба оного, скрывшего талант господина своего». Отрок Матвей задумал уйти в монастырь, научившись грамоте и читая Евангелие; уговаривая сына вступить в брак, родители приводят ему примеры

из Библии, из легенд об Аврааме и Моисее, цитируют Иоанна Златоуста; выбирая место для монастыря, Макарий поет псалмы. Редактор второго вида Ж. не внес изменений в общий стиль произведения, добавив только некоторые эпизоды.

Исследователи XIX в. (Строев, Филарет, Сергей, Барсуков, Леонид) считали, что Ж. написано монахом Макарием. Имя это было прочитано в анаграмме, помещенной после списков Ж. в сборниках собр. Тр.-Серг. лавры (№ 8, л. 462; № 692, л. 488; № 802, л. 17). Однако уже Ключевский обратил внимание на то, что послесловие инока Макария относится только к последней части произведения — Сказанию о чудесах: «Свидетель ми есть Христос мой, не от себе устремляем есть, но принужден быв от отца моего духовнаго именем Серапиона и от некоего брата именем Филарета, а сапом еклисиарха. . ., по прошению их и по повелению такоже се написах и ваших прежних тетрадей никакоже не повредих, не почерпил нигде же, ни имени не пременил в чудесах, по наче распространил и речи пременил удобь приятен вид». «Аще кто хочет уведати имя преписавшаго чудеса преподобнаго Макария, се напишю ти», далее следует тайнопись, которая скрывает имя Макарий. Таким образом, инок Макарий является редактором уже существовавшего Сказания о чудесах. По наблюдению Ключевского, его работа относится к последней четверти XVI в.: приравненное им чудо датируется 1584 г.

Ж. включено в *Великие Минеи Четии*: текст Ж. (скорее всего первого вида), Сказание об обретенных мощей и 16 чудес (см.: И о с и ф. Подробное оглавление Великих Миней Четиих митрополита Макария. М., 1892, стб. 28—29, 17 марта, л. 401—408 об.). В печатном Прологе (М., 1643, л. 86—87 об.) читается очень краткий текст Ж., в котором сказано, что он «бысть убо от западных стран» и поселился в пустыне близ града Дмитрова. Эти детали, отсутствующие в тексте полного Ж., указывают на независимое от него происхождение проложного вида. В рукописях XVI—XVII вв. встречаются служба Макарию, молитва Макарию и Слово похвальное на память Макария, создание которых также связано с канонизацией святого. Текст Ж. не издан.

Лит.: Строев П. М. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII столетия // ЖМНП, 1834, ч. 1, кн. 2, § 409, с. 168; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836, с. 171—172; Ключевский. Древнерусские жития, с. 289—290; Сергей. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 69; Строев. Словарь, с. 194—196; Барсуков. Источники агрографии стб. 340—342; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882, т. 1, с. 372—379; 2) Обзор, № 133; Леонид. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси до XVIII в. обще и местно чтимых. СПб., 1891, № 490, 491, 492, с. 122—123; Голубинский. История канонизации, с. 83, 100, 222, 228—229, 232; Лурье Я. С. Роль Твери в создании русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ, 1939, вып. 3, № 36, с. 85—109; Бурдовниц. Монастыри на Руси, с. 204—206.

М. Л. Ковал

Житие Мартициана Белозерского — памятник агиографии XVI в., составляющий часть сложного целого, которое включает также *Житие Ферапонта Белозерского*. Оба жития написаны одним автором, ферапонтовским иноком, и в ранних списках соседствуют, причем Ж. как бы продолжает Житие Ферапонта, начинаясь с того момента, которым то заканчивается. Ж. четко делится на несколько частей, иногда заканчивающихся словами «И о сих тако», «И о сих до зде». Два фрагмента имеют заголовки: «О рождении святого» и «О самодержце великом князе, и о всех благочестивых князех, и о земском устроении Русския державы». В поздних списках получили заглавия и другие эпизоды («О некоем боярине» и др.). Завершается Ж. общей похвалой Ферапонту и Мартициану.

Для своего произведения автор Ж. воспользовался легендами и преданиями, иногда он ссылается на рассказы очевидцев. Письменные его источники — летопись и Житие Кирилла Белозерского (из Жития взяты обширные этикетные формулы, а также рассказ о встрече *Пахомия Серба* в Кирилло-Белозерском монастыре с *Мартицианом*). А. Кадлубовский считает, что эпизод «О некоем боярине», повествующий об обличении Мартицианом *Василия Темного*, свидетельствует о независимой по отношению к великокняжеской власти позиции автора.

Ж. известно в двух видах. Первый представлен одним списком 90-х гг. XVI в. — ГБЛ, Волок. собр., № 564, л. 223 об.—248 об. В нем житиям Ферапонта и Мартициана предшествует небольшой текст «Сказание о начале святаго обители сия и о преподобнем Ферапонте», где кратко говорится о создании Кириллова, Ферапонтова и Лужецкого Можайского монастырей. По существу это — родословие князей Можайско-Верейских. Этот вид Ж. основывается на кратких летописцах типа Кирилло-Белозерского (ср.: ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, Приложение, с. 190).

Второй, находящийся во всех остальных списках вид Ж. возник не позднее 60-х гг. XVI в. (это время написания древнейшего из его девяти списков — ГПБ, Соф. собр., № 467, л. 49—97 об.). Судя по присутствующему здесь тексту, озаглавленному «О благословении митрополита Макария», можно думать, что Ж. первоначально, т. е., по всей видимости, первого вида, было написано перед канонизацией Ферапонта и Мартициана в 1547 или 1549 г. Во втором виде к Ж. добавились рассказы о чудесных исцелениях больных, приходящих поклониться гробу Мартициана, чаще всего жителей близлежащих сел. Количество чудес варьируется от восьми (ГИМ, собр. Уварова, № 830 (1159), XVIII в.) до 17 (ГИМ, собр. Уварова, № 207 (1158), XVII в.). Второй вид отличается от первого также наличием известий, почерпнутых из летописи, родственной *Летописному своду Московскому великокняжескому 1479 г.* В таком виде Ж. было включено в minei четыи Иоанна Милютина (ГИМ, Синод. собр., № 801, 12 января). В XVI в. отрывки из чуда с Памвой (первое) и с Акилицей (четвертое) были вырезаны вязью в медальонах на деревян-

ной раке Мартиниана в Ферапонтовом монастыре; в XVII в. рака, в том числе и боковая ее доска с резьбой, была поновлена; от старой раки сохранилась лишь торцевая (в погах) стенка с резьбой.

С Ж. связана Служба Мартиниана, предназначенная для исполнения 12 января, в день его памяти. Она тоже известна в двух видах. Первый состоит из вечерних стихир и утрени с каноном; старейший его список — ГПБ, Соф. собр., № 467, Сборник житий, 60-е гг. XVI в. (нач.: «Ум предочистив от страстного омрачения. . .»); все стихиры, за исключением славы, здесь подобны; славы поются на 5 и 8 глас, самогласны; канон начипается словами: «Песнь възпети и възхвалити, Христе боже нашъ. . .»; краегранесие указано, но его нет; после шестой песни канона — кондак с икосом; последний перед богородичным тропарь 9 песни — слава, общая Ферапону и Мартиниану). По тому, что в обращении автор упоминает мощи Мартиниана, видно, что Служба была написана в Ферапонтовом монастыре. В смысловом и формальном отношении она родственна Ж. Как и там, здесь множество цитат и сравнений, почерпнутых из Библии и сочинений отцов церкви, причем связываются они с речью о Мартиниане схожим образом («Сиа и zde сътворил еси» — в Службе, «Такожде и zde сицевым образом сътвори» — в Ж.). Во второй Службе этих цитат и сравнений нет.

Вторая Служба — более пышное и торжественное произведение, чем первая. Она тоже создана в Ферапонтовом монастыре (автор обращается к собравшимся для празднования памяти Мартиниана в храме «Божией матери», главной церкви монастыря, под которой Мартиниан похоронен, упоминает его раку). Эта Служба ориентирована на малую и великую вечерни, утреню и литургию; сохранилась в списках XVII—XVIII вв., из которых древнейший — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 728, Трефолой, 30-е гг. XVII в. (нач.: «Ныне приспе пресветлая память блаженнаго Мартиниана. . .»); стихиры малой вечерни и утрени — все подобны, в великой встречаются и самогласны; два канона по-песенно соединены, первый начинается словами «Песнь ти приношу, преблаженне. . .», второй: «Во глубину злобы от неразумия. . .»; последний перед богородичным тропарь девятой песни второго канона и здесь — слава, общая Мартиниану и Ферапону; в списке ГПБ, НСРК, 1947, Ф. 104, XVIII в., в эту Службу внесены некоторые изменения и дополнения). Эта Служба примечательна тем, что каждые несколько ее стихир начипаются одной и той же буквой. В канонах во всех песнях, кроме седьмой, инициалы тропарей совпадают с начальной буквой соответствующего ирмоса. На полях древнейшего списка этой Службы запись: «Се творение Матфея инокса». В. О. Ключевский предположил, что Матфей — автор и Ж. По содержанию и эта Служба опирается на Ж., но — в отличие от первой — в ней говорится о чудесах, совершающихся у раки Мартиниана, т. е. она связана со второй его редакцией. Не связана ли первая Служба с первым видом Ж.?

Как оба вида Ж., так и обе Службы Мартиниану, не изданы.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской перархии. М., 1815, т. 6, ч. 2, с. 851—853; Житие преподобного Мартиниана Белозерского // ЛЗАК. СПб., 1862—1863, вып. 1, с. 127; Ключевский. Древнерусские жития, с. 272—273; Барсуков. Источники агнографии, стб. 356; Строев. Словарь, с. 336; Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский монастырь — место заточения патриарха Никона. СПб., 1899, с. 15—65; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 165.

Е. Э. Терентьева

Житие Михаила Александровича — биографическое повествование, посвященное великому князю Тверскому (1368—1399 гг.) Михаилу Александровичу. Тверской князь не был официально канонизирован православной церковью, и Ж. Михаила Александровича занимало своеобразное место между светской и церковной биографией (напоминаая в этом отношении *Повесть о житии Александра Невского*, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго» и др.).

Ж. дошло до нас в виде фрагментов, сохранившихся в разных летописных сводах. Неизвестно, читался ли какой-либо рассказ о Михаиле Александровиче и его смерти в *Летописи Троицкой* (Н. М. Карамзин, рассказывая о смерти Михаила, ссылается не на Троицкую, а на летописи XVI в.), но в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской*, отражающих тверскую редакцию 1412 г. общерусского свода 1408 г. или его предшественника, свода 90-х гг. XIV в., содержится (под 6907 г.) подробный рассказ о преставлении Михаила, написанный в торжественно-агиографическом стиле. Рассказ этот, однако, не имеет никаких текстуальных совпадений со сказанием «от жития» Михаила, сохранившимся в летописании XV в.

Повествование о болезни, пострижении и смерти Михаила, с предшествующим ему предисловием к какому-то сочинению «от жития», читается в *Летописях Новгородской Карамзинской и Новгородской IV* под 6907 (1399) г.; в нем автор обращается к казачику Ж.: «отче отцем Кирил Г.С.Р.У.Е.С.Г., иже повелел ми еси писати. . .». В НІVЛ в слове, следующем за именем Кирилла, все буквы, кроме «С С», даны под титлами, что дает основание видеть в них цифровую тайнопись, которую, может быть, следует расшифровывать (судя по первой и последней букве шифра), как слово «Ва. . .еева» или «Ав. . .еева». Кирилл, упоминаемый в предисловии, возможно, идентичен с тем Кириллом, к которому обращался *Епифаний Премудрый* в своем послании о Феофане Греке, упоминая, что Кирилл предоставил ему убежище в Твери во время нашествия Едигея в 1408 г. (когда троицкие монахи, включая, очевидно, Епифания Премудрого, покинули свой монастырь). В *Летописи Софийской I* предисловие к Ж. отсутствует, но следующий далее рассказ о болезни, пострижении и смерти Михаила там читается, и это позволяет предполагать, что в общем протографе СІЛ и НІVЛ (своде 1448 г.) Ж. сохранилось. В Московском великокняжеском летописании XV в.

сохранился (с некоторыми изменениями) рассказ о смерти Михаила из СИІ.

Более обширные фрагменты из Ж. читаются в составе *Летописи Тверской*. Предисловие к Ж. помещено здесь (в Забелинском и Погодинском списках; в Толстовском его нет) после 1402 г., озаглавлено «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей Тферских» и начинается с обращения не к Кириллу, а к другому лицу — «благочестия дръжателю православных и христоролюбивых князя Бориса, иже повелелъ написати мне от слова честь премудраго Михаила. . .». Далее следует описание могущества Твери при отце Михаила — Александре, рассказ о восстании против Шевкала (отличный от основного рассказа Тверской летописи) и о татарско-московском нашествии, вынудившем Александра бежать во Псков, где и родился Михаил, тишично житийное описание детства Михаила, рассказ о борьбе героя за тверской престол и о его вокняжении. Рассказ о пострижении и о смерти Михаила читается в Тверском сборнике до предисловия — под 6907 (1399) г. Этот текст Тверского сборника в нескольких местах совпадает с рассказом о пострижении и смерти Михаила в НІVІ—СІІ: в обеих версиях рассказывается, как после прибытия иконы из Царьграда Михаил «обновися яко орел уноствою», устроил иир, на который позвал «архимандриты, и игумены, и пошы, . . . , слепыя и хромыя», потом пошел в церковь Снаса «кланятися гробам» своего деда и отца на правой стороне церкви, «видеже бе написашы Авраам, Исаак, Иаков» и повелел тем устроити свой гроб. Но рассказ НІVІ—СІІ имеет существенные отличия от тверского. Здесь сообщается о распределении Михаилом своих земель между наследниками. Однако оба эти рассказа резко отличаются от более этикетного повествования Рогожского летописца и Симеоновской.

В научной литературе высказывались различные мнения относительно того, какая из двух версий предисловия (в НІVІ—СІІ или в Тверской летописи) лучше отражает первоначальный текст, и для какого памятника было написано предисловие и рассказ о вокняжении Михаила Александровича: для Ж. или «Летописца княжения Тферскаго»? В пользу вторичности текста в Тверском сборнике говорит грамматическая несогласованность в обращении к заказчику («благочестия дръжателю. . . князя Бориса»), а также хронологическая непоследовательность: рассказ о смерти Михаила предшествует предисловию и рассказу о его вокняжении, которые помещены явно не на месте — после 1402 г.: текст о событиях княжения сына Михаила Ивана Михайловича 6907—6908 (1399—1400) гг. излагается (в Забелинском и Погодинском списках — в Толстовском этой дублировке нет) дважды: и до и после предисловия и пачала жизнеописания Михаила. Но даже если имя Бориса Александровича было вставлено в предисловие вместо имени первоначального заказчика Ж. Кирилла, то все же вставка эта едва ли могла быть сделана при составлении Тверского сборника в 1534 г. или даже в 1499 г., до которого доведен текст на-

мятника — после уничтожения тверской независимости в 1485 г. такая вставка явно становилась неактуальной. Скорее всего, какой-то памятник, посвященный тверским князьям XIV—начала XV в. и предшествующий дошедшему до нас тексту в Тверском сборнике, действительно, составлялся в Твери в середине XV в. при великом князе Борисе Александровиче (в честь которого было написано, например, особое Похвальное слово инокa *Фомы*); в памятник этот было, очевидно, включено — с соответствующими переделками — Ж.

Содержащаяся в *Летописи Никоновской* «Повесть древняя еписана о житии великаго князя Михаила Александровича. . .» близка к рассказу Симеоновской летописи. — но в начале рассказа Никоновской читаются также краткие сведения о гибели отца Михаила Александра в Орде и о крещении и обучении Михаила новгородским архиепископом *Василием*. Высказывалось также предположение, что в Никоновской отразился более полный текст Ж., однако сведения о епископе Василии могли быть заимствованы из Повгородской V летописи, также служившей источником Никоновской. В Летописном своде второй половины XVI в. рассказ Никоновской дополнен вставкой (восходящей, очевидно, через *Летопись Воскресенскую* к великокняжескому летописанию XV в. и СЛ) о разделении умирающим Михаилом земель между своими наследниками. Стенная книга, несмотря на свой интерес к житийным рассказам, не включала никаких фрагментов рассказа о смерти Михаила Александровича.

Изб.: ИСРЛ, Пб.; Л., 1915—1925, т. 4, с. 386—389; СПб., 1851, т. 5, с. 251—252; СПб., 1897, т. 11 (фототип. воспроизв. М., 1965), с. 175—183; СПб., 1865, т. 15 (фототип. воспроизв. М., 1965), стб. 463—470, 458—461; 2-е изд. Пб., 1922, т. 15, вып. 1 (фототип. воспроизв. М., 1965), стб. 167—176; т. 18, СПб., 1913, с. 144—148).

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 177—180; Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП, 1876, № 12, с. 279—282; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 5, с. 106—107, примеч. 183; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о 40-м присужд. наград. гр. Уварова: Зап. АН по ист.-филол. отд., 1899, т. 4, № 2, с. 217—221, 236; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП, 1900, № 9, с. 144—145, 163, 174—175; Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV в. (Кирилл Тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 159—162; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманитар. наук. Л., 1930, № 10, с. 724—751; История русской литературы. М.: Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 244—246 (С. К. Шамбинаго); Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник // Тр. Ист.-арх. ин-та, М., 1947, т. 3, с. 22—30; Дубенцов Б. Н. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферсаго» // ТОДРЛ. М.: Л., 1957, т. 13, с. 118—157; Антонова М. Ф. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского: (Вопр. атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 148—149; Конаевская Е. Л. Литература Твери XIV—XV вв.: (Текстология, проблематика, жанровая структура). Автореф. канд. дис. М., 1984, с. 11—14.

И. С. Лurie

Житие Михаила Клопского — памятник агиографии XV в. С 10-х по конец 50-х гг. XV в. в Клопском Троицком монастыре, расположенном недалеко от Новгорода на реке Веряже, подвизался юродивый Михаил. В летописях и актовых материалах сведений о происхождении Михаила Клопского нет. Судя по Ж. и устным преданиям, Михаил Клопский был пришельцем в Новгороде и как-то связан с родом московских князей: сын Дмитрия Донского, Константин Дмитриевич, согласно Ж., называет Михаила, встретив его в монастыре, «своитином». Интересные и убедительные соображения о происхождении Михаила Клопского высказал В. Л. Янин. Он пришел к заключению, что Михаил Клопский был сыном Дмитрия Михайловича Волинского-Боброка (героя Куликовской битвы) и Анны Ивановны, дочери великого князя Ивана Красного, сестры Дмитрия Донского (см.: Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979, с. 52—61).

Клопский Троицкий монастырь занимал особое место среди новгородских монастырей. Возник он поздно (вероятнее всего, в конце XIV—самом начале XV в.) и в начале своего существования земельных владений не имел, из-за чего происходили постоянные столкновения монастыря с новгородскими боярами-землевладельцами в Шелонской пятине, на территории которой монастырь был расположен. Это определяло антибоярскую позицию монастыря, его связь с демократическими слоями повгородского населения. Характерно, что игумен монастыря Феодосий был избран в 1421 г. архиепископом Новгорода, во время выступления народных масс Новгорода против боярства (через два года после этого он уже был устранен боярами от архиепископства). Большую роль в жизни монастыря играл юродивый Михаил Клопский. Рассказы и предания о его необычных поступках, о его дерзких выступлениях против повгородских бояр и послужили основой Ж.

Ж. как литературный памятник, объединивший в единое повествование возникшие в разное время устные рассказы о юродивом, было создано в 1478—1479 гг., в период самой острой борьбы за подчинение Новгородской боярской республики Москве. Ж. это представлено тремя редакциями: Первой, Второй и Тучковской. В настоящее время известно 68 списков Ж.: 9 — Первой редакции, 6 — Второй, 52 — Тучковской редакции и 1 — поздняя переработка Тучковской редакции. Первая редакция дошла в двух вариантах: А («Прихождение Михайла уродиваго Христа ради ко святей Троице на Клопско») и Б («О житий святого Михайла Христа ради уродиваго»; «Месяца генваря 11 день преставление преподобнаго Михайла Клопского в Великом Новгороде»; «Месяца генваря в 11 день пророчество и приход Михайла святыя Троица, зовомо Клопско, новгородскаго чудотворца»). Оба варианта восходят к общему протографу, который в каждом из этих вариантов отразился не в полном составе. Во Второй редакции («Месяца генваря в 11 день прихождение преподобнаго

Михайла уродиваго Христа ради ко святей живоначальной Троицы, иже есть монастырь зовомый Клопско. Повесть от жития его и како пророчествова в лета бывшая) имеются все эпизоды обоих вариантов Первой редакции. Вторая редакция восходит к общему с вариантами А и Б Первой редакции протографу — первоначальному тексту произведения. Таким образом, чтобы составить представление о первоначальном тексте произведения, необходимо сопоставлять текст двух вариантов Первой редакции со Второй. В. О. Ключевский называл Первую редакцию редакцией «Чудес», а вторую — редакцией «Пророчеств» и считал первоначальной редакцию «Пророчеств», а вторичной редакцию «Чудес».

Из Жития новгородского архиепископа Ионы известно, что *Иона* просил *Пахомия Серба* написать Ж., но Пахомий отказался. Видимо, это объясняется слишком далеким от житийных канонов характером рассказов о Михаиле Клопском, которые уже бытовали в устной традиции в то время. Этот нежитийный характер первоначальных рассказов об юродивом Клопском монастыря полностью отразился в обоих вариантах Первой редакции произведения. Первоначальное Ж. от обычного вида житий прежде всего отличается построением сюжета. В этом Ж. нет ни вступления, ни заключения, нет никаких сведений о биографии святого. Ж. состоит из отдельных кратких повестушек, рассказываются различные случаи из жизни монастыря, как правило, бытового, реалистического характера. Неканоничность первоначального текста Ж. очень заметно проявляется и в языке произведения, для которого характерно употребление просторечных, разговорных оборотов, диалектных слов, выражений пословичного характера, рифмованных фраз. Не случайно А. С. Орлов назвал Ж. «художественным памятником живого языка» (А. С. Орлов. Древнерусская литература XI—XVII вв. М.; Л., 1945, с. 194). Ж. было написано в стенах Клопского монастыря кем-то из монахов, человеком, происходившим скорее всего из слоев либо среднего купечества (посмертное чудо святого свершается с купцом), либо ремесленников. В идейном отношении Ж. отличаются резко выраженные антибоярские тенденции, оно носит промосковскую ориентацию: в памятнике оправдываются все действия московского князя, направленные против новгородского боярства, осуждаются действия крамольников, восстающих против великого князя московского. В этом отношении Ж. следует расценивать, как одно из заметных явлений идеологической борьбы конца 70-х гг. XV в. Популярный среди новгородских демократических слоев населения юродивый Михаил Клопский выступал поборником подчинения Новгорода Москве, страстным и бескомпромиссным обличителем тех, кто поддерживал сепаратистские устремления новгородской боярской верхушки. Не случайно после присоединения Новгорода к Москве, когда многие земли новгородских монастырей были конфискованы московским великим князем, Клопскому монастырю были пожалованы земельные наделы.

Вторая редакция Ж., в которой автор стремился придать произведению более отвечающий житийному канону вид, была создана в 90-х гг. XV в. И. С. Некрасов высказывал предположение, что автором этой редакции был составитель Новгородской III летописи. Однако это предположение ошибочно, так как время составления Новгородской III летописи относится к XVII в. Во 2-й редакции прomosковская тенденция Ж. усилилась еще больше. Есть основания предполагать, что эта редакция создавалась по поручению новгородского архиепископа *Геннадия*. Автор 2-й редакции широко воспользовался в своем произведении заимствованиями из пахомиевского Жития архиепископа Евфимия II, использовал он также и пахомиевское Житие Кирилла Белозерского. Во 2-й редакции появляются цитаты из книг св. Писания, приводятся молитвы святого, чего в 1-й редакции не было. Значительные изменения претерпел во 2-й редакции и язык произведения: здесь уже широко употребляются сложные синтаксические обороты, церковно-славянская фразеология, речь украшается многочисленными эпитетами и метафорами, «подчищается» язык и тех мест 2-й редакции, которые представляют собой повторение текста 1-й редакции. Однако во многих случаях во 2-й редакции сохраняются живая разговорная и диалектная лексика первоначального текста произведения.

В 1537 г. боярским сыном *Василием Михайловичем Тучковым* по поручению новгородского архиепископа, будущего митрополита всея Руси, *Макария* была создана третья редакция Ж., Тучковская. Эта редакция представлена двумя вариантами. Один вариант отличается от другого вставкой рассказа о пророчестве Михаила Клоцкого новгородскому архиепископу Ионе. Рассказ этот заимствован из Жития Ионы. Непосредственной причиной создания Тучковской редакции Ж. явились литературно-идеологические мероприятия Макария, который в это время вел работу по составлению *Великих Миней Четьих*. В то время, когда Тучков, находясь в Новгороде, писал свою редакцию Ж., происходил мятеж Андрея Старицкого. Эти важные в политической жизни страны события нашли отражение в сочинении Тучкова. Василий Михайлович Тучков, перерабатывая Ж. в обстановке мятежа Андрея Старицкого, придал своему сочинению общерусское звучание, усилил направленность Ж. против «межусобных браней» русских князей с великим князем Московским. Тучков придал тексту Ж. более пышный, торжественный характер, и оно приобрело под его пером значение не местного, а общерусского произведения. Это был текст, отвечающий уже всем канонам агиографического жанра: рассказу о святом предпослано обширное риторическое вступление, в самом тексте произведения имеются риторические отступления, после рассказа о смерти Михаила читается многоречивое Похвальное слово святому, к единственному посмертному чуду Первой и Второй редакции Тучков добавляет еще четыре новых чуда. Своеобразный новгородский колорит, сохранявшийся еще и во 2-й редакции Ж., под пером

Тучкова пропадает совсем. От первоначальной основы Ж. в Тучковской редакции сохраняется только фабула.

Ж. — интереснейшее произведение древнерусской книжности, литературная история которого отражает и социальные стороны жизни Древней Руси, при этом отражает их разносторонне и живо, и политическую борьбу 70-х гг. XV—первой половины XVI столетия, и литературное движение текста от «неукрашенного», почти просторечного повествования к изысканно риторичному, написанному с высоким мастерством сочинению.

Изб.: Некрасов П. С. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, Приложения, с. 1—10 и 11—44; П. П. Спб., 1862, вып. 4, с. 36—51; ВМЧ, Январь, дни 6—11. М., 1914, стб. 730—740; Повести о житии Михаила Кловского / Подг. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.: Л., 1958, с. 89—167; «Изборник». М., 1969, с. 414—431; П. П. ДР. 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 334—349.

Лит.: Краткое описание новгородского третьеклассного мужского Кловского Троицкого монастыря, составленное тицанием настоятеля обители сей, игумена Герасима Гойдукова. М., 1815; М у р а в ь е в А. Жития святых российской церкви, также иверских и славянских: Месяц Январь. Спб., 1857, с. 174—187; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 209—217, 232—235; К р а с н я н с к и й Г а в р и л. Месяцеслов (святцы) новгородских святых угольников божиих. Новгород, 1876, с. 1—7; П о м я л о в с к и й М. П. По вопросу о московско-новгородских отношениях XV и XVI вв. // ЖМНП, 1898, ч. 315, январь, с. 40—60; В а с е н к о П. Г. Житие св. Михаила Кловского в редакции 1537 г. и печатное его издание // ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 3, с. 44—58; С м и р н о в П. П. Житие Андрея Старшского 1537 года // ИЗ, 1955, № 50, с. 291—296; Д м и т р и е в Л. А. Житийные новости русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 185—198.

Л. А. Дмитриев

Житие Моисея, архиепископа Новгородского — памятник агиографии, посвященный видному иерарху XIV в. (ум. в 1363 г.), особенно известному своей широкой деятельностью по основанию многочисленных церквей и монастырей в Новгороде, книжнику, о котором сказано, что он умер, «много писание оставив» (см. Краткое Ж.), принадлежит *Пахомию Сербу*. В рукописной традиции именем Пахомия Серба надписываются две редакции Ж. — пространная и сокращенная. В. О. Ключевский считал сокращенную редакцию не принадлежащей Пахомию, а В. Яблонский приписывал ему обе редакции. Развернутого сопоставления редакций никто из исследователей не проделал.

Обе редакции Ж. (озаглавленные как «Преставление [или «Житие»] иже во святых отца нашего Моисея архиепископа, новгородскаго чудотворца, творение Пахомия Сербина») имеют вступление (нач.: «Моисеже убо онем великим отцем и божественным мужем. . .»), центральную часть и заключаются четырьмя посмертными чудесами. Сокращению подверглась лишь центральная часть; вступление и чудеса в основном идентичны в обеих редакциях. Одно из чудес (о повреждении в уме архиепископа Сергия, пренебрежительно отнесшегося к памяти Моисея) дает основание для датировки Ж., так как описывает события 1484 г.,

когда Сергей был послан на повгородскую архиепископскую кафедру; следовательно, Ж. не могло быть создано раньше этого года, если принять за бесспорное то, что чудеса писались одновременно с его предыдущими частями.

Краткое Ж. архиепископа Моисея, не имеющее ни вступления, ни помертных чудес, написано в простом лакопичном стиле, без украшений (нач.: «Сей блаженный отец наш Моисей бе от Великаго Поваграда, от отчества своего, родися от благочестну родителю. . .») включено в «Роспись, или краткий летописец повгородских владык», малоизученный памятник, который издатели повгородских летописей без особой аргументации относили к кон. XVI в. (см.: ПСРЛ, т. 3, с. 117; Новгородские летописи, с. X). Краткое Ж. исследовано еще меньше, чем Ж. Пахомия Серба; его авторство, датировка, обстоятельства включения в «Роспись», текстологические взаимоотношения с другими редакциями совсем не изучены; обращено лишь внимание на то, что Краткое Ж. послужило источником для обеих редакций Пахомия.

Следующая редакция Ж. представлена в списке ГПБ, собр. ЦДА, № 270, т. 2, XVII в., л. 284—311 об. В ней Ж. начинается с прострашного, риторически украшенного предисловия, отличного от предисловия Пахомия Серба (нач.: «Возлюбленнии, приклоните ко мне слухи своя, исповедати бо хоцю добру повесть, таити убо советы царския добро, а поведати божия тайны благо. . .»), в центральной части, тоже риторически распространенной, использованы и Краткое и Пахомиево Ж.; 4 помертных чуда также риторически украшены и распространены. В сравнении с этой редакцией даже пространное сочинение Пахомия Логофета кажется кратким.

И наконец, еще одна редакция Ж. дошла до нас в списке ГПБ, Ф.1.729, кон. XVII в., л. 202—205 (нач.: «Сей иже во святых отец наш Моисей родися в Великом Новеграде от отца благочестива, именем Филиппа. . .»). Она совпадает с редакцией Пахомия по содержанию, по при этом полностью устранивает пахомиево «плетение словес». Последние две редакции также совершенно не изучены.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. 181—182; Памятники стариной русской литературы. СПб., 1862, вып. 4, с. 10—15; Повгородские летописи. СПб., 1879, с. 135—137; Я б л о н с к и й В. Пахомий Серб и его агиографи, чешские писания. СПб., 1908, с. 20, 105—108, LXXXII—XCI (Приложения).

Лит.: А м в р о с и й [О р н а т с к и й]. История российской перархии. СПб., 1822, ч. 1, с. 73—74, ч. 6, с. 143; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 126, 147—152; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 380—382; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 145.

Н. В. Попырко

Житие Пикиты, епископа Новгородского см. *Василий (в иконах Варлаам); Зиновий Отенский; Иоасаф, игумен Дамилова монастыря; Маркелл, игумен Хутынский.*

Житие Никиты Столпника Переяславского — памятник агиографии конца XIV—начала XV в. (?), рассказывающий о святом, который посвятил себя редкому на Руси виду подвижничества, столпничеству. Первоначально Ж. состояло из повествования о жизни Никиты до пострижения, когда он «бе мытарем друг», о внезапном его раскаянии, о подвижничестве затем в монастыре великомученика Никиты под Переяславлем, о прижизненных чудесах исцеления им недужных, о кончине его от рук убийц, польстившихся на вериги святого; заканчивалось Ж. чудом о скором возвращении в монастырь украденных вериг (рук. ГПБ, Q.1.802, XVI в.; Соф. собр., № 1484, XVII в.; БАН, I.A.31, XVII в., и др.). В середине XVI в. к Ж. были добавлены посмертные чудеса, первое из которых описывает предпринятую митрополитом *Фотием* (следовательно, события происходили между 1410 и 1431 гг., время пребывания Фотия на митрополичьей кафедре) попытку выкопать из земли мощи святого (внезапно поднявшийся вихрь вновь засыпал землей обретенные мощи), а последние рассказывают о событиях, связанных с постройкой каменного храма в Никитском монастыре (рук. ГПБ, собр. Погодина, № 1612, XVI в.; Q.1.928, XVII в.; БАН. I.A.37, XVII в. и др.).

Время жизни Никиты остается пр совсем ясным. В Ж. нет никаких исторических примет, за исключением рассказа о чудесном исцелении черниговского князя Михаила, поставившего в память об этом событии крест близ монастыря «в лето 6694 (1186)». Но указание на год устаповки креста встречается не во всех списках. Указание на год смерти святого имеется только в нескольких списках Ж. с посмертными чудесами, имеющих явно вторичное членение на главы, где раздел об убийении Никиты озаглавлен: «О преставлении святого в лето 6701 (1193) месяца мая 23». Е. Е. Голубинский отнесил время жизни Никиты Столпника к периоду после монголо-татарского нашествия.

В. О. Ключевский считал, что Ж. было создано в конце XIV—начале XV в., полагая, что такой текст, лишенный черт исторической и бытовой конкретности, мог сложиться только на большом временном отдалении от описываемого события. Исходя из того, что в первоначальном Ж. никак не отразились события, связанные с действиями митрополита Фотия по открытию мощей Никиты Столпника, можно предполагать, что оно было написано до этого времени.

Первое посмертное чудо, рассказывающее о попытке митрополита Фотия, было написано в середине XVI в. Писавший о нем автор был близок к Даниилу Переяславскому, на которого и ссылался как на своего информатора («некогда слышахом повесть дивну . . . от старца честнаго Даниила. . .»). Вслед за этим чудом идут три чуда об исцелении недужных и чудо о воде, озаглавленное «О царском хоженнии по святым местам и о царских чадах их, и чудо о воде святого Никиты, и о распространении монастыря его». Сказание об этом чуде под тем же самым названием, без изменений

в тексте входит в 17-ю грань Степенной книги (см. ПСРЛ, СПб., 1913, т. 21, втор. пол., с. 651—652), составление которой принадлежит всероссийскому митрополиту *Афанасию*. Афанасий, родом переяславец, только в 1549—1550 гг. взятый царем в Москву, был духовным сыном Даниила Переяславского (ум. в 1540 г.) и автором его жития, написанного им уже в Москве. Получается, что чудеса к Ж. писал митрополит Афанасий, которому его учитель Даниил Переяславский, живший в Никитском монастыре в молодые годы (см.: Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908) мог рассказать о тамошних монастырских преданиях. В чуде о святой воде из Никитского монастыря говорится о том, как *Иван Грозный* после Казанской победы обходил с царицей Анастасией разные монастыри, как молебен у гроба Никиты Столпника «отложил скорбь» от сердец царствующей четы, похоронившей во время этого путешествия младенца царевича Димитрия, и принес им новое чадо — царевича *Ивана Ивановича*, как на втором году жизни царевича Ивана чудесным образом в его присутствии «воскипела» в сосуде освященная вода из Никитского монастыря, и как царь в честь этого чуда учредил в Никитском монастыре общежительство. Но остается неясным, писалось ли оно Афанасием первоначально для Ж. или, напротив, для Степенной книги. Что, составляя Степенную книгу, Афанасий был уже знаком с первоначальным Ж., ясно по тому, что он включил в нее рассказ из Ж. об исцелении Никитой черниговского князя Михаила (см.: ПСРЛ. СПб., 1908, т. 21, пер. пол., с. 248—249).

За чудесами, писанными митрополитом Афанасием, следуют чудеса, принадлежащие другому автору. И первое из них — снова чудо о никитской воде в новой версии: никитская вода здесь исцеляет тяжело больного царевича Ивана Ивановича и притом дважды; автор этой версии особо подчеркивает, что результатом чуда было дарование никитской обители прав общежительного монастыря, земельных владений и прочих благ со стороны царя, в том числе и права строительства большого каменного храма в честь великомученика Никиты с приделом Никиты Столпника. Дальнейшие чудеса в основном связаны со строительством этого храма. Тот, кто писал их, включая и чудо о воде, то и дело упоминает никитского игумена, участвовавшего в описываемых событиях, ни разу не называя его по имени («игумен обители тоя сам к государю ездил. . .»; «игумен же тоя обители даяше ей своим руками пити воду освященную»), он обращает внимание на то, что во время приезда Ивана Грозного в 1556 г. в Переяславль, царь «пожаловал» никитского игумена «и место указал под двема архимандриты переяславскими»; наконец, он зашифровывает имя этого игумена тайнописью, и этот традиционный этикетный прием анонимного автора уже не оставляет сомнений в том, что так мог зашифровать свое имя только тот, кто писал чудеса: «И аще хочещи уведати имя игумену обители тоя, второе первый начал-

ствуи, двое сотное сотным слагай, а с пятьдесятным ером наверхшается» (т. е. Вассианъ).

Между прочим из повествования игумена Вассиана становится известным, что в 1564 г. освящать новую церковь в Никитский монастырь приезжал вместе с царем и царицей Марией поповставленный митрополит Афанасий, первый писатель чудес Никиты Столпника.

Кроме чуда о воде, игумен Вассиан представил в особых версиях еще два чуда, изложенных первоначально митрополитом Афанасием: чудо об исцелении дьякона Евстафия, ставшего впоследствии игуменом переяславского монастыря Бориса и Глеба Евфимием, и чудо «О чародеином пономари Иоакиме». Надеялся ли Вассиан, создавая свои версии чудес, упразднить версии Афанасия? Судя по чуду о воде, которое он начал прямой ссылкой на Афанасиевскую версию («ум пудит ми от предиреченных святаго чудеси подробно рещи»), нет. Возможно, дальнейшие исследования сделают более ясной причину соединения в Ж. разных версий одних и тех же чудес.

Первоначальное Ж. часто встречается в сопровождении Похвалы святому (см. ГПБ, Соф. собр., № 1357, XVII в.; № 1419, XVI в.; Q. XVII. 140, XVII в. и др.). По эмоционально приподнятому, украшенному извитием словес стилю она резко отличается от Ж., написанного в простой повествовательной манере. В содержании Похвалы почти совсем не отразилось никаких моментов драматической биографии Никиты Столпника, известных по Ж., напротив, в ней воспеваются такие общие иноческие добродетели святого, которые даже как будто противоречат его житийной биографии: «лицелюбив», «страннолюбив», «отцем отец», «мином начальник» (?). Этот недостаток Похвалы заметили те, кто включил первоначальное Ж. в состав Великих Мшней Четних. Заключая Ж. Похвалой, составители ВМЧ распространили ее вставками из того же самого Ж. (см. Софийский список ВМЧ — ГПБ, Соф. собр., № 1321, л. 475—476 об.), но остались видны швы, и не возникает сомнения в том, что распространенная Похвала вторична по отношению к краткой. Создается впечатление, что автор краткой Похвалы очень мало знал о святом. Не значит ли это, что Похвала была первым письменным памятником, посвященным Никите Столпнику, созданным раньше Ж.? Следует отметить, что в Ж. с посмертными чудесами Похвала тоже может встречаться: то, как продолжение первоначального Ж., перед чудесами, то после чудес.

В Никитском переяславском монастыре еще в XIX в. сохранились столп и древние вериги, принадлежавшие, по преданию, Никите, а до 1735 г. — и каменная шапка Столпника, взятая затем в канцелярию московского синодального приказа.

Научного издания Ж. не имеет.

Лит.: Макарий. История русской церкви. СПб., 1868, т. 3, с. 56—58; СПб., 1870, т. 6, кн. 1, с. 218; СПб., 1898, т. 8, кн. 3, с. 35—36; Ключев-

с к и й. Древнерусские жития, с. 43—50, 283; Барсуков. Источники агиографии, стб. 393—396; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, 1—5, с. 108—124; Кунцевич Г. Житие св. Никиты Переяславского // ЖМП, 1902, май, с. 1—7; Голубинский. История церкви. М., 1904, т. 1, 2-я пол., с. 762.

И. В. Поньрко

Житие Николая Воина — агиографический рассказ (точнее назвать его памятью, ибо здесь отсутствует последовательное изложение жизни святого) об одном из участников похода византийского императора Никифора I против болгар в 811 г. Николай Воин, рассказывается в Ж., остановился на почлег в гостинице, и дочь хозяина этой гостиницы безуспешно пыталась соблазнить праведника. На следующую ночь Николай удостоился видения: он увидел поле битвы, усеянное трупами греческих ратников, посеченных болгарами, и лишь одно место оставалось свободным — предназначенное для него самого. Явившийся ему во сне муж объяснил Николаю, что он будет спасен от гибели, поскольку мужественно преодолел бесовское искушение. После жестокого разгрома, нанесенного византийскому войску болгарским ханом Крумом, Николай, один из немногих, оставшихся в живых, постригся в монастырь «и Богу прилежно поработив в летех доволных». Близкий рассказ содержится в *Житии Николая Студита* (у архимандрита Сергия ошибочно — Феодора Студита), написанном в первой половине X в. (PG, t. 105, col. 893—897); эпизод о добродетельном воине вычленяется в греческих списках Ж.: Halkin F. 1) *Lequel des Saints Nicolas?* // *Analecta Bollandiana*, 1967, t. 85, p. 58; 2) *Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae*. Bruxelles, 1969, p. 274; Kominis A. *Echi della battaglia dell' anno 811 tra bizantini e bulgari in testi agiografici* // *Actes du Premier Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes*, t. 3. Histoire (Ve—XVe ss.; XVe—XVIIe ss.). Sofia, 1969, p. 313—318). Х. Лопарев считал, что Ж. Николая Воина выделилось именно из Жития Николая Студита (Лопарев Х. *Византийские Жития Святых VIII—IX вв.* // ВВ, 1910, т. 17, с. 194). Новейший исследователь памятника — Д. Вортли полагает, что устная легенда о Николае Воине впервые была зафиксирована в Житии Николая Студита, однако не делает попыток датировать само Ж. (Wortley J. *Legends of the Byzantine Disaster of 811* // *Byzantion*, 1980, t. 50, fasc. 2, p. 550—555).

По мнению архим. Сергия, Ж. Николая, память которого отмечается 24 декабря, было написано не позднее XII в.; по-видимому, мощи именно этого святого видел в начале XIII в. в Царьграде русский паломник *Антоний* Новгородец (Книга Паломник: Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС. СПб., 1899, т. 17, вып. 3, с. 22). Сергей отверг мнение Филарета Гумилевского, считавшего Николая Воина славянином (вслед за

Филаретом так думали и другие ученые: Clugnet L. Histoire de Saint Nicolas, soldat et moine // Revue de l'Orient Chrétien, 1902, t. 7, p. 321) на том единственном основании, что ему не были известны греческие списки Ж.

В Древней Руси Ж. появилось в составе *Пролога* Стишного (текст соответствует напечатанному в кн.: Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae (Propylaeum ad Acta Sanctorum. Novembris) / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, col. 341—344; пер. на болг. яз. в кн.: Извори за българската история. София, 1961, т. 8, с. 25—27), переведенного в Сербии в XIV в. и, вероятно, привезенного в Москву митрополитом *Киприаном* (Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978, с. 43), см., напр., список ГИБ, Кир.-Белоз. собр., № 1/1240, л. 97 об.—99 об. Отсюда перевод Ж. попал в XVI в. — в состав *Великих Миней Четких* митрополита *Макария*, в XVII в. — в печатный Пролог, и в несколько переработанном виде — в миней четыи Димитрия Ростовского. Однако Ж. получило распространение не только в составе Пролога, но и в сборниках различного содержания (ГИМ, собр. Хлудова, № 147; ГПБ, Соф. собр., №№ 1391, 1455; ГБЛ, Волок. собр., № 530 и др.). На основании перевода Ж. в составе Стишного Пролога была составлена статья «О Николе Воине» в *Хронографе Русском* редакции 1512 г. (ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 329, см.: Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения. . . , с. 44).

Изд.: Три жития из харатейной Миней монастыря св. Прохора Пчипского у Враны // ИноРЯС. СПб., 1859, т. 8, вып. 2, стб. 154—156; Лопарев Х. Описание Хлудовской рукописи № 147 // ЧОИДР, 1887, кн. 3, с. 9—10; ВМЧ, Декабрь, дни 25—31. М., 1912, стб. 2241—2243; Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1953, Текстове. с. XII—XIV; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 125—128.

Лит.: Филарет, архиеп. Черниговский. Святые южных славян: Опыт описания жизни их. 2-е изд. СПб., 1882, отд. 2, с. 245—248; Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901, т. 2, с. 519; Дуйчев И. Шови житийни данни за похода на имп. Никифора I в България през 811 г. // Списание на Българската Академия на Науките. Кн. 54. Клон историко-филологичен и философско-обществен. София, 1937, с. 179—186; Буланин Д. М. Древнерусский перевод законов хана Крума // Старобългаристика, 1984, год. 8, № 1, с. 50.

Д. М. Буланин

Житие Николая Кочанова см. *Чудеса Николая Кочанова*.

Житие Николая Студита — переводной памятник, рассказывающий о жизни Студийского игумена Николая, ученика и преемника Феодора Студита. Ж. Николая, память которого отмечается церковью 4 февраля, было написано неизвестным студийским иноком в первой половине X в. (PG, t. 105, col. 864—925). Уроженец о. Крита, Николай Студит был верным учеником Фео-

дора Студита: им он был пострижен, вместе с ним он претерпел жестокие гонения императора-иконоборца Льва Армянина. Следуя по стопам своего учителя, Николай Студит активно вмешивался в жизнь императорского двора, выступал против смещения патриарха Игнатия, против бесчинств кесаря Варды. Своего покровителя святой обрел в лице императора Василия I Македонянина: в очередной раз поставленный игуменом Студийского монастыря и прославленный чудесами еще при жизни, он мирно почил в 868 г. Автор Ж., будучи знаком с *Житием Феодора Студита*, вместе с тем ведет свое повествование вполне независимо. Его сочинение представляет значительный интерес для изучения истории Студийского монастыря и жизни его знаменитого настоятеля — Феодора Студита (Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901, т. 2, с. 54—55; Лопарев X. Византийские Жития Святых VIII—IX вв. // ВВ, 1910, т. 17, с. 185—202; Wortley J. Legends of the Byzantine Disaster of 811 // Byzantion, 1980, t. 50, fasc. 2, p. 550—552).

В древнерусской письменности получил распространение сокращенный перевод Ж. (см. сборники: ИРЛН, Причуд. собр., № 1, л. 153—168 об.; ГПБ, Соф. собр., № 1377, л. 43—60 об.; Q.I.323, л. 312—349 об.): в нем, в частности, опущено витиеватое предисловие (в сборнике XVI в. ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, № 684, л. 452 Ж. снабжено кратким предисловием, не имеющим соответствия в греческом оригинале), эпизод, представляющий собой аналогию к *Житию Николая Воина*, остальное содержание передано сокращенно. Время перевода Ж. не установлено. Стимулом к переводу могла послужить близость содержания Ж. и хорошо известного в Древней Руси Жития Феодора Студита.

Помимо Ж. об этом святом в Древней Руси знали из проложной памяти (см. *Пролог*). В Греческом Менологии Василия II память Николая Студита под 4 февраля отсутствовала. В славянском переводе Менология «память отца нашего Николаи монастыря Студийскаго и исповедника суца от Критьскаго острова» не сопровождается специальным сказанием (Пролог по рукописи Публичной библиотеки Погодинского Древлехранилища № 58, вып. II. Январь—Апрель [Изд. ОЛДП, № 136]. СПб., 1917, стб. 366), которое появляется лишь во второй редакции Пролога (см. Прилудский Пролог: ГПБ, собр. ПДА, А. 1/264₁, л. 255—255 об., греческий оригинал статьи неизвестен). В Стишном Прологе под 4 февраля читается другой, отличный от второй редакции Пролога, текст памяти (см.: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 1/1240, л. 258 об. — 259 об.; греческий оригинал в кн.: Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. [Propylaeum ad Acta Sanctorum. Novembris] / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, col. 443—444).

В XVI в. все три текста (Ж., его памяти из второй редакции Пролога и из Стишного Пролога) вошли в состав *Великих Минеи Четиих* под 4 февраля. В XVII в. память из Стишного Пролога попала в печатный Пролог, а Ж. — в еще более урезанном (сравнительно с первоначальным переводом) виде (см. запись «От Ве-

ляких Честей въкратце» в кн.: [Димитрий Ростовский]. Книга житий святых. Декабрь—февраль. Киев, 1695, л. 617) — в чети мшени Димитрия Ростовского.

Судьба Ж. в древнерусской письменности остается неизученной, а само Ж. неизданным.

Лит.: Буланя Д. М. Древнерусский перевод законов хана Крума // Старобългаристика, 1984, год. 8, № 1, с. 52.

Д. М. Буланя

Житие Никона Троицкого см. Пахомий Серб.

Житие Нила Столбенского см. Филофей Пирогов.

Житие Нифонта Новгородского см. Василий (в иноках Варлаам).

Житие Павла Обнорского — памятник агиографии, посвященный церковному деятелю конца XIV—начала XV в., основателю одного из первых на Руси общежительных монастырей — Троицкого Комельского, или по имени своего основателя — Павло-Обнорского, находящегося на юге Вологодской области. Павел Обнорский, уроженец Москвы, постригся 22 лет в Рождественском монастыре на Прилуке, на левом берегу Волги в 10 верстах юго-западнее Углича. В 40-х гг. XV в. эта обитель была приписана Троице-Сергиеву монастырю (ААЭ, т. 1, № 43), однако связь между ними существовала и раньше: Павел уходит к Сергию Радонежскому и 15 лет проводит в Троице-Сергиевом монастыре. Стремясь к молчанию и уединению, он живет как бы в пустыне, в отходной келье, а затем вообще уходит в поисках более уединенных мест. Основной вид Ж. не рассказывает о его странствиях, а сразу приводит Павла в Комельский лес, где он сначала селится в душе лины, а затем переходит в более подходящее для основания монастыря место, строит келью и копает колодец. Место оказывается не столь уж уединенным: поселение там монаха вызывает протест — автор довольно глухо говорит сначала о бесах, досаждавших Павлу, а затем и о «непоказанных людях», творивших ему пакости. Уединенный скит наполняется пришедшими к Павлу иноками и организуется как монастырь. Основание церкви и монастыря изложено в Ж. как чудо: Павел слышит ночью в своей келье колокольный звон, а на месте будущей церкви видит свет. Он отправляется в Москву к митрополиту Фотию (1409—1431 гг.) за разрешением на постройку церкви и монастыря. Однако Фотий сначала прогоняет его, но затем «по научению свыше» благословляет и дает милостыню. Игуменом монастыря назначается ученик Павла Алексей. В Ж. не приводится дата основания монастыря, но учредительная грамота Фотия датирована 1414 г. (АН, т. 1, № 357, с. 485). Первоначально Павло-

Обнорский монастырь, как и целый ряд расположенных поблизости от него (Спасо-Преображенский Нуромский, Николо-Мокринский, Корнильев Комельский и др.), тяготели к Костроме, и только в XVI в., когда возросла политическая и экономическая роль Вологды, вошли в круг вологодских монастырей.

Основной вид Ж., Пространная его редакция, четко делится на три части, выделенные заголовками: собственно Ж. предваряемое большим вступлением, основание монастыря и смерть Павла. Важное место в тексте занимает изложение устава общежительного монастыря, повторенное дважды — в разделе об основании монастыря и как наказание монахам умирающего Павла. По монастырским правилам монахи не имели никакой собственности — ни золота, ни серебра, ни еды, ни питья; в келье могли находиться только иконы, книги и вода для умывания рук. Есть можно было только в общей трапезе, кормиться и подавать милостыню — от своих трудов, все плоды рукоделия и доходы шли в монастырскую казну. Ж. сообщает дату смерти Павла: 10 января 1429 г., умер он 112 лет. Этот возраст Павла сложился по расчетам автора Ж. из следующих цифр — 50 лет Павел жил в разных монастырях и пустынях, 40 лет в Павло-Обнорском монастыре и 22 лет постригся. Эти расчеты вызывают сомнение, во всяком случае сороколетнее пребывание Павла в своем монастыре, так как получается, что до официального учреждения он существовал 25 лет.

Пространная редакция, чаще всего встречающаяся в рукописях, бедна событиями. Она многословна, написана в книжной манере (например: «Видевше же бесовсе себе изгонимы, вельми зело воздвигоша на нь брань и многа нецзреченная прият в начале от бесов досаждения, их же невозможнo изглаголати подробну злокозненныя прелести их, хотяще его отлучити от места того» и т. п.). Автор заявляет о себе в традиционной житийной формуле; ясно, что он пишет Ж. через сто лет после смерти Павла и ссылается как на устные предания, так и на какие-то записи: «Тем же и аз отчестей повинухся заповеди в повесть предлагаю преподобнаго Павла житие не от слышания токмо прием сие, но и многих получив их о оном списании, яже от древних, видевших святаго и от инех многих, слышавших. . .» о нем.

Определить историю текста Ж. до полного изучения всех его списков не представляется возможным. В. О. Ключевский указывал на четыре группы, из которых древнейшая кончалась рассказом о преемнике Павла игумене Алексее и ссылался на рукопись Волок. собр. № 659, л. 172, XVI в. Ключевский считал, что этот вид текста составлен незадолго до 1538 г. По-видимому, это тот же текст Пространной редакции, который читается под 10 января в Успенском списке *Великих Миней Четиих*, но там уже к нему прибавлены 19 чудес, одно из которых упоминает игумена Илариона (1489—1538 гг.). По классификации Ключевского, это — второй вид Ж. Текст Пространной редакции, совпадающий с ВМЧ, но без чудес имеется в довольно ранней рукописи ГПБ, Соф. собр. № 1361, 20—30-е гг. XVI в. Там он оканчивается похвалой Павлу

Обнорскому. В этом же списке сразу после текста Пространной редакции помещен ее сокращенный пересказ, без предисловия, озаглавленный «Месяца януария в 10 преставися преподобный отец нашъ Павел, иже пречестен монастырь во славу свята Троицы составль» и далее — «Стих. В последняя времена явлься древним святым подобен бысть. . .». Этот вариант текста, не учтенный исследователями XIX в., типичен для проложных памятней ВМЧ, для которых, вероятно, и был заготовлен, однако в текст ВМЧ почему-то не попал (см.: И о с и ф. Подробное оглавление Великих Четких Миней митрополита Макария. М., 1892, стб. 387—389). Третий вид Ж. по Ключевскому представлен тем же текстом Пространной редакции, 19 чудес которой дополнены до 26. В добавочных чудесах есть две даты: в 20-м — 1538 г., набег на монастырь казанских татар; в 23-м — 1546 г., когда был найден гроб Павла и начались от него исцеления. Это произошло при игумене Протасии (1538—1546 гг.), которому, однако, Павел, явившись во сне, запретил вскрывать гроб под страхом огненного опаления. Как нахождение гроба святого при постройке новой церкви, так и запрет вскрывать его представляют собой мотивы, характерные для многих других житий. Возможно, 23-е чудо имеет отношение к канонизации Павла Обнорского, объявленного на соборе 1547 г. общерусским святым и новым чудотворцем (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821, т. 9, с. 26, примеч. 87; ААЭ, т. 1, № 213). Вероятно, с канонизацией связана и служба, сопровождающая Ж. в рукописях конца XVI и XVII вв. В иконописном подлиннике Павел Обнорский представлен старцем, «подобием сед, брада аки Сергиева, покороче, риза преподобническая, испод вохра с белилом, в руках в обеих свиток, а в нем написано: „не скорбите, братие, аще кто в месте сем претерпит, но надейся на милость божию: не оставит его, аще и грешен будет, отдастся ему“». Этот текст имеет прямое отношение к чудесам, в которых Павел Обнорский предсказывал инокам разорение монастыря и гибель от татар.

Четвертым видом Ж., по определению Ключевского, является редакция, пополненная новыми фактами. И. У. Будовиц назвал ее Краткой и в основном опирался на ее сведения в своем исследовании, хотя она скорее всего поздняя по отношению к Пространной. Краткая редакция, по-видимому, встречается в рукописях очень редко (известен всего один ее список конца XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397), но получила распространение в составе печатного Пролога (Пролог. М., 1642, л. 657—659 об.). Под 10 января здесь читается «В той же день успение преподобного отца нашего Павла Комельского иже на Обноре, пового чудотворца», что позволяет датировать ее временем после собора 1547 г. В ней подробно рассказано о скитаниях Павла по Руси. От Сергия Радонежского он пришел к *Кириллу Белозерскому*, оттуда в пустынь на Одрому реку, где жил в отходной келье, оттуда в Галич, в монастырь Пречистой Богородицы, но игумен этого монастыря его прогнал, и Павел отошел на Городец в обитель Феодора. После

всего он попал в Комельский лес и, наконец, в место своей будущей обители. Здесь на него напали разбойники, избили его, ограбили и оставили связанным в келье на много дней, пока его не освободили благочестивые люди. В Москву Павел отправился со своим учеником Алексеем, и Фотий сразу же благословил их на постройку церкви и монастыря. Кончается этот рассказ известием о пленении татарами Костромы и сообщением о смерти Павла в 6937 г. (1429 г.) в возрасте 112 лет. Изложение событий в Краткой редакции лаконично, без каких-либо стилистических украшений.

Таким образом, в отличие от Ключевского, можно говорить о трех редакциях Ж.: о Пространной (без чудес, с 19 чудесами, с 26 чудесами), о ее сокращении, которое можно определить как Первую Проложную редакцию (список Софийского собр. № 1361), и о Краткой, или Второй Проложной в составе печатного Пролога.

Имя Павла Обнорского знаменательно и тем, что оно фигурирует в других житиях, причем в них сообщаются о Павле такие подробности, каких нет ни в одной редакции Ж. самого Павла. Так, в Житии Дионисия Глушицкого есть раздел «О Павле пустынноике», где сказано, что Павел хотел основать монастырь вблизи обители Дионисия, чему тот воспрепятствовал. Так объясняется переход Павла на новое место (см. ГИМ, собр. Уварова, № 350, л. 9 об., XVI в.). В этом же Житии есть дата прихода Павла в Комельский лес — в некоторых списках, очевидно, неверная — 1422 г., в других же более вероятная — 1393 г. Упоминается Павел также и в Житии Сергия Нуромского, написанного позже Ж., в 1584 г. (см. *Иона, игумен Глушицкого монастыря*). Павел Обнорский выступает здесь как собеседник Сергия Нуромского; постриженник Сергия Алексей становится учеником Павла Обнорского и первым игуменом Павло-Обнорского монастыря. Оба жития связывает и имя *Протасия*, при котором в 1546 г. были открыты мощи Павла и записки которого послужили источником для написания Жития Сергия. Возможно тот же самый Протасий написал в 1551 г. Житие Авраамия Чухломского (Галицкого). Исследователь этого Жития С. П. Розанов находит много общего в композиции, стиле и источниках Житий Авраамия и Павла Обнорского, о жизни которого возле Авраамия и Дионисия свидетельствует Житие Авраамия. Персонажи этих Житий — Сергей, Авраамий, Павел — были учениками Сергия Радонежского. По наблюдениям Розанова, одним из общих источников Житий Авраамия и Павла было *Житие Саввы Освященного*. Розанов был убежден, что и Житие Павла Обнорского принадлежит перу Протасия. Однако, несмотря на сходство этих произведений, для подобного утверждения требуются более веские доказательства, так как в ранней Пространной редакции Ж. о Протасии ничего не сообщается; он упоминается только в 23-м чуде, в более позднем виде Пространной редакции Ж. Необходимость комплексного изучения всей этой группы житийных памятников очевидна,

так же как сопоставление их композиционно-стилистических особенностей.

Изд.: Пролог. М., 1642, 10 января, л. 657 об.—659 об.; ВМЧ, Январь, дни 6—11. М., 1914, стб. 509—558.

Лит.: Суворов Н. И. Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии. Вологда, 1866, с. 55—58, 68; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 271—272, 278; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 232—266; Строев В. Словарь, с. 340—341; Барсуков И. Источники агнографии, стб. 416—419; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, т. 1, с. 41—52; 2) Обзор, № 133; Зверинский В. В. 1) Монастыри в Российской империи. СПб., 1887, с. 28; 2) Матер. для ист.-топогр. исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890, т. 3, № 1980; Колонелев Н. Святые вологодского края. М., 1895, с. 68—72; Кудубовский А. Очерки истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, 1—5, с. 202—209; Голубинский И. История канонизации, с. 414, № 10; Розанов С. П. Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галичско-Городецкого-Чухломского // РФВ, 1912, № 3, с. 232—234; Будовиц М. Монастыри на Руси, с. 144—143, 145; Ивина Л. П. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985, с. 36, 96, 180—215.

М. Д. Каган

Житие Пансия Угличского — памятник агнографии конца XVI—начала XVII в. Ж. относится к типу житий-биографий, посвященных церковнополитическим деятелям, основателям монастырей. Тип подобного жития известен и византийской агнографии (например, *Жития Саввы Освященного, Феодора Студита, Пахомия Великого*). Пансий, в миру Павел, принадлежал к роду Гавреневых. Отец его Иоанн и мать Ксения жили в Нерехотском стану, на межи Кашинской в селе Богородском под властью удельного князя Андрея Васильевича Большого Угличского, брата *Ивана III*. Пансий рано осиротел и воспитывался в Калызинском монастыре у своего дяди Макария. Там же он был пострижен в 10 лет. С детства Пансий отличался святостью, днем молился, ночью переписывал книги. В одну из ночей ему явился ангел и предсказал наставническую деятельность. Вскоре по просьбе князя Пансий переезжает в Углич и основывает Покровский монастырь. Всю жизнь он, будучи игуменом, проводит в тяжелых трудах и молитвах и умирает в 1504 г. ста семи лет. Этот возраст противоречит другим сведениям Ж., так как из него следует, что Пансий родился в 1397 г. и был на три года старше своего дяди Макария, скончавшегося в 1483 г. на 83-м году жизни.

Время составления Ж. неизвестно; предположительно можно связать его с временем канонизации. Е. Голубинский предполагал, что она произошла в конце XVI—начале XVII в. В Ярославских епархиальных ведомостях, 1893 г. № 42, стб. 657—666 со ссылкой на рукопись Московского Румянцевского музея № 934 напечатана записка, пересказывающая Ж. и сообщающая о чудесах и исцелениях у его гроба, после чего по представлению ро-

стовского архиепископа (без имени) «по соборному правилу и всероссийского священноначалия совету и благословению повелено священнослужителям вписати в синодик преподобнаго церковию и вкуше со святыми почитати. . . июня месяца в 6 день непреложно, яко жь свидетельствует написанная книга Жития и достоверных чудес его во обители преподобнаго Паисия, достолепно хранимая ученики его». Упоминание в записке ростовского архиепископа может указывать на время до 1589 г., когда была учреждена Ростовская митрополия. Филарет Гумилевский назвал автором Ж. и чудес Паисия угличского инока Сергия, жившего в конце XVI—начале XVII в. и написавшего в 1610 г. ряд угличских житий (Филарет. Обзор, № 202). В. О. Ключевский поставил под сомнение авторство Сергия, не подтверждаемое рукописями, и обратил внимание на то, что в более поздней работе («Русские святые. . .») Филарет не повторил атрибуции Ж. Сергию.

Ключевский упоминает две редакции Ж. — краткую и пространную, с позднейшими прибавлениями и хронологическими указаниями, однако не берется судить о первоначальности одной из них. О двух редакциях говорит и Леонид, датируя краткую XVII в., а пространную 1776 г. Последняя датировка скорее всего появилась из-за упоминания Ключевским списка 1776 г. Краткая редакция известна по дефектному списку ГПБ, Q. XVII.69, XVII в. и по иллюстрированному сборнику ростовских житий ГПБ, собр. Титова, № 1084 (охран. кат. 43), XVIII в. (1751). Пространная редакция известна по спискам ГПБ, собр. Титова, № 1642 (охран. кат. 2642). XVIII в. и ГПБ, собр. Вяземского, Q. XXXVII, конца XVIII—начала XIX в. Третий тип текста Ж., по-видимому, испытал на себе влияние летописных источников; он читается в рукописи Московского Румянцевского музея № 934 при записке о канонизации Паисия (см.: Ярославские епархиальные ведомости, 1893, № 42). Краткая редакция написана по образцу житий *Пахомия Серба*. Она предваряется предисловием, последние слова которого — «о нем же нам ныне слово предложит» — указывают на богослужебно-гомилитические цели написания Ж.: оно должно было читаться в церкви или в монастырской трапезной. В заключение приводятся Слово похвальное и чудеса. Как и гомилитические жития Пахомия, Ж. краткой редакции бедно фактическими сведениями. В начале пространная редакция Ж. почти дословно совпадает с краткой. Расхождение начинается с переселения Паисия в Углич. С этого момента текст Ж. насыщается фактическим материалом и всевозможными легендами. Большое место уделено описанию строительной деятельности Паисия. При основании монастыря деревянная церковь чудесным образом переносится на новое место. Перед постройкой соборной каменной церкви Паисию, молящемуся всю ночь, является богородица на облаке, а место для постройки обозначается лучами божественного света. При строительстве церкви в Угличе были обретены мощи князя Романа Угличского, а под

берегом найдена икона Покрова Богородицы, поставленная потом в соборной церкви. Далее рассказывается о большом пожаре в Угличе и о наводнении от разлива Волги. В Ж. пространной редакции появляются новые персонажи — ростовский архиепископ Тихон, основатель Учемского монастыря Кассиан, ученик Паисия Адриан, поименно перечислены стехавшиеся на освящение соборной церкви игумены окрестных монастырей. Пространная редакция составлена после польско-литовского разорения. В основу ее легла краткая редакция, дополненная по другим источникам, одним из которых был Угличский летописец. На него указывает сам автор пространной редакции — после польского нашествия «летописец града Углича тогда изгибе и сне едва в ризнице преподобнаго отца обрести возмогах, да и то вся истлевша и подрана весма и едва мощно разобрати». Возможно, именно из этого ветхого летописца и пошали в пространную редакцию даты — 6974 (1466) г., переселение Паисия в Углич; 6987 (1479) г., постройка церкви и крещение детей князя Андрея. На этот же летописец ссылается автор, излагая историю ареста *Иваном III* угличского князя и его детей: «В летописце и от тоя же истории предреченных повестей, яже о изгнании благовернаго князя Андрея с Углича братом его Московским Иваном. В мале убо времени по воздвижении соборныя церкви преподобнаго во граде Угличе, точно егда соорудив соборную церков каменную благоверный князь и дворец каменной построи, в той год вознепщева на него некако и воста брат его родный князь Иван Московский и согнав брата своего благовернаго и великаго князя Андрея с престола и с Углича, да и с чады его благоверными князи Иоанном и Дмитрием и в темницу и с чады его заточи. И потом в мале времени и умре благоверный князь Андрей и погребен бысть благолепне в царствующем тогда богоспасаемом граде Москве». Версия об аресте князя Андрея вместе с детьми в Угличе не совпадает с другими летописными источниками, и это было известно писцу списка Вяземского Q. XXXVII, приписавшему на полях: «Зри, что благоверный князь Андрей в Москву взят бысть с Углича и ту в приказе уморен. Зри. И Московский древний летописец сказует, что увезен благоверный князь Андрей к Москве и там в темнице уморен бысть гладом, а погребен тамо же в Архангеле соборе, что там гробница его и до ныне и образ его о сем ясно зрится». Другим источником, неточно рассказывающим об аресте князя Андрея, могли быть жития его сыновей Иоанна, в иночестве Игнатия, и Дмитрия, кончивших свои дни в Вологде (см. *Логгин*). Обращает на себя внимание сочувствие автора Ж. удельному князю и его детям и неодобрительный тон по отношению к Ивану III, названному просто князем Московским, в то время как Андрей величается не только благоверным, но и великим князем.

В краткой редакции Ж. помещено 27 посмертных чудес, из которых 2-е относится к 1574 г., а 21-е — ко времени царя Василия Шуйского. В пространную редакцию добавлено еще 4 чуда,

одно из которых датировано 1654 г. в «Ярославских епархиальных ведомостях» издана пространная редакция с разночтениями по краткой.

Изд.: К л ю ч е в с к и й. История города Углича. Ярославль, 1844; с. 180—199; Яросл. епарх. вед., 1873, № 16—22, ч. неофиц., с. 127—181.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 317, примеч. 1, 3; Ф и л а р е т. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, т. 2, 6 июня, с. 196—201; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 420; Л е о н и д. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) общих и местно чтимых. СПб., 1891, № 727, с. 186—187; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 152; Угличевый летоисчисл. Углич, 1911; Б у д о в н и д. Монастыри на Руси, с. 206—208.

М. Д. Ка...

Житие Пафнутия Боровского см. Иннокентий, Вассиан Санин

Житие Пахомия Нерехтского — памятник агиографии, посвященный основателю Троицкого нерехтского монастыря. Пахомий, в миру Яков, сын священника Никольской церкви во Владимире, основал свой монастырь (упразднен в 1764 г.) во второй половине XIV в. недалеко от Нерехты (город на реке Нерехте, в 45 км на юго-запад от Костромы), в местечке Сыпанове. Посвященное Пахомию Ж. известно всего в трех списках (ГИМ, Синод. собр., № VI (1200), кон. XVI—нач. XVII в.; БАН, 17.5.30, XVII в.; ГПБ, Q.1.929, XVIII в.): «Месяца марта в 21 день житие и жизнь и преставление преподобнаго отца нашего Пахомия, игумена монастыря пресвятые и живоначальные Троицы, иже во области града Костромы, близ Нерехты, на месте нарицаемом на Сыпанове». В. О. Ключевский «по некоторым неясным признакам» относит время возникновения Ж. к концу XVI в., отмечая при этом, что «поздний биограф имел под руками надежные источники известий об этом подвижнике XIV в.». Какие признаки, кроме дат рукописей, свидетельствующие о создании Ж. в конце XVI в., имел в виду Ключевский, неясно. Вместе с тем все исторические упоминания Ж. говорят скорее о том, что оно было написано в очень близкое время к описываемым событиям. В Ж. есть единственная дата — день, месяц и год смерти Пахомия — 21 марта 6892 (1384) г. (при этом указан и час — «в 3 час дня»). Кроме того, здесь сказано: «во дни благочестиваго и великаго князя Дмитрия Ивановича Московскаго, иже нарицаемый Донъский, и при освященном митрополите Пимине Киевском и Московском и всеа Руси». Тому убо правящу тогда престол руския митрополия. Киприяну убо митрополиту отшедшу в Киев, а сему Пимину возведену на престол великия церкви. иже на Москве». Фраза эта абсолютно точно отражает весьма сложное положение в русской митрополии в это время: *Киприан*, изгнанный князем Московским из Москвы в конце 1382 г., был в Киеве, в Москве митрополичий стол занимал возвращенный из заточения Пимен,

который уже в мае 1385 г. отправился в Константинополь. Столь же точны сведения о митрополите Алексее, сообщаемые Ж., из которых можно составить приблизительное представление и о пензенных в Ж. годах жизни и деятельности Пахомия. Монахом он становится в 12 лет. В младших монашеских обязанностях он «много лет потрудился». После этого Алексей, тогда еще владимирский епископ, поставляет Пахомия в «чин дьяконства», что могло иметь место в самом начале 50-х гг. XIV в. (Алексей был епископом Владимира с начала 50-х до 1354 г.). Далее Ж. сообщает, что «по времени некоем» после поставления в митрополиты Алексей, придя во Владимир, обновляет Константинов-Еленовский монастырь и ставит в нем на игуменство Пахомия. В «Новести об Алексее митрополите» сообщается, что это произошло (здесь только не упомянут Пахомий) вскоре после того, как Алексей крестил сына нижегородского князя Бориса Константиновича Ивана (1370 г.), т. е. в начале 70-х гг. XIV в. Пропгуменствовав некоторое время во владимирском монастыре, Пахомий уходит в «пределы Костромския» и основывает здесь свой монастырь. Ж. отличается ясным языком, сжатостью рассказа, деловитостью изложения, отсутствием риторики. Начинается Ж. кратким вступлением, которое в списках ГИМ и ГПБ представляет собой, как установил Ключевский, переделку предисловия к *Житию Евфросинии Полоцкой*. В списке БАН, где текст более близок к первоначальному (об этом свидетельствуют текстологические данные), предисловие другое, при этом вдвое короче, чем в списках ГИМ и ГПБ. В Ж. всего два чуда: одно прижизненное — исцеление беснующегося, второе, посмертное — явление иноку — иконописцу. Заканчивается Ж. краткой молитвой. Текст Ж. не издан.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 311; Барсуков. Источники агнографии, стб. 429—430; Б уд о в н и ц. Монастыри на Руси, с. 155—156.

Л. А. Дмитриев

Житие Питирима, епископа Пермского — агиографический памятник, рассказывающий о жизни и мученической кончине *Питирима*, четвертого после *Стефана Пермского* епископа Перми. Несмотря на лаконичность Ж., которое скорее напоминает проложную память, оно сообщает несколько фактов, отсутствующих в других источниках, о первых пермских владыках: называется место рождения Питирима — Ярославль, говорится о его наставлении в иноческих добродетелях неким старцем Кириллом, указывается (по-видимому, ошибочно) иная дата кончины мученика (15 вместо 19 августа). Ж. не получило распространения в рукописной традиции — первооткрывателю и издателю памятника И. А. Шляпкину было известно только два списка, оба XV в.: Калязинский краеведческий музей, инв. № 853 (Г о л у б е в И. Ф. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области // ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 570—571, Ж. не упомина-

ется) и ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 275/532. На Ж. как на один из своих источников ссылается составитель Вычегодско-Вымской летописи (Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958, вып. 4, с. 257), однако следов обращения к нему в тексте самого произведения не заметно. Найденный И. А. Шляпкиным текст — первое свидетельство о почитании Питирима; до сих пор местные празднование пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы датировали началом XVII в. (Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 121—122).

Поскольку для автора Ж. Пермь — это «тамо сущая область», И. А. Шляпкин полагает, что он столичный житель. Если отдать предпочтение чтению Калязинского списка, можно думать, что памятник был создан в первые годы после гибели епископа: здесь в конце текста сказано, что он написан «при державе. . . благоверного великаго князя Василя Васильевича и сына его великаго князя Ивана Василиевича» (в другом — Белозерском — списке данная хронологическая привязка читается в заголовке Ж. и определяет время смерти Питирима). В Белозерском списке Ж. есть еще один отрывок, который мог бы помочь найти автора этого сочинения. Глухо упомянув о мучениях, которые пермский священник претерпел от Дмитрия Шемяки, агиограф отмечает: «яко же преди писахом». Можно думать, что эта ссылка относится к *Житию Алексея митрополита*, написанному Пахомием Сербом, который сообщает здесь, что он пользовался несохранившимся произведением Питирима о московском митрополите, и, между прочим, замечает, что пермский владыка от «братоубийствею кровию руде осквернившаго. . . много лютаа подъят» (Житие митрополита всея Руси святого Алексия, составленное Пахомием Логофетом / Изд. ОЛДП, № 57. СПб., 1877—1878, вып. 1, с. 5). Если отсылка в Ж. действительно адресует читателя к творению Пахомия Серба, не следует ли атрибутировать ему и краткое жизнеописание пермского мученика?

Изд.: Шляпкин И. Св. Питирим, епископ Пермский // ЖМНП, 1894, ч. 292, март, с. 135—145.

Лит.: Флорья Б. Н. Кома-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 228.

Д. М. Буланов

Житие Прокопия Устюжского — агиографический памятник XVII в., сложившийся на основе более ранних произведений, посвященных месточтимому святому. В 1550-е гг. была написана Повесть о подвигах и чудесах Прокопия Устюжского юродивого — агиографическое произведение, составленное сыном игумена Борисоглебского Сольвычегодского монастыря Дионисия. Повесть включена в один цикл с *Житием Иоанна Устюжского* и *Повестью о Борисоглебском монастыре*. В состав Повести входят чудо «о страховании в граде Устюге», в котором повествуется о нахождении на город каменной тучи и избавлении молитвами святого устю-

жан от гибели, 19 посмертных чудес, глава о создании церкви Прокопия Устюжского и Похвальное слово. В Повести нет собственно житийной биографии героя, некоторые сведения биографического характера о Прокопии содержатся в начальной части чуда «о страховании» (о юродстве Прокопия, жившего на паперти соборной церкви Успения в Великом Устюге).

Первые семь чудес, вероятно, были составлены в конце XV в., к этому же времени следует относить и начало местного почитания Прокопия в Устюге, как свидетельствует глава о поставлении первой часовни и первой церкви над гробом Прокопия Устюжского. Первоначальное ядро Повести постоянно обрастало новыми чудесами. Их авторы стремились месточтимому святому придать черты общерусского заступника: описывается его явление ратным людям в Нижнем Новгороде, в числе исцелившихся у гроба Прокопия Устюжского показаны москвичи, в том числе протосафарий окольного Владимира, астраханцы, галичане и др. В позднейшую редакцию Повести входят 28 чудес, последние 10 из них приурочены к событиям XVII в. (прозрения у гроба, исцеления расслабленных, изгнание бесов и др.), причем они также расположены без хронологической последовательности: чудо 26-е датируется 1671 г., а чудо 28-е относится к Смутному времени («Избавление Устюга от польских и литовских людей»). Последнее чудо было написано, очевидно, на основании «Повести о избавлении града Устюга от литвы и черемис». Героями некоторых чудес, в том числе чуда о Соломонии бесноватой, оказываются сразу два устюжских святых — Прокопий и Иоанн. После чудес Прокопия следует две Похвалы святому и главы о создании храма.

Только в середине XVII в. на основании известных чудес и устных преданий о Прокопии появляется его легендарная житийная биография. Она принадлежит к числу агнографических сочинений о юродивых. Прокопий, согласно Ж., происходит от «немецкия земли» (как и герой *Жития Исидора Твердислова*), он достигает Новгорода на корабле с дружиною «кунеческим обычаем». В Новгороде он оставляет свое богатство и звание, обращается в православие, избирает духовного наставника — св. Варлаама Хутынского и становится юродивым. Из Новгорода Прокопий приходит в Устюг и остается возле Успенского собора, «не поискав странноприимника».

Кроме Повести «о страховании», в Ж. XVII в. описываются и другие подвиги святого: он стойко выдерживал жестокие морозы (подобный же подвиг совершал Андрей юродивый), предсказал рождение св. *Стефана Пермского* его матери, когда она была еще юродвицей семи лет. Здесь же читается описание внешнего облика П., на котором основывались иконописцы: «. . . хождаше по граду во единой раздранной ветхой ризе, и тое с плеча спуска. . . много же ничто же имеяше у себе, токмо три кочерги в левой своей руке пошаше». Атрибуты Прокопия Устюжского, как это отмечено А. М. Панченко, связаны с русским фольклором, с обра-

зами плодородия. Ж. создавалось на основании написанных в разное время частей — чудес и преданий о святом, особенность этого памятника заключается в отрывочности его глав, их хронологической непоследовательности.

Обычно в рукописных сборниках Ж. завершает другая Повесть — о чудесах в сольвычегодском Борисоглебском монастыре, написанная тем же автором XVI в. В ней повествуется о написании образа Прокопия на одной доске со святым Варлаамом Хутыньским и о чудесах от этого образа. Завершается эта Повесть «Похвалой общей преподобному Варлааму Хутыньскому Новгородскому и блаженному праведному Прокопию Устюжскому новым чудотворцам».

Эти повести вместе с Житием Иоанна Устюжского образуют особый устюжский житийный цикл. Свидетельствами того, что эти устюжские памятники создавались и осознавались на протяжении XVI—XVII вв. как единый цикл, является и то, что они переписывались рядом в одних сборниках, и то, что существуют совместные чудеса Прокопия и Иоанна Устюжских, и то, что С. И. Шаховской написал Похвальное слово обоим святым.

Изд.: Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893 (ОЛДН, вып. 103).

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 277—278, 387—388; Б а р с у к о в. Источники агнографии, стб. 462—464; К о н о п л е в П. Святые Вологодского края // ЧОИДР, 1894, кн. 4, с. 18—23; Г о л у б и н с к и й. История канонизации, с. 78—79; Ш л я п и н В. Житие праведного Прокопия, устюжского чудотворца и историческое описание Устюжского Прокопьевского собора. СПб., 1903, с. 101—116; С м и р н о в Я. И. Устюжское псалвяние св. Георгия Московского большого Успенского собора // Древности. М., 1916, т. 25, с. 172—175, 204, 246—248; К у к у ш к и н М. Б. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 374—385; Л и х а ч е в Д. С., П а н ч е н к о А. М., П о н ы р к о Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984, с. 72, 73, 81, 82, 84, 87, 88, 95, 100, 101, 107, 108, 110, 111, 115, 119, 130, 131.

О. А. Белоброва, А. Н. Власов

Житие Саввы Вишерского см. Геласий, Пахомий Серб.

Житие Саввы Крыпецкого см. Василий (в иноках Варлаам.).

Житие Саввы Сторожевского см. Маркелл.

Житие Серапиона, архиепископа Новгородского — памятник агнографии 1540—1550-х гг. Новгородскую архиепископскую кафедру *Серапион* занимал только три года (1506—1509 гг.); из-за ссоры с *Иосифом Волоцким* он был не только сведен с кафедры, но и заточен в Андроников монастыре. Эта ссора между двумя видными церковными деятелями приобрела характер политического скандала и получила большой резонанс в общественном мнении своего времени, а также нашла своеобразное отражение в письменных памятниках XVI в. в виде острой полемики между

носифлянами и их противниками. Ж. является одним из центральных в цикле этой полемической литературы.

Единого мнения ни об обстоятельствах создания Ж., ни об его авторе, ни о его датировке до сих пор не установилось. Филарет (Обзор, № 121, с. 135—136) сообщил, что Ж. было написано учеником Серапиона, игуменом Троицкого монастыря в 1515—1520-х гг. Иаковом. Это мнение Филарета, по всей видимости, основано на данных самого Ж. Из его текста следует, что ученик Серапиона по Троицкому монастырю Иаков постоянно находился при нем — после Новгорода был с ним в заточении в Андрошикове монастыре и вместе с ним оттуда прибыл в Троицкий монастырь, где и похоронил своего учителя, будучи в сане игумена. В Ж. есть рассказ о том, как Серапион предсказал юному Иакову о его будущем игуменстве в Троицком монастыре. Автор Ж. оказывает явное внимание ученику Серапиона, называя его «мужем благоговейным и вне всякаго зазрения». Однако эти включенные в Ж. известия об его ученике едва ли позволяют считать Иакова автором произведения. Г. П. Моисеева считает, что Иаков «сообщил автору Жития основные сведения о Серапионе» (Житие. . . , с. 151). По мнению Г. Н. Моисеевой, Ж. было написано во время игуменства Иакова — не позднее 10-х—начала 20-х гг. XVI в. Н. П. Барсуков (Источники агиографии, стб. 502—508) отметил только, что автор Ж. остается неизвестным. В. О. Ключевский это произведение тоже никакому определенному лицу не атрибутировал, датировал его временем канонизации Серапиона местным святым (1559 г.). Н. А. Казакова, отвергнув точку зрения Г. Н. Моисеевой об авторе и датировке Ж., присоединилась к мнению, высказанному В. О. Ключевским. В. О. Ключевскому принадлежит наблюдение о текстуальных заимствованиях в Ж. из Слова Льва Аникиты Филолога на память Зосимы Соловецкого, а также о наличии связи в передаче участия Серапиона в спорах о монастырском землевладении с текстом *Жития Иосифа Волоцкого*, написанного «неизвестным».

Довольно устойчивым оказалось мнение о том, что автором Ж. следует считать *Иоасафа Скрипицына*. Ему атрибутировали Ж.: В. С. Иконников (1) Опыт по историографии, т. 2, вып. 2, с. 1726, 2) Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 634), С. П. Розанов (Никоновский летописный свод и Иоасаф, как один из его составителей // Изв. по РЯС АН, 1930, т. 3, кн. 1, с. 277), А. А. Зимин (Иоасафская летопись. М., 1957, с. 11). Впервые эта мысль была высказана В. М. Ундольским без приведения какой-либо аргументации (У н д о л ь с к и й В. М. Славяно-русские рукописи. М., 1870, с. 252). Как думает Г. Н. Моисеева, предположение В. М. Ундольского основано на недоразумении. Дело в том, что в рук. собр. Ундольского, № 367 (далее У.) Ж. сопровождается рассказом о переложении мощей святого и о двух чудесах, случившихся у его гроба в 1559 г., после которого сделана приписка о том, что игумен Иоасаф через келаря Андриана Ангелова передал сообщение об этих чудесах митрополиту *Макарию*. В дан-

ном случае речь идет не о Иоасафе Скрипицыне, а о Иоасафе Черном, который был игуменом Троицкого монастыря с 1555 по 1561 г.

В сравнительно недавно опубликованной статье американского исследователя (Естер Курц), посвященной Ж. и Житию Иосифа Волоцкого, написанному «неизвестным», вопрос об авторе Ж. оставлен открытым, а время создания его отнесено к началу XVII в. Написание Жития Иосифа Естер Курц относит к 80-м гг. XVI в., объясняя появление его продолжающимися попытками канонизации волоцкого игумена как общецерковного святого. Названную в исследовании датировку нельзя признать состоятельной. Естер Курц упускает из виду хорошо известные в научной литературе конкретные факты, противоречащие его выводам. Рукопись с Житием Иосифа, написанном «неизвестным», в 1566 г. уже поступила в библиотеку Волоколамского монастыря после смерти князя Д. И. Оболенского (см. об этом в предисловии К. Невоструева к изданию: Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. М., 1865). Ж. во второй половине XVI в. хорошо было известно, в том числе и иосифлянам. Легенда о Серапионе, угадавшем день и час смерти Иосифа, в измененном виде была включена во вновь отредактированный текст жизнеописания Иосифа Волоцкого, написанного не позднее 1546 г. Саввой Черным. Составителем этой новой редакции считается *Евфимий Турков*, список Ж. его редакции из собрания ПДА, № 270 датируется второй половиной XVI в. Кроме того, выписки из Ж. о соборе 1503 г. были внесены (на поле внизу), в Волоколамскую рукопись Жития Иосифа, по предположению К. Невоструева, тем же ищцом, который ищел и основной текст. Следовательно, оба Жития — и Иосифа и Серапиона — были созданы до 1566 г.

На основании выявленных к настоящему времени фактов надо признать безусловным, что Ж. было написано примерно в середине XVI в. и создание его связано с литературной средой Троицкого монастыря. Автором его мог быть и Иосаф Скрипицын, образованный и пишущий человек, собиратель книг — библиофил своего времени. В своем ответе руководителям Стоглавого собора он заметил, что в деятельности собора 1503 г. о монастырском землевладении, кроме упомянутого в *Стоглаве* Иосифа Волоцкого, принимали участие и другие видные церковные лица (Стоглав. Казань, 1912, с. 193—200). Видимо, прежде всего он имел в виду архиепископа Серапиона, однако прямых свидетельств, позволяющих признать именно его автором Ж., до сих пор не установлено.

Компилятивный метод работы автора над созданием Ж. очевиден. Начало Ж. — описание биографии Серапиона вплоть до прихода его в Стромвский монастырь — построено на тексте Похвального слова Зосиме, написанного Львом Аникитой Филологом в 1533—1538 гг. Совпадение между Ж. и Житием Иосифа Волоцкого, написанным «неизвестным», в описании деятельности собора 1503 г., на котором присутствовали оба героя названных произведений, обычно определяется как прямое заимствование автором первого из второго. Однако сопоставление текста Ж. с раз-

ными списками Жития Иосифа Волоцкого показывает разную степень совпадения их с текстом первого жития. Поэтому в данном случае, прежде чем говорить о заимствовании автором Ж., необходимо решить вопрос о зависимости между видами (редакциями) Жития Иосифа Волоцкого. С. А. Белокуров говорит о существовании двух редакций. В связи с вопросом о зависимости между этими двумя произведениями следует обратить внимание на наличие в Ж. несколько загадочного предложения: «Тогда же самодержцу Ивану нечто божественно бысть». Далее сообщается о том, что *Иван III* завещает сыну *Василию III* великое княжение и «приказывает» ему, собрав собор, поставить Серапиона архиепископом новгородским. Смысл загадочного предложения становится ясным при обращении к произведению, известному под названием «Слова иного», в котором, кроме описания противодействия Серапиона секуляризации великокняжеской властью монастырских земель, передана монастырская легенда о наказании великого князя: его разбил паралич из-за посягательств на земли Троицкого монастыря. Автор Ж., в отличие от «Слова иного», в очень деликатной форме сообщает о взаимоотношениях между Иваном III и Серапионом, намекая только на последствия спора о землях Троицкого монастыря.

Но только в таком контексте уместным является сообщение о распоряжениях великого князя, имеющих характер завещания, затем о его кончине и созыве собора Василием III для утверждения Серапиона новгородским архиепископом. В Житии же Иосифа сразу после известий о соборе говорится о завещании Ивана III и о его кончине. В данном случае эти известия не являются органичной частью логически последовательного повествования. Не пытаясь опровергнуть общепринятого мнения о заимствовании рассказа о соборе 1503 г. автором Ж. из Жития Иосифа, хочется обратить внимание исследователей на необходимость более тщательного изучения вопроса о взаимосвязи между названными произведениями.

Н. А. Казакова обратила внимание на своеобразную черту Жития Иосифа Волоцкого, написанного «неизвестным», — автор его, называя Иосифа «единым от великих преподобных», не с меньшим уважением говорит и о его противниках, например о *Ниле Сорском* (К а з а к о в а Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 242); Серапиона он называет «мужем кротким» и «добродетельным». Как показывает рукописная традиция, Житие Иосифа, написанное «неизвестным», не было популярным среди иосифлян: его не переписывали в Волоколамском монастыре, единственный список его попал туда во второй половине XVI в. среди рукописей князя Оболенского; *Макарий* в *Великие Минеи Четии* включил не это Ж., а созданное по его заданию сочинение Саввы Черного.

В Ж. было включено написанное в 1509 г. его послание митрополиту *Симону* вместе с рассказом «О Иосифе неблагословении».

Послание Серапиона встречается в рукописях XVI в. и как самостоятельное произведение (ГПБ, собр. Погодина, № 1563), и совместно с рассказом «О Иосифе неблагословении» (ГПБ, собр. Погодина, № 1554, опубли. в кн.: Послания Иосифа Волоцкого, с. 329—333). В рассказе «О Иосифе неблагословении» раскрывается история ссоры Серапиона с Иосифом. Создание этого предисловия преследовало публицистическую цель — оно было направлено против иосифлянской концепции объяснения событий. Сопоставление рассказа «О Иосифе неблагословении» (по списку собр. Погодина, № 1554), переписывавшегося вместе с посланием Серапиона, с текстом его в составе Ж. позволяет сделать некоторые выводы о их взаимозависимости. В тексте рассказа, включенном в Ж., сообщается, что Иаков, ученик Серапиона, вместе с ним находился в заточении в Андрониковом монастыре. Об этом в рассказе, переписывавшемся вне Ж., не упоминается. Известие было включено дополнительно в текст Ж. наряду с другими сведениями об Иакове. Следовательно, рассказ «О Иосифе неблагословении» был написан ранее Ж. как предисловие к посланию Серапиона, адресованному митрополиту Симону. Между этим рассказом и другими частями Ж. наблюдается концепционная и стилистическая близость. Не одно ли то же лицо написало сначала предисловие к посланию Серапиона Симону, а затем и Ж.?

Г. Н. Моисеева обратила внимание на черты списка У, отличающие его от всех остальных известных списков Ж., и сделала заключение, что «в своей основе список У, вероятно, связан с первоначальным видом этого памятника, когда он носил название «Повесть о преподобном Серапионе», но в дальнейшем текст, переданный списком У, претерпел изменения и он не может быть признан наиболее близким к архетипу» (Житие. . . с. 149). При публикации за основной Г. Н. Моисеева избрала список ГПБ, собр. Погодина, № 758. Сопоставление рассказа «О Иосифе неблагословении» с двумя видами текста Ж. указывает на большую связь рассказа со списком У, многие индивидуальные чтения этого списка повторяются в рассказе. По всей видимости их надо признать авторскими; список У в большей степени передает первоначальный этап работы по созданию Ж. Это отражено и в заголовке списка У («Повесть. . .»). Все остальные списки уже имеют характерное название, свойственное житийному жанру, что свидетельствует о признании этого текста каноничным.

Ж. составлено с соблюдением формальных правил житийного канона. Те части Ж., которые, вероятно, принадлежали самому составителю, свидетельствуют об ориентации его на классические образцы русской агнографии: употребление эпитетов «светильник», «великий» восходят еще к Житию Феодосия Печерского (см. *Нестор*). Автор упоминает о своем неблагополучии («злострастием одержимую и бедствующую») и просит Серапиона отвратить от него «злотечские». Эти высказывания, весьма вероятно, свидетельствуют о реальной обстановке, в которой создавалось Ж., и политической позиции автора, а не являются чисто этикетными формулами.

Явно сочувственное отношение к Серапиону выражено в новгородском летописании, начиная с первой трети XVI в. В XVII в. описание деятельности Серапиона в Новгороде приобрело легендарно-религиозный характер (ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 244—245). Следует обратить внимание на наличие тематической связи между описанием чудес в Ж. и новгородским летописанием при передаче трагических событий, случившихся в Новгороде при Серапионе (мор и большой пожар).

Таким образом, Ж. представляет интерес не только как один из своеобразных примеров агиографического жанра. В Ж. обобщен историко-литературный материал, противостоящий носифлянской концепции в изображении церковно-политических событий начала XVI в. Иосифлянам, стремившимся утвердить культ Иосифа, постепенно пришлось все более и более отступать от позиции, занятой самим Иосифом. В Житии Иосифа Волоцкого, написанного Саввой Черным и включенном в 1546 г. в ВМЧ, в несколько неопределенной форме было сказано о якобы состоявшемся примирении между Иосифом и Серапионом: «Паки мало преиде, архиепископ Серапион со игуменом Иосифом межю собою общее прощение получиша» (ВМЧ, Сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, стб. 482). Позднее Евфимий Турков, редактируя Ж., написанное Саввой, конкретизировал вымысел о примирении, сообщив, что якобы сам Серапион обратился в адрес Иосифа с просьбой о прощении (ЧОИДР, 1903, кн. 3, с. VIII). Я. С. Лурье отметил, что весь план этой носифлянской легенды определен был легендарным рассказом Ж. о том, как бывший новгородский архиепископ предугадал кончину своего обидчика (Послания Иосифа Волоцкого, с. 280). В Житии Иосифа, написанном «неизвестным», эта тема о примирении тоже затронута, но в иной версии — Иосиф незадолго до смерти сам написал Серапиону — и «любовь множая первая утвердися» между ними (ЧОИДР, 1903, кн. 3, с. 42). Вопрос о соотношении между Ж. и Житием Иосифа Волоцкого, написанным «неизвестным» (или, как некоторые исследователи полагают, Львом Филологом), остается нерешенным. Сопоставительное изучение этих двух произведений должно помочь выявить и характер зависимости между ними, и решить точнее вопросы датировки и атрибуции их конкретным лицам, или, по крайней мере, уточнения литературной среды, где они были написаны.

Изд.: Моисеева Г. И. Житие новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21, с. 147—165.

Лит.: Ключевский Д. Древнерусские жития, с. 290—291; Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное «неизвестным»: По двум рук. собр. П. А. Овчинникова / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР, 1903, кн. 3, отд. 2; Попов П. Саввино Житие Иосифа Волоцкого в пределке XVI в. // Библиограф. летопись / Изд. ОЛДП. СПб., 1914, № 1, с. 59—71; Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимица и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959; Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новопайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964, т. 20, с. 351—364; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Перезя

треть XVI в. Л., 1970, с. 74—83; К л о с с Б. М. Никоновский свод п русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 22—23, 82—84, 129—130; E s t e r K u r z. The Lives of Serapion and Josif as Historical Sources for the Council of 1503 // The Council of 1503: Source Studies and Questions of Ecclesiastical Landowning in Sixteenth-century Muscovy: A Collection of Seminar Papers. Edited by Edward L. Keenan and Donald G. Ostrowski. Cambridge, Mass., 1977, p. 94—119.

Р. П. Дмитриева

Житие Сергия Нуромского см. *Иона, игумен Глушицкого монастыря.*

Житие Сергия Радонежского — памятник агиографии, посвященный известному церковному и общественно-политическому деятелю Руси второй половины XIV в. Сергию Радонежскому (в миру — Варфоломею Кирилловичу; род. около 1321/1322 г. — умер 25 сентября 1391/1392 г.), создателю и игумену подмосковного Троицкого (впоследствии Троице-Сергиева) монастыря. Основным источником биографических сведений о Сергии Радонежском являются древнейшие редакции его Ж. Происхождение прозвания Сергия — Радонежский — связано с г. Радонеж, куда бежал с семьей его отец, разорившийся при Иване Калите боярин Ростовского княжества.

Поддерживая политику централизации, которую проводили московские князья, Сергей Радонежский оказался в центре общественно-политической жизни Руси второй половины XIV в., был сподвижником московского великого князя Дмитрия Донского в его подготовке к Куликовской битве 1380 г., умирал сепаратистские стремления удельных суздальских и рязанских князей (Бориса Константиновича и Олега Ивановича) и был связан с кругом митрополита Алексея (однако статью его преемником отказался) и константинопольского патриарха Филофея, а затем Киприана. Ему были близки такие выдающиеся писатели и культурно-политические деятели Руси, как Епифаний Премудрый, Андрей Рублев, Феодор Ростовский (Симоновский). Целый ряд его учеников и сподвижников стали основателями многочисленных «общежительных» монастырей: Андроникова, Симоновского, Саввино-Сторожевского, Голутвинского, Высокого, Киржачского и др.

Древнейшая редакция Ж. была создана современником и учеником Сергия Епифанием Премудрым через 26 лет после его смерти, т. е. в 1417—1418 г. С присущей Епифанию тщательностью он писал ее на основании подобранных им в течение 20 лет документальных данных, сделанных им записей («свитков» «запаса ради»), своих воспоминаний и рассказов очевидцев. Владея святоотеческой литературой, библейскими книгами, византийскими и русскими агиографическими сочинениями, историческими и иными материалами (среди источников Ж. исследователи называют *жития* Антония Великого, Феодора Эдесского, Николая Мирликийского и др.) и органически усвоив традиции южнославянской и русской агиографии, Епифаний мастерски применил в Ж. риторически

изоощренный стиль «плетения словес», с присущими ему цепочками разнообразных эпитетов, сравнений, обилием риторических фигур. сочетая при этом стилистическую изысканность с ясностью и динамичностью сюжетного развития и подчас с необычайно простым языком, близким к бытовому разговорному. Отмечая композиционную стройность и органическое единство Епифаниевской редакции (на основании списков Ж. ГБЛ, ф. 304, № 771 и № 746), Ю. Александратос устанавливает симметричность 9 парных эпизодов Ж. относительно его композиционного центра. Епифаниевская редакция Ж. кончалась смертью Сергия.

Древнейшая Епифаниевская редакция Ж. неоднократно привлекала внимание историков, историков культуры, археологов, искусствоведов и литературоведов как ценный исторический источник. Однако использование ее как источника требует от исследователей особой осторожности. В Епифаниевской редакции, столь богатой историческими реалиями, органически слиты исторические и легендарные сведения, а изложение событий (как отмечал В. О. Ключевский) велось не по летам, а по событиям (в соответствии с народной датировкой), что затрудняет установление подлинного соотношения событий и синхронности ряда фактов. Кроме того, следует учитывать, что первоначальный вид Ж. (и в его древнейшей редакции, созданной Епифанием, и в последующих ее переработках *Пахомия Серба*) не сохранился. Текст древнейшей редакции Ж. рассыпан в виде фрагментов в составе последующих компилятивных редакций и может быть лишь в какой-то степени реставрирован на основании поздних редакций XVI в., изданных Леонидом, Н. С. Тихонравовым и в ПЛДР по спискам ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, № 698 и № 663, с учетом текста, изданного в ВМЧ, а также списков ГИБ, Соф. собр., № 1493; ГИБ, F.I.278 и ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 370.

Последующие неоднократные переработки созданного Епифанием Ж. относятся ко второй половине XV в. и принадлежат другому известному мастеру панегирического стиля — Пахомию Логофету (Сербу). Пахомий начал работать над Ж. во время своего пребывания в Троице-Сергиевом монастыре (с 1440—1443 гг. по 1459 г.). По-видимому, работу над Ж. он выполнял по официальному заданию в связи с «обретением мощей» Сергия в 1422 г., канонизацией святого в 1448—1449 гг. при митрополите *Ионе* и необходимостью сделать Ж. пригодным для церковной службы. С этой целью Пахомий сокращает епифаниевский текст, убирая его лиризм и некоторые биографические детали повествования, заменяя их общими местами в цветистом панегирическом стиле, нивелируя местную, ростовскую, епифаниевскую политическую направленность. В то же время он дополняет Ж. чудесами и цитатами из св. Писания, придает ему парадность и усиливает элемент похвалы.

Вводя Ж. в церковный обиход, Пахомий создает также службу Сергию, Канон с акафистом и Похвальное слово. Пахомию Логофету приписывается также создание сокращенной (Проложной) редакции Ж., опубликованной в 1896 г. А. И. Пономаревым.

С конца XV—начала XVI вв. по материалу Ж. начинают создаваться иконы, на основании сюжетики клейм которых исследователи имеют возможность определить, по какой житийной редакции работал иконописец (так, Т. В. Николаева установила, что троицкий живописец XVI в. Евстафий Головкин пользовался Пахомиевской редакцией Ж.). Уникальным образцом лицевого Ж. является Троицкий снисок XVI в., полностью изданный литографским способом в 1853 г. Миниатюры этого списка особенно ценны отражением в них русского национального быта и колорита костюмов, обычаев и нравов.

В XVI в. текст Ж. входит в состав целого ряда летописей и крупных книжных сводов. В середине XVI в. в состав *Великих Миней Четних* митрополита Макария под 25 сентября включаются обе древнейшие редакции Ж. Сергия Радонежского, Епифаниевская и Пахомиевская, в традиционном окружении Похвального слова и Сказания об обретении его мощей. В XVI в. Ж. входит в состав *летописей*, в частности *Соборной II. Никоновской, Львовской, Летописного свода Лицевого* и Степенной книги.

В связи с созданием Миней Четних в 1627—1632 гг., к текстологической работе над Ж. обращается Герман Тулунов. Как установил В. Н. Алексеев, Тулунов обнаружил в библиотеке Троице-Сергиева монастыря рукопись XV в. с текстом Ж., утратившим 2 листа (ГБЛ, ф. 304, № 641, л. 162, 163). Эти листы он дописал, затем переписал из этой рукописи Пахомиевскую редакцию Ж. прибавив к ней из другого источника Службу Сергию и Чудеса, и редакцию Епифания с проложной памятью Сергия, а также — Службу и Житие Николая Радонежского, создав таким образом отдельную книгу, известный Тулуновский сборник (ГБЛ, ф. 304, № 699). Однако, судя по всему, Герман Тулунов не внес в текст Сергия существенных редакционных изменений.

В 40-е гг. XVII в. новую редакцию Ж. создает келарь Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин. Ж., написанное Симоном Азарьиным, представляет собой стилистическую переработку Епифаниевской и Пахомиевской редакций с добавлением новых чудес, совершавшихся в XV—XVII вв., где упомянут целый ряд имен исторических лиц (Минина, Пожарского, Шаховского и др.). Текст этой редакции со Службой Сергию, по распоряжению царя Алексея Михайловича, был опубликован с некоторыми изменениями и сокращениями (только 35 чудес) в Москве в 1646 г. В 1653 г. Симон Азарьин выпустил из печати второе, исправленное и дополненное издание своей редакции Ж. в сопровождении предисловия, в котором он кратко коснулся истории написания и назвал среди источников Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына и летописи. Ж. в редакции Симона Азарьиного, как показал В. В. Филатов, положено в основу иконы с изображением сюжетов из истории Русского государства.

На рубеже XVII—XVIII вв., работая над «Книгой житий святых», Димитрий Ростовский включает в нее свою редакцию «Жития преподобнаго отца нашего Сергия, игумена Радонежского, новаго

чудотворца». Из его примечания к 25 сентября следует, что в основу своего сокращенного текста он взял Ж. из ВМЧ. Некоторые из житийных чудес (например, о видении Сергия *Симеону Суздальскому* и тверскому послу Фоме на пути из Флоренции) помещены Дмитрием Ростовским под 26 апреля, днем памяти Сергия.

В широком смысле слова сочинение житий Сергия Радонежского продолжалось и в XIX в., когда над созданием популярных переделаний древних источников о Сергии трудились такие духовные деятели, как митрополит Филарет (Черниговский) (Житие препод. Сергия Радонежского, составленное московским митрополитом Филаретом. Изд. с другими словами и речамп, произнесенными во время управления московской епархией. М., 1835; 2-е изд. М., 1848) и иеромонах Никон (Житие и подвиги пресодобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / Сост. иеромонахом Никоном. М., 1885; 2-е изд. М., 1891; 3-е изд. М., 1898). К типу этих изданий близка и публикация П. И. Бартенева, представляющая собой, как установлено А. Н. Пыпиным в комментарии к сочинениям Екатерины II (Соч. имп. Екатерины II / Изд. акад. А. Н. Пыпиным. СПб., 1911, т. 11, с. 639), не сочиненное императрицей Ж., а всего лишь выписки о Сергии Радонежском из Никоновской летописи. В составлении подобных исторических подборок для Екатерины II, как указывает Г. Н. Моисеева, принимали участие профессора Московского университета Х. А. Чеботарев и А. А. Барсов.

Литературная история древнерусских текстов Ж., создаваемых на протяжении XV—XVII вв., чрезвычайно сложна и полностью до сих пор не исследована. По выражению Л. Мюллера, все поставленные еще Н. С. Тихонравовым текстологические проблемы до сих пор «остаются открытыми» (Особая редакция. . ., с. 71).

Основное внимание исследователей сосредоточено на судьбе древнейших редакций Ж., Епифаниевской и Пахомиевской, и их последующих переработок в XV—XVII вв. Мнения ученых относительно количества редакционных переработок колеблется от 7 (В. П. Зубов) до 12 (Л. Мюллер). Перечень 12 редакций Ж. с указанием их списков и изданий текстов приведен Л. Мюллером в работе 1973 г., в которой он обосновывает выделение в «особую» редакцию списка ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 370. О. Аппель завершает текстологическое исследование Ж. воссозданием его литературной истории по установленным им редакциям памятника.

Более полному выявлению всех редакционных (и видовых) преобразований текста Ж. может способствовать его изучение в тесной связи с литературной историей летописей («Русского временника», летописей Софийских и Никоновской), Степенной книги, Пролога и Миней Четких (ВМЧ, *Миней Четких Чудовских*, Германа Тулунова, Иоанна Милютина, Дмитрия Ростовского), в состав которых Ж. включалось.

Изд.:* Службы и Жития и о чудесах списания пресодобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его пресодобного отца и чудо-

творца Никона. М., 1646; 2-е изд. М., 1653 (перезд.: ВОИДР, 1851, кн. 10); [Димитрий Ростовский]. Книга житий святых: Сентябрь, октябрь, ноябрь. Київ, 1689 (перезд. см.: Українські письменники, с. 569—581); * Житие Сергия Радонежского. Издание митрополита Платона (Левшина). М., 1782; «Руский временник, сиречь Летоисец», содержащий российскую историю от 862 (6370) лета до 1681 (7189) лета, разделенный на 2 части. Ч. 1. От 862 (6370) лета до 1441 (6949) лета. М., 1790 (то же: М., 1820); Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год, ч. 1, с. 862 по 1425 г. / Изд. П. М. Стросв. М., 1820; Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 119—122; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всего России чудотворца. Сергиев Посад, 1853; ВМЧ, Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883, стб. 1408—1563, 1563—1578; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием в XV в. Сообщил архимандрит Леонид. Печатаются по Троицким спискам XVI в. с разночтениями из Синодального списка Макарьевских Четьих-Миней. СПб., 1885 (ПДШ, № 58); Житие преподобного Сергия Радонежского. Написано государынею императрицею Екатериною Второю. Сообщил П. И. Бартев. СПб., 1887 (ПДШ, № 69); Книга о новоявленных чудесах пр. Сергия. Творение Симона Азарийна. Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888 (ПДШ, т. 70); Тихонов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892, с. 157—171 (отд. 2), с. 199—206 (отд. 2) 2-е изд. М., 1916 (перезд.: Die Legenden des heiligen Sergij von Radonez. Nachdruck der Ausgabe von Tichonravov. Mit einer Einleitung und einer Inhaltsübersicht von Ludolf Müller. München, 1967); Пономарев А. П. Памятники др.-рус. церк.-учительн. лит. Вып. 2. Славяно-русский Пролог. Ч. 1. Сентябрь—декабрь. СПб., 1896, с. 12—20, 175—176; Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897, т. 11, с. 30—34, 127—147; Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908, т. 21, ч. 1; СПб., 1913, ч. 2, с. 350—363; Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910, т. 20, ч. 1; СПб., 1914, ч. 2; Житие Сергия Радонежского // Подг. текста и ком. Д. М. Булашина / Пер. на соврем. рус. яз. М. Ф. Антоновой и Д. М. Булашина // ПИДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 256—429, 570—579.

Лит.: Матвеевский П. Рец. на кн.: Лаврентьев. Описание жизни и чудес преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского. // Странник, 1863, № 1, с. 20—22; Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития, с. 98—112, 351; 2) Значение препод. Сергия для русского народа и государства // БВ, 1892, № 11, с. 199—215 (перезд.: Очерки и речи. Второй сб. статей В. О. Ключевского. М., б/г; Троицкий цветок. 1892, № 9); Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 39—87, 334—371; Барсуков Н. П. Источники агиографии, стб. 511—521; Филарет. Обзор, с. 206—222; Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, с. 352—359; т. 7, с. 160, 439; Голубинский Е. Е. 1) Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892, с. 45—46, 80, 94; (рец.: Пономарев А. — Странник, 1893, № 1, с. 140—146); 2) Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. 1. Жизнеописание преподобного Сергия // ЧОИДР, 1909, кн. 2, отд. III, стб. 3—11); 3) Речь о значении прен. Сергия в истории нашего монашества // БВ, 1892, № 11; 4) Ответ критику журнала «Странник» (А. Пономареву) // Там же, 1893, № 10 и 11; 1. Преподобный Сергий Радонежский // Христ. чт., 1892, № 9—10, с. 217—257; Пономарев А.: 1) Жизнь и подвижнические труды препод. Сергия, игумена Радонежского по древнему славяно-русскому Прологу и Четьим Минеям митрополита Макария // Странник, 1892, № 9, с. 3—19; 2) Ответ на статьи Е. Голубинского в Богословском вестнике, 1893, № 10—11 // Там же, 1893, № 2, с. 805—812; Зеленин И. Епифаний Премудрый как автор житий // Тр. Киев. дух. акад., 1897, № 3, с. 230—232 (Приложение); Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 5. Русские жития XV—XVI вв. и современные им направления русской религиозной мысли // РФВ, 1901, № 3—4, с. 15—32; Р.—с к и й С. Сергий, преподобный Радонежский // РБС, СПб., 1904, т. 18, с. 352—360; Епифаний Премудрый //

ДБЭ. Пгр., 1905, т. 5, стб. 483—484; Я б л о н с к и й В. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, с. 37—66; Б у с л а е в Ф. И. Для истории русской живописи XVI в. Пг., 1910, с. 305—307 (Соч., т. 2); П л а т о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913, с. 378—382 (перезд.: Соч., т. 2); П е р е т ц В. И. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая—11 июня 1915 г.: (Отчет о занятиях В. Красновгородского). Киев, 1916, с. 84—89; Б у г о с л а в с к и й С. Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии // СОРЯС. М., 1928, т. 101, № 3, с. 335 (Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Статьи по славяноведению и русской словесности); А л п а т о в М. В. Историко-художественное значение русской миниатюры XVI в. // Древнерусская миниатюра. М., 1933, с. 15—26, 109 и 100 лл. ил.; А р ц и х о в с к и й А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 176—198; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. И. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5, с. 82—84, 91; З у б о в В. И. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // Там же. М.; Л., 1953, т. 9, с. 145—158; Л а з а р е в В. Н. [Житие Сергия] // История русского искусства. М., 1955, т. 3, с. 149—150; Л и х а ч е в Д. С. 1) Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 105—115; 2) Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958, с. 32—40 (то же: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960); 3) Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. (Кон. XIV—нач. XV в.). М.; Л., 1962; 4) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 158—184; 2-е изд. М., 1971, с. 128—136, 182—184; 3-е изд. М., 1979); Б е л о б р о в а О. А. 1) Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщ. Загор. ист.-худож. музея-заповедника, 1958, вып. 2, с. 12—18; 2) О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 91—100; Б у р е й ч е н к о И. И. 1) К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря // Сообщ. Загор. ист.-худож. музея-заповедника, 1958, вып. 2, с. 3—11; 2) К истории основания Троице-Сергиева монастыря // Там же, 1960, вып. 3, с. 5—40; В о р о н я н Н. И. Лицевое житие Сергия как источник для оценки строительной деятельности Ермолиных // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 573—575; К о н о в а л о в а О. Ф.: 1) К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. // Там же. М.; Л., 1958, т. 14, с. 205—211; 2) «Шлепение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (К вопросу о соотношении) // Там же. М.; Л., 1966, т. 22, с. 101—111; С к в о р ц о в - С т е п а н о в Н. И. Из ист. рус. правосл. церкви // Ежегодник Муз. ист. религии и этнизма. Т. 4. Критика идеологии правосл. церкви. М.; Л., 1960, с. 263—285; Т и х о м и р о в М. Н. Андрей Рублев и его эпоха // ВИ, 1961, № 1, с. 3—17 (то же в кн.: Т и х о м и р о в М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968); Б у д о в и ц Монастыри на Руси, с. 77—111; Н и к о л а е в а Т. В. Троицкий живописец XVI в. Евстафий Головкин // Культура Древней Руси. М., 1966, с. 177—183; Ф л а т о в В. В. 1) Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1966, т. 22, с. 277—293; 2) Три века в одной иконе, или о чем рассказала исследователю удивительная находка в Ярославском историко-художественном музее / Икона, написанная на основе «Жития Сергия Радонежского», составленного Симоном Азарьиним // Наука и религия, 1969, № 3, с. 62—66; Х о р о ш к о в и ч А. Л. Изображения иностранных купцов в миниатюрах «Жития Сергия Радонежского» конца XVI в. // Культура Древней Руси. М., 1966, с. 281—286; Б р ю с о в а В. Г. Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // ВИ, 1969, № 1, с. 35—48; П а с о н о в А. И. История русского летописания XI—нач. XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969, с. 362—372; А р р е l O. Die Vita des h. Sergij von Radonez. Untersuchungen zur Textgeschichte. München, 1972; М ю л л е р Л. Особая редакция Жития Сергия Радонежского // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1973, вып. 34, с. 71—100; М о и с е е в а Г. И. Древнерусская литература в художествен-

ном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980, с. 91; Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулузов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981, с. 130; Кочетков И. А. Иконописец как иллюстратор жития // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 26, с. 335—337; Alissandratos J. 1) Medieval Slavic and Patristic Eulogies. Firenze, 1982. (Studia Historica et Philologica, t. 14. Sectio Slavica, 6); 2) Симметрическое расположение эпизодов одной редакции «Жития Сергия Радонежского» // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Vol. 2. Literature, Poetics, History. Kiev, September 1983 / Ed. by P. Debreczeny. Columbus, Ohio, 1983, p. 7—17; Морозов В. В. Миниатюры Жития Сергия Радонежского из Летописного свода XVI в. // Матер. и сообщ. по фондам Отд. рук. и редкой книги БАН СССР за 1985 г. Л., 1987; Прохоров Г. М. Памятники переводной русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987, с. 97, 101, 117—118.

Н. Ф. Дробленкова

Житие Стефана Комельского — памятник агиографии, предположительно датируемый концом XVI в. Автор Ж. не знал лично Стефана Комельского, умершего 12 июня 1542 г., а лишь «малую речь» слышал о нем. Из Ж. известно также, что писалось оно много времени спустя после смерти святого («Бе бо многа времена проиде»). Однако, судя по тому, что единственное (посмертное) «чудо» Ж. пересказано со слов человека, лично знавшего Стефана, можно предположить, что Ж. было написано не позднее конца XVI в. Списки жития датируются XVII—XIX вв. Ж. крайне бедно фактическими данными. Своё незнание автор часто восполняет догадками и предположениями в духе общих мест житий. Так, признавшись, что ничего не знает об отце святого, кроме того, что он служил у княгини Софьи Братых, автор Ж. пишет: «Мню же, яко благочестив сы бысть и муж той, от него же произыде си отрок, святой Стефан». Подобно этому, сообщив, что ему не известно, когда пришел святой «в пустыню» и сколько лет там пробыл, автор предполагает: «Мню, яко много лет потрудися и многа знамения во имя Христова и чюдеса сотвори». Главный «подвиг» Стефана согласно Ж. — основание им Николаевского монастыря на берегу Комельского озера, на устье реки Комелы. Сведений о чудесах, совершенных Стефаном Комельским (за исключением одного) у автора Ж. не было. Однако, как и в других случаях, автор восполняет незнание домыслом. Он предполагает, что святой Стефан сотворил много чудес, свидетельства о которых не сохранились из-за многих «нестроения и мятеж» и нашествия «безбожных» на град Вологду, причинивших многим монастырям «велие разорение». В Ж. описывается лишь одно посмертное чудо Стефана — спасение от потопления во время бури на озере вологодского купца Гавриила, делавшего при жизни Стефана вклады в его монастырь.

Ж. было, видимо, мало распространено. Оно осталось неизвестным В. О. Ключевскому. Х. Лопарев, опубликовавший Ж. в 1892 г., знал о четырех его списках, но смог воспользоваться только двумя. Список из собрания Н. С. Тихонравова «нового письма» был положен им в основу издания, а по списку XVII в. из собрания ОЛДП (ГПБ, Q.CXCVIII) подведены варианты. Ру-

копью XVII в. из собрания Яковлева издателю не разрешено было воспользоваться, а список неизвестного времени из собрания Царского, по которому архиепископ Филарет пересказал содержание жития в книге «Русские святые» (Чернигов, 1863, июнь), остался неизвестным Хр. Лопареву по той причине, что не вошел в описание П. Строева. Местонахождение этого списка неизвестно и сейчас: несколько рукописей Царского не поступило в собрание Уварова — видимо, среди них оказалась и та, что содержала Ж. И. У. Будовниц указывает еще один список — ГИБ, Q.I.1200.

Изд.: Лопарев Х. Житие преподобного Стефана Комельского. СПб., 1892 (ИДН, т. 185).

Лит.: Авросий [Орнатский]. История российской царархии. М., 1813, т. 5, с. 362—365; Словарь исторический о святых, преставленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836, с. 258—259; В е р ю ж с к и й П. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Белогородской епархии. Вологда, 1889, с. 448—456; Ф и л а р е т. Русские святые (под 12 июня), 3-е изд. СПб., 1882, с. 234—237; Б а р с у к о в. Источники агнографии, стб. 542; Д е о в и д. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891, № 305; К а д л у б о в с к и й А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 296; Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси, с. 308—310.

Л. В. Соколова

Житие Стефана Махрицкого см. *Иоасаф, игумен Данилова монастыря.*

Житие Стефана Пермского см. *Епифаний Премудрый.*

Житие Трифона Печенгского (Кольского) — сочинение неизвестного автора, составленное в конце XVI—начале XVII в. по более ранним известиям об основателе Печенгского Троицкого монастыря (основан около 1533 г.). Память Трифона Печенгского отмечалась 15 декабря, в день его смерти (1583 г.). Поскольку в Ж. упоминается шведское разорение монастыря 1589—1590 гг., во время которого погибло будто бы раннее жизнеописание Трифона, его составление следует считать вероятным после этой даты. Сведения о возобновлении монастыря в 1619 г. указывают если не на время написания, то на дополнение текста, сделанное в XVII в. Ж. носит название «Житие преподобного отца нашего Трифона Печенгского чудотворца, лопарский народ просветившего святым крещением»; нач.: «Моисей великий во пророцех и законодатец. . .».

Содержание Ж. связано с колонизацией отдаленных северных земель. В Ж. говорится, что Трифон был уроженец новгородской земли, «близ града Торьяка». Ему приписываются обычные для христианина добродетели («. . . от юности своея изряден постник, милостив»; «. . . возлюбил . . . пустыню»). Тяга на север приводит Трифона «на приморие великаго моря окняна, в часть Норванския земли, в Кольской присуд, на реку Печеньгу, в народ ло-

парьский». Здесь Трифон, бывший мирянином, «начат. . . творити беседы о куплях», т. е. вел какую-то торговлю; в то же время он знакомился с особенностями жизни местного населения, пребывавшего «в нечестии и в самом поганьском идолбесии, яко звери дивии» (лопарь почитали бесов, гадов). Рассказчик отмечает разобщенность населения, живущего «. . . по гористым и блатным и непроходным местом разсеяны, едип от другаго верст по ступи и больши», а также обширные размеры края: «А всей той земли в длину стадий 500, а попереку мало меньше». Подробно описывается в Ж., как Трифон насаждал христианскую веру среди лопарей. Для приобщения к ней Трифон применял «наглядность»: он показывал северянам священные реликвии («просвещающий» камень Иисуса Христа и его кровь). Обычно такие реликвии встречали на своем пути паломники, совершавшие далекие хождения в Палестину. Автор Ж. кратко пересказывает как бы вслед за проповедями Трифона сюжеты ветхозаветных и новозаветных преданий («. . . о истинном в троице славимом бозе, и о потоце, и о разсеянии языков, и о Аврааме. . . пришествии сына божия, и о его воплощении, и о страстях, и о воскресении» и т. д.). Возникает спор Трифона с жрецами (их называют «кебуны»). От спора жрецы переходят к рукоприкладству: «Трифона за власы торгоху и о землю метаху, и бияху, и цаху. . .». Но через несколько лет лопарь склоняются к христианству. Трифон добывает у новгородского архиепископа благословенную грамоту, приводит зодчих и сам участвует в строительстве церкви во имя Троицы. Из волостки Колы Трифон приводит священника Илью, который освящает храм и окрестит лопарей; Трифон постригается в монахи. С этих пор (около 1533 г.) возникает Печенгский монастырь.

После этого связного рассказа в Ж. следуют отдельные главы: «О хождении преподобного ради милостыни во царствующий град Москву», «О звери, сотворшем преподобному пакость», «О ношении жерновных камней из Колы во обитель. . .», «О хождении преподобного в великий Новъград милостыни ради», о преставлении Трифона, «О спасении великаго царя Феодора Иоанновича от злаго замышления свитских немец, в Ливонии». Завершается Ж. рассказом о разорении шведами Печенгского монастыря. В Ж. упоминается о присоединении Новгорода к Московскому государству («. . . по пленении великого Нова града. . .»). В первой части действие разворачивается только в пределах Новгородской земли. И в последующих главах Трифон Печенгский то приобретает в Коле жернова для монастырского хозяйства, то защищает хлебопекарню от диких зверей, то целых восемь лет собирает милостыню, скитаясь по Новгородчине, — для укрепления монастырской казны. В то же время Ж. упоминает пришельцев «. . . от тамо блиских стран — от люторския и калвинския ереси. . .» (т. е. с иноземных торговых кораблей), в числе его действующих лиц — царь *Иван Грозный* и сначала царевич, а затем и царь Федор Иванович. С царскими персонами связаны рассказы о чудесах в Ж. Таково чудесное явление царю Ивану Васильевичу в Московском

Кремле двух «святолепных иноков» (из Соловков и с Печенги) — ходатаев за Печенгский монастырь; благодаря их вмешательству царь дарит колокола и богатую церковную утварь, а царевич — свою одежду. Таков же чудесный сон царя Федора Ивановича во время его ливонского похода 1590 г. Силу предсказания Трифона Печенгского читатель видит и в сбывшемся по его пророчеству разорении монастыря от шведов. Рисуетя картина пожара, резни «иноков и мирских», мучений игумена и дьякона. В конце Ж. сообщается о переносе монастыря при царе Михаиле Федоровиче за реку Колту.

Ж. насыщено реальными деталями — географическими, экономическими, историческими. Оно написано книжником, начитанным в ветхозаветных и новозаветных текстах. Он приводит, например, перечень библейских плачей и рыданий (в последней главке): здесь и царь Соломон, и друзья Нова, и Перемия, и оплакивание Лазаря, сына вдовицы, «сладкого Иисуса»; другой перечень — о чудесном приручении диких зверей и др. Необычно в Ж. отсутствие нумерованных чудес. В рассказе встречаются диалоги, прямая речь. Для мер длины употребляются слова верста, стадия, поприща; в тексте немало церковнославянских форм (мраз, глад, кокошь), слов — composita (законодавец, иероник и др.). Рассказ о Трифоне Печенгском, не выделяясь особыми литературными качествами, занимает достойное место в ряду севернорусских житий. Примечательно наличие в Ж. словесного портрета Трифона: «Возрастом святой немал, нагиб, плотно кренок, мало плешив, брадою сед. . .»; указаны годы его рождения и смерти. Рукописная традиция Ж. невелика; известен один список XVII в. — ГИБ, Солов собр., № 188 (он опубликован), несколько списков XVIII в. (указанные П. П. Барсуковым — ГИМ, собр. Барсова, № 116 и Выголексинская б-ка, № 53, а также — ИРЛИ, Древлехр., кол. Перетца, № 223). В Карел. собр. ИРЛИ (№ 136) находится список нач. XX в.

Изд.: Житие препод. Трифона Печенгского, просветителя лопарей // ПС, 1859 г., ч. 2, май, с. 89—120.

Лит.: Шестаков П. Д. Просветители лопарей архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // ЖМП, 1868, ч. 138, июль, с. 242—296; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 337—340; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник / Сост. по рук. Солов. б-ки. Казань, 1881, с. 127—135; Барсуков И. Источники агнографии, стб. 561—562; Корольков Н. Ф. Сказание о препод. Трифоне, печенгском чудотворце, просветителе лопарей и об основанной им обители. СПб., 1899; Будовниц. Монастыри на Руси, с. 264—270.

О. А. Белоброва

Житие Ферапонта Белозерского — памятник агнографии середины XVI в. Ж. составляет одно сложное целое с *Житием Мартина Белозерского* (в ранних списках оно предшествует ему), написанное одним автором — ферапонтовским иноком. В конце

Жития Мартиниана находится общая похвала Ферапону и Мартиниану. Герой Ж. — в миру боярин Федор Поскочин, при пострижении получивший имя Ферапонт, родился в Волоколамске около 1337 г. (в Ж. сказано, что он был сверстником *Кирилла Белозерского*). Архимандрит Дионисий приводит свидетельства составленной в 1848 г. Вкладной книги Лужецкого Можайского монастыря о том, что мать Ферапонта происходила из рода Клементьевых (еще в начале XVIII в. семья Поскочиных давала вклады в этот монастырь). Из Ж. известно, что Ферапонт был пострижен в монахи в Симоновом монастыре (примерно в 80-е гг. XIV в.), занимался торговыми делами, бывал в различных местах, в том числе в Белозерье. Вместе с Кириллом Белозерским Ферапонт решил уйти в Заволжье, пришел на Сверхское озеро (1397 г.), но вскоре расстался с Кириллом и основал неподалеку собственный «Ферапонтов» монастырь (1398 г.), несколько лет спустя, по просьбе князя Андрея Дмитриевича Можайско-Верейского, в вотчину которого входило Белозерье, основал Лужецкий Можайский монастырь (1408 г.). Там он и умер в 1426 г. в чине архимандрита. Погребен у южной стены внутри церкви Иоанна Лествичника (с 1720 г. эта церковь называлась Ферапонтовской). На его раке дата смерти указана как 1428 г.

Ж. существует в двух редакциях. Первая написана перед его канонизацией в 1547 (или 1549) г. и состоит из нескольких рассказов, некоторые из которых (как и в Житии Мартиниана) имеют заголовки (например: «О отшествии святого». «О видении пречистыи» и т. п.), а заканчиваются словами «И о сих тако». При создании Ж. автор использовал Житие Кирилла Белозерского, а также жалованные грамоты Ферапонтову монастырю. По мнению А. Кадлубовского, в Ж. отразилась идея иноческой нестяжательности. Ж. не получило широкого распространения. Самый древний известный список — ГПБ, Соф. собр., № 467, 60-е гг. XVI в., л. 14—48. В одном из списков (ГБЛ, Волок. собр., № 564, 90-е гг. XVI в., л. 202—203) Ж. предшествует текст «Сказания о начале обители сия и о преподобнем Ферапонте», в котором рассказывается об основании Кирилловского, Ферапонтовского и Лужецкого Можайского монастырей. По сути же он представляет собой родословную князей Можайско-Верейских. В середине XVII в. Ж. было включено в состав миней четьих Иоанна Милутина (ГИМ, Синод. собр., № 805, 27 мая). Вторая редакция Ж. — проложная, сокращенная, впервые встречается в печатном *Прологе* 1662 г. Для ее создания, возможно, использовались миней четьи Милутина. В составленной в XVI в. Службе Мартиниану Белозерскому (ГПБ, Соф. собр., № 467, л. 9 об.—10) содержится общая похвала Мартиниану и Ферапону. В XVIII в. была составлена особая Служба Ферапону. В XIX в., по свидетельству книги «Лужецкий Можайский второго класса монастырь», архимандритом этого монастыря Дионисием была исправлена Служба и составлен акафист Ферапону, а также записаны чудеса, происходившие у его гроба. Ж. не издано.

Лит.: Амвросий [Орпатский]. История Российской церкви. М., 1815, т. 6, ч. 2, с. 849—851; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836, с. 253—354; Ключевский. Древнерусские жития, с. 272—273; [Дюпюи, архим.] Житие препод. отца нашего Ферапонта, Можайского и Лужецкого чудотворца. М., 1879; Барсуков. Источники агнографии, стб. 614—615; Лужецкий Можайский второго класса монастырь. М., 1888; Бриллиантов П. Ферапонтов-Белозерский монастырь — место заключения патриарха Никона. СПб., 1899; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава. 1902, с. 264—267.

Е. Э. Терентьева

Житие Филиппа Иранского — памятник агнографии, рассказывающий о Филиппе (ум. в 1537 г.), основателе пустыни между реками Большим и Малым Ираном (в дельте реки Андоги в 50 км от Череповца). Позже на этом месте был основан Филиппов красноторский монастырь. Ж. дошло до нас в двух редакциях, списки очень редки. Первоначальное Ж. было составлено монахом Спасо-Каменного монастыря Германом в середине XVI в. Дошедший до нас текст 1-й редакции Ж. представляет собой уже переработку первоначального текста произведения: «Месяца ноемвриа в 14 день. Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Филиппа, еже есть во области Белаезера, иже есть в веси Андожеской, въскрай реки Андоги, в Красном бору, Иранского чудотворца. Списано бысть благоискусным монахом Германом монастыря святаго всемилостиваго Спаса, еже есть на Кубенском озере. Благослови отче». Текст этой редакции был издан В. О. Ключевским по единственному списку, ему принадлежавшему. Вторая редакция Ж. составлена на основе первой не ранее 1673 г. — этим годом датировано последнее чудо в этой редакции памятника (Ключевский указывает два списка этой редакции — собр. Тр.-Серг. лавры, № 24 и собр. Ундольского, № 1234).

Герман написал Ж., пользуясь собственным рассказом его о своей жизни (Герман пришел к Филиппу в пустынь незадолго до его смерти). В целом Ж. представляет типичный рассказ об основателе монастыря в севернорусских землях. Оригинальной особенностью Ж. является обилие в нем назидательных размышлений и поучений Филиппа, разбросанных по всему тексту памятника (во второй редакции эти поучения были объединены в одно, сокращены и помещены в конце Ж.). Интересен рассказ Ж. о детских годах Филиппа (Филипп, крестьянский сын, рано ослеп и нищенствовал в детстве, мальчиком он попал в Корнилийев монастырь и уже в 15 лет был пострижен в монахи), представляет исторический и сюжетный интерес эпизод Ж., повествующий об отношениях Филиппа с князьями Шелешпанскими, на землях которых он основывает свою пустынь.

В Беломорье бытовала легенда, согласно которой Филипп Иранский подвизался на р. Выге. Текст этой легенды (скорее духовного стиха) опубликован В. О. Ключевским в его монографии

«Древнерусские жития» по рук. конца XVII в., собр. Тр.-Серг. лавры, № 654.

Изд.: Житие предод. Филиппа Ирапского // Изд. ОЛДП, СПб., 1879, вып. 96 (публ. В. О. Ключевского со вступ. статьей).

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870, ч. 1, с. 48—50; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 274—275, 433; Б уд о в и ц. Монастыри на Руси, с. 304—307.

Л. А. Дмитриев:

Житие Филиппа митрополита (Кольчова) — памятник агнографии кон. XVI—нач. XVII в., посвященный соловецкому игумену, ставшему митрополитом, яркой и сильной личности с трагической судьбой. Изложение биографии митрополита *Филиппа* в житийном повествовании облечено в форму, соответствующую агнографическому канону. Менее всего конкретного материала содержится в описании детского и юношеского периода жизни героя. Сопоставление основного содержания *Ж.*, посвященного деятельности Филиппа на Соловках, обстоятельств избрания в митрополиты и гибели его в условиях опричнины, с другими дошедшими письменными источниками свидетельствует об умении агнографа передать главные черты биографии героя в заданном ему жанре.

Ж. дошло в большом количестве списков и представлено несколькими редакциями. Ключевский говорит о двух редакциях: первой, сохранившейся в большом количестве списков, и второй, известной по списку XVII в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 380). Современная исследовательница *Ж.* Г. Г. Латышева определяет эти две редакции как «основные», к которым восходят все остальные. Текстологические наблюдения над основными редакциями (к сожалению, оставшиеся неопубликованными) привели ее к выводу, противоположному выводу Ключевского. По ее мнению, первой надо считать редакцию, известную по списку собр. Ундольского, условно названной ею Кольчевской (список собр. Ундольского в свое время принадлежал Михаилу Дмитриевичу Кольчеву; редакция, дошедшая в большом числе списков (около 150), является второй, условное название ее — Тулуповская (по списку в сборнике Германа Тулупова 1633 г.). В серьезно аргументированном исследовании Г. Г. Латышевой, посвященном датировке *Ж.*, приводятся веские доводы, опровергающие мнения, высказанные в предшествующих работах, и дается достаточно ясное представление об истории создания этого произведения.

Различия между Кольчевской и Тулуповской редакциями свидетельствуют о целенаправленной и значительной переработке содержания *Ж.* при создании второй (Тулуповской) редакции. В Кольчевской редакции обстоятельно описана строительная и иная деятельность Филиппа, как игумена монастыря, в Тулуповской редакции этому уделено значительно меньше внимания; в то же время о конфликте между митрополитом Филиппом и *Иваном Грозным* в Кольчевской рассказано сравнительно кратко, а в Тулуповской

эти события даны в виде пространного повествования, особенно пространными оказались речи митрополита за счет включения в них отдельных глав из «Поучения благого царства» византийского писателя VI века Агапита (см. *Поучение Агапита*).

Время создания Колычевской редакции определяется как анализом самого содержания Ж., так и из сопоставления его с текстами произведений, посвященных в основном описанию строительных работ на Соловках («Сказание о Филиппове строении», «Сказание о Соловецком монастыре», «Написание о Соловецкой обители») и «Повестью о Филиппе Колычеве». Это условное название дано Г. Г. Латышевой тексту, состоящему из статей «О взятии к Москве игумена Филиппа», «Об изгнании блаженного Филиппа в Тверь», «О преставлении святого», «О препесении мощей блаженного Филиппа из Твери на Соловецкий остров». В конце приведено описание нескольких чудес. Из названия этих статей следует, что Повесть не содержит описания жизни Филиппа до избрания его митрополитом. Этот текст известен по двум рукописям: ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, № 1837 и ГПБ, О.ХVII.15. Перед «Повестью» в обоих списках помещена статья, рассказывающая о строительной деятельности Филиппа на Соловках (названа условно исследователем «О строениях»). По мнению Г. Г. Латышевой, данное произведение по своему жанру и композиции не может считаться житием, поэтому она называет его «Повестью». Почти без изменений статьи «Повести» включены в Колычевскую редакцию Ж.

Сопоставление Колычевской редакции Ж. и «Повести» показало некоторую отрывочность изложения в последней, зависимость ее от текста Колычевской редакции, т. е. вторичность ее. Колычевская редакция может датироваться временем между годом перенесения мощей Филиппа из Тверского Отроча в Соловецкий монастырь и годом смерти царя Федора Иоанновича (о нем в Житии говорится как о живом), т. е. между 1591—1598 гг. Исходя из некоторых авторских замечаний, следует считать, что Житие Филиппа было написано или лицом, проживавшим на Соловках постоянно, или на какое-то время приезжавшим туда. Как сообщается в предисловии к Житию, источниками для написания его служили устные рассказы очевидцев. Первая редакция Ж. написана в Соловецком монастыре, где Филиппа хорошо помнили как настоятеля и рачительного хозяина, а о деятельности его как митрополита знали только понаслышке. Это и отразилось на содержании первой редакции. И тем не менее в Житии передаются достаточно достоверные фактические сведения об избрании Филиппа на митрополию и о последующих трагических событиях в его судьбе.

Вторая (Тулуповская) редакция представляет собой уже дальнейшее осмысление значения деятельности Филиппа как митрополита, что должно было в еще большей степени обосновывать причисление его к лику святых. Поэтому, видимо, и было произведено сокращение в описании пребывания Филиппа на Соловках, а акцентировано внимание на конфликтной ситуации пребывания

его в митрополичьем сане. Следует отметить наблюдение Ключевского, который пишет, что предисловие и начало Тулуповской (и терминологию Ключевского «первой») редакции составлено не Житию Герасима Болдинского, автором которого был *Антоний Яхонтов*, считая составителя Ж. искусственным в использовании приемов агиографического жанра, приводит примеры близкого чтения между *Житием Зосимы и Савватия Соловецких* в редакции с предисловием *Максима Грека* и Ж. Тулуповской редакции. Время создания Тулуповской редакции Г. Г. Латышева определяется наличием списков этой редакции, относящихся к 20-м г. XVII в., а также характером обработки ее содержания в духе приоритета духовной власти, такого рода тенденциозность произведения могла возникнуть после 1618 г. в правление царя Михаила Федоровича при патриархе Филарете.

Колычевская и Тулуповская редакции в своем полном виде не издавались. Краткая редакция Ж. издана И. Яхонтовым, а продолженная — А. И. Пономаревым. О других агиографических памятниках, посвященных митрополиту Филиппу см. в статьях Сергей Шелонин, Герасим Фирсов.

Изд.: Жития святых российской церкви: Месяц январь. СПб., 1857, с. 50—150 (пересказ); Начертание Жития, подвигов и изречений святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца. М., 1860 (пересказ с извлечениями некоторых отрывков) (реп.: К о л о в ч е в М. — Страницы, 1861, февраль, с. 25—28); Я х о н т о в Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 135—154, 376—377; П о н о м а р е в А. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 4. Славяно-русский Пролог, СПб., 1898, ч. 2, с. 9—13.

Лит.: Л е о н и д. Жизнь св. Филиппа, митр. Московского и всея России // Думецкое чтение. М., 1861, ч. 2, с. 21—83, 128—134; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 311—312; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 566—575; З я м е н с к и й П. В. Произведения соловецкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // ИО, 1883, № 4 (апрель), с. 768—785; П р и к л о н с к и й А. Житие митрополита Филиппа XII в. <так!> // Соловецкие острова, 1926 (Матер. Солов. отд. Археол. о-ва краеведения. Соловки, 1926, вып. 1), № 2—3, с. 127—128; З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 221—223; Л а т ы ш е в Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопр. историко- и источниковед. отчет. ист.: Сб. трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1974, с. 30—62.

Р. П. Дмитриева

Житие Флора и Лавра — переводное житие, распространенное в древнерусской письменности по крайней мере с XV в. (нач.: «Добре учит ны апостол Павел глаголя: Беспрестани молитву деяти. . .»). В рукописях оно имеет заглавие: «Мучение святою страсотрыцю Флора и Лавра» или «Мучение святых мученик Флора и Лавра».

В Ж. рассказывается о братьях-близнецах Флоре и Лавре, учениках каменотесов Прокла и Максима — христиан, замученных язычниками. По повелению царя Ликиния Флор и Лавр дол-

жны достроить храм Геракла. Они вместо этого воздвигают церковь, причем с божественною помощью делают это исключительно быстро: камни ложатся сами собой, так что двести помощников едва успевают их подвозить. Ликиний, узнав, что вместо храма воздвигнута церковь, а Флор и Лавр вместе с обращенными ими в христианство строителями низвергли идолы богов, приказывает предать их казни. Но происходит чудо: печь, в которой должны быть сожжены мученики, заливают внезапно начавшийся ливень. Ликиний поручает казнить Флора и Лавра князю Лукасу. Тот приказывает вырыть глубокий колодец, куда сбрасывают братьев и их сподвижников. Ангелы тут же уносят их души, так что тела падают в колодец легко, «якоже солома». Много лет спустя при императоре-христианине Феодосии Великом епископ Фока находит непосредственного свершителя казни — Зотика (племянника Лукаса) и просит указать ему место погребения святых. Зотик слеп, но по божественному произволению он прозревает, указывает место засыпанного колодца. Когда колодец начинают откапывать, земля сама колеблется и «поднимается горé», благоухание из глубины земли распространяется по всей стране. Кости святых узнают без труда, ибо они блестят, как серебро. На месте гибели святых Фока воздвигает церковь, Зотик крестится и раздает свое богатство нищим.

Ж., по наблюдениям Т. В. Черторицкой (О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 24), с. XVI в. начинает включаться в состав минейного *Торжественника* (см., напр., списки: ГПБ, собр. Погодина, № 949, ГБЛ, собр. Румянцова, № 436, ГИМ, собр. Уварова, № 330/85, ГПБ, Ф. 1. 870 и Ф. 1. 891; ГПБ, собр. ОЛДП, 186). Ж. входит в состав *Великих Миней Четких* под 18 августа; память Флора и Лавра входит под тем же числом в состав *Пролога*.

О. В. Творогов

3

Задонщина — памятник из цикла произведений, посвященных битве на Куликовом поле в 1380 г., в который входят также *Сказание о Мамасовом побоище* и *Повесть о Куликовской битве летописные*. Автор З. не ставил перед собой задачи описать все события Куликовской битвы. З. — это лирический отклик на Куликовскую битву. З. дошла до нас в 6 списках: Ундольского — У (ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, сборник сер. XVII в., л. 169 об. —

193 об.); Ждаповском — Ж (БАН, № 1, ч. 1, сборник 2-й пол. XVII в., л. 30 об.—31. Отрывок начальной части З.); Историческом первом — И-1 (ГИМ, Музейское собр., № 2060, сборник кон. XVI—нач. XVII в., л. 213—224 об. Текст без начала); Историческом втором — И-2 (ГИМ, Музейское собр., № 3045, сборник кон. XV—нач. XVI в., л. 70—73 об. Отрывок); Кирилло-Белозерском — К-Б (ГИБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/1086, сборник книгописца *Ефросина*, кон. XV в., л. 123—129 об.); Синодальном — С (ГИМ, Синод. собр., № 790, сборник XVII в., л. 36 об.—42 об.). Список К-Б занимает особое место среди списков З., здесь — самая ранняя запись З. и только в этом списке памятник назван «Задонщиной»: «Писание Софонна старца рязанца, благослови отче: Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича» (заглавие в других списках, где оно сохранилось, такое: У — «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю»; И-1 — «В лето 6887. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Влдимеру Андреевичю, виегда победиша пособьем божиим поганого Мамаа съ всеми его силами»; С — «Сказание Сафона резанца, исписана русским князем похвала, великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Андреевичю»). Текст списка К-Б представляет собой переработку первой половины первоначального текста произведения, сделанную Ефросином. Обращение Ефросина к теме Куликовской битвы было не случайным: сборник составлялся им в 70-е—80-е гг. XV в., т. е. как раз во время 100-летнего юбилея битвы за Доном. Ефросин, переписывая З., как бы поминал погибших на Куликовом поле. Поэтому он ограничился лишь первой половиной памятника, завершавшейся перечислением убитых воевод и плачем русских жен по убитым.

Все шесть списков З. представляют текст одной редакции, но в двух izvodaх: 1) извод Син.: списки К-Б и С; 2) извод Унд.: все остальные списки. Список К-Б — сокращенная переработка izvoda Син.; список С — поздний, сильно искаженный и в окончании сильно переработанный список izvoda Син. В izvode Унд. самый полный список izvoda — У, но это список середины XVII в., в нем встречается много поздних чтений, имеются некоторые поновления и добавления в тексте. Самый ранний список izvoda Унд. — И-1, в ряде случаев здесь встречаются более ранние чтения, чем в списке У, однако в И-1 нет начала памятника. Списки И-2 и Ж — небольшие отрывки текста. Искажения и переделки первоначального текста имелись уже в том протографе, к которому восходят все дошедшие списки, к этому прибавлялись ошибки и переосмысления в каждом отдельном списке. Такой характер списков З. заставляет — с целью составить представление о первоначальном тексте З. — прибегать к реконструкции текста произведения.

Ни в самом тексте З., ни в каких-либо других источниках указанных на время создания ее нет. По совокупности ряда косвенных

признаков многие исследователи датируют З. 80-ми гг. XIV в. Во-первых, это упоминание в числе городов, до которых донеслась слава победы Дмитрия Донского над Мамаем, столицы Болгарского царства Тырново, захваченной и разгромленной турками в 1392 г. Об этом свидетельствует и упоминание города Орпача, разгромленного во время борьбы Тамерлана с Тохтамышом и переставшего существовать после 1392 г. Основным аргументом сторонников датировки З. 80-ми гг. XIV в. является сам характер произведения. В. Ф. Ржица писал: «Попытки приурочить памятник ко времени, более близкому к 1380 г., представляются вполне целесообразными. Они отвечают тому явно эмоциональному характеру, какой имеет Слово Софония (З. — Л. Д.) с начала до конца. В связи с этим есть основания считать, что Слово Софония появилось сразу же после Куликовской битвы, может быть, в том же 1380 г. или в следующем» (Слово Софония Рязанца. . ., с. 397). Эмоциональность восприятия событий — вот основной довод в пользу того, что в З. нашло отражение непосредственное восприятие Куликовской битвы современником, а, возможно, и участником ее.

В заглавии обоих списков извода Спи (К-Б и С) названо имя автора: «Писание Софония старца рязанца» (К-Б), «Сказание Сафона рязанца» (С). В некоторых списках Сказания о Мамаевом побоище с вставками из З. сказано, что Софоний — перей. В *Летописи Тверской* под 6888 г. читается отрывок текста, близкий отдельными чтениями к З. и к Сказанию о Мамаевом побоище; в начале его сказано: «А се писание Софония рязанца, брянского боярина». Во всех списках извода Унд., где сохранилось заглавие, имени Софония нет, а в самом тексте о нем сказано, как о лице по отношению к автору З. постороннем («Аз же помяну рязанца Софония. . .» — список У). Поэтому до введения в научный оборот списков К-Б и С имя Софония как автора З. никем из исследователей не воспринималось. После того, как был открыт список К-Б (1858 г.), а затем и С (1890), большая часть исследователей стала считать автором З. Софония, так или иначе интерпретируя определения «рязанец», «перей» и «брянский боярин». Большинство считает, что эпитет «рязанец» указывает на рязанское происхождение Софония, и свидетельствует о том, что во время написания З. он находился не в Рязани (в связи с уходом из Рязани и появилось это определение к его имени), однако С. П. Тимофеев предполагает, что З. была написана именно в Рязани, так как в ней ничего не сказано о союзе рязанского князя с Мамаем. С. К. Шамбинаго определял Софония как рязанского перя, который до этого был брянским боярином, человеком близким ко двору Олега Рязанского (Повесть о Мамаевом побоище, с. 133—134). Такой же точки зрения придерживались В. А. Келтуяла, А. В. Соловьев. А. Д. Седельников считает, что особенности рукописей З. свидетельствуют о связи памятника с псковской и новгородской рукописными традициями. Он предполагает, что автор З. мог находиться в дружине псковского князя Константина Дмитриевича, младшего сына

Дмитрия Донского. Седельников обратил внимание на сходство имени автора З. с именем рязанского боярина из окружения рязанского князя Олега — Софония Алтыкулачевича. В. Ф. Ржига, попытавшийся воссоздать возможный облик Софония, достоверным считает лишь то, что он был по происхождению рязанец, а затем переселился в другой город и создал там свое произведение. Наименование его «иерей» и «брянский боярин» по мнению Ржиги — поздние домыслы. Ржига допускает возможность того, что автором З. был рязанский боярин Софоний Алтыкулачевич, отмечая при этом, что «самое отождествление Софония Рязанца с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем является не более как гипотезой» (О Софонии Рязанце, с. 405). Некоторые исследователи, однако, не считают возможным атрибутировать З. Софонии Рязанцу. Так, еще И. Назаров (1858 г.) писал, что упоминание имени Софонии в списке У — «несомненное свидетельство», что он был предшественником автора З. (Сказание о Мамаевом побоище, с. 84). Не считал автором З. Софонию и И. П. Хрущов. Он полагал, что тот был современником Куликовской битвы и автором самостоятельного произведения, отголоски которого сохранились и в З., и в Сказании о Мамаевом побоище, и в Тверской летописи. О существовании какого-то произведения Софонии, служившего источником для всех произведений Куликовского цикла, в том числе и З., думал и Д. Иловайский (История России. Т. 2. Московско-литовский период, или Собратели Руси. М., 1884, с. 545). В последнее время эта гипотеза о Софонии наиболее подробно рассмотрена Р. П. Дмитриевой. На основе текстологического анализа она устанавливает, что упоминание имени Софонии в тексте самой З. — а это упоминание есть основание признать принадлежащим оригиналу памятника — означает, что Софония не мог быть автором З. Анализ текстов З., Сказания о Мамаевом побоище, записи в Тверской летописи, а также привлечение гипотезы А. А. Шахматова о существовании недошедшего до нас «Слова о Мамаевом побоище», приводят Р. П. Дмитриеву к следующему выводу: «Исходя из содержания самой „Задонщины“, следует признать, что Софоний не был ее автором; последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Имя Софония как писателя упоминается в рукописях (начиная с XV в.) только в связи с произведениями на тему Куликовской битвы. Следует признать, что автор Задонщины воспользовался двумя поэтическими произведениями — сочинением Софония и „Словом о полку Игореве“. Вывод о Софонии как об авторе не дошедшего до нас поэтического сочинения о Куликовской битве вполне согласуется с гипотезой А. А. Шахматова об общем источнике Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище, названном им „Словом о Мамаевом побоище“» (Был ли Софоний Рязанец автором Задонщины?, с. 24—25).

Неизвестный нам автор З. образцом для своего произведения взял «Слово о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве»).

От «Слова» зависит план З., целый ряд поэтических образов З. — повторение поэтических образов «Слова», отдельные слова, обороты, большие отрывки текста З. повторяют соответствующие места «Слова о полку Игореве». Зависимость З. от «Слова» не вызывала сомнений, но характер этой зависимости трактовался по-разному. Одни расценивали З. как рабское и слабое подражание «Слову» (С. Шевырев, 1858 г., С. П. Тимофеев, 1885 г.), другие, признавая подражательный характер произведения в целом, отмечали его самостоятельную художественную значимость (Ф. И. Буслаев, 1861 г., С. К. Шамбинаго, 1906 г.). В настоящее время общепризнана вторая точка зрения. Автор З. обратился к «Слову» как к образцу с целью сопоставить и противопоставить политическую обстановку на Руси времени «Слова о полку Игореве» (80-е гг. XII в.) с 80-ми гг. XIV в. Основной идейный смысл «Слова» заключался в призыве автора к русским князьям забыть междоусобные распри и объединить свои силы для борьбы с внешними врагами Руси. Автор З. в победе, одержанной за Доном над ордынцами, увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника: объединенные силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми. Автор З. переосмысливает текст «Слова» в соответствии с событиями Куликовской битвы и многое вносит от себя. З. отличается стилистической пестротой — поэтические части текста все время чередуются с прозаизмами, подчас документально-делового характера. Наряду с этим для З. характерна и логически-смысловая непоследовательность текста. Как отмечал В. Ф. Ржига, автор З., подобно автору «Слова о полку Игореве», перепоситя «воображением от одного момента к другому, от одних образов к другим. Поэтому на протяжении всей „Задонщины“ мы можем наблюдать такое же, как и в „Слове“, наличие ряда мелких композиционных единиц, в смысловом отношении законченных и по форме завершенных» (Слово Софония Рязанца о Куликовской битве, с. 386). Но если каждая мелкая композиционная единица сама по себе логически завершена, то сочетание этих единиц в пределах более обширной композиционной части текста воспринимается как повествование в логическом и временном отношении непоследовательное. Эта черта З. в значительной степени обусловлена эмоциональным характером памятника и в этом заключается своеобразие и сложность его. З. в значительно большей степени, чем «Слову», свойственны приемы устного народно-поэтического творчества. Это обстоятельство и характер списков З. (многочисленные искажения и ошибки в тексте) обусловили выдвигание гипотезы о фольклорном, устном происхождении ее. Предполагать, что отдельные списки З. записаны по памяти можно, но согласиться с гипотезой об устном происхождении этого произведения нельзя. З. восходит к «Слову» — памятнику бесспорно литературному и книжному. Сочетание в З. поэтического текста с прозаизмами, элементами деловой письменности говорит о книжно-литературном характере памятника. Об этом же сви-

детельствует и сильно выраженная в З. церковно-религиозная символика и терминология.

В 1890 г. французский исследователь Л. Леже высказал предположение, что не З. подражала «Слову о полку Игореве», а наоборот — «Слово» было создано на основе З. Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работах по «Слову о полку Игореве» французского слависта А. Мазона, такой же точки зрения по вопросу о соотношении З. и «Слова» придерживался А. А. Зимин. Наиболее подробно и обстоятельно эта гипотеза была рассмотрена в целом ряде статей сборника «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла». Сравнительно-текстологический анализ «Слова» и З. с привлечением реминисценций из З. в Сказании о Мамаевом побоище, изучение характера книгописной деятельности Ефросина, перу которого принадлежит самый ранний список З. — К-Б, исследование фразеологии и лексики «Слова», сравнительный анализ грамматики «Слова» и З. — все свидетельствует о первичности «Слова о полку Игореве» и вторичности по отношению к нему З.

З. Неоднократно переводилась на современный русский язык. Помимо научных прозаических переводов имеется целый ряд поэтических переложений памятника: В. М. Саянова, А. Скрипова, А. Жовтиса. З. переведена также на ряд иностранных языков. (см. библиографические указатели: Д р о б л е н к о в а И. Ф. и Б е г у н о в Ю. К. Библиография научно-исследовательских работ по «Задонщине» (1852—1965 гг.) // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 557—583; А р а л о в е ц Н. А., П р о н и н а П. В. Куликовская битва 1380 г. Указатель литературы // Куликовская битва: Сборник статей. М., 1980, с. 289—318).

Изд.: Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего паря Мамаю: Сообщ. В. М. Ундольским / Предисл. П. Д. Беляева // ВОНДР, 1852, кн. 14, отд. 2., Материалы, с. 1—XIV, 1—8; С р е з н е в с к и й П. П. «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Ондреевича // ИноРЯС. СПб., 1858, т. 6, вып. 5, стб. 337—362 (отд. изд. СПб., 1858); С м и р н о в А. Третий список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII в. // РФВ, 1890, т. 23, № 2, с. 268—288 (отд. отт. Варшава, 1890). С р е з н е в с к и й В. П. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в РО БАН в 1902 г. СПб., 1903, с. 17—23; Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий / Пригот. к печати и снабдил объяснительными замеч. Павел Симон. Вып. 3. «Задонщины» по спискам XV—XVIII столетий. Пгр., 1922; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Задонщина: Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5, с. 194—224; 2) «Задонщина»: (К вопросу о реконструкции авторского текста) // ИОЛЯ, 1947, вып. 2, с. 95—100; 3) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Радянське літературознавство. Київ, 1947, № 7—8, с. 135—186; 4) Задонщина: (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 201—255; Задонщина / Общая ред. М. Ф. Головенченко. М., 1947; Р ж и г а В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»): С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рук. Гос. ист. музея XVI в. М., 1947 (Учен. зап. МГИИ, т. 43. Кафедра русской литературы); Воинские новости Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949, с. 33—41 (сер.

«Литературные памятники»); Русские повести XV—XVI вв. / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958, с. 9—15; Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржигза, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 9—26 (сер. «Литературные памятники»); «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966, с. 535—556; З и м и н А. А. 1) Задонщина: (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Учен. зап. НИИ при Сов. Мин. Чуваш. АССР. Чебоксары, 1967, вып. 36, с. 216—239; 2) Задонщина: Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве / Выбор, подг. и ком. А. А. Зиминова. Тула, 1980; Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и подг. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967, с. 363—388 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.); Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 380—397; Задонщина / Вступ. ст. и библиогр. указатель Л. А. Дмитриева, пер. текста и примеч. О. В. Творогова. М., 1980, с. 40—102; Поле Куликово: Сказания о битве на Дону / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост., подг. текстов, послесл. и примеч. Л. А. Дмитриева. М., 1980, с. 20—49; ПЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 96—111; Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982, с. 7—13 и 131—137 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Н а з а р о в И. Сказание о Мамаевом побоище // ЖМНП, 1858, ч. 99, июль—август, с. 80—85; С р е з н е в с к и й И. И. Несколько дополнительных замечаний к Слово о Задонщине // ИлюРЯС, 1858, т. 7, вып. 2, стб. 96—100; E r b e n K. J. Dvě zpěvy staroruských toltiz: o výpravě Jggorově a Zádonsčina: S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady. Praha, 1869, s. IX—X, 55—76; Х р у щ о в И. П. О памятниках прославивших Куликовскую битву // Тр. III Археол. съезда в России, бывшего в Клеве в августе 1874 г. Клев, 1878, т. 2, с. 277—283 (то же в кн.: ЧИОНЛ, 1879, кн. 1, с. 70—78); Т и м о ф е е в С. П. Сказания о Куликовской битве: (Опыт ист.-лит. исслед.) // ЖМНП, 1885, ч. 240, август, с. 203—231 и ч. 241, сентябрь, с. 19—46; L e g e r L. 1) Russes et Slaves: Etudes politiques et littéraires. Paris, 1890, p. 93—102; 2) La littérature russe: Notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris, 1892, p. 31—37; Ш а м б п и а г о С. К. 1) Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 84—134 (рец.: Ш а х м а т о в А. А. — СОРЯС. СПб., 1910, т. 81, № 7. Отчет о двенадцатом присуждении Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г., с. 79—204 (отд. отт. СПб., 1910)); 2) Исторические повести (§ 2, гл. 2. «Литература Московского княжества конца XIV и XV вв.») // История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 210—215; П о т е б н я А. А. Задонщина: По черновым, оставшимся в рукописях А. А. Потемни, под заголовком «Заметки на слово о Пол. Иг.» // Потемня А. А. I. Слово о полку Игореве. Текст и примеч. 2-е изд. с доп. из черновых рук. «О Задонщине». II. Объяснение малорусской песни XVI в. Харьков, 1914, с. 159—179; С е д е л ь н и к о в А. Д. Где была написана «Задонщина»? // Slavia, Praha, 1930, roč. 9, seš. 3, s. 524—526; M a z o n A. A. 1) La Zádonsčina: Réhabilitation d'une oeuvre // Revue des études slaves. Paris, 1938, t. 18, fasc. 1—2, p. 5—41; (то же в кн.: Le Slovo d'Jgor par André Mazon. Paris, 1940, p. 5—40); 2) Le Slovo d'Jgor: Le sujet et le cadre; Le modèle principal // Ibid., fasc. 3—4, p. 163—213; 1939, t. 19, fasc. 1—2, p. 54—86 (то же в кн.: Le Slovo d'Jgor par André Mazon, p. 41—126); 3) Le Slovo d'Jgor: Les additions massives // Ibid., fasc. 3—4, p. 242—288 (то же в кн.: Le Slovo d'Jgor par André Mazon, p. 127—174); 4) L'auteur probable du Poème d'Jgor // C. r. des séances de l'année 1944. Acad. des inscriptions et belles-lettres. Paris, 1944, 2-me trimestre (Avril—Juin), p. 213—220; 5) Les récits de guerre dans la littérature russe du XV-e siècle // The Slavonic and East European review. London, 1946, vol. 25, N 64, p. 93—108; 6) La campagne d'Outre-Don de 1380 // Journal des savants. Paris, 1948, Janvier—Juin, p. 15—25; 7) Le Slovo d'Jgor // The Slavonic and East European Review. London, 1949, vol. 27, N 69, p. 515—535; Л я ц к и й Е. А. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве» // Slavia, Praha, 1939, roč. 17, seš. 1—2, s. 110—127; seš. 3, s. 374—411; Г о л л е п и щ е в - К у т у з о в И. Н. «Слово о полку Игореве» и ру-

кописи «Задонщины» // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941, вып. 2, с. 49—55; Лихачев Д. С. 1) «Задонщина» // Литературная учеба. М., 1941, № 3, с. 87—100; 2) Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопр. лит. М., 1964, № 8, с. 132—160; 3) О названии «Задонщина» // Исслед. по источникуведению: Сб. статей, посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 474—475; 4) Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // РЛ, 1964, № 3, с. 84—107; 5) Задонщина // Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Русь. М., 1975, с. 239—253. (2-е изд. М., 1980, с. 278—292); 6) Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджело Данти) // ТОДРЛ. Л., 1976, т. 31, с. 165—175; 7) «Тактические умолчания» в споре о взаимоотношениях «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» // РЛ, 1977, № 1, с. 87—91 (то же в кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 329—340); 8) «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 366—370; 9) «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина»: (К текстол. замечаниям проф. Дж. Фениела) // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, с. 296—309; Гудзий Н. К. 1) Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона // Учен. зап. МГУ, М., 1946, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. 1, с. 153—187; 2) Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве» // ИЮЛЯ, 1950, вып. 6, с. 492—498; F r e e k J. Zádoužtina: Staroruský záložpěv o boji rusů s tataru r. 1330; Rozprava literárně dějepisná; Kritické vydání textu. Praha, 1948; J a k o b s o n R. 1) L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor: épopée russe du douzième siècle / Texte établi, trad. et com. sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel, assistés de J. A. Jofre. New York, 1948, p. 235—360 (то же в кн.: J a k o b s o n R. Selected Writings. The Hague, 1966, vol. 4, p. 192—300); 2) Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field edited by Roman Jakobson and Dean S. Worth. The Hague, 1963 (то же в кн.: J a k o b s o n R. Selected Writings. The Hague, 1966, vol. 4, p. 1—54); А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Слово о Куликовской битве Софопия Рязанца (Задонщина) // Военские повести Древней Руси, с. 143—165 и 296—305; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962, с. 131—168; В о р о н к о в а О. Т. Морфология «Задонщины» по спискам XV—XVII вв. Автореф. канд. дис.. Л., 1954; Ф о д о р И. Снитаксические явления «Задонщины» // Studia slavica. Budapest, 1955, t. 1, fasc. 1—3, p. 137—173; В п и о г р а д о в а В. Л. 1) Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 20—27; 2) Некоторые замечания о лексике «Задонщины» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 198—204; 3) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.; Л., 1962, с. 255—275; К о т л я р е н к о А. Н. 1) «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV в. // Учен. зап. ЛГПИ, 1956, т. 15. Факультет языка и литературы, вып. 4, с. 131—160; 2) К истории развития сложного предложения (по спискам «Задонщины») // Там же, 1958, т. 173. Кафедра русского языка, с. 43—54; 3) Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» / «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», с. 127—196; Н а з а р е в с к и й А. А. 1) «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ, т. 12, с. 546—575; 2) Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // Висн. Київ. унів., 1965, № 7. Сер. філол. та журналістики, с. 49—51; Р о з а н о в а Т. Формы глагола прошедшего времени в «Задонщине» // Учен. зап. Великолук. гос. пед. ин-та, 1956, с. 214—224; С о л о в ь е в А. В. 1) Автор «Задонщины» и его политемские идеи // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 183—197; 2) К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Задонщина» «Источная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище») // РЛ, 1965, № 2,

с. 243—245; 3) Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Культура Древней Руси. М., 1966, с. 257—262; 4) Словесная ткань Задонщины и Слова о полку Игореве // To Honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th Birthday. The Hague; Paris, 1967, p. 1866—1875; Р ж и г а В. Ф. 1) Слово Софонии Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х гг. XIV в. // Повести о Куликовской битве, с. 377—400; 2) О Софонии Рязанце // Там же, с. 401—405; B l a n k o f f J. Les présages dans le Dit d'Igor' et la Zadoščina // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, Bruxelles, 1960, t. 15, p. 181—194; V a i l l a n t A. 1) Za Solomonom carem // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1960, књ. 26, св. 3—4, с. 272—274; 2) Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai» // Revue des études slaves, Paris, 1961, t. 39, fasc. 1—4, p. 59—89; П у т и л о в В. П. Куликовская битва в фольклоре // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 107—129; Č i ž e v s k a T. A comparative lexicon of the Igor Tale and the Zadoščina // American contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963, p. 319—327; M a t e j k a L. Comparative analysis of syntactic constructions in the Zadoščina // Ibid., p. 383—402; Д е м к о в а Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 440—476; Д м и т р и е в Л. А. 1) Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // Там же, с. 385—439; 2) Поэтическое слово о Куликовской битве // Задонщина. М., 1980, с. 5—34; 3) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве, с. 307—322; Д м и т р и е в Р. П. 1) Взаимотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 199—263; 2) Приемы редакторской правки книгописца Ефросима: (к вопр. об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // Там же, с. 264—291; 3) Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» // РЛ, 1976, № 2, с. 87—92; 4) Был ли Софоний Рязанец автором Задонщины? // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 18—25 (то же под заглавием «Об авторе Задонщины» // Сказания и повести о Куликовской битве, с. 360—368); З и м и н А. А. 1) Две редакции Задонщины // Тр. Моск. гос. Ист.-архив. ин-та. М., 1966, т. 24, с. 17—54; 2) Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ, 1967, № 1, с. 84—104; 3) «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // АЕ за 1967 г. М., 1969, с. 41—58; 4) Текстология Пространной Задонщины // Учен. зап. НИИ при Сов. Мин. Чуваш. АССР. Чебоксары, 1969, вып. 47, с. 91—111; 5) Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1970, сб. 3, с. 233—249; W o r t h D. S. Lexico-grammatical Parallelism as a stylistic Feature of the «Zadoščina» // Orbis scriptus. München, 1966, p. 953—961; Д м и т р и е в Р. П., Д м и т р и е в Л. А., Т в о р о г о в О. В. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ, 1967, № 1, с. 105—121; D a n t i A. Criteri e metodi nella edizione della «Zadoščina» // Annali della facoltà di lettere e filosofia della Università degli studi di Perugia. Roma, 1970, vol. 6 (1968—1969), p. 185—220; K r a l i k O. Archetyp Zadoščiny // Rossica Olomucensia. Olomouc, 1972, t. 8; G a u m n i t z H. Wörterverzeichnis zur Zadoščina // Russia Mediaevalis. München, 1973, Bd. 1, S. 64—107; А з б е л е в С. П. Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории. М., 1975, с. 163—190; К р б е ц М., М о и с е е в а Г. Первое известие о Задонщине // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 406—408; М о и с е е в а Г. Н. К вопросу о датировке Задонщины. (Наблюдения над пражским списком «Сказания о Мамаевом побоище») // Там же, с. 220—227; Ф р а н ч у к В. Ю. Отклики Задонщины в неснях, записанных для Ричарда Джемса // Там же, с. 26—32; С а л м и н а М. А. «Ша ридъ на Чечѣ» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 231—253.

Л. А. Дмитриев

Зиновий Отенский (ум. 1571—1572 г. ?) — писатель и публицист. О жизни его не сохранилось почти никаких сведений. Особенности языка писателя свидетельствуют, по мнению исследователей его творчества, о новгородском происхождении З. О. Он и сам пишет, что не знает ничего, кроме «новоградска гласа» (Похвальное слово на открытие мощей епископа Никиты; впрочем, нужно иметь в виду, что это «этикетная формула» — есть некоторые основания предполагать, что З. О. знал греческий язык). Когда-то, задолго до написания «Истины показания» (после 1566 г.), З. О. побывал в московских пределах: «Преже многа сих лет некогда прилучившу ми ся обрести в московских странах». Все свои сочинения он, однако, написал уже будучи иноком Новгородского Отенского монастыря. Маловероятно предание о том, что З. О. был учеником *Максима Грека*. Об этом нет сведений ранее XVII в. — впервые З. О. назван учеником Максима Грека в «Скрижали». Р. Майска убедительно показал глубокое различие во взглядах на целый ряд вопросов между Максимом Греком и его предполагаемым учеником. На основании весьма шаткой гипотезы о том, что З. О. — последователь Максима Грека, Евгений Болховитинов создал новую легенду, которая получила широкое распространение в научной литературе: в захолустный Отенский монастырь З. О. якобы был сослан по делу Максима Грека (Е в г е н и й, митроп. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, т. 1, с. 189). Дата смерти писателя выясняется из надписи на холсте «недавнего происхождения» (Ф. Калугин) в Отенском монастыре. В этой надписи предлагаются две взаимоисключающие даты смерти З. О. — 1568 и 1571—1572 гг. (последняя дата прямо не названа — в надписи сказано, что З. О. умер 101 год спустя после смерти *архиепископа Ионы*). Поскольку первая дата не согласуется с хронологией сочинений писателя, исследователи отдают предпочтение второй. Истинность ее подтверждается и другими соображениями (в 1566 г., когда писатель беседовал с клириками о «новом учении» Феодосия Косого, он уже был в преклонном возрасте и глуховат; повествование о чудесах архиепископа Ионы, которое В. И. Корецкий связывает с именем З. О., обрывается на 1571 г.; судя по всему, З. О. вообще не успел закончить Слово на открытие мощей архиепископа Ионы). Очевидно, З. О. пользовался уважением в монастыре, поскольку в упомянутой надписи сказано, что его тело положено «в той же церкви неподалеку от чудотворцевых мощей» (архиепископа Ионы — патрона Отенского монастыря). Дата смерти писателя, предложенная Евгением Болховитиновым (1568 г.) и принятая на веру многими учеными, не подкрепляется данными источников.

Бесспорной следует признать атрибуцию З. О. следующих сочинений: Послание дьяку Я. В. Шишкину (1534—1536 гг.); Похвальное слово епископу Ипатию Гаугрскому («Зиновия чернорица о святем Ипати, Гаугрьцем епископе и чудотворцы»;

вероятно, 1551 г.); Послание монахам Гурию Заболоцкому, Касиану и Гурию Коровиным, заточенным в Соловецком монастыре (1550-е гг.); Послание «к некоем, вопросившим его о питии» (не поддается датировке, в рукописи следует за предыдущим посланием); Похвальное слово на открытие мощей епископа Никиты («О божией благодати бывшей чудесы, явлением и прославлением священнаго телесе иже во святых отца нашего Никиты, епископа Великаго Новаграда. . .» — 1565 г.); «Истины показание к вопросившим о новом учении» (после 1566 г.); Слово на открытие мощей архиепископа Ионы («Того же о обретении мощем преподобнаго Ионы, архиепископа Великаго Новаграда, и о казнях, бывающих на нас от бога. . .» — 1566—1572 гг.).

Помимо этих З. О. пытались приписать еще целый ряд сочинений. Среди них следует в первую очередь назвать «Послание многословное к вопросившим о известии благочестия на зломудрие Косого и иже с ним» (ЧОИДР, 1880, кн. 2, с. 1—305). Это произведение, посвященное, как и «Истины показание», опровержению ереси Феодосия Косого, дошло до нас в единственном списке XVI в. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 31/1108; предполагают, что это автограф), в котором не указано имя автора. Имя З. О. проставлено лишь в копии с этого списка, снятой в 1836 г. монахом Юрьева монастыря Павлом (ГПБ, Соф. собр., № 1241). Хотя предлагались и другие атрибуции этого произведения (в частности, Троицкому игумену *Артемию*), большая часть ученых до последнего времени придерживалась мнения, что автором «Послания многословного» является З. О. Однако благодаря тщательному сравнению содержания этого сочинения с произведениями, бесспорно принадлежащими З. О., Р. Майнка и Л. Е. Морозова независимо друг от друга пришли к выводу, что «Послание многословное» написано несомненно каким-то другим автором. Следует также отметить, что почерк, которым переписано «Послание многословное», резко отличается от почерка рукописи ГПБ, О. I. 63, считающейся автографом З. О. Неясно, на каком основании архимандрит Макарий приписал З. О. толкование образа Софии Премудрости божией (Зап. имп. Археол. о-ва. СПб., 1865, т. 11, с. 244—245; этого взгляда придерживается и А. И. Никольский: София Премудрость божия (Новгородская редакция иконы и служба св. Софии) // ВАИ. СПб., 1906, вып. 17, с. 71—73). Высказывались предположения, что З. О. был переводчиком сочинений сербского писателя *Льва Аникиты Филолога*, который писал на непонятном для русского читателя языке. Дело в том, что ряд произведений Филолога надписан в рукописях именем З. О. (Л у р ь е Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959, с. 32, примеч. 40; Б у д о в и ц. Монастыри на Руси, с. 229, примеч. 239). Были попытки приписать З. О. одно из *Житий Иосифа Волоцкого* — так называемое «Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 293; S m o l i t s c h I. Russisches Mönchtum. Würzburg, 1953,

С. 138), которое С. Иванов атрибутирует Льву Антиките Филологу (И в а н о в С. Кто был автором анонимного жития пр. Иосифа Волоцкого? // БВ, 1915, № 9, с. 173—190).

Сочинения З. О. посвящены насущным проблемам русской действительности середины XVI в. — наряду с произведениями общего дидактического характера (Послание монахам; Послание «о шитии») он пишет Послание дьяку Я. В. Шишкину, в котором обращается к особенно важной для того времени теме праведного суда. Однако основные произведения З. О. в большей или меньшей степени связаны с ожесточенной борьбой, которую вел писатель с ересью Феодосия Косого и его последователей. В. И. Корецкий убедительно показал, как в Похвальном слове Ипатии Гапгрскому З. О. подвергает критике взгляды русских еретиков середины XVI в., сопоставляя их с учением Ария. Обретение мощей новгородских владык Пиккты и Ионы в 1550-х гг., которым посвящены похвальные слова З. О., находится в непосредственной связи с ересью Косого, подвергавшего сомнению необходимость поклонения святым. Опровержению ереси Косого целиком посвящено наиболее значительное произведение писателя — «Истины показание». Здесь обсуждаются все наиболее важные пункты, в которых учение Феодосия Косого расходилось с учением православной церкви: З. О. обвиняет Косого в атеизме (обвинение совершенно неосновательное, выдвинутое исключительно в полемических целях) и впервые в русской литературе приводит развернутые доказательства бытия божьего; сокрушительной критике подвергаются антиривитариные взгляды еретиков; З. О. подробно разбирает и защищает учение об искупительной миссии Христа, которое подвергалось нападкам со стороны Феодосия Косого; писатель берет под защиту церковную иерархию, обрядность (особо разбирается вопрос о необходимости иконопочитания), институт монашества, т. е. все установления православной церкви, против которых выступал Феодосий Косой и его приверженцы. Важно отметить, что З. О. не ограничивается ссылкой на авторитет св. Писания или отцов церкви, но стремится найти разумные доказательства каждого положения, о котором он говорит. Подробный разбор особенностей богословских взглядов писателя можно найти в книге Р. Майнка. «Истины показание» построено в виде бесед автора с тремя клирошанами из Старой Руссы, которые обратились к нему с просьбой объяснить им, правильно ли «новое учение» Феодосия Косого. Во время последней беседы З. О. с клирошанами к ним присоединился некий новгородец Захария Щечкин, который, заинтересовавшись разговором, задал автору несколько вопросов обрядового характера. Из ответов З. О. на эти вопросы особенно интересны его возражения против новых икон с символическими изображениями. Независимо от того, имели ли место в действительности беседы автора с клирошанами или это только литературная фикция, такая композиция «Истинны показания» несомненно способствует оживлению этого громоздкого богословского трактата.

Поскольку сочинения З. О. являются одним из немногих источников по истории ереси Косого, они использовались в первую очередь для характеристики этого идеологического движения. До сих пор нет серьезного исследования источников произведений писателя и их литературных особенностей. Необходимость такого исследования очевидна, если учесть исключительную почитанность З. О. Помимо св. Писания он широко использует патристическую литературу, причем сам признается, что хорошо знает «отеческое учение» (Истины показание. . ., с. 13). Из отцов церкви особенно часто он обращается к сочинениям Василия Великого (отчасти потому что сам Феодосий Косой опирался на «Книгу о постничестве» Василия). Несмотря на протест клирошан, З. О. со свойственной ему основательностью дает пространные толкования к Василию Великому. Кроме сочинений отцов церкви он хорошо знает житийную литературу (*Повесть о Варлааме и Иоасафе*, *Житие Антония Великого*), ему известен Иосиф Флавий, *Мудрость Менаандра*, хронографическая литература. Из русских писателей он ссылается на Максима Грека; исследователи отмечали точки соприкосновения между сочинениями З. О. и «Просветителем» *Иосифа Волоцкого*. З. О. отдавал явное предпочтение языку книжному («Мню, от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжныя народными обезжидати» — Истины показание. . ., с. 967), хотя и не всегда последовательно. В связи с этим он рассуждает о неправомерности замены слова «чаю» разговорным «жду», замены, которую сделал Максим Грек в Символе веры. Отмечали пристрастие З. О. к сложным словам: «правоповелительные», «тяжкопослушный», «светосогревающие» и т. д.

Не все сочинения З. О. получили распространение в рукописной традиции. В значительном количестве списков сохранились только Похвальное слово на открытие мощей епископа Никиты (Барсуков. Источники агнографии, стб. 392) и «Истины показание». «Истины показание» дошло в двух редакциях, причем Ф. Калугин считает авторскими обе редакции (по мнению Р. Майнка, это произведение вообще осталось незавершенным); из них первая редакция, как считают, сохранилась в автографе (ГПБ, О.І.63, на тит. л. запись XVII в.: «От тщательства и писания рук старца Зиновия на Федоса Косого»). Произведения З. О. пользовались признанием у древнерусских книжников: выдержки из «Истины показания» были напечатаны в «Сборнике о почитании икон» (М., 1642 — ересь Феодосия Косого здесь отождествлена с ересью Лютера и Кальвина) и в «Скрижали» (М., 1656). Об уважении к З. О. свидетельствуют также неоднократные попытки приписать ему чужие произведения (Калугин. Зиповий, инок Отенский. . ., с. 358—359), в том числе *Азбуковник* (Погорелов В. А. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 2. Сборники и лексиконы. М., 1899, с. 73).

Из сочинений З. О. неизданным остается Похвальное слово на открытие мощей епископа Никиты.

Изд.: Истины показание к вопрошавшим о новом учении: Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863; К а л у г и н Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, прилож. II, с. 17—26; К л и б а н о в А. И., К о р е ц к и й В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 201—224; К о р е ц к и й В. И. 1) Новый найденное противоречительное произведение Зиновия Отенского // Там же, М.; Л., 1965, т. 21, с. 166—182; 2) Новые послания Зиновия Отенского // Там же, М.; Л., 1970, т. 25, с. 119—134.

Лит.: Е м е л ь я н о в И. 1) Учение Феодосия Косого // Тр. Киев. дух. акад., 1862, № 6, с. 176—215; 2) Polemika protiv учения Косого // Там же, № 9, с. 88—120; М а к а р и й, архиеп. [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1874, т. 7, с. 487—526; П и к о л ь с к и й А. И. Сказание об обретении честных мощей святителя Никиты Новгородского чудотворца // ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 1—7; В и л и н с к и й С. Г. Вопрос об авторе «Многословного послания» // Там же, с. 146—176; А н д р е е в Н. Е. Инок Зиновий Отенский об иконопочтении и иконописании // *Seminarium Kondakovianum*, Prague, 1936, t. 8, с. 259—278 (репринт: А н д р е е в Н. Studies in Muscovy. London, 1970, N VI); З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 182—214; М а i n k a R. *Zinovij von Oten': Ein Russischer Polemiker und Theologe der Mitte des 16. Jahrhunderts*. Roma, 1961 (*Orientalia Christiana Analecta*, N 160); К о р е ц к и й В. И. Христологические споры в России: (середина XVI в.) // *Вопр. ист. рел. и атеизма*. М., 1963, т. 11, с. 334—361; Б р ю с о в а В. Г. Страница из истории Софийского собора в Новгороде // *Культура Древней Руси*. М., 1966, с. 42—46; М о р о з о в а Л. Е. 1) Вопросы атрибуции «Послания многословного», полемического произведения XVI в. // *Ист. СССР*, 1975, № 1, с. 101—109; 2) Вопросы разработки методики применения количественных методов при атрибуции древнерусских публицистических произведений XVI в. Автореф. канд. дис. М., 1978; Т о л с т о й П. И. Старинные предания о народноязыковой базе древнеславянской литературного языка (XVI—XVII вв.) // *Вопр. рус. языкозн.* М., 1976, вып. 1, с. 186—189; Б о р о д к и н Л. И., М и л о в Л. В., М о р о з о в а Л. Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // *Математ. методы в ист.-эконом. и ист.-культури. исследованиях*. М., 1977, с. 298—326; Б у л а н и н Д. М. Кодикологические наблюдения над рукописью «Послания многословного» // *Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag*. Erlangen, 1982, с. 153—164.

Д. М. Буланин

Златоуст — древнерусский учительный сборник устойчивого состава, один из сборников «уставных чтений», состоящих из дидактических и эпидейктических сочинений, приуроченных к определенным дням триодного цикла. З. — популярный памятник древнерусской литературы XVI—XVII вв. Известно три основные разновидности З.: З. постный, содержащий статьи, посвященные только подготовительным к великому посту неделям и периоду великого поста. З. пятидесятный, в основе которого лежит постный З., продолженный статьями на воскресные и некоторые будние дни от антипасхи до недели «всех святых». З. годовой, содержащий статьи от недели «мытаря и фарисея» до 36 недели после недели «всех святых».

Свое название сборник получил, вероятно, оттого, что большинство слов, вошедших в его состав, надписывалось именем Иоанна Златоуста. В рукописной традиции типовое определение сборника встречается не ранее XVI в., например: «Книга, глаголемая Златоуст, в настоящей сей книзе от мытаря и от фарисея,

в пост в великий по все дни чтение да неделе в весь год. . .» — список БАН, 32.5.5; «Книга, глаголемая учительной Златоуст» — список ГИМ, собр. Уварова, № 316 (111) и т. п.

В З. ряд статей идентичен статьям других сборников: триодного *Торжественника*, книги *Рай*, *Соборника*, *Златоструя*, *Измарагда*, а также Златой матицы (см.: Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи // ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 2, с. 491—511) и *Златой чепи* (см.: Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древнерусской письменности: К вопросу о Златых цепях. Киев, 1894).

Относительно происхождения прототипа З. и времени окончательного оформления этого сборника как самостоятельного типа древнерусской книги нет единого мнения. А. С. Орлов, опираясь на работы А. В. Горского и Е. В. Петухова, предлагал считать литературным ядром, из которого образовался З., собрание южнославянских дидактических слов на «четыредесятницу» (с недели «мытаря и фарисея» до пятой недели поста включительно). Шесть редакций З., которые выделяет А. С. Орлов, отражают, по его мнению, процесс постепенного складывания сборника на протяжении XIV—XVII вв., расширения его календаря, усложнения жанровой структуры. В работе Т. В. Черторицкой (Торжественник — памятник русской литературы XIV—XVI вв.: Литературная история сборника. Автореф. канд. дис. М., 1979, с. 22—23) высказана мысль, что древнерусские З. формируются только в конце XV—начале XVI в. на основе триодного четвѣго сборника за счет увеличения в его составе количества дидактических сочинений, приуроченных к будним дням триодного круга, постепенного вытеснения ими эпидейктических гомилий, расширения календаря сборника до 36 недели после недели «всех святых». Примером такого триодного сборника может послужить сборник ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 9. В основе общего прототипа З. и триодных Торжественников, как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах. . .», лежит группа переводных византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными славяно-русскими сочинениями — словами Климента Охридского, *Серапиона Владимирского*, а также других безымянных славянских авторов. Сводку таких предположительно или определенно славянских сочинений, надписываемых именем Иоанна Златоуста, содержит статья Е. Э. Гранстрем «Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности» (ГОДРЛ. Л., 1980, т. 35), где из упомянутых ею сочинений № 1, 2, 11, 12, 13, 16, 18, 26, 30, 37, 42, 43, 46, 47, 59, 64, 70, 73, 83, 84, 85, 95, 102, 105 и 106 входят в число постоянных статей различных редакций З. Типологически З. в XIV—середине XV в. еще не выделились, что подтверждается данными картотеки Н. К. Никольского (хранящейся в БАН АН СССР): там числится семь З. рубежа XV—XVI вв., и 131 список XVI—XVII вв.

Тематика большинства статей З. до недели «всех святых» связана с Евангелием — это различные вариации на темы еван-

гельских сюжетов, поясняющие, распространяющие, украшающие и толкующие их. По своей жанровой природе это слова дидактические и эпидейктические, посвященные празднику Пасхи и пасхальному циклу.

Другая группа сочинений в составе З. посвящена теме христианской этики, вопросам общественной и личной морали: это поучения «как лепо христианину жити», «о почитании книжном», «о смиренни», «о зависти», о пьянстве, «о чистоте душевной» (против грабления, злодеяния, душегубства), «пользе душевной». Слова З. могли быть направлены против остатков языческих верований и обрядов: «о лечащихся от болезней волхвованием», «о христианском житии» (осуждение «срамословия», «глумления», «плясания», «сатанинских песен» и т. д.). Содержались в З. статьи о поведении в церкви во время службы и после нее, статьи «естественнонаучного» содержания («о твари небесной», «сказание о небесных силах и чего ради создан человек на земли»), содержались сведения о вселенских соборах и т. д.

Эти дидактические сочинения встречаются среди статей на евангельские темы, но в основном они составили вторую часть З. — от «пятидесятницы» до 36-й недели после недели «всех святых». По свидетельству А. Архангельского (Творения. . ., с. 213—214), многие из них явились поздними добавлениями к прототипу и были извлечены из другого древнерусского сборника — Измарагда. Несмотря на то, что в З. вопли переводные слова и поучения византийских и болгарских авторов, ученые, исследовавшие этот сборник, единодушны во мнении, что З. в своей традиционной на Руси форме был составлен древнерусским книжником и включает в свой состав также произведения русских авторов с несомненными признаками русской современности и народного быта (Г о р с к и й. О древних словах. . ., с. 35—36, 44; П е т у х о в. Древние поучения. . ., с. XI; А р х а н г е л ь с к и й. Творения. . ., с. 213—214; Дополнения В. М. Изергина. . ., с. 20—21; см. также названную выше работу Е. Э. Гранстрем). Первоначально функции З. в древнерусском обществе определялись требованиями устава, который назначал для чтения за богослужением специальные статьи собственно нравоучительного характера или связанные с событиями церковного календаря. Факт создания и функционирования З. и других четких сборников постоянного состава ставится А. И. Соболевским в зависимость от замены устава по редакции патриарха Алексея типиком Иерусалимским (см.: С о б о л е в с к и й А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. СПб., 1894, с. LIV). В *Стоглаве* З. упоминается среди «божественных», «святых душеполезных книг», которые следует читать «на поучение, и на просвещение, и на истинное покаяние и на добрые дела» (Стоглав. СПб., 1863, с. 61). Из церковной практики З. переходит в домашний обиход и становится одной из самых читаемых книг древнерусского общества XVI—XVIII вв.

Популярность З. определяется прежде всего учительным характером этой книги. Слова З. просты, обычно лишены риториче-

ской украшенности, невелики по объему: задача нравственного назидания, стремление к доступности сочинений подчиняют себе манеру изложения. Переводные и оригинальные слова, входившие в З., оказывали большое влияние на религиозно-этическое и эстетическое образование средневекового читателя. В З. с его подчеркнутым разграничением добродетелей и пороков формулировался моральный кодекс благочестивого христианина. «Воинствующий дидактизм» делает З. своеобразным публицистическим памятником русского средневековья.

Как указано выше, З. имеет три основные разновидности: З. постный, З. пятидесятный и З. годовой. Основной состав статей каждой из разновидностей З. в целом достаточно устойчив, большинство слов на предпасхальные недели одинаково в З. всех разновидностей. Однако почти в каждом списке памятника можно встретить индивидуальные отклонения от канонического типа, выражающиеся чаще всего в добавлении новых, и реже в пропуске традиционных статей. Поэтому следует различать списки, которые несмотря на такие индивидуальные особенности могут быть надежно отнесены к определенному виду памятника, и списки, которые содержат З. особого состава, той или иной его разновидности.

Реже всего встречаются списки З. постного. Традиционный вид содержит около 65 слов: на неделю о мытаре и фарисее, неделю о блудном сыне, субботу и воскресенье недели мясопустной, среду, пятницу, субботу и воскресенье недели сыропустной, а затем на все дни семи недель поста, причем на некоторые дни (четверг 1-й недели поста, вторник — 2-й недели, понедельник и вторник — 3-й недели, четверг и субботу 4-й недели, вторник 5-й недели, четверг Цветной недели) читается по два слова. Из описанных списков этой разновидности З. укажем списки БАН, 16.18.5; ГИМ. собр. Уварова, № 43/317 и 595/313; ГПБ, собр. Титова, № 762.

З. пятидесятный в основном соответствует З. постному, однако в добавление к нему содержит слова на Пасху, Антипасху, на неделю повую (вторую) после Пасхи, неделю 3-ю, среду и воскресенье 4-й недели, неделю 5-ю, 6-ю (иногда и на четверг 6-й недели), на субботу и воскресенье 7-й недели, на пятидесятницу, понедельник после пятидесятницы и неделю всех святых. Из описанных рукописей этой разновидности назовем списки: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 142; ГПБ, собр. Титова, № 752 и 755; ГИМ, собр. Уварова, № 158/314 и 782/315.

Наиболее распространены списки З. годового. Он встречается в двух основных разновидностях: краткой и пространной. Краткий вид З. годового содержит слова на неделю о мытаре и фарисее, неделю о блудном сыне, субботу и воскресенье мясопустной недели, субботу и воскресенье недели сыропустной, субботу и воскресенье 1-й недели поста, на воскресные дни 2-й и 3-й недель, на среду и воскресенье 4-й недели, на субботу и воскресенье Цветной недели, четверг и субботу Страстной недели, на пасхальное воскре-

сение, а затем на воскресные и некоторые будние дни 2—7-й недель после пасхи, на пятидесятницу, понедельник после пятидесятницы, неделю «всех святых» и на последующие 36 недель, причем на недели 7, 8 и 10 читается по два слова. Этот вид представлен, например, списками: БАН, 33.13.15 и 16.18.1; ГБЛ, собр. Большакова, № 215.

Пространный вид 3. годового содержит слова не только на воскресные, но и на будние дни недель поста, совпадая в этой своей части с 3. постным и пятидесятым. В статьях после недели «всех святых» Краткий и Пространный виды идентичны. Из описанных списков Пространного вида укажем списки: ГБЛ, собр. Большакова, № 215; ГИМ, собр. Уварова, № 111/316; ГПБ, собр. Титова, № 751 и 753.

Отметим, что ряд слов, читающихся в Пространном виде 3. годового после недели «всех святых» повторяет слова, читающиеся в будние дни недель поста: так, слова на субботу мясопустную, на вторник—пятницу 1-й недели поста, на субботу 2-й недели поста, на среду и четверг 3-й недели поста повторены соответственно в 14-ю, 5-ю, 6-ю, 8-ю, 3-ю (в составе слова о богатом и Лазаре), 18-ю, 11-ю, 9-ю и 12-ю недели после недели «всех святых». Поэтому в некоторых списках Распространенного вида на месте этих слов в постные недели помещаются отсылки к тем же словам в дни после недели «всех святых».

В некоторых списках 3. годового имеются слова на 34—44-ю недели после недели «всех святых», что фактически выходит за рамки годичного круга (см., напр., списки БАН, 33.10.1; 33.12.5 и др.). Редкая разновидность 3. годового представлена списком ГИМ, Синод. собр., № 231. Этот список, подробно описанный А. Горским и К. Невоструевым (Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 83—111), часто привлекался исследователями 3. и служил основанием для суждений о его составе. В то же время в данном списке много индивидуальных, лишь ему принадлежащих статей, только в нем, например, встретились слова на все дни пасхальной (Светлой) недели.

В списках 3. годового XVI—XVII вв. среди дополнительных, не входящих в традиционный состав памятника статей встречаются и слова *Кирилла Туровского*: Слово в неделю Цветоносную и Слово в Новую неделю, «О Фомине испытании ребр господень». Что же касается других слов Кирилла, то они входят либо в состав 3. особого состава, либо сборников, близких по составу к 3.

Первые издания 3. относятся к концу XVIII в. Это почаевское издание 1795 г. («Книга глаголемая Златоуст, в ней же всяко ухищрение божественаго писания истолковано святым великим Иоанном Златоустом и святыми отцы»), супрасльское — также 1795 г. и ряд виленских, первое из которых вышло, видимо, в 1798 г. Текст в почаевском издании в основном сходен с традиционным составом 3. годового лишь до недели «всех святых»,

затем состав печатного З. существенно расходится с рукописным. В словах на 26—34-ю недели после недели «всех святых» Почаевское издание сходно с Виленским, но отличается от Супрасльского. В последующих печатных изданиях З., выходящих вплоть до начала XX в., были заменены, сравнительно с изданием 1795 г., только отдельные слова. Научное издание сборника отсутствует.

Лит.: Горский А. В. О древних словах на святую четьредесятницу // Прибавл. к изданию творений святых отцов в рус. пер. М., 1858, ч. 17, с. 34—64; Забелин И. Е. Из книги Златоуст // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872, ч. 1, с. 179—188; Петухов Е. Древние поучения на воскресные дни великого поста // СОРЯС. СПб., 1886, т. 40, № 3, с. 1—XIX, 1—30; Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности // ЖМНП, 1888, август, с. 213—214; [Дополнения В. М. Изергина к докладу А. С. Орлова] // Отчеты о заседаниях имп. ОЛДП в 1903—1904 г. СПб. (ПДПИ, вып. 156), с. 20—22; Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник // СПб., 1905 (ПДПИ, вып. 158), с. 3—9; Черторицкая Т. В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа) // Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980, с. 96—114; Творогов О. В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 39, с. 278—284.

О. В. Творогов, Т. В. Черторицкая

Зосима (1-я пол. XV в.) — дьякон Троице-Сергиева монастыря, автор «Хождения» в 1419—1420 гг. в Царьград и Иерусалим («Книга глаголемая Ксенос, сиречь Странник, списанный Зосимом диаконом о русском пути до Царьграда и от Царьграда до Иерусалима»). Известны две редакции «Хождения» З., полная и краткая. В полной редакции описывается паломничество З. из Москвы через Киев до Царьграда, а оттуда в Палестину. Краткая редакция, по мнению исследователей, более поздняя, охватывает путешествие З. в Царьград и на Афон. В тексте «Хождения» З. сказывается знакомство автора с «Хождением» *игумена Даниила* и новгородских путешественников XIV в.

З. побывал в Царьграде дважды: в 1414 г. (это отмечено в *летописях Софийской первой и Никоновской*), когда он сопровождал туда княжну Анну, дочь великого князя Василия Дмитриевича, помолвленную с наследником византийского императора Мануила Палеолога Иоанном, и в 1419—1420 гг. В «Хождении» З. описываются встретившиеся ему на пути святыни, начиная с киевских пещер, а также города, монастыри, реки и отмечается время, проведенное в этих местах: в Киеве пол-лета, в Царьграде десять недель, на острове Кипре полтора месяца, «лето целое» (т. е. год) в Иерусалиме и т. д. Значительное внимание уделено топографии Царьграда и Иерусалима, причем выделено описание конной статуи императора Юстиниана, Ипподрома, места захоронения русской царевны Анны и т. д. Перечислены 22 афонских монастыря, приведен список городов, подвластных египетскому султану. Примечательна насыщенность текста «Хождения» леген-

дарно-апокрифическими элементами (рассказ о каменной жабе в Царьграде, об иконе в Верите, поврежденной жидовином, об адовых вратах, о 60-тилетнем сне Авимелеха и др.). В тексте приводятся ссылки на агиографические памятники, на патерики, Псалтирь. З., отметивший многообразие в святых местах вероисповеданий и церковных служб, оставил и в Царьграде и в Иерусалиме «поминание» «русских сынов» с перечнем имен на двух листах пергамента — «харатиях». В отличие от хождения Даниила, З. сообщает и о «злых арапах», и о морских пиратах, напавших на корабль, когда З. был даже ранен.

«Хождение» З. известно в восьми списках (сохранились шесть), в том числе один XV в.

Изд.: Странствования к святым местам иеродиакона Зосимы / С предисл. П. М. Строева // Рус. зритель, 1828, ч. 2, с. 181—205; Сахаров И. П. 1) Путешествия русских людей по Святой земле. СПб., 1839, ч. 2, с. 31—62; 2) Сказания русского народа, СПб., 1849, т. 2, кн. 8, с. 57—69; Хождение инока Зосимы / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС, СПб., 1889, т. 8, вып. 3, кн. 24; Проккофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину (текст и археографическое вступление) // Вопросы русской литературы. М., 1971 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 455), с. 12—42; Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984, с. 120—136; 298—315; 406—409; The Xenos of Zosima the deacon // Majeska G. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984, p. 166—195.

Лит.: Леонид, архим. Иерусалим, Палестина и Афон по русским намоликам XIV—XVI вв. М., 1871; Филарет. Обзор, № 87, с. 105; Веселовский А. Н. Из истории романа и повести, вып. 1. // СОРЯС. СПб., 1886, т. 40, № 2, с. 296—303; Майков Л. Н. Материалы и исследование по старинной русской литературе. 1. Беседа о святых и других достопамяностях Царьграда // СОРЯС, СПб., 1890, т. 51, с. 37—42; Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934; Адрианова-Перетц В. П. Путешествия XIV—XV вв. // История русской литературы, М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 228—229; Проккофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970 (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 363), с. 172—190; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 246—260.

О. А. Белоброва

Зосима (кон. XV в.) — митрополит всея Руси (1490—1494 гг.), церковный деятель и публицист. До избрания митрополитом З. был архимандритом московского Симонова монастыря. Как митрополит З. руководил церковным собором, осудившим и отлучившим от церкви новгородских еретиков. В 1492 г. (7000 г. от «сотворения мира», когда многими ожидался конец мира, и до которого была доведена прежняя пасхалия) З. поручил ряду иерархов составить новую пасхалию, в введении к которой он провозгласил мысль о Москве как «новом граде Константина». Но уже в 1492—1494 гг. *Иосиф Волоцкий* обвинил Зосиму в том, что он является учеником новгородского еретика протопопа Алексея и отступником, отвергающим веру в загробную жизнь, он приписывал З. слова: «Несть, деи, втораго пришествия Христова, нет, деи,

царства небесного святым; умер, ден, иш, то умер — по та места и был». В 1494 г. З. был вынужден оставить митрополию «не своей волею»; в летописных сводах XVI в. это было мотивировано тем, что он «непомерно пития держашеся и о церкви божией не радяше». Он был отправлен сперва в Симонов, а затем в Троицкий монастырь; очевидно, З. не признавал законности своей отставки, так как в 1496 г. в Троице «причащаяся божественных тайн на орлецы во всем святительском чину» (вопреки каполическому правилу, запрещавшему бывшим митрополитам сохранять этот «чин»). В одной поздней летописи упоминается еще перезд З. «на Белоозеро».

Именем З. подписаны два литературных памятника — «Соборный приговор и поучение против еретиков» 1490 г. и «Изложение пасхалии» 1492 г.; однако характер обоих памятников и роль З. в их составлении были, очевидно, различными. В «Поучении» З. выступал в полном согласии со всем собором епископов («Поучение» и по содержанию вполне сходно с написанным одновременно соборным приговором «О еретиках»). В «Поучении», в частности, брался под защиту отсутствовавший на соборе обличитель архиепископ *Геннадий Новгородский*, хотя отношение самого З. к новгородскому владыке едва ли было дружественным: сразу после вступления на митрополичий престол З. потребовал от Геннадия вторичного исповедания веры, и Геннадий рассматривал это как акт недоверия. Таким образом, «Поучение» 1490 г., как и соборный приговор, может рассматриваться не столько как собственное сочинение З., сколько как типичный образчик средневекового противоретического поучения: разнообразные и не приведенные ни в какую систему «проклятая дела» еретиков излагаются здесь согласно обвинениям против них, выставленным в грамотах Геннадия.

Иной характер имеет «Изложение пасхалии» 1492 г. Хотя в момент составления этого памятника между З. и «обличителями» ереси (Иосифом и Геннадием) не было еще официального разрыва, но разрыв этот, очевидно, уже назревал. Несостоявшийся конец мира требовал, очевидно, какого-то объяснения — тем более что еретики, судя по сообщению Геннадия, еще в 1489 г. высказывали сомнения в будущем светопреставлении. Сочинения «обличителей» после 1492 г. имели своей главной целью поэтому опровержение еретических утверждений, будто «отцы церкви», предсказывавшие конец мира (в этой связи еретиками упоминался, в частности, Ефрем Сирин), «солгали» («Сказания») о «скончании седьмой тысячи», включенные впоследствии в «Просветитель» Иосифа Волоцкого). В «Изложении пасхалии» З. эта противоретическая тенденция совершенно отсутствует. Смысл памятника — в повом, весьма смелом толковании повозветных пророчеств. З. начинает с евангельского предсказания: «И будут перви последнии и последнии перви» — и дает ему весьма неожиданное толкование: «Перви» — это греки (Византия): «Прослави же бог п е р в а г о царя Константина». Теперь же, когда греки, согласно предска-

нию, должны стать «последними», роль их переходит к Руси: «И ныне же, в последниа сиа лета, яко же и в перваа, прослави бог... благовернаго и христолубиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Костянтину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Значение этой теории «нового града Константина» — не в почетном сравнении Москвы с Константинополем и *Ивана III* с Константином (такое сравнение высказывалось уже в *Повести временных лет* — по отношению к Владимиру Киевскому; с Константином в публицистике XV в. сравнивали Дмитрия Донского, Бориса Александровича Тверского, *Василия II*, самого *Ивана III* — в «Послании на Угру» *Вассиана Рыло*). В «Изложении пасхалии» речь идет не только о сравнении, но и о противопоставлении — Москва, как «последний» «град Константина» сменяет первый центр мира, Константинополь, павший в 1453 г. под ударами турок (и «изрушившийся», как утверждали русские полемические памятники, уже после унии 1439 г.); она становится единственным православным центром мира. Связь этой теории «Москвы — нового града Константина» со спорами о конце мира, не состоявшемся в 1492 г., перед составлением новой пасхалии обнаруживалась уже в заглавии памятника: «Изложение пасхалии на осьмую тысящу лет... в ней же чаем всемирнаго пришествия Христова». Таким образом, эсхатологические чаяния раннего и средневекового христианства не отвергались в «Изложении» З. — они лишь отодвигались с «седьмой тысящи» на «осьмую». А это, в свою очередь, дает основание связывать «Изложение пасхалии» с апокалиптическим предсказанием о «первом воскресении» и «тысячелетнем царствии» Христа на земле (Апокалипсис, XX, 1—7), предшествующем Страшному суду, — предсказанием, отвергнутым на Западе Августином (предлагавшим «спиритуальное» осмысление этого пророчества — как указания на тысячелетнее существование христианской церкви), но оказавшим большое влияние на средневековые еретические движения. В этом отношении «Изложение пасхалии» перекликается с такими популярными на Руси в XV в. памятниками, как пророчество Мефодия Патарского и Льва Премудрого, приведенные в «Повести о падении Царьграда» *Нестора Искандера*.

Недостаточно ортодоксальный характер «Изложения пасхалии» привел к тому, что в традиции XVI в. памятник этот подвергался переделкам — в ряде списков опускалось имя его автора, З.; при включении в «Миротворный круг» *Агафоника* слова «на осьмую тысящу лет, в ней же чаем всемирнаго пришествия Христова» были заменены на «понеже чаем всемирнаго пришествия Христова на всяко время».

Но идея «Москвы — нового града Константина», высказанная в «Изложении пасхалии» З., получила в XVI в. широкое развитие — она была видоизменена в теорию «Москвы — третьего Рима» старца *Филофел*.

Изд.: РИБ. СПб., 1880, т. 6, ч. 1 (2-е изд. СПб., 1908); № 118, стб. 795—802; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955, № 20, с. 382—386.

Лит.: Дьяконов М. Власть московских государей: Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889, с. 65—66; Stejneger D. Moscow the Third Rome: sources of the doctrine // *Speculum*, vol. 28, No 1, January, 1953, p. 92—97; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 143—154. 375—383.

Я. С. Лурье

Зосима (Ворбозомский) (ум. 1550 г.) — автор «Поучения и послания Изосимы св. к Настасии дщери своей». Издатель памятника К. И. Невоструев (а не Н. И. Костомаров, как сообщается в «Прав. богослов. энцикл. (т. 5)») считал, что неизвестно, кто скрывался под именем Зосимы и Анастасии. У С. Венгерова в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых. . .» и в «Прав. богослов. энцикл.» (т. 5) говорится, что автор памятника — Зосима Ворбозомский, ученик *Корнилия Комельского*, основавший на Ворбозомском озере под Белоозером упраздненный в 1764 г. Ворбозомский монастырь. Зосима был похоронен в Благовещенской церкви этого монастыря; память его отмечалась 4 апреля.

Памятник представляет собой ответное послание на просьбу инокини Анастасии об утешении. Зосима выражает свое одобрение поступку Анастасии, избавившей себя от кары, которая ожидает живущих в миру. Он призывает ее втайне, со слезами, молиться богу и богородице, избегать любви к мирскому, одаривать нищих и т. п.

К. И. Невоструев издал «Поучение» по списку ГИМ, Синод. собр., № 321, л. 146—152 об., XVI в. под заглавием: «Поучение и послание Изосима святого к Настасии дщери своей» (нач.: Послание от Изосима святого дщери своей Анастасии, прислати грамоту о утешении своем. . .) и считает его не переводом, а русским оригинальным сочинением. «Поучение» читается еще, например, в сборнике ГИМ, собр. Царского, № 382, XVI в. Памятник, пишет К. И. Невоструев, заключает в себе выписки из *Измарагда*, из 96-го в нем «Слова св. Симеона, епископа месопотамского», а также заимствование из *Кирилла Туровского*.

Изд.: Невоструев К. И. Поучение и послание Изосима святого к Настасии дщери своей // *Духовный вестн.* Харьков, 1862, июль, с. 148—156.

Лит.: Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 86; Строев П. Списки перархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 21; Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стб. 205; Филарет. Обзор, с. 156—157; Православная богословская энциклопедия. Изд., 1904, т. 5, стб. 764—765; Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд., 1915, т. 1, вып. 1—3, с. 307.

М. А. Салмина

Иаков (1581—1597 гг.) — игумен Соловецкого монастыря, собиратель и любитель книг. Его игуменство совпало с тяжелыми обстоятельствами жизни монастыря. С 1578 по 1593 г. Соловецкому монастырю пришлось держать оборону против шведов как в самом монастыре, так и на материке, отстаивая земли, принадлежавшие к монастырю. Помощь в обороне была оказана правительством, как материальная, так и присылкой войск. В 1582 г. по указу царя вокруг монастыря начали возводить каменную стену. Согласно Соловецкому летописцу XVIII в., написанному Досифеем, главная роль в обороне монастыря принадлежала царским воеводам. В Соловецком летописце самого конца XVI в. (рук. ГИБ, Солов. собр., № 877/987 и № 22/1481) соединены три известия о поставлении И. в игумены, говорится о двух его поездках в Москву и о том, что именно он начал «делати на Соловках город каменной, а в Сумской волости поставил острог» (ГИБ. Солов. собр., № 877/987, л. 214 об.). Эти данные позволяют предполагать, что летописец конца XVI в. составлялся по инициативе самого И.

И. занимался как пополнением монастырской библиотеки, так и собиранием своей личной. При его игуменстве продолжалась традиция переписывания рукописей в самом монастыре. На некоторых рукописях сохранились пометы о том, что написаны они «по повелению игумена Иакова». При И. значительно пополнилась библиотека за счет вкладов. Составленная в 1597 г. опись монастырской библиотеки показывает, что за время игуменства И. в библиотеку поступило 94 книги. В самой описи вполне конкретно сказано об источниках пополнения: «Книги повоцприбыли, что при игумене Иякове прибыли, государево жалование, и христовлюбцов дашы и монастырское писмо» (Кукучкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 355). Личную библиотеку И. собирал, видимо, разными способами, восемь его рукописей своим происхождением связаны с Соловецким монастырем. 27 рукописей XV—XVI вв. личной библиотеки И. поступило в монастырскую библиотеку, некоторые из них помечены его экслибрисом.

Лит.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 73, 253, 330, 358; 1885, ч. 2, с. 67; Розов П. И. 1) Когда появился в России князьский знак // АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 88—91; 2) Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общей ред. Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 318; Шапов Я. И. К истории русского князьского знака конца XV—XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 86—87; Кукучкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVIII вв. Л., 1977, с. 79, 86—87.

Р. П. Дмитриева

Иаков, предполагаемый автор Жития Серапиона Новгородского, см. *Житие Серапиона Новгородского*.

Иаков Доброписец (1-я пол. XV в.) — афонский инок, переводчик Слова постнического Максима Исповедника. О нем известно из приписки, в которой говорится: «По вопросу и ответу постническому Слово святого Максима преведено от гречьска языка на русийский в святей горе Афонстей в лето 6933 кир Иаковом доброписцем убогому Евсевию, непотребному Ефрему Русину» (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 756, Сборник, 1-я четв. XV в., л. 362—363). Приписка эта читается также в ряде других списков, например, то же собр., № 175, поучения Исаака Сирипа и Аввы Дорофея, 1431 г., л. 419—420 (книга написана в новгородском Лисицком монастыре; конец приписки здесь несколько отличается: вместо двух имен указан как получатель только «убогий Евсевий инок»); то же собр., № 704, Патерик скитский, XV в., л. 351 об.; ГБП, Кир.-Белоз. собр., № 6/1083, Сборник, 1476—1482 гг., л. 350 об. («В лето 6933 кир Иаковом доброписцем преведено от греческого языка на русский во святей горе Афонстей по вопросу и ответу святого Максима Исповедника генваря 21, лиг. ле убогому Евсевию, непотребному Ефрему Русину. Писано в Семене Богослове горелом»); то же собр., № 100/225, Слова Симеона Нового Богослова, XV—XVI в.; то же собр., № 108/1185, Сборник, XVI в., л. 281; Соф. собр., № 1519, Обиходник кирилловский, конец XVII в., л. 1 (И. здесь ошибочно назван «Кириаком доброписцем»). «Убогий Евсевий непотребный Ефрем» упоминается (упоминаются?) в ряде рукописей, написанных в первой четверти XV в. в Константинополе и на Афоне. Филарет Гумилевский пишет: «Ясно, что книга переведена для России, для русских паломников. Но кто был И.? Вероятнее всего — болгарин или русский, долго живший на Афоне, так что он списал себе почетное наименование кира — господина». Перевод кира И. еще не исследован.

Лит.: Строев. Словарь, с. 122; Филарет. Обзор, с. 131; Соловьевский. Переводная литература, с. 32.

Г. М. Прохоров

Иван III Васильевич (22 I 1440 г.—27 X 1505 г.) — великий князь Московский и всея Руси, автор грамот. С 1450 г. И. В. упоминается как соправитель своего слепого отца *Василия II Темного*; с 1462 г. — великий князь. В княжении Ивана III к Русскому государству были присоединены Новгород с обширной Новгородской землей, Тверское княжество, а также Ярославль, Вязьма, приокские княжества, Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др. Время И. В. — время расцвета русского летописания, появления ряда литературных памятников — переводных и оригинальных повестей, «Хождения за три моря» *Афанасия Никитина*, по-видимому, также *Сказания о Мамаевом побоище*, *Задонщины* и др. Отражением интенсивной духовной жизни

Руси в этот период является также идеологическая борьба — появление новгородско-московской ереси, возникновение политических теорий «Москвы — нового града Константина» (ср. *Зосима*, митрополит) и т. д. Искушенный политик, «великий макиавеллист», по определению Маркса, охотнее выступавший на дипломатическом поприще, чем на поле боя, И. В. проявлял несомненный интерес к идеологическим вопросам, и был в курсе тех споров, которые возникали между еретиками, среди которых был его ближайший сподвижник *Федор Курицын*, и их противниками. Уже в начале XVI в. он признавался *Иосифу Волоцкому*, что знал, «которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую дръжал Федор Курицын». При этом великий князь почти до самого конца жизни (до 1502—1503 гг.) оказывал явное покровительство еретикам, сперва новгородским (он перевел из Новгорода в Москву и сделал настоятелем Успенского собора еретика Алексея), а затем московским. В состав московского еретического кружка входила сноха И. В. молдаванка Елена Стефановна, мать его внука и наследника Дмитрия.

Как глава государства и политический деятель И. В. выступал с целым рядом посланий дипломатического и внутривластного характера. В 50—70-х гг. И. В., вместе с митрополитами *Ионой*, *Феодосием* и *Филиппом I* выступил с заявлением об «изрушении греческого закона» после Флорентийской унии и завоевания Царьграда. Он писал также грамоту архиепископу *Геннадию Новгородскому* по поводу обнаруженной Геннадием ереси в Новгороде и т. д.

Черты литературного творчества могут быть обнаружены и в дипломатических документах того времени. Предполагать их отражение позволяет то обстоятельство, что великий князь принимал непосредственное участие во внешнеполитических переговорах и давал инструкции по таким вопросам (например, инструкцию новгородскому наместнику Якову Захарьину о ведении переговоров с Литвой — Сб. РИО, т. 34, № 20). В речь, которая должна была быть передана его дочери, великой княгине литовской *Елене Ивановне*, И. В. включил воспоминания детства, совпавшего с феодальной войной в Московском княжестве. «Ипо, дочи, слышал аз, — писал он, — какво было пестроение (беспорядок) в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земли слышала еси, какво было пестроение при моем отце; а опосле отца моего какovy были дела и мне с братьею, надеюся, слышала еси, а иное и сама помниши. . .» (Сб. РИО, т. 35, № 43).

Однако выделить из всей массы «Посольских дел» времени И. В. отдельные литературные памятники не представляется возможным, так как преобладающей формой высказываний князя служат там не грамоты, а речи и ответы послам, произнесение которых поручалось обычно боярам и дьякам.

Изд.: ПДС. СПб., 1851, т. 1, стб. 1—139; Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. 4—447; СПб., 1884, т. 41, с. 1—558; РИБ. СПб., 1908, т. 6; № 100; Ка-

закова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI в. М.; Л., 1955. Прилож. № 14—15.

Лит.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1946, т. 8, с. 159; Костомаров Н. И. Великий князь и государь Иван Васильевич // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1896, т. 1; Чечулин Н. Иоанн III Васильевич (отгиск из «Русского биографического словаря»). СПб., 1897; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918; Черенин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960; Fennell J. L. Ivan the Great of Moscow. London, 1961.

Я. С. Лурье

Иван IV Васильевич Грозный (25 VIII 1530 г.—18 III 1584 г.)— великий князь (с 1533 г.) и царь (с 1547 г.) всея Руси, писатель и публицист. Историческая роль И. В. сложна и противоречива; противоречива и его роль в истории древнерусской литературы. В годы И. В. к территории Русского государства были присоединены Казань, Астрахань и Западная Сибирь, учреждена опричнина и установлено крепостное право. Уже с начала XVI в. из русской рукописной традиции исчезают «неполезные повести» (светская литература, не имеющая практического государственного значения); И. В., по словам *Курбского*, «затворил свое царство, аки в адовой твердыши». Но уже младшие современники отмечали, что будучи «на рабы своя, от бога данпыа ему, жестокерд вельми и на пролитие крови дерзостен и неумолим», И. В. вместе с тем был «муж чюдного разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Современники и авторы начала XVII в. упоминали и о переписке И. В. с бежавшим от него князем Курбским (послания Курбского и царя упоминались в дипломатической переписке XVI в. и в немецкой хронике Ниенштедта) и о богословских спорах царя с протестантским пастором Яном Рокитой и иезуитом Поссевино. Многие послания И. В. (послания Василию Грязному, Симеону Бекбулатовичу, иностранным государям), его публицистическое введение к деяниям Стоглавого собора и ответ Яну Роките дошли в рукописях XVI в. (в «Посольских делах» и др.); но другие произведения царя, например его послания Курбскому и в Кириллов Белозерский монастырь, «Духовная» (завещание) сохранились в рукописной традиции XVII—XVIII вв. Сложной проблемой при определении состава литературного наследия И. В. оказывается вопрос об атрибуции тех его произведений, которые имели официальный характер: как глава государства И. В. выступал с множеством грамот и посланий, значительная часть которых, несомненно, готовилась его канцелярией и только подписывалась им. Однако целый ряд дипломатических посланий И. В., так же как его публицистические послания и введения к *Стоглаву* и «Духовной», обнаруживает такие индивидуальные стилистические особенности, которые дают достаточные основания считать их произведениями одного и того же автора. Специфический синтаксис (при котором одни предложения входят в состав

других, представляя как бы замечание в скобках), конкретные бытовые детали, просторечные и даже брашные выражения («пес», «собака», «собачий рот», «лаяти» и т. д.), постоянные обращения к разуму читателя и ответы на его возможные возражения — все это встречается в посланиях И. В. на протяжении нескольких десятилетий — с 50-х и до 80-х г. XVI в. Автором этих произведений не мог быть ни один из литературно образованных государственных деятелей XVI в. (таких как *Макарий*, *Адашев*, *Силвестр* или *Висковатый*), так как никто из них не остался в живых к концу этого периода. Сходство этих письменных памятников с устными речами царя, также зафиксированными в документах XVI в., дают основания видеть в них произведения, в основной своей части сочиненные (вероятнее всего продиктованные) самим И. В.

Сочинения И. В. относятся в основном к публицистическому жанру, и творчество его тесно связано с развитием русской публицистики XVI в. Уже в памятниках XV в., написанных в связи с разрывом между русской церковью и константинопольской патриархией после Флорентийской унии и падения Константинополя, была высказана идея «изрушения» греческого православия; в конце XV в. эта идея была развита в кругах, связанных с еретическим окружением *Ивана III*. В 1492 г. митрополит *Зосима*, которого обвиняли в вольнодумстве, заявил о том, что Москва — новый «град Константинополь» и что русские, «последними» пришедшие к православию, отныне сменяют «первых» — греков. После разрыва *Ивана III* с еретиками в начале XVI в. ортодоксальное направление в русской церкви, возглавленное *Иосифом Волоцким*, сближается с великими князьями и развивает идею величия и «богоустановленности» русской царской власти. В первой трети XVI в. эта идея получила выражение в творчестве представителей двух основных направлений тогдашней публицистики: бывший тверской епископ *Спиридон-Савва* по заказу «временного человека» *Василия III* нестяжателя *Вассиана Патрикеева* излагает легенду о происхождении Рюриковичей от «Августа-кесаря», а близкий к иосифлянам пскович *Филофей* выдвигает теорию «Москвы третьего Рима». «Боярское правление» в годы юности И. В. обнаружило опасность олигархии; публицисты середины XVI в., и в особенности такой противник «вельмож», как *Пересветов*, решительно выступают за царскую «грозу».

Мы не знаем, в какой степени И. В. был знаком с перечисленными памятниками, но идеи их в какой-то степени нашли отражение в его публицистическом творчестве. И. В. несомненно знал и излагал в своих посланиях легенду о происхождении своих предков от «Августа-кесаря», менее ясно обнаруживается его знакомство с публицистической традицией, разрабатывавшей вопрос о Москве — «новом граде Константинополь» (*Зосима*) или «третьем Риме» (*Филофей*). Нет также прямых данных о его знакомстве с творчеством *Пересветова*. Но царь постоянно ссылался на историю падения Византии как поучительный пример для Руси:

подобно Пересветову, он осуждал при этом византийских (как и библейских — в соответствующих рассказах) вельмож.

Одной из важнейших проблем истории общественной мысли XVI в. представляется вопрос о сущности полемики, развернувшейся в знаменитой переписке И. В. с Курбским. После падения в начале 60-х гг. ряда приближенных царя (Сильвестр, Адашев и др.), А. М. Курбский, крупный военачальник, имевший основания ожидать опалы, бежал в 1564 г. в Литву и написал оттуда «укоризненное» послание И. В. — ответом на это письмо явилось обширное первое послание (1564 г.) царя, уже в древнейшей дошедшей до нас традиции обозначенное, как царское послание в «Российское» (или «Великия России») «государство на крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене». Уже в первой трети XVI в. на Руси появляется жанр «открытых писем» («Ответ кирилловских старцев» Иосифу Волоцкому), рассчитанных не столько на непосредственного их адресата, сколько на более широкую аудиторию; к этому же жанру относилась, очевидно, и переписка И. В. с Курбским. Сущность их полемики не всегда понятна; как отмечал В. О. Ключевский, может создаться впечатление, что «каждый из них твердит свое и плохо слушает противника». Действительно, Курбский в своем послании отнюдь не защищал боярскую олигархию, а только осуждал царя за несправедливые преследования верных воевод; рассказы царя о бесправствах во времена «боярского правления» не могли поэтому считаться прямым ответом на его жалобы. Однако выступления царя против «бояр» (под которыми он подразумевал все противоборствующие ему силы, придавая термину «бояре» куда более широкий смысл, чем это было принято в XVI в.) имели несомненно программный характер, а его совет «боярам» не считать себя единственными «чадами Авраама», ибо «может господь и из камней воздвигнуть чад Аврааму», звучал весьма многозначительно на фоне создания опричнины. Особое значение имел в ходе этой полемики упрек Курбского, что царь, прежде «в православии пресветлый явившийся», ныне «сопротивным обреться». К этому упреку царь многократно обращался на протяжении всего своего «широковещательного» первого послания; он вспомнил его и 13 лет спустя во втором послании (1577 г.). Как И. В., так и Курбский были воспитаны на решениях Стоглавого собора (в письменном изложении решений которого — *Стоглав*, царь принимал прямое участие), утвердившего русский церковный обиход как единственный подлинно православный. В этой обстановке обвинение в «сопротивности православию» имело важнейшее значение и вызывало со стороны царя настоячивые оправдания и ответные обвинения в ереси.

Что же имел в виду Курбский? В какой-то степени речь могла идти об обращении к неортодоксальной антибоярской публицистике предшествующих лет, типа сочинений Пересветова. С этим же связаны, очевидно, и обвинения в пристрастии к скоморошеским «играм», выдвигавшиеся против И. В.; любопытно, что в этой

слабости признавался и сам царь, объяснявший, что он допускает «игры» из снисхождения к «немощи человеческой» и к привычке народа «прохлажатися» подобным образом.

Появление неортодоксальных и даже скоморошеских черт в творчестве И. В. — важный факт не только для истории общественной мысли XVI в., но и для истории русской литературы. Суровая феодально-церковная идеология, в которой был воспитан И. В., отвергала все виды «смехотворения» и любые «неполезные повести»; так же широко отвергалось всякое неортодоксальное и «смехотворное» искусство и в решениях Стоглавого собора. И. В., по-видимому, достаточно твердо соблюдал эти решения — от времени его царствования до нас не дошло ни одного списка светских повестей, распространенных в XV столетии. Но как публицист И. В. ощущал необходимость действительной и убедительной аргументации против врагов, ухитрившихся все-таки посылать свои сочинения в «затворенное царство», — Курбского и других. Обращаясь к жителям «Российского государства», царь не мог ограничиваться только высокопарной риторикой и цитатами из Библии и святоотеческой литературы — для того, чтобы показать неправду обличаемых «крестопреступников», пужны были конкретные, выразительные детали. И царь нашел такие детали, нарисовав в послании Курбскому картину своего сиротского детства в период «боярского правления» и боярских своевольств в эти и последующие годы. Картина эта была остро тенденциозной и едва ли исторически точной. Но в выразительности ей отказать нельзя — педаром Курбский старался впоследствии в своей «Истории о великом князе Московском» дать иную версию истории детства царя, явно отвечая этим на рассказ своего противника.

Из других полемических произведений И. В. заслуживает внимания его послание в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. В годы опричнины многие крупные феодалы пытались обезопасить свою жизнь и имущество, постригаясь в монахи и отдавая земли в монастыри; все это привело к огромному расширению земельных владений монастырей, а иногда и к превращению их в замаскированные боярские вотчины. Написанное по конкретному поводу (в связи с конфликтом между влиятельным монахом — боярином Шереметевым и посланным в монастырь «от царской власти» Собакиным) послание царя направлено против такой опасной для самодержавия тенденции. Начав с выражения крайнего смирения («А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати и чем просветити?»), царь переходил затем к резким упрекам монахам за их списходительность к знатым постриженникам и завершал почти в оскорбительном тоне: «Вперед о том не докучайте: воистину ни о чем не отвечивати» (после чего пронически звучали последние слова: «а мы вам, мои господие и отцы, челом бием до лица земнаго»).

Важное место в творчестве И. В. занимает комплекс связанных между собой посланий, написанных после успешного ливонского

похода 1577 г. Среди этих памятников — второе послание Курбскому, послания польскому вице-регенту в Ливонии *Полубенскому* и гетману Яну Ходкевичу.

К творчеству И. В. могут быть отнесены также послания за рубеж от имени бояр, например ответное послание 1564 г. Сигизмунду II Августу и Григорию Ходкевичу от имени И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского и других лиц, которых польский король тайно приглашал на свою службу: грамоты были перехвачены, и сходные ответы, написанные от имени адресатов, обнаруживают явные признаки литературного стиля царя.

Сочетание «подсмеятельного», почти скоморошеского стиля с высокой риторикой, а иногда и с рассмотрением философских проблем — характерная особенность всех этих памятников. Черты скоморошества обнаруживаются и в послании *Полубенскому* и в дипломатических грамотах — шведскому королю Юхану (Иоганну) III, Стефану Баторию (в частности, в недавно обнаруженном послании 1579 г., опубликованном Д. К. Уо). Пародийна по своему построению грамота — челобитие кратковременному ставленнику царя на престоле «великому князю Семиону Бекбулатовичу всеа Русии» (1575 г.). Дух скоморошеской «игры», популярной, по-видимому, в опричнине, сказался и в посланиях царя бывшему опричнику Василию Грязному, попавшему в крымский плен и просившему царя выкупить его; высмеивая военные неудачи «Васюшки», И. В. соглашался дать за него лишь ничтожный по сравнению с запрошенным крымцами выкуп (1574 г.).

Серьезные философские проблемы ставились царем в ряде его устных выступлений и посланий. И. В. знал об острой полемике по вопросу о свободе и необходимости, происходившей в XVI в. между протестантами и католиками: сторонники реформации были детерминистами; католики, напротив (особенно после Тридентского собора) выступали в качестве защитников «свободы воли», видя в ней обоснование ответственности человека за грехи. Царь спорил и с теми и с другими. В ответе Сигизмунду II Августу от имени бояр он противопоставлял рассуждению короля об исконной «вольности» людей утверждение, что уже первому «самовластному» человеку Адаму бог дал «заповеди» и что, следовательно, «везде несвободно есть». В диспуте с Рокитой в 1570 г. И. В., напротив, подчеркивал, что «господь наш Исус Христос сотворил человека самовластна. . . , согрешившим же или отступником не токмо адамское прегрешение на них взыскуется, но и приложения своя злобы». В целом, однако, царю была ближе детерминистическая концепция: в посланиях Курбскому и другим в 1577 г. он настаивал на том, что победы его — следствие «божия смотрения» (провидения) ибо «бог дает власть, ему же хочет»; а в беседе с польскими послами в 1577 г. объяснял, что «кто бьет — тот лутче, а ково бьют да вяжут — тот хуже».

Ответ И. В. Яну Роките сохранился не только в развернутом, но и в сокращенном виде — как «Послание против люторов» Парфения Уродивого; именем Парфения Уродивого подписан

также «Канон ангелу грозному воеводе» (Михайлу Архангелу). Можно предполагать поэтому, что «Парфений Уродивый» — литературный псевдоним царя, под которым он выступал не только в полемическом, но и в гимнографическом жанре (стихиры).

Литературное творчество И. В. стало предметом специального рассмотрения исследователей в конце XIX в. (И. Н. Жданов): в 1951 г. было издано собрание избранных сочинений царя. Однако общий объем творчества И. В. еще не установлен; важной задачей остается выявление из большой массы официальных посланий царя памятников его индивидуального творчества. Сохранение ряда посланий И. В. в рукописной традиции XVII и последующих веков (и отсутствие их в списках XVI в.) естественно объясняется крайней неполнотой и значительными пробелами в традиции XVI в.; остро публицистический характер произведений царя и резкие перемены в его политике в годы опричнины приводили к устарению и официальному устранению ранее написанных памятников. Высказывавшиеся в научной литературе сомнения относительно подлинности важнейших произведений И. В. (в частности, его переписки с Курбским; ср. в статье «Курбский») представляются недостаточно обоснованными.

Задача составления полной библиографии сочинений, написанных и произнесенных царем или подписанных его именем, в настоящее время представляется несуществующей; значительная часть из них еще не выявлена в наших рукописных собраниях (в частности, не опубликованы еще полностью «Посольские дела»). Мы включили в постоянную библиографию все опубликованные дипломатические послания И. начиная с его совершеннолетия (1548 г.) и до смерти (1584 г.). Не включаются лишь грамоты от имени царя и его устные распоряжения, имевшие чисто деловой характер (например, перемирные, «опасные», «верючие» — верительные, грамоты; указы и памяти боярам относительно встреч, сопровождений, проездов, и другие формальные документы, составленные, по всей вероятности, канцелярией царя).

Публицистические и дипломатические послания и речи Грозного даны в порядке общей хронологии, причем публикация каждого произведения дается по последнему изданию (лишь в редких случаях указано переиздание). Отдельно, также в хронологическом порядке, помещены наказные памятки и речи царя, переданные через бояр и послов. Отдельные рубрики составляют выступления И. на Стоглавом соборе 1551 г. (послания, речи и вопросы), так как разделение их по жанрам затруднительно; духовная грамота 1572 г.; стихиры; канон и молитвы Ангелу Грозному, составленные царем. Послания и речи И. В. помещенные в летописи (*Летопись Никоновская*, *Царственная книга*) и имеющие в значительной степени явно этикетный характер, также выделены в особую рубрику.

О п у б л и к о в а н н ы е п о с л а н и я (грамоты) И в а н а IV: Белек-Булат мирзе. Сентябрь 1548 г. // Продолжение Древне-Российской Вивлиофики (далее — Прод. ДРВ). СПб., 1793, ч. 8, с. 79; Аруслап мирзе. Сентябрь 1548 г. // Там же, с. 80; Исмаил мирзе. Октябрь 1548 г. // Там же, с. 90; Исмаил мирзе. Июль 1549 г. // Там же, с. 134; Касай мирзе. 28 июня 1549 г. // Там же, с. 137; погайскому кн. Юсуфу. Август 1549 г. // Там же, с. 153; Али мирзе. Август 1549 г. // с. 159; в Крым к Бюрган Сейто, Илсману князю и Авдуле Бакшею. Август 1549 г. // Там же, с. 161; сопроводительная грамота послу к мирзам И. Федцову. Август 1549 г. // Там же, с. 165. Белек—Булат мирзе. Октябрь 1549 г. // Там же, с. 196; Араслап мирзе; 29 сентября 1549 г. // Там же, с. 198; Айдар мирзе. Октябрь 1549 г. // Там же, с. 199; польскому королю Спигзмунду II Августу. Декабрь 1550 г. // Сб.

имп. Русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1887, т. 59, с. 340; Юсуфу князю. Май 1551 г. // Прод. ДРВ, ч. 8, с. 237; Исмаил мирзе. Май 1551 г. // Там же, с. 240; Белек-Булат мирзе. Май 1551 г. // Там же, с. 242; Сигизмунду II Августу. Июнь 1551 г. // СИРИО, т. 59, с. 353; Касай мирзе. Июнь 1551 г. // Прод. ДРВ, ч. 8, с. 245; Исак мирзе. Июнь 1551 г. // Там же, с. 246; Исмаил мирзе. 24 июля 1551 г. // Там же, с. 285; ему же. Сентябрь 1551 г. // Там же, с. 291; ему же. Октябрь 1551 г. // Там же, с. 297; Юсуфу князю. Январь 1552 г. // Там же, с. 309; Исмаил мирзе. Январь 1552 г. // Там же, с. 319; Белек-Булат мирзе. Январь 1552 г. // Там же, с. 320; Сигизмунду II Августу. 8 марта 1552 г. // СИРИО, т. 59, с. 360; Белек-Булат мирзе. Май 1552 г. // Прод. ДРВ. СПб., 1793, ч. 9, с. 23; Арслан мирзе. Май 1552 г. // Там же, с. 24; Исак мирзе. Май 1552 г. (в тексте — июнь) // Там же, с. 25; Айдар мирзе. Май 1552 г. // Там же, с. 26; Юсуфу князю. Июнь 1552 г. // Там же, с. 9; Касай мирзе. Июнь 1552 г. // Там же, с. 14; Исмаил мирзе. Июнь 1552 г. // Прод. ДРВ, ч. 8, с. 334; Белек-Булат мирзе. Июнь 1552 г. // Прод. ДРВ, ч. 8, с. 336; Польско-литовской раде от имени бояр И. М. Шуйского и Д. Р. Юрьева. 1-я пол. января 1553 г. // СИРИО, т. 59, с. 370; Юсуфу князю. Январь 1553 г. // Прод. ДРВ, ч. 9, с. 60; Исмаил мирзе. Январь 1553 г. // Там же, с. 63; Касай мирзе. Январь 1553 г. // Там же, с. 67; Белек-Булат мирзе. Январь 1553 г. // Там же, с. 68; Арслан мирзе. Январь 1553 г. // Там же, с. 70; Касай мирзе. Июнь 1553 г. // Там же, с. 85; Белек-Булат мирзе. Июнь 1553 г. // Там же, с. 86; Арслан мирзе. Июнь 1553 г. // Там же, с. 86; Айсе мирзе. Июнь 1553 г. // Там же, с. 87; Атай мирзе. Июнь 1553 г. // Там же, с. 88; Исмаил мирзе. 27 июля 1553 г. // Там же, с. 81; Шигаею царю. 1 января 1554 г. // Там же, с. 145; Юсуфу князю. Январь 1554 г. // Там же, с. 126; Юнус мирзе. Январь 1554 г. // Там же, с. 131; Али мирзе. Январь 1554 г. // Там же, с. 135; Касай мирзе. Январь 1554 г. // Там же, с. 136, 138; Белек-Булат мирзе. Январь 1554 г. // Там же, с. 140, 142; Айсе мирзе. Январь 1554 г. // Там же, с. 143; английскому королю Эдуарду VI. Февраль 1554 г. // Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593 гг. / Изд. Ю. Толстого. СПб., 1875 (далее — Ю. Толстой), с. 6; Арслан мирзе. Февраль 1555 г. // Прод. ДРВ, ч. 9, с. 179; погайскому князю Исмаилу. Июнь 1555 г. // Прод. ДРВ, ч. 9, с. 157, 160; Мир. Макарию. 3 июля 1555 г. // СИРИО, т. 59, с. 468; Исмаилу князю. Январь 1556 г. // Прод. ДРВ, ч. 9, с. 212; Бл мирзе. Февраль 1556 г. // Там же, с. 201; Магмет мирзе. Февраль 1556 г. // Там же, с. 203; Юван мирзе. Февраль 1556 г. // Там же, с. 206; Исмаилу князю. Июль 1556 г. // Там же, с. 226; Магмет мирзе. Июль 1556 г. // Там же, с. 230; Арслан мирзе. Июль 1556 г. // Там же, с. 233; Ак мирзе. Июль 1556 г. // Там же, с. 234; Тахтамышу царевичу (салтану). 25 июля 1556 г. // Там же, с. 236; шведскому королю Густаву I Вазе. Август 1556 г. // СИРИО. СПб., 1910, т. 129, с. 14; Сигизмунду II Августу. Октябрь 1556 г. (в тексте — 7063, т. е. 1554 г.) // СИРИО, т. 59, с. 535; Белек-Булат мирзе. Январь 1557 г. // Прод. ДРВ, ч. 9, с. 253; Айсе мирзе. Январь—февраль 1557 г. // Там же, с. 255; Казы мирзе. Февраль 1557 г. // Там же, с. 256; Исмаилу князю. Август 1557 г. // Там же, с. 288, 292; Кутум мирзе. Август 1557 г. // Там же, с. 293; Исмаилу князю. 21 января 1558 г. // Там же, с. 306; Белек-Булат мирзе. Январь 1558 г. // Там же, с. 310; Айсе мирзе. Январь 1558 г. // Там же, с. 311; Магмет мирзе. Январь 1558 г. // Там же, с. 312; Исмаилу князю. Январь 1558 г. // Там же, с. 314; Белек-Булат мирзе. Март 1558 г. // Прод. ДРВ. СПб., 1795, ч. 10, с. 6; Айсе мирзе и Магмет мирзе. Март 1558 г. // Там же, с. 7; в Александрию к Пале и патриарху Иоакиму. Сентябрь 1558 г. // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887, т. 6, вып. 3, с. 1; Исмаилу князю. Октябрь 1558 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 34; Густаву I Вазе. 24 октября 1558 г. // СИРИО, т. 129, с. 60; Исмаилу князю. Апрель 1559 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 42; Сигизмунду II Августу. Май 1559 г. // СИРИО, т. 59, с. 581; Густаву I Вазе. Июнь 1559 г. // СИРИО, т. 129, с. 65; Асан мирзе, Тиналей мирзе Козелей мирзе и Салтанга мирзе. Июль 1559 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 48; Исмаилу князю. Сентябрь 1559 г. // Там же, с. 56; Сигизмунду II Августу. Декабрь 1559 г. // СИРИО, т. 59, с. 597; Густаву I Вазе. Январь 1560 г. // СИРИО, т. 129, с. 70; Тиналей мирзе. Март 1560 г. // Прод. ДРВ, с. 10,

с. 85; Урус мирзе. Март 1560 г. // Там же, с. 83; Сигизмунду II Августу. Апрель 1560 г. // СИРИО, т. 59, с. 608; Исмаилу князю. Июнь 1560 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 98; Магмет мирзе. Июнь 1560 г. // Там же, с. 109; Густаву I Вазе. Июль 1560 г. // СИРИО, т. 129, с. 79; Исмаилу князю. 25 октября 1560 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 144; шведскому королю Эрику XIV. 27 февраля 1561 г. // СИРИО, т. 129, с. 81; Исмаилу князю. Апрель 1561 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 146; Магмет мирзе. Апрель 1561 г. // Там же, с. 149; Урус мирзе. Апрель 1561 г. // Там же, с. 150; Ислам Газы мирзе. Апрель 1561 г. // Там же, с. 150; Казы мирзе, Апрель 1561 г. // Там же, с. 151; Исмаилу князю. Август 1561 г. (без даты и без окончания) // Там же, с. 164; Сигизмунду II Августу. Апрель 1562 г. // СИРИО, СПб., 1892, т. 71, с. 55; Исмаилу князю. Апрель 1562 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 191; Магмет мирзе. Апрель 1562 г. // Там же, с. 196; Урус мирзе. Апрель 1562 г. // Там же, с. 198; Тинахмат мирзе. Апрель 1562 г. // Там же, с. 199; Астраханскому воеводе кн. Ф. Сысееву и др. 22 апреля 1562 г. // Там же, с. 201; литовскому гетману Г. А. Ходкевичу от имени юрьевского воеводы И. П. Челяднина-Федорова. Октябрь 1562 г. // СИРИО, т. 71, с. 73; боярам И. П. Челяднину-Федорову и др. 19 октября 1562 г. // Там же, с. 79; Исмаилу князю. Октябрь 1562 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 233; Тинахмат мирзе. Октябрь 1562 г. // Там же, с. 242; Урус мирзе. Октябрь 1562 г. // Там же, с. 244; астраханскому воеводе Ф. В. Сысееву и др. 28 октября 1562 г. // Там же, с. 247; Польско-литовской раде от имени бояр И. Д. Бельского, Д. Р. Юрєва-Захарына и др. 28 ноября 1562 г. // СИРИО, т. 71, с. 102; литовскому гетману Г. А. Ходкевичу от имени И. П. Челяднина-Федорова. Январь 1563 г. // Там же, с. 117; Польско-литовской раде от имени бояр И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского и др. 24 февраля 1563 г. // Там же, с. 124; Сигизмунду II Августу. 17 июня 1563 г. // Там же, с. 143; Сигизмунду II Августу. 20 июля 1563 г. // Там же, с. 157; ему же. 10 сентября 1563 г. // Там же, с. 170; Исмаилу князю. Сентябрь 1563 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 307; Сигизмунду II Августу. 29 ноября 1563 г. // СИРИО, т. 71, с. 184; крымскому царю Девлет Гирею. 9 марта 1564 г. // Изв. Таврич. учен. арх. комиссии, № 9, год 4-й / Под ред. Ф. Лашкова. Симферополь, 1890, с. 35; кн. А. М. Курбскому. 5 июля 1564 г. (I послание) // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979, с. 12 (швейц. изд.: ПЛДР, М., 1986, вып. 8, с. 22); Тинехмату князю. Ноябрь 1564 г. // Прод. ДРВ, СПб., 1801, ч. 11, с. 79; Урус мирзе. Ноябрь 1564 г. // Там же, с. 88; Сигизмунду II Августу. 21 ноября 1565 г. // СИРИО, т. 71, с. 315; Тинехмату князю. Февраль 1566 г. // Прод. ДРВ, ч. 11, с. 171; Сигизмунду II Августу. 24 апреля 1566 г. // СИРИО, т. 71, с. 335; Сигизмунду II Августу. 31 января 1567 г. // СИРИО, т. 71, с. 442; английской королеве Елизавете I. 10 апреля 1567 г. // Ю. Толстой, с. 35; Сигизмунду II Августу от имени И. Д. Бельского. 2 июля 1567 г. // Послания Ивана Грозного / Подг. текста Я. С. Лурье и Д. С. Лихачева. М.; Л., АН СССР, 1951 (далее — Послания И. Грозного), с. 241; Сигизмунду II Августу от имени М. И. Воротынского. 15 июля 1567 г. // Там же, с. 257; Сигизмунду II Августу от имени И. Ф. Мстиславского. 5 июля 1567 г. // Там же, с. 249; гетману Г. А. Ходкевичу от имени М. И. Воротынского. 20 июля 1567 г. // Там же, с. 265; Г. А. Ходкевичу от имени И. Д. Бельского. 28 июля 1567 г. // Там же, с. 247; Г. А. Ходкевичу от имени И. Ф. Мстиславского. 31 июля 1567 г. // Там же, с. 255; Сигизмунду II Августу от имени И. П. Федорова. 6 августа 1567 г. // Там же, с. 274; Г. А. Ходкевичу от имени И. П. Федорова. 6 августа 1567 г. // Там же, с. 275; англ. королеве Елизавете. 16 сентября 1567 г. // Ю. Толстой, с. 36; Сигизмунду II Августу. 16 июня 1568 г. // СИРИО, т. 71, с. 568; Сигизмунду II Августу. 12 ноября 1568 г. // Там же, с. 580; ему же, 24 февраля 1569 г. // Там же, с. 587; ему же, 25 марта 1569 г. // Там же, с. 600; королеве Елизавете. 1 апреля 1569 г. // Ю. Толстой, с. 66; ей же. 20 июня 1569 г. // Там же, с. 67; ей же. 20 июня 1569 г. // Там же, с. 68; Сигизмунду II Августу. 20 августа 1569 г. // СИРИО, т. 71, с. 609; турецкому Селим Султану. Ноябрь 1569 г. // ДРВ, СПб., 1789, ч. 12, с. 84; литовским панам Я. Скратошину и др. от им. бояр М. Я. Морозова и др. 26 августа 1570 г. // СИРИО, т. 71, с. 751; королеве Елизавете. 24 октября 1570 г. // Послания И. Грозного, с. 139 (перевод. — ПЛДР, вып. 8, с. 108);

Селим Султану. Март 1571 г. // ДРВ, ч. 12, с. 28, с. 30; шведскому королю Юхану III. Апрель 1571 г. // СИРИО, т. 129, с. 201; королеве Елизавете. Август 1571 г. // Ю. Толстой, с. 120; кн. М. Ф. Гвоздеву и Салтыковым (о чуме). Октябрь 1571 г. // ТОДРЛ, т. 12, с. 429; Юхану III. Январь 1572 г. // СИРИО, т. 129, с. 221; воеводам полков, ушедших воевать в Швецию. 15 января 1572 г. // Там же, с. 224; кор. Елизавете. Май 1572 г. // Ю. Толстой, с. 146; Юхану III. 11 августа 1572 г. // Послания И. Грозного, с. 144 (перезд. ПЛДР, вып. 8, с. 116); Юхану III. 6 января 1573 г. // Послания И. Грозного, с. 148 (перезд. — ПЛДР, вып. 8, с. 122); выборгскому наместнику Андрусу Нилишеву от имени бояр И. Тевкелевича и Г. В. Путяткина. 20 февраля 1573 г. // СИРИО, т. 129, с. 242; в Кольвань к Клаусу Оксу от имени окольничего Д. А. Бутурлина. Февраль 1573 г. // Там же, с. 243; Юхану III. 14 марта 1573 г. // Там же, с. 243; Юхану III. 7 сентября 1573 г. // Там же, с. 251; в Кирилло-Белозерский монастырь. 1573 г. // Послания И. Грозного, с. 162 (перезд. — ПЛДР, вып. 8, с. 144); Юхану III. 9 августа 1574 г. // СИРИО, т. 129, с. 259; в Орешек к П. Б. Приемкову-Ростовскому и Г. В. Путятину. 10 августа 1574 г. // Там же, с. 263; королеве Елизавете. 20 августа 1574 г. // Ю. Толстой, с. 148; Василию Грязному. Июнь 1574 г. // Послания И. Грозного, с. 193 (перезд. — ПЛДР, вып. 8, с. 170); Юхану III. 23 декабря 1574 г. // СИРИО, т. 129, с. 277; шведским послам Клаусу Флемингу и др. от имени бояр В. А. Спцкого—Ярославского, М. В. Кольчева и Т. Г. Лихачева. 1 января 1575 г. // Там же, с. 291; Юхану III. Февраль 1575 г. // Там же, с. 299; шведским послам К. Флемингу и др. от имени бояр В. А. Спцкого—Ярославского и др. 12 февраля 1575 г. // Там же, с. 301; в Новгород к В. А. Спцкому и др. 12 февраля 1575 г. // Там же, с. 303; им же. 1 марта 1575 г. // Там же, с. 307; шведским послам К. Флемингу и др. от имени В. А. Спцкого и др. Март 1575 г. // Там же, с. 307; с. 311; В. А. Спцкому—Ярославскому и др. 5 марта 1575 г. // Там же, с. 309; им же в Орешек. 3 мая 1575 г. // Там же, с. 321; шведским послам К. Флемингу и др. от имени В. А. Спцкого и др. 2 мая 1575 г. // Там же, с. 322; Симеону Бекбулатовичу. 30 октября 1575 г. // Послания И. Грозного, с. 195; послам германского императора Максимилиана II Иоганну Кобенцелю и Даниелю Принцу фон Бухау. Декабрь 1575 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных (далее — ПДС). СПб., 1851, ч. 1, стб. 500; в Литву к панам радам Коруня Польские и Великого кн-ва Литовского. Январь 1576 г. // Там же, стб. 574; эрцгерцогу Карлу Австрийскому. Январь 1576 г. // Там же, стб. 613; датскому королю Фредерику II. Январь 1576 г. // Там же, стб. 617; Юхану III. Июнь 1576 г. // СИРИО, т. 129, с. 348; императору Максимилиану II. Июнь 1576 г. // ПДС, ч. 1, стб. 639; ему же. Ноябрь 1576 г. // Там же, стб. 651; Юхану III. Ноябрь 1576 г. // СИРИО, т. 129, с. 355; турецкому Мурат Султану. Март 1577 г. // ДРВ, ч. 12, с. 26; Юхану III. Июнь 1577 г. // СИРИО, т. 129, с. 357; Александру Полубескому. 9 июля 1577 г. // Послания И. Грозного, с. 197; Я. Е. Ходкевичу. 12 сентября 1577 г. // там же, с. 205; Тимохе Тетерпну. 12 сентября 1577 г. // там же, с. 212; Серадскому воеводе Олбрехту Ласскому. Сентябрь 1577 г. // ПДС, ч. 1, стб. 738; датскому королю Фредерику II. Сентябрь 1577 г. // Там же, стб. 741; кн. А. М. Курбскому (II послание). 1577 г. // Перелиска И. Грозного с А. Курбским, с. 103 (перезд. — ПЛДР, вып. 8, с. 78); Тинехмату князю. Март 1578 г. // Прод. ДРВ, ч. 11, с. 272; Урус мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 286; Ак мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 296; Бек мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 297; Тинбай мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 299; Ханбай мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 300; Сейд Ахмет мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 303; Кучюк мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 306; Урмагмет мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 308; Хан мирзе. Март 1578 г. — там же, с. 310; Тиналей мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 313; Асанак мирзе. Март 1578 г. // Там же, с. 314; польскому королю Стефану Баторию. 1 октября 1579 г. // АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 357—361; ПЛДР, вып. 8, с. 174; германскому императору Рудольфу II. Март 1580 г. // ПДС, ч. 1, стб. 765; ему же. Август 1580 г. // Там же, стб. 785, 795; Папе римскому Григорию XIII. Август 1580 г. // ПДС, СПб., 1871, т. 10, стб. 5; Стефану Баторию. 29 июня 1581 г. // Послания И. Грозного, с. 213 (перезд. — ПЛДР

вып. 8, с. 180); М. В. Мезецкому и др. (о чуме). Август 1581 г. // ТОДРД, т. 12, с. 429; повгородскому воеводе И. Ю. Голицыну и виленскому воеводе. 14 сентября 1581 г. // ПДС. т. 10, стб. 242, стб. 244; боярину Н. Р. Юрьеву (о болезни царевича Ивана Ивановича). 12 ноября 1581 г. // Л и х а ч е в Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевины. СПб., 1903, с. 58; панам радам Миколаю Радивилу и Остафью Волову от им. послов Д. П. Елецкого и Р. В. Олферьева. Ноябрь 1581 г. // У с п е н с к и й Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887, с. 29; послу Григорию XIII А. Поссевину от им. кн. И. Ю. Голицына. Ноябрь 1581 г. // Там же, с. 30; повгородскому архиепископу Александру. 5 ноября 1581 г. // Там же, с. 31; послам Д. П. Елецкому и др. 18 ноября 1581 г. // Там же, с. 36; императору Рудольфу II. Март 1582 г. // ПДС, ч. 1, стб. 842; Пане Григорию XIII. Март 1582 г. — ПДС, т. 10, стб. 351; (просьба) для послов к Григорию XIII Я. Молвянинова и Т. Васильева. Март 1582 г. // Там же, стб. 355; эрцгерцогу Карлу Австрийскому. Март 1582 г. // Там же, стб. 357; сыну Максимилиана II австрийскому «арцкнязю» Эрнсту. Март 1582 г. // Там же, стб. 360; венецианскому дожу Н. Земонту. Март 1582 г. // Там же, стб. 363; смоленским воеводам и епископу Сильвестру. 14 марта 1582 г. // Там же, стб. 384; королеве Елизавете. Май 1582 г. // Ю. Толстой, с. 189; ей же. Июль 1582 г. // СИРИО, т. 38. СПб., 1883, с. 9; послам в Англию Ф. А. Писемскому и Н. Ховраеву. 13 июля 1582 г. // Там же, с. 11; Стефану Баторию. Июль 1583 г. // ДРВ, ч. 12, с. 134; То же // Там же, с. 152.

Опубликованные наказные памяти и речи Ивана IV для бояр и послов: для послов М. Я. и П. В. Морозовых и И. М. Карачарова-Баки — Сигизмунду II Августу. Июль 1549 г. // СИРИО. СПб., 1887, т. 59, с. 309; для посла Я. А. Остафьева — Сигизмунду II Августу. Декабрь 1550 г. // с. 342; для бояр В. М. Юрьева, И. М. Воронцова, Ф. И. Сукина и др. — к послам Сигизмунда II Августа С. С. Довойна, О. Б. Воловичу и П. М. Семешка. 27 августа 1553 г. // с. 390; для бояр В. М. Юрьева, И. М. Воронцова и др. — к послам Сигизмунда II Августа С. С. Довойна и др. Сентябрь 1553 г. (список ответа) // Там же, с. 415; для посла М. И. Бровцына — к Исмаил мирзе. Январь 1554 г. // Прод. ДРВ, СПб., 1793, ч. 9, с. 119; для послов В. М. Юрьева, Ф. И. Сукина и И. Бухарина — к Сигизмунду II Августу. Январь 1554 г. // СИРИО, т. 59, с. 421; для посла Ф. В. Вокшерина — к Сигизмунду II Августу. Сентябрь 1554 г. // там же, с. 447; для И. М. Висковатого и М. И. Бровцына — к литовскому посланнику Ю. В. Тишкевичу. Февраль 1555 г. // Там же, с. 463; для бояр М. Я. Морозова, И. М. Воронцова и др. — к литовским послам С. Ф. Збаражскому, Я. Шняковичу и В. Миколаевичу. 30 января 1556 г. // Там же, с. 496; для послов И. М. Воронцова, Ф. И. Сукина и Б. А. Щеккина — к Сигизмунду II Августу. Май 1556 г. // Там же, с. 517; для дьяка И. М. Висковатого — к гонцу Густава I Вазы К. И. Иогансену (часть речей произнесена лично царем). 9 августа 1556 г. // СИРИО, СПб., 1910, т. 129, с. 13; для А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого — к послам Густава I Вазы кн. С. Эрикссону, архиепископу Лаврентию Петри и др. 9 марта 1557 г. // Там же, с. 29; для дьяка И. В. Безсопова — к ним же. 25 марта 1557 г. // Там же, с. 44; краткая речь Ивана IV к боярам об отношениях с Сигизмундом II Августом. Февраль 1558 г. // СИРИО, т. 59, с. 538; для посла Р. В. Олферьева — к Сигизмунду II Августу. Февраль 1558 г. // СИРИО, т. 59, с. 540; для посла Е. Д. Малцова — к Исмаилу князю. Март 1558 г. // Прод. ДРВ, СПб., 1795, ч. 10, с. 1; для А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого — к послам Сигизмунду II Августа Я. Ю. Волчеку и Л. Гарабурде. 24 июня 1558 г. // СИРИО, т. 59, с. 557; для А. Ф. Адашева, Ф. И. Сукина и И. М. Висковатого — к послам Сигизмунда II Августа В. Тишкевичу, М. Пошувинскому и Я. Гайке. 8—10 марта 1559 г. // СИРИО, т. 59, с. 570; То же. 16 марта 1559 г. // Там же, с. 579; для посла Р. М. Пивова — к Сигизмунду II Августу. Май 1559 г. // Там же, с. 581; для посла И. Г. Совина — к Исмаилу князю. Апрель 1560 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 75; для посла к Сигизмунду II Августу Н. С. Суцеву (речи говорить запрещено). Апрель—июль 1560 г. // СИРИО, т. 59, с. 611; для послов Ф. И. Сукина и Г. Ф. Шапкина — к Сигизмунду II Августу. Август

1560 г. // СИРИО. СПб., 1892, т. 71, с. 2; для М. П. Воротынского, В. М. Юрьева, Ф. И. Сукшина и др. — к послам Сигизмунда II Августа Я. Шимковичу, Я. Гайке и др. 11 февраля 1561 г. // Там же, с. 34; То же. 16 февраля 1561 г. // Там же, с. 41; для А. Д. Плещеева и И. М. Висковатого — к послам шведского короля Эрика XIV Нилсу Круму, Ирику Фалку и др. 26 июля 1561 г. // СИРИО, т. 129, с. 89; для дьяка И. Т. Клобукова — к послам Эрика XIV Н. Круму и др. Август 1561 г. // Там же, с. 102; собственные речи Ивана IV к ногайским послам Исенбаку, Иштереку Байтерекову и др. 5 октября 1562 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 215, 218; для посла М. К. Приклонского — к Исмаилу князю. Пер. пол. 1563 г. (даты не указаны) // Там же, с. 275, 278; для посла И. В. Безсонова — к Типахмат мирзе. Пер. пол. 1563 г. (даты не указаны) // Там же, с. 290, 294; для посла М. И. Шпшелева — к Урус мирзе. Пер. пол. 1563 г. (даты не указаны) // Там же, с. 294, 298; для посла Д. Д. Непейцына — к Тиналой мирзе. Пер. пол. 1563 г. (даты не указаны) // Там же, с. 298; для посла А. Ф. Клобукова — к Сигизмунду II Августу. Июль 1563 г. // СИРИО, т. 71, с. 152; собств. речи Ивана IV к послу Урус мирзы Сосмаку и послу Исмаилу князя Тягрибердею. 13 сентября 1563 г. // Прод. ДРВ, ч. 10, с. 302, 303; для М. А. Безнина и М. Ф. Совина — к послу Сигизмунда II Августа А. И. Хоружему. 17 ноября 1563 г. // СИРИО, т. 71, с. 177; для Г. Росточина, Г. И. Нагого, Р. В. Олферьева и др. — к послам Сигизмунда II Августа Г. А. Ходкевичу, Г. Воловичу и М. Гарабурде. 21 ноября и 4 декабря 1563 г. // Там же, с. 190, 192; для В. М. Юрьева, А. Д. Басманова, И. М. Висковатого и др. — к послам Сигизмунда II Августа Г. А. Ходкевичу и др. 11 декабря 1563 г. // Там же, с. 198; То же, 21 декабря 1563 г. (только переговоры) // Там же, с. 283; собств. речи Ивана IV к послам Сигизмунда II Августа Г. А. Ходкевичу и др. 28 декабря 1563 г. // Там же, с. 288; для послов М. Т. Петрова и др. — к Тинехмату князю. Май 1564 г. // Прод. ДРВ, СПб., 1801, ч. 11, с. 59; для послов В. П. Федяшова и др. — к Урус мирзе. Май 1564 г. // Там же, с. 67; для посла М. Ф. Сунбулова — к Тинехмату князю. Май—июнь 1565 г. // Там же, с. 138, 140, 147; для посла И. Т. Чудипова — к Урус мирзе. Май—июнь 1565 г. // Там же, с. 152; для посла И. С. Малцова — к Типбай мирзе. Май—июнь 1565 г. // Там же, с. 154; для посла В. Желтицкого — к Сигизмунду II Августу. 21 ноября 1565 г. // СИРИО, т. 71, с. 319; «ответный список» (речи) к послам Сигизмунда II Августа Г. А. Ходкевичу и др. 9 июня 1566 г. // Там же, с. 354; для послов Ф. П. Умнаго—Кольчева и др. — к Сигизмунду II Августу. Февраль 1567 г. // Там же, с. 451; «поручение» послу англ. королевы Антону Дженкинсону. Ноябрь 1567 г. // Первые сорок лет сношений между Россией и Англией / Изд. Ю. Толстого. СПб., 1875, с. 36; для послов И. М. Воронцова и др. — к Эрику XIV и его приближенным. 11 июля 1568 г. // Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954, с. 40; для М. Морозова и др. — к послам Сигизмунда II Августа Я. Скратошину и др. 10 мая 1570 г. (часть речей произнесена лично Иваном IV) // СИРИО, т. 71, с. 643, 677; «ответ государев» протестантскому проповеднику Яну Роките. Май 1570 г. // Древнерусские полемические сочинения против протестантов // ЧОИДР. М., 1878, кн. 2, вып. 1 (перизд.: Tsar Ivan IV's Reply to Rokita/ Ed. by V. Tumins, 1971); для И. М. Висковатого и А. Васильева — к шведским послам Павлу епископу Абовскому и Матвею Скуберту. 1 июня 1570 г. // СИРИО, т. 129, с. 183, 185; для посла И. М. Капбарова — к Сигизмунду II Августу. 16 января 1571 г. // СИРИО, т. 71, с. 764; «повеление» (о договоре) шведским послам Павлу епископу Абовскому и М. Скуберту. 4 января 1572 г. // СИРИО, т. 129, с. 216; собств. речи Ивана IV к шведским послам. 7 января 1572 г. // Там же, с. 224; личные переговоры Ивана IV с английским послом Антоном Дженкинсоном (в Александровой слободе). 23 марта 1572 г. // Ю. Толстой, с. 134; То же (в Старице). 13 мая 1572 г. — там же, с. 143; для посла В. А. Чихачева — к шведскому королю Юхану III. Март 1572 г. // СИРИО, т. 129, с. 244; для посла В. В. Пивова — к Юхану III. Нач. сентября 1573 г. // Там же, с. 253; для послов В. А. Сицкого—Ярославского, М. В. Кольчева и Т. Г. Лихачева — к шведским послам Клаушу Флемпигу и др. 30 января 1575 г. // Там же, с. 282; для послов В. А. Сицкого—Ярославского, П. И. Барятинского и Т. Г. Лихачева — к шведским послам К. Флемпигу и др. Июль

1575 г. // Там же, с. 329; собств. речь Ивана IV к английскому переводчику Даниилу Сильвестру. 29 ноября 1575 г. // Ю. Толстой, с. 181; для Д. П. Елецкого, А. Я. Щелкалова, Н. Р. Юрьева и В. А. Сицкого—Ярославского — к послам германского императора Максимилиана II Иоганну Кобенцелю и Даниелю Принцу фон Бухау. Ноябрь 1575 г., 12 декабря 1575 г. // ПДС. СПб., 1851, ч. 1, стб. 481, 490; собств. речи Ивана IV к послам имп. Максимилиана II И. Кобенцелю и Д. Принцу. 26 января 1576 г. // Там же, стб. 543; для М. Д. Карнова, М. Ф. Барятинского и др. — к ним же. 26 января 1576 г. // Там же, стб. 545; для послов З. И. Сугорского (Белоозерского) и А. Арцыбашева — к имп. Максимилиану II. Январь 1576 г. // там же, стб. 586; для них же — к датскому королю Фредерику II. Январь 1576 г. // Там же, стб. 615; личная беседа Ивана IV с Даниилом Сильвестром. 29 января 1576 г. // Ю. Толстой, с. 186; для посла Ж. И. Квашинца — к германскому императору Рудольфу II. Сентябрь 1577 г. // ПДС, ч. 1, стб. 719, 727; для него же — к датскому королю Фредерику II. Сентябрь 1577 г. // Там же, стб. 740; для посла А. Д. Резанова — к имп. Рудольфу II. Март 1580 г. — там же, стб. 722; для гонца Л. И. Шевригина — к имп. Рудольфу II и его приближенным. Август 1580 г. // Там же, стб. 800; для посла Истомы Шевригина — к Папе римскому Григорию XIII. Август 1580 г. // ПДС. СПб., 1871, т. 10, стб. 42; для пристава З. М. Волохова — к послу Григория XIII Антонию Поссевицу. 24 июля 1581 г. // Там же, стб. 40; для смоленских воевод и епископа Сильвестра (только указы о встрече А. Поссевина). 27 июля 1581 г. // Там же, стб. 50; для М. Виукова — к А. Поссевицу. 18 августа 1581 г. // Там же, стб. 60; для Е. Благое (только наказ о приеме А. Поссевина). Август 1581 г. // Там же, стб. 68; для бояр В. Г. Зюзина, Р. М. Пивова и др. — к А. Поссевицу. 31 августа 1581 г. // Там же, стб. 111—179; для посла А. Поссевина (наказ от Ивана IV) — к польскому королю Стефану Баторию. 1 сентября 1581 г. // Там же, стб. 181; для Н. Р. Юрьева, Б. Я. Бельского — к А. Поссевицу. 4 сентября 1581 г. // Там же, стб. 191; для В. Г. Зюзина, Р. М. Пивова, А. Я. Щелкалова и др. — к А. Поссевицу. 10 сентября 1581 г. // Там же, стб. 195; для посла А. Поссевина — к Стефану Баторию. 11 сентября 1581 г. // Там же, стб. 202; собств. речь Ивана IV к А. Поссевицу. 12 сентября 1581 г. // Там же, стб. 204; «ответный список» (память приказная) для А. Поссевина — к Стефану Баторию. 12 сентября 1581 г. // Там же, стб. 206; для З. М. Волохова (только наказ о сопровождении А. Поссевина). 14 сентября 1581 г. // Там же, стб. 238; для Л. А. Стремоухова — к посланцу от А. Поссевина Андрею. 20 октября 1581 г. // Там же, стб. 246; для послов Д. П. Елецкого и др. — к Стефану Баторию. Ноябрь 1581 г. // У с п е н с к и й Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса. 1885, с. 7; для Е. Ф. Коробова, З. М. Волохова и др. — к А. Поссевицу. 14 февраля 1582 г. // ПДС, т. 10, стб. 259; для А. М. Пушкина, Ф. А. Писемского и П. Судешева — к А. Поссевицу (часть речей произнесена лично Иваном IV). 16 февраля 1582 г. // Там же, стб. 265; для А. Поссевина (память «о литовской войне»). 17 февраля 1582 г. // Там же, стб. 273; «ответный список» для Н. Р. Юрьева, В. Г. Зюзина и др. — к А. Поссевицу. 21 февраля 1582 г. // Там же, стб. 281; личные переговоры Ивана IV с А. Поссевином. 21 февраля 1582 г. // Там же, стб. 298; собств. речь Ивана IV к А. Поссевицу. 23 февраля 1582 г. // Там же, стб. 311; для бояр — к А. Поссевицу. 27—28 февраля 1582 г. // Там же, стб. 317; собств. речи Ивана IV. к А. Поссевицу и письменный ответ ему же. 4 марта 1582 г. // Там же, стб. 323, стб. 326; собств. речь Ивана IV к А. Поссевицу и письменный ответ ему же (чтен боярам). 11 марта 1582 г. // Там же, стб. 339, стб. 340; для бояр Н. Р. Юрьева и др. — к А. Поссевицу (переговоры). 11 марта 1582 г. // Там же, стб. 340; для послов Я. Молвятинова и Т. Васильева — к Папе Григорию XIII и его советникам. Март. 1582 г. // Там же, стб. 374; для З. М. Волохова (наказ о проходах А. Поссевина). 15 марта 1582 г. // Там же, стб. 382; для послов Я. С. Молвятинова и Т. Васильева к имп. Рудольфу II. Март 1582 г. // ПДС, ч. 1, стб. 847; для послов Ф. А. Писемского и Н. Ховраева — к англ. кор. Елизавете. Май 1582 г. // Ю. Толстой, с. 192; То же. Май—июнь 1583 г. (из статейного списка). Путешествия русских послов, с. 135; для послов Ф. А. Писемского и Н. Ховраева — к Томасу Рандольфу. 1583 г. // Там же,

с. 152; для Н. Р. Захарьина, Б. Я. Бельского, А. Я. Шелкалова и С. Фролова — к англ. послу Еремею Боусу. 6 ноября 1583 г. // СИРИО, т. 38. СПб., 1883, с. 86; то же. Декабрь 1583—январь 1584 г. (часть речей произнесена лично царем) // Там же, с. 104; то же. Январь—февраль 1584 г. // Там же, с. 123).

Послания, речи и вопросы Ивана IV на Стоглавом соборе. Февраль—июль 1551 г.: Стоглав / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863 (переизд.: Царские вопросы и соборные ответы. . . (Стоглав). М., 1890).

Духовная грамота Ивана IV. Июнь—август 1572 г.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950, с. 426—444.

Стихиры. Леонид архим. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение Иоанна деспота Российского. СПб., 1886.

Капон и Молитвы Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного): Рукописное наследие Древней Руси: (По матер. Пушкинского дома). Л., 1972.

Послания и речи Ивана IV, помещ. в Никоновской летописи и Царственной книге см.: ИСРЛ. СПб., 1904, т. 13 (М., 1965): Речь к боярам и митрополиту Макарию по поводу женитьбы. 13 декабря 1547 г., с. 450; Молитва Господу по пов. казанцев. Апрель 1552 г., с. 177, с. 476; Речь к царице Анастасии. 16 июня 1552 г., с. 184, с. 483; Речь к митрополиту Макарию и всему священному собору. Июль 1552 г., с. 186, с. 484; краткая речь к воеводам. Июнь 1552 г., с. 187; Послание к митрополиту Макарию. Июль 1552 г., с. 197, с. 494; Речь к кн. В. А. Старцкому. Август 1552 г., с. 203, с. 499; Молитва Господу по пов. воинства. 1 октября 1552 г., с. 216, с. 511; Хвала Господу и ответы на поздравления. Октябрь 1552 г., с. 219, с. 513; Речь к митрополиту Макарию и всему священному собору. 10—11 октября 1552 г., с. 223, с. 518; краткие речи к боярам во время болезни по поводу крестоцелования. Март 1553 г., с. 524, с. 530; Послание к патриарху Иоакиму. 1558 г., с. 310; Речь к митрополиту Макарию через царевичей Ивана и Федора. 15 февраля 1563 г., с. 360; Речь к митрополиту Макарию через кн. М. Т. Черкасского. 15 февраля 1563 г., с. 361; «Грамота утвержденная о белом клобуке митрополитиче». Февраль 1564 г., с. 378.

Изд.: РИБ. СПб., 1914, т. 31; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979; М., 1981 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Жданов И. Сочинения царя Ивана Васильевича // Жданов И. Соч. СПб., 1904, т. 1; Ключевский В. О. Курс русской истории. Пг., 1918, ч. 2, с. 202—210; Никифоров С. Д. Из наблюдений над языком и стилем Ивана Грозного // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1948, т. 41; Лихачев Д. С. 1) Иван Грозный — писатель // Звезда, 1947, № 10, 2) Великое наследие. М., 1975, с. 265—287 и 333—348; 3) Лицедейство Грозного: (К вопросу о смеховом стиле его произведений) // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984 с. 25—35; Лурье Я. С. 1) Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство» // ТОДРЛ. М.; Л., 1954, т. 11; 2) Был ли Иван IV писателем? // Там же. М.; Л., 1959, т. 15; 3) Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // Там же. Л., 1976, т. 31, с. 202—234; 4) Вторая пространная редакция Послания Грозного Курбскому // Там же. Л., 1977, т. 32, с. 56—69; 5) О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским // Там же. Л., 1979, т. 33; Шмидт С. О. 1) Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Там же. М.; Л., 1958, т. 14; 2) Об адресатах первого послания Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восг. Европы в XVI в. М., 1976, с. 308, 321—323; 3) К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 147—151; Кенан Е. L. 1) Kurbskii—Gorznyi Aposcrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge Mass., 1971; 2) Рецепция на книгу Р. Г. Скрынникова // Kritika, Harvard,

1973, vol. 10, N 1; 3) The Karp-Polikarp Condurum: Some Light on the History of «Ivan IV's First Letter» // Essays in Honor of A. A. Zimin. 1983, p. 205—231; Андреев Н. Е. Мнимая тема: (О спекуляциях Э. Кипана) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1972, т. 109, с. 258—272; Скрыпников Р. Г. 1) Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кипана. Л., 1973; 2) Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв.: (Ответ проф. Э. Л. Кипану) // РЛ, 1974, № 3, с. 114—128; 3) К вопросу о происхождении сходных мест в Первом послании Курбского и сочинениях Исаян // РЛ, 1977, № 3, с. 65—76; 4) О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характера их переписки // ТОДРЛ, т. 33, с. 219; Z e n k o v s k y S. A. Prince Kurbsky's Tsar Ivan IV Correspondence. The Russian Review. July 1973 (vol. 32, N 3), p. 299—311; С т и ш е у R. O. The Kurbskij Controversy // Canadian Slavonic Papers, 1975, vol. 16, N 3, p. 548—549; К а р п е л е р А. Die sowjetische Reaction auf Keenans Häresie. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1974, Bd 22, H. 2, S. 187—198; Ю з е ф о в и ч Л. А. Стефан Баторий о переписке Грозного и Курбского // АЕ за 1974 г. М., 1975, с. 143—144; З и м и н А. А. 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному (текстологические проблемы) // ТОДРЛ, т. 31, с. 176—201; 2) Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси, с. 142—147; W a u g h D. C. The Lessons of the Kurbskii Controversy Regarding the Study and Dating of Old Russian Manuscripts // Russian an Slavic History, 1977, p. 218—237; R o s s i n g N., R ö n n e B. Apocryphal — not Apocryphal? A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrey Kurbskii. Copenhagen, 1986; З о л т а п А. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексикки: К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию // Hungaro-Slavica, 1983, с. 333—344.

И. С. Лурье, О. Я. Роменская (библиография)

Иван Иванович (28 III 1554 г.—19 XI 1581 г.) — царевич, автор одной из редакций *Жития Антония Сийского*. И. И. был старшим сыном *Ивана IV Васильевича Грозного* (не считая умершего младенцем Дмитрия), во время ссоры был убит отцом. В летописных записях о походах, дипломатических приемах, опричных деяниях его имя часто упоминается рядом с именем отца. Был человеком высокой книжной культуры, что, видимо, хорошо было известно современникам. В 1579 г. в Москву для проведения официального признания Антония Сийского общерусским святым приезжали игумен Антониево-Сийского монастыря Питирим и инок Филофей, который, по-видимому, еще до *Ионы* пытался составить *Житие Антония Сийского*. Питирим и Филофей, поддерживаемые митрополитом Антошем и новгородским архиепископом Александром, обратились к царевичу И. И. с просьбой сложить канон в честь Антония Сийского (совершенно очевидно, что этот святой пользовался особым покровительством царя, чем и воспользовались монастырские власти, обратившись с подобной просьбой к сыну Ивана Грозного). Царевич не ограничился составлением канона Антонию, но, основываясь на *Житии Антония Сийского Ионы*, написал свое житие этого святого: «Месяца декабря в 7 день, преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония. Списано бысть сие многогрешным Иоанном русином, родом от племени варяжска, колепа Августова кесаря Римскаго, в лето 7087 (1579), в царство благочестиваго государя

благословению Антония, преосвященного митрополита всея Руси, и при благоверных царевичех Иване и Феодоре Ивановичех» (другой вариант заглавия: «Месяца декабря в 7 день. Житие и подвизи и мало от части чудес исповедание преподобнаго и богоноснаго отца нашего аввы Антония чудотворца, иже Сийский нарицается по острову, составляшаго пречестную обитель во имя святых и живоначальных Троица на озере Михайлове в пределах западных. Преписано бысть сие во царство благовернаго и христоролюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича Всея Руси самодержца, и при освященном Антоние, митрополите всея Руси, и при благоверных царевичех, царевиче Иване и при царевиче Феодоре Ивановичех, многогрешным Иваном во второе на первом писатели, колена Августова, от племени варяжскаго, родом русина, близь восточных страны, меж предел словенских, и варяжских, и агаряньских, иже нарицается Русь по реке Русе»). Царевич пишет, что расспросив об Антонии у «самовидцев», в том числе у своего отца и у московских вельмож, видевших святого при его жизни, он написал ему канон. «Потом, — продолжает он, — начах писати и житие преподобнаго, имех убо от тех преподобных принесено ко мне списание о житии его и зело убо суще в легкости написано» (так расценивает царевич И. И. Житие, написанное Ионой). В. О. Ключевский пишет, что «царевич написал новое предисловие и сократил два первые рассказа в труде Ионы; далее он дословно повторил последнего и даже не опустил его послесловия, не назвав только автора по имени, но удержав черты, вовсе не идущие к царственному московскому писателю. Строгий отзыв царевича о своем источнике несправедлив: сам он не прибавил ни одной новой черты к рассказу Ионы» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 304). Специально занимавшийся этим Житием Н. Тупиков считает оценку В. О. Ключевским труда царевича И. И. не совсем справедливой. Предисловие к Житию — оригинально, царевич добавил много новых цитат из Священного писания, у него гораздо больше, чем у Ионы, риторических отступлений. Добавления И. И. свидетельствуют о его большой начитанности в библейских текстах, о хорошем знании им священной истории. Произведение сына Ивана Грозного говорит и о хорошем знании его автором русской агиографической литературы и повествовательных текстов: он знает жития *Алексея митрополита*, *Александра Свирского* (см. *Иродион*), *Авраамия Ростовского*, *Зосимы и Савватия Соловецких*, *Патерик Киево-Печерский*, *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. Труд царевича И. И., как и сочинение *Василием Михайловичем Тучковым* новой редакции *Жития Михаила Клопского*, примечателен тем, что он свидетельствует о высокой книжной образованности людей из высшего класса общества и о том, что произведения церковного жанра писались в XVI в. и светскими авторами.

Текст Жития не издавался. Сведения о списках см. в кп. Барсукова.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 301—302; Барсуков В. Источники агисграфии, стб. 51—54; Строев В. Словарь, с. 137; Филарет. Обзор, с. 163—164; Тупиков Н. Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича // ЖМНП, 1894, ч. 296, декабрь, с. 338—374.

Л. А. Дмитриев

Иван Рыков (2-я пол. XVI в.) — псковский писатель. Имя его упоминается в трех рукописях, содержащих статьи календарно-астрономического, астрологического и гадательного характера, которые не представляют собой копии одного и того же текста. Прежде всего И. Р. назван автором отреченной книги Рафли в рукописи конца XVII—нач. XVIII в. ГБЛ, ф. 439, картон 91. № 3, собр. В. А. Десницкого. В заглавии это произведение определено как «творение грешного раба Иоанна Рыкова». Во вступлении приведены некоторые обстоятельства создания его: «Тебе же, возлюбленне брате кур Иоанне, пишу сие списание ради твоего словесе. Егда со царем Иоанном Васильевичем изыдох от нас и от наших Псковских предел в царствующий град Москву, перевод сий понудихся написать о сих потребных ко твоему христоробию. Написахом же моею грешною рукою, трость в деснице своей, злеукорным своим языком слагая, и послах к твоему равноапостольному лицу. Любовию же сия божественная артикулы слагах, сий миротворный круг своди и располагаю. . .» (л. 1—1 об.). Это обращения к адресату свидетельствует о комплиментном и, видимо, переводческом характере творчества И. Р., который в определенной последовательности при написании располагает статьи («артикулы»). Исследователи книги Рафли в изложении И. Р. А. А. Турилов и А. В. Чернецов отмечают, что трудно решить вопрос о степени оригинальности этого произведения: «Гадание, которому посвящена русская книга Рафли, вполне идентично тому, которое было известно в Западной Европе как геомантия и на арабском Востоке как *gaml*» (Отреченная книга Рафли, с. 267). Книга Рафли как запретная была отмечена в *Стоглаве* и Домострое. В произведении И. Р. содержится не только руководство для гадания, но приведены сведения календарно-астрономического и астрологического характера и легенда о происхождении книги Рафли.

О причастности И. Р. к работе над календарно-астрономическими статьями в цикле так называемых «Миротворных кругов» свидетельствует рукопись XVII в. ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 632. Здесь в заглавии к статьям календарно-астрономического содержания, начинающимся с притчи «О царе-годе» написано: «Предисловие святцам. Творение грешного раба Ивана Рыкова». Ему же приписана статья «О часех» (соответствующая последней статье в рукописи ЦГАДА) в сборнике XVIII в. ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 548), которая заканчивается заключением: «. . . написано во граде Пскове российских стран в лето господне 1579».

Все три текста в названных рукописях предваряются вступлением, которое называется «Предисловие святцам» и представляет

собой обращение автора к своему адресату. Текст этот имеет общее происхождение, но в каждом случае содержит свои особенности. В книге Рафли И. Р. обращается к какому-то высоко им чтимому Иоанну. В рукописи собрания Барсова данные об адресате и о его отъезде из Пскова вместе с царем отсутствуют. Наиболее полный текст «Предисловия» содержится в рукописи ЦГАДА, где адресатом назван царский книгочий кир Софроний. «Предисловие» с обращением к Софронию и сопровождающие его статьи, начинающиеся притчей «О царе-годе», известно в большом числе списков, но в отличие от рукописи ЦГАДА, в них в заглавии не упомянуто имя И. Р. По мнению А. А. Турилова и А. В. Чернецова, отсутствие упоминания имени И. Р. может объясняться тем, что И. Р. оказался одиозной фигурой как составитель отреченной книги. Во всяком случае они приходят к заключению, что И. Р. можно считать автором цикла статей, начинающихся с притчи «О царе-годе», и что он в том же 1579 г. послал из Пскова два своих творения, одно из которых адресовал кир Иоанну, а другое кир Софронию. Никаких других известий об этих лицах не установлено.

В свое время А. И. Соболевский высказал предположение о том, что «Предисловие», адресованное кир Софронию, было написано *Ермолаем-Еразмом*. Его точку зрения поддержали В. Ф. Ржигга и А. А. Зимин, последний отнес написание «Предисловия» к другому времени пребывания *Ивана Грозного* в Пскове — к 1546 г. В авторском сборнике Ермолая-Еразма, составленном в середине XVI в. (ГБЛ, Солов. собр., № 287/307) имеется «Круг пасхалии» и статья «О солнце и луне и о 12 поясах» с пометой: «Бога же ради сотворнаго вся помяни прегрешнаго Ермолая, открывшаго мудрость сию на изъявление всем христианом». Ермолай-Еразм тоже пскович, как и И. Р., и тоже интересовался календарно-астрономической тематикой. Обнаруженные А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым материалы об участии И. Р. в работе над календарно-астрономической тематикой не позволяют приписывать послание кир Софронию Ермолаю-Еразму.

Тем не менее нельзя считать окончательно решенным вопрос о роли И. Р. в создании цикла статей, начинающихся с притчи «О царе-годе». Не исключено, что И. Р. при написании книги Рафли воспользовался частично и «Предисловием святым» и сопровождающими его статьями как близкими по тематике. Как уже упоминалось, только в одном и позднем списке цикла статей, начинающихся притчей «О царе-годе», в «Предисловии» к нему указано его имя как автора. Оно могло быть приписано позднее на основании наличия текстуальной близости между этим произведением и книгой Рафли. Текст «Предисловия святым» в сохранившихся списках подвижнику, в одних случаях он ближе к книге Рафли, в других — к списку с упоминанием имени И. Р. по рукописи ЦГАДА. Для выяснения причастности к нему И. Р. требуется более тщательное изучение всех сохранившихся списков этого произведения.

С. И. Р., возможно, следует связывать еще одну статью медико-астрологического характера (руководство для кровопускания) по рукописи XVIII в. Создатель ее назван «многогрешным Иваном», который в предисловии к этой статье обращается к «авво-священному кир Алексею», сообщая, что пишет этот текст по его просьбе (Т у р и л о в, Ч е р н е ц о в. Отреченная книга Рафли, с. 276).

Безусловно привлечение внимания исследователей к книге Рафли и к личности И. Р. имеет существенное значение для изучения культуры и быта не только псковской книжной среды, но более широких слоев русского общества времени Ивана Грозного.

Изд.: Предисловие святым, списано вкратце и о прочих пристоящих в нем Российского царствия цареву книгочю господарю Софроню радоватся // Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893, ч. 2, с. 56—71; Т у р и л о в А. А., Ч е р н е ц о в А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 40, с. 260—344.

Лит.: С о б о л е в с к и й А. И. 1) Переводная литература, с. 124—129; 2) Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. СПб., 1912, т. 17, вып. 3, с. 94—96; Р ж и г а В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК. Л., 1926, т. 33, с. 111—112, 163—164; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 128; Т у р и л о в А. А., Ч е р н е ц о в А. В. Софроний, книгочий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение // АЕ за 1982 г. М., 1983, с. 88—89.

∨ Р. И. Дмитриева

Иван Федоров (Москвитин) (ок. 1510 г.—5 XII 1583 г.) — первопечатник русский и украинский, выдающийся просветитель и педагог. Документы о его жизни и деятельности хранятся в ЦГИА УССР в Киеве, ЦГИА УССР во Львове, Архиве земли Саксония (ГДР), Гос. архиве Люблинского воеводства (ИНР). Запись в промоционной книге Краковского университета о присвоении в 1532 г. степени бакалавра, которой был удостоен «Johannes Theodori Moscus» («Иван сын Федора Москвитин»), позволила выдвинуть гипотезу об обучении первопечатника в Кракове. В 50—60-х гг. XVI в. он был дьяконом церкви Николая чудотворца Гостунского в московском Кремле. В 1550-х гг. предположительно работал в так называемой анонимной типографии в Москве, выпустившей 7 изданий. 19.IV.1563—1.III.1564. И. Ф. вместе с *Петром Тимофеевым Мстиславцем* напечатал первую точно датированную русскую печатную книгу Апостол, предварительно выполнив большую текстологическую и редакторскую работу. Книга напечатана в первой русской государственной типографии, во главе которой стоял И. Ф.

Апостол 1564 г. — превосходно оформленное, обильно орнаментированное издание. Тексту предпослан гравированный на дереве фронтиспис — изображение апостола Луки. В технике ксилографии выполнены и 48 заставок книги, отпечатанные с 20 досок, и 22 инициала, которые характеризуются высоким

художественным мастерством. Творчески переработав орнаментальные приемы школы Феодосия Дюписиева Изографа, И. Ф. создал так называемый старопечатный стиль, в дальнейшем получивший широкое распространение в художественном убранстве печатных и рукописных книг. Шрифт Апостола 1564 г., впоследствии применявшийся и в других изданиях И. Ф., разработан на основе московского полуустава XVI в. В процессе редактирования Апостола И. Ф. использовал русские рукописные оригиналы, а также издания Нового завета на нескольких языках.

В конце Апостола 1564 г. помещено послесловие, авторство которого ранее приписывали митрополиту *Макарию* или благовещенскому священнику *Сильвестру*. В настоящее время большинство ученых считает автором послесловия И. Ф. В послесловии мотивируется необходимость создания типографии в Москве, рассказано о том, как *Иван IV* «повеле устроити дом от своея царския казны, идеже печатному делу строитися». Указано время работы над книгой, приведены имена типографов. Исследователи отмечали определенную стилистическую близость послесловия Апостола 1564 г. с послесловиями южнославянских старопечатных книг, с сочинениями так называемого официального стиля середины XVI в. (*Летописец начала царства, Стоглав, Степенная книга*), с сочинениями *Максима Грека*. В настоящее время известно по крайней мере 57 экз. Апостола 1564 г. (9 экз. в ГИМ, 8 — в ГИБ, 7 — в ГБЛ, 4 — в БАН, по 3 — в ЦНБ АН УССР в Киеве и ИБ МГУ, по 2 — в ЦГАДА и ГПНТБ СО АН СССР, по 1 экз. — в ГПИБ, ИБ ЛГУ, ИБ Казанск. ГУ, Гос. Эрмитаже, ИБ Уральск. ГУ, в б-ках музеев Владимира и Иванова и др.), 5 экз. находятся в зарубежных библиотеках. Старейшая вкладная запись на сохранившихся экземплярах Апостола 1564 г. относится к 1570 г. Записи XVI в. на этой книге чрезвычайно редки, что говорит об официальных путях распространения издания. 7 VIII 1565—29 IX 1565 и 2 IX 1565—29 X 1565. И. Ф. напечатал в Москве два издания Часовника. Художественное убранство книги составляют 8 заставок, отпечатанных с 7 форм, и 46 инициалов — с 16 форм. Рисунки заставок восходят к арабеске московской школы орнаменталистов и готике политиважей венгерской и польской печатной книги XVI в. Второе издание по сравнению с первым подвергнуто сильной редакторской правке. Сохранился 1 экз. первого издания, находящийся в корол. б-ке в Брюсселе, и 5 экз. второго издания, находящиеся в ГИБ, ИБ ЛГУ, БАН, Королевской б-ке в Копенгагене и б-ках колледжей «Корпус Кристи» (Кембридж, Великобритания) и «Сион» (Лондон). В период между 29 X 1565 и 8 VII 1568. И. Ф. покинул Москву из-за преследований со стороны осифлянской верхушки церкви. Вторая типография И. Ф. была основана в Заблудове (ныне на территории ПНР), в имени гетмана Великого Княжества Литовского Г. А. Ходкевича. Здесь 8 VII 1568—17 III 1569. И. Ф. и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали Учительное евангелие, на страницах которого помещено и одно Слово *Кирилла*

Туревского — первый опубликованный памятник древнерусской литературы. Книга открывается предисловием, написанным от лица гетмана Г. А. Ходкевича, в котором мотивируется решение печатать Учительное евангелие по старым рукописям, «яко давни писаную» и отклоняется совет о переводе текста на «простую мову». Художественное убранство книги составляют декоративная геральдическая композиция с гербом Г. А. Ходкевича, три заставки — с двух форм и два гравированных инициала. Учительное евангелие отпечатано московским шрифтом И. Ф. Известно по крайней мере 38 экз. (6 экз. в ГБЛ, 6 — в ГИМ, 3 — в ГПБ, по 2 — в БАН, ИБ МГУ и Музее укр. искусства во Львове, по 1 экз. — в ГПИБ, ГБ БССР, ГИБ АН УССР во Львове, Фунд. б-ке АН БССР, ЦНБ АН УССР в Киеве, научных б-ках ЛГУ, Львовского ГУ, Вильнюсского ГУ, ИРЛИ, ГИИГР СО АН СССР, Гос. ист. архиве Карельской АССР и др.). 3 экз. находятся в зарубежных библиотеках. Старейшая сохранившаяся вкладная запись относится к 1570 г. Большое количество записей XVI в. на известных нам экземплярах книги свидетельствует, что она широко продавалась как в Великом княжестве Литовском, так и в Московском государстве. 26 IX 1569—23 III 1570 И. Ф. напечатал в Заблудове Псалтирь с Часословцем.

Книга открывается предисловиями И. Ф. и Г. А. Ходкевича. Далее помещено «Предисловие в книгу сию, глаголемую Псалтирь», в котором идет речь о значении этой книги, об авторах отдельных текстов, приведены высказывания о Псалтири Василия Великого и Иоанна Златоуста. В книге — две цельностраничные гравюры, отпечатанные с 5 форм, 4 концовки и большое количество инициалов. Впервые в русской книге, в Псалтири 1570 г. применен табличный набор (для воспроизведения Пасхалии). Книга эта, использовавшаяся в учебных целях, сохранилась в 3 экз., находящихся в ГПБ, Львовском музее украинского искусства и в б-ке дворца Ламбет — резиденции кентерберийских епископов (Великобритания). Заблудовская типография И. Ф. сыграла значительную роль в становлении постоянного книгопечатания в Белоруссии, в развитии русско-белорусских культурных связей.

Из Заблудова И. Ф. перенес типографскую деятельность во Львов, куда он пересел осенью 1572 г. 25 II 1573—15 II 1574: здесь напечатан Апостол, первая точно датированная украинская печатная книга. В конце ее — послесловие «Сия убо повесть изьявляет откуду начася и како съвершился друкарня сия» — первое напечатанное произведение русской мемуарной литературы. И. Ф. говорит здесь о причинах прекращения деятельности московской типографии, о своей работе в Великом княжестве Литовском, о переезде во Львов и о создании первой на украинской земле типографии. Проводились стилистические параллели между послесловием Апостола 1574 г. и послесловиями венецианских кирилловских изданий первой половины XVI в. Отмечены прямые цитаты в тексте послесловия из первого послания

А. М. Курбского к Ивану IV. Языку И. Ф. свойственна образность. Это особенно характерно для включенной в послесловие прямой речи. Таков, например, ответ первопечатника на предложение Г. А. Ходкевича жить в деревне и заниматься земледелием: «Неудобно ми бе ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо въместо рала художество наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенней разсевати». В книге — 3 цельностраничных гравюры (герб Г. А. Ходкевича, апостол Лука и геральдическая композиция с гербом г. Львова и типографским знаком И. Ф.), 51 заставка — с 31 формы, 47 концовок и 23 принциала. Апостол 1574 г. известен по крайней мере в 90 экз. (12 экз. в ГБЛ, 9 экз. — в ГИБ, по 5 — в ГИМ, ГИБ АН УССР во Львове, ИБ МГУ и БАН, по 4 экз. — в Львовском музее украинского искусства и ЦИБ АН УССР в Киеве, по 2 — в ГИИТБ СО АН СССР, ЦГАДА, ИБ Львовского ГУ, по 1 экз. — в науч. б-ках Вильнюсского, Ленинградского, Харьковского, Саратовского ун-тов, ГИИБ, ИРЛИ и др.). По меньшей мере 14 экз. находятся в зарубежных библиотеках.

В 1574 г. во Львове И. Ф. напечатал Азбуку — первый печатный восточнославянский учебник, сохранившийся в единственном экземпляре, находящемся в б-ке Гарвардского ун-та (США). Азбука 1574 г. свидетельствует о педагогической направленности деятельности И. Ф., который составил этот учебник, как он сам говорит в послесловии, «ради скорато младенческаго научения». В книге помещены алфавиты в прямом и обратном порядке, сочетания согласных с гласными, примеры спряжения глаголов, примеры использования знаков ударения и придыхания, примеры склонения существительных и прилагательных, тексты для закрепления навыков чтения и письма. Среди последних — азбучный акростих, тексты молитв, отрывки притчей Соломона, апостольских посланий. В конце — краткое послесловие И. Ф.

Четвертая типография И. Ф. основана в 1578 г. в Остроге — имении князя Константина Константиновича Острожского. Здесь 18 VI 1578 напечатано новое издание Азбуки, экземпляры которой сохранились в б-ках Готы (ГДР) и Копенгагена (Дания). Азбука предназначалась для использования «детем к научению» в школе, основанной в Остроге. В первой части книги (некоторые исследователи считают ее самостоятельным изданием) помещены параллельные греко-славянские тексты. В Азбуке 1578 г. впервые напечатан памятник древней болгарской литературы — «Сказание» Черноризца Храбра. В 1580 г. в Остроге И. Ф. напечатал Новый завет с Псалтирью, сохранившийся, по крайней мере, в 59 экз. (11 экз. — в ГБЛ, 7 — в ГИБ АН УССР во Львове, 5 — в ГИМ, 4 — в ГИБ, по 3 — в Музее украинского искусства во Львове, БАН, по 2 — в ГИИБ, ИБ МГУ, ГИИТБ СО АН СССР, по 1 экз. — в науч. б-ках Вильнюсского, Ленинградского, Львовского, Саратовского, Харьковского гос. ун-тов, ЦИБ АН УССР в Киеве, ЦГАДА, ЦГИА в Ленинграде и др.), 9 экз. — в зарубежных библиотеках. В 1580 г. И. Ф. напечатал также

алфавитно-предметный указатель к Новому завету — «Книжку собрание вещей пужнейших», составленную Тимофеем Михайловичем и сохранившуюся в 15 экз. (4 экз. — в ГБЛ, 3 — в ГПБ, по 1 экз. — в Горьковск. обл. б-ке, ЦНБ АН УССР во Львове, ГИМ, ИБ МГУ, Ярославско-Ростовском музее-заповеднике и др.).

В 1580—1581 гг. И. Ф. печатает в Остроге первую полную славянскую Библию (так называемая Острожская Библия), которая известна в вариантах с датами выхода 12 VII 1580 и 12 VIII 1581 гг. Так как комбинация вариантов набора в сохранившихся экземплярах совершенно случайна, считается, что изданий Острожской Библии было одно, а не два. Основному тексту предпосланы вирши на герб К. К. Острожского, составленные Г. Д. Смотрицким, предисловие князя К. К. Острожского, предисловие и вирши к нему Г. Д. Смотрицкого, оглавление. Текст напечатан по одному из списков Геннадиевской Библии. Послесловие И. Ф., завершающее книгу, известно в двух редакциях. Сохранилось не менее 250 экз. (33 экз. — в ГБЛ, 16 экз. — в ЦНБ АН УССР в Киеве, 14 — в ГИМ АН УССР во Львове, 13 — в ГПБ, 11 — в ГИМ, по 6 экз. — в БАН, ИБ МГУ и др.). В 1584 г. И. Ф. печатает в Остроге листовку — «Хронологию» Андрея Рымши, сохранившуюся в единственном экземпляре в ГПБ.

С 1582 г. И. Ф. спова во Львове, где он пытается организовать новую типографию. И. Ф. был разносторонним мастером, владевшим многими ремеслами. Он отливал пушки, изобрел многоствольную мортиру со взаимозаменяемыми частями. В 1583 г. И. Ф. побывал в Кракове, Вене и, возможно, в Дрездене, в архиве которого сохранилось письмо типографа саксонскому курфюрсту Августу, написанное в Вене 23 VII 1583 г. Вернувшись во Львов в конце 1583 г., И. Ф. заболел и умер. Он похоронен в Онуфриевском монастыре, где в 1977 г. открыт мемориальный Музей И. Ф. Памятники И. Ф. установлены в Москве (1909 г., скульптор С. М. Волнухин) и во Львове (1977 г., скульпторы В. Н. Борисенко и В. М. Подольский). Память И. Ф. отмечается ежегодными «Федоровскими чтениями», которые проводятся в Москве научным советом АН СССР по истории мировой культуры, ГБЛ и Центральным правлением Всесоюзного общества любителей книги, и «Федоровским семинаром», проводимым во Львове Музеем И. Ф., ГИМ АН УССР и Львовск. отделением Общества охраны памятников истории и культуры. С 1976 г. выпускается продолжающееся издание «Федоровские чтения» (ГБЛ и издательство «Наука»).

Существуют библиографические указатели литературы, посвященной И. Ф., в кн.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935; Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность Ивана Федорова. Указатель литературы 1574—1974. М., 1975 (описано 1754 назв.).

Изд.: Щенкина М. В. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг // У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 215—

254; Часовник 1565 г. Брюссель, 1967 (факсим. изд.); Grasshoff H., Simons J. S. G. Ivan Fedorovs griechisch russisch / kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Berlin, 1569 (факсим. изд.); Буквар Івана Федорова. Київ, 1975 (факсим. изд.).

Лит.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935; Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; Запаско Я. П. 1) Першодрукар Іван Федоров. Львів, 1964; 2) Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974; Кацержак Е. И. Первпечатник Иван Федоров. М., 1964; Немировский Е. Л. 1) Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; 2) Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974; 3) Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; 4) Иван Федоров: (Около 1510—1583). М., 1985; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні / 36. документів. Київ, 1975; Ісєєвич Я. Д. 1) Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975; 2) Премішки первопечатника. М., 1981.

Е. Л. Немировский

Иван Черный (ум. ок. 1490 г.) — «крылошанин» (клирошанин), один из главных представителей новгородско-московского еретического движения, московский профессиональный писец конца XV в., автор «Преддверия настоящего сочетания». Скупые биографические сведения об И. Ч. содержатся в его приписке к *Летописцу Еллинскому и Римскому 1485 г.*, а также в посланиях новгородского архиепископа *Геннадия* и в «Просветителе» *Иосифа Волоцкого* («Просветитель» Иосифа Волоцкого. 4-е изд. Казань, 1903, с. 36).

Согласно этим данным, в 80-е гг. XV в. И. Ч. был занят копированием с новгородского списка текста крупнейшей «литературной энциклопедии русского средневековья» (по выражению Д. С. Лихачева) — Летописца Еллинского и Римского второго вида, которое он закончил 22 июля 1485 г. (ГБЛ, Музейное собр. (собр. Д. В. Пискарева), № 597). Эта работа переписчика носила характер ответственного поручения московских правительственных кругов (Лихачев. Еллинский летописец. . . , с. 110) и, судя по этому, была уже не первым его делом. В 1487 г. им была окончена переписка «*Лествицы*» *Иоанна Синайского* (ГИМ, собр. Уварова, № 447) — имеется подпись И. Ч., а также отредактирован Библейский сборник (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1). В своих записях И. Ч. называет себя «Ио Чръны званіем и деаніи», «Иоанн Черный», «Ивашка Чръной, что книги пишет», «Ивашко Черный, яко же именем тако же и дела».

В 80-е гг. XV в. книжник И. Ч. был связан с кружком новгородско-московских еретиков (представителями так называемой «ереси жидовствующих»). Между 1487 г. (дата завершения «Лествицы») и октябрём 1490 г. (датой Послания архиепископа Геннадия митрополиту *Зосиме*) И. Ч., спасаясь от преследования и нависшей угрозы казни, бежал (по-видимому, в Литву) с другим еретиком — Игнатом Zubовым и скончался в изгнании до начала собора на еретиков 1490 г.

Единственное сохранившееся цельное произведение И. Ч. — «Преддверие настоящего сочетания» (в науке известно как При-

писца И. Ч. 1485 г. к Еллинскому летописцу второго вида) — было исследовано и опубликовано (А. И. Клибановым) в 1955 г. в приложении к книге П. А. Казаковой и Я. С. Лурье. Оно представляет собой Послесловие, сообщающее, кем, когда и по чьему поручению был выполнен труд по переписке Еллинского летописца, и в заключение излагающее библейскую заповедь о любви к богу и ближнему («Сие заповедаю вам, рече, да любите друг друга, пбо весь закон единым словом скончавается, еже любити бога и ближняго. . .») и предостерегающее «строптивных» «не скакати на тръние»: «Аще бо и строптивый кто, да уцеломудрится не скакати на тръние паземи телесы, да не примет раны». Кроме того, на полях Еллинского летописца, Библейского сборника и «Книги пророчества» Ветхого завета (ГПБ, F.1.3) имеются глоссы И. Ч. (указания «Зри» и т. п.), иногда переданные буквенными знаками пермского алфавита (так называемые Пермские глоссы). Путем соотнесения их с местами, на которые они указывают, возможна частичная реконструкция некоторых взглядов И. Ч.

Изд.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955, с. 277—299.

Лит.: Михачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 109—110; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 90—92, 109, 142, 177, 181—182, 200—201, 496, 502; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 35—62, 191—192, 200—206, 228—251, 297, 351—366, 387; Клосс Б. М. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1971, т. 32, с. 61—72.

Н. Ф. Дробленкова

Игнатий (нач. XV в.) — архимандрит кремлевского монастыря Спасо-Преображения; возможно, участвовал в завершении *Летописи Троицкой*. По сведениям В. Н. Татищева, источник которых сейчас неясен, митрополит *Киприан*, умирая, повелел спасскому архимандриту закончить работу над книгами, которую не успел закончить он сам. По-видимому, И. должен был находиться при митрополите Киприане в подмосковном селе Голенищеве, где тот умер. Вот этот отрывок повествования В. Н. Татищева. В Голенищеве Киприан «часто любяше пребывати и жити, и книги своею рукою писаше, яко: в наставление душевное преписа соборы, бывшие в Руси, многи жития святых русских и степени великих князей русских; пни же в наставление плотское, яко: правды, и суды, и летопись рускую от начала земли Руския вся поряду. И многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончити, яже и соблюдох». Отсюда можно сделать предположительный вывод, что Троицкая летопись, оконченная статьей 1408 г. (Киприан умер в 1406 г.), отражает работу, начатую Киприаном и завершенную спасским архимандритом И. Ст. Шевырев и Филарет предположительно отождествляли

И. с Игнатием Смольянином, сопровождавшим митрополита Пимена в его последней поездке в Царьград (1379 г.) и описавшим это свое путешествие. Е. Голубинский же думает, что И. был сначала монахом московского Симонова монастыря и что снискским архимандритом его сделал митрополит Киприан в 1404 г. после назначенного в Киев наместником Феодосия.

Лит.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965, т. 5, с. 204—205; Филарет. Обзор, с. 121; Шевырев Ст. История русской словесности. 2-е изд. СПб., 1887, ч. 3, с. 90—91; Голубинский. История церкви. М., 1900, т. 2, с. 348—349, примеч. 2.

Р. М. Назаров

Игнатий Зайцев (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Как владелец рукописей он упомянут в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. (Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // ЧОИДР. 1847, кн. 7, с. 9). Известно три принадлежащих ему рукописи: ГИМ, Еварх. собр., № 264, 271; ГБЛ, Волок. собр., № 362. На последней имеется запись: «Часовник инока Игнатия Заецева, его рука». В эту рукопись И. З. включил летописные записи общерусского характера с 1486 по 1547 г., заимствовав их из рук. Волок. собр., № 416, затем продолжил их самостоятельно, уделяя большое внимание введению Казани и местным волоколамским событиям (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. М., 1974, т. 28, с. 221, 222, 226).

Лит.: Дмитриев А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950, т. 5, с. 14—22.

Р. П. Дмитриева

Игнатий (Смольянин) (кон. XIV в.) — автор «Хождения» в Царьград в 1389—1393 гг. И. был участником поездки в Константинополь митрополита Пимена и сопровождавших его лиц с целью сохранения за ним митрополичьего престола. Путевые записи И. вел по указанию смоленского епископа Михаила, выполнявшего приказ Пимена. О личности И. известно только из текста «Хождения», дошедшего в списках XVI—XVIII вв., в двух редакциях, краткой и полной, или летописной, под названием «Хождение Игнатия Смольянина» или «Пименово хождение в Царьград». Соотношение обеих редакций показывает, что «Хождение» И. переписывалось и дополнялось (известны всего 24 списка). Долгое время И. считали автором анонимного «Хождения» в Иерусалим, примыкающего в летописной редакции к «Хождению» в Царьград и относящегося на самом деле ко второй половине XV в. Среди дополнений летописной редакции читается также не принадлежащая И. *Повесть о Амурате*. В то же время в эту редакцию не были включены рассказы о дворцовом перевороте в Царьграде, о представлении в константинопольском Софийском соборе «Пещного действия» и др., находящиеся в краткой редакции.

Наблюдательный человек, И. упоминает о «распре некой» между митрополитом Пименом и московским великим князем Дмитрием Ивасовичем (Донским), описывает торжественную встречу Пимена Олегом Ивасовичем Рязанским и епископом Еремеем Гречином (и еще четырьмя епископами, названными в ряде списков); особые его рассказы посвящены борьбе за престол между Калояном и Мануилом Палеологами (это сохранилось в трех списках) и венчанию византийского императора Мануила II Палеолога. Последний рассказ даже переписывался в виде самостоятельной статьи в сборниках XVI—XVII вв. (издан архимандритом Варлаамом и Е. Барсовым). При описании святынь Царьграда И. сообщает ценные сведения об иконостасе, об украшавших его «столпах», в том числе о зменной колонне, а также о количестве окон в барабане купола Софийского собора («ходимом верху церкви святыя София и видехом 40 окон шейных. . .»). Представляют интерес описание шторма на Черном море, рассказ о захвате Пимена в Азове фрягами-кредиторами, от которых пришлось откупиться, о выжидательной позиции Пимена после смерти турецкого султана Амурата и о завершении борьбы за митрополичий престол, которая после смерти Пимена решалась в пользу *Киприана*.

И. принадлежит также выборка из «Хождения», включенная в «Сказание летою въкратце», с добавлением очерков о Солунии и об Афоне, под 1396 г. С. Шевырев и Филарет предположительно отождествляли И. с упоминаемым у В. Н. Татищева *Игнатием архимандритом*, а В. И. Антонова (Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам // ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 569—572) — с иконописцем Игнатием Греком. Филарет считал, что И. умер на Афоне в 1423 г.

Изд.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965, т. 2, с. 165—172; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. 2, кн. 8, с. 95—107; Варлаам, архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. II отд. имп. АН, 1859, кн. 5, с. 61—64; Барсов Е. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // ЧОИДР, 1883, кн. 1, с. 19—24; Хождение Игнатия Смольянина / Под ред. С. В. Арсеньева // ИИС. СПб., 1887, вып. 12; ПСРЛ, СПб., 1897, т. 11, с. 95—108 (перизд. М., 1965); Прокорьев Н. И. Хождение Игнатия Смольянина // Литература Древней Руси: Сборник научных статей. М., 1978, вып. 2, с. 123—149; Хождение Игнатия Смольянина в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984 (Сокровища древнерусской литературы), с. 99—107, 276—285, 403—406; Пименово хождение в Царьград // Там же, с. 108—119; 286—297; 406; The «Journey to Constantinople» of Ignatius of Smolensk // Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth Centuries by G. P. Majeska. Washington, 1984, p. 48—113 (с пер. на англ. яз.).

Лит.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, ч. 2, с. 50—51; Арсеньев С. Предпринятое исследование по поводу Хождения чернеца Игнатия Смольянина в Царьград и Иерусалим // Сб. имп. АН, СПб., 1880, № 3, с. 42—44; Филарет. Обзор, № 82, с. 98—99; Мисников И. О приписываемом Игнатию Смольянину описанию Иерусалима // ЧОИДР, 1901, кн. 2, с. 7—14; Шахматов. Обзорение. с. 322—328; Андрианова-Перетц В. П. Путешествия XIV—XV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 227—228;

Прокофьев Н. И. 1) Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 144—170; 2) Игнатий Смольнянин — древнерусский мастер литературного слова // Рус. речь, 1973, № 1, с. 128—133; Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 236—242; Прохоров Г. М. Повесть о Митие. Л., 1978, с. 183—185, 225—228.

О. А. Белоброва

Измарагд — древнерусский сборник устойчивого состава. Основную массу статей И. составляют слова и поучения на темы христианской морали. В отличие от сборников уставных чтений — *Златоуста* и *Торжественника* — И. предназначался для домашнего и монастырского келейного чтения. Филарет без каких бы то ни было оснований считал составителем И. епископа Суздальского и Нижегородского *Дионисия*, и выделял 42 слова, которые, по его мнению, «могут быть признаны за несомненно русские сочинения» (Ф и л а р е т, Обзор, с. 80). А. Д. Седельников и Н. П. Попов связывали возникновение И. с еретическим движением стригольников. А. И. Клибанов также связывал И. с антицерковным движением XIV в. Однако причины, обстоятельства и время возникновения И. пока не выяснены. Даже датировка памятника XIV в. основана на существовании одного дефектного списка второй половины этого столетия, тогда как все прочие списки датируются XVI—XVII вв.

В И. традиционно выделяют две основные редакции. Согласно В. А. Яковлеву в первой редакции 88 глав, во второй — 165 (но по наблюдениям Б. М. Шудалова, изложенным в отзыве на нашу работу, устойчивый состав редакции — 164 главы). И. первой редакции открывается «*Стословцем*» *Геннадия*, содержащим основные догматы христианского вероучения. Далее следуют слова «о почитании книжпом» (гл. 2—5 по нумерации, припятой В. А. Яковлевым), той же теме посвящена и гл. 40, предостерегающая от «величания» «книжной мудростью». О пользе чтения говорится и в других главах. И. наставляет читателя в христианском благочестии, напоминает о страшном суде (гл. 9, 10, 28, 37, 59), о сущности поста и необходимости его соблюдения (гл. 31, 32, 78), о значении молитвы (гл. 43, 45), правилах поведения в церкви (гл. 6, 50, 51). В гл. 72—79 содержатся наставления священникам. Утверждается, что не обязательно «спасаться» в монастыре, достаточно соблюдать правила благочестия в мирской жизни (гл. 46). Догматические и духовно-правственные вопросы раскрываются в гл. 67, содержащей апокрифические ответы Афанасия Александрийского Антиоху. Большое внимание уделяет И. проповеди христианских добродетелей. Ей посвящены, например, две аллегорические притчи — «о богатых» (аполог из *Повести о Варлааме и Иоасафе*) и «Притча о дворе и змии» (гл. 10 и 68). И. осуждает различные пороки: гордость (гл. 14), гнев и нетерпимость (гл. 15, 47, 48), скупость и сребролюбие (гл. 38, 39, 44), пьянство (гл. 60, 64; высказывания против пьянства содержатся также в гл. 24, 27, 29, 34, 36 и др.). Резко осуждает И. пороки и обычаи, которые

он связывает с остатками язычества: «срамословие», игры, пляски, пение, волхование, оплакивание умерших (гл. 13, 23—26, 56). Группа слов И. посвящена обличению «злых жеп» (гл. 52—54), содержатся в нем также наставления отца к сыну, регламентируются отношения семьи к домочадцам и челяди (гл. 22, 55, 58). Заключает И. первой редакции группа слов энциклопедического характера, приуроченных к воскресным дням поста, а также к четвергу Страстной недели, Пасхе и Антипасхе (гл. 69, 80—88). Как можно видеть, идеологическая роль И. в древнерусской книжности сложна и противоречива. С одной стороны, опираясь на евангельские заповеди, И. учит добру, трудолюбию, щедрости; осуждает корыстолюбие, злобу, пьянство. Но с другой стороны, «используя требование безусловной покорности своей судьбе, безграничного терпения к нищете, полного повиновения всем властям — светским и духовным. . . поучения (Измарагда. — *О. Т.*) тем самым поддерживали тех, кто утверждал непоколебимость существующего общественного строя, кто подавлял любые формы социального протеста, даже выражаемого в религиозной форме» (А д р и а н о в а - П е р е т ц. К вопросу о круге чтения. . . с. 24).

Вторая редакция И. весьма существенно отличается от первой по составу: в нее не вошло 38 глав, читавшихся в первой, а добавлено 115 новых. Совпадающие статьи обеих редакций сильно отличаются текстуально. По мнению В. А. Яковлева, наиболее обстоятельно исследовавшего памятник, вторая редакция представляет собой «совершенно свободную и сильно пополненную переделку первой. Причем изменения касаются не только расположения и пополнения составляющего сборник материала новыми главами, но и переделки текста самих слов, его составляющих; иногда эта переделка была сделана на основании источников слов, причем автор ее считал необходимым ближе держаться их текста» (К литературной истории. . . , с. 202). В основном содержание и идейная направленность обеих редакций И. сходны, но некоторые темы получили во второй редакции большее развитие. Так, расширено количество поучений о необходимости милостыни и нищелюбия (добавлены гл. 40, 64, 69, 108, не имеющие соответствия в первой редакции), поучений с осуждением несправедного богатства (гл. 30, 77, 78, 122, 136, 163), с призывом соблюдать пост (гл. 107, 120, 124, 125), с напоминаниями о Страшном суде (гл. 11, 30, 96, 142, 162). Внимание к этой теме исследователи связывают с актуальностью размышлений о грядущем «конце света» в XV в., когда истекала седьмая тысяча лет от «сотворения мира». Во второй редакции И. появились главы, в которых даются наставления о нормах семейного быта и брачных отношений (гл. 26, 48, 49, 51, 55, 56), осуждается взгляд на погибших «нечаянной смертью» как на грешников (гл. 81, 82, 118); в гл. 73—75 настойчиво разъясняется, почему праведный человек нередко бывает несчастен в жизни, — вопрос, который, вероятно, задавали себе верующие, исходя из утверждений того же И. о неизбежности кары грешникам и награды праведникам. Вторая редакция расширила круг

повествовательных статей — притч, патериковых рассказов (см. гл. 38 — «Слово от патерика, яко не достоин от церкви итти егда поют», гл. 47 — «Притча Варлаама о трех друзех»; гл. 60 — «Слово о некоем блуднице, иже милостыню творя, а блуда не остави»; гл. 102 — «Слово о старце, иже молитвою с небесе сведе дождь» и др.).

Существуют, видимо, и другие группы списков. Согласно наблюдениям Б. М. Пудалова особый тип представлен списками XVI в.: ГПБ, F.I.288; БАН Лит. ССР, ф. 19, № 240; ГБЛ, собр. Егорова, № 98 и 912; БАН УССР, собр. Михайловского Златоверхого мон., № 492. Этот тип основан на второй редакции, но пополнен дополнительными статьями, видимо, извлеченными из Пролога. Не решен вопрос об источниках И. Вошли ли статьи, принадлежащие византийским, южнославянским и русским авторам, в И. уже в переработанном виде, или же их редакция осуществлялась составителем И., не ясно. Имеющиеся в научной литературе суждения о взаимоотношениях И. с другими сборниками устойчивого состава требуют проверки и могут быть подтверждены лишь после обстоятельного текстологического исследования всей совокупности связанных друг с другом памятников: И., Пролога, Златоуста, *Златоструя* и др. Однако уже сейчас можно отвести предположение В. А. Яковлева, что «одним из более близких источников» И. является Златоуст (Я к о в л е в. К литературной истории. . ., с. 39). Соответствия с И. обнаруживаются либо в статьях Златоуста, появившихся лишь в поздних списках памятника, либо в статьях, общих для Златоуста и различного рода триодных четких сборников, откуда они и могли быть заимствованы составителем И. Так, читающееся в гл. 82 И. первой редакции «Поучение в 3-ю неделю поста» и «Поучение о пречистых тайнах», читающееся в гл. 86 той же редакции, встречаются лишь в редких списках постного и пятидесятного Златоустов (в списке ГИМ, Синод. собр., № 232 и списке БАН, 13.2.6); «Притча Иоанна Златоуста о блудном сыне» (гл. 8 первой редакции И.) соответствует тексту, читающемуся не в Златоусте, а в некоторых сборниках (например: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 9 и 11). Таким образом, не Златоуст в его традиционном составе явился источником И., а, напротив, И. был использован как источник для некоторых дополнений в списках Златоуста, относящихся к XVII в. Н. Петров, анализируя печатный Пролог (по его позднему изданию 1817 г.), отмечал, что И. «был одним из самых богатых источников, доставлявших материал для проложных поучений» (П е т р о в. О происхождении и составе. . ., с. 298—299). Это наблюдение справедливо лишь по отношению к печатному Прологу, действительно, широко использовавшему И. как один из источников. Вопрос же об отношениях И. к Прологам старших редакций не исследован, как на это указывал еще А. И. Соболевский в рецензии на книгу В. А. Яковлева.

Тем не менее в работах А. С. Архангельского и В. А. Яковлева, в рецензии П. В. Владимирова на книгу А. С. Архангель-

ского, а также в отдельных статьях и обстоятельных описаниях И. (например: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 53—83; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881, ч. 1, с. 562—591) содержатся указания на некоторые источники И. Так, А. С. Архангельский отмечал, что значительная часть «слов», «наказаний», «поучений», входящих в состав Изборника 1076 г., читается нередко с буквальной точностью и в древнерусских Измарагдах. К числу таких статей принадлежит, например, Стоглав Геннадия, извлечения из Книги премудрости Иисуса сына Сирахова, различные слова, например «Слово Иоанна Златоуста, како поа честити, пзвлечение из Афанасиевых ответов, Сказание о милостивом Созомене и, может быть, некоторые другие» (Творения отцов церкви. . ., вып. 1—2, с. 70—71). Статьи И. обнаруживают близость к отдельным словам из Златоустра и Маргарита, они основаны на сочинениях Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина (см. «*Паренесис*» Ефрема Сирина), Евсевия Александрийского. В статьях И. использованы «Пандекты» Никона Черногорца (см. «*Пандекты*» и «*Тактикон*» Никона Черногорца), «Вопросы Антioxа и ответы Елифания» псевдо-Афанасия Александрийского, «Диалоги» Григория Двоеслова, сочинения *Серапиона Владимирского* и т. д.

И. сохранился в большом числе списков. Традиционный состав каждой редакции может быть реконструирован путем сопоставления ряда списков, но в чистом виде — без индивидуальных добавлений, пропусков, замен или перестановок глав — этот состав чрезвычайно редко можно найти в конкретных рукописях.

Первая редакция И. была известна В. А. Яковлеву в трех списках: старший из них — список ГБЛ, собр. Румянцева, № 186, 2-й пол. XIV в. Список дефектен: в нем читаются главы 6—9, 12—14, 26—40, 44. Списки XVI в. — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 204 и ГПБ, F.I.233 также не лишены дефектов и не тождественны друг другу. Еще большими отличиями характеризуются списки ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 40/1117 и 41/1118, а также список ГПБ, Q.I.140. Близок к первой редакции обнаруженный Б. М. Пудаловым список ГБЛ, собр. Тихонравова, № 295. По предположению исследователя, он мог восходить к протографу, который отражал переходный тип между первой и второй редакциями.

Наиболее традиционными по составу являются следующие списки второй ред. И.: БАН, 13.2.7 и 34.7.21 (без конца); ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 91, 202 и 203; собр. Ундольского, № 1279; собр. МДА, № 22/46; ГИМ, Синод. собр., № 230; ГПБ. F.I.225 и F.I.533; Солов. собр., № 359/270; Кир.-Белоз. собр., № 39/1116; собр. Погодина, № 1019, 1022 и 1023. Текст этой редакции вошел в *Великие Минеи Четьи* под 31 июля. Он содержит 159 глав (гл. 20, 26, 89, 131 и 160 пропущены, две главы посят № 56); описание см.: И о с и ф. Подробное оглавление Великих

четьих-миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московской Патриаршей (пыпе Синодальной) библотеке. М., 1892, 2, стб. 348—361.

А. С. Архангельский и В. А. Яковлев указывают и на другие редакции И. Однако этот вопрос требует исследования: скорее всего мы имеем дело с многочисленными индивидуальными переработками текста памятника. Пространный сборник статей, в числе которых и несколько глав из И. второй редакции, а также апокрифические статьи, статьи из Златоуста и т. д., находится в ГБЛ, собр. Ундольского, № 542 и 543 (два тома). Этот сборник был почти полностью издан в 1912 г., в московской старообрядческой книгопечатне, под заглавием: «Измарагд, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго и прочих святых». Научного издания И. не существует, хотя отдельные главы публиковались исследователями. Помимо названных ниже работ см. также: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897, вып. 3.

Лит.: Лукьянов П. Отчет о занятиях в столичных библиотеках // Протоколы заседаний совета имп. Харьковского университета и приложения к ним. Харьков, 1967, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—643; Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873, с. 107—116, 121—123; Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога: (Иноземные источники). Киев, 1875, с. 297—300; Филарет. Обзор, с. 76—82; Петухов Е. Серафим Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, с. 202—205; Архангельский А. С. Творения отцов церкви и древнерусской письменности. Казань, 1889, вып. 1—2, с. 46—27, 61—74; Казань, 1890, вып. 3, с. 88—116; Казань, 1890, вып. 4; Карпов А. Вероятный источник «Слога о среде и пятке» // ЖМНП, 1894, сентябрь, с. 160—175; Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; (реп.: Соболевский А. И. — ЖМНП, 1894, январь, с. 233—238); Владмиров П. В. Из истории древнерусской письменности: (Переводные творения слов церкви. Вопросы и ответы. Измарагды) // ЧИОНЛ. Киев, 1895, кн. 9, отд. 4, с. 28—44; Ивергин В. Материалы для литературной истории древнерусских сборников. 1—2 // СОРЯС. СПб., 1905, т. 84, № 1, с. 16—78; Перетц В. П. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. Л., 1929, т. 3, с. 1—19; Седельников А. Д. Следы строгольнической книжности // ТОДРЛ. Л., 1934, т. 1, с. 128—130; Попов П. П. Памятники литературы строгольников // ИЗ. М., 1940, № 7, с. 34—45; История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 155—162; Клябанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 385—388; Андрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 27, с. 3—29; Творогов О. В. «Измарагд» особого состава из собрания Ундольского // Проблемы культурного наследия. М., 1985, с. 151—154.

О. В. Творогов

Илья (сер. XVI в.) — повгородский перомонах (пресвитер)* миссионер и книжник. Книжник И. и миссионер-инск И. — очевидно, одно лицо (к такому выводу приходит И. И. Калыганов в результате выявления сходства текстов летописного рассказа «О крещении дикой лопи» и Жития Георгия Нового). Филарет

допускает отождествление И. пресвитера с *В. М. Тучковым*, на том лишь основании, что Тучков якобы во иночестве принял имя И., но не подтверждает это заявление никакими документальными данными; против этого необоснованного отождествления возражает исследователь творчества В. М. Тучкова Л. А. Дмитриев.

Биографические сведения об И. книжнике весьма скудны. В 1534—1535 гг. по распоряжению новгородского архиепископа *Макария И.* обращал в христианство северо-западные языческие племена, искореняя их «прелести кумирские». С его слов (а возможно, даже им самим) был написан летописный рассказ «О крещении дикой лопи», вошедшей в *Летописи Псковские*. Об этой же миссии сообщает также и грамота новгородского архиепископа *Феодосия* от 8 июня 1548 г. (опубликована Н. И. Новиковым в ДРВ. 2-е изд. М., 1739, ч. 14, с. 167—176). Однако он не знал языка племен, обращенных им в христианство, и с просветительской миссией по его следам позже шел *Феодорит*, переведший Евангелие на язык лопарей.

Очевидно, после успешного завершения И. миссионерской деятельности, *Макарий* назначил его пресвитером своей домово-крестовой церкви. И. жил и работал и в Новгороде, и во Пскове и, приезжая во Псков, останавливался и работал с книгами в качестве доверенного лица *Макария*, в архиерейском дворце.

В 1538—1539 гг. по поручению *Макария И.* пишет русскую версию *Жития Георгия Нового*, навеянную пересказом болгарского произведения, известного под названием «Мучение святого и славного великомученика Христова Георгия Нового, мучившагося в Средце граде българстем» («Месяца мая в 26 день»), созданного софийским книжником попом *Пейо* в первой четверти XVI в., в период правления турецкого султана *Селима I* (1512—1520 гг.). Согласно предисловию к *Житию Георгия Нового*, содержание его стало известно на Руси от болгарских монахов афонского Зографского монастыря. Два болгарских монаха, *Прохор* и пресвитер *Митрофан*, прибыли в Россию, очевидно, за «милостыней» в составе дипломатической турецкой миссии *Искандера Чеуша* и *Андреана Грека*. Они побывали в Новгороде и Пскове, были приняты *Макарием*, рассказывали ему о притеснениях турецких завоевателей на Балканах и в связи с этим пересказали содержание болгарского *Жития Георгия*.

Сочинение софийского книжника, который сам принимал живейшее участие в судьбе болгарского 18-летнего патриота и помогал ему укрываться от преследований турецких властей, очень реалистично описывает, как *Георгий*, лишившись родителей, уклонялся от принятия мусульманства, за которым обычно следовало зачисление в войска янычаров. После решительного отказа *Георгий* был заточен в тюрьму; изуверства турецких религиозных фанатиков закончились сожжением болгарского юноши на костре в Софии в 1515 г. Похороны останков мученика, согласно *Пейо*, вылились в торжественное всенародное чествование его как национального героя.

Пересказ Жития нового болгарского национального святого произвел на Макария сильное впечатление, и он поручил И. записать его для *Великих Миней Четьих*. Работа над русским текстом Жития Георгия Нового была начата Ильей в 1538 г. в Новгороде, а завершена во Пскове в 1539 г. В отличие от болгарского писателя новгородский книжник, описывая жизнь и мучения Георгия, сильно отступает от исторической действительности, прежде всего стремясь к строгому соблюдению традиций житийных канонов. Однако ценным историческим источником остается пространное Предисловие к Житию Георгия Нового, в котором записан рассказ болгарских монахов о турецком засилии на Балканах в XVI в., о несправедливостях турецкого суда, наборах в янычары, о проведении политики религиозной ассимиляции.

Антитурецкая по своей направленности, русская переработка повествования о Георгии идейно-тематически близка сочинениям Григория Цамблака. Конкретным образцом для нее, как считает А. И. Яцимирский, послужило Житие Иоанна Нового Болгарского Цамблака. Антитурецкая тематика Жития Георгия Нового способствовала широкому ее распространению на Руси; оно известно в нескольких переработках и трех редакциях (в том числе, кроме мишейной, известна краткая Проложная редакция — см. *Пролог*). В начале 50-х гг. XVI в. расширенный вариант первоначальной редакции Жития Георгия Нового был включен в состав Царского списка ВМЧ (под 26 мая). Текст Жития опубликован по одному не весьма исправному списку А. И. Яцимирским; научное издание ее текстов по всем редакциям и спискам подготовлено И. И. Калигаповым (в приложении к кандидатской диссертации), изучавшим русское Житие Георгия Нового в его отношении к болгарскому оригиналу.

Канон псковскому святому Михаилу Клонскому, написанный по поручению Макария не позже 1542 г. (читается в Служебной Минее XVII в.: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 522 и в собр. Румянцева, № 397), принадлежит, как считает Л. А. Дмитриев, не И.-пресвитеру, а В. М. Тучкову.

Изд.: ИСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 73—74; СПб., 1853, т. 6, с. 296. Яцимирский А. И. Из истории славянской проповеди в Молдавия. СПб., 1906 (ИДШ, т. 163), с. 97—109; Пековские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 141—142; Житие Георгия Нового/Подг. текста, пер. и ком. Н. Ф. Дробленковой//ПДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986, с. 530—545, 633—634.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 232—233, 235—237; Барсуков. Источники биографии, стб. 120—121; Строев. Словарь, с. 115—116; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887, т. 6, кн. 1, с. 334, примеч. 433; Яцимирский А. И. 1) Григорий Цамблук: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, с. 457—461; 2) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе // ИОРЯС, СПб., 1908, т. 13, кн. 2, с. 168—171; Дипков П. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963, т. 19, с. 318—319; Калигапов И. И. 1) К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового // Сов. славяновед. 1974, № 3, с. 73—81; 2) Повесть о Георгии Новом в русской рукописной традиции

XVI—XVIII вв. / Там же, 1975, № 5, с. 25—35; 3) Появата на Житието на Георги Нови в старата руска литература // Език и литература. София, 1975, кн. 3, с. 44—56; 4) «Повесть о Георгии Новом» в болгарской и русской литературе XVI в. Автореф. канд. дис. М., 1975.

И. Ф. Дробленкова

Иннокентий (2-я пол. XV в.) — монах Боровского монастыря, автор Записки о последних днях жизни Пафнутия Боровского. И. принадлежал к числу «древних» (старших) учеников основателя и игумена Боровского монастыря Пафнутия и в последние дни жизни Пафнутия не отходил от него «ни на мал час». На рассказ И. ссылался в своем каноническом Житии Пафнутия его автор *Вассиан Санин*. Кроме Записки И., сохранился написанный тем же автором канон Пафнутию Боровскому, утвержденный к печати митрополитом *Даниилом* в 1531 г.

Записка И. представляет собой совершенно своеобразный литературный памятник, лишенный традиционных агиографических черт. Написана она, по-видимому, сразу же после смерти Пафнутия, в 1477—1478 гг., когда *Иосиф Волоцкий*, на которого И. ссылается как на свидетеля, был еще в Боровском монастыре. Записка И. — подробное и, по-видимому, вполне точное описание последних восьми дней жизни Пафнутия — с 24 апреля по 1 мая 1477 г. В начале Записки Пафнутий выступает еще в привычной для него роли рачительного хозяина монастыря — он обсуждает с И. устройство запруды около монастыря. Однако его уже ждет «ино дело... неотложно» — разрушение «слюза» души с телом. Пафнутий уходит к себе в келью, которую покидает только для церковной службы, и категорически отказывается от общения с представителями внемонастырского мира. Но авторитет боровского игумена настолько велик, что к нему все время присылают — от князя Михаила Андреевича Можайского, митрополита *Геронтия*, великой княгини Софии и самого *Ивана III*; несмотря на запрет Пафнутия И. вынужден докладывать старцу об этих высокопоставленных посланцах. Вопреки традиции, умирающий Пафнутий отнюдь не проявляет в этом случае подобающего старцу смирения. «Что тебе на мысли?» — упрекает он И. «Не даси же ми от мира сего ни един час отдохнути. Не веси ли — 60 лет угажено миру и мирьским человеком, князем и бояром! И в сретеньи им совано ся, и в беседе с ними маньячено, и вслед по них такоже совано ся. А того и не вем: чесого ради? Ныне познах — никакая ми от всего того полза».

Эта мысль о суетности «угождения миру», конечно, была достаточно традиционна в христианской литературе, но выражена она благодаря точной передаче устной интонации Пафнутия так сильно, что едва ли можно согласиться с А. П. Кадлубовским, что «доброеизвестный Иннокентий» не смог записать за Пафнутием «глубокого по содержанию и назидательного завещания».

В своем каноническом житии Пафнутия, включенном в *Великие Минеи Четии*, Вассиан в очень незначительной степени использовал Записку И. при описании смерти Пафнутия.

Безыскусность и непосредственность изложения при несомненном литературном таланте автора делают Записку И. одним из замечательнейших памятников древнерусской литературы. Некоторыми чертами Записка напоминает такие нетрадиционные произведения, как «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина* и даже *Житие Аввакума*.

Изд.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 439—453 (Приложение); ПЛДР. 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 478—513.

Лит.: Кадыловский А. П. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сб. Ист.-филол. о-ва при Ин-те ки. Безбородко в Пежине. Пежин, 1899, т. 2, с. 105; Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 129—130.

Я. С. Лурье

Иоаким, игумен Пантелеймонова монастыря см. Сказание о святей горе Афонской.

Иппокентий Охлябинин (Вологодский) (XV—XVI вв.) — основатель Комельского монастыря, автор «Завета». И. О. был учеником *Нила Сорского*, монахом из московского рода князей Охлябининых. Вместе с *Пилом Сорским* во второй половине XV в. путешествовал на Балканы, жил в Константинополе и на Афоне, вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь, затем следом за *Нилом* ушел оттуда в основанную тем пустынь на р. Соре. В 1491 г. по воле старца *Нила* в Комельском районе Вологодской области, на р. Еде, И. О. основал Спасо-Преображенский монастырь, получивший впоследствии название Иппокентиева и Комельского, где и умер и был похоронен. В его житии, написанном, по-видимому, в XVII в. (Список XVII в. — ГПБ, собр. Погодина, № 1582, л. 98), говорится, что, хороня его, на его могилу положили камень, на котором написали год, месяц и день его смерти, и дата эта указывается как 19 марта 6999 (1491) г., что невероятно, так как известно, что И. О. пережил *Нила Сорского*, скончавшегося в 1508 г. «Также и образ подобия его братия написаша» — очевидно, этот образ хранился в монастыре. Говорится также, что в монастыре сохранялось «писания не мало о преподобнем Иппокентии», но все стorerло при нашествии «на Рускую землю, на пределы Вологодския» казанских татар. Самим И. О. написан «Завет», т. е. завещание (нач.: «Се аз убогий инок Иппокентие. . .»), обращенное к братии «пустыни сей нашей». Он просит братию жить дружно, мирно, не принимать и не постригать юных и безбородых, женского пола в пустыню не пускать, «сияственного питания» не держать, а в остальном — речь идет о молитве и о пении, како читатися и когда подобает исходитьи потребы ради. . . и о рукоделии и о прочем. . .» — руководствоваться правилами «господина нашего и учителя моего старца *Нила*». Далее он делает распоряжение «О церкви», а именно говорит, что если иноки «в пустыни нашей» надумают ставить церковь, то пусть она будет во имя третьего обретения главы *Иоанна Предтечи*, «сей бо есть

великий Иоанн наставник всем иноком и пустынножителем». В главке «О самочинниках» он велит тех, кто станет жить не по божественным заповедям, написанию старца Нила и его собственному писанию, сначала наказывать, а затем изгонять, а если они захотят вернуться и жить как следует — принимать назад. В заключительном разделе, «О келиях», он пишет, что брат, уходящий из пустыни, теряет всякие права на свою келью и не может ее ни продать, ни передать другому, и если возвратится, получит ту келью, какую ему назначат настоятель и братия; в их владение переходят и кельи умерших; запрещается торговать и меняться кельями, «но кыйждо в своих келиах живет». Перу И. О. принадлежит по всей видимости также тропарь, кондак и икос преподобному Нилу Сорскому. При этом любопытно, что следом за икосом идет пояснение содержащихся в нем улодоблений старца Нила финику и лозе: житие праведных в сем мире жестко, как дерево финик, плоды же его сладки, как плоды финика; а вино учения, как виноградное вино, укрепляет наши сердца.

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1, с. 15—16, 96—98; Архангельский А. С. Нил Сорский и Василий Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, с. 45—46, примеч. 116, прилож. III, с. 14—16.

Г. М. Прохоров

Иоанн (1388—1414 гг.) — архиепископ Новгородский, автор Послания на Двину (ок. 1397 г.) и «Благословения» и «Указа» (ок. 1410 г.). И. был третьим новгородским ерхменсконом с этим именем. Послание приписывается ему С. В. Рождественским после сопоставления его с жалованной грамотой великого князя Василия I Дмитриевича Двинской земле 1398 г., а также с летописными записями и некоторыми другими документами того времени. В 1397 г. великий князь, учтя антагонизм двинского и новгородского боярства, предложил «Двинской слободе» отложиться от Новгорода и перейти под его великокняжескую власть, чем спровоцировал восстание двинян против Новгорода; грамота 1398 г. была его политическим договором с двинянами о правах. Грамота же архиепископа И. является ответом на просьбу жителей Двинской земли разрешить «вседневную службу» в архангельском монастыре св. Михаила. Благословляя просивших, владыка перечисляет их и тем самым дает историкам возможность судить о социальной структуре двинского населения («...буди милость о жия. . . на посадниках двинских, и на двинских боярах, и на боярах новгородских, на владычне поместнике, на купецком старосте, и на всех купцах новгородских и заволочских, и на игуменах, и на поех, и на всем причте церковном, и на соцком, и на всех крестьянах. . .»), при этом он указывает и пределы Двинской земли («от Емцы и до моря»). Архангельский Михайлов монастырь, до той поры бывший, по всей видимости, вольным скитом или пу-

стынью, делался этой грамотой приходским, или земским, монастырем, получал игумена Луку, и в нем устаивалась «вседневная служба». Подлинник грамоты в 1813 г. хранился в монастыре; до нас не дошел.

И. также принадлежат взаимосвязанные «Благословение архиепископа новгородскаго Иоанна к христианам святыа Софиа» и «Указ о проскурънисании святым трем исповедником: Гурию, Самопу и Авиву». Написаны они по случаю происшедшего в 1410 г. в новгородском Софийском соборе и отмеченного в новгородских летописях знаменая от иконы святых мучеников Гурия, Самона и Авива «о судех (или, что вернее, «о сосудех») церковных». По всей видимости, похитители церковных сосудов были каким-то образом уличены перед этой иконой. И. по этому поводу пристроил «со владычня двора» каменный придел к Софийскому собору во имя этих трех мучеников. В «Благословении» и «Указе» он велит «христианом святыа Софиа» в случаях прощаж прибегать не ко кресту и присяге, а к чудотворной иконе святых мучеников; священники же должны при этом на проскомидии прочесть молитву святым мученикам («. . . гибелником помозите, виповных обличите, гортани шкодником затворите. Исаче, свяжи их! Иакове, и пути их загради и на все стороны темны сотвори, да будут пути их ползкы и ангел господень погоняя их!)), приготовить крестообразную просфору и, вынимая поочередно четыре ее частицы, произносить имена сначала мучеников, а затем, в четвертый раз, — тех, кто должен будет есть просфору «виновным на обличение»; далее во время литургии — раздать людям просфоры, — «а хто не съестъ хлеба, тот по суду виповат будеть». Под «христианами святыа Софиа» имеются в виду, возможно, не новгородцы или не только, но жители принадлежавших святой Софии земель.

Изд.: Амвросий. История российской иерархии. М., 1812, т. 3, с. 300—301; Макарий, архиеп. История русской церкви. СПб., 1866, т. 4, с. 294—296, 382—384; РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 36, стб. 305—308; Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах. СПб., 1903, ч. 2, с. 145—146.

Лит.: Рождественский С. В. Послание новгородского архиепископа Иоанна на Двину как источник для истории Двинского восстания 1397 г. // Докл. Рос. АН, 1925, с. 51—54.

Г. М. Прохоров

Иоасаф (XVI в.) — игумен Данилова монастыря, агнограф, причастный к составлению житий святых северного края; в литературе встречается мнение, что он же епископ Вологодский с 1560 г., умерший в 1570 г. Имя И. как автора встречается во второй редакции Жития Никиты, епископа Новгородского, в которой, в отличие от первой, описаны обретение мощей и 25 чудес от них, составленные И. по повелению новгородского архиепископа *Пимена* (после 1558 г.). И. написал также житие Стефана Махрицкого, списки которого, перечисленные Барсуковым, датируются XVI—XVII вв. (Новый шифр рукописи из Ант.-Сийского м-ря. — БАН, Арх. Д. 233, а рук. ГБЛ, собр. Ундольского,

№ 1161, указана Барсуковым ошибочно). Автор сообщает, что он посетил Махрицкий монастырь, где воспользовался сохранившимися записками («свитци, на хартиях написаны бяху») пресвитера Серапиона, лично знавшего Стефана, а также воспомина-ниями игумсна Варлаама, приходившегося правнуком Серапиону. И. У. Будовниц справедливо отмечал зависимость Жития Стефана от *житий Сергия Радонежского* и Кирилла Белозерского. В Житии Стефана рассказывается о Григории и Кассиане Авнежских, учениках и сподвижниках Стефана, которых убили «безбожники. . . татарове» (по другой редакции Жития, обнаруженной Н. Коновлевым в рукописи библиотеки Авнежского монастыря, это были черносотенные крестьяне, не желавшие мириться с монастырской колонизацией земель). Существует проложное Житие Стефана Махрицкого (под 14 июля).

И. принадлежит также Сказание об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских с чудесами, оно написано раньше Жития Стефана, судя по словам: «Мне же смиренному преже написавшу о явлении мощей и о чудесах преподобных, иже на Авнеже. . .». В некоторых рукописях Сказания (например, ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 635, л. 39—410 об.) перед рассказом об обретении мощей и чудесами помещен рассказ о Григории и Кассиане Авнежских, представляющих собой дословное заимствование из Жития Стефана Махрицкого (новый пифр рукописи из Антошино-Сийского монастыря, указанной Барсуковым, — БАИ, Арханг. собр., Д. 233). Причисление Григория и Кассиана Авнежских к лику святых было совершено при московском митрополите *Макарии* около 1560 г. В научной литературе бытует ошибочное наименование «Житие Григория и Кассиана Авнежских», имеющее в виду Сказание об обретении их мощей с чудесами.

В. О. Ключевский и Н. Коноплев не были склонны отождествлять И., игумена Данилова монастыря, с Иосафом, епископом Вологодским. В. О. Ключевский указывал также на неясность, какого Данилова монастыря, московского или переславского, следует считать игуменом И. Сохранившиеся сочинения И. позволяют видеть в его авторе типичного агиографа середины XVI в., периода сложения *Великих Миней Четьих* митрополита Макария. Наиболее ценным в его наследии остаются рассказы о взаимоотношениях монастырских властей и крестьянства на Русском Севере.

Лит.: Филарет. Обзор, № 133; Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870, ч. 1, с. 32—34; Ключевский. Древнерусские жития, с. 265—266, 278—280; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 730; 2) Словарь, с. 142—144; Барсуков. Источники агиографии, стб. 136—137, 389—393, 543—544; Макарий, митр. История русской церкви. СПб., 1891, т. 7, с. 431; Коноплев Н. Святые вологодского края // ЧОИДР, 1895, кн. 0, с. 23—34; Будовниц И. Монастыри на Руси, с. 131, 135—136; Иванова Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. М., 1985, с. 207—208.

О. А. Белоброва, Л. В. Соколова

Иоасаф (Скрипицын) (ум. в 1555 или 1556 г.) — митрополит Московский, писатель и книжник. Судьба и политическая карьера его тесно связана с Троице-Сергиевым монастырем. Первым достоверным фактом его биографии является сообщение о том, что в 1529 г. он был поставлен из старцев в игумены Троицкого монастыря. С. П. Розанов склонен отождествлять И. С. с личностью ростовского священника *Георгия Скрипицы*. Предположение С. П. Розанова в дальнейших исследованиях поддержки не получило. Отметим, что фамилия Скрипицын в XVI в., видимо, была достаточно распространенной, известен дьяк Дмитрий Тимофеевич Скрипицын, современник И. С. (Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 478).

Первое летописное известие о И. С. относится к 1530 г., когда он совершил обряд крещения будущего царя *Ивана Грозного* (ПСРЛ, СПб., 1904, т. 13, с. 48). Он же крестил и второго сына *Василия III* Юрия, родившегося в 1533 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 66). Благоклонное отношение великого князя к троицкому игумену, видимо, оставалось достаточно постоянным. В Шумиловском томе *Летописного свода Лицевого* включен рассказ о рождении и крещении в Троицком монастыре самого *Василия III*, записанный якобы со слов И. С.: «Сня же повесть явлена быше митрополитом Иоасафом всея Русии, еже он слыша от уст у самого великаго князя *Василия Ивановича* всея Русии самодержца» (ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 191). Этот же рассказ с приведенным объяснением происхождения его помещен среди дополнений к чудесам в *Житии Сергия Радонежского* (ВМЧ, 25 сентября, СПб., 1883). В 1539 г. в том же сане игумена И. С. совершил обряд пострижения в схиму умирающего *Василия III* и оставался при нем до его кончины (ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 265, 274, 275). В результате борьбы за власть между Бельскими и Шуйскими И. С. был избран в митрополиты на третий день по низведении *Даниила* князем Иваном Васильевичем Шуйским. Посвящение И. С. в митрополиты было осуществлено уже на седьмой день с соблюдением всех правил обряда, во время которого избранный митрополит прочитал написанное по этому случаю «Исповедание православной веры» (ААЭ. СПб., 1936, т. 1, № 184). По мнению С. П. Розанова, «Исповедание» И. С. характеризует его церковно-политические взгляды. Дело в том, что И. С. в отличие от своих предшественников и последующих митрополитов не отрекается от константинопольского патриарха и признает истинным православие у современных греков. В это время на Руси считалось, что хранителями истинной православной веры оставались только русские. По мнению Е. Е. Голубинского (История церкви, т. 2, ч. 1, с. 740, примеч 2), в данном случае И. С. вероятнее всего вернулся к старой формуле, употреблявшейся митрополитами при поставлении, добавив только строки об *Исидоре*. С. П. Розанов усматривает в этом влияние *Максима Грека* и считает, что одним из источников «Исповедания» И. С. могло быть его «Сказание к отрицающимся на поставлении. . .» (см.: Иванов А. И. Литературное наследие *Максима Грека*,

Л., 1969, с. 154). Предположение С. П. Розанова убедительно подтверждается материалами судебных дел над Максимом Греком в 1525 и 1531 гг., приведенными в статье П. Н. Покровского. В письме митрополита Даниила в Волоколамский монастырь в связи с осуждением в 1525 г. Максима Грека в перечне обвинений вторым называется отношение обвиняемого к вопросу о поставлении русских митрополитов в Москве, а не в Константинополе (Судные списки. . ., с. 50—51). Соборное разбирательство 1531 г. вновь обращается к возражениям Максима Грека о порядке поставления русских митрополитов и к прежнему обвинению добавилось новое — его осудили также за симпатии к митрополиту Исидору, подписавшему Флорентийскую унию (Судные списки. . ., с. 71—72).

Деятельность И. С. как митрополита была непродолжительной. Поставленный в митрополиты по воле Шуёского, он принял сторону его противника Бельского. Но «печалование» митрополита к великому князю была снята опала с Ивана Федоровича Бельского (ПСРЛ, т. 13, с. 132—133). В том же году он ходатайствовал об освобождении Владимира Старицкого. В 1541 г. Иван Бельский просил у него заступничества перед великим князем за своего брата Семена Федоровича (ПСРЛ, т. 13, с. 136). Но уже в начале января 1542 г. И. С. был сведен с престола. В *Царственной книге* (ПСРЛ, т. 13, с. 140—141) приведены подробные обстоятельства лишения его митрополичьего сана. И. С. оказался сосланным в Кириллов монастырь; после 1547 г. его перевали в Троице-Сергиев, где он и скончался. Причины ориентации митрополита на Бельских не выяснены, возможно, они определяются не столько политическими соображениями, сколько его личными симпатиями.

Время пребывания И. С. в Троице-Сергиевом монастыре не было по существу заточением. По ряду косвенных свидетельств он там жил согласно своим склонностям и интересам, но при этом и не в полном забвении со стороны правящих властей. В своем послании в Кирилло-Белозерский монастырь, написанном в 1573 г., Иван Грозный с осуждением вспоминает об образе жизни И. С. в Троицком монастыре. (Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и ком. Я. С. Лурье. М.; Л., 1951, с. 175—178). Однако следует обратить внимание на то, что в целом отношение Грозного к И. С. оставалось благосклонным. В послании *Курбскому* он говорит об И. С. как о жертве боярских распри (Послания Ивана Грозного, с. 34). Положительное отношение к личности И. С. сохраняется в *Царственной книге* на протяжении изложения всех событий, к которым он был причастен. Материалы Стоглавого собора (1550 г.) сохранили содержание ответных посланий И. С. на присланные ему для замечаний постановления собора. Замечания его на постановления собора по-прежнему имели частный характер и в окончательных решениях его отражения не получили. Он предлагал упомянуть о присутствии на соборе 1503 г. не только *Иосифа Волоцкого*, но и других представительных старцев, имея в виду по всей вероятности *Ила Сорского*

и новгородского архиепископа *Серапиона*. Кроме того, он советовал, чтобы «положенные деньги» брались из казны митрополита и из монастырей, а не собирались с крестьян, которые и так обременены большими податями. Замечание его о необходимости иметь в больших монастырях «всевозможные квасы» в исследованиях истолковывается несколько по-разному.

Более интересные сведения для характеристики личности И. С. и его общественных и литературных связей дают материалы соборного разбирательства деятельности *Исаака Собаки*, случившегося в феврале 1549 г. В конце 1548 г. собору предшествовала переписка между митрополитом *Макарием* и бывшим митрополитом И. С. (опубликована Н. Н. Покровским). Суть дела заключается в следующем. Исаак Собака по судебному разбирательству по делу Максима Грека и *Вассиана Патрикеева* на соборе 1531 г. был осужден как переписчик перевода Жития Богородицы Симеона Метофраста, сделанного Максимом Греком, отлучен от церкви и отправлен в заточение в новгородский Юрьев монастырь. И. С., став митрополитом, освободил сосланного по делу Максима Грека Исаака Собаку, нарушив тем самым каноническое правило о сятии соборного отлучения. Очень возможно, что покровительство, оказанное осужденному Исааку Собаке И. С., объясняется заинтересованностью митрополита в возможности поддерживать с ним связи как с человеком в совершенстве владеющим книгописным делом. Судя по сохранившейся библиотеке И. С., он был большим любителем не просто книжности, но и ценителем художественного оформления рукописей. Известен большой список рукописей, принадлежавших И. С., в том числе среди них есть написанные известнейшим каллиграфом своего времени Исааком Собакой. Уже давно обращено внимание на то, что многие рукописи из библиотеки И. С. отличаются красивым письмом, а также внешним оформлением (Г о л у б и н с к и й. История церкви, т. 2, ч. 1, с. 742). В описи Троице-Сергиева монастыря 1642 г. приведен большой перечень книг, принадлежавших некогда И. С. Б. М. Клосс перечислил 29 рукописей из состава библиотеки И. С. По его мнению большинство этих рукописей было написано в митрополичей канцелярии при митрополите Данииле, а заяввший после него митрополичью кафедру И. С. в дальнейшем присвоил их (К л о с с. Библиотека московских митрополитов в XVI в., с. 116). Интересным является то, что во время пребывания И. С. на митрополии Исааком Собакой была переписана «Лествица» *Иоанна Лествичника* (ГПБ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 160), которая затем оказалась в библиотеке опального митрополита (там же).

Память о пребывании И. С. в заточении в Кирилло-Белозерском монастыре, видимо, следует искать в книгохранилище этого монастыря. Так, А. Н. Насонов предположил, что список *летописи Типографской* (ГИМ, Синод. собр., № 789), принадлежавший некогда Кирилло-Белозерскому монастырю, туда мог завести сосланный митрополит И. С. (История русского летописания XI—пачала XVIII в. М., 1969, с. 389). В то же время отсюда он

мог в свою библиотеку получить рукопись ГБЛ, собр. МДА, № 109, написанную Исаком Собакой еще в начале XVI в. (К л о с с. Библиотека московских митрополитов в XVI в., с. 116). Из этих примеров следует, что весьма благосклонное отношение И. С. к Исаке Собаке объясняется его библиофильскими наклонностями.

Уникальность библиотеки И. С. ясна и сейчас. В его коллекцию входят рукописи произведений его современников, с которыми он в той или иной степени был связан. Это, в частности, список «Круга миротворного», составленного по его повелению в 1540 г. священником повгородского Софийского собора *Агафонию*. Собственностью И. С. был сборник сочинений Максима Грека, представляющий собой собрание сочинений, составленное автором и собственноручно им правленное (рук. ГБЛ, собр. МДА, фонд., № 42). Сборник был создан в самом конце 40-х—начале 50-х гг. XVI в., когда Максим Грек проживал вместе с И. С. в Троицком монастыре, где оба скончались в 1555 г. (С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 161—175). Согласно версии наиболее раннего *Сказания о Максиме Греке* улучшение положения Максима Грека в заточении наступило именно при митрополите И. С. (там же, с. 149—150). Поэтому легко представить, что только что составленный сборник сочинений был получен И. С. из рук самого автора.

На значение другого сборника из библиотеки И. С. (ГБЛ, собр. МДА, № 684) для характеристики самого владельца его как писателя и редактора обратил внимание С. П. Розанов. По его мнению, этот сборник, имеющий пометы и замечания на полях, составлен И. С., как и предисловие к нему, в котором автор сообщает, что «шисах же с разных списков, тщаясь обрести правый». Леонид обратил внимание на параллели в тексте предисловия с концом *Жития Серапиона*, архиепископа новгородского (Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописных, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящейся в библиотеке Московской духовной академии) // ЧОИДР. М., 1879, кн. 2, с. 47—49). С. П. Розанов, основываясь на этих наблюдениях, склонен признать И. С. автором *Жития Серапиона*. Впервые мысль о принадлежности *Жития Серапиона* перу митрополита И. С. была высказана Е. Е. Голубинским, А. А. Зимин в предисловии к *летописи Иоасафовской* высказался вполне определенно: «Житие Серапиона Иоасаф написал в Троице-Сергиевом монастыре в 50-е годы XVI в. Положение опального митрополита весьма напоминало положение сосланного ранее в тот же Троицкий монастырь новгородского архиепископа» (Иоасафовская летопись, с. 11). Время создания *Жития* аргументируется использованием в нем сведений из *Жития Иосифа Волоцкого*, написанного «неизвестным». На основании перечисленных доводов нельзя считать вопрос об атрибуции *Жития Серапиона* И. С. решенным.

И. С. принадлежала рукопись с текстом так называемой Иоасафовской летописи (ГБЛ, собр. МДА, № 140). Эту рукопись обна-

ружил А. А. Шахматов, он же установил принадлежность ее бывшему митрополиту И. С. (на нижнем поле второго листа находится киноварная помета «Иасафа»). Поэтому и летопись, составляющую основную часть рукописи, А. А. Шахматов назвал Иоасафовской. Он определил, что Иоасафовский список был одним из источников *Летописи Никоновской*. Это позволило ему сделать предположение, что ранний текст Никоновской летописи (в списке Оболенского) был составлен между 1529—1539 гг. при участии троцкого игумена И. С. А. А. Зимин, опубликовавший текст Иоасафовской летописи, в своем предисловии не согласился с выводом А. А. Шахматова об участии Иоасафа в работе над Иоасафовской и Никоновской летописями. В Иоасафовской летописи, а также и в Никоновской, рассказ о ссоре Иосифа Волоцкого с архиепископом повгородским Серапионом безусловно изложен иосифлянином, который поведение Иосифа расценивает положительно, а к архиепископу Серапиону относится враждебно и полностью оправдывает справедливость отлучения его от церкви. Житие же Серапиона написано с противоположных позиций. Вся политическая биография И. С. говорит о том, что он никогда не был связан с иосифлянами и должен был к ним относиться враждебно. Поэтому, по мнению А. А. Зимина, автором Иоасафовской летописи не мог быть И. С. Эта летопись, как предположил исследователь, была написана в митрополичьей канцелярии при митрополите Данииле (1522—1529 гг.). Предположение А. А. Зимина о происхождении Иоасафовской летописи и ее связи с Никоновской в настоящее время полностью подтвердились и вошли в выводы книги В. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописцы XVI—XVII вв.». Рукопись с Иоасафовской летописью могла попасть в библиотеку И. С. прямо из митрополичьей канцелярии после того, как он сменил Даниила на митрополичьей кафедре. С. П. Розанов в своем исследовании, вышедшем в 1930 г., отождествил личности составителя западнорусского хронографа и одного из главных редакторов Никоновского свода (редактора первой части списка Оболенского). Этой личностью он признал И. С., а составление Западнорусского хронографа и основной части Никоновской летописи отнес к 50-м г. XVI в., предполагая, что летописная работа могла вестись в кружке *Артемия*, который в 1551 г. был игуменом Троицкого монастыря. В настоящее время В. М. Клосс подтвердил существование связи Никоновской летописи с Западнорусским хронографом: оба произведения возникли в одно и то же время и в одной и той же среде, но работа над ними осуществлялась в митрополичьей канцелярии под руководством митрополита Даниила. Таким образом, к созданию этих двух значительных исторических сочинений И. С. отношения не имел.

Как уже упоминалось, обращения к рукописям библиотеки И. С., может быть, дадут дополнительные материалы о причастности его к писательскому труду. Е. Е. Голубинский, правда с оговорками, приписывает И. С. составление редакции церковного

устава, по рук. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 783, имеющей на л. 599 об. киноварную помету «митрополита Иоасафа» (Голубинский. История русской церкви, т. 1, ч. 1, с. 620—621). С. В. Юшков отверг участие И. С. в работе над церковным уставом.

А. В. Горский склонен был считать И. С. не только автором Жития Серапиона Новгородского, но и редактором, распространившим текст Жития Никона, написанного *Пахомием Сербом*.

Изд.: Стоглав. 3-е изд. Казань, 1912, с. 193—200; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подг. Н. Н. Покровский. М., 1971, с. 130—132.

Лит.: Барсуков. Источники агнографии, стб. 259—262; Строев. Словарь, с. 104—105, 207, 359, 373, 443; Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергеевой Лавры, М., 1890, ч. 2, с. 14; Голубинский. История церкви, т. 2, ч. 1, с. 738—743; Шахматов А. А. Иоасафовская летопись // ЖМНП, 1904, июнь, с. 69—79; Розанов С. П. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф, как один из его составителей // Изв. по РЯС АН СССР, 1930, т. 3, кн. 1, с. 269—287; Ионов И. К. В. Источники по историографии, т. 2, кн. 2, с. 1095, 1726; Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1951, с. 3—15; Клосс Б. М. 1) Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 116; 2) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 170—173.

Р. П. Дмитриева

Иов (XV в.) — «роспон», псковский книжник по прозвищу Столп, автор послания к основателю псковского Елеазарова монастыря Евфросину по поводу аллилуйи в церковном пении. В своей «еписистолии» (будучи сторонником «трегубой аллилуйи») И. обличает Евфросина в притворженности его к «сугубой аллилуйи».

Сама «еписистолия философства лист», переданная старцу Евфросину посланцами И., не сохранилась. О ее существовании мы узнаем из *Жития Евфросина*, созданного, как полагают, не позже 1510 г. Содержание послания биограф Евфросина не приводит. Он излагает только историю спора Евфросина с И. и дает характеристику обоим спорящим: Евфросин — строгий подвижник, И. — поп-расстрига, «кующий клевету» на «преподобного» и поднимающий против него псковичей. В отличие от Евфросина, умершего «честною смертию» «лехко и дивно», И. скончался в тяжких муках. Евфросин называет послание И. «телячьим вещанием», а самого И. «смрада исполненного», отторгнувшегося «от церкви Христовой», «столпом мотыльным». «Мотыльный столп Иов» упоминается и в послании Евфросина псковскому Троицкому собору, которое следует в Житии Евфросина вслед за повестью о споре по поводу аллилуйи (ГБЛ, собр. Угдольского, № 306).

Ряд исследователей (например, И. Ф. Нильский, В. Н. Малинин) считают, что И., помимо послания, является еще автором памятника XV в. — «Послания господину Афанасию, честнейшему в ипсех общеобительных великых Лавры святого Николы ктиторю», представляющий отрывок из переписки между неким псковским клириком и ктитором Афанасием, несомненно связан-

ного с Житием Евфросина и сохранившегося в *Великих Минеях Четиих* митрополита *Макария* (июньской и августовской книгах), а также читающегося в этих же *Четьих Минеях* «Устава св. отец седьмого собора на иконоборци». И. Ф. Нильский предположил к тому же, что этот последний памятник и есть то послание И., которое он послал через своих посланцев Евфросину. Думается, однако, что прав Н. И. Серебрянский, отказавшийся видеть в И. автора и «Послания к господину Афанасию. . .» и «Устава. . . на иконоборци» (Серебрянский И. Очерки. . ., с. 141).

Изд.: Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского (Первоначальная редакция). СПб., 1909 (ПДПИ, № 173): Послание к Афанасию, ктитору великия Лавры свягата Николы о трегубой аллилуиа // ПС, ч. 2, с. 137—166.

Лит.: Макарий И. История русской церкви. СПб., 1878, т. 8, с. 131—142; Нильский И. К истории споров об аллилуии // Христ. чт., 1884, май—июнь, с. 695—722; Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901, с. 7, 11, 21, 28, 116—118; Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами // ЧОИДР, 1905, кн. 214, с. 196—218; Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908, с. 76—146; Ключевский В. О. Псковские споры // Ключевский В. О. Опыты и исследования. М., 1912, с. 88—122; Лихачев Д. С. Литература Пскова второй половины XV—первой половины XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 406—409.

М. А. Салзина

Иов (в миру **Иван**) (ум. 19 VI 1607 г.) — патриарх, автор «Повести о житии царя Федора Иоанновича», посланий, грамот и речей. Родился в посадской семье г. Старица. Обучался грамоте в Старицком Успенском монастыре. Здесь же, от своего учителя, настоятеля монастыря архимандрита Германа он принял в 1556 г. монашеский постриг. Удивительную карьеру И. от никому неизвестного монаха провинциального монастыря до первосвященника России и патриарха исследователи объясняют прежде всего особым благоволением к нему трех русских царей: *Ивана IV*, Федора Ивановича и *Бориса Годунова*. Его восхождение к высшему духовному званию началось с посещения Старицы Иваном Грозным, который, познакомившись с И., приказал произвести его в архимандриты Успенского монастыря. В 1571 г. И. был переведен в Москву настоятелем Симонова монастыря, а в 1575 г. он стал архимандритом считавшегося царским Новоспасского монастыря. Особенно быстрым было его продвижение по высшим ступеням церковной иерархии. В 1581 г. И. посвящается в сан епископа Коломенского, в 1586 г. становится архиепископом Ростовским, а всего через 11 месяцев занимает место главы русской церкви, заменив неугодного Борису Годунову митрополита Дионисия.

Когда 26 января 1589 г. осуществилось давнее желание русского правительства устранить формальную подчиненность русской церкви Константинополю, то из трех кандидатов царь Федор Иванович выбрал духовным руководителем страны И.

Чем было вызвано расположение к И. царей, можно отчасти узнать из «Истории о первом патриархе Иове Московском», которая была написана в агиографическом стиле неизвестным автором в середине 50-х гг. XVII в. и служит главным источником биографических сведений об И. (РИБ. СПб., 1891, т. 13, стб. 923—950). Из нее выясняется, что кроме обязательных для героя житийного произведения смирения, скромности, твердости в исполнении монашеского обета, И. обладал совокупностью качеств, которые выгодно выделяли его среди окружающих. Прежде всего указывается его высокая образованность. Затем подчеркивается необыкновенная память И. Автор «Истории. . .» отмечает также, что И. «прекрасен бо в цени и в чтении» и вел службу с такой проникновенностью, что могли расчувствоваться «иже и не слезливыя». Благодаря этим качествам, по мнению автора «Истории. . .», И. и был избран патриархом.

Все эти дарования И. вполне правдоподобны и могли обратить на него внимание монархов, но не могут объяснить причину его возвышения. Она раскрывается в произведениях самого И.: в речах и посланиях Федору Ивановичу и царице Ирине, в «Повести о житии царя Феодора Иоанновича». Еще отчетливее она обнаруживается в обращениях И. к Борису Годунову и в той выдающейся роли, которую он сыграл в избрании Годунова на царство. Как духовный глава государства, оставшегося после смерти Федора Ивановича без царя, И. не только организовал созыв освященного и земского соборов, но, пользуясь своим положением и авторитетом, активно влиял на их благоприятное для Годунова решение. По его инициативе было предпринято шествие с иконами к Новодевичьему монастырю, чтобы продемонстрировать всенародность избрания Годунова. Подготовка документов об избрании Годунова царем тоже проходила под руководством И. Верность и преданность царям Ивану Грозному, Федору и затем и особенно Борису, безоговорочная поддержка их социально-политических начинаний хорошо объясняют появление И. на патриаршем престоле. Он не изменял царю Борису даже после его смерти, поддерживая всеми силами молодого Федора Борисовича Годунова. Ни попытки Лжедмитрия I привлечь И. на свою сторону, ни угрозы лишить сана не заставили его отказаться от разоблачений Григория Отрепьева в грамотах и в публичных выступлениях, поэтому по приказу самозванца И. выслали на родину, в Старичский Успенский монастырь. В 1607 г. И., ослепший и одряхлевший, еще раз появился в Москве, где по требованию царя Василия Шуйского и нового патриарха *Гермогена* москвичи молили его о прощении за изгнание. Вернувшись в Старичу, И. в том же году умер.

Литературная деятельность патриарха И. в полном объеме не выяснена. Достаточно глубоко исследована лишь «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича». Не получила должной оценки его роль в литературном процессе конца XVI—начала XVII вв. как главного идеолога страны, хотя факты красноречиво свидетельствуют о том, что И. оказал большое влияние на современную

ему литературу и на литературу более позднего времени. Ни один писатель первой половины XVII в., касавшийся событий начала века, не обошелся без тех характеристик политической ситуации и Григория Отрепьева, его намерения «веру крестьянскую поправить и православных крестьян в латынскую и люторскую ересь привести и погубити», которые содержатся в грамоте И. от 14 января 1604 г. в Сольвычегодский Введенский монастырь. Публицистическая направленность литературы первой трети XVII в. определилась еще в сочинениях И. Соборное определение и Утвержденная грамота об избрании на царство Бориса Годунова (ААЭ. СПб., 1836, т. 2, №№ 6—7), написанные под его руководством, если не им самим, послужили источником и литературным образцом для Утвержденных грамот Василия Шуйского и Михаила Федоровича Романова, в которых было выработано идеологическое освещение «Смуты». Остается невыясненной роль И. в создании известной В. Н. Татищеву, по утраченной впоследствии летописи о Смутном времени — «Истории Иосифа о разорении русском». Старец Иосиф был келейником И., пользовался неограниченным доверием патриарха, работал с литературными и документальными материалами богатейшей патриаршей библиотеки.

Почти совсем не изучались послания, грамоты и речи И. (перечисляются в хронологической последовательности): 1) Послание грузинскому царю Александру (апрель 1589 г.); 2) Послание к митрополиту Николе и «всему священному собору Иверския земли» (апрель 1589 г.); 3) Грамота константинопольскому патриарху Иеремие (март 1592 г.); 4) Утешительное послание царице Ирине по поводу смерти царевны Феодосии (1592 г.); 5) Грамота в Казань митрополиту Гермогену о трехдневном молебне по поводу избрания на царство Бориса Годунова (15 марта 1598 г.); 6) Окружная грамота о трехдневном молебне по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича (15 марта 1598 г.); 7) Послание к царю Борису Федоровичу в ответ на царскую известительную грамоту о походе против крымского хана (2 июня 1598 г.); 8) Приветственная речь царю Борису Федоровичу по возвращении его из Серпуховского похода (июль 1598 г.); 9) Речь во время венчания на царство Бориса Годунова (3 сентября 1598 г.); 10) Благословенная грамота земскому старосте города Слободской об устройении Божоявленского монастыря (4 января 1599 г.); 11) Жалованная несудимая грамота Волоколамскому Иосифову монастырю на вотчину в Осташковской слободе (5 февраля 1601 г.); 12) Грамота в Сольвычегодский Введенский монастырь о ежедневном молебне по случаю войны царя Бориса Федоровича с Гришкою Отрепьевым и о проклятии самозванца со всеми его сообщниками (14 января 1604 г.); 13) Духовная грамота (1604 г.); 14) Статейный список о посылке за бывшим патриархом И. в 1607 г. (февраль 1607 г.). По нашему перечню №№ 6, 7—12, 14 опубликованы в ААЭ, № 2 — в «Христ. чт.», № 3 — в ДРВ, а в «Истории» С. М. Соловьева опубликован краткий отрывок из № 4 по рук. ГПБ, О.IV.17 с ошибками, без соблюдения правил передачи древних текстов.

Стилистические особенности сочинений И. свидетельствуют о его явном тяготении к художественной манере школы митрополита *Макария* с ее панегирическими портретами, торжественной эмоциональностью, сложными синтаксическими конструкциями, утяжеленным, цветистым языком. С помощью этих художественных средств И. сознательно приукрашивал беспокойное царствование Федора и Бориса и создавал далекие от подлинного облика идеализированные образы этих царей. Пожалуй, только в посланиях И. в Грузию — царю Александру и митрополиту Николаю возвышенная риторика, панегирические характеристики Федора Ивановича выглядят уместными и оправданными. Сам факт обращения грузинского царя и главы грузинской церкви к России за помощью давал И. основание подчеркнуть в самых звучных и лестных выражениях силу и величие русского самодержца. Кроме многочисленных цитат из Евангелия, Апостола, писаний отцов церкви, И. ввел в послание митрополиту Николаю, без ссылки на источники, большие отрывки из слова болгарского пресвитера Козмы «на богумилов» и всю первую часть «третьего» слова митрополита *Даниила*.

Среди всех сочинений И. выделяется темой и стилем утешительное послание царице Ирине. После смерти долгожданного, но быстро умершего ребенка, царевны Феодосии, Ирина долгое время испытывала безудержное отчаяние. Желание успокоить царицу заставило И. призвать на помощь всю свою эрудицию, весь талант писателя и опыт пастыря. Искреннее соболезнование горю Ирины, стремление помочь ей позволили И. увидеть в царице простую женщину, потрясенную потерей единственного ребенка, и выразить свое отношение к ней убедительными словами. Стремясь найти самые доходчивые слова, И. вводит в послание даже разговорную речь, что совершенно несвойственно его произведениям, написанным исключительно книжным языком. Так, увещывая Ирину образумиться и взять себя в руки, потому что царевну все равно не возратить, он говорит: «а кручиною, государыни, не взяти ничево» (ГПБ, О.IV.17, л. 21 об.).

«Повесть о житии царя Феодора Иоанновича», написанная до 1604 г., содержит идеализированное жизнеописание этого царя. По задачам, которые И. ставил перед собой, и по художественным признакам она представляет собой как бы заключительную главу Степенной книги. Царь Федор единственный из прямых потомков Ивана Калиты, не попал в этот свод агиобиографий русских государей, потому что Степенная книга была закончена еще при жизни его отца. Замысел И. восполнить этот пробел возник еще в связи с тем, что со смертью царя Федора прекратилась династия Рюриковичей. Однако в «Повести о житии...» этому факту не придается той значительности, которую он имел в жизни. И. постарался затушевать важность события, не допустив ни малейшего упоминания о жестокой политической борьбе в аристократическом окружении царя на протяжении всего его царствования. В его изложении никаких проблем из-за смерти последнего

сына Ивана Грозного не может возникнуть, поскольку вопрос о престолонаследии решен самим Федором задолго до кончины. После победы в 1591 г. над крымскими татарами под Москвой царь вручает Борису Годунову златокованную цепь, «сим паки на нем преобразуя царского своего достоинства по себе восприятия и всего превеликого царьствия Русийскаго скипетродержательства правление».

Тема исключительности дарований, близости к царю и верности ему Бориса Годунова проходит через всю Повесть и определяет ее особенность. Будучи посмертной похвалой царю Федору, она является одновременно панегириком Годунову. Торжественно-патетический тон, книжные метафоры, самые хвалебные эпитеты и лестные сравнения в равной мере присущи характеристикам и царя, и его «изрядного правителя». Каждый из них в высшей степени соответствует своему назначению. Если по жанровым признакам Повесть сближается с биографиями Степенной книги, то в стилистическом отношении она испытала влияние панегирических памятников XV—XVI вв. Отличительной чертой стиля Повести исследователи считают ее насыщенность рифмованными прозаическими отрывками, которые появились вследствие ритмической организации речи, возникшей в результате постоянного чередования предложений одной синтаксической конструкции.

Патетический тон повести И. унаследовал от лучших древнерусских ораторов. Так, торжественное и величественное начало повести подражает формуле, выработанной еще *Кириллом Туровским* (слово «о расслабленном») и очень близкой в Повести к предисловию *Максима Грека* к *Житию Зосимы и Савватия Соловецких*. В воспоминаниях о царе Феодоре самого патриарха И., которые заключены в форму чередующихся риторических вопросов, и особенно в замечательном своим лиризмом плаче царицы Ирины сказалось влияние «*Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго*». Еще один источник Повести обнаруживается, когда И., чтобы с наибольшей силой отразить величие царя, пишет, что Иерусалимский патриарх Иеремия, до которого дошла слава о царе Феодоре, захотел лично убедиться в его благочестии и мудрости, «якоже и древле Южеская царица Сивилла приходяще от восток во Иерусалим, хотя видети премудрость Соломанову». Это сравнение, как и некоторые другие, принадлежит *Повести о житии Александра Невского*. Панегирический стиль «Повести о житии» в сочетании с откровенным стремлением автора приукрасить образы царя Федора и Бориса Годунова (этим стремлением объясняется отсутствие всяких фактов, которые могут бросить на них тень; нет сообщения даже о смерти царевича Дмитрия) делает ее примером литературного эпигонства. В конце 20-х гг. XVII в. «Повесть о житии. . .» была использована при создании Нового Летописца, а в рукописях середины XVII в. она встречается в составе Степенной книги в качестве последней ее степени.

Сохранилась опись келейной библиотеки И. периода ссылки, вложенной им в 1606 г. в Успенский Старицкий монастырь (Описание книги Старицкого Успенского монастыря. 7115—1607 г. Издание журнала «Тверская старина». Старица, 1912, с. 75), в которой упомянуто 56 томов, в том числе много печатных книг (Т у р и л о в А. А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII вв. (по материалам древнерусской библиографии) // Советское славяноведение, 1977, № 1).

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1789, ч. 12, с. 388—401; ААЭ, т. 2, № 1, 2, 5, 8, 11, 14, 28, 67; Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1857, т. 7, с. 449—450, примеч. 133; Христ. чт., 1869, ч. 2, с. 867—893; ПСРЛ, СПб., 1910, т. 14, 1-я пол., с. 1—22.

Лит.: К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1824, т. 10, 11; Ж м а к и н В. И. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 756—757; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1881, т. 10, с. 3—134; Ф и л а р е т. Обзор, с. 215—216; П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913, с. 104—108, 351—356; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. 1) Из начального периода русского стихосложения // ИОРЯС за 1921 г. Пгр., 1923, т. 26, с. 271—276; 2) Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5, с. 95—96; История русской литературы, М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 28—30; К у д р я в ц е в И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951, т. 8, с. 184; К о л о с о в а Е. В. Новый список Повести о Федоре Ивановиче // Там же. М.; Л., 1958, т. 14, с. 272—274; История русской литературы в трех томах. М.; Л., 1958, т. 1, с. 260—273; 293; Д е м к о в а Н. С., Д м и т р и е в а Р. П., С а л м и н а М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964, т. 20, с. 173; Е л е о н с к а я А. С. и др. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969, с. 20—22; К о р е ц к и й В. И. «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1973, вып. 5, с. 251—285; П а в л о в А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Там же, Л., 1978, вып. 10, с. 206—225.

Г. П. Енин

Иона (ум. 1461 г.) — епископ Рязанский, впоследствии митрополит Московский, церковный деятель и публицист. И. — первый русский митрополит, назначенный без утверждения константинопольским патриархом. И. был впоследствии канонизирован, и более поздние рассказы о нем (см. *Житие Ионы*) во многом искажают подлинную биографию И.: он изображается естественным и законным преемником митрополита *Фотия* и последовательным сторонником *Василия II* в борьбе с его соперниками галицкими князьями. Однако независимые и ранние источники не подтверждают этой версии. Отметим, что в новгородских и псковских летописях имя И. вообще не упоминается; *Летопись Софийская I* младшего извода сообщает об И. только в связи с назначением его митрополитом в 1448 г., а *Летопись Тверская* — в связи с поставлением им тверского епископа в 1461 г. Великокняжеские летописи впервые упоминают епископа И. под 1446 г. как спо-

движника Шемяки, помогшего ему захватить детей Василия Темного, и лишь под 1448 г. (в связи с назначением И.), приводит не очень вразумительное и явно дефектное известие о существовавшем еще ранее намерении поставить И. «после Сидора» (митрополита *Исидора*) на митрополию.

Хотя в грамотах, связанных с Ионой, упоминалось, что его поставил митрополитом «священный збор» (РИБ, т. 6, № 64, стб. 539), никакого решения или постановления этого «збора» до нас не дошло.

Важными источниками, свидетельствующими о стремлении поставить И. митрополитом еще в 30-х гг., казались исследователям грамоты, адресованные в Царьград и сохранившиеся в рукописных сборниках. Однако сборники, содержащие эти грамоты, относятся к концу XV—началу XVI в., и достоверность содержащихся в них сведений вызывает серьезные сомнения. Одна из этих грамот (РИБ, т. 6, № 62) написана от имени Василия II и адресована в одном списке (сборник кирилло-белозерского инокa *Ефросина*, ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11/1088—90-е гг. XV в.) «вселенскому патриарху» (имеется в виду, очевидно, Митрофан), а в другом (в своде 1518 г., отразившемся в *Летописях Софийской II и Львовской*, под 6949—1438 г.) — «царю греческому» (видимо, Иоанну VIII). Отправление И. в Константинополь отнесено здесь ко времени «по преставлении, . . . митрополита Фотиа»; от имени князя автор пишет, что он понудил «йти к вам Иоану, епископа рязаньска. . . дабы нам того епископа Иоану доставили на митрополию». Но в Константинополе, по его словам, «нашего прошения не приали. . . , того нам Иоану на митрополию не поставили», а послали Исидора, поехавшего затем на собор к папе и привезшего грамоты от папы, что «чюже есть и странно»; в грамоте Василий II просит патриарха (по другому списку — императора) разрешить русским самим совершить «поставление митрополита». По смыслу эта грамота должна быть датирована 1444 г., но странна в ней ссылка на отправление И. «по преставлении Фотиа»: Фотий умер в 1430 г., а Исидор назначен русским митрополитом семь лет спустя. Следующая по времени грамота Василия II в Константинополь (РИБ, т. 6, № 71), повествующая о тех же событиях, опять сохранилась в двух версиях — в двух митрополичьих формуляриках начала XVI в. — ГИМ, собр. Уварова, № 512 и Синод. собр., № 562. В обеих версиях второй грамоты речь идет об избрании И., как уже о совершившемся факте; указание, сохранившееся в одной версии («двадцать первое лето» от смерти Фотиа), позволяет датировать вторую грамоту 1451—1452 гг. В отличие от первой грамоты, во второй грамоте сделана попытка объяснить, почему И., чья поездка в Константинополь якобы была решена сразу же после смерти Фотиа, приехал только семь лет спустя — в 1437 г.: «не вемы како, по божим неизреченым судбам, ему ли самому на дорозе помедлившу, богу ли тако волившу, тому к Царюграду достигнути не поспевшу». Еще более важно другое расхождение с первой «грамотой» — во второй гра-

моте утверждается, что «царь и патриарх» уже при назначении Исидора объявили И. его преемником: «а что божия воля о Сидоре произмыслить или смертью скончается, или иначе что о нем будет, ино ты еси, Иона, по нем будеши на Руси митрополитом». Но вторая грамота не только противоречит первой; существенные расхождения обнаруживаются и между двумя версиями самой второй грамоты. В одной из них (сохранившейся в формулярнике Синод. № 562) нет никаких прямых выпадов против Флорентийской унии, и отсутствие сношений с Константинополем неопределенно объясняется «в церкви божией разгласнем» и «неудобнопроходимым шествием», в другой (собр. Уварова, № 512) за рассказом о поездке И. в 1437 г. и данных ему обещаниях следует рассказ об Исидоре и «латынском» соборе «еже в Фроленьции». Но как раз эта версия имеет помету, что данная грамота «к царьградскому царю Константину . . . не пошла».

Противоречивость и сугубая сомнительность всех этих грамот в Константинополь дает основание усомниться в точности передачи текста еще в одном памятнике, также сохранившемся в митрополичьем формулярнике XVI в. (Синод. собр., № 562, л. 204 об. — 206 об.) — в грамоте епископа И. (без указания епископии) в Нижегородский Печерский монастырь 6941 (1433) г. В этом документе И. за 15 лет до своего вступления на митрополичий престол выступает в качестве «епископа, нареченного на святую митрополию русскую» (между тем, даже в посланиях 1447 г. упоминания о его «наречении на митрополию» нет). Грамота эта помещена в митрополичьем формулярнике не среди близких ей по времени документов, а в дополнительной части, после ряда посланий конца XV в.

Можно предполагать, что в конце своего пребывания на митрополичьем престоле И., действительно, претендовал на то, что он стал единственным законным митрополитом после смерти Фотия (1430 г.). Об этом свидетельствует до сих пор не опубликованный и не отмеченный в литературе памятник — духовная грамота И., датированная 31 марта 6969 (1461 г.) и сохранившаяся в рукописном сборнике первой четверти XVI в. (ГПБ, Q.I.1468, л. 149—154 об.). Здесь, правда, ничего не упоминается ни о поездке И. в Константинополь после смерти Фотия, ни об обещании, якобы данном ему патриархом, поставить его митрополитом после смерти Исидора. И. утверждает лишь, что он был поставлен на митрополию «по изволению. . . великого князя всея Руси и его матери. . . и благоверных князей Русских», по совету «с рускими епископи. . . за нужу, не токмо ради раздирания церковнаго и възнищующих ересей, но и за долготу пути. . . и за нужу бывшаго ради церковнаго мятежа в Цариграде в царех и патриаршестве» в связи с «богомерьским учением окааного и злоименитаго Исидора. . . в лето 6957. . . декаврия в 15 день (15 декабря 1448 г.)». Но в конце духовной, как и в памятнике, на основе которого она была составлена, — знаменитой духовной *Киприана* 1406 г. — указывается, что, сосчитав «лета своя отнели в митрополиты поставлен бых»,

он обнаружил, что «третье на десять лето течет от месяца декаврия пятнадцатого». В грамоте Киприана отчет, видимо велся от 1376 г. до 1406 г., но утверждать, что И. пробыл на престоле 30 лет, можно было только, если считать его преемником Фотия, умершего в 1430 г.

Легендарный характер биографии И. в том виде, в каком она изложена в приведенных выше памятниках, а затем в поздней летописной и особенно в агиографической традиции, становится особенно заметной при сопоставлении ее с теми фактами, о которых умалчивали московские летописи. Русская митрополия вовсе не пребывала вакантной в течение 18 лет после смерти Фотия. В 1434 г. митрополитом всея Руси стал по решению патриарха смоленский епископ Герасим, который не поехал в Москву из-за начавшейся там борьбы за престол и управлял митрополией из Смоленска. Из литовско-белорусских, новгородских и псковских летописей мы узнаем о деятельности этого митрополита и о том, что к нему ездил на поставление новгородско-псковский архиепископ Евфимий; вполне вероятно, что и другие русские иерархи, занявшие престол в те годы, поступали так же. В 1436 г. Герасим стал жертвой междоусобной борьбы в Литве; с 1437 г. митрополитом стал Исидор, приехавший в Москву, а затем в течение полугода находившийся в Новгороде и Пскове. Каково было положение И. в те годы? И. был выходцем из уездного княжества Галицкого, князья которого были главными соперниками Василия II; постригся в монахи он там же — в Галицкой земле. Затем он перешел в московский Симонов монастырь, а потом стал епископом Рязанским. Лишь в 40-х гг., после осуждения и изгнания Исидора, у И. появилась возможность занять митрополичий престол — и рассказ великокняжеского свода конца 50-х—начала 70-х гг., связывающий его появление на «дворе митрополиче» с деятельностью Шемяки, представляется поэтому наиболее достоверным. Затем И. занял своеобразную промежуточную позицию между обоими враждующими князьями. Летом 1447 г., после занятия Москвы Василием Темным, бежавшие из нее Дмитрий Шемяка и Иван Можайский, заявили, что Василий II не может их требовать к себе до тех пор, «доколе будет у нас в земле отец наш митрополит». К осени митрополит уже изменил Шемяке и перешел на сторону Василия Темного, однако и после этого он не стал в глазах своих собратьев-иерархов законным митрополитом: в обличительной грамоте русского духовенства против Шемяки, отправленной в декабре 1447 г., И. по-прежнему именуется епископом рязанским и назван на третьем месте — после Ефрема Ростовского и Авраамия Суздальского. Только в следующем 1448 г. И. был, наконец, возведен своими братьями-епископами на митрополичий престол.

Основные произведения И. — послания связаны именно с борьбой за утверждение его митрополичьих прав. Борьба эта была трудной — уже с 50-х гг. И. отказал в признании литовский великий князь Казимир и западнорусские иерархи; серьезные опасе-

ния внушала ему позиция новгородского и тверского епископов; даже такой видный церковный деятель Московской земли, как Пафнутий Боровский, «не велел звати архиепископа Ионы митрополитом». Ни патриарх, противник унии с «латинами», оставшийся в Константинополе после завоевания его турками, ни тем более патриарх-униат не признавали И. митрополитом. Только в самом начале своей митрополичьей деятельности, когда Казимир еще не выдвинул особого кандидата на кафедру русского (киевского) митрополита, И. мог избегать в посланиях литовским князьям, панам, боярам и «всему купно христоименитому господню людству» деликатных вопросов о своем праве на митрополичий престол: в грамоте 1448 г. он не говорил ни о якобы совершенной им в 1437 г. поездке в Царьград, ни об Исидоре и ограничивался сообщением о своем поставлении, осуждая главного соперника Василия II — Дмитрия Шемяку. Не касался И. предыстории своего назначения и в первых грамотах в Новгород и на Вятку, призывая только адресатов прекратить «некая междоусобная спирация и раздоры». Первые упоминания о полученных И. в Царьграде обещаниях появляются в его посланиях, по всей видимости, только после того, как у И. появился в Литве соперник — назначенный патриархом митрополит Киевский и всея Руси Григорий (которого в Москве объявляли учеником и сподвижником Исидора). Об этом И. сообщает в недатированной грамоте киевскому князю (наместнику Казимира) Александру Владимировичу, в посланиях литовским (западно-русским) епископам, написанным около 1460 г.; тогда же И. пишет грамоты литовским епископам и князьям и отдельно смоленскому и черниговскому епископу с резким осуждением унии, Исидора и его «злейшего ученика Григория». Послания эти имели в значительной степени оборонительный характер: патриарх и митрополит Григорий, жаловался И., именовали его и послушных ему иерархов «отступниками». Литовский великий князь не только принял Григория, но и просил Василия II последовать его примеру. Тревогой были проникнуты и послания И. русским иерархам — тверскому епископу Моисею, упорно не желавшему являться к И., несмотря на двукратное приглашение, и новгородскому архиепископу *Ионе*. Тогда же были составлены соборная грамота русских епископов и их же послание литовским иерархам о непризнании Григория и верности И., но среди этих епископов не было ни тверского, ни новгородского. Можно думать, что и разбросанные выше «грамоты патриарху и императору» от имени Василия II, которые историки склонны были датировать 40-ми гг., могли быть составлены не ранее 50-х—60-х гг. Под прямым влиянием этих посланий были написаны и рассказы о Флорентийском соборе и «Слово избрано от святых писаний еже на латыню», где провозглашалось «болшее православие и вышшее христианство Белой Руси» по сравнению с греческим.

Кроме посланий о своих правах на митрополичий престол и грамот против Шемяки и его союзника Ивана Можайского И.

написал также ряд других посланий (обличения против мирян и духовенства, междоусобий и т. д.) и уже упомянутую духовную грамоту. Грамота эта датирована 1461 г., однако ряд ее особенностей дает основание предполагать, что составлена она была ранее. В духовной грамоте не только не упоминается завоевание Константинополя турками, но об императоре Константине XI говорится как о недавно вступившем на престол: «а ныне слышим, что божией благодатью и его неизреченной милостию во Цариграде . . . царь Константин православен, а и патриарха себе такова же православна поставити хочет, а и весь Царствующий град во изначальном православии христианства живет, а окааннаго Исидора изгнаша». В связи с этим И. выражает желание получить благословение от «святаго православнаго патриарха и от всего же священнаго собора». Очевидно, текст этот составлялся между 1451 г., когда патриарх-униат Георгий Маммас отказался от престола, и 1453 г., когда Константинополь пал. Такая датировка подтверждается и тем, что в конце духовной И. дает благословение, среди прочих князей, Ивану Андреевичу Можайскому и Васплю Юрославичу Серпуховскому: первый бежал в 1454 г. в Литву, а второй был заточен в 1456 г. Очевидно, митрополичье завещание было составлено заранее — в начале 50-х гг.

Большая часть грамот И. издана в т. 6 РИБ: № 61 (в Нижегородский Печерский монастырь; ср.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1964, т. 3, № 304; о сомнительности этой грамоты см. выше), № 64 (литовским князьям о поставлении в митрополиты), № 65 (в Новгород), № 66 (князю Александру Киевскому — вопреки А. С. Павлову оно едва ли было написано ранее 1458—1460 гг., когда были посланы аналогичные грамоты № 80—85); 68-I (королю польскому Казимиру 1451 г.), 68-II (пану Михаилу Кезигаюловичу), 69 (протодиакону Михаилу на наместничество в Вильне), 70 (верейскому князю Михаилу Андреевичу), 73 (в Вятку), 75 (в Боголюбов монастырь), 77 (в Вятку), 78 (епископу Симеону Полоцкому), 79 (епископу Каллисту Полоцкому), 80 (литовским панам и боярам), 81 (литовским епископам), 85 (литовским князьям и панам), 86 (архиепископу Ионе Новгородскому), 87 (епископам литовским), 88-I (епископу Мисаилу Смоленскому), 88-II (епископу Евфимию Черниговскому), 89 (литовскому епископу), 90 (в Псков). Отдельные грамоты, изданные ранее, не были включены в РИБ: АИ, т. 1, № 43 (окружное, об изменах Шемяки — А. С. Павлов считал этот текст механическим соединением двух посланий), 46 (князю новгородскому Юрию Лугвеньевичу), 50 (князю Михаилу Верейскому), 51 (епископу Илию Тверскому), 53 (архиепископу Евфимию Новгородскому 1452—53 гг.), 56 (епископу Мисаилу Смоленскому); ААЭ, т. 1, № 49 (королю польскому Казимиру, ок. 1450 г.), 372 (архиепископу Евфимию Новгородскому 1452 г.). Ср. также летописные рассказы об И.: ПСРЛ, М.; Л., 1956, т. 26, с. 208; М.; Л., 1962, т. 27, с. 115; М.; Л., 1949, т. 25, с. 270, а также грамоты: СГГД, т. 1, № 67; Духов-

ные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, № 46, РИБ, т. 6, № 62 и 71; ср. АИ, т. 1, № 41 и 262.

Изд.: ААЭ. СПб., 1836, т. 1, с. 36—37, 464—465; АИ, СПб., 1841, т. 1, с. 86—87, 92—94, 98—100, 101—105; РИБ. СПб., 1908, т. 6, стб. 521—524, 539—542, 543—556, 555—564, 565—570, 569—572, 573—576, 591—596; 601—610.

Лит.: Карпов Г. Очерки из истории российской иерархии: Церковная смута; Св. Иона, последний митрополит Киевский и всея Руси // ЧОИДР, 1864, кн. 4, с. 143—144; Макарий. История русской церкви. СПб., 1870, т. 6, кн. 1, с. 1—46; 2-е изд. СПб., 1887, т. 6, с. 22—23, 37—38; Павлов А. С. Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права // Юр. вестн., 1879, декабрь, с. 763—764; Николаевский П. Ф. Учреждение патриаршества в России. СПб., 1880; Голубинский И. История церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 469—515, 533—536; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, с. 56—73; Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918, с. 395—396; Denisoff E. Aux origines de l'Eglise russe autocéphale // Revue des études slaves, 1947, т. 23, г. 1—4, р. 66—68; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 141; Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, с. 387; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 362—371; Белякова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982, с. 152—154.

Я. С. Лурье

Иона (ум. 5 XI 1471 г.) — архиепископ Новгородский и Псковский (с мая 1458 г.), автор Послания. Был игуменом Отенского монастыря под Новгородом, где и похоронен. Мощи его открыты в 1533 г., канонизирован в 1549 г. В Житии И. (см. *Пахомий Серб*) рассказывается о предсказании ему великого будущего новгородским святым Михаилом Клопским. Став архиепископом, И. продолжил начатую его предшественником архиепископом Евфимием II политику мирных отношений Новгорода с Москвой. В 1463 г. И. по приглашению великого князя *Василия Васильевича (Темного)* и его сына Ивана ездил в Москву для переговоров с ними и с митрополитом *Ионой* о судьбе Новгорода и выхлопотал Новгороду определенную независимость от Москвы. В Житии И. сообщается о том, что он напророчил разорение Ордынского ханства и процветание Российского государства при *Иване III*. И. занимался строительной деятельностью в Новгороде, по его повелению *Пахомий Серб* написал жития и службы нескольким великорусским и новгородским святым. И. — автор Послания митрополиту *Феодосию Бывальцеву*, написанного в 1464 г. Его датировка ограничивается, с одной стороны, тем, что в Послании говорится о недавнем пребывании И. в Москве, и, с другой стороны, временем оставления *Феодосием* митрополичьей кафедры (1464 г.). Послание написано в ответ на два послания *Феодосия* (первое датируется 8 июля 1461 г. — РИБ. СПб., 1908, т. 6, с. 690—694, второе не сохранилось), в которых митрополит требовал, чтобы новгородский архиепископ не признавал киевского

митрополита-униата Григория, обвинявшегося русской церковью, как и его предшественник, митрополит *Исидор*, в прокатолических настроениях. Основания для беспокойства у Феодосия, очевидно, были, так как И. не присутствовал при его поставлении митрополитом и не объявил публично о своем отречении от Григория, а также, по всей вероятности, не ответил на первое послание Феодосия. В Послании к Феодосию И. уверяет митрополита: «А еже пишешь к нам, господин и отец наш, о Григории, Исидорову ученику и ревнителю, еже не примешатся, якоже тогда, тако и ныне, к нему: ино, господине и отче, не обыче дом Премудрости Божия Святыя София волка вместо пастыря приимати, ни горкаго вместо сладких, ниже камению причащатся хлебу предлежащу, но дрѣжатся истиннаго пастыря, иже дверми въ ограду овчю приходящаго и душу за овця полагающа, а не от Рима прелазящаго». Далее И. сообщает о своем согласии на предложение Феодосия поставить «ради тяжкаго своего недуга» после себя митрополитом епископа Филиппа. Послание известно в списке ГПБ, Соф. собр., № 1454, л. 431 об.—433, к. XV—нач. XVI в. и по нему издано А. С. Павловым. И. был автором и других, не дошедших до нас посланий: в его Житии сообщается о переписке его с митрополитом Ионой.

Изд.: РИБ. СПб., 1908, т. 6, с. 703—706.

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836, с. 138; Летописи Тихонравова, т. 3, с. 82—88; Русская историческая библиография. СПб., 1861, с. 63; Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 295; Фларет. Русские святые, чтимые всей церковью. М., 1882, кн. 3, с. 309; Строев. Словарь, с. 147; Голубинский. История церкви, т. 2, 1-я пол. с. 516, 524, 525; ПБЭ, т. 7, 271.

М. В. Рождественская

Иона (XVI в.) — иеромонах Антониево-Сийского монастыря, игумен Глушицкого монастыря, автор житий. Никаких биографических сведений о нем нет.

Находясь в Сийском монастыре, И. написал в 1578 г. *Житие* основателя монастыря *Антония Сийского*: «Месяца декабря в 7 день. Житие и подвизи и отчасти чудес исповедание преподобнаго отца нашего Антония игумена, иже на Михайлове езере пречестен монастырь поставльшаго, во имя пресвятыя и живоначальныя Троица и пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Благовещения, иже и Сийский нарицается. Списано бысть священноиноком Ионою, тоя же честныя обители постриженником». Перу И. принадлежит похвальное слово и служба святому (служба была написана в 1579 г.). Перед описанием чудес И. излагает историю написания Жития: обозначает год, называет имя великаго князя, митрополита всея Руси и епископа вологодского и великопермского, при которых он написал свой труд. Далее он говорит, что со времени смерти Антония прошел 21 год, и осталось совсем немного иноков, которые помнят Антония, и продолжает: «И сего

ради аз убогий священноинок Иона, последний во святем братстве сем, еже от оставшихся ученик блаженнаго, доверенных свидетелей, поведума слышах, писанию предах от многих малая, да не забвены будут труды его и терпение на святем месте сем. Понужен бысть сея же честныя обители игуменом Питиримом и от ученик блаженнаго, о немже поведаша ми сия: ин убо от ученик блаженнаго поведаша сию добродетель святаго си отца, ов же ину, ин же род его и воспитание и от юны версты пребывание. Аз же, сие во едино собрав, писанию предах к ревности последующих святому житию его». При написании Жития Антония Сийского И. широко использовал материалы *житий* Александра Свирского (см. *Иродион*), *Александра Ошевенского*, *Сергия Радонежского*, Кирилла Белозерского (см. *Пахомий Серб*). Житие Александра Свирского, как отмечает И. Яхонтов, И. почти наполовину повторил дословно в своем Житии Антония Сийского. Однако в сочинении И. немало интересных реальных данных об Антонии и о Сийском монастыре, отдельные характеристики Антония (автор несколько раз отмечает его физическую силу), зарисовки монастырского быта отличаются живостью и красочностью, рассказы о чудесах святого, как и в подавляющем большинстве севернорусских житий, примечательны чертами реального быта. Замечательно составленное И. Житие Антония Сийского описаниями севернорусской природы.

Во время пребывания на игуменстве в Глушицком монастыре И. написал Житие Сергия Нуромского (Обнорского): «Месяца октября в 7 день. Сказание мало отчасти о житии, и о приходе на место сие, и о чудесах, и о преставлении, и о явлении преподобнаго отца нашего Сергия Обнорскаго, вологодскаго чудотворца, иже на реце на Нурме, и собеседника преподобному Павлу чудотворцу». Сергей Нуромский был учеником Сергия Радонежского, к которому он пришел в Троицкий монастырь с Афона (откуда и как он попал на Афон ничего неизвестно). Прожив некоторое время в монастыре Сергия Радонежского, Сергей Нуромский ушел на Север, в Вологодские края, и основал на реке Нурме, в Обнорской волости, Спасский монастырь, умер в 1412 г. И в Житии Сергия Нуромского автор его, указав год создания своего произведения — 1584-й, пишет: «Написа же Житие се чудотворца Сергия инок Иона, иже бысть в та лета у Покрова пречистыя Богородицы обители Дионисия чудотворца, иже на Глушице, игумен . . . написах, елика в слухы моя достиже и елика в свитцех обретох написана». И в другом месте своего произведения И. подробно раскрывает, какие «слухи» и «свитки» он имеет в виду: о жизни и подвигах Сергия хорошо знал его постриженник Алексей, который затем был послан Сергием в учение к Павлу Обнорскому, и со временем стал игуменом монастыря, созданного последним. У этого Алексея был ученик Антоний, которому Алексей рассказал все, что знал о Сергии. «Той же Антоний поведаша ученику своему Геннадию, тако зовому ограднику сущу обители великаго Павла (т. е. — садовнику, огороднику монастыря Павла Обнор-

ского. — Л. Д.). Той же Геннадий оградник поведает Протасию иноку». Со временем Протасий стал игуменом Павлова Обнорского монастыря и написал рассказ Геннадия. Эти записи и устные предания о Сергии послужили тем материалом, на основе которого И. написал Житие Сергия Нуромского.

Третье житие, написанное И. — Житие Варлаама Важского (иначе — Пинежского или Шенкурского): «Месяца июня в 19 день. Память преподобнаго отца нашего Варлаама, пинежскаго чудотворца, иже на Ваге пречестен монастырь составляшаго во имя святаго славнаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, его же отчасти чудес исповедания». До пострижения Варлаам Пинежский, в миру новгородский боярин Василий Степанович Своеземцев, в своих владениях в Заволочье при впадении р. Пинежки (Пеняжки) в р. Вагу, недалеко от Шенкурска, построил небольшой городок, в который со временем перебрался с семьей из Новгорода. На противоположном берегу р. Пинежки Василий Своеземцев основал монастырь, в котором под старость постригся и где умер в 1467 г. Монастырские предания о Варлааме послужили И. материалом для написания жития основателя монастыря. Это житие он написал в 1589 г. Как и в двух других своих произведениях автор сообщает читателям об истории своего труда: «. . . орудием неким от отец обители святыя Троицы (т. е. из Сийского монастыря. — Л. Д.) послану ми бывшу на Вагу глаголемую, и тамо орудием тем, по заповеданию отец, задержану ми бывшу, яко и замети ми тамо. И сего ради закоснения случися ми время довольно пребыти во святей обители сей святаго Варлаама». Задержавшегося по монастырским делам в монастыре Варлаама Пинежского И., братия монастыря попросила написать житие основателя монастыря, так как жития Варлаама не было, а в монастыре уже доживали свой век старцы, помнившие еще тех монахов, которые были современниками святого. Выполняя эту просьбу И. написал Житие Варлаама Пинежского.

Итак, Житие Антония Сийского И. писал в то время, когда об Антонии еще хорошо помнили, были еще живы современники его, сам автор являлся монахом основанного Антонием монастыря; два других жития писались И. через очень большой промежуток времени после жизни святого: Житие Сергия Нуромского — через 172 года после смерти Сергия, а Житие Варлаама Пинежского — через 122 года после смерти Варлаама. Биографические данные, сообщаемые И. об этих двух святых по сравнению с данными об Антонии Сийском, очень скудны, но, как отмечает В. О. Ключевский «и немногие сведения о Сергии и Варлааме, записанные Ионой, получены им из надежных источников» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 302). Таким образом, все жития, написанные И., представляют определенную ценность как исторические источники и являются интереснейшими памятниками древнерусской агиографической литературы. Агиографическое творчество И. заслуживает специального исследования. Из сочинений И. издано только Житие Варлаама Важского.

Изд.: Житие преподобного Варлаама Важского / Изд. с предисл. по списку XVI в. № 677 Троице-Сергиевой лавры А. Григоровичем // ИО, 1887, июль, Приложение, с. 1—47.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 300—302; В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 219—231; Я х о н т о в Пв. Жития севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881, с. 110—114; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 51—55, 77—78, 510—511; С т р о е в. Словарь, с. 147—151; Ф и л а р е т. Обзор, с. 163; К о н о п л е в Н. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 65—68; К а д л у б о в с к и й Ас. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 310—326.

Л. А. Дмитриев

Иона Думин (ум. до 1616 г.) — митрополит Ростовский и Ярославский, писатель и книголюб. Пострижен Тверским епископом Захарием, не позднее 31 мая 1584 г. стал архимандритом владимирского Рождественского монастыря (ПСРЛ. М., 1965, т. 29, с. 222), с 1589 г. — архиепископ Вологодский и Великопермский (хиротонисан после мая 1588 г.: С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 731). В митрополиты Ростовские и Ярославские возведен в 1603 г.: время поставления ограничено, с одной стороны, 12 февраля, когда его предшественник Варлаам был немощен, но еще жив (Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря: (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Тр. Саратов. уч. архивн. комиссии. Саратов, 1914, вып. 31, с. 11), а возможно 24 марта, когда Варлаам был «в синодики написан» (С а х а р о в И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Зап. Отд. рус. и славян. археол. имп. Археол. о-ва. СПб., 1851, т. 1, отд. 3, с. 74), и, с другой стороны, 25 июля (запись на Толковом Апостоле: Образцы славяно-русского древлеписания, издаваемые профессором Погодиным. М., 1841, тетр. II, № 12). Вскоре, однако, И. Д. удалился на покой в Рождественский монастырь, откуда он начал свою карьеру — между 29 июня 1604 г. (Акты Юридические. СПб., 1838, с. 408) и 18 марта 1605 г. (С т р о е в П. М. Списки иерархов. . ., стб. 333). Запись на Евангелии 1616 г., которое начали переписывать по повелению И. Д. в 1607 г., отличается от стандартных записей на его книгах — можно думать, что к этому времени его уже не было в живых. Та же запись показывает ошибочность данных Вычегодско-Вымской летописи, датирующей смерть И. Д. 1604 (7112) г. (Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисайло-Евтихийевская) летопись // Ист.-филол. сб. Сыктывкар, 1958, вып. 4, с. 268). Откуда взята точная дата смерти И. Д. (7 марта 1608 г.) автором статьи о нем в РБС, неизвестно (РБС, «Ибак—Ключарев». СПб., 1897, с. 316). И. Д. принимал активное участие в церковно-политической жизни своего времени. К нему благоволил *Борис Годунов* (Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961, ч. 3, с. 104—106); согласно Новому летописцу он доносил патриарху *Иову* о преступных замыслах Григория Отрепьева, будущего самозванца.

Перу И. Д. принадлежит особая, наиболее пространная редакция *Повести о житии Александра Невского*, написанная в 1591 г. Основными источниками редакции И. Д. являются Похвальное слово Александру Невскому и его житие из Степенной книги (М. Н. Сперанский отметил влияние стиля Степенной книги на сочинение И. Д.); И. Д. пользовался также другими источниками, в частности, рядом статей из 7-й степени Степенной книги и летописными известиями. К житию присоединено описание трех чудес (первое из них датировано 1572 г.), очевидцем которых называет себя автор. В некоторых списках за последствием помещается еще одно чудо (датировано 1572 г.) — видение, рассказанное автору Антонием, иноком Владимирского Рождественского монастыря; очевидно, это чудо включено в списки жития или самим И. Д., или позднейшим переписчиком. К числу особенностей редакции И. Д. относится манера вести рассказ от лица древних агиографов, сочинениями которых автор пользуется. Редакция И. Д. сохранилась в значительном количестве списков, в том числе в списке Степенной книги, вложенном И. Д. в Рождественский монастырь (ЦГАДА, ф. 381, № 346); сокращение редакции И. Д. произведено в XVII в. архимандритом Рождественского монастыря Викентием.

В литературе отмечены 22 рукописи, написанные по заказу И. Д.; о нескольких сохранились косвенные данные. Одна из этих 22 рукописей — список Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея 1592 г., хранящийся в Костроме — была обнаружена совсем недавно (см. выступление Т. В. Николаевой в кн.: Тихомировские чтения 1970 г.: Матер. науч. конф., посвящ. опыту организации археогр. экспед. в РСФСР. М., 1970, с. 109). К ученым в литературе нужно добавить еще три списка Устава (указаны Я. Г. Солодкиным и Б. А. Градовой): ГПБ, собр. Погодина, № 282 (запись частично затерта), № 285 (запись на л. 1—84), № 296 (имя И. Д. в записях утрачено, принадлежность ему рукописи выясняется при сравнении их формуляра с формуляром других записей вологодского архиепископа). Большая часть этих рукописей вложена заказчиком во владимирский Рождественский монастырь, о чем сообщают пространные вкладные записи. Рукописи И. Д. — это четыре книги; во вкладных И. Д. отмечает, что та или иная книга «писана не с единого списка, но с различных добрых переводов». Рукописи И. пользовались авторитетом; по его списку Толковой Псалтири в переводе *Максима Грека* (ГИМ, собр. Хлудова, № 4¹) памятник был издан в конце XIX в. единоверцами (в издании воспроизведена и запись И.: Толковая Псалтирь. М., 1897, л. 1041). Особо следует отметить, что И. Д. является создателем нового собрания сочинений Максима Грека; список этого собрания (сохранился в двух переплетах: ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 869; ГИМ, собр. Уварова, № 310) И. Д. вложил в Рождественский монастырь. Всего он пожертвовал книг в эту обитель на сумму 200 рублей. В одном из экземпляров Триоди цветной 1591 г. сохранилось еще одно любопытное свиде-

тельство о культурной деятельности И. Д.: в 1593 г. он отправил в Вологду 200 экземпляров печатной Триоди (постной и цветной) для распределения по церквям.

Изд.: Магницкая В. Житие Александра Невского. СПб., 1913 (ПДПИ, т. 180), Приложение, с. 49—125.

Лит.: Артемьев А. Разгадка старинной анаграммы, помещенной в послесловии к Житию св. Александра Невского // Зап. имп. Археол. о-ва. Т. 4. Перечень заседаний. СПб., 1851, с. 140—143; [Муравьев А. Н.]. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, [т. 1], с. 207, 246, 294; Титов А. А. Ростовская иерархия. М., 1890, с. 63—64; Серебрянский. Княжеские жития, с. 218—222; Сиранский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 192—197; Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 332; Покровский Н. И. 1) Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, с. 17—18; 2) Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 80—89; Флорья Б. П. О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 48, примеч. 48, 264—265; Буланин Д. М. 1) Вологодский архиепископ Иона Думня и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 174—180; 2) Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ, т. 36, с. 73—74, 77—78. 3) Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984, с. 232—233.

Д. М. Буланин

Иосиф (XVI в.) — инок Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря (близ г. Дорогобужа), автор учебного руководства, известного под названием «Летописец и сказание ко учению и рассуждение о фониаде въкратце» для царевича *Ивана Ивановича*. Имя автора установил Х. М. Лопарев, расшифровав криптограмму, помещенную в рукописи в конце этого сочинения. Сам автор сообщил о себе ряд биографических сведений. Он родом новгородец, «от действия же калиграф». Это произведение И. написал в 1559 г. в Герасимове монастыре, будучи клирошанином. По мнению Х. М. Лопарева, И. был учеником *Максима Грека* и получил хорошее образование «на греческой основе». Эта догадка Х. М. Лопарева, по всей видимости, основана на том, что И. в своем сочинении довольно часто употребляет гречизмы и, кроме того, пользуется греческими источниками, не имевшими распространения на Руси. Так, он пересказывает неизвестную легенду о пасхальном каноне св. Космы Майумского и при этом делает такую ссылку — «Поведа ми дивный учитель мой».

Не является ли И., автор учебного руководства, и И., игумен Герасимо-Болдинского монастыря, одним и тем же лицом? В завещании первого игумена монастыря Герасима, который умер в 1554 г., упоминается «Иосиф краснописец» как возможный будущий игумен (Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 295; завещание сохранилось в рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 301, л. 126—128, БАН, 17.13.17, л. 1—20). Отметим, что сам И. называет себя «калиграфом». Время возмож-

ного игуменства И. не противоречит, а скорее подтверждает тождество его с автором учебного руководства. Он мог быть игуменом после 1554 г., но не позднее 1567 г. Дело в том, что в приписке к завещанию Герасима, датируемой этим годом (по рук. собр. Ундольского, № 301) игуменом монастыря называется уже Антопий. П. М. Строев приводит следующие неясные сведения: «Иосиф бывший 1569 г.» (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 597).

В. Ф. Ржига высказал не лишнюю основания догадку о принадлежности И. еще двух произведений: Послания митрополиту *Макарию* о составлении алфавитов и «Сказания о сложении азбук и о составлении грамот, как и когда бысть и в кое время и от которых святых отец и дивных и премудрых философов. Списано вкратце от жития святого отца нашего Стефана, епископа пермского». Все три произведения известны по одной рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147.Д (рукопись описана: Лопарев Х. Описание Хлудовской рукописи № 147 // ЧОИДР, 1887, кн. 3, с. 1—18). «Сказание о сложении азбук» и учебное руководство написаны одним и тем же своеобразным почерком (влияние греческой графики при написании отдельных букв). Заглавие «Сказания» соответствует тексту авторского обращения в Послании Макарию — «Повелел ли еси в мале прежде сих дней от жития святого Стефана Пермского написать вкратце о составлении грамот, когда коа и от коих человек и в кое время и како бе». И основное содержание этих произведений очень близко, в них сообщается о создании славянской азбуки на основании заимствованной из житий Стефана Пермского, *Константина-Кирилла и Мефодия*. В учебном руководстве И. называет себя «худым ипоком», в обращении к Макарию автор Послания точно также говорит о себе; в учебном руководстве И., говоря о своем учителе, называет его «дивным», этим же эпитетом пользуется и автор «Сказания об алфавитах», упоминая о «премудрых философах». Все это свидетельствует в пользу того, что автором всех трех произведений был И.

«Летописец и сказание ко учению и рассуждение о фониаде вкратце» своим педагогически-филологическим содержанием относится к числу редких и малоизученных произведений. В нем с использованием примеров из жизни авторитетов греческой церкви дается наставление о пользе учения, которое сопровождается призывом к усердию в приобретении знаний; здесь же дана характеристика гласных и согласных славянской азбуки и приведены сведения о греческой азбуке. Свое произведение И. называет «книгой» и сопровождает его вступлением и заключением, где дает объяснение причин, времени и обстоятельств написания его. Кроме того, оно сопровождается отступлениями, на основании которых видна эрудированность автора. Сочинение в целом обращено не столько к царевичу, сколько к самому *Ивану Грозному*. Оно представляет интерес не только как образец филологическо-педагогического труда, но и как пример послания—прошения к высокопоставленному лицу.

«Летописец и сказание. . .» опубликован Х. М. Лопаревым, послание Макарию — И. А. Шляпкиным; «Сказание о сложении азбук и о составлении грамот. . .» — не опубликовано (в рук. ГИМ, собр. Хлудова, № 147.Д, л. 395—399).

Изд.: Шляпки И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 567—568; Лопарев Х. Новый памятник русского литературного произведения монаха Иосифа 1559 г. // Библиограф, 1888, № 2, с. 66—74.

Лит.: Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1812; Протоколы общих собраний за 1908 г. // Отчеты о заседаниях имп. ОЛДП в 1907—1910 г. (ИДПИ, № 176), 1911, с. 15 (изложение содержания доклада Хр. Лопарева); Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая—Еразма // ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33, с. 166—167.

Р. П. Дмитриева

Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин) (ум. 1515 г.) — игумен основанного им Волоколамского монастыря, церковный деятель и публицист. Основные факты его биографии сообщаются в *Житии Иосифа Волоцкого* нескольких редакций, написанных через много лет после смерти И. В. и во многом неточных; дополнительные данные могут быть извлечены из сочинений самого И. В.

И. В. родился в семье служивых землевладельцев Волоцкой земли (первоначально принадлежавшей Новгороду, но уже с первой половины XV в. фактически присоединенной к Московскому княжеству). Еще молодым человеком И. В. постригся в монахи в Боровском монастыре, находившемся во владениях великих князей Московских и возглавлявшемся известным церковным деятелем Пафнутием Боровским. Уже в этот период, будучи «в учимом чину», И. В. написал свое первое полемическое сочинение — Послание о Троице архимандриту тверского Отроча монастыря *Вассиану*, направленное против не названных по именам новгородских или каких-то тверских еретиков, ставивших, возможно, под сомнение догмат о троице и указывавших на то, что церковные авторитеты «разньствуют» в вопросе об иконном изображении Троицы. После смерти Пафнутия в 1479 г. И. В. был назначен игуменом Боровского монастыря, но вскоре покинул этот монастырь и перешел из владений великого князя *Ивана III* во владения его брата — удельного князя Бориса Волоцкого. В Послании монахам Пафнутьева монастыря И. В. прямо объяснял этот переход столкновением с Иваном III, забиравшим монастырских «сирот» (крестьян), и опасением, что его враждебные отношения с великим князем могут грозить «нежалованием» всему монастырю. Переход И. В. к Борису Волоцкому совпал по времени с выступлением самого Бориса (я другого удельного князя — Андрея Углицкого) против Ивана III и его обращением к покровительству польско-литовского короля Казимира.

Литературная деятельность И. В. начиналась, таким образом, в обстановке прямого конфликта с великокняжеской властью. Вскоре, после 1479 г., И. В. основывает во владениях Бориса

Волоцкого новый монастырь Успения Богородицы (обычно именуемый Иосифовым Волоколамским монастырем), ставший с конца XV в. одним из центров религиозной и культурной жизни Московской Руси. С самого начала деятельность И. В. и его монастыря оказалась направленной против распространившегося в Русском государстве реформационного движения — новгородско-московской ереси (в историографии XIX в. обычно именовавшейся «ересью жидовствующих»). Основным литературным памятником этой деятельности считается составленная И. В. «Книга на новгородских еретиков», или «Просветитель» (последнее название встречается в рукописях только с XVII в.), дошедшая в двух редакциях — краткой (состоящей из 11 полемических слов; списки, в которых содержится 8 или 10 слов, представляются уже вторичными сокращениями) и пространной (16 слов — в этой редакции названо имя автора, «грешного ипока Иосифа»). Однако «Просветитель», даже в первой, краткой редакции был составлен тогда, когда еретическая «буря» уже прекратилась, — не ранее 1502 г. Но до нас дошли и источники «Просветителя» — отдельные полемические «слова», созданные еще в конце XV в., когда еретики — новгородские и особенно московские — пользовались прямым покровительством великокняжеской власти. Это следующие памятники: 1) сочинение в защиту икон и других священных предметов, состоящее из вступительного «Послания иконописцу» и трех полемических «слов»; 2) «Сказания о скончании седьмой тысячи», связанные с ожидавшимся, но не состоявшимся в 1492 г. (7000 г. от сотворения мира) «концом мира» и также состоящие из трех частей; 3) «Рассуждение об иноческом жительстве» (восходящее, по-видимому, к более раннему памятнику, отразившемуся в 11-м слове «Просветителя»). Кроме полемических слов к тому же периоду относится ряд посланий И. В. — Послание Нифонту Суздальскому (пространная, и, по всей видимости, первоначальная редакция этого послания относится к 1492—1494 гг.), брату И. В. *Вассиану Санину*, архимандриту Евфимию, Послание четырем духовным лицам о расстригшемся чернце, два послания о «человеке», постригшемся в монахи, Послание вельможе, морящему голодом своих рабов, Послание неизвестному обличителю ереси (возможно, *Геннадию*, архиепископу Новгородскому), сохранившееся только в формулярной редакции (без собственных имен) и анонимное «Послание вельможе Иоанну о смерти князя», которое также, по всей видимости, принадлежит И. В. и связано со скоропостижной смертью в 1494 г. его покровителя Бориса Волоцкого. К этому же периоду может быть отнесена и краткая редакция Монастырского устава И. В. (сохранившаяся в том же волоколамском сборнике начала XVI в., в котором дошел и древнейший список «Просветителя»), имеющая антиеретический характер и провозглашающая в ответ на еретическую критику ряд важных реформ в монастырском быту (полный запрет всякой личной собственности для монахов — в частности, на иконы и книги). Завершением всего первого периода творчества И. В. было послание

Ивану III о еретике Кленове, послание духовнику Ивану III Митрофану, написанное в 1503—1504 гг. и первая (краткая) редакция «Просветителя».

Противоеретическая деятельность И. В. велась до конца XV в. в трудных для него условиях, когда Иван III, стремившийся к секуляризации монастырского землевладения, оказывал явное покровительство еретикам — особенно московскому еретическому кружку *Федора Курицына*. В связи с этим И. В. в сочинениях раннего периода (особенно в одном из слов, приложенных к «Посланию иконописцу»), призвал оказывать решительное сопротивление «царю-мучителю», оскорбляющему христианскую веру. В своей борьбе он был не одинок — его поддерживал архиепископ Новгородский Геннадий и другие церковные иерархи. Существенную роль в антиеретической полемике, возможно, играл и известный церковный деятель *Нил Сорский*. Рукой Нила Сорского была написана часть (начало «Сказания о новоявившейся ереси», 1-е, 2-е, часть 7-го, 7—10-е слова) того списка «Книги на новгородских еретиков» («Просветителя»), который был передан в Волоколамский монастырь при жизни И. В. Возможным представляется и соавторство Нила при написании «Послания иконописцу» и следующих за ним полемических слов.

И. В. прежде всего — полемист и обличитель; стиль его высокопарен и торжествен. Он постоянно ссылается на библейские и «святоотеческие» тексты (особенно часты цитаты из Иоанна Дамаскина, Василия Великого). Но опираясь на их авторитет, И. В. развивает далее свою аргументацию самостоятельно и логично, стремясь последовательно отвергнуть (хотя бы формально) аргументы противников. Такая логичность и большая начитанность в богословии позволяет видеть в И. В. своеобразного русского представителя средневековой схоластики.

С начала XVI в. Иван III уступает давлению церковников, отказывается от секуляризационных планов (собор 1503 г.) и соглашается на расправу над еретиками (1504 г.). С этого же времени изменяется и позиция И. В. — он становится решительным сторонником великокняжеской власти и заявляет (цитируя сочинения византийского писателя VI в. Агапита), что «царь убо властью подобен вышнему богу». В 1507 г. произошло столкновение И. В. с сыном его прежнего покровителя, удельным князем Федором Борисовичем Волоцким, захватывавшим монастырское имущество. И. В. заявил о переходе монастыря под непосредственную власть великого князя; *Василий III* (вступивший на престол в 1505 г.) согласился взять монастырь под свое покровительство. Против И. В. выступал архиепископ Новгородский *Серапион*, отлучивший волоколамского игумена от церкви; за И. В. вступился митрополит *Симон*, лишивший новгородского владыку сана. Разгорелась бурная полемика, в ходе которой против И. В. впервые выступили «нестязатели» во главе с *Вассианом Патрикеевым*. Ученик Нила Сорского, сочувствовавшего И. В. в его борьбе с еретиками и не вступавшего (во всяком случае, до 1503 г.) в полемику с И. В.,

Вассиан обвинил волоколамского игумена в крайней и неоправданной жестокости по отношению к раскаявшимся и даже мнимым еретикам; он поднял вопрос об ограничении монастырского землевладения. Василий III в этой борьбе между И. В. и Вассианом занимал колеблющуюся позицию (в 1511 г. великий князь примирился с опальным Серапионом и потребовал того же от И. В.).

Ко второму периоду творчества И. В. относится пространная редакция «Просветителя», составленная в 1510—11 гг. и включающая дополнительные слова (12—16-е), направленные против «нестяжателей» и косвенно — против Серапиона (12-е слово, задевавшее Серапиона, И. В. потом вынужден был изъять из «Просветителя»), пространная (минейная) редакция Устава, смягчавшая прежний абсолютный запрет на личную собственность для монахов и введившая три разные «устроения» для различных категорий монахов. Непосредственно с дополнением «Просветителя» были связаны «Слово об осуждении еретиков» и «Слово о благопреемственных коварствах» и два послания Василию III (включенные затем во вторую редакцию книги). В связи со спором с князем Федором Волоцким и архиепископом Серапионом написаны трактат «Яко не подобает святым Божиим церквам обид творити» и послания И. В. митрополиту Симону, Б. В. Кутузову, *И. И. Третьякову-Ховрину*, В. А. Челядину и Василию III о примирении с Серапионом. С вопросами монастырского быта связаны послания княгине М. Голениной, «Послание некоему брату о соблюдении заповедей» и «Послание старцам о хмельных напитках» (эти два послания перекликаются с мишейной редакцией Устава). К тому же периоду относятся два послания И. В. князю Юрию Васильевичу Дмитровскому (брату Василия III) и послание Василию III о премнике по игуменству.

Литературоведами уже отмечалась своеобразная разностильность сочинений И. В., его умение «с завидной легкостью» переходить «от одной манеры изложения к другой» (И. П. Еремин). Послания И. В., связанные с реальным бытом, написаны иначе, чем его полемические послания, — в них нередко отражается живая бытовая речь того времени. Так, в послании Б. В. Кутузову И. В., обличая своего обидчика Федора Волоцкого в ограблении различных «городских и сельских» людей, рассказывал о том, как князь Федор вымогал деньги у вдовы некоего «торгового человека»: «И князь Федор послал да велел ее мучить. И она сказала все, где что у нее лежит, и он послал, взял все деньги. . .». И. В. просил, чтобы князь, по крайней мере, не оставил ограбленную вдову без жалования; князь обещал ее «пожаловати». Но он всего на всего послал ей однажды «от обеда пять оладей, и на завтрая четьре олады, а денег не отдал ни одное. Ино и дети и внучата и ныне по дворам волочатся. . .».

Творчество И. В. оказало большое влияние на публицистику XVI—XVII вв. В XVI в. И. В. воспринимался уже как идеолог сильной монархической власти — «дворянин великого князя». *Иван Грозный*, постоянно «имал» и «чел» «Просветитель», заимствуя

из него не только отдельные цитаты, но и самую манеру полемики — систематического опровержения (хотя бы и формального) всех замечаний своего оппонента. В XVII в. Аввакум выдвинул в И. В. одного из столпов «древляго благочестия», хотя и отвергал его теорию божественного «благопремудростного коварства».

Основной корпус сочинений И. В., кроме «Просветителя», издан в книгах Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье и «Посланиях Иосифа Волоцкого»; в кн. В. Малинина издан трактат «Яко не подобает божим церквам обид творити».

Изд.: Просветитель или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1857 (далее — без изменений — Казань, 1882, 1892 и 1904 гг.); Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1902, Приложения, с. 128—144; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955. Приложения. Источники по истории еретических движений конца XIV—начала XVI в., № 17, 23, 24, 29, 30; Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959; Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1966, вып. 28, с. 227—239; Клосс Б. М. Неизвестное послание Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 350—352; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI в. 1984, с. 324—357.

Лит.: Казанский П. С.: 1) Иосиф Волоколамский / Прибавл. к творениям святых отцов в рус. пер. М., 1847, ч. 5; 2) Писания Иосифа Волоколамского // Там же; Булгаков Н. А. Преподобный Иосиф Волоцкий. СПб., 1865; Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Саина. СПб., 1868 (рец.: Костомаров Н. — Вестн. Европы, 1869, кн. 4); Шевоструев К. И. — Отчет о XII присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1870; Миллер О. 1) Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского // ЖМНП, 1868, № 2; 2) Инквизиторские вождения ученого // Заря, 1870, т. 10; Жмакин В. Борьба идей в России в первой половине XVI в. — ЖМНП, 1882, № 4; Дьяконов М. Власть московских государей: Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889, с. 94—95 и 129; Пынин А. Н. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестн. Европы, 1894, кн. 6; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914, т. 1, с. 133—142; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах церковной власти. Пр., 1916, с. 197—229; Рыбаков Б. В. Воинствующие церковники XVI в. // Аптирелигиозник, 1934, № 3, с. 21—31, № 4, с. 21—31; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947, гл. 2, с. 84; Raeff M. An Early Theoretist of Absolutism: Joseph of Volokolamsk // The American Slavic and East European Review, 1949, v. 8, N 2, apr.; Зимин А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 159—177; Špidlík T. Joseph de Volokolamsk: Une chapitre de la spiritualité russe. Roma, 1956; Лурье Я. С. 1) Послание вельможе Иоанну о смерти князя // Slavia, 1958, vol. 27, seš. 2, с. 216—225; 2) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 204—284, 426—481; 3) Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the late XV th century // Medieval Russian Culture / Ed. by H. Birnbaum and M. S. Flier. Berkeley; Los Angeles; London, 1984 (California Slavic Studies, 12), p. 163—170; Кланов А. И. Реформационные движения в России. М., 1960, с. 178—181, 206—223; Szeftel M. Joseph Volotsky's Political Ideas in a New Historical Perspective // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1965, N. S., Bd 1, N 1, S. 19—29; Успенский Л. А. 1) Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве // Вестн. Рус. Зап.-Европ. Патриаршего экзорхата, 1966, № 4, с. 225, примеч. 19; 2) Исихазм и расцвет русского искусства,

гл. 3 // Там же, 1967, № 60, с. 23, примеч. 23; Глосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — списатели книг // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974, сб. 2, с. 161, 167; Прохоров Г. М. Автографы Нила Сорского // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 52—53; Goldfrank D. Old and New Perspectives on Josif Volotsky's Monastic Rules // Slavic Review, 1975, vol. 34, N 2.

Я. С. Лурье

Иринарх Глушицкий (XV—XVI вв.) — инок Глушицкого монастыря во имя Покрова Богородицы на Кубенском озере в Вологодской области. Писал житие основателя своего монастыря, Дионисия Глушицкого (ум. 1437 г., память 1 июня), в 1495 г. по поручению соборных монастырских старцев. Основывался в своем повествовании на словах и записках людей, которые слышали рассказы учеников Дионисия, хорошо его знавших (Амфилохия, Макария, Михаила), а также на записках очевидцев и современников. Часто ссылается на устные сообщения старых людей и на письменные источники (например, «а писал Макарий, ученик Дионисиев»). В заимствованных частях текста иногда сохраняет первое лицо авторов — современников Дионисия. Судя по дословному совпадению рассказа о свидании Дионисия Глушицкого с ростовским архиепископом Дионисием в житии и «Сказании о Каменном монастыре» Паисия Ярославова. И. Г. имел в своем распоряжении ту же запись, которой пользовался и Паисий. Самого Сказания И. Г. не знал, судя по тому, что начал свой рассказ прямо с поселения Дионисия на берегу Кубенского озера, заявив, что ничего не смог узнать о родителях, детстве и отрочестве святого, и, по видимому, не зная и того, о чем написал в своем Сказании Паисий (а именно о том, что Дионисий был уроженцем Вологды, мирским его именем было Дмитрий, что в отрочестве он пришел в Спасо-Каменный монастырь к игумену Дионисию, будущему архиепископу Ростовскому, и прожил там девять лет, прежде чем основал свой собственный монастырь во имя Покрова Богородицы поблизости от заброшенного монастыря во имя святого Луки на месте, называемом по имени того монастыря «Святой Лука»). В предисловии к Житию И. Г. запечатлел свое имя сложной анаграммой. По оценке В. О. Ключевского, Житие Дионисия Глушицкого как исторический источник принадлежит «к числу немногих превосходных житий, какие можно найти в древнерусской литературе». В стиле жития сочетаются простота исторического повествования, подобная стилистической простоте «Сказания о Каменном монастыре», и риторическая усложненность предисловия и похвальных словес. Житие сохранилось в значительном числе списков.

Включено под 1 июня в ВМЧ митрополита Макария. Не издано.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 193—195; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894, с. 78—105; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР, 1899, кн. 4, отд. 4, с. 43—53; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // РФВ, 1901, № 3—4, с. 38—43.

Г. М. Прохоров

Иродион (1-я пол. XVI в.) — игумен Александро-Свирского Спасско-Троицкого монастыря, автор **Жития** основателя монастыря *Александра Свирского*: «Месяца августа в 30 день. Житие и подвизи и еже отчасти чудес исповедание преподобнаго и богоноснаго отца нашего Александра Свирскаго, новаго чудотворца, иже бысть во области Великаго Новаграда. Списано Иродионом, игуменом тоя же честныя обители, учеником святаго». В своем произведении И., во вступлении к Житию и в особой завершающей главе — «О списавшем житие святаго», указывает на время написания Жития (1545 г.), сообщает, что Житие было написано им «повелением господина преосвященнаго Макария, митрополита всея России, и по благословию господина преосвященнаго Феодосия, архиепископа Великаго Новаграда и Пскова». И. был принят в монастырь и пострижен самим Александром Свирским, им он был перед смертью назван одним из кандидатов на игуменство, каковым и стал в 1533 г. после смерти Александра (до какого года И. был игуменом, неизвестно). Таким образом, И. был близким к Александру Свирскому человеком, свидетелем последних лет его жизни. Говоря об источниках своего труда, И. указывает на рассказы лиц, знавших Александра Свирского раньше его: «се бо елико о сем блаженнем и велицем отце нашем Александре испытывая слышах от первых мене отец, бывших с ним в то время, таже и вписях, еже слышах от них». Упоминает он и рассказы самого Александра Свирского: «не от слышания бо токмо сия прием, но и от честных и светолешных уст блаженнаго». Труд свой И. написал всего через 12 лет после смерти Александра Свирского. Все перечисленные обстоятельства, казалось бы, должны свидетельствовать о том, что написанное И. Житие должно отличаться особой документальностью, что это Житие с точки зрения исторического источника должно занимать особое место в древнерусской житийной литературе. Как отметил В. О. Ключевский, источники И. «внушают доверие к его обширному и обильному любопытными подробностями труду». Однако И. Яхонтов убедительно показал, что большинство сведений И. о жизни Александра Свирского, в том числе имеющих характер действительных событий на жизненном пути героя, почерпнуты им из книжных источников: из житий Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, написанных *Пахомием Сербом*, и из принадлежащего *Нестору* Жития Феодосия Печерского. И. Яхонтов видит в И. «рабского подражателя» Пахомию (Жития святых. . . , с. 49). В результате подробного анализа сочинения И. Ив. Яхонтов приходит к такому выводу: «Житие преподобного Александра хотя и составлено очевидцем этого святого, преемником по званию игумена Свирской обители и вскоре после смерти преподобного, всего менее есть изображение действительной жизни описываемого лица, это скорее буквальная, и притом не везде удачная, копия жизни святых подвижников других местностей, именно — преподобного Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского и Феодосия Печерского» (там же, с. 86). И. У. Будовниц считает, что оценка Яхон-

товым значения труда И. достаточно «для того, чтобы отрицать за трудом Иродиона всякую литературную или художественную ценность», но не достаточно, чтобы считать данное житие совершенно лишенным достоверности, «ибо достоверный факт можно изложить с помощью уже известного текста и, напротив, можно весьма оригинально изложить явную выдумку» (Будовниц. Монастыри на Руси, с. 323, примеч. 198). Полностью соглашаясь с оценкой Будовницем Жития Александра Свирского как исторического источника, нельзя согласиться с его оценкой литературного и художественного значения труда И. Житие, написанное И., с точки зрения литературоведческой, представляет исключительно больший интерес. Полнота наших сведений об обстоятельствах написания И. Жития Александра Свирского красноречиво свидетельствует о том, в чем прежде всего агиограф XVI в. видел задачу своего труда: рассказать о святом, имея в виду реальные факты его жизненного пути, во всяком случае хорошо зная эти факты, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, предшественниках этого нового святого. С задачей своей как агиограф И. справился прекрасно, его рассказ о жизненном пути Александра Свирского, скомпилированный из более ранних житийных памятников, получился стройным и цельным (следует отметить, что труд И. по объему был гораздо больше каждого из использованных им источников). Рассказ И. был тесно связан с историческими реалиями XVI в., И. ввел немало оригинальных зарисовок монастырского быта; следуя текстам своих источников, И. связывает их с конкретными реальными фактами истории Александро-Свирского монастыря (постройка мельницы, конфликт между Александром Свирским и пришедшим в его монастырь братом Иваном, изготовление кирпича для устройства каменной церкви и многое другое). Ряд эпизодов Жития Александра Свирского не лишен определенного психологизма, стремления отразить живые человеческие чувства (колебания отрока Амоса — будущего Александра — перед тайным уходом из дома в Валаамский монастырь, обман родителей и получение благодаря этому родительского благословения на уход из дома, душевные переживания Амоса, бросающего прощальный взгляд на покидаемый отчий дом и т. п.). Само сочинение И. в свою очередь послужило источником для некоторых написанных позже житий. Именно то литературное мастерство, с каким И. составил свой труд, ввело в заблуждение такого знатока древнерусской агиографии, каким был В. О. Ключевский. Сочинение И. пользовалось в Древней Руси большой популярностью — списков Жития Александра Свирского дошло до нас очень много. Научного издания текста Жития нет.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 262—263; Яхонтов Ив. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881, с. 37—87; Барсуков. Источники агиографии, стб. 23—26; Я. И. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб., 1882; Филарет. Обзор, с. 153; Смирнова Э. С. Об одном литературном сюжете в живописи конца XVI в. // ТОДРЛ. М.;

Исаак (Исак) Собака (конец XV—первая пол. XVI в.) — архимандрит Симонова, затем Чудова монастыря, профессиональный книгописец. С конца XV в. он наряду с *Михаилом Медоварцевым* известен как выдающийся мастер по переписыванию и оформлению книг, который нередко выполнял заказы для высокопоставленных лиц, в том числе и для самого великого князя.

Сотрудничество с *Максимом Греком* оказало решающее влияние на известность и дальнейшую судьбу И. С. Биографических сведений о нем до 1531 г. не сохранилось. В 1531 г. он был привлечен к суду над Максимом Греком как один из его соучастников. Сотрудничество его заключалось в переписывании книг, переведенных Максимом Греком. На суде ему было предъявлено обвинение в переписывании *Кормчей Вассиана Патрикеева* и *Жития Богородицы Симеона Метафраста*, переведенного Максимом Греком, в которых, по мнению участников собора, содержались «хульные» строки. Об этом факте Максим Грек сообщил следующим образом: «А Исак Собака то житие списал князю Васьяну старцу, да и правила Васьяновы. И Васьян то житие и правила Исакова Собакина писма дал великому князю, и ныне то житие и правила у великого князя в казне» (Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки, с. 100—101). Эти книги были взяты из казны и представлены на суде. П. В. Сипицына установила, что *Кормчая* редакции Вассиана Патрикеева в рукописи ГБЛ, собр. Пискарева, № 39, является теми самыми «правилами Васьяновыми», переписанными И. С., о которых говорится в судебном списке Максима Грека (Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки, раздел «Иллюстрации», с. 1). Приговором собора 1531 г. он был осужден, отлучен от церкви и отправлен в заточение в новгородский Юрьев монастырь. Новый митрополит *Иоасаф*, противник митрополита *Даниила*, когда пришел к власти в 1539 г., пренебрегая соборным отлучением, поставил И. С. сначала дьяконом, затем священником, и наконец архимандритом Симонова монастыря. В 1545—1548 гг. при митрополите *Макарии* он был переведен в архимандриты Чудова монастыря. Однако в 1548 г. Макарий начал собирать материалы против И. С. и обратился к Иоасафу за разъяснением обстоятельств его возвеличения. Причина недовольства Макария в 1548 г. чудовским архимандритом неизвестна. В результате всего в феврале 1549 г. был собран специальный собор, на котором И. С. был вновь отлучен и затем сослан на Белоозеро в Нилову пустынь. Позднее его имя ни в каких источниках не упоминается.

Книгописной деятельностью И. С. по преимуществу занимался до своего первого осуждения. Сохранились две рукописи, имеющие пометы о том, что они написаны И. С. — ГБЛ, собр. Тр.-Серг.

лавры, № 100 (Учительное Евангелие 1524 г.) и ГБЛ, собр. МДА, № 6. В настоящее время еще установлено несколько рукописей его письма. И. С. был не только квалифицированным переписчиком, но также занимался художественным оформлением книг. Е. В. Зацепина в результате исследования орнаментов в рук. собр. Тр.-Серг. лавры, № 100 пришла к выводу о том, что И. С. следует считать одним из творцов старопечатного орнамента (К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 140). По всей видимости, у И. С. не было прочных связей с какой-либо одной определенной книгописной мастерской, судя по дошедшим рукописям его письма он выполнял заказы самых разных заказчиков. В конце XV—начале XVI в. книгописец, видимо, работал в Кирилло-Белозерском монастыре: совместно с *Гурием Тушиным* им написано две рукописи, еще одну рукопись он скопировал со сборника Гурия Тушина, рук. ГИМ, собр. Воскрес., № 120 написана им в 1501 г. там же (С и н и ц ы н а Н. В. — Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исака Собака // ВИ, 1973, № 2, с. 154). Работал он совместно и с другим известным книгописцем Михаилом Медоварцевым. Как известно из судных списков над Максимом Греком, они оба в одно и то же время сотрудничали с Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым, в результате чего пострадали в 1531 г.; однако ранее, еще в конце XV—начале XVI в., они вместе работали над одним и тем же заказом: в Псалтири ЦГАДА; ф. 381, собр. Моск. Синод. типографии, № 223, написанной Медоварцевым, имеются пометы, сделанные И. С. (С и н и ц ы н а Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 308).

Видимо, в 20-е гг., до сотрудничества с Максимом Греком, И. С. выполнял работы для иосифлян. В описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. упоминается список Псалтири — «Псалтырь в десь, Лука дал, писмо Собакино Исаково» (Г е о р г и е в с к и й В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 12). Владелец рукописи может быть Лука Ленков, которому в 1531—1532 г. вместе с Тихоном Ленковым было поручено надзирать за Вассианом Патрикеевым, заключенным в Волоколамском монастыре (З и м и н А. А. Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III // Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 133—135). По мнению Б. М. Клосса, И. С. принимал участие в написании Сводной Кормчей, работа над которой в 20—30-е гг. проводилась под руководством митрополита Даниила (К л о с с Б. М. Деятельность митрополитичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972, с. 333).

Лит.: Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подг. Н. Н. Покровский; под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

Р. П. Дмитриева

Исайя Каменчанин (в миру **Иоаким**) (вторая пол. XVI в.) — монах, дьякон, представитель западнорусских просветительных кругов, приехал в Москву, возможно, из Киева в июле 1561 г. с целью достать книги для напечатания и распространения их в Литве и на Украине. Его интересовали Библия, Беседы евангельские Иоанна Златоуста в переводе инока *Силуана*, ученика *Максима Грека*, и *Житие Антония Печерского*, отсутствующее в Киево-Печерском монастыре.

И. К. родился в Каменце Подольском, в детстве получил хорошее образование, богословское и философское, и в довольно раннем возрасте («детина велми млад»), лишившись родителей, постригся в монахи в молдавской земле в Киприановом монастыре, игуменом которого был Евфимий. Там же в Молдавии он был посвящен в сан дьякона. Затем И. К. вернулся на родину и жил то в Киеве, то в Вильне.

Поездка его в Москву была связана с намерением виленских деятелей Остафия Воловича, Григория Ходкевича предпринять издание славянских книг и была санкционирована киевским митрополитом Сильвестром и королем Сигизмундом Августом (в 1562 г. О. Волович действительно открыл типографию в Несвиже, правда, он к этому времени отрекся от православия). Как политическая, так и идеологическая обстановка этого времени была крайне неблагоприятна для подобной миссии. Литва находилась накануне войны с Россией, в июле 1561 г. армия Радзивилла вторглась в пределы русской Ливонии. Эта ситуация толкнула Р. Г. Скрынникова на мысль, не был ли И. К. просто литовским шпионом. Однако никакими данными это предположение не подтверждается.

Поездка И. К. совпала со следованием в Москву кизического митрополита Иоасафа, посланца Константинопольского патриарха, везшего *Ивану Грозному* грамоту, утверждавшую за ним царский титул. И. К. донес смоленскому епископу Симеону, что Иоасаф в Вильне целовал крест королю литовскому и королевской раде. Последствия этого доноса были очень серьезны: Иоасаф, оправдываясь перед русским царем и духовенством, в свою очередь обвинил И. К. в ересях. И. К. был выслан в Вологду, а затем в Ростов, где провел всю остальную жизнь. А. А. Зимин высказал мнение, что судьба И. К., претерпевшего, по его словам, «различные озлобления и надругания от некоторых ваших людей московских, от чернецов и от белцов», связана с отрицательным отношением русского духовенства во главе с митрополитом *Макарием*, последователем иосифлян, к произведениям Максима Грека и его учеников, которыми интересовался И. К.

По-видимому, заточение И. К. не было особенно строгим, так как он писал как деловые, так и литературные произведения и получал письма. Одно из писем («Список с листочка слово в слово»), посланных из земли Московской на Вологду, дошло до нас в сборнике XVI в., ГПБ, О. XVII. 70 вместе с другими писаниями И. К. Оно датировано июлем 1562 г. и представляет собою своеобраз-

разную «верующую грамоту»: кто-то, известный И. К., сообщает о скором посещении его неким братом «имя рек», которому следует доверять. Автор «листочка» неизвестен. Письмо это дало повод для самых фантастических предположений. Так, украинский ученый М. Гембарович посчитал его провокационным, написанным с целью получить от И. К. признание в его еретических взглядах. Можно высказать догадку, не связано ли это послание с приездом в Москву в 1563—1564 г. игумена Евфимия, посла молдавского воеводы Александра. И. К. знал об этом приезде, о чем он сам сообщает в написанной позже «Сказке» вместе с другими сведениями биографического характера. «Сказка», дважды опубликованная в XIX в. (по рук. XVII в., собр. Погодина, № 1573 и собр. Барсова), была написана И. К. после 1584 г. и является пересказом по памяти более полного документа 1582 г., с которым И. К. обратился к Ивану Грозному. Это образец делового послания, полный экземпляр его лег в патриаршую казну. В 1582 г. И. К. был принят царем, который беседовал с ним «высочайшим богословием и глубочайшим разумом духовным. И давал вопросы, и принимал ответы, и милостию его государскою бых пожалован». После этой беседы И. К. надеялся, что сможет уехать на родину, однако, как он сам сообщает, начавшаяся война с Польшей и смерть Ивана Грозного этому помешали. Даже в деловом послании И. К. проявляет свой литературный дар, выказывает свободное владение письменной речью, умело применяет цитаты из св. Писания (см.: «сам бых себе был убийца, не слышах о настоящих моих бедах, в них же стражду яко злодей и разбойник» — II послание апостола Павла к Тимофею, гл. II, 9; в другом случае он прибегает к Псалтири — гл. 112, 5—7).

Другие произведения И. К. дошли до нас также в сборнике ГПБ, О. XVII, № 70. Сборник этот ждет дальнейшего исследования. Бумага его датируется очень разнообразно: 1558, 1567, 1593 гг., что заставляет предполагать большую залежность ее. Интересен и состав сборника. По традиции в научной литературе произведения И. К. названы «посланиями». Однако неизвестно, как первоначально эти произведения выглядели. В сборнике они расположены в порядке обратной хронологии. Первое датировано маем 1567 г. и снабжено заголовком «Список с листа Исаино слово в слово, который писал до великого князя Московского Ивана Васильевича» (известен еще один список этого произведения — ГПБ, собр. ПДА, № 52, 2-й пол. XVII в.). Заголовок скорее всего имеет позднейшее происхождение; в тексте И. К. нет ни обращения к царю, ни указания на адресата. «Лист» И. К. начинается изложением символа веры с примечаниями на полях, направленными против католицизма и аполинариевой ереси; затем следует рассказ об обращении Константина Великого в христианство, о его чудесном исцелении от прокасы после крещения, об утверждении папского престола в Риме и об основании Византии. В основе этого рассказа лежит греческий (или латинский) источник — *Donatio Constantini Magni* — Дарственная грамота царя Констан-

тина папе Сильвестру. Несомненно, «Лист» был написан для подтверждения православия И. К. Был ли этот текст частью готового послания или предварительной заготовкой, посылался ли вообще когда-нибудь царю, сказать трудно.

Второе произведение имеет более законченный вид и условно названо в научной литературе «Плач»: «Некоторый мних дякон с Каменца Подольскаго плакал и сам себе тешил в земли Московскоя в местечку в Ростове в темницы року 1566 от рожества спасителя нашего Иуса Христа». «Плач» также не имеет жанровых признаков послания. Весь текст выдержан в стиле высокой риторики с цитатами из св. Писания и развивает традиционную тему о спасении через страдание («Несть бо иного пути ведуцаго ко спасению разве сего еже претерпевати скорби благодарственные надежи ради будущих благ»). И. К. начинает «Плач» обращением к своей душе с вопросом о ее скорби и заканчивает увещанием преодолевать уныние.

Третье произведение получило название «Жалоба». В сборнике оно предваряется поздним заглавием «Того же мниха Камянчанина» и состоит как бы из трех фрагментов, имеющих даты. Американский ученый Э. Кинан посчитал их за три самостоятельных произведения — «Жалобу», «Объяснение» и «Предсказание», однако каждый из фрагментов слишком краток для самостоятельного произведения. Даты явно относятся к воспоминаниям автора о происшедших событиях, сыгравших важную роль в его жизни. В «Жалобе» И. К. обвиняет в своих бедах кизичского митрополита Иоасафа, который в августе 1561 г. «помыслил злая мне и слово законопреступно возложил на мя»; в «Объяснении» — излагает цель своего приезда на Русь, ссылаясь на короля Сигизмунда-Августа, Остафия Воловича и Григория Ходкевича, а также упоминает, что ездивший до него Михаил Гарабурда не смог купить Библию у дьяка *Ивана Висковатого*. Наконец, в «Предсказании» И. К. вспоминает, как в Вильне в июле 1560 г. некий преславный философ грек предсказал ему всю его будущую беду, что И. К. «вмечих в ложь». Р. Г. Скрыпников посчитал это произведение ответом на «Листочек» 1562 г. и датировал «Жалобу» второй половиной этого же года. Однако, как и в предыдущих случаях, «Жалобу» нельзя точно определить как послание, в ней не обозначен адресат, в известном нам тексте явно нет начала («Мнит ми ся же недобрый пастырь словесных овец и неистипный учитель церкви апостолския преосвященный митрополит кизицкий Иоасаф помыслил злая мне. . .»), конец же («Не скорби и не тужи возлюбленная моя душе, и не вдавай себе господа ради в всемерную скорбь. . .») ставит ее в один ряд с «Плачем» и заставляет видеть в ней скорее какие-то заметки, воспоминания, написанные для себя, хотя, возможно, и использованные в послании царю, до нас не дошедшем. Несмотря на то, что в «Жалобе» речь идет о конкретных событиях биографии И. К., датировать ее не представляется возможным.

Э. Кинан обратил внимание на сходство нескольких мест «Жалобы» и одного места «Плача» И. К. с несколькими местами первого

письма князя А. М. Курбского царю Ивану Грозному, написанного в 1564 г. из-за рубежа. На этом основании Кинан пытался доказать подложность переписки Грозного и Курбского и атрибутировать ее авторам XVII в. Проблема вызвала оживленное научное обсуждение, в результате которого было установлено на основании исторических и текстологических показаний, что произведения И. К. не могли быть источником для Курбского, а скорее наоборот, письмо Курбского могло быть использовано И. К., либо у них был общий источник. Ученые Н. Андреев и Джон Феннел указали, что ряд пассажей, естественных у Курбского в его упреках царю (воздаяние зла за добро, кровь, пролитая за царя и др.), никак не подходит к отношениям монаха И. К. с митрополитом Иоасафом. Общие места писаний И. К. и Курбского восходят к цитатам из св. Писания и Ю. Д. Рыков указал, к каким именно. При этом он сделал важное наблюдение, что совпадающие места И. К. и Курбского одинаково отличаются от канонических текстов и, следовательно, находятся между собой в связи. Н. Андреев и другие исследования указали на возможность знакомства И. К. с текстом Курбского: в сентябре—декабре 1565 г. царь ездил на богомолье, во время которого посетил Ростов. Царь вез с собой канцелярию и дьяков, кто-нибудь из них мог познакомить И. К. с письмом Курбского.

Но сравнение текстов никак не показывает «механику» заимствования: цитаты расположены в другом порядке, четко вычленены из текста Курбского, отрывки которого даже случайно не попали в текст И. К., что при подобном заимствовании было бы естественным. Хотя мы не имеем сведений об общем источнике, но текстологическая ситуация подсказывает наиболее вероятное его существование. В этой связи интересно замечание Рыкова, что «те же самые отличия от совпадающих мест Исаи и Курбского характерны и для Толковой Псалтыри, переведенной в 1519 г. Максимом Греком. . . , и для Псалтыри, переведенной в 1552 г. для Шила Курлятева тем же Максимом. . . ». Как известно, Максим Грек был авторитетом как для Курбского, так и для И. К. Оба они писали в одни и те же годы, когда могло быть популярным и приобрести характер формулярника чье-либо послание. Курбский был более свободен в выборе своего литературного источника, в то время как И. К. должен был довольствоваться тем, что оказалось под руками. Если писания И. К. действительно создавались для того, чтобы снять с себя политические подозрения, странным было бы его обращение к письму человека, столь скомпрометированного в глазах царя, каким был Курбский.

Находясь до конца своей жизни в Ростове, И. К. продолжал там литературную деятельность. До нас дошло написанное им в 1591 г. «Сказание вкратце о великом преподобном отце Максиме Греке» (ГИМ, Синод. собр., № 850, ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 62). В биографии Максима Грека И. К. находил близкие для себя примеры. Максиму, страдающему «во юзех и в темнице и в различных озлоблениях и нестерпимых томлениях смертных», ангел

велел написать канон святому Духу. Основываясь на текстуальной близости Сказания 1591 г. и одного из *Сказаний о Максиме Греке* («Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека. . .»), И. Денисов атрибутирует последнее сочинение также И. К., которого он отождествлял с киевским митрополитом Исайей Копинским.

В 1590 г. И. К. то ли списывал, то ли переводил по повелению патриарха *Иова* Толкование Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Евангелия Матфея и Марка, о чем сохранилась запись на рукописи XVI в. ГИМ, Синод. собр., № 89 (Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1857, отд. 2, ч. 1, с. 126). К. В. Харлампович называет этот перевод «первым опытом литературной работы южнорусса по заказу московской духовной власти». В XVI в. И. К., возможно, вообще был первым проводником западной учености в Москве. Он, выученник западнорусской (или латинской) школы, обращал на себя внимание начитанностью в библейских, богослужебных, церковноисторических книгах, хорошим языком и даром литературного изложения. Посольство И. К. — один из ранних эпизодов культурного сношения юга России, находящегося под властью Польши, с Московским государством.

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1, с. 143—144; Путешествие киевского иеродиакона Иоакима в Москву // ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. 5. Смесь, с. 1—3; Сырку П. А. Из истории сношений русских с румынами // ИОРЯС, 1896, т. 1, кн. 3, с. 497—500, 519—542; Белокуров С. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898, Приложения, с. III—VI; Абрамович Д. К литературной деятельности мниха камянчанина Исая. СПб., 1913 (ПДПИ, т. 181).

Лит.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1, с. 8—11; Denissoff E. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitain Isaïe Kopinski // *Orientalia Christiana Periodica*, 1956, vol. 22, p. 138—171; Gębargowicz M. Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1583 na tle epoki // *Roczniki Biblioteczne*, Wrocław; Warszawa, 1969, Roc. 13, zes. 1/2, s. 31—46; Кенан Е. Л., 1) *The Kurbskii—Grosnyi Apocrypha. The Seventeenth Century Genesis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV.* Cambridge, Mass., 1971, p. 21—30, 35—37; 2) *Isaiah of Kamjanc'-Podol'sk: Learned Exile, Champion of Orthodoxy* // *The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy. Vol. 2. Essays in Honor of G. Florovsky.* The Hague; Paris, 1975, p. 159—172; Андреев Н. Мнимая тема: О спекуляциях Э. Кинана // *Новый журнал* // *The New Review*. Нью-Йорк, 1972, т. 109, с. 258—272; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 11—23 (рец.: Феллел J. — *Russia Mediaevalis*. München, 1975, t. 2, p. 188—198); Юзефович Л. А. Миссия Исая (1561 г.) и Остафий Волович // *Сов. славяновед.*, 1975, № 2, с. 73—81; Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // *ТОДРЛ*. Л., 1976, т. 31, с. 188—195; Лурье Я. С. 1) Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста) // Там же, с. 205—207, 229; 2) О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским // Там же. Л., 1979, т. 33, с. 213—217. Рыков Ю. Д. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. // Там же, с. 235—246.

М. Д. Каган

Исидор (ум. 1462 г.) — митрополит всея Руси, автор писем на греческом языке и послания правителям г. Холма. Грек по происхождению, И. был до 1437 г. игуменом монастыря св. Дмитрия в Константинополе, участвовал в посольстве императора на Базельский собор католической церкви, где было принято решение о созыве специального собора для объединения греко-православной и католической церквей. В 1437 г. константинопольский патриарх назначил И. митрополитом Киевским и Московским. Рассказы о пребывании И. на Руси, составленные при его преемнике митрополите *Ионе*, отражают тенденции более позднего периода, когда русская церковь порвала связи с Константинополем. Судя по новгородским, псковским и наиболее ранним общерусским летописным сводам назначение И. не вызвало первоначально никаких возражений со стороны *Василия II* и других русских князей. И. приехал на Русь весной 1437 г. и исполнял свои святительские обязанности в Москве (полгода), Новгороде и Пскове (более трех месяцев), а затем отправился на Ферраро-Флорентийский собор, на котором был одним из активнейших сторонников унии 1439 г. В 1440 г. И., в сане кардинала, вновь приехал на Русь, но здесь уния была отвергнута и И. вынужден был уехать. Обстоятельства этого отъезда не вполне ясны. Митрополичий свод 1456 г., читающийся в *Летописи Софийской I* младшей редакции, не содержит никаких известий о возвращении И. из Флоренции и его отъезде из России в 1440—1441 гг. Нет их и в Слове похвальною Борису Александровичу Тверскому инока *Фомы* (около 1453 г.), где описывается поездка тверского посла на Флорентийский собор. Наиболее ранние известия об этом читаются в *Летописи Новгородской* младшего извода под 6950 (1442) г. — здесь повествуется, что, когда Василий II услышал от Исидора «вещий много не по обычаю Руския земля», то «повеле ему жити в монастыре и приставом повеле стрещи его, он же избеже в Тферь и оттоле в Литву». В великокняжеском своде начала 70-х годов, дошедшем в *летописях Пиканоровской* и *Вологодско-Пермской*, под 6948 (1440) г. сообщается, что Василий Темный после «обличения» Исидора «посади его в монастыре у Чюда, он же седе ту лето все», а осенью «убежа с Москвы ко Тфери, а оттоле в Литву, да к Риму». Но известие об «обличении», заточении и изгнании И. сразу после возвращения опровергается документальным источником — московско-тверским договором, составленным после войны с «царем» (Улу-Мухаммедом) в 1439 г. и, следовательно, после возвращения Исидора из Флоренции: договор заключен «по благословению отца нашего Исидора, митрополита Киевского и всея Руси» (Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, № 37). Если обстоятельства отъезда И. не имели такого характера бегства, как они обычно представляются, то весьма вероятным становится предположение, что греческие рукописи, вероисполненные им из Москвы, были взяты митрополитом не в 1437 г., когда он отправлялся в Италию и должен был вернуться, а в 1441 г.

После разделения русской митрополии в 50-х гг. западнорусским митрополитом стал сподвижник И. Григорий, И. получил епархию в Италии. В связи с тем что византийский император также отказался от признания унии, И. ездил в Константинополь в качестве папского посла и провозглашал «духовный мир» между греко-православной и католической церковью. И. был участником обороны Константинополя в 1453 г., но ему удалось избежать плена. Последние годы жизни И. провел в Италии, где в 1458 г. получил номинальный сан патриарха Константинопольского.

И. был широко образованным человеком с гуманистическими интересами, но едва ли владел русским языком; единственный памятник на русском языке, написанный им или от его имени, — послание правителям западнорусского г. Холма в защиту земельных интересов священника Вавилы, написанное в 1440 г. (предположение о связи этого послания с борьбой между сторонниками и противниками унии представляется сомнительным). Послание напечатано О. М. Бодянским. Среди греческого литературного наследия И. — письмо о падении Константинополя 1453 г. и ряд других писем, а также записи на книгах, сохранившихся и в советских рукописных хранилищах.

Изд.: Бодянский О. М. О цопках манускриптов в Познанской библиотеке // ЧОИДР, 1846, январь, № 1, отд. 1, с. 12—16; PG. t. 156, col. 953—954; Gill J. Isidor's Encyclical Letter from Buda /. Miscellanea in honorem cardinalis Isidori. Analecta Ordinis S. Basilii Magni IV (X). Roma 1963; Mercati G. Scritti d'Isidoro il cardinale Ruteno. Roma, 1926 («*Studii e Testi*», 46).

Лит.: Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912, кн. 1, с. 48—142; Ziegler A. Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche. Würzburg, 1938; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 350—358; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959, с. 225—243; Gill G. 1) The Council of Florence. Cambridge, 1959; 2) Personalities of the Council of Florence and other essays. Oxford, 1964, p. 65—78; Фонкич Б. Л. 1) Московский автограф митрополита Исидора // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 14—15; 2) Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977, с. 10—23.

Я. С. Лурье

К

Казанская история — историко-публицистическое сочинение второй половины XVI в., представляющее собой беллетризованный рассказ о трехвековой истории русско-татарских отношений со времени образования Золотой Орды до завоевания в 1552 г. *Иваном Грозным* отпочковавшегося от нее в середине XV в. Казан-

ского ханства. К. и. пользовалась на Руси большой популярностью и дошла до нас в большом количестве списков (более 200), самые ранние из которых относятся к началу XVII в. Интерес к К. и. сохранялся и в XVIII в. Один из списков, сделанный в середине XVIII в. с древнего оригинала, находился в библиотеке М. В. Ломоносова (см. литературу к статье Г. Н. Моисеевой).

Неизвестный автор К. и., согласно его автобиографической справке, содержащейся в тексте произведения, двадцать лет прожил в Казани при дворе казанских ханов как русский пленник, принял мусульманство и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному.

Среди историко-публицистических сочинений XVI в., рассказывающих об окончательной победе над Казанью (*Летописец начала царства*, Степенная книга, «История о великом князе Московском» А. М. Курбского), К. и. выделяется своим художественным своеобразием. В ней использованы достижения едва ли не всех известных на Руси к XVI в. литературных жанров, причудливо переплетаются различные стили повествования. К. и. — произведение остро публицистическое. Написанное в годы обострения отношений Грозного с феодальной знатью, оно отразило — в трактовке исторических событий — политическую борьбу 60-х гг. XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного. Это привело к намеренному искажению в К. и. целого ряда исторических фактов. Однако в произведении присутствует не только публицистический, но и чисто художественный вымысел.

Изучение истории текста К. и. осложнено наличием большого количества списков памятника, существенно различающихся между собой (полное палеографическое и кодикологическое описание всех известных к настоящему времени рукописей, содержащих текст К. и., см.: Л. А. Дубровина 1) Казанский летописец. Поткар-Ола, 1981, ЮНИОН, № 8462; 2) Казанский летописец. Историко-текстологическое исследование. Автореф. канд. дис. М., 1981). Начало текстологическому изучению К. и. было положено фундаментальным исследователем Г. З. Кунцевича «История о Казанском царстве или Казанский летописец»; он датировал К. и. 1564—1565 гг. и разделил 152 известных ему списка на 9 редакций, установив три этапа в литературной истории К. и. Первый (до 1573 г., редакции I и II) выразился в незначительных изменениях авторского текста, второй (после 1592 г.) — в радикальной его переработке, которая состояла в замене текста К. и. после гл. 50-й (повествование о казанском походе 1552 г.) компиляцией из Степенной книги, «Отрывка русской летописи» (ПСРЛ, т. 6) и других источников и в сознательном изъятии из текста характеристик и замечаний, которые не соответствовали официальным представлениям 90-х гг. XVI в. (редакции III—VIII, различающиеся лишь набором позднее добавленных глав). Третий этап (начало XVIII в.) — создание «Краткого казанского летописца»

(IX редакция). Первоначальный авторский текст К. и., по мнению Г. З. Кунцевича, до нас не дошел.

В 50-е гг. текстологическое изучение К. и. было продолжено Г. Н. Моисеевой, которая открыла 79 новых списков памятника и выделила в истории его текста только две редакции: древнейшую, наиболее близкую к авторскому тексту (включает в себя I и II редакции по Кунцевичу) и позднейшую, созданную после 1592 г. (включает III—VIII редакции по Кунцевичу). Главными признаками древнейшей редакции являются: 1) особое внимание автора к судьбе казанцев во время осады города; 2) резкое расхождение с сочинениями современников в изложении событий казанского похода 1552 г., проявившееся, в частности, в использовании при описании осады Казани вымышленного разряда войск и включении в повествование рассказа об изменнике Юрии Булгакове, сообщившем казанцам места подкопов. Характеристика, данная Г. Н. Моисеевой позднейшей редакции, в целом совпадает с тем, что писал Г. З. Кунцевич об общих чертах III—VIII редакций.

К принципиально иным, чем Г. З. Кунцевич, выводам Г. Н. Моисеева пришла в вопросе о составе авторского текста К. и., признав изначально входившими в него фрагменты, которые Г. З. Кунцевич считал позднейшими вставками: три главы в начале К. и. («О взятии Великого Новаграда. . .»), «О послех, от царя пришедших к великому князю московскому. . .»), «О конечном запусении Златия Орды») и «Похвалу» Ивану Грозному, завершающую повествование. Основываясь на исследовании идейно-композиционных особенностей К. и., Г. Н. Моисеева показывает, что данные главы, отсутствующие в большинстве списков древнейшей редакции, подготавливают дальнейший рассказ К. и. об успехах политики Ивана Грозного, так как рассказывают об успехах внешней и внутренней политики его деда — *Ивана III*. Принадлежность авторскому тексту «Похвалы» Ивану Грозному Г. Н. Моисеева доказывает, прибегая к анализу реалий, сохранившихся в ее тексте и показывая композиционную необходимость в повествовании К. и. «Похвалы», подводящей итог деятельности Ивана Грозного на определенном этапе его жизни. Дополнительные текстологические аргументы, поддерживающие эту концепцию, были приведены С. Н. Кокориной, выделившей в тексте «Похвалы» фрагмент, сближающий ее с предшествующим текстом. Однако С. Н. Кокорина считает, что первоначальный авторский текст «Похвалы» до нас не дошел и относит некоторые противоречия в тексте «Похвалы», отмеченные ранее Г. З. Кунцевичем, к особенностям первой редакции, созданной уже после смерти Грозного.

Новое текстологическое исследование К. и. было проведено в кандидатской диссертации Л. А. Дубровиной. Для сопоставительного анализа ею было привлечено 268 списков К. и. (59 списков — впервые), в том числе два новых списка (ГИМ, собр. Воскрес., № 155 и Саратов. гос. ун-та, № 886), содержащие текст, близкий к авторскому («древнейшая редакция», по Моисеевой), без замены второй половины повествования копией из Степен-

ной книги и других источников. Л. А. Дубровина все списки К. и. разделила на три типа, различающиеся составом текста до и после главы «Совет з боляры своими царя и великаго князя» (в большинстве списков — гл. 50-я).

I тип представляет собой одну редакцию, возникшую в конце XVI в. (после 1584 г.)—начале XVII в. (дошла в шести списках). Работа составителя этой редакции выразилась, во-первых, в сокращении авторского текста (опущены те главы в начале К. и., которые Кунцевич считал позднейшей вставкой, а Моисеева — исконно принадлежавшими авторскому тексту); во-вторых, в добавлении к первоначальному тексту двух последних глав: «О хождении к Казани. . .» и «Похвалы», отсутствовавших в протографе К. и. и составленных после смерти Ивана Грозного; в-третьих, в переделке рассказа о первом основании Казани: оно приписывается не золотоордынскому хану Саигу, а болгарскому хану с тем же именем и относится не к 50-м гг. XIII в., а к 1177 г., т. е. к периоду, предшествующему татаро-монгольскому нашествию. При этом особо подчеркивается, что Казань была вскоре завоевана русскими и стала данницей русских князей. Возникновение этой версии основания Казани, возможно, связано с попыткой нейтрализовать претензии Крыма и Турции на Казань и Астрахань как на татарские «юрты» в 70—90-х гг. XVI в.

II тип представлен 18 редакциями (259 списков) и соответствует «Позднейшей» редакции, по Моисеевой, и III—IX редакциям, по Кунцевичу. Протограф этих редакций, до нас не дошедший, был составлен после 1592 г., по-видимому, в 10-х гг. XVII в. К нему независимо друг от друга восходят четыре основные редакции (I—IV), остальные (V—XVII, а также две краткие редакции) являются производными. Ни одна из редакций II типа не отражает в полной мере ни состава текста протографа, ни расположения в нем глав. Источник редакций II типа был дефективный: в нем была утрачена вторая половина текста после главы «Совет» и лист с рассказом о смерти князя Чуры (глава «О воставшем мятеже в Казани. . . и о убьении князя Чуры»), которые были восполнены составителем протографа редакций II типа новым рассказом о походе Ивана IV на Казань, составленным на основе Степенной книги. Отрывка русской летописи, *Повести о царице Динаре* и грамоты митрополита *Гермогена* патриарху *Иову* 1592 г. о казанских мучениках Иване, Петре и Стефане. Механическое соединение в протографе редакций II типа двух разнородных частей, не приведенных в соответствие друг с другом, вызвало существенные структурные и идеологические изменения при последующей переписке, что породило обилие редакций II типа. Тенденциозность переработки источника особенно ощутима во II, VI и VIII редакциях, в которых текст приобрел ярко выраженный антитатарскую направленность, а материал о поражении русских войск сокращен.

Редакция I типа и протограф редакций II типа восходят к протографу К. и. независимо друг от друга. В первой части К. и.

(до главы «Совет») текст протографа редакций II типа ближе к авторскому тексту, чем текст редакции I типа.

III тип, протограф которого был создан в 60-е гг. XVII в., составляют две редакции. Их текст восходит к двум источникам: до главы «Совет» к протографу редакции II типа (по составу глав и специфическим чтениям он ближе всего ко II редакции II типа), после главы «Совет» — к тексту редакции I типа (особенно к тексту Пикифоровского и Перетцевского списков). Из того же источника был заимствован рассказ о гибели князя Чуры, отсутствующий в редакциях II типа. Отнесение Л. А. Дубровиной всех списков «древнейшей» (по Моисеевой) редакции к редакциям I и III типов и указание на «смешанный» характер редакций III типа, соединивших текст редакций II типа, более близкий к авторскому тексту в первой части повести, с текстом редакции I типа, более близким к авторскому тексту во второй ее части, спяло видимое противоречие между текстологической концепцией Г. З. Кунцевича и Г. Н. Моисеевой. К настоящему времени осуществлено три научных издания К. и.: Г. З. Кунцевичем в ПСРЛ, Г. Н. Моисеевой и Т. Ф. Волковой.

Источники К. и. можно условно разделить на исторические, из которых черпался конкретный фактический материал для освещения темы русско-татарских отношений, и литературные, повлиявшие на способ изложения материала в К. и., на ее стиль, образы, жанровую структуру.

Основной круг исторических источников К. и. был выявлен Кунцевичем и Моисеевой. К ним относятся: *Летопись Никоновская*, *Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г.*, *летописи Новгородская IV*, *Воскресенская*, *Софийская II* и *Львовская*, *Хронограф Русский* редакции 1517 г., *Летописец начала царства*, разрядные книги, посольская переписка, местнические суды, родословные книги князей и бояр, речи Грозного на Стоглавом соборе, его послание А. М. Курбскому. Г. З. Кунцевич впервые указал как на литературные источники К. и. на воишские повести, жития, *Космографию*, библейскую, гимнографическую и паломническую литературу. А. С. Орлов установил связь К. и. с Русским Хронографом, *Повестью Нестора-Искандера*, *Сказанием о Мамаевом побоище*. Д. Н. Альшиц указал на знакомство автора К. и. со *Словом о гибели Русской земли*, Г. Н. Моисеева указала на использование автором К. и. послания А. М. Курбскому. А. Н. Пасонов открыл новый литературный памятник, повествующий о походе на Казань 1552 г. — так называемое *Троицкое сочинение* о взятии Казани, содержащее целые фрагменты, текстуально близкие К. и. Позднее Т. Ф. Волковой было установлено прямое обращение автора К. и. к этому тексту. Однако весь круг литературных источников К. и. до сих пор остается еще не выявленным. Среди источников К. и. особое место занимает русский и татарский фольклор. Г. З. Кунцевич указал на использование автором ее татарских легенд об основании Казани, старинны о Чуриле (при описании *Увезда* Ивана Грозного в Москву после победы

над Казанью), выделил ряд отдельных фольклорных образов, рассыпанных по всему тексту К. и. М. Н. Сперанский, В. К. Соколова, В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов и другие исследователи сравнивали К. и. с историческими песнями о взятии Казани и указывали на ее родство с ними в оценке личности Ивана Грозного как справедливого царя, проявляющего заботу о своем отечестве. Однако проблема взаимодействия книжной и устно-поэтической поэтики в К. и. до сих пор остается одной из наименее разработанных.

Целостный анализ поэтики К. и. все еще отсутствует. В отдельных исследованиях затрагивались лишь частные проблемы ее изучения. Установлена стилистическая связь К. и. с древнерусскими воинскими повестями (А. С. Орлов). Рассматривались особенности жанра К. и., которая определена как историческое сюжетное повествование, связанное с жанром летописи и хронографа, в которое включаются риторические отступления, генетически восходящие к церковно-панегирической литературе (Г. П. Моисеева). Ставился вопрос и о том новом в поэтике К. и., что делает ее уникальным произведением среди современных ей историко-публицистических сочинений. Д. С. Лихачев указал на разрушение «литературного этикета» в К. и.; К. С. Осипова обратила внимание на новый подход К. и. к изображению человека; Т. Ф. Волкова выявила сложную и целенаправленную работу автора по созданию единого сюжета, отражающего его субъективную историческую концепцию казанской победы. Вопросы поэтики К. и. (композиция, сюжет, система образов, стиль) рассмотрены в кандидатской диссертации Н. В. Трофимовой.

К. и. привлекла внимание не только историков и литературоведов. Неоднократно обращались к ее тексту и лингвисты. Анализировалась общественно-политическая и военная лексика К. и. (А. К. Абдульманова), система склонения имен существительных (В. П. Ананьева), средства синонимии (Е. А. Охомуш). Для лингвистов К. и. представляет большой интерес как памятник периода, предшествовавшего образованию русского национального языка. В языке К. и. органично сочетаются народно-русские и церковнославянские черты, и сочетание это определяется целями историко-публицистического повествования.

Изд.: История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. СПб., 1791; Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1798, ч. 2, с. 30—243; Сказание о зачатии царства Казанского / Изд. Ф. Т. Васильева. Казань, 1902; История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Подг. Г. З. Кунцевичем // ПСРЛ, СПб., 1903, т. 19; Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой; под ред. член.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1954; Сказание о царстве Казанском / Вступ. ст., перелож. и примеч. Н. В. Водовозова; худ. М. В. Маторин. М., 1959; История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли в пяти томах. Т. 1. Античность; Средние века; Возрождение / Ред.-сост. В. П. Шестаков. М., 1962, с. 428—441; Казанская история / Подг. текста и пер. Т. Ф. Волковой, ком. Т. Ф. Волковой и П. А. Евсеевой // Памятники литературы древней Руси: Середина XVI в. М., 1985, с. 300—365, 601—624.

Дит.: А. М. Несколько слов о «Казанской истории»: (Послесловие к статье г. Пушарева) // Казан. губ. вед. 1857, № 18, часть неофид., с. 156—158; Вольяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, ч. 1; Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877; Кунцевич Р. З. 1) Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // ПДПИ, 1898, т. 130, с. 23—25; 2) Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 г. // ЖМНП, 1898, № 7, с. 135—145; 3) Печатное издание «Истории о Казанском царстве» 1791 г. СПб., 1900; 4) «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве» // ЖМНП, 1901, № 1, отд. 2, с. 1—15; 5) «Взятие Казанского царства». Песня и сказание // ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 4, с. 30—36; 6) История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1903; Орлов А. С. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909; 3) Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского / Под ред. В. Н. Перетца. Л., 1928 (СОРЯС, т. 101, № 3), с. 188—193; 4) Геронические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945, с. 113—140; 5) «Казанский летописец» // История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 460—470; Сперанский М. 1) Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера: Посobie к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М., 1917, с. 337—340; Русская устная словесность. Т. 2. Былины, исторические песни / Под ред., с вводи. статьями и примеч. М. Сперанского. М., 1919, с. 349—351; Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Моисеева Г. Н. 1) «Казанская история» — новый этап в развитии исторического повествования древней Руси / Автореф. канд. дис. Л., 1951; 2) Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 266—288; 3) О некоторых источниках «Казанской истории» // Там же. М.; Л., 1955, т. 11, с. 187—197; 4) Казанская царица Сююмбике и Сумбека «Казанской истории» // Там же. М.; Л., 1956, т. 12, с. 174—187; 5) «Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова // Там же. Л., 1969, т. 24, с. 357—361; 6) «Казанская история» из библиотеки М. В. Ломоносова // Там же. Л., 1979, т. 33, с. 434—436; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного) // Славянский фольклор: Матер. и исслед. по исторической народной поэзии славян. М., 1951, с. 32—33; Путилов Б. Н. 1) Исторические песни: (Исторические песни, сказки и предания об Иване Грозном; Исторические песни о Ермаке) // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.; Л., 1953, с. 311—325; 2) Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1960, с. 170—181; Которина С. И. К вопросу о составе и плане «Казанской истории» (по поводу нового издания «Казанской истории») // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 576—585; Позднеев А. В. Литературные песни XVII в.: (К вопросу о репертуаре) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956, т. 1, с. 78—81 (сопоставление с «Казанской историей»); Якубовский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII вв.) // Учен. зап. КГПИ им. А. И. Герцена, т. 15, Фак. яз. и лит., вып. 4. Л., 1956, с. 10—11; Абдульманова А. К. 1) Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец» // Учен. зап. Бийск. пед. ин-та, 1958, вып. 2. Сер. ист.-филол. и пед., с. 313—328; 2) Архаическая лексика исторической повести XVI в. «Казанское взятие», или «Казанский летописец» // Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, 1960, вып. 32. Каф. рус. яз., с. 125—144; 3) Анализ слов, связанных с названием верховного правителя в «Казанском летописце» // Научная сессия профессорско-преподавательского состава и сотрудников Киншнев. гос. ун-ва., посвященная итогам научной деятельности за 1964 г.: Тезисы докладов. Киншнев, 1965, с. 257—259; 4) Названия представителей ведущих классов в «Казанском летописце» // Научн. конф. по итогам научно-

исслед. работ за 1965 г. Февраль 1966 г. Секция общественных и гуманитарных наук Кншинев. гос. ун-та. Кншинев, 1966, с. 126—128; 5) Общественно-политическая и военная лексика «Казанского летописца». Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1966; 6) Лексика, связанная с понятием господства в «Казанском летописце» // Учен. зап. Кншинев. гос. ун-та, 1967, т. 84. Вопросы общего и русского языкознания, с. 17—24; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П., М о и с с е в а Г. Н. Литература 1490—1580-х гг.: Расцвет древнерусской публицистики // История русской литературы в трех томах. М.; Л.: 1958, т. 1, с. 211—256; А н а н и е в а В. П. К истории формдательного -местного падежей единственного числа существительных склонения на исконное «а» долгое (На материале «Казанского летописца») // Учен. зап. Тульск. пед. ин-та, 1958 (на обл.: 1959), т. 11, с. 121—133; 2) Особенности употребления звательной формы и двойственного числа в «Казанском летописце» // Учен. зап. МГУИ им. В. И. Ленина, 1958, т. 132. Каф. рус. яз., вып. 8, с. 155—171; 3) Система склонения имен существительных в «Казанском летописце». Автореф. канд. дис. М., 1958; 4) К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -и, -ы, -ове, -а в «Казанском летописце» // Учен. зап. МГУИ им. В. И. Ленина, 1960, т. 148. Каф. рус. яз., вып. 10, с. 312—328; П а с о н о в А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958, ч. 6, с. 236—245; 2) Новые источники по истории Казанского «взятия» // АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 3—26; М и х е в а Т. С. Песни о взятии Казани // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. П. К. Круцкой, 1960, т. 82. Тр. каф. рус. лит., вып. 5, с. 3—19; К у д р я в ц е в И. М. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы: (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) // Исслед. в матер. по др.-рус. литературе. Сб. статей. М., 1961, с. 23—67; О х о м у ш Е. А. 1) К вопросу о суффиксальной синонимии в системе словообразования имен прилагательных: (На матер. исторических повестей «Казанская история» и о «Смутном времени») // Материалы к научно-итоговой конференции Днепропетровского гос. ун-та. Днепрпетровск, 1961, с. 146—148; 2) Словообразование прилагательных в русском языке XVI и XVII вв.: (На матер. исторических повестей «Казанское царство» и о «Смутном времени»). Автореф. канд. дис. М., 1961; О с и п о в а К. С. 1) Исторические повествования второй половины XVI века: (К характеристике жанровых и стилистических особенностей) // Учен. зап. Харьк. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1962, т. 116. Тр. фил. фак., т. 10, с. 5—29; 2) К вопросу об изображении людей в историческом повествовании второй половины XVI в. // Там же, с. 30—51; Р я б о в а З. А. Из истории употребления прилагательных «золотой» и «серебряный»: (По матер. поэтических произведений XVIII в. и первой трети XIX века) // Учен. зап. Тапк. гос. пед. ин-та им. Низами. Каф. рус. языкозн., 1964, т. 45, вып. 3, с. 237—238; Ш м и д т С. О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения: Политика, Дипломатия XVI—XX вв. Сб. статей к 80-летию И. М. Майского. М., 1964, с. 538—558; Л и х а ч е в Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 101—107; Л у р ь е Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров собственного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 357—449; А л ь ш и ц Д. Н. «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история» // Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 286—292; С и д о р о в а Ю. П. «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история» (К вопросу об источниках поэмы) // Литература Древней Руси: Сб. трудов / Сост. П. Н. Прокофьев. М., 1975, вып. 1, с. 97—104; Д у б р о в и н а Л. А. 1) Казанский летописец как источник по истории Марийского края в XV—XVI вв. // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы Марийского НИИ за 1971—1975 гг. Йошкар-Ола, 1976, с. 35—37; 2) Социально-экономическое и политическое развитие Марийского края в XV—XVI вв.: (На материалах Казанского летописца) // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1978, с. 3—23; 3) Некоторые вопросы текста Казанского летописца // Материалы конференции молодых ученых МарИИИ. Йошкар-Ола, 1980, с. 12—21; 4) Казанский летописец: Ист.-текстол. исследование. Автореф. канд. дис. М., 1981; Т р о ф и м

м о в а Н. В. 1) Определения и эпитеты в стилистической структуре «Истории о царстве Казанском» // Литература древней Руси: Сб. трудов / Отв. ред. Н. П. Прокофьев. М., 1978, вып. 2, с. 66—74; 2) О сравнениях в «Истории о царстве Казанском» // Там же. М., 1981, с. 68—74; 3) Об особенностях и роли пейзажа в «Истории о царстве Казанском» // Там же. М., 1983, вып. 4, с. 65—75; В о л к о в а Т. Ф. 1) К вопросу о литературных источниках «Казанской истории» («Казанская история» и жанр хождений) // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 242—250; 2) Малоизученный источник «Казанской истории» // РЛ, 1982, № 3, с. 135—138; 3) «Казанская история» и историко-публицистическое повествование в Московской Руси второй половины XVI в. Автореф. канд. дис. Л., 1982; 4) «Казанская история» и тронцкие литературные памятники о взятии Казани: (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории») // ТОДРЛ. Л., 1983, т. 37, с. 104—117; 5) Проблема авторской позиции в историко-публицистическом повествовании XVI в.: (На материале сочинений современников о взятии Казани). — В кн.: Стиль и идеология: (Активность авторского повествования). Сыктывкар, 1983, с. 4—17; 6) Два типа сюжета в историко-публицистическом повествовании второй половины XVI в.: (Рассказ о взятии Казани в «Казанской истории» и «Истории о великом князе Московском») // Проблемы литературных жанров: Материалы четвертой научной межвузовской конференции (28 сентября—1 октября 1982 г.). Томск, 1983, с. 17—18; 7) «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и Тронцкое сочинение о взятии Казани как источники текста «Казанской истории» // Древнерусская литература: Песточниковедение. Л., 1984, с. 172—187; 8) Особенности повествования в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и культура эпохи «второго монументализма» // Стиль писателя и культура эпохи. Сыктывкар, 1984, с. 15—26; 9) Комментарий к одному фрагменту «Казанской истории»: (Сюжет «Сергиева видения» в сочинениях XVI в. о взятии Казани) // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 38, с. 179—184; 10) Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани // Там же. Л., 1985, т. 39, с. 308—322; 11) Особенности сюжета Повести о казанском походе и «Истории» А. М. Курбского (К вопросу о беллетризации историко-публицистического повествования в XVI в.) // Там же. Л., 1985, т. 40, с. 248—259.

Т. Ф. Волкова

Кайбышев (кон. XV—XVI в.) — переводчик на русский язык ряда рецептов (способа приготовления лекарств), о чем засвидетельствовано в рук. ГИБ, Q. VI. № 26, XVIII в., где приведены «Выписки из лечебника». «Кайбышев перевод» — так написано в главах 220 и 221 этого «Лечебника», имеющих заглавие: «Строгановых лекарство от лихих» и «О Малхане». Имя К. введено в научную медицинскую литературу Л. Ф. Змеевым, который упоминает о нем в двух работах. В книге «Русские врачевники» Л. Ф. Змеев, опираясь на сведения приведенной выше рукописи ГИБ, Q. VI. № 26, связывает имя К. с «Лечебником Строгановых лекарств», упоминаемым также в рукописях XVIII в. ГИМ, собр. Уварова, № 626, 1°, и ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 476/966, 1°. Лечебник этот Л. Ф. Змеев называет «первым по времени переводным врачевником, принадлежащим к отделу лечебников» (Чтения по врачебной истории России. . .). По мнению Л. Ф. Змеева, К. был служащим, вероятно врачом Строгановых на их пермских солевых промыслах, и перевел Лечебник, возможно с английского (в рук. ГИМ, собр. Уварова, № 626 после упоминания «Лечебника Строгановых лекарств» читается фраза «Перевод лечебник английский, переведен на русский язык») по

их заказу в XVI или в конце XV в. Оригинал лечебника, как пишет Л. Ф. Змеев, ему найти не удалось.

Лит.: З м е е в Л. Ф. 1) Русские врачевники: Исслед. в обл. нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895 (ПДП, № 112), с. 2—3, 78, 79, 173; 2) Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896, с. 90, 96.

М. А. Салмина

Капустин Сильвестр (в миру Стефан) (XVI в.) — автор краткого летописца, писец. В середине XVI в. он выступал в роли дьяка в Иосифо-Волоколамском монастыре (З и м и н А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.), М., 1977, с. 169). Запись «Духовная Иосифова в полдесть, письмо Селивестрово», помещенная в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., видимо, относится к К. (Г е о р г и е в с к и й В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 16). Как владелец книг он упоминается в описи книг 1573 г. (ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 10). Сохранились две рукописи (ГИМ, Епарх. собр., № 144 и ГБЛ, Волок, собр., № 387) с пометами о принадлежности их К. В рукописи Волоколамского собр. второй половины XVI в. на л. 522—524 помещен «Летописец вкратце», охватывающий события за 1492—1542 гг. с поздней припиской о том, что в 1562 г. приходил на Москву крымский хан; в летописец включены и местные монастырские известия (Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. М., 1974, т. 28, с. 225). Летописец К. не издан.

Р. П. Дмитриева

Карпов Федор Иванович (2-я пол. XV в. — до 1545 г.) — дипломат, писатель, публицист. Происходил из старинного рода князей Фоминских. Наиболее раннее известие о нем — 1495 г., когда он принимал участие в поездке *Ивана III* в Новгород в качестве одного из постельничих; последнее сведение о К. — 1539 г.; в 1545 г. его уже не было в живых, поскольку в описи Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной в 1545 г., упоминается книга «Сава сербской», которую по «Федоре по Карпове дали». К. подвизался преимущественно на дипломатическом поприще, был одним из руководителей восточной политики России; в 1529 г. получил звание окольного, в 1537 г. — звание оружничего.

Из сочинений К. сохранилось два его послания *Максиму Греку*, послание митрополиту *Даниилу* и послание старцу *Филоффею*. Переписка К. и Максима Грека, опубликованная Н. К. Никольским, состоит из двух посланий Максима и ответа на одно из них К. Узнав о том, что одно из его сочинений вызывает неблагоприятные толки, Максим Грек отправил К. послание, написанное в резких выражениях, в котором ученый грек возмущается несоосведомленностью К. в основных богословских вопросах. В своем

ответе К. укоряет Максима за то, что тот решился преждевременно его осуждать; он уверяет, что никогда не говорил ничего дурного о Максиме Греке. На письмо К. Максим ответил примирительным посланием. Н. В. Сивилына вслед за Н. К. Никольским датирует эту переписку 1518—1519 гг. В другой раз К. обратился к Максиму за разъяснением одного места из третьей книги Ездры (гл. 6, 42, 47—54), где говорится о сотворении мира и о Левиафане. Сохранился ответ Максима Грека на это послание, утративший, впрочем, жанровые признаки письма (Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 3, с. 274—280).

Послание К. митрополиту Даниилу является наиболее интересным сочинением писателя. До сих пор не было предложено сколько-нибудь убедительной датировки этого сочинения; ясно только, что оно написано до 1539 г., когда Даниил был сведен с кафедры. Некоторые исследователи без достаточных оснований предполагали, что сочинение написано, когда К. попал в опалу. Послание написано в ответ на «еписистолию» Даниила, в которой митрополит призывал К. к терпению. В начале своего ответа К. воздает должное писательскому таланту и учености Даниила, а затем вступает с ним в спор по вопросу о целесообразности терпения. К. находит, что терпение хорошо в делах духовных, но если «терпение» станет лозунгом гражданского общества, то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и князья. По мнению К., государства должны строиться на началах «правды» и «закона», причем под «правдой» публицист понимает справедливое управление государством, а под «законом» — нормы человеческого общежития. Общественно-политические взгляды К. во многом близки идеологии *Ивана Пересветова*.

Послание митрополиту Даниилу свидетельствует о широкой образованности К. В подтверждение своих взглядов публицист ссылается на сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху»; возможно, К. знал также аристотелевскую «Политику». В. Ф. Ржигга обнаружил в послании буквальный перевод двух стихов из «Метаморфоз» Овидия («Ныне живут от похищения; несть гостинник от гостя без боязни. Несть тещь от зятя; и братская убо любовь редка есть», ср. «Метаморфозы», I, 144—145). Д. Фрейданк указал в том же послании еще на две цитаты из Овидия («Искусство любви», II, 277—278; «Фасты», I, 217—218). Следующее за последней цитатой рассуждение о том, что сам апостол Петр, если он явится с пустыми руками, «дверем затворенным, извержется вовн», безусловно также является реминисценцией из Овидия («Искусство любви», II, 279—280); К. заменил только Гомера, о котором пишет Овидий, на апостола Петра. О классических склопностях К. свидетельствует и его краткое послание Филофею, где он пишет, что одобряет все, написанное «Омировым словом» и проникнутое «риторским разумом».

О целом ряде утраченных сочинений К. можно почерпнуть сведения из произведений Максима Грека. Помимо указанных выше

Максим адресовал К. четыре послания, в двух из которых разбирается богословский вопрос об исхождении святого Духа от Отца или от Отца и Сына (*filioque*), а два другие посвящены обличению астрологии. Послания Максима Грека свидетельствуют о широте интересов К.: астрология, философия, богословие привлекали его внимание; К. принимал участие в богословской полемике, которую вел Максим Грек с *Николаем Булевым*. Максим Грек называет писателя «премудрым» и «пречестнейшим»; «разумным мужем» назвал К. князь *А. М. Курбский*.

Не все сочинения К. получили распространение в рукописной традиции. Послание Даниилу сохранилось в единственном списке — сборнике 60-х гг. XVI в. (возможно, при его составлении использован архив Даниила) ГПБ, Q. I. 1439, по которому оно было опубликовано В. Г. Дружининым; в двух списках известна переписка К. с Максимом Греком (по одному опубликована П. К. Никольским, другой — ГИМ, Синод. собр., № 791). Зато популярностью пользовались послание К. старицу Филофею (издано А. А. Зиминим) и в особенности послание Максиму Греку о третьей книге Ездры; последнее сочинение часто помещается в составе сборников сочинений Максима Грека вместе с ответом афонского старца (вместе они были опубликованы и в издании сочинений Максима). Послание о третьей книге Ездры оказало влияние и на другие памятники древнерусской письменности — заимствования из него обнаруживаются в Похвальном слове *Василию III* (см.: Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 281), на его основе построен эпистолярный образец в письмовнике XVII в. (Г о л у б е в И. Ф. Два прозаических послания из письмовника XVII в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 21, с. 186—187). Все послания К. опубликованы в ПЛДР.

Изд.: Соч. препод. Максима Грека. Казань, 1862, ч. 3, с. 274—277; *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христ. чт., 1909, № 8—9, с. 1119—1125; *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го в. // ЛЗАК, 1909, вып. 21, с. 106—113; *Зимин А. А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 160—173; ПЛДР. Конец XV—1-я пол. XVI в. М., 1984, с. 502—519, 744—749.

Лит.: *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917, вып. 1, с. 300—302; *Ржигла В. Ф.* Боярин-западник XVI в. (Ф. И. Карпов) // Учен. зап. Рос. ассоц. н.-иссл. ин-тов обществ. наук Ин-та ист. (РАНИОН). М., 1929, т. 4, с. 39—48; *Кимеева Е. Н.* «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова // ТОДРЛ. М.; Л., 1953, т. 9, с. 220—234; *Синицына Н. В.* Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дис. М., 1966; *Зимин А. А.* Федор Карпов, русский гуманист XVI в. // Прометей. М., 1968, сб. 5, с. 364—370; *Freudank D.* Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik, 1968, Bd 13, S. 98—108; *Клибанов А. И.* «Правда» Федора Карпова // Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 141—150.

Д. М. Бранин

Кассиан (XV в.) — монах Киево-Печерского монастыря, создатель двух редакций *Патерика Киево-Печерского*. Из текста традиционной концовки патерика известно, что К. в период создания им первой редакции памятника был клирошанином Печерского монастыря. Свой труд, законченный 19 июня 1460 г., посвятил «священноиноку кир Акакию, бывшу наместнику киевскому» (ГПБ, собр. Погодина, № 895, л. 249), поэтому в научной литературе эта редакция патерика имеет двойное название: по имени исполнителя — Кассиановская первая, по имени заказчика — Акакиевская.

По предположению А. А. Шахматова, редакция патерика 1460 г. не отличалась творческой самостоятельностью и в основном повторяла состав сборника, созданного в первой половине XV в. печерским монахом Иоанном, чье имя часто встречается в оглавлении патерика Кассиановских редакций. Восходя к первоначальной редакции памятника, переработка патерика, выполненная Иоанном, включала «Слово о создании церкви Печерской» *Симона*, летописное сказание о начале Печерского монастыря. Житие Феодосия Печерского (см. *Нестор*), слово о перенесении его мощей и об оковании гроба святого, выделенное в особую статью из рассказа об основании Успенской церкви, похвалу Феодосию Печерскому, послания Симона и *Поликарпа* с рассказами о печерских подвижниках, «Слово о первых черноризцах печерских» с вычленением из него текста об Исакии. Если А. А. Шахматов считал труд К.-«клирошанина» списком с патерика Иоанновской редакции, дополненным рядом летописных статей, то Д. И. Абрамович отводил Иоанну скромную роль участника в редактировании памятника в 1460 г. (см.: Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, с. 7—8; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 67; а также: Лавровский П. А. Описание семи рукописей Императорской С.-Петербургской Публичной библиотеки // ЧОИДР, 1858, кн. 4, с. 10—11; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палей // ИОРЯС, СПб., 1898, т. 3, кн. 2, с. 507—508; Владимиров П. В. Древняя русская литература киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1901, с. 195). Летописные заметки о вписании имени Феодосия Печерского в *Синодик*, о пострижении Святоши, о видении и смерти *Нифонта Новгородского*, о преставлении Поликарпа, игумена Печерского монастыря, и об избрании на его место поиа Василия, помещенные К. в конце патерика, были заимствованы, по мнению А. А. Шахматова, из общего источника — Киевского летописного свода. Ученым была объяснена и причина включения летописного материала в патериковый сборник: заметки о Феодосии и Святоше расширяли фактическую основу житий этих святых; Нифонт и Поликарп, по преданию, были древнейшими собирателями и «списателями» произведений о печерских подвижниках. В редакторской работе К. видно исследовательское

начало: благодаря летописным источникам ему удалось закрепить за определенными датами отдельные вехи монастырской истории, дополнить ее новым материалом, атрибутировать тексты, вошедшие в состав патерика (упоминание имени Нестора в сказании о начале монастыря и в «Слове о перенесении мощей Феодосия Печерского»). Но введение в Печерский патериковый свод в редакции 1460 г. летописных заметок носило несколько искусственный характер и нарушало тематический принцип группировки текстов в сборнике, по которому летописное сообщение о вписании имени Феодосия в Синодик должно было примкнуть к произведениям «феодосьевского» цикла, а текст, содержащий дату пострижения князя Николы Черниговского, войти в патериковое житие Святоши.

Видимо, отсутствие четкого принципа организации патерикового материала в редакции 1460 г. привело к тому, что количество списков Кассиановской первой редакции невелико (см.: ГИМ, собр. Барсова, № 745, № 746; собр. Донского мон., № 13; ГПБ, Соф. собр., № 1364; собр. Погодина, № 895, № 898; ГБЛ, собр. Упдольского, № 389, собр. Гранкова, № 86/24; Гос. архив Горьков. обл., № 36167 2р/II-20) и что через два года К., уже «уставник печерский», создал новую, более полную и в то же время более внутренне стройную редакцию Киево-Печерского патерика. Долгое время велись споры о принадлежности перу К., автора редакции 1460 г., вставки в Житие Феодосия эпизода, повествующего о посещении святого перед смертью князем Святославом. Д. И. Абрамовичу удалось доказать, что эта вставка была сделана до К. скорее всего во второй половине XII в., когда обострилась борьба между Печерским монастырем и киевской митрополией. Летописные заметки, присоединенные к патерику К. в 1460 г., прошли трудный процесс внедрения в патериковый ансамбль. В списках памятника переходного типа между Кассиановскими редакциями 1460 и 1462 г. они, пополнившись новым текстом — «Посланием Феодосия Печерского князю Изяславу о латынех», расположены в середине сборника, после Жития Феодосия Печерского и похвалы святому (см.: ГИМ, Чуд. собр., № 17/319). Видимо, К.-редактор напряженно искал новый принцип, регулирующий расположение текстов в сборнике.

Основным принципом организации материала в патерике Кассиановской второй редакции стал хронологический. Руководствуясь им, К. помещает летописное известие о внесении имени Феодосия в Синодик за «Словом о перенесении мощей Феодосия Печерского», рассказ о видении и смерти Нифонта Новгородского до послания Симона к Поликарпу, «Слово о первых черноризцах печерских» за Похвалой Феодосию Печерскому. Характерной чертой патерика Кассиановской второй редакции является также расположение послания Феодосия о латинской вере и Слова о смерти печерского игумена Поликарпа в конце сборника. Кто-то из переписчиков этой редакции патерика, следуя стремлению К. превратить патерик в «монастырскую летопись», ввел в сборник новый текст — рассказ о чуде в Печерском монастыре на Пасху

1463 г., что было закреплено в ряде последующих списков и редакций памятника (см.: ЦНБ АН УССР, № 386 П/157, л. 215). Хронологический принцип, положенный в основу редакторской работы К. в 1462 г., виден как в большом, на уровне патерикового ансамбля, так и в малом, например в Слове о Нифонте Новгородском, где изменен порядок следования частей: вначале повествуется о прибытии Нифонта в Киево-Печерский монастырь в ожидании нового митрополита из Константинополя, причем рассказ перемежается сведениями о борьбе Нифонта с *Климентом Смолятичем*, затем идет сказание о видении и смерти новгородского епископа. Д. И. Абрамович считал автором вставок и разночтений, имеющих в патерике Кассиановской второй редакции, самого «уставника печерского», А. А. Шахматов указывал на возможные источники заимствования: Печерскую летопись, которая могла содержать древнюю редакцию Слова о Нифонте Новгородском, *Житие Антония Печерского*, откуда К. мог получить пространные сведения о варяжской пещерке, узнать год пострижения Феодосия и т. п. (см.: Шахматов А. А. Житие Антония Печерского и Печерская летопись // ЖМНП, 1898, кн. 3, с. 124—127).

Киево-Печерский патерик в редакции 1460 г. вошел в состав *Великих Миней Четких* на май митрополита *Макария*, миней Германа Тулупова; обе Кассиановские редакции памятника были учтены при создании миней четьи на май Иоанна Милютина. Для минейного вида патерика Кассиановских редакций характерна группировка всех текстов о Феодосии Печерском в начале сборника, причем житие святого, сверенное с древнейшей редакцией, не имело поздних по времени вставок. О популярности, быстром и широком распространении Кассиановских редакций патерика свидетельствует тот факт, что в 1462 г. в Московском Вознесенском монастыре по повелению княгини Евпраксии была снята копия с одного из списков Печерского патерика Кассиановской первой редакции «рукою двух многогрешных дьячишков» Григория и Ермолая, «скорости ради дея» (см.: ГПБ, Соф. собр., № 1389, л. 206). К Кассиановской второй редакции памятника восходят все рукописные и печатные редакции XVII в. (Сильвестра Косова, Иосифа Тризны, Софрония, печатное издание патерика 1661 г. и последующие издания). Количество списков патерика Кассиановской второй редакции велико. К настоящему времени их известно более 50, самые ранние списки датируются концом XV—началом XVI в. (см.: БАН, 45.11.17; ГБЛ, собр. Румянцева, № 305; ЦГАДА, собр. Оболенского, № 69).

Лит. см. в статье *Петерик Киево-Печерский*.

Л. А. Оливская

Киприан (ок. 1330—16 IX 1406) — митрополит Киевский и всея Руси, писатель, редактор, переводчик, книгошисец. По рождению южный славянин, болгарин или серб (произведения XV—

XVII вв. называют его сербом), возможно, из тырновской семьи Цамблаков. Свой путь начал в Келифаревском монастыре (Феодосия Тырновского; сблизился там с Евфимием; ушел оттуда в Константинополь, затем на Афон. О своем пребывании на Афоне К. говорит в ответном Послании *Афанасию Высоцкому*. Очевидно, к этому периоду относятся «Еуфимия патриарха Терновского послание к Кицриану мниху, живущу во святей горе Афонстей. . .» (приходится допустить только, что слова «патриарха Терновского» добавлены в заглавие позднее, так как до 1375 г. Евфимий не был патриархом, после же этого года К. не мог жить на Афоне).

В Византии К. сблизился с патриархом Филофеем Коккином (1353—1354, 1364—1376 гг.) и стал его келейником. Около 1373 г. он был послан патриархом в Литву и на Русь для примирения литовских и тверского князей с митрополитом *Алексеем*. К. свою задачу выполнил. 9 марта 1374 г. он присутствовал в Твери на посвящении тверского епископа Евфимия, затем с митрополитом отправился в Переяславль Залесский. Из Великой Руси К. вернулся в Литву. В том же 1374 г. им было предпринято перенесение из Вильны в Константинополь останков и прославление там литовских мучеников-христиан — Круглеца-Антония, Нежила-Ивана и Кумца-Евстафия, убитых в 1374 г. по приказу язычника князя Ольгерда. В 1375 г., когда возобновилась вражда Литвы и Москвы, литовские князья отправили К. с грамотой к патриарху, прося посвятить К. в митрополита литовского. Патриарх Филофей 2 декабря 1375 г. рукоположил его в митрополита «киевского, русского и литовского» с тем, чтобы после смерти митрополита Алексея он объединил обе части митрополии, став митрополитом Киевским и всея Руси. 6 июня 1376 г. К. прибыл в Киев и оттуда через послов попытался добиться признания своих прав от московского князя, Новгорода и Пскова, но тщетно. Летом 1378 г. (митрополит Алексей умер 12 февраля 1378 г.), списавшись с Сергием Радонежским и *Феодором Симоновским*, К. сделал попытку вступить в свои права наследования вопреки воле князя, но был схвачен около Москвы, провел ночь в заточении, а затем был выдворен. Сохранились три его послания к игуменам Сергию и Феодору, из которых и известно об этом событии. Первое написано 3 июня из Любутска, непосредственно перед попыткой проникнуть в Москву, второе — 23 июня, сразу же после выдворения. Оно представляет собой уже публицистическое произведение, рассчитанное на то, чтобы его — под угрозой церковного отлучения — читатели сохраняли и распространяли. В нем К. обосновывает свои права и предаёт проклятию князя Дмитрия Ивановича. Но при этом К. продолжает рассматривать московского великого князя как в идеале князя всероссийского. В третьем послании (от 18 октября 1378 г.) К. ободряет своих корреспондентов-сторонников, в которых было разочаровался, и выражает готовность ехать в Константинополь. Туда он отправился зимой 1378/79 г. и пробыл там до июня 1380 г., когда собор патриарха Пила поставил в митрополиты «Киевские и Великой Руси» Пимена. К. покинул Констан-

тинополь незадолго до окончания работы собора. Патриарх Нил оставил за ним звание митрополита «Малой Руси и Литвы», по в случае его смерти дал Пимену право распространить свою власть на Малую Русь и Литву и стать митрополитом «Киевским и всея Руси». Весной 1381 г., после гибели Мамая, Дмитрий Донской вызвал К. из Киева, и 23 мая 1381 г. тот в Москву явился (в декабре возвращавшегося на Русь Пимена задержали в Коломне и отправили в заточение в Чухлому). Может быть, к этому времени, если не к девяностым годам, относится сохранившийся отрывок «От. иного послания о повинных», атрибутируемый теперь К. (Г. М. Прохоров), а прежде приписывавшийся и Дионисию Суздальскому (А. С. Павлов), и киевскому епископу Даниилу (как якобы написанный в 1113 г. *Владимиру Мономаху*) (М. Н. Тихомиров).

В том же 1381 г. К. создал свою редакцию *Жития Петра митрополита*. В уста Петра К. вложил здесь пророчество о будущем политическом величии Москвы при условии поддержки ею православия. Эта редакция Жития вошла как составная часть в написанную К. Службу митрополиту Петру, состоящую кроме Жития из стихир, чтений из библейских книг, двух канонов и (после шестой песни канонов) кощака. В этой службе наряду с мольбами о защите «от безбожных и чюжеверныхъ нахождениа и усобныа рати» содержатся и выражения радости по поводу недавно одержанной победы над «агарянами», т. е., очевидно, победы над Мамаем в Куликовской битве. Житие издано в кн. Г. М. Прохорова.

К первому периоду пребывания К. в качестве митрополита в Москве (1381—1382 гг.) должны относиться его «Ответы» игумену Афанасию, «въпросившему о неких потребных вещех», касающихся монастырской жизни. Эта датировка, расходящаяся с датировкой «Ответов» 1390—1405 гг. их издателями в РИБ, определяется тем, что Афанасий Высоцкий, которому «Ответы» вероятнее всего адресованы, в 1382 г. покинул Северо-Восточную Русь вместе с К. В этих «Ответах» К. говорит, в частности, что в церкви надлежит читать Толковое Евангелие, а на трапезе Патерик, книги св. Ефрема (см. *Шарпенсис Ефрема Сирина*), св. Дорофея, «также и Шестоденьник святого Василья и святого отца Иоанна Златоустаго», что «села и люди держати иноком не предано есть святыми отци»; здесь же К. пишет о конечной задаче иноков — заполнить собой места павших с небес во тьму по причине гордости ангелов (ср. с «Диотрой» Филиппа Пустычника) и выражает уверенность в близком конце света.

Во время нашествия на Москву Тохтамыша (26 августа 1382 г.), когда князь Дмитрий Иванович бежал в Кострому, а в Москве «людие стаща велем», митрополит, за два дня до этого вернувшийся из Новгород, и великая княгиня были ограблены и с трудом выбрались из города. К. отправился в Тверь; оттуда съездил в Новгород; затем возвратился в Тверь. В начале октября князь Дмитрий Иванович вызвал его оттуда в Москву, а Пимена перевел

из Чухломы в Тверь. В это время, по-видимому, сам К., стараясь предостеречь князя от решения сменить митрополита, придал вид учительного риторического «слова» летописной *Повести о Митяе-Михаиле*, своем предыдущем конкуренте (издана в ПСРЛ и в кн. Г. М. Прохорова). Той же осенью, однако же, К. был изгнан из Москвы, а туда из Твери был переведен Пимен, и митрополия вновь оказалась поделенной по границе ордынских владений.

Около 1385—1386 г. К. послал на Русь письмо, адресованное «а-игумену», в каковом игумене вероятнее всего видеть Феодора Симоновского. В нем он ставит адресата в известность, что отправляется в Царьград, и выражает уверенность в скорой победе над «лживым человеком и лживым».

27 апреля 1387 г. в Константинополе, в Студийском монастыре, К. закончил переписку *«Лествицы» Иоанна Синайского*.

29 мая 1387 г. К. был послан императором Иоанном V Палеологом в Малую Русь с обязательством возвратиться в течение года.

В феврале 1389 г. новый константинопольский патриарх Аптоний низложил великорусского митрополита Пимена и восстановил К. в звании митрополита Киевского и всея Руси. 1 октября 1389 г. К. покинул Константинополь и через Белгород (Аккерман) и Киев прибыл 6 марта 1390 г. в Москву. Оттуда он послал письмо к русскому духовенству в Константинополе, «поведающе многия беды их морского плавания, страшного пути, случившагося им» в Черном море, между Константинополем и Белгородом (Аккерманом); письмо это до нас не дошло; знаем о нем из упоминания в *«Хожении» Игнатия Смольнянина*.

Вероятно, к этому времени (если не к 1381 г.) относится упомянутое выше послание К. великому князю под заглавием «От иного послания о повинных»: такая датировка позволяет отнести слова о «от злобы на добро совращении» отца адресата к великому князю Дмитрию Ивановичу и связать их с намеком на какое-то совершенное тем зло, содержащимся в *«Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»*. Со словом послание «о повинных» роднит также неоднократное, почти назойливое величание здесь адресата царем, а его владений — царством. Датировка этого послания временем не раньше 1390 г. позволяет понять и его положение в рукописях; где оно помещается — очевидно, в хронологическом порядке — последним, пятым, после послания, которое датируется концом 1384—началом 1385 г. 21 октября 1391 г. К. после жалоб на игумена Царьконстантиновского монастыря дал тому Уставную грамоту с перечнем того, что он может получать с принадлежащих монастырю сел. В феврале 1392 г. К. две недели пробыл в Новгороде, стараясь восстановить митрополичье право на апелляционный суд, отнятое новгородцами в 1385 г., при митрополите Пимене.

28 июня 1392 г. (по возможно также, что в 1404 г., когда был 12-й индикт, которым наряду с 6900/1392 г. датирована соответствующая грамота; в 1392 г. был 1-й индикт) великий князь

Василий I Дмитриевич совместно с К. написал Уставную грамоту о разграничении княжеских и митрополичьих прав и владений.

29 августа 1392 г. К. дал новгородскому епископу *Иоанну* грамоту о неприкосновенности церковных слуг и вотчин. О присвоении новгородцами митрополичьего права на апелляционный суд К. написал патриарху. Он просил его также передать в его ведение, изъяв из суздальской архиепископии, Нижний Новгород и Городец. Новгородцы тоже послали к патриарху свое посольство, жалуясь на митрополита, требуя большей от него независимости и угрожая в противном случае перейти в латинство. В 1393 г. после успешной войны московского князя с Новгородом новгородцы через послов выразили покорность ему и митрополиту и одарили ответного митрополичьего посла.

В 1394 г. в Новгород пришли посланные патриархом грамоты: в убеждении во всем покоряться митрополиту, а в Великий пост 1395 г. туда с патриаршим послом вновь прибыл сам митрополит. Из Новгорода 12 мая 1395 г. он послал две грамоты в Псков. Одной из них он запрещал мирянам судить священников и посвящать на церковные имущества, а овдовевшим и вторично женившимся священникам служить запрещал. Второй грамотой он стменял уставную грамоту архиепископа Дионисия Суздальского с добавками «к грамоте князя великого Александрове», повелевая псковичам следовать исключительно грамоте князя Александра. Тогда же он написал новгородскому духовенству поучение о церковных службах.

После 1395 г. К. сообщил в Псков, что послал туда «устав божественной службы Златоустовы и Великаго Василья», а также сам текст служб и «Синодик правый, истинный, который чтут в Царигороде, в Софьи Святой, в патриархии», и что он приписал к нему, «как православных царий поминати, такоже и князей великих, и мертвых и живых, якоже мы зде в митропольи поминаем». Из этих его слов и ясно, что К. сумел добиться включения в церковные «многолетия» на Руси имен византийских императоров; преодолеть сопротивление этому со стороны великого князя Василия Дмитриевича помог ему своей грамотой патриарх Антоний. К. пишет еще, что послал в Псков *Синодик* «правый царегородский», по которому, как он говорит, «мы здесе поминаем, или еретиков проклинаем», из чего следует, что Синодик содержал провозглашавшиеся византийской церковью в первое и второе воскресенье Великого поста поминовения защитников православия и анафематствования еретиков.

В единственном списке (ГИМ, Синод. собр., № 222, Кормчая, XVI в.) под именем К. сохранилось поучение «игуменом, и попом, и диаконом, и ко мнихом, и ко всем православным христианом». Но на московском соборе 1503 г. и Стоглавом соборе оно считалось принадлежащим митрополиту Петру.

26 августа 1395 г., во время приближения к Москве Тимура (Темир-Аксака), из Владимира в Москву по инициативе К. была

перенесена икона Богоматери Владимирской, а поскольку Тимур как раз в это время повернул от Москвы, К. основал церковь и монастырь во имя Сретения на месте встречи иконы в Москве и постановил ежегодно праздновать это событие. Весной того же 1396 г. К. с великим князем Василием Дмитриевичем посетил недавно взятый Витовтом Смоленск; поставил там епископа Насона. Затем на полтора года удалился в Кпев. Рукоположил в Лутск нового епископа Феодора; вел переговоры с королем Ягайло об унии православной церкви с римско-католической; король и митрополит писали об этом патриарху Антонию, предлагая созвать общецерковный собор на Руси. В январе 1397 г. патриарх ответил каждому из них, что и время и место для такого собора неподходящи и что лучше бы польский король, объединившись с венгерским, озаботился освобождением Византии от неверных, а К. использовал бы свое влияние на его «большого друга» польского короля в этом направлении. 7 октября 1397 г. К. вернулся в Москву. В 1398 г. в ответ на просьбу патриарха Матвея и императора Мануила русские князья, по совету К., послали в Византию 20 тысяч рублей, в ответ на что получили оттуда икону «Спас в белоризцах», которая была поставлена в церкви Благовещения. На масленице 1399 г. К. побывал в Твери, после чего московский и тверской князья «шюкрещиша миру», а оттуда поехал в Литву к Витовту.

13 сентября 1399 г. К. написал подтвердительную грамоту владимирскому Рождественскому монастырю на суждальское с. Вельское, данное монастырю князьями в память об Александре Невском (сохранился подлинник грамоты).

Примерно в конце 90-х гг. К. добился уничтожения отдельной Галицкой митрополии, распространив свою власть — вопреки даже воле константинопольского патриарха — на Молдавляхию и Галицию. В 1400 г., во время осады Константинополя Баязидом, патриарх Матфей прислал к К. грамоту с новой отчаянной просьбой о денежной помощи Царьграду, теснимому мусульманами. В этой грамоте патриарх называет К. «любящим ромеев человеком» (РИБ. т. 6, Приложения, № 46, стб. 311—316). В июле 1401 г. К. созвал собор, на котором Иоанн Новгородский и Савва Луцкий вынуждены были «отписаться» от своих епископий и были задержаны в Москве. Иоанна Новгородского К. заточил в монастыре Николы Старого и продержал там около трех с половиной лет.

В 1402 г. великий князь Василий Дмитриевич и К. разыскали, утвердили и размножили старый Номоканон, включающий Устав Ярослава (Русская Правда), Судебник греческого царя Константина и Устав князя Владимира о церковных судах и десятинах.

25 ноября 1402 г. по благословению К. была написана договорная грамота великого князя Василия Дмитриевича и князей Владимира Андреевича и Юрия, Андрея и Петра Дмитриевичей с великим князем Рязанским Феодором Ольговичем о дружбе, согласии и общей политике по отношению к Орде и Литве.

14 июня 1404 г. К. написал некоей бездетной вдове Феодосье, мужа которой убили «холопи», грамоту на усыновление ею приемыша Тимошки, сославшись при этом на найденное им в Номоканоне соответствующее правило. Перед отъездом в западную часть митрополии К. освободил новгородского архиепископа Иоанна и отпустил его в Новгород. Восстановить право на апелляционный суд в Новгороде он так и не смог.

20 июля 1404 г. К. поехал из Москвы в Вильну (был там с большой честью принят Витовтом), затем в Киев. Во время этой своей поездки К. побывал в Луцке. В 1405 г. присутствовал на встрече Витовта с польским королем Ягайлом в Милолюбне. По настоянию Витовта спял сан с туровского епископа Антония, обвиненного в побуждении ордынского царя Шадибека к нападению на подвластные Литве и Польше русские города; К. отослал его в Москву.

1 января 1406 г. К. вернулся в Москву. За четыре дня до смерти К. продиктовал духовную грамоту, которую велел прочесть вслух при своем погребении. В ряде летописей к ней прилагается философско-поэтическое произведение на тему о бренности и суетности земной жизни, написанное, очевидно, по поводу смерти К. (в Никоновской летописи оно ему приписано). Духовная К. включена в *Великие Минеи Четьи* митрополита Макария под 31 августа.

Во второй период управления всероссийской митрополией К. часто бывал в подмосковном Голенищеве, где он воздвиг «опришную» церковь во имя Трех Святителей, и в волости Сенеж на Святом озере Владимирской области, где он построил церковь и основал монастырь во имя Преображения Господня.

По-видимому, в эти последние годы жизни К. сделал незначительные дополнения к своему Житию митрополита Петра (в частности, появилось упоминание смерти императора Андроника IV, имевшей место в 1385 г.; эта версия издана в ВМЧ, в ПСРЛ в составе Степенной книги и Б. Ст. Ангеловым) и написал Похвальное слово (издано Н. Допчевой-Панайотовой). На основании известия В. Н. Татищева возникло предположение о создании К. Степенной книги (куда вошло и Житие митрополита Петра), но оно теперь признается ошибочным. Историки летописания, однако, допускают возможность влияния К. на московское и общерусское летописание конца XIV—начала XV в., в частности на объем и содержание Летописи Троицкой, завершенной (статьей 1408 г.) уже после его смерти. Вероятно, что при К. произошла своего рода децентрализация и оживление местного летописания.

К. атрибутируется ряд литургико-поэтических произведений. Помимо Службы митрополиту Петру сюда относятся «Канон ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистой Богородице, певаем о гобзица плода и за бездождие», «Молитва разрешити царя и князя и всякаго христианина. . . а списана в Луцке над гробом князем Димитриевым» (издана архимандритом Варлаамом и Макарием), «Последование провозвещению над умершим младен-

дем». Ряд молитв, может быть, написан К., но возможно также переведен им с греческого — таковы: «Благословение и прислание митрополита Киприана: Молитва, глаголемая во отвержение и во освящение церкви, в ней же случится умереть человеку цужую како-либо смертию»; «Потружение смиреннаго Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси: Како подобает знаменати отроча», включающее ряд молитв («храму, в нем же младенец родися», «жене, егда родит», «молитву имя парещи младенцу», «жене по рождении и всем прилучившимся», «бабе»). Некоторые церковно-служебные тексты определенно переведены на славянский язык К., как-то: «Списание сему от греческих книг смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном: Чин, еже омыти мощи святых или крест мочити», «Канон к господу Иисусу Христу и пречистой его матери на поганья молебн. Творение святейшаго и вселенскаго патриарха Филофия, и потружение же Киприана, смиреннаго митрополита всея Руси», «Канон молебн к господу Иисусу Христу в усобных и иноплемных бранех. Творение святейшаго патриарха Филофея, потружение же Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси», молитва Святому Духу в день Пятидесятницы.

Сохранился пергаменный Служебник (ГИМ, Синод. собр., № 344 (601)), содержащий «Устав божественна службы» Иоанна Златоуста в редакции патриарха Филофея и «Молитву особну Святому Духу. Творение святейшаго патриарха Костантинограда Филофея», а также записи (л. 72, 132 об.), согласно которым его перевел и переписал «от гречких книг на русский язык рукою своею Киприан, смиренный митрополит Киевский и всея Руси» в 1397 г. и «сам служил» по нему (изданы в «Хрестоматии» Ф. И. Буслаева). По это, судя по письму (если брать «Лествицу» 1387 г. за образец), не автограф. Что некогда существовал написанный рукой К., а возможно и переведенный им Требник, показывает заголовок распорядка службы священника и дьякона: «Устав божественных служб. Творение Филофея патриарха Цариграда. Списажесе се смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном» (например, в рукописи конца XV в. ГИМ, Синод. собр., № 376 (268)).

По традиции К. приписывались также Псалтирь с воследованием (ГБЛ, собр. МДА фонд., № 142) и *Корпус сочинений Дионисия Ареопагита* (ГБЛ, собр. МДА фонд., № 144). В Псалтири написано, что она «митрополита Киприанова писма». По обе эти рукописи автографами К. не являются.

Судя по записям в сохранившихся списках, к Молитвеннику К. восходит Сказание об отреченных книгах (см. *Списки отреченных книг*).

Переводом К. может являться «Последование, творимо часовом на праздницы господския пред днем Рождества Христова», к названию которого сделано примечание: «Сницево приахом певомо в святейшей Великой церкви Божия Премудрости» (содержится в пергаменной рукописи Харьковской государственной

научной библиотеки, № 816281, Минея декабрьская, служебная, где находится также древнейший список созданной К. Службы митрополиту Петру, в том числе Житие).

При К. в русскую практику входит Учительное Евангелие (сборник воскресных и праздничных поучений) в редакции патриарха Филофея и Иерусалимский (или монастыря Саввы Освященного) богослужебный устав, со временем вытеснивший Студийский устав. А. А. Турилов (Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978, с. 43) считает вероятным, что К. привез в Москву Стишную Пролог, переведенный с греческого Сипаксаря в Сербии в XIV в. Грамоты К. новгородскому архиепископу Иоанну, в Псков, псковичам об отмене грамоты Дионисия Суздальского, псковскому духовенству включены в XVI в. в июльскую книгу ВМЧ (Синодальный список № 182 и Успенский список № 996); Доночная грамота великого князя и К. — там же под 31 августа.

При К. активизировались монастырская колонизация русского Севера, церковное строительство и расписывание церквей на Руси. На его время приходится русский период творчества Феофана Грека и начало творческого пути Андрея Рублева. При К. же была проведена реформа и некоторая унификация русского церковного пения и музыкальной нотации. С ним связывают также переход Руси с «мартовского» года на «сентябрьский».

Послания К. издавались А. С. Павловым, в т. 6 РИБ, М. Н. Тихомировым, в ПЛДР; новое издание их осуществлено в кн. Г. М. Прохорова. «Ответы» Афанасию напечатаны в т. 1 АИ и в т. 6 РИБ. Грамоты митрополита К. опубликованы в следующих изданиях: Заемная Николаву Нотаре 8 сентября 1389 г. — АИ, т. 1, № 252, с. 473—474; Уставная грамота Цареконстантиновскому монастырю — ААЭ, т. 1, № 11, с. 6—7; Акты Феодального Землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, т. 1, № 201, с. 179—180; Памятники русского права. М., 1955, вып. 3, с. 423—425, 436—438, 458—459; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964, т. 3, № 5, с. 16—17; Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича и К. — Памятники русского права, вып. 3, с. 421—423, 432—438, 458; Акты социально-экономической истории, т. 3, № 6, с. 18—20; Грамота новгородскому архиепископу Иоанну о неприкосновенности церковных судов и вотчин — АИ, т. 1, № 7, с. 16; РИБ, т. 6, № 26, стб. 229—232; в Псков о том же — АИ, т. 1, № 9, с. 18; РИБ, т. 6, № 27, стб. 231—234; Грамота псковичам об отмене уставной грамоты — АИ, т. 1, № 10, с. 18; РИБ, т. 6, № 28, стб. 233—236; новгородскому духовенству — АИ, т. 1, № 11, с. 19; РИБ, т. 6, № 29, стб. 235—238; псковскому духовенству — АИ, т. 1, № 8, с. 17; РИБ, т. 6, № 30, стб. 239—242; Владимирскому Рождественскому монастырю — Акты социально-экономической истории. . . , т. 3, № 86, с. 117—118; Сборник уставов —

ПСРЛ. Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 91; СПб., 1853, т. 6, с. 57—86 «Правосудье митрополичье» — Акты социально-экономической истории. . ., т. 3, № 8, с. 22—25; Грамота вдове Феодосье — АИ, т. 1, № 255, с. 484; РИБ, т. 6, № 31, стб. 241—244; Духовная грамота — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, СПб., 1857, т. 1, с. 544; В а р л а а м, архим. Описание сборника XV ст. Кирилло-Белозерского монастыря, с. 48; ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, вып. 2, с. 400—404; СПб., 1851, т. 5, с. 254—256; СПб., 1897, т. 11, с. 195—197; ПСРЛ, СПб., 1908, т. 21, ч. 1, с. 441—443.

Над.: ААЭ, т. 1, № 11; АИ, т. 1, № 7—11, 252—253, 255; В а р л а а м, архим. Описание сборника XV в. Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. П. отд. имп. АН, 1859, кн. 5, с. 49—50; Послания всероссийского митрополита Кириана, доселе еще не изданные / Публ. А. С. Павлова // ПС, 1860, ч. 2, с. 75—106; Б у с л а е в Ф. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861, стб. 135—138; Повинное послание Дионисия, архиепископа суздальского, к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому 1383 г. / Изд. А. С. Павлова // ПС, 1866, ч. 1, с. 239—250; РИБ. СПб., 1880, т. 6, № 26, 28—32; М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, прилож. 26, с. 373—377; ВМЧ, декабрь, дни 18—23, М., 1907, стб. 1620—1646; ПСРЛ. СПб., 1897, т. 11, с. 195—197; Л., 1925, т. 4, вып. 2, с. 400—404; СПб., 1908, т. 21, ч. 1, с. 320—332, 441—443; А н г е л о в В. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 159—176; Т и х о м и р о в М. Н. Малоизвестные памятники. 2. Киевские князья XI столетия в посланиях о повинных // ТОДРЛ. М.; Л., 1960, т. 16, с. 545—556; Д о н ч е в а - П а н а й о т о в а Н. Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Кириан Цамблак // Старобългарска литература. Кн. 2. Българско-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977, с. 136—155; Прохоров Г. М. 1) Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978; 2) Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1983, т. 37, с. 286—304; ИЛДР. XIV—сер. XV в. М., 1981, с. 430—443, 579—581.

Лит.: Т а т и щ е в В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1784, кн. 4, с. 424; К а л а й д о в и ч К. Об ученых трудах митрополита Кириана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // Вестн. Европы, 1813, ч. 72, с. 207—224; Г о р с к и й А. В. Св. Кириан, митрополит Киевский и всея Руси // Прибавл. к творениям святых отцов в VI ч. М., 1848, с. 295—369; ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 254—256; СПб., 1859, т. 8, с. 78—80; Пгр., 1922, т. 15, в. 1, с. 124—131; Пгр., 1921, т. 24, с. 171—172; т. 25, с. 234—236; Ш е в ц е в Ст. История русской словесности. М., 1858, ч. 3, с. 169—187; Кириан, всероссийский митрополит, и великий князь Дмитрий Донской // ПС, 1862, ч. 1, с. 3—11; Правила архимандрита Кириана (Обзор посланий) // Там же, 1865, ч. 2, с. 9—34; А. Л.-д [Л е о н и д К а в е л и н]. 1) Кириан до востшествия на Московскую митрополию // ЧОИДР. 1867, кн. 2, отд. 1, с. 11—32; 2) Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Кирияну // Чтения Моск. ун-в., 1872, т. 1, с. 000; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития, с. 74—77; 82—88; 124—126; 209, 319; А м ф и н о х и й, архим. 1) Что внес Кириан, митрополит Киевский и всея России, а потом Московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? // Тр. III Археол. съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г., Киев, 1878, т. 2, с. 236—251; 2) Справедлив ли упрек монаха Шлы Курлятевых о том, что митрополит Кириан по гречески гораздо не разумел, и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтыри? // Тр. IV Археол. съезда в России. Казань, 1891, т. 2, отд. 6, с. 1—6; Б а р с у к о в. Источники агиографии, стб. 287—289; С т р о е в. Словарь, с. 165—170; М а н е в е т о в И. Д. 1) Митрополит Кириан в его литургической деятельности. М., 1881 (репр.: П о м я л о в-

ский И. — ЖМНП, 1883, май, с. 108—109); 2) О трудах митрополита Киприана по части богослужения // Прибавл. к творениям святых отцов. 1882, кн. 1, ч. 1, с. 152—205; кн. 2, с. 413—495; кн. 3, с. 71—175; 3) Церковный устав. М., 1885, с. 270—271; Барсов Е. По поводу сочинений проф. Моск. Дух. ак. И. Д. Мансветова «Митрополит Киприан в его литургической деятельности». М., 1882 // ЧОИДР, 1882, кн. 3, отд. 5, с. 57—61; Филарет. Обзор, с. 86—93; Макарий. 1) История русской церкви, СПб., 1886, т. 4, с. 59—86; СПб., 1886, т. 5, с. 186—197; Глубоковский Н. П. 1) Св. Киприан, митрополит всея России (1374—1406), как писатель // ЧОИДР, 1892, февраль, с. 358—424; 2) РБС, т. 8 (Ибак—Ключаров). СПб., 1897, с. 636—644; 3) Киприан // ПБЭ. СПб., 1909, т. 10, стб. 41—60; Афонский Патерик, т. 2, 7-е изд. М., 1897, с. 169; Сырку П. К истории писания книг в Болгарии в XIV в., т. 1, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, с. 353, 403—404, 375—576; Голубинский И. 1) История церкви, М., 1900, т. 2, 1-я пол., с. 210—260, 297—356; 2) История канонизации, с. 191—194, 559—560; Орлов М. И. Литургия св. Василия Великого. СПб., 1909, с. II—X; Соколов П. Русский архиепископ в Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 420—563; Вальденберг В. Древнерусское учение о пределах царской власти. Игр., 1916, с. 145—157; Пресняков А. Образование великорусского государства // ИЗВ. Игр., 1920, вып. 30, с. 108—379 (и отдельное издание: Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Игр., 1920); Попруженко М. Г. Синодик цари Бориса. София, 1928, с. ХCVIII—СIX; Присялков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 128—140; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 296—297; Киселков В. Сл. Проуки и очерки по старобългарска литература. София, 1956, с. 213—230; Ивапов Й. Българското книжовно влияние в Россия при митрополит Киприан (1375—1406) // Изв. на Ин-та за българска литература. София, 1958, кн. 6, с. 25—79; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 333—339; Снегаров И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961, с. 260—269; Таχάρος 'Α. 'Α. 1) 'Ο μητροπολίτης 'Ρωσίας Κυπριανός Τσαμβλάχ. / 'Επιστημονική 'Επετηρίς Θεολογικής Σχολής. Θεσσαλονίκη, 1961, т. 6, с. 163—241; 2) 'Επιγράσεις τοῦ ἱεροῦ αὐτοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν 'Ρωσίᾳ. 1328—1406. Θεσσαλονίκη, 1962, с. 61—153; Мопин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963, т. 19, с. 104—106; Дмитриев Л. А. 1) Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К истории русско-болгарских литературных связей XIV—XV вв.) // Там же, с. 215—254; 2) Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской школы // Учение и последователи на Евфимий Тырновски: Втори международен симпозиум. Велико Тырново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 64—70; Михайлов Е. Митрополит Киприан // Бележити българи, София, 1967, т. 1, с. 531—546; Вздорово Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968, т. 23, с. 173—174, 182, 189; Nolthusen J. Neues zur Erklärung des Nadgrabnoe Slovo von Grigorij Camblak auf den Moskauer Mitropolitent Kiprian // Slawistischen Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 372—382; Греков Н. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Оболенский D. 1) The Byzantine Commonwealth. New York; Washington, 1971, p. 263—264; 342—343; 2) Late Byzantine Culture and the Slavs: A Study in Acculturation // XV Congress international d'études byzantines: Rapports et co-rapports. Athens, 1976, p. 8—26; 3) A Philoorthomaios anthropos: Mitropolitan Cyprian of Kiev and all Russia // Dumbarton Oaks Papers, Washington, 1979, vol. 32; Прохоров Г. М. 1) К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 140—148; 2) Летописная повесть о Митяе // Там же.

Л., 1976, т. 30, с. 238—254; 3) «Летописец Великий Русьский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники 1976. М., 1976, с. 67—78; 4) Избыточные материалы Рогожского летописца // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 185—203; 5) Летописные подборки рукописи ГИБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977, т. 32, с. 165—198; 6) Центральнорусское летописание второй половины XIV в.: (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // Вспомогат. ист. дисциплины. Л., 1978, т. 10, с. 159—181; 7) Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник за 1978 г. Л., 1979, с. 17—30; 8) Поэтическое приложение к Духовной грамоте митр. Киприана и др. ритмизованные тексты // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986, с. 182—214; 9) Киприан // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 39, с. 53—71 (совм. с П. Ф. Дробленковой); Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; Дончева-Панайотова Н. А. 1) Образът на Кириан в Похвалното слово за него от Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. 1371—1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 11—14 октябрия 1971 г. София, 1974, с. 501—509; 2) Търновската книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV в. Кириан и Григорий Цамблак. Автореф. на дис. за присъждане на научн. ст. канд. на филол. н. Велико Търново, 1974. 32 с.; 3) Неизвестно «Похвално слово за Петър» от Кириан // Литературна мисъл. София, 1975, кн. 1, с. 98—101; 4) Кириановото «Похвално слово за Петър» в българска и руската панегирична традиция // Език и литература. София, 1977, кн. 2, с. 30—43; 5) По въпроса за родство между митрополит Кириан и Григорий Цамблак // Старобългарска литература, София, 1978, кн. 3, с. 77—85; 6) Цикл произведения за митрополит Петър от Кириан // Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски, Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976, София, 1980, с. 143—155; 7) Кириан, старобългарски и староруски книжовник. София, 1981; Talev I. Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia // Slavistische Beiträge. München, 1973, Bd 67, S. 82—93; Мейендорф П. Ф. 1) О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 29, с. 291—305; 2) Byzantium and the Rise of Russia. A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century. Cambridge Univ. Press, 1981, p. 200—260; Борисов П. С. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Кириана // Вестн. МГУ, 1975, № 6, с. 58—72; Lovine M. S. Metropolitan Kiprian and the Orthodox Slav Revival. — In: Bulgaria: Past and Present: Studies in History, Literature, Economics, Music, Sociology, Folclore and Linguistics / Ed. by Thames Butlev. Columbus, Ohio, 1976, p. 261—266; Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Кириана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Търновского // Търновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 282—292; Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакциях исаятирного текста на Руси (XIV—XV вв.) // Старобългаристика, № 4, 1981, с. 9—85; Бетин Л. В. Митрополит Кириан и Феофан Грек // Études balkaniques. Sofia, 1977, t. 1, p. 109—115; Каган М. Д. Чудо митрополита Кириана (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина) // ТОДРЛ. Л., т. 36, 1981, с. 234—238; Alistandratos J. The Structure of Gregory Camblak's Eulogy of Cyprian // Palaeobulgarica, t. 6. 1982, p. 45—58.

Н. Ф. Дробленкова (библиография), Г. М. Прохоров

Кирил Белозерский (в миру **Козма**) (1337—1427) — основатель и игумен Кирилло-Белозерского Успенского монастыря (1397 г.), автор трех посланий трем братьям-князьям, сыновьям Дмитрия Донского, духовного завещания, нескольких кущих и,

возможно, нескольких духовно-поэтических текстов, владлец древнейшей дошедшей до нас русской личной библиотеки. О жизни К. известно немного — главным образом из его Жития, написанного со слов его учеников во второй половине XV в. *Пахомием Сербом*. Родился К. в Москве у «благородных и благочестивых родителей», в детстве был обучен грамоте, учился хорошо. После смерти родителей воспитывался, служба казначеем в доме своего «сродника», Тимофея Васильевича Вельяминова, принадлежавшего к одному из самых знатных московских родов, бывшего окольничим при дворе великого князя Дмитрия Ивановича. В возрасте от 33 до 43 лет К. против воли Тимофея Васильевича постригся в монахи и стал иноком незадолго до того основанного (ок. 1370 г.) Симонова монастыря. Игумен Симоновский *Феодор* отдал К. в послушание старцу Михаилу (в дальнейшем это — епископ Смоленский, заказчик знаменитой Киевской Псалтири), определил на работу в монастырской хлебне и поварне и иногда поручал ему писать книги. Прикидываясь глуповатым, К. юродствовал, но был правильно оценен Сергием Радонежским, дядей игумена. Когда Феодор Симоновский стал архиепископом Ростовским (1390 г.), К. был возведен на его место, однако скоро управление монастырем предпочел созерцательное «безмолвие». В 1397 г. с иноком Ферапонтом, постриженником того же Симонова монастыря, уже бывавшим по хозяйственным делам на Севере, он ушел из Москвы и поселился в пещере на берегу Сиверского озера в Белозерском крае. Ферапонт скоро его покинул, но со временем у К. появились ученики и образовался Кирилло-Белозерский монастырь. В год смерти К. братия монастыря насчитывала 53 человека.

Сохранились, но сейчас разрознены (часть в ГИИ, часть в Гос. Русском музее, часть в Кирилловском историко-художественном музее-заповеднике, одна — в Гос. ист. музее в Москве) двенадцать книг из личной келейной библиотеки К.: два Евангелия, Псалтирь, три Канонника, Лествица с Аввой Дорофеем, Святцы и четыре четых сборника. Все они, за исключением двух, невелики по размеру (в восьмую и одна в шестнадцатую долю листа); написаны разными почерками — видимо, частью самим К., частью его учениками; по оформлению скромны, украшены по большей части самими писцами в несколько архаическом для того времени тератологическом стиле. Сборники носят «энциклопедический» характер и несомненно послужили образцом для многих сборников книгописца Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV в. *Ефросина*. В одной из этих книг находится древнейшая на славянском языке подборка выписок по естествознанию, восходящая к созданному в XI в. Евстратием Никейским греческому оригиналу, и там же — диетические рекомендации на разные времена года и руководства по практической медицине с применением метода флеботомии.

В Послании великому князю Василию Дмитриевичу (1399—1402 гг.), написанном в ответ на просьбу князя «Бога умолити»

о его грехах, «Кирило чернчицо многогрешный с своею братийцею» благодарит князя за милости, говорит об ответственности, связанной с княжеской властью («Аще кто от бояр согрешит, не творит всем людем пакость, но токмо себе едипому, аще ли же сам князь, — всем людем иже под ним сотворяет вред»), о «крокопролитии великом», чинимом крестьянам из-за вражды великого князя со «срдниками» его, князьями Суздальскими, просит его показать к тем «любовь и жалование», чтобы те «не погибли в заблуждени в Татарских странах да тамо бы не скончались».

В Послании Андрею Дмитриевичу Можайскому, тоже ответном, К. благодарит и его за «великую и довольную милостыню», вспоминает то, о чем написал ему князь, — чудо Богородицы, избавившей «крестьянский род от нашествия цюплеменных враг» (очевидно, имеется в виду избавление от нашествия Тимура), и напоминает князю о его долге унимать людей «от лихого обычая» — следить за тем, чтобы судьи судили праведно, не брали взяток, чтобы не было «поклепов» и анонимных доносов («подметов»), корчмы в его вотчине («крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут»), а также ростовщичества, разбоя, сквернословия, советует князю не лениться самому разбирать людские дела: «то, господине, — пишет К., — выше тебе от Бога вменится и молитвы и поста», — воздерживаться от «упивания», давать поильную милостыню («понеже, господине, поститись не можете, а молитися ленитесь»), ходить в церковь и стоять там «с страхом и трепетом, помышляюще себе аки на небеси стояще», не разговаривая и не позволяя беседовать другим.

Послание князю Георгию Дмитриевичу Звенигородскому является, как следует из его текста, по крайней мере вторым его к нему посланием и ответным на послание великого князя, из которого К. узнал о болезни княгини. К. советует князю присмотреться к себе и, обнаружив какой-нибудь тайный недостаток, исправиться. Бог тогда «княгиню здраву сътворит», а если она умрет, то значит он решил «упокоити ю от маловременныя сея и болезненныя жизни» и князь не должен об этом скорбеть. Но К. надеется, что этого не произойдет, потому что князь не забывает и «часто призирает довольными своими милостынями» их, «пищих», «в пустом сем месте събравшихся». К. резко возражает против желания князя приехать повидаться с ним, боясь вреда себе «от похвалы человеческия» («понеже твоя вотчины в сей стране нет, и только ты, господине, поедешь семо, ино вси человеци начнут глаголати: „Кирила дея токмо поехал“»), и грозит в противном случае, «покиня монастырь», «ступит прочь, куды Бог наставит». Из этого послания известно, что в монастырь приезжал князь Андрей, но его приезд был для К. естественным: «Был, господине, здесе брат твой, князь Андрей. Ино, господине, его вотчина; и нам пришла нужда: нельзе нам ему, своему господину, челом не ударити. А ты, господине, Бога ради не учини того, что ти к нам ехати».

Уцелела подлинная, написанная на свитке с остатками шнура, к которому подвешивалась печать, Духовная грамота К. (хранится в Кирилловском историко-художественном музее-заповеднике). В первой ее части, текст которой ритмизован, К. делает дословное заимствование из Духовной грамоты митрополита *Киприана* (лишь на месте слов «Киприан митрополит» стоят слова «Кирило игумен») и парафраз 54-го псалма. В этом вступлении речь идет о том, что автора постигла старость, что он впадает в частые и различные болезни, которые предвещают ему смерть, что на него напал страх и покрыла его «тьма недоумения», но что он полагается на волю Господа, который хочет «всем человеком спастися». В основной, деловой части грамоты К. передает свой монастырь, «труд свой и свое братьи», под покровительство великого князя Андрея Дмитриевича и под управление священноинокка *Иннокентия*. Обращаясь к князю, К. просит, чтобы все пожалования того монастырю, закрепленные соответствующими грамотами, были «неподвижны» — чтобы монахам было чем «боронитися противу обидящих», и чтобы всех, кто не станет жить по его правилам, «а игумена не иметь слушати», высылали бы из монастыря.

С некоторой долей предположительности К. приписывается также небольшое «Поучение старца Кирила в неделю сырную по трапезе», где говорится о необходимости «памяти смертной», т. е. о неизбежности смерти, и о значении поста как времени покаяния и очищения от грехов. Начинается это поучение словами «От старчества», а вся вторая часть представляет собой сокращение Слова на неделю мясопустную, известного с именем Иоанна Златоуста. Существует также (в рук. ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/4086, л. 225—226) краткая выписка «Из устава Кирилова».

Сохранились двадцать пять грамот К. как игумена монастыря, связанных с различными земельными приобретениями (напечатаны в «Актах социально-экономической истории. . .»). Древнейшая из них (по-видимому, до 1408 г.) — о покупке деревни Мигачевской за полтора рубля у чернеца Ферапонта «с подельми и з Городищом». В другой купчей говорится о покупке «у Нестерка у Мямли», «доложа Есица Ивановичь, тиуна княжь Юрьева Васильевича», деревни за «три рубли и сорок бел, да овцу». Кроме того, известно двадцать «данных» и жалованных грамот от разных лиц К.

Возможно, К. составлены некоторые встречающиеся в его Сборниках небольшие ритмизованные поучения — размышления над какими-то фразами Писания, а также предостережения в его Пасхалии под 6936 (1427—1428) и 6967 (1458—1459) гг. («Блюдете убо, о братье, известно и разумно: зде нужда» и «Зде страх, зде скръбь, зде беда велика. . .»). Первое из этих предостережений может быть поставлено в связь с рассказом Жития К. о его пророчестве, что после его смерти многие из его братии последуют за ним. Вероятно также, что самим К. составлена содержащаяся

в одном из сборников подборка «Правил святых апостол и святых отец», касающаяся главным образом бытовых отношений мирян.

Изд.: Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археограф. ком. СПб., 1838, с. 119, № 72, АИ, т. 1, с. 21—22, 24—26, 55—56, 61—62, № 12, 16, 27, 32; Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности: Поучение старца Кирилла в неделю сырную // НОРЯС ИАН. СПб., 1897, т. 2, с. 74—77 и СОРЯС, СПб., 1907, т. 82, № 4, с. 153—156; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1958, т. 2. № 2—7, 10—22, 311—314; Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЗ, М., 1981, т. 36, с. 50—70; Прохоров Г. М., Розов П. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // Там же, с. 353—378.

Лит.: Шевырев С. Посадка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 г. М., 1850, ч. 2, с. 14—25; Варлаам, архим. 1) Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // ЧОИДР, 1859, кн. 3, с. 1—104; 2) Описание рукописей собственной библиотеки Кирилла Белозерского // Там же, 1860, кн. 2, отд. 3, с. 5—68; Макарий. История русской церкви. СПб., 1886, т. 5, с. 230—234; Тюмев И. Ф. Пятидесятлетие Кирилла-Белозерского монастыря // Исторический вестник, 1897, № 7, с. 120—138; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // РФВ, 1902, № 1—2, с. 36—37; Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XIV и XVI вв. и в начале XVII-го // Христ. чт., 1907, ч. 2, с. 156—163; Ефимов П. Пренеподобный Кирилл Белозерский и его послания. Симбирск, 1913; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, с. 166—169; Копанев А. И. История землеведения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951; Лурье Я. С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982, с. 147—152.

Г. М. Прохоров

Колодыцкий Андрей (XVI в.) — дьякон, выходец из Витебска, вероятный автор апокрифического памятника «Письма половца Смеры царю Владимиру Киевскому». Имя К. как человека, нашедшего и переведшего с русского языка на польский письмо Смеры, приводится в сочинении известного протестанта-антикритика Кристофора Сапда «Nucleus historiae ecclesiasticae», опубликованном в Амстердаме и Кельпе в 1669—1675 гг., вместе с латинским переводом «Письма Смеры». По вероятному предположению И. Малышевского, К. идентичен с упомянутым в послании Артемия Симоу Будному русским сочинителем (антикритиком) Козмой-Андреем: «... И се товарищ ваш Козма, егоже вы нарекаете Андрея, в Витебску ясно объявил нынешния ереси проповедани, не треба глаголя Троицу имевати... И лист показал тот Козма, яко от вашей сомнища послан з Вильна...». Таким образом, Козма-Андрей, пустивший в ход «Письмо Смеры», принадлежал, очевидно, к кругу последователей русского еретика сочинителя Феодосия Косого.

Легендарное письмо Смеры, сохранившееся только в латинском переводе с польского, но имевшее русский оригинал, представляет собой характерный для XVI в. публицистический памятник, облеченный в форму исторической легенды. Такой же

характер имело, например, популярное в XVI в. *Сказание о князьях Владимирских*. Письмо Смеры было написано якобы в X в., еще до принятия Владимиром христианства. Царь Владимир отправил Смеру «в страны греческие для изучения веры и нравов» (явный отголосок летописного рассказа о выборе веры). В «знаменитой империи Греческой» Смера напел, по его словам, «божницы, построенные роскошно, и людей, нравами похожих на аспидов и василисков». Но наряду с этим он обнаружил в Греческой империи также «немало молитвенных домов христианских, в которых нет никаких идолов, а только столы и скамьи» — т. е. подобие будущих протестантских (социнианских) молитвенных домов. Эти «честные и благочестивые люди» почитают Евангелие и Апостол, они признают Христа Сыном Божиим; греки преследуют их. «Но я знаю, что последнее поколение блистательно освободит себя от всего этого. . . Погибнут надменные греки в вечном огне, да и те, которые приняли их нравы, суть также бесчестны, бесславны, лжецы, достойные отвращения. Сказано мне, царь, господин мой, что ты и твой род будете такими же. . . Поэтому последнее поколение этих людей осудит их. . . Итак, царь, не должно тебе принимать обычаев и веры греческой (и римской). Если же ты примешь ее, то я никогда к тебе не возвращусь, но здесь усну смертью и буду ждать суда Сына Божия».

В письме указывается, что автор писал его «железными буквами, вырезав на двенадцати медных досках». В связи с этим некоторые авторы склонны были рассматривать Послание Смеры как подлинный памятник — свидетельство о существовании русского книгопечатания в X в. Однако этот взгляд был справедливо отвергнут историками, начиная уже с П. М. Карамзина.

Изд.: Ch. Sandii Nucleus historiae ecclesiasticae: Appendix. Amstelodami, 1675, p. 61—65; Andreae Wengerscii libri quatuor Slavonicae reformatae. Amstelodami, 1679, p. 499—502, М а л ы ш е в с к и й Ив. Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру святому // Тр. Киев. дух. акад., 1876, т. 2, с. 472—553; т. 3, с. 141—233.

Лит.: К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1842, кн. 1, стб. 120—121, примеч. 447; К л и б а н о в А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 273; Л и х а ч е в Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 329, примеч. 137; П е м и р о в с к и й Е. Л., Горбачевский Б. С. С книгой через века в страны. М., 1964, с. 42—44.

Я. С. Лурье

Корнилий (ум. 1570 г.) — игумен Псково-Печерского монастыря, автор редакции 1531 г. *Повести о Псково-Печерском монастыре*, предполагаемый автор или редактор *Летописи Псковской III*.

Биографические сведения о К. немногочисленны. По свидетельству редакции Повести о Псково-Печерском монастыре, составленной в конце XVI в., К. пришел в монастырь после 1523 г., в 1529 (7037) г. был поставлен игуменом и возглавлял монастырь 41 год и два месяца. К. стал игуменом, будучи очень молодым

человеком, 27—28 лет. Поставление в игумены в таком молодом возрасте — явление исключительное. Ученые по-разному пытаются его объяснить — происхождением, авторитетностью К. (Н. Н. Масленникова), его прomosковскими взглядами (Н. Андреев).

При К. монастырь перестраивается и расширяется, превращается в один из самых крупных и значительных монастырей в Пскове. В годы игуменства К. была выстроена церковь Одигитрии на Печерском подворье в Пскове (1538 г.), в окрестностях монастыря — Троицкая церковь в Агиреве и церковь Рождества Христова в Топике, в самом же монастыре — Благовещенская церковь (1541 г.) и Никольская надвратная церковь (1565 г.), с 1558 по 1565 гг. вокруг монастыря была возведена каменная крестовая стена с девятью башнями и тремя воротами, превратившая монастырь в настоящую крепость. Современники отмечали высокие нравственные качества К. С почтительностью отзывался о нем А. М. Курбский: «муж святой и во преподобию мног и славен: бо от младости своей во мнишеских трудах провозсиял» (РИБ, СПб., 1914, т. 31, стб. 359); с уважением писал о его начитанности новгородский архиепископ Феодосий: «зане же, сыну, сам Божественное писание в конец веси» (ДАИ, т. 1, № 35, с. 36). К. занимал одно из первых мест среди псковского духовенства. В 1558 г. во время Ливонского похода Ивана Грозного К. вместе с юрьевским архимандритом и протопопом псковского Троицкого собора перенес из Ругодива в Новгород чудотворные иконы, уцелевшие при пожаре города (ПШЛ, статья 7066 г. — Псковские летописи, вып. 2, с. 234). Под 1560 г. К. упоминается в известии о взятии г. Вельяна: К. послал русскому войску священника со святой водой, в ту же ночь город загорелся и был взят, вельяпский колокол был прислан в монастырь (ПШЛ, статья 7068 г. — Псковские летописи, вып. 2, с. 239). В 1570 г. К. во главе псковского духовенства встречал Ивана Грозного во время его приезда в Псков и служил молебен в Троицком соборе (ПШЛ, список Оболенского, статья 7077 г. — Псковские летописи, вып. 1, с. 116). В том же году, по словам Повести о Псково-Печерском монастыре конца XVI в., «в год зимы, в лето 7078-е, февраля в 20-й день» К. был казнен «земным царем», «от тленнаго сего жития земным царем был предпослан к небесному царю в вечное жилище» (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 399, л. 16 об.). В царском синодике с имени К. начинается перечень казненных Иваном Грозным псковичей (см.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Вопросы истории СССР XVI—XVIII вв. Л., 1965 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278), с. 53, 79). Вместе с К. был казнен его ученик и сподвижник Вассиан Муромцев. О причинах казни К. высказывались разные мнения. Существование разных точек зрения связано с тем, что отсутствуя определенные свидетельства о взглядах и убеждениях К. Из дошедшего до нас послания архиепископа новгородского Феодосия (ДАИ, т. 1, № 35, с. 36) можно заключить, что К. был строг с нарушителями монастыр-

ского устава. Он подверг изгнанию старца Савватия, несмотря на его раскаяние и просьбы о прощении; из послания Феодосия, к сожалению, не совсем ясно, о каком именно проступке идет речь. Исследователи расходятся в мнении о том, к какой из церковно-политических партий — стяжателей или нестяжателей — принадлежал К. П. Н. Масленникова считает К. представителем нестяжателей и связывает его деятельность с боярской оппозицией в Искове; ее взгляды разделяют Я. С. Лурье, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин и др. Убедительные возражения против отношения К. к партии нестяжателей содержатся в работах Н. Андреева, который полагает, что вся деятельность Псковско-Печерского игумена, направленная на укрепление монастыря и расширение его владений, противоречит принципам нестяжателей.

Освещая причины казни К., ученые, как правило, обращаются к истории взаимоотношений Андрея Курбского с Псково-Печерским монастырем. Известны три послания А. Курбского в Псково-Печерский монастырь, написанные в 1563—1564 гг., до и после побега в Литву (см.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 99—116). Первое послание Курбского адресовано «некому старцу», два других — Вассиану Муромцеву, единомышленнику К., они и служили свидетельством того, что печерское монашество разделяло взгляды опального вельможи. Первое послание Курбского посвящено в основном догматическим вопросам. Второе — содержит в себе политическую программу, оппозиционную по отношению к власти Ивана Грозного. Курбский гневно осуждает церковные власти; подкупленные богатством, они стали послушными угодниками властей и не способны обличить жестокость и кровопролития царя. Третье послание Курбского, написанное и отправленное уже из Литвы приблизительно в то же время, что и первое послание к Ивану Грозному, доказывает, что надежды Курбского на поддержку псково-печерских монахов не оправдались. Курбский жалуется на то, что не нашел помощи и заступничества у печерских старцев и стал жертвой их наветов, упрекает их за отказ предоставить денежную ссуду. Третье послание позволяет утверждать, что старцы порвали всякие сношения с государственным изменником. По мнению Р. Г. Скрынникова, написанная Курбским тотчас после бегства записка в Юрьев с просьбой достать из тайника на воеводском дворе в Юрьеве писание, заключавшее в себе «дело государево», касается второго послания Курбского в Псково-Печерский монастырь. Курбский заклинает доставить это послание либо царю, либо в Псково-Печерский монастырь. Курбский понимал, что при сложившихся отношениях его послание, попав в Псково-Печерский монастырь, дойдет и до царя. Таким образом, взаимоотношения Псково-Печерских старцев с Курбским также не дают ясных представлений о политических взглядах иноков и не позволяют делать определенных выводов об антимосковских и антицарских настроен-

ниях игумена К. Для более точной характеристики политических взглядов К. необходимы новые исследования.

Мало изучена и литературная деятельность К. Во многих списках Повести о Псково-Печерском монастыре имеется запись о том, что она была составлена в 1531 г.: «Написана же бысть сия повесть в лето 7039, при дръжаве государя великого князя Василиа Ивановича всеа Руси и при архиепископе великого Новогграда и Пскова владыке Макарии»; в некоторых списках читается продолжение этой записи: «А писал сию повесть Корнилей, игумен пещеры Сивонския, еже есть во Пскове, того же монастыря Богородицына». Далее К. обращается к некоему лицу, по инициативе которого он и принялся за свой труд, благодарит его за «понужение» и сообщает дополнительные сведения о размерах и положении Успенской церкви и пещер (ГПБ, собр. Погодина, № 1553, л. 186 об.—191). Повесть в редакции К. рассказывает об открытии пещер, возникновении монастыря, первом инокке Ионе, строительстве «ветхого» монастыря при Мисаиле; сообщает о помощи монастырю дьяка *Мисюря Мунехина*, деятельности игуменов Дорофея и Герасима, содержит описание чудес. Задачи своего труда К. видит в достоверном и точном описании начальных событий монастырской жизни, ибо о происхождении монастыря и жизни первого его инокка ходили разные толки. Для К. характерна строгость в отборе материала; опираясь в основном на устные источники (рассказы монастырских старцев, инокка Патермуфия, изборянина Селиши и др.), К. относится к ним критически, используя только то, что заслуживало полного доверия. Так, К. не включил в Повесть рассказы о Марке, первом из пещерских старцев, так как они показались ему невероятными. Строга и манера повествования К., и форма его произведения. К. ведет рассказ сжато и просто, не украшая его риторическими оборотами, не стремится поразить читателей обилием цитат и сложностью стиля. История текста Повести о Псково-Печерском монастыре, изданной П. И. Серебрянским, не освещалась в специальных работах; чтобы решить вопрос о том, какие из текстов Повести ближе к авторской редакции, почему в одних списках Повести упоминается имя К. как ее «писателя», а в других нет, необходимы дополнительные разыскания.

Кроме Повести о Псково-Печерском монастыре с именем К. связывают и составление летописного свода. У Карамзина есть указание на то, что ему был известен краткий летописец, в котором после сообщения о смерти К. читалось: «и его писания обретены, яко в то время бысть мятеж и пестроение в Российской земле, и разделение царству, и крамола, и смерть, и людям преселения, и именовию отъятие, и пожары великие по градам, и мор и глад, и нашествия иноплемениных» (К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 9, примеч. 485, с. 103—104). Повесть о Псково-Печерском монастыре в редакции конца XVI в. также содержит свидетельство о «книзе летописания», составленной К. Рассказывая о нашествии Стефана Батория

на Псков, автор Повести добавляет: «о сем же за 14 лет прежде помянутый игумен Корнилий свидетельствует в книге летописания сице поведая»; далее следует описание видения печерскими старцами, стоящими у Черехского моста «ради мора», множества вооруженных людей, идущих к Пскову (ЦГАДА, ф. 181, № 399, л. 20 об.—21). Сходный текст видения читается в статье 7076 г. в Строевском списке IIII J. Как полагает А. Н. Насонов, Строевский список и есть та самая «книга летописания», которая была составлена если не самим К., то под его руководством. Свод 1567 г., сохранившийся в Строевском списке, принято считать после исследований А. Н. Насонова сводом игумена К. По мнению А. Н. Насонова, свод 1567 г. враждебен власти великого царя Московского.

Изд.: Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908, Приложение, с. 547—552; Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, вып. 2, с. 78—250.

Лит.: Никитский А. Очерки внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 704—705; Петухов Е. В. О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря XVI и XVII вв. // Тр. X Археол. съезда в Риге. М., 1899, т. 1, с. 256—263; Насонов А. Н. 1) О списках псковских летописей // Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941, вып. 1, с. XXIX—XXXXVII; 2) Из истории псковского летописания // ИЗ, 1946, т. 18, с. 55—294; Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 472—473; Малеин И. К. 1) Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1951, т. 8, с. 187—217; 2) Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 167—178; Скрынников Р. Г. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 99—116; 2) Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Вопр. ист. СССР, XVI—XVIII вв. Л., 1965 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278), с. 22—86; 3) Начало опричнины. Л., 1966 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 294), с. 34, 399, 382—383; 4) Опричный террор. Л., 1969 (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 374), с. 58—61; 3 и м и п А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 72—74, 302; Andreyev N. Studies in Muscovy. Western Influence in Byzantine Inheritance. London, 1970, N 7 (The Pskov-Pechery Monastery in the 16th Century), 8 (Kurb'sky's Letters to Vas'yan Muromtsev), 9 (Was the Pskov-Pechery Monastery a Citadel of the Non-Possessors?).

В. И. Озотникова

Корнилий (XVI в. ?) — игумен Снетогорского монастыря, автор послания. «Послание Корнилия, инока Снетных горы, к сыну его попу Ивану, хотящу второму браку сочтатися» дошло в нескольких списках XVII—XVIII вв. (ГБЛ, ф. 310, № 624, XVII в.; ГПБ, Q. XVII.22, XVIII в. и др.). Послание К. написано по частному поводу: случайно узнав о намерении Ивана снять духовный сан и жениться второй раз, К. пытается отговорить его от этого шага. Послание К. отличается искренностью тона и уважительное отношение к адресату. К. убеждает, уговаривает, а не обличает попа Ивана, он хочет поддержать своего «сына» в трудную минуту душевным словом. Наряду с посланиями *Памфила* и *Филофея*, которые носили более официальный харак-

тер, частное послание К. дает интересный материал для характеристики истории этого жанра в псковской литературе XVI в. Насколько можно судить по его письму, К. был начитанным и знающим человеком. Приводя примеры из истории церкви, он ссылается на «апографию блаженного Брандина», часто подтверждает свои мысли цитатами из св. Писания и трудов отцов церкви, разъясняет церковные правила, обращается к местной агиографической литературе, в частности *Житию Евфросина Псковского*. Доказывая, какое страшное наказание следует за прелюбодеяние, К. приводит в пример повесть о священнике-двоежонце, которая текстуально совпадает с рассказом о распое *Иове*, противнике Евфросина, в *Житии Евфросина*. В пересказе К. эта история лишена резко негативных оценок, свойственных *Житию Евфросина*. Эта параллель к *Житию Евфросина* в Послании К. представляет историко-литературный интерес. В Послании нет указаний на время его составления. Н. И. Серебрянский считает, что К. был настоятелем Снетогорского монастыря, и датирует Послание второй половиной XVI в., так как в XVII—XVIII вв. в Снетогорском монастыре не было игумена с именем Корнилий. Ранее XVI в. Послание не могло быть написано, так как оно содержит пересказ истории распоя Иова из *Жития Евфросина*. Н. И. Серебрянский полагает также, что говоря о том, какими карами наказываются целые государства за недостойную жизнь царей («да за то бывает великое поручение царствию их, и наполнится царство их страсти и печали, и будут в та лета убивания и муки и юнош нещадение, ови на коло, а иным главное отсечение и затоцы без милости, и многи гради огнем попалени будут», — Серебрянский). Очерки по истории монастырской жизни. . ., с. 529), К. имел в виду печальные события царствования *Ивана Грозного*. Вероятнее всего автором Послания был «черный священник Корнилий», упоминаемый в купчей грамоте 1592 г. на полдвора, проданного снетогорскими монахами Сироткину монастырю.

Изд.: Серебрянский Н. И. 1) Один из малоизвестных памятников псковской монастырской письменности // ПДПИ. СПб. 1904, т. 156, с. 1—22; 2) Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908, с. 490—495.

В. И. Охотникова

Корнилий Комельский (1455—19 V 1537 г.), автор монастырского устава и книгописец. Основным источником биографических сведений о К. служит его *Житие*, написанное в 1589 г. его учеником *Нафанаилом Корнильеvским*. Уроженец Ростова из рода Крюковых, К. в молодые годы поселился в Москве и нес там службу дьяка при великой княгине Марии, жене Василия Темного. Княгининым дьяком был дядя К. по отцу, Лукиан; он, надо полагать, и составил протекцию К. Очевидно, Лукиан имел большое влияние на К., во всяком случае, когда некоторое время спустя дядя решил уйти в Кирилло-Белозерский монастырь и там

постричься, племянник последовал его примеру; было К. тогда 20 лет. В Кириллове монастыре К. занимался наряду с прочими традиционными монашескими трудами и таким делом, как переписка книг, чему, наверное, немало способствовала мирская подготовка дьяка. О том, что переписанные в это время К. книги хранились в Кирилло-Белозерском монастыре в конце 80-х гг. XVI в., сообщает автор Жития Нафанаил: «. . . книги его в Кириллове и ныне. . .». В ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 2/259 хранится Псалтирь с воследованием, на л. 173 об. почерком основного текста запись, наполовину тайнописью: «Списана бысть книга сия. . . десницею Корнилишка именем . . . в лето 6989 месяца ноемврия . . . благословением отца моего игумена Нифонта». Дата, означенная здесь, 1480 г., совпадает со временем пребывания К. в Кирилло-Белозерском монастыре. Не автограф ли это К.? Сомневаться в этом, правда, заставляют слова из другой жриписки того же писца на л. 232: «. . . ради великаго образа преименован Корнили», которые можно понять как указание на схимничество этого Корнилия, в то время как К. схимником не был, источники ничего об этом не говорят. В возрасте 27 лет К. выходил из монастыря и вернулся туда снова, приведя из Ростова с собой своего брата Акинфия, постригшегося здесь с именем Апфим. Некоторое время спустя К. оставил место своего пострижения и стал странничествовать. Он побывал в разных монастырях и дошел до Новгорода, где близко сошелся с архиепископом *Геннадием*. Этот влиятельный иерарх, по словам агиографа, проникся большой любовью к К. и хотел рукоположить его в священнический сан. Но К. тогда отказался от священства (чин иерея он принял позже, в 1501 г., от митрополита *Симона*; см. Житие К. и ставленную грамоту, опубликованную Амвросием) и уединился «безмолвствовать в пустыни», а у архиепископа Геннадия «жити не восхоте». Первая пустынь К. была близ Новгорода (там навещал его Геннадий), вторая — за Тверью, «близ Саватиевы пустыни».

В 1496 или 1497 г. К. пришел в Вологодские пределы, в Комельский лес, где постепенно создал из небольшой «пустыньки» свой монастырь. Автор Жития, описывая подвиги святого, глухо упоминает о каких-то конфликтных ситуациях, возникавших в первые годы монастырской жизни, риторически восклицая: «Что же наветы от зависти и ненависти, от чюжих и от своих, клеветы и досады, и до самого державного дождоша на нь!». Что это был за конфликт, который дошел до самого великого князя, неясно. О более позднем конфликте, с участием Василия III, говорится гораздо подробнее. Уже создав монастырь, построив там две церкви (в честь Введения Богородицы и позже — в честь Антония Великого), составив Устав и вручив монастырь 12 избранным ученикам, К. удалился с малым числом братии в пустынь на Сурское озеро (за 70 «поприщ» от монастыря). Состояла ли причина ухода К. в разногласиях его с братией, или его постузок объяснялся, как это и трактует Житие, единственно стремлением состаривше-

гося К. вновь к уединенной жизни, не вполне ясно. Во всяком случае, когда «в ту же зиму» великий князь Василий оказался проездом в Корнилиевом монастыре (по пути в Кириллов для богомолья о чадородии; следовательно, эти события происходили в 1529 г.), он, не застав там К., вызвал его из пустыни. Похоже, все-таки, что какой-то конфликт действительно существовал, так как даже после уговоров со стороны великого князя К. все же добился позволения не возвращаться в монастырь. Что *Василий III* остался этим недоволен, а отношения К. с братией монастыря были напряженными, видно из того, что сообщает агиограф о дальнейших событиях. Когда К. через некоторое время явился в Москву к Василию III за разрешением на право освятить новую церковь в Сурской пустыни (это было в год рождения Ивана IV, т. е. в 1530 г.), он этого разрешения не получил, а вновь был понуждаем вернуться игуменствовать в свой монастырь, да так, что нашел нужным даже прятаться, сначала в городе, а потом в Троице-Сергиевой лавре. В конце концов великий князь и комельский игумен пришли к какому-то примирению, К. согласился вернуться в монастырь. Там был уже другой игумен, Кассиан, который, если верить агиографу, добровольно устранился, передав всю власть снова К. И все-таки К., ссылаясь на преклонный возраст, упорно не хотел быть настоятелем; он ушел через некоторое время в монастырь своего пострига, Кириллов, и вернулся к себе только после того, как было исполнено поставленное им условие: «. . . аще не будет у вас Лаврентие игумен, то ни аз возвращусь к вам. . .» (не отголоски ли это борьбы с устраненным игуменом Кассианом или каким-то другим ставленником враждебной К. монашеской группировки?). Затворившись в келии Комельского монастыря, К. прожил еще год и умер; уже при Лаврентии ему вместе с братией монастыря довелось спастись бегством в пределы Белозерска от одного из последних набегов татар на русские земли, когда они подходили к Вологде.

Как сообщает житие, умирая, К. завещал своей братии: «. . . моа предания, яже написах вам своею рукою, дръжите и сна начасте прочитайте», разумея под этим созданный им монастырский Устав. Если бы даже Устав К. не сохранился в рукописной традиции, и без этого можно было бы иметь довольно определенное представление о его содержании, так как автор Жития К. Пафанаил не один раз на него ссылается и повторяет отдельные его положения; располагая же текстом Устава, можно выделить в сочинении Пафанаила и прямые цитаты из него (см. разделы жития, озаглавленные: «Почуение . . . братии», «О Уставе монастырестем и о молитве братстей»).

Устав К., в рукописях озаглавленный: «О жительстве от святых божественных писаний избранна о устроении преданных нам образ от святых отец во спасение душам, и писанием вдан сущим о Христе братиям моим во обители преславныя Богородица, честнаго ея Введения, в нейже жительствуем», состоит из Предисловия и 15 глав: 1) «О церковном благочинии и о соборной мо-

литве»; 2) «О благоговействе и о благочинии трапезном, и о пищи, и о питии»; 3) «Указ о яствах и питиих»; 4) «О еже не подобает никому ясти и пити кроме общия трапезы без благословения»; 5) «О одеждах и обуцах, и о прочих вещех»; 6) «О еже не просити никому что от внешних, мирских или инок»; 7) «О еже не имети особного стяжания никому ничего»; 8) «О еже не взимати никому ничтоже нигдеже без благословения игумена или келаря»; 9) «О еже не приходити кому безвременно в трапезу и в служебныя келли»; 10) «О еже вкупе братьям, сходящимся на дело кое, подобает творити с молчанием и молитвою»; 11) «О еже не подобает из монастыря по плоти к своим или инуде куда безсловесно изходити»; 12) «О еже не приимати братьям милостыни себе по рукам ни от кого»; 13) «О еже не быти питию пьянственному ни от кого»; 14) «О приходящих братьях и хотящих в месте сем по смерти моей жити, имущих же стяжания особная»; 15) «О исходящих из монастыря и паки возвращающихся братьях наших».

По жанру Устав К. принадлежит к типу монастырских уставов (о разных типах уставов, и о монастырском в особенности, см.: Л и л п е н ф е л ь д Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 80—91). Когда К. его создавал, а это произошло, как сообщает Житие, после постройки Введенской церкви (1515 г.), перед уходом в Сурскую пустынь (1529 г.), и *Нилом Сорским*, и *Иосифом Волоцким* уже были написаны их собственные Уставы, одним — скитский, другим — общежительный. Очень любопытно, что К. подражает обоим настоятелям разом. Из Устава Нила Сорского (известного под названием «Предание», издание см.: Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. Нила Сорского Предание и Устав // ПДП, СПб., 1912, т. 179, с. 1—9) он взял все пространное вступление и вписал его в свое Предисловие, продолжив его рассуждениями об ответственности настоятеля за судьбы иноков и об основных принципах монашеской жизни по Василию Великому; а конкретные предписания относительно общежительского уклада он заимствовал из пространной редакции Устава Иосифа Волоцкого (издание см.: ВМЧ, 9 сентября, СПб., 1883, стб. 499—566). Несмотря на такие большие заимствования из двух разных источников, Устав К. производит очень цельное впечатление как в литературном, так и в смысловом отношении. Начав словами Нила Сорского, К. и дальнейшие, очень значительные, заимствования из Устава Иосифа Волоцкого отредактировал как бы в духе Нила, упростив и облегчив витиеватый и пространный стиль Иосифа. Доминанта содержания Устава К., придающая ему также единство, — это неустanno повторяющееся требование полной личной нестяжательности иноков и полной общности монастырского имущества, еще более аскетического характера в сравнении с Уставом Иосифа Волоцкого (ср. уставления о недопустимости принимать милостыню «по рукам» и также самим раздавать личную милостыню, пусть даже от плодов своего рукоделия, о пище и одежде, о полном исключении хмельного питья, о послушании настоя-

тельскому благословенню и др.). То, как претворял К. свои правила на деле, хорошо видно из двух эпизодов его Жития. В одном из них рассказывается о брате, пришедшем к игумену просить лучшей одежды взамен своей совсем обветшалой, вязанной льном. К. снял с себя мантию и отдал ее иноку, а сам надел его ветхую и еще долгое время носил ее. Другой рассказ свидетельствует о том, как неукоснительно требовал К. соблюдать уставление ничего не делать без благословения настоятеля. Инок, пекущий хлеб на весь монастырь, забыл благословиться на дело у игумена. Испеченный хлеб К. велел погрузить на телегу и, увезя за пределы монастыря, повергнуть на дороге.

Строгость монастырского уклада, заведенного К., не всем была по душе, на него роптали, К. сам это хорошо знал, в последней главе Устава он написал: «Слышах бо аз сам ниже от мене постригшихся многих глаголющих: Ныне нам Корнилий возбраняет и не дает по своей воли пожити а егда умрет, и мы преидем в свой монастырь и по воли пашей проживем».

К. создавал свой Устав после Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, но в одну с ними эпоху. Возможно, в тот период, когда он до 1497 г. странствовал по разным монастырям, эти Уставы только еще складывались и он был тому свидетелем. Незадолго до прихода К. в Комельский лес здесь, в монастыре, находившемся всего в нескольких километрах от будущего Корнильева, скончался в 1491 г. *Инокентий Охлябинин*, тоже постриженник Кириллова монастыря, ученик Нила Сорского, оставивший братии основанного им монастыря как руководство Устав своего учителя (он вписал его в свое завещание).

К. был книжник. Начав переписывать книги в Кирилло-Белозерском монастыре, он не оставлял этого занятия и позже — в описи Комельского монастыря от 1630 г. значатся: «Псалтырь следовавшая преподобнаго Корнилия письма», «Служебник чудотворца Корнильева письма» и «Предание чудотворца Корнилия». Создавая в Комельском монастыре весь монастырский обиход, К. создал здесь и книгописную мастерскую: его биограф и ученик Нафанаил сообщает, что когда в 1515 г. строилась в монастыре вторая Введенская церковь, то иноки, как то учредил К., сами писали для нее иконы и книги. Книгописцами были ученики К., его преемник игумен Лаврентий (см. Житие К.), инок Артемий, переписавший в 1536 г. в Порфириевой пустыни Истинские правила Василия Великого (см. рук. ГИМ, собр. Уварова, № 180.255.25), наконец, инок Нафанаил, автор Жития своего учителя (см. писанную им рук. ГИБ, Соф. собр., № 439, содержащую Службу К., его Устав и Житие).

К указанным Я. С. Лурье спискам Устава К. следует добавить еще рук.: Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, РК. 120. 4², XIX в., л. 37—67.

Изд.: Амвросий. История российской перархии. М., 1812, т. 4, с. 661—707.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 303—304; Барсуков. Источники агнографии, стб. 314—316; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР, 1895, кн. 4, отд. 4, с. 85—94; Голубинский. История канонизации, с. 120; Будовиц. Монастыри на Руси, с. 280—300; Лурье Я. С. Устав Корвилья Комельского в сборнике первой половины XVI в. // Рукописное наследие Древней Руси: По матер. Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 253—260.

И. В. Пошарко

Коробейников Трифон (XVI в.) — участник посольств московского правительства XVI в. в Царьград, на Афон и в Иерусалим в 1582 и 1593—1594 гг. В 1582 г. К. был в составе посольства купца И. М. Мишенина, отправленного в Царьград и на Афон с милостыней на помин души убитого *Иваном Грозным* сына. Позднее, в 1593—1594 гг., К. сопровождал дьяка М. Огаркова, посланного с «зздравною милостынею» в Царьград и Иерусалим по случаю рождения у царя Федора Ивановича царевны Феодосии. Широко распространенное в древнерусской рукописной книжности XVII—XVIII вв: «Хождение» К. считалось авторским, пока И. Е. Забелин в 1884 г. не установил, что в основе этого сочинения лежит текст «Хождения» *Василия Позняка* сер. XVI в., не отличающегося даже по маршруту (в нем описываются, например, реликвии Синайской горы, где К. никогда не был). Литературная обработка малоизвестного паломничества *Василия Позняка* скорее всего была сделана не К. (имя которого вошло в заголовок нового произведения), а принадлежит уже XVII в. Имя К. встречается также в тексте «Хождения» *Василия Гагары* 1634 г. в связи с упоминанием модели гроба господня. В качестве дьяка К. упоминается в деловых документах, изданных частично И. Е. Забелиным (Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884, т. 1, с. 1218, 1221). Х. М. Лопарев при издании текста «Хождения» К. высказал предположение, что К. не был ни купцом, ни торговым человеком, а подьячим, хотя во всех почти списках «Хождения» (Зеemann насчитывает их около 400) он назван купцом. Самому К. принадлежит, по-видимому, путник 1592 г. (от Царьграда до Иерусалима) (ИПС, т. 9, выг. (27), с. 2—7) и отчет о раздаче «милостыни» в странах Востока в 1594 (ДРВ, т. 12, с. 425—449).

Изд.: 1. Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи, путешествие во Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 г. / Издано (В. Г. Рубаном) для пользы общества. СПб. 1783 (издание было повторено в СПб. в 1786, 1803, 1810, 1834, 1837, 1838, 1841, 1846, 1847 и в Москве в 1851, 1852, 1853, 1854 (трижды), 1859, 1866, 1869, 1870, 1871, 1873, 1874, 1875, 1876, 1878, 1879, 1881, 1882 (дважды), 1886 (дважды), 1888 гг.); Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова по святым местам в 1582 г. // Сказания русского народа, собр. И. И. Сахаровым. СПб., 1849, т. 2, кн. 8, с. 135—158; И. Посольство к государювоу зздравною милостынею в Царьград и во Александрию и во Антиохию и в Иерусалим и в Синайскую гору Трифона Коробейникова и Михаила Огаркова в 1593 г. // ДРВ. М., 1789, т. 12, с. 425—449; Второе хождение Трифона Коробейникова, с предисл. С. О. Долгова // ЧОИДР. 1887, кн. 1, с. 1—18; Хождение Трифона Коробейникова. Под ред. Х. М. Лопарева // ИПС, 1889, т. 9, выг. (27).

Лит.: Леонид, архим. Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVI вв. // ЧОИДР, 1871, кн. 1, с. 30—59 и 100—110; Забелин И. Е. Послание царя Ивана Васильевича к александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Васильем Позняковым и Хождение купца Познякова в Иерусалим и по иным святым местам 1158 года // ЧОИДР, 1884, кн. 1, с. VII—XII; Адрианова-Перетц В. П. Путешествия XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 514—515; Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962, т. 18, с. 24—37; Seemann K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976, S. 288—297; Творогов О. В. Литератор Иван Михайлов // РЛ, 1983, № 2, с. 164—168.

О. А. Белоброва

Корпус сочинений Дионисия Ареопагита — цикл произведений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита (упоминаемого в Деяниях апостолов ученика апостола Павла), переведенный на славянский язык в XIV в. К. Дионисия Ареопагита был переведен вместе с обширными толкованиями, приписываемыми Максиму Исповеднику, сербским иноком Исаяей, который предпринял эту работу по «принуждению» епископа г. Серры на Балканах Феодосия; закончил ее Исаяя в 1371 г. Предварил свой перевод пространным предисловием, где сообщает, что занимался переводами и раньше, высказывает восхищение риторским искусством Либания, говорит о тяжести «прелагания» с греческого «в наш язык», о необработанности, по сравнению с греческим, славянского литературного языка, вспоминает о добрых временах, «егда божественныя убо церкви и Святая Гора раеви подобне цветяху, якоже некий сад при источицех присно напаяем», когда он начинал свой перевод, и рассказывает о наступлении «злейшего всех злых времен» — речь идет о завоевании Сербии турками, когда он заканчивал «преложение». Перевод Исаяи пословный, а при переводе стихотворных эпиграмм, ямбической и гекзаметрических, даже послужный (количеством слогов в стихе, а иногда в группе слов и даже в отдельных словах, Исаяя следует за оригиналом). Сам переводчик Исаяя отождествляется в науке со старцем Исаяей, житие которого до нас дошло: тот был игуменом русского монастыря св. Пантелеимона на Афоне, организатором монашеских общежитий (киновий) в Македонии и Угровлахии, человеком близким к константинопольскому патриарху Филофею и к сербскому двору, сербом по происхождению. Своим переводом Исаяя ввел в славянские литературы прославленные творения эпохи христианской античности (в науке они датируются сейчас главным образом концом V—началом VI в., а их автор называется Псевдо-Дионисием), к тому времени переведенные на ряд языков (сирийский, арабский, армянский, эфиопский, коптский, латинский, грузинский), уже оказавшие и продолжавшие оказывать мощное влияние на философию всех христианских стран и народов. Характернейшей их особенностью является органическое соединение христианской веры с платоническим искусством отвлеченного умозрения. Самый ранний из сохранившихся списков Исаяино пере-

вода (ГПБ, собр. Гильфердинга, № 46), сербского происхождения, датируется по водяным знакам бумаги временем окончания перевода и потому может представлять собой автограф переводчика или первое издание в свет его перевода. За ним по времени следует два сербских же, созданных, по-видимому, на Афоне списка конца XIV—начала XV в. — ГИМ, собр. Воскрес., № 75 и 76. Следующие ближайшие к ним по времени списки русские, около середины XV в. — ГИМ, собр. Уварова, № 264 и ГБЛ, ф. 173, собр. МДА, фуд., № 144. Последний по традиции считался написанным митрополитом *Киприаном*, но это невозможно, так как Киприан умер в 1406 г.; вероятно, однако, что он списан с автографа Киприана: О. А. Клязевская и Е. В. Чепко (Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского. // Тырновска книжовна школа. Т. 2. Ученици и исследователи на Евтимий Тырновски: Втори международ. симпозиум. Велико Тырново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 282—292) различают в его правописании сербскую основу, влияние орфографической реформы Евфимия Тырновского и русские особенности. Всего сохранилось более шестидесяти списков К. в переводе Исайи, главным образом русских. Большая их часть, в том числе два старейших русских списка, отражает особенности сербских рукописей конца XIV—начала XV в. — ГИМ, собр. Воскрес., № 75 и 76: а меньшая — кодикологические особенности старейшего списка — ГПБ, собр. Гильфердинга, № 46. Во вторую группу входят *Великие Минеи Четии* митрополита *Макария* (ГПБ, Соф. собр., № 1318; ГИМ, Синод. собр., № 175 и 987; под 3 октября), созданные в Новгороде. Таким образом, можно думать, что на Русь перевод инок Исайи попадал (очевидно, в конце XIV—начале XV в.) разными путями — через Москву и через Новгород. Влияние ареопагитских сочинений на общественную мысль Древней Руси изучено еще плохо, но уже теперь по некоторым фактам можно судить, что оно было весьма значительным. Его испытали создатели фресок и икон на тему «Премудрость созда себе дом», автор «*Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского*», *Иван Грозный*, протоиерей Аввакум. Интерес к этим сочинениям, судя по количеству списков, неуклонно возрастал со временем и достиг апогея в XVII в. Стараясь устранить возрастные к тому времени трудности восприятия перевода Исайи и нарастающую со временем путаницу основного текста и толкований к нему, Евфимий Чудовский в XVII в. сделал свой перевод К., а по сути дела редакторскую правку перевода XIV в. И в дальнейшем, вплоть по первую треть XIX в., в России делались новые переводы К. на славянский язык с использованием перевода инок Исайи.

Издание всего славянского текста К. с толкованиями см. в ВМЧ; послание Титу-иерарху и книга «О таинственном богословии» по списку Гильфердинга издания Р. М. Прохоровым; предисловие Исайи — Л. Стояновичем и Д. Трифуневичем.

Изб.: ВМЧ, Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870, стб. 266—787; Стоянов И. Стари српски записи и писмени. Београд, 1905, књ. 3, № 4944, с. 41—44; Goltz H. Studien und Texte zur slavischen Kirchenvätertradition. Zur Tradition des Corpus areopagiticum slavicum. Diss. Halle (Saale), 1979; Трифуновић Ђ. Писац и преводилац шнок Исаяја. Крушевац, 1980, с. 79—83, 89—98; Прохоров Г. М. 1) Послание Титу-царарху Дионисија Ареопажита в славянском переводе и иконография «Премудрость созда себе дом» // ТОДРЛ. Л., 1985, т. 38, с. 7—41; 2) Памятники переводной в русской литературе XIV—XV вв. Л., 1987, с. 158—199.

Лит.: Мошин В. А. 1) Житие старца Исаяи, игумена Русского монастыря на Афоне // Сб. Рус. археогр. о-ва в королевстве Югославии. Белград, 1949, с. 125—167; 2) К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга в Государственной Публичной библиотеке // ТОДРЛ. М.: Л., 1958, т. 15, с. 314; Пурковић М. А. Der Vater des Starez Isaias // Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd 44, S. 461; Радойчић Ђ. Исаяја из XIV в., проповедна службеника на пергаменту // Зб. за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1964, т. 7, с. 160; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и српска литература. София, 1967, ч. 2, с. 150—151; Прохоров Г. М. 1) Корпус сочинений с именем Дионисија Ареопажита в древнерусской литературе: (Проблемы и задачи изучения) // ТОДРЛ. Л., 1976, т. 31, с. 351—361; 2) Автограф старца Исаяи? // РЛ, 1980, № 4, с. 182—185; 3) Сочинения Дионисија Ареопажита в славянской рукописной традиции (кодикологические наблюдения) // Русская и армянская средневековая литература. Л., 1982, с. 80—94; 4) Греческие эниграммы в славянском переводе XIV в. и в русской рукописной традиции // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. Л., 1983, с. 88—96; Станчев К. 1) Концепцията на Псевдо-Дионисий Ареопажит за образното познание и нейното разпространение в средновековна България // Старобългарска литература. София, 1978, књ. 3, с. 62—76; 2) Ареопажитският корпус в превода на Исаяја Сербски. Археографски белешки // Археографски прилози. Београд, 1981, т. 3, с. 145—152.

Г. М. Прохоров

Космография — название ряда географических сочинений, переводных или русских компилятивных, распространявшихся в рукописной книжности Московской Руси XVI—XVII вв. Наиболее ранним является славянский перевод «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. В первой половине XVI в. был сделан перевод «Географии» Помпония Мела (известны два списка, XVI и XVII вв.); во второй половине XVI в. появился и получил распространение перевод с польского *Хроники Мартина Бельского* и его К. К началу XVII в. относится перевод с польского К. Ортелиуса (издан А. П. Поповым). Около 1637 г. переведен был текст Атласа Меркатора, получивший на Руси наименование К. Меркатора. В середине XVII в. монахи Елифапий Славинецкий, Арсений Сатановский, Исаяя выполнили перевод латинского текста четырех томов Атласа Блеу по изданию 1645 г.; из этого перевода получило распространение только Введение. Около 1670 г. составлена компилятивная К. в 76 главах, восходящая к тексту Мартина Бельского; тогда же получила распространение и краткая К. (изданы в серии ОЛДП). В 1680-е гг. в Москве переведена с польского издания 1659 г. «География» Яна Вотера (Джованни Вотера), а несколько позднее, в конце XVII в. — «География» Луки де Линда, по антверпенскому изданию 1668 г.

Преобладание польских и голландских источников перевода определило некоторые особенности ономастики; отсутствие географических карт, которые не воспроизводились в древнерусских переводах, восполнялось добавлением различных статей символично-эмблематического характера, в том числе переводных, иногда украшенных изображениями знаков Зодиака. Нередко в сборниках географического содержания К. сочеталась с Хронографами, со статейными списками русских послов в иноземные страны. Переводы К. продолжали переписываться и в XVIII в. Большая часть переводов К. не опубликована.

Изд.: Понов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 476—507; География 1670 г. / Изд. О.Л.Д.П. СПб., 1878—1881, № 21, 57, 68.

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. М., 1862, т. 1, с. 334—344; Соболевский П. Переводная литература, с. 41, 53, 56, 58, 59, 64—65, 221; Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индиколова, М., 1916, ч. 1: Райнов Т. Наука в России XI—XVII вв.: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940, с. 372—431; Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках Московской письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ест. наук, 1946, вып. 15, с. 63—84; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.: Л., 1947, с. 121—132; Лебедев Д. М. География в России XVII в. М.; Л., 1949, с. 208—219.

О. А. Белоброва

Курбский Андрей Михайлович (ок. 1528 г.—V 1583 г.) — князь, писатель, публицист, переводчик. К. происходил из рода князей Ярославских, по материнской линии приходился родственником царице Анастасии. В 1549 г., имея дворовый чин стольника, в звании есаула участвовал в Казанском походе. В августе 1550 г. был назначен царем *Иваном Грозным* на ответственный пост воеводой в Пронск, где в то время ожидалось нашествие Орды. Через год был зачислен в тысячники и получил во владение под Москвой 200 четвертин земли. В 1551—1552 гг. нес воинскую службу поочередно в Зарайске, Рязани, Кашире, занимал там высокие должности. Во время начавшейся Казанской кампании 1552 г. К. должен был выступить в поход, но был послан вместе с боярином князем Петром Щенятевым во главе полка правой руки против крымских татар, осадивших в это время Тулу. Татары были разгромлены, и К. во главе тридцатитысячного войска двинулся к Казани, участвовал в штурме города, прославившись как храбрый полководец. В 1553—1555 гг. К. вначале во главе сторожевого полка, а затем командуя всем русским войском, принимал участие в подавлении восстания повольских народов. В 1556—1557 гг. К. участвовал в проведении политики «избранной рады». Он проводил смотр служилых людей в Муроме, участвовал в определении размеров поместных окладов дворян. В 1556 г., в возрасте 28 лет, К. был пожалован боярским чином. В январе 1558 г., в начале Ливонской войны, К. командовал сторожевым полком, а в июне того же года, будучи вместе с *А. Ф. Адашевым*

во главе передового полка, участвовал в успешно завершённом походе на Нейгауз и Дерпт. В марте 1559 г. К. был послан на южные рубежи Русского государства для защиты от набегов крымских татар. В 1560 г. он некоторое время командовал всем русским войском в Ливонии, в марте 1562 г. был поставлен во главе пограничного с Литвой гарнизона в Великих Луках, откуда напал на Витебск и разорил его, а в сентябре того же года был назначен вторым воеводой сторожевого полка в армии, которая в январе 1563 г. под предводительством Ивана Грозного выступила из Великих Лук на Полоцк. После взятия Полоцка К. получил назначение воеводой в Дерпт сроком на один год начиная с 3 апреля 1563 г. По истечении годового срока он еще около месяца находился в Дерпте в ожидании смены, а в ночь на 30 апреля 1564 г. бежал в Литву.

Вероятно, еще задолго до побега К. вступил в тайные сношения с властями Польско-Литовского государства. Дважды он получал послания от короля польского Сигизмунда II Августа, гетмана литовского Николая Радзивилла и подканцлера Великого княжества Литовского Евстафия Воловича с приглашением переехать в Литву и обещанием возместить все его имущественные потери в Русском государстве. Причиной побега послужило, возможно, изменные отношения к нему Ивана Грозного (назначение в Дерпт можно было рассматривать как проявление царской немилости — ранее туда же был сослан опальный А. Ф. Адашев). В Великом княжестве Литовском и на Волыни, которая до 1569 г. входила в его состав, а затем перешла под власть Польши, К. получил от короля богатую Ковельскую волость и город Ковель с замком (ранее принадлежавшие королеве Боне) и староство Кревское, а позже Смединскую волость и имения в Упитской волости. Однако по литовским законам он не имел права полной собственности, а мог владеть ими лишь на ленном праве. Поэтому паравне с другими обывателями и шляхтой он должен был выполнять земскую военную повинность. Зимой 1565 г. он участвовал в походе на Великие Луки, предводительствуя пятнадцатитысячным отрядом, а позже, в 1575 г., принимал участие в отражении набегов татар на Волынскую землю. В 1579 г. вместе со своим отрядом К. участвовал во взятии Полоцка Стефаном Баторием. В 1581 г. по приказу короля он снова должен был выступить ко Искову, но по причине серьезной болезни вернулся в свое имение Миляновичи около Ковеля, где через два года и умер.

Вероятно, еще в молодости К. получил довольно широкое образование, был связан с московскими книжниками. Большое влияние на него оказал *Максим Грек*, с которым он встречался весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, когда сопровождал царя с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. К. многократно и с большим почтением упоминал Максима в своих сочинениях, называя его своим учителем. Возможно, К. является автором одного из *Сказаний о Максиме Греке*. Среди наиболее авторитетных для К. людей был и его духовный отец *Феодорит*

Кольский. Произведения К. московского периода представлены несколькими посланиями. Три письма старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, по мнению П. Андреева, были написаны К. в последний год его пребывания в России, в Дерпте. Эти послания, а также «Ответ о правой вере Ивану многоученному» (вероятно, известному в Дерпте протестантскому проповеднику И. Веттерману) посвящены догматическим вопросам. По мнению А. И. Клибакова, К. является автором двух житий Августина Гиппонского, также написанных в московский период.

Антилатинская и антиеретическая направленность ранних сочинений К. получила еще большее развитие в произведениях литовского периода. В 80-е гг. он составил компилятивную «Историю о осьмом соборе», указав ее источник — подобное сочинение, написанное в «Вилне от некоего субдиякона». Этим источником является сочинение Клырика Острожского «История о латвийском, то есть разбойничьем, Феррарском или Флорентийском соборе» (напечатана в Остроге в 1598 г.); оно направлено против папства и поэтому привлекло внимание К., который был противником надвигавшейся церковной унии.

Находясь в Литве, К. вступил в свой знаменитый спор с Иваном Грозным, началом которому послужило его первое послание царю, написанное в 1564 г., сразу же после бегства в занятый литовцами Вольмар (Валмиера), и резко критикующее террор Ивана Грозного. Получив ответ царя, составленный летом того же года, К. отправил ему второе, написанное в традициях гуманистической эпистолографии, краткое послание. В этом послании он продолжал обвинять царя в гонениях на бояр и критиковал его за неумение вести споры и излагать свои мысли. Второе послание К. царю было отправлено им только вместе с третьим посланием, которое было ответом на второе послание царя. Царь написал его в 1577 г., после успешного похода русских войск в Ливонию, что и послужило для него причиной торжества в споре с оппонентом. Но в 1578 г. обстановка резко изменилась в пользу Речи Посполитой, и это дало повод К. написать царю третье послание. Военные успехи каждого из государств оппоненты рассматривали как доказательство правильности своих политических взглядов. Рукописная традиция посланий К. Ивану Грозному богата, но самые ранние списки датируются второй четвертью XVII в. Послания К. Ивану Грозному входят, как правило, в состав так называемых «печерских сборников» и «сборников Курбского» последней трети XVII в. Первое послание известно в трех редакциях, самая ранняя из которых, первая (известно 24 списка), возникла на основе «печерского сборника», сложившегося в Псково-Печерском монастыре в 20-х гг. XVII в. Вторая редакция первого послания, вторичная по отношению к первой, входит в многочисленные «сборники Курбского», где она соседствует со вторым и третьим посланиями, «Историей о великом князе Московском» и другими сочинениями К. «Сборники Курбского» делятся на два вида, первый из которых представляет,

по-видимому, более близкий архетипу вариант. Третья редакция представлена одним списком и отражает более поздний этап в истории текста. Второе и третье послания дошли в единственной редакции в составе «сборников Курбского».

Наиболее значительным и интересным произведением К. является «История о великом князе Московском», которая была закончена, вероятно, в первой половине 70-х гг. XVI в. Существует мнение, что она написана в 1573 г., во время бескоролья в Речи Посполитой (1572—1573 гг.), с целью дискредитировать претендовавшего на польскую корону русского царя в Великом княжестве Литовском. В стилистическом отношении «История» неоднородна. В ее составе можно выделить единое сюжетное повествование об Иване Грозном и мартиролог мучеников, погибших от рук Ивана. А внутри этих двух частей в свою очередь обнаруживаются еще более мелкие повести (например, о взятии Казани, о Феодорите Кольском), которые были написаны, вероятно, в разное время. О поэтапности создания «Истории» свидетельствует и трансформация образа Ивана, который в начале «Истории» предстает лишь как «неправедный» царь, а в конце ее становится «сыном сатаны» и апокалиптическим «зверем». Тем не менее «История» представляет собой единое произведение, объединенное общей целью — развенчать тирана и противопоставить его политическим принципам свои.

В «Истории» нигде не излагаются четко взгляды К. — он преимущественно критикует своего противника, но в этой критике проявляются некоторые особенности его политической концепции. Будучи сторонником государственного устройства времен «избранной рады», К. осуждает царя за отход от принципов управления государством 50-х гг., считая, что мудрый и справедливый государь должен всегда прислушиваться к голосу окружающих его советников. В отказе от помощи мудрых советников К. видел причину тех бед, которые обрушились на Россию во времена правления Ивана Грозного. Правда, причиной многих несчастий К. считал также подверженность царя влиянию злых советников — иосифлян, обличаемых им как пособников террора. Для аргументации своих положений автор апеллирует к священной истории, цитирует Писание, но довольно часто обращается и к другим источникам — он ссылается на русские летописи, на *Космографии* (без точного указания источников); был он знаком также с сочинением Сигизмунда Герберштейна. В объяснении эволюции царя присутствуют рациональные моменты (дурная наследственность, отсутствие надлежащего воспитания, своенравность), что делает «Историю» поваторским произведением, в котором отражен интерес автора к человеческой личности. Будучи ярким памятником русской публицистики, «История» является в то же время важным этапом в развитии русской историографии. Современные события нашли в ней своеобразное и нетрадиционное отображение. Она в значительной мере знаменует собой переход историографии от погодного разделения повествования к тематическому, что

характерно и для других исторических сочинений того времени (например, *Летописец начала царства, Казанская история*). К. пошел дальше, посвятив свое сочинение одной теме. Он не столько пишет историю царствования Ивана Грозного, сколько стремится объяснить превращение Ивана из «прежде доброго и парчитого государя» в кровожадного тирана. В рукописной традиции известно более 70 списков «Истории», разделяющихся на четыре редакции: Полную, Сокращенную, Краткую и Компилятивную. Полная редакция представляет собой первоначальный авторский текст, Сокращенная — текст, систематически сокращенный и упрощенный, Краткая — значительно урезанный текст и Компилятивная — текст Полной редакции, значительно сокращенный и дополненный сведениями из «Выписи о втором браке Василия Ивановича», Степенной книги и других источников.

Попад в Литву, К. сблизился с представителями православного литовского дворянства, со многими из которых поддерживал переписку. Среди его литовских корреспондентов — крупнейший волинский магнат князь Константин Константинович Острожский, бежавший из Москвы и живший при дворе князя Юрия Слуцкого старец *Артемий*, а также владелец виленской типографии Кузьма Мамонич. Переписка К. обычно входит в состав «сборников Курбского» и довольно широко представлена в рукописной традиции. Она включает в себя три письма к воеводе киевскому князю Константину Острожскому, письмо к ученику Артемия Марку Сарыхозину, два письма к виленскому печатнику Кузьме Мамоничу, письмо к Кодиану Чапличу, два письма к пану Федору Бокею Печихвостовскому, письмо к княгине Иваповой-Черторижской, письмо к пану Остафию Троцкому, письмо к пану Древинскому и к мещанину львовскому Семену Седларю. Большинство этих посланий самим автором не датировано. Точно датированы только три письма: «Епископия ко Кодиану Чапличу Андрея Ярославского» — 21 марта 1575 г.; «Цыдула Андрея Курбского до пана Древинского писана» — 1576 г.; «Посланеццо краткое к Семену Седларю, мещанину львовскому, мужу честному, о духовных вещах вопрошающему» — январь 1580 г.

Вся литовская переписка К. имеет ярко выраженный полемический характер. К. выступает в ней апологетом православия. Он глубоко враждебен к «латинству», но еще большую враждебность проявляет по отношению к реформационным движениям. Полемике с этими идеологическими противниками и укреплению позиций православия он и посвятил всю свою свободную от воинской службы жизнь в Западной Руси. В его имени Миляновичи существовал своего рода скрипторий, где переписывались рукописи и переводились различные сочинения, прежде всего восточнохристианских писателей. Есть основания полагать, что в кружке К. была составлена Толковая Псалтирь с антииудейской и антисоцинианской направленностью (ГИМ, собр. Новоспас. м-ря, № 1). Основная цель К. в его литературно-культурной деятельности — заменить дурные или нешолные переводы сочинений авторитетных

для православной церкви писателей более точными и полными, что он считал необходимым условием чистоты православия. Для организации переводческой работы К. посылал учиться в Краков и в Италию своего соратника князя *Михаила Андреевича Оболенского*; он сотрудничал также с «неким юношей именем Амброжий», от которого постигал «верх философии внипльня» (по мнению В. Андреева, это был литовский шляхтич Амброжий Бжежевский, переводчик *Хроники Мартина Бельского* на белорусский язык). Сам К. уже в преклонном возрасте начал изучать латынь, чтобы самому заниматься переводами. Переводческая программа К., которую он четко формулирует в предисловии к «Новому Маргариту» и в письмах, оформилась под непосредственным влиянием Максима Грека. При выборе произведений для перевода он следовал указаниям Максима.

К. составил сборник под наименованием «Новый Маргарит», названный «новым» в отличие от традиционно бытовавших в древнерусской рукописной традиции сборников сочинений Иоанна Златоуста постоянного состава под названием *Маргарит*, с которым творение К. ничего общего не имеет. «Новый Маргарит» почти полностью состоит из произведений Иоанна Златоуста, большей частью ранее неизвестных по-славянски или, по мнению К., плохо переведенных. Он считал, что многие сочинения приписали Иоанну Златоусту еретики, пытавшиеся использовать его авторитет в своих целях. Чтобы отличить подлинные сочинения Златоуста от подложных, К. поместил в конце сборника полный перечень его произведений. Хотя «Новый Маргарит» сохранился только в двух списках (дефектный список ГБЛ, собр. Ундольского, № 187; список полный Б-ки герцога Августа в Вольфенбюттеле, God-Guelf. 64—43 Extrav.), он был широко известен, ибо некоторые отрывки из «Нового Маргарита» использовались для дополнения сборников сочинений Златоуста другого состава. «Новый Маргарит» состоит из 72 статей, пять из которых не являются сочинениями Иоанна Златоуста. Это предисловие К. к «Новому Маргариту», небольшое сочинение (вероятно, самого К.) «О знаках книжных», посвященное вопросам пунктуации, два Жития Иоанна Златоуста, одно из которых взято из *Хроники Никифора Каллиста*, и «Сказ» К., в котором он объясняет, почему обратился к этой *Хронике*.

В предисловии к «Новому Маргариту» К. вкратце изложил историю своей жизни, а также в концентрированном виде сформулировал программу своей переводческой деятельности (опубликовано П. Д. Иваницевым, А. С. Архангельским, Ф. Ливер, И. Ауэрбах). Руководствуясь этой программой, К. обратился к философскому произведению Иоанна Дамаскина «Источник знания», бытовавшему в древнерусской рукописной традиции в неполном переводе X в. Иоанна экзарха Болгарского и известному под названием «Небеса». Свой перевод К. дополнил и другими произведениями этого автора и снабдил предисловием (опубликовано М. Оболенским). Предисловие и многочисленные «сказы»

и схолии на полях мало изучены. Не решен также вопрос об атрибуции переводов других сочинений Иоанна Дамаскина, сопровождающих обычно в рукописной традиции «Источники знания», например его «Фрагментов». Сомнительна атрибуция К. «Диалога» константинопольского патриарха Гепнадия Схолария (или Скулариса) с турецким султаном, который тематически дополняет один из фрагментов — «Прение христианина с сарацином». Скорее всего перевод этого сочинения, существовавший раньше, привлечен К. полемической направленностью и был включен им в свой сборник. Отсутствуют очевидные доказательства того, что К. перевел *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, которая также обычно дополняет перевод сочинений Иоанна Дамаскина. Неясен вопрос о причастности К. к переводу и составлению сборника сочинений Симеона Метафраста (сохранился в единственном списке — ГИМ, Синод. собр., № 219; в его состав входят кроме метафрастовых житий некоторые статьи из «Нового Маргарита»), хотя К. широко цитирует произведения Метафраста и часто упоминает его в своих оригинальных сочинениях. В этот сборник вошли четыре метафрастовых жития в переводе Максима Грека, под влиянием которого К., вероятно, и обратился к творчеству Симеона Метафраста.

В переписке К. существуют свидетельства того, что он занимался переводами из Василия Великого и Григория Богослова, но списки этих переводов не сохранились или неизвестны. К. приписывается также перевод небольших отрывков из произведений Елифания Кипрского и Евсевия Кесарийского, которые входят обычно в состав сборников, содержащих переводы из других авторов или его оригинальные сочинения. Традиционно считалось, что К. принадлежал перевод повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». Как убедительно доказал Б. М. Клосс, переводчиком этой повести на самом деле был Максим Грек. Традиционно приписываемый К. перевод небольшого отрывка из Дионисия Ареопагита, который он посылает в письме к К. Острожскому, выполнен ранее К., так как этот отрывок полностью совпадает с текстом перевода, помещенным в *Великих Минеях Четких*. Перевод К. сочинения малоизвестного немецкого автора, ученика Лютера, Иоганна Шпангенберга «О силлогизме» обычно встречается в списках вместе с переводом произведений Иоанна Дамаскина и служит как бы дополнением к нему. Поскольку К. предлагал использовать произведения Иоанна Дамаскина в полемике против католиков и протестантов, он считал необходимым также дать читателю инструментарий для философских споров и с этой целью перевел трактат о силлогизме, заранее предупредив при этом читателя, что не все силлогизмы годятся для постижения истины, но многие из них используются своеобразно искусными в спорах иезуитами.

Перевод К. сочинения И. Шпангенберга свидетельствует о его интересе к светским знаниям — «внешней философии», о которой он не раз вспоминает в своих сочинениях как о необходимом для

каждого христианина элементе образования. Поэтому К. обращается и к произведениям Цицерона, два отрывка из «Парадоксов» которого в собственном переводе он включил в свое третье послание к Иваку Грозному. Использование произведений античных авторов было характерно для гуманистической эстетики, с принципами которой К. познакомился, приобщившись к западной образованности в Великом княжестве Литовском. Влияние гуманистических идей и своеобразие таланта обусловили особое место К. в истории русской литературы.

Изд.: 1) Перепишка с Иваном Грозным: Сказания князя Курбского / Изд. П. Г. Устрялова. СПб., 1833, ч. 1—2 (2-е изд. СПб., 1842; 3-е изд. СПб., 1868); И в а н и ш е в Н. Д. Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849, т. 1—2; Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиограф. зап., 1858, т. 1, № 12, стб. 355—366; Архангельский А. С. Борьба с католичеством в западно-русская литература конца XVI—первой половины XVII в. // ЧОИДР, 1888, кн. 1, отд. 1. Приложения, с. 1—166; Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные / Изд. Г. З. Кушневича // РИБ, СПб., 1914, т. 31; Stählin K. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij. Leipzig, 1921; Liewehr F. Kurbskij's Novyj Margarit. Prag, 1928 (Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität; Prag, 2. Reihe: Editionen, Heft 2); The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; Ivan le Terrible. Epitres avec le Prince Kourbski / Trad. de D. Olivier. Paris, 1959; Ivan den Skrackkelige: Brevveksling med Fyrst Kurbskij 1564—1579. Oversat af B. Norretranders. Munksgaard, 1959; Der Briefwechsel zwischen Andrej Kurbskij und Ivan dem Schrecklichen / Hsbg. von H. Neubauer, J. Schutz. Wiesbaden, 1961; Prince Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965; Prince André Kurbski. Histoire du règne de Jean IV (Ivan le Terrible) / Trad. de M. Forstetter. Genève, 1965; Eisman W. O sillogisme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johan Spangenberg's. Wiesbaden, 1972 (Monumenta Linguae Slavicae Dialectae Veteris. Fontes et Dissertationes, 9); Курбский А. М. История о великом князе Московском: (Отрывки) / Подг. текста и примеч. Я. С. Лурье // Изборник. М., 1972; Курбский А. М. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Lieferungen 1—5. Hsbg. von Inge Auerbach. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven). Giessen, 1976—1977.

Лит.: Кавелин Л. Объяснение плана Казани, неизвестное Устрялову // Маяк, 1843, т. 8, с. 49; Горский А. В. Жизнь и историческое значение князя А. М. Курбского. Казань, 1854; Попов Н. А. О биографическом и уголовном элементе в истории // Атеист, 1858, № 46, с. 131—168; О поков З. З. Князь Курбский // Киев. унив. изв., 1872, август, № 8, с. 1—58; Андреев В. Очерк деятельности князя Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни. М., 1873; Петровский М. Князь А. М. Курбский: Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний» // Учен. зап. Казан. ун-та, 1873, т. 40, двел.—август, с. 714—760; Бартошевич Ю. Князь Курбский на Волыни / Перев. с польск. // Исторический вестник, 1881, сентябрь, с. 65—85; Архангельский А. С. Борьба с католичеством и умственное пробуждение Южной Руси к концу XVI в. // Киев. старина, 1886, т. 15, май, с. 44—78; июнь, с. 237—266; Четыркин О. Два русских деятеля в Польше // Колосья. 1886, ноябрь, с. 85—96; Ясницкий А. Сочинения князя Курбского как исторический материал // Киев. унив. изв., 1889, октябрь, с. 45—120; Шумаков С. Акты литовской метрики о князе Курбском и его потомках // Книговедение. 1894, № 7 и 8, с. 17—20; Харлампович К. 1) Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в. Казань,

1896, с. 237—276; 2) Новая библиографическая находка // Киев. старина, 1900, июль—август, с. 211—224; Владимирова П. В. Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского // Тр. IX Археол. съезда в Вильне. М., 1897, т. 2, с. 308—316; Соболевский А. И. 1) Переводная литература, с. 279—282; 2) Эней Сильвий и Курбский // Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, с. 11—17; Поцов Н. Рукописи Московской синодальной библиотеки. М., 1905, вып. 1 (Новоснаское собрание), с. 117—157; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908, т. 2, с. 1816—1830; Московская политическая литература XVI в. СПб., 1914, с. 85—132; Балухатый С. Переводы князя Курбского и Цицерон // Гермес, 1916, январь—май, с. 109—122; Грушевский А. С. Из полемической литературы конца XVI в. // ИОРЯС, 1917, т. 22, кн. 2, с. 291—313; Лурье Я. С. 1) Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.: Л., 1951, с. 468—519; 2) Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. // АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 457—466; 3) Первое послание Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Л., 1976, т. 31, с. 202—235; 4) Вторая иностранная редакция Первого послания Грозного Курбскому // Там же. Л., 1977, т. 32, с. 56—69; 5) О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским // Там же. Л., 1979, т. 33, с. 204—213; Курилова Л. А. Из наблюдений над языком и стилем трех писем кн. А. Курбского к разным особам в Польше // Доповіді та повідомлення Львів. ун-та, 1952, вып. 1, с. 27—34; Déniissoff Elie. Une biographie de Maxime le Grec par Kurbski. — Orientalia Christiana Periodica, 1954, т. 20, p. 44—84; Андreyev N. 1) Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — Slavonic and East European Review, 1955, vol. 33, p. 414—436; 2) Was the Pskov-Pechery Monastery a Citadel of the Non-Possessors? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, N. F., Bd 17, H. 4, S. 481—493; 3) Импи А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; 2) Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.: Л., 1962, т. 18, с. 305—312; 3) Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // Там же. Л., 1976, т. 31, с. 176—201; Скрынников Р. Р. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // Там же. т. 18, с. 99—116; 2) Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кнана. Л., 1973; 3) О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характер их переписки // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 33, с. 219—227; Rozemond K. Kurbsky's Translation of the Works of Saint John of Damaskus // Texte und Untersuchungen, 1966, Bd 94, S. 588—593; Шмидт С. О. 1) К изучению «Истории князя Курбского» (о поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968, с. 366—374; 2) Новое о Тучковых: (Тучков, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141; 3) Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 304—328; 4) К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 147—151; Freydanck D. 1) Zu Wesen und Bergiffbestimmung des Russischen Humanismus // Zeitschrift für Slavistik, 1968, Bd 13, S. 57—62; 2) A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie // Orbis mediaevalis / Festgabe für Anton Blashka. Weimar, 1970, S. 57—77; 3) A. M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift für Slavistik, 1976, Bd 21, S. 261—278; Auerbach I. 1) Die politische Forstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., 1969, Bd 17, H. 2, S. 170—186; 2) Nomina abstracta im Russischen des 16. Jahrhunderts // Slavistische Beiträge, 1973, Bd 68, S. 36—73; 3) Kurbskij-Studien: Bemerkungen zu einem Buch von Edward Keenan // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., 1974, Bd 22, S. 199—213; 4) Further Findings on Kurbskij's Life and Work // Russian and Slavic History / Ed. by D. K. Rowney and G. E. Orchard. 1977, p. 238—250; Backus O. P. A. M. Kurbsky in the Polish-Lithuanian State (1564—1583) // Acta Balto-Slavica, 1969—1970, t. 6, p. 78—92; Рыков Ю. Д. 1) Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского // Материалы научной конференции МГИАИ. М.,

1970, вып. 2, с. 1—6; 2) Редакции «Истории» князя Курбского // АЕ за 1970 г., М., 1971, с. 129—137; 3) Списки «Истории о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского в фондах Отдела рукописей // Зап. Отд. рук. ГБЛ. М., 1974, т. 34, с. 101—120; 4) К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану Грозному // ТОДРЛ. Л., 1976, т. 31, с. 235—246; 5) Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. М., 1982, с. 193—198; К е с е л а н Е. L. The Kurbskij — Groznyj Apocrypha: The Seventeenth Century Genesis of the «Correspondence», Attributed to Prince A. M. Kurbskij and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971; 2) Putting Kurbskij in his Place; or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Muscovity in the History of Muscovite Literary Culture // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte, Bd 24, S. 131—162; У в а р о в К. П. 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. // Вопросы русской литературы. М., 1971, с. 61—79; 2) Незданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома «Сочинения князя Курбского») // АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 315—317; Л и х а ч е в Д. С. 1) Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ, 1972, № 4, с. 202—209; 2) Существовали ли произведения Курбского и Грозного? // Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд. М., 1979, с. 376—393; 3) Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 183—214; К л о с с Б. М. Максим Грек — переводчик повести Эпоя Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975, с. 55—61; Ю з е ф о в и ч Л. А. Стефан Батюрий о переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 г. М., 1975, с. 143—144; О с и н о в а К. С. 1) О стиле и человеке в историческом повествовании второй половины XVI в. // Учен. зап. Харьк. гос. ун-та. Харьков, 1962, т. 116, с. 25—28; 2) «История о великом князе Московском» А. Курбского в Голлицыном сборнике // ТОДРЛ. Л., 1979, т. 33, с. 296—308; G o l t z H. Ivan der Schreckliche zitiert Dionysios Arcopagites // Kerygma und Logos Göttingen, 1979, S. 214—225; В а с и л ь е в А. Д. Об особенностях употребления военной лексики в посланиях А. М. Курбского к Ивану Грозному // Исследования словарного состава русского языка XVI—XVII вв. Красноярск, 1980, с. 56—64; R o s s i g N., R ø n n e B. Apocrypha — nor Apocrypha? A Critical Analysis of the Discussion Concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980; Б е л я е в а И. П. 1) Ученые и литературные труды князя А. М. Курбского // Матер. XIX Всесоюз. студенческой конф. Филология. Повосибирск, 1981, с. 53—63; 2) Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 115—136; Г л а д к и й А. И. 1) К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского: (Житие Феодорита) // ТОДРЛ. Л., 1981, т. 36, с. 239—242; 2) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, т. 13, с. 43—50; М о р з о в С. А. О структуре «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982, с. 34—43; Ц е х а н о в и ч А. А. К переводческой деятельности князя А. М. Курбского // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1985, с. 110—114.

А. И. Гладкий, А. А. Цеханович

Курицын Иван-Волк (ум. IX 1504) — дьяк, еретик, брат «начальника» московского еретического кружка *Федора Курицына*, составитель сборника «Мерило праведное». Как и Федор Курицын, К. участвовал в дипломатических переговорах (вел, в частности, переговоры о приглашении на русскую службу немецкого печат-

ника В. Готапа) и многократно ездил за границу. Был осужден за ересь собором 1504 г. и сожжен в Москве.

Единственный литературный памятник, связанный с К. — написанное им «Мерило Праведное», сборник конца XV в. (ГБЛ, ф. 173, № 187), состоящий из слов и поучений о праведных и неправедных судах (собственно «Мерило праведное»), Кормчей книги и подписанный цифровой тайнописью «Ивань Волкъ Курицынъ». Кормчая И. В. К. не была самостоятельной редакцией памятника, подобно Кормчей *Вассиана Патрикеева*. Как установила Е. В. Белякова, Кормчая И. В. К. относится к особой редакции, представленной южнославянским Мазуринским списком XIV в. (ЦГАДА, ф. 196, № 534), Чудовским начала XV в. (ГИМ, Чудов. собр., № 168) и Уваровским начала XVI в. (ГИМ, собр. Уварова, № 81/557); никаких оригинальных черт по сравнению с более ранними списками Кормчая И. В. К. не обнаруживает. Не связанный с еретическими взглядами И. В. К. переписанный им сборник свидетельствовал, однако о значительном интересе еретиков к кодификационным вопросам — памятник этот включал в свой состав «Русскую правду» и мог играть известную роль в подготовке Судебника 1497 г., составленного в период наибольшего возвышения братьев Курицыных. Характерно также, что параллельно с новгородско-московскими еретиками к работе над Кормчей обращались и представители других идеологических течений того времени — иосифляне (*Исифонт Кормилицын* и митрополит *Даниил*) и нестяжатели (*Вассиан Патрикеев*).

Лит.: Любимов В. П. Списки Правды Русской // Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940, с. 99—100; Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 141—159; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 93—95, 171, 200—201, 284, 420; Шапов Я. П. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 154; Белякова Е. В. Источники Кормчей Ивана Волка Курицына // Древнерусская литература: Источниковедение. Л.: 1984, с. 75—83.

Я. С. Лурье

Курицын Федор Васильевич (ум. не ранее 1500 г.) — посольский дьяк *Ивана III*, еретик, писатель. В 1482—1484 гг. был послан в Молдавию и Венгрию для ведения переговоров со Стефаном Великим и Матфеем Корвиным о союзе против Польско-Литовского государства; на обратном пути был задержан турками в захваченном ими Белгороде (Аккерман), но осенью 1485 г. благодаря посредничеству крымского хана был освобожден и вернулся в Москву. В 80—90-х гг. играл виднейшую роль в политике Ивана III («того бо державный во всем послушаше» — написал первоначально *Иосиф Волоцкий* о К. в одном из своих сочинений; впоследствии эта фраза была зачеркнута); поддерживал внука Ивана III Дмитрия (ставшего наследником престола после смерти своего отца, старшего сына Ивана III); в 1497 г. К. была скреплена грамота Ивана III и Дмитрия, на которой впервые появился новый герб Русского государства — двуглавый орел.

Важнейшую роль играл К. в истории новгородско-московской ереси; он возглавлял московский еретический кружок, сложившийся во всяком случае уже с 1485 г. (возвращение К. из-за границы); «обличитель» ереси, архиепископ *Геннадий* Новгородский уже в 80-х гг. именовал его «начальником» еретиков. Тем не менее собор на новгородских еретиков и расправа с ними в 1490 г. никак не сказались на судьбе К. и вообще московских еретиков. К московскому еретическому кружку принадлежали кроме К. его брат *Иван-Волк Курицын*, книгописец *Иван Черный*, бежавший после 1490 г. за границу, и мать Дмитрия-внука, молдавская княжна Елена Стефановна. Близок, по-видимому, к еретикам был и глава русской церкви, митрополит *Зосима*. При исследовании идеологии членов этого кружка мы располагаем лишь очень ограниченным количеством источников — сочинениями К., книгами переписанными участниками кружка («Еллинский летописец» и библейские книги Ивана Черного, «Кормчей — Мерилом праведным» Ивана-Волка Курицына), а также крайне тенденциозными сочинениями противников ереси. Из этих сочинений наиболее определенные сведения о взглядах еретиков дают «Сказания о скончании седьмой тысячи» и «Рассуждение об иноческом жителстве», использованные впоследствии в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, но составленные еще до падения К. (между 1492 г. и началом XVI в.) Судя по этим сочинениям, главной особенностью мировоззрения московских еретиков была критика учений «святых отцов» и, в частности, отрицание монашества и монастырей (в этом они отличались от пестряжателей, стремившихся к реформам и усовершенствованию монашества).

Влияние К. сохранилось во всяком случае до 1499—1500 гг., когда началась война с Польско-Литовским государством (именно К. изложил ультимативные требования великого князя в начале войны); но под 1500 г. он в последний раз упоминается в посольских делах. В 1502 г. подверглись опале Дмитрий-внук и его мать Елена Стефановна, связанные с К.; начались переговоры Ивана III с виднейшим противником ереси Иосифом Волоцким. В 1504 г. церковный собор осудил еретиков (и московских, и новгородских); следуя примеру испанской инквизиции («шпанского короля») великий князь отправил осужденных на костер. Среди казненных был брат К. Иван-Волк, но сам он в делах собора не упоминался, и судьба его остается неизвестной. Лишь после 1500 г. Иосиф Волоцкий назвал К. во всех «словах» своего «Просветителя» в числе трех главных еретиков (наряду с новгородцами Алексеем и *Денисом*).

Из литературных произведений, которые могут быть связаны с именем К., в первую очередь должно быть названо многократно издававшееся «Лаодикийское послание». Фрагмент «Лаодикийского послания» дошел в сборнике конца XV—начала XVI в. (БАН, 4.3.15), более полные тексты — начиная с первой трети XVI в. (большинство списков — XVII в.).

В ряде сборников вместе с «Лаодикийским посланием» по-

мощно анонимное «Написание о грамоте» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина. «Лаодикийское послание» состоит из философского введения, построенного в своеобразной «стихотворной» форме («Душа самовластна, заграда ей вера. . .»), «литорей в квадратах» — особой таблицы, состоящей из двух рядов букв в алфавитном порядке и относящегося к ним комментария, и зашифрованной (простой литореей) подписи Федора Курицына, где он называл себя «преведшим Лаодикийское послание», что однако не дает оснований заключить о переводном или самостоятельном характере сочинения. По крайней мере никаких иностранных оригиналов этого памятника не обнаружено. Идеиный смысл памятника далеко не ясен, истолкование его имело бы важнейшее значение при определении идеологии московских еретиков. Представляется несомненной связь между вступительной частью Послания и «литореей в квадратах»: «мудрость», которой автор во введении отводит важнейшее место, получала, по-видимому, конкретное выражение в грамматических комментариях «литорей в квадратах» (среди которых — любопытные фонетические наблюдения, например, специальное выделение сонантов, которые в отличие от согласных «приклад не требуют, сами съврываются»). Отмечалась связь грамматической части Послания с грамматикой Дионисия Фракийского, а философской — с Платоном и неоплатонизмом. Высказывались мнения, что «литорей в квадратах» содержит элементы средневековых каббалистических учений и криптографические указания («литорей» помимо грамматического смысла может служить также ключом для шифра). Оба утверждения предположительны. «Написания», содержащиеся в памятнике, не дают достаточных оснований для определения культурного характера «алфавитной мистики», наличие которой также весьма неопределенно. Не бесспорны и утверждения о криптографическом назначении «литорей». Буквы двух рядов алфавита не находят между собою полного соответствия. Один ряд пропускает некоторые буквы другого, специально обозначенные как «цари», что сделано явно не случайно и дает возможность определить один из рядов как «пасхальный», т. е. обозначающий дни переходящего праздника пасхи. Смысл соотношения рядов алфавита «литорей» неясен. Некоторые параллели содержания «литорей в квадратах» находит в таблицах грамматического сочинения конца XV—начала XVI в. — «Беседы о грамоте». Таблицы эти представляют собой «пасхальные буквы», «акростикиды» и просто алфавит.

В структуре вступительной «стихотворной» части (афоризмы, построенные «цепочкой», причем первое слово каждой новой строфы повторяет последнее слово предыдущей) усматривались аналогии с талмудической литературой (как и в словах о вере как «ограде души»), однако аналогии эти весьма приблизительны, а упоминание «фарисейства» ведет скорее к греко-христианскому источнику. Наиболее определенно обнаруживается во вступительной части идея свободы воли («душа самовластна»), понимаемая, очевидно, шире, чем это допускал ортодоксально-христианский индетерминизм.

Вероятным представляется предположение о связи с «Лаодикийским посланием» анонимного «Написания о грамоте». «Написание о грамоте» также соединяет грамматические сюжеты с философскими; здесь мы читаем, что бог дал человеку «самовластна ума, смерть и живот предложив пред очима его, рекше волюное произволение хотения и добродетели или к злобе, путь откровения изыществу и невежеству»; далее автор объясняет, что «грамота есть самовластие, умнаго волюное разумение».

Весьма интересно послесловие к «Лаодикийскому посланию», написанное, по всей видимости, в первые десятилетия XVI в. Его содержание позволяет видеть в Послании одно из звеньев древнерусской образовательной системы, включающей в себя также (о чем говорит текст послесловия) «Диалектику» Иоанна Дамаскина и сочинение «Об осми частях слова». Идеи послесловия для русского средневекового читателя были не бесспорны. Ряд сборников содержит сопровождающее послесловие сочинения «О тщеславии юных», автор которого весьма скептически относится к изучению «Диалектики». Заимствования из словаря Свида (X в.), впервые введенного в русскую письменность *Максимом Греком*, иронические отзывы о русской церковной образованности позволяют предположить, что автором сочинения был Максим Грек. Упоминание в тексте сочинения «О тщеславии юных» об «отай подписанных» произведениях, возможно, представляют собой указание на «Лаодикийское послание» с индифферентной подписью К.

Наиболее важное значение для характеристики К. как писателя имеет атрибуция ему другого анонимного литературного памятника конца XV в. — Повести о Дракуле («Сказания о Дракуле воеводе»). Повесть о Дракуле — первый известный нам памятник оригинальной русской беллетристики, сюжетное повествование, не входившее в какие-либо летописные или хронографические своды и посвященное герою, который едва ли был известен читателю как историческое лицо (в Повести нет обычных для исторического повествования дат) и воспринимался скорее как персонаж анекдотов. Авторство Повести может быть установлено из упоминания в ее заключительной части, что второй сын Дракулы, находившийся в Венгрии, «при нас умре, а третьего сына, старейшого, Михаила тут же на Будину видехом», и что «ныне» на престоле Дракулы сидит Влад Монах. Влад Монах вступил на мутьянский (румынский) престол в 1481 г. Автором Повести был русский (со ссылкой на «наш» русский язык начинается рассказ о Дракуле), побывавший в Венгрии в начале 80-х гг. XV в. и не один, а с какими-то спутниками («при нас», «видехом»). Все эти данные более всего подходят именно к К., возглавлявшему посольство в Венгрию и Молдавию как раз в 1482—1484 гг. и в сентябре 1485 г. вернувшемуся в Россию (в феврале 1486 г. и вторично в январе 1490 г. Повесть о Дракуле была переписана известным кирилло-белозерским книжником *Ефросином*).

Наиболее характерная особенность Повести о Дракуле — ее теснейшая связь с устным сюжетным повествованием; она пред-

ставляет собою в сущности ряд анекдотов о жестоком «мутьянском воеводе» Дракуле (так в страхах, соседних с Валахией, именовали ее князя Влада Цепеша, правившего в 1456—1462 и 1477 гг.). Дракула изобретательно испытывает своих собеседников, жестоко наказывая всех, кто не выдерживает испытания. Сходные анекдоты использовались в рассказах о «великом изверге» Дракуле, помещавшихся в немецких брошюрах конца XV в. (рукописных и печатных) и повествовании о нем, включенном в «Венгерскую хронику» итальянского гуманиста Антонио Бонфини (90-е гг. XV в.). Сходство русской Повести с этими памятниками — не текстуальное, а сюжетное; общим их источником были, очевидно, рассказы, услышанные различными авторами в землях, соседних с Валахией.

Как же может быть определен идейный смысл русской Повести о Дракуле? В науке предполагались самые различные решения этого вопроса: одни исследователи усматривали в Повести осуждение тирании и видели в главном персонаже Повести однозначно отрицательное лицо, другие усматривали в ней апологию грозной и справедливой власти и тех репрессий, которые применялись феодальным государством против его врагов. Возможность столь противоположных мнений вытекает из жанрового своеобразия Повести: перед нами не публицистическое произведение, автор которого прямо высказывает свои воззрения, а произведение беллетристики. Уже И. М. Карамзин отмечал, что «автор мог бы заключить сию сказку прекрасным правоучением, но не сделал того, оставляя читателям самим судить о философии Дракулы». Амбивалентность, неоднозначность сюжетной развязки, оставляющая возможность различного понимания сюжета, была свойственна ряду памятников беллетристики позднего средневековья. Так же построены были, например, сказания о мудром звере Китоврасе, служившем царю Соломону (см. *Апокрифы о Соломоне*), или повесть о мудром звере Ихзилате (*Стефанит и Ихзилат*), сходная с западным Романом о Лисе. Но отсутствие однозначной морали не означало отсутствия в Повести о Дракуле авторской позиции. Позицию эту можно определить, сравнив русскую Повесть с западными сочинениями о том же персонаже. Если авторы немецких рассказов рисовали только изуверскую жестокость «великого изверга», то итальянский гуманист Бонфини подчеркивал сочетание в Дракуле «неслыханной жестокости и справедливости». Так же двойствен Дракула и в русской Повести. Дракула — «дьявол» на троне, он «зломудр», но жестокость его может служить и для искоренения зла: «И только неавидя в своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татьбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярици, или священники, или шок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и только грозен бысть». Автор сознательно отмечал противоречивые черты в образе Дракулы (справедливость и жестокость), но вместе с тем он видел в нем «великого государя»: если в немецком сказании о Дракуле анекдот о двух монахах, один из которых поль-

стил Дракуле, а другой назвал его извергом, кончался оправданием правдивого обличителя и казнью льстеца, то в русской Повести наказанию подвергался именно хулитель, не умеющий говорить с «великими государями». Подобно публицисту XVI в. *И. С. Чересветову*, автор Повести о Дракуле полагал, очевидно, что «без таковыя грозы немощно в царство правды ввести».

Если считать Повесть о Дракуле произведением К., то это во многом дополнило бы его облик как публициста и идеолога. Своеобразная литературная и идеологическая позиция автора предопределила и судьбу его произведения в письменности XVI в. Исследователи, усматривавшие в Повести осуждение тирании, думали, что она распространялась в боярских кругах, враждебных *Ивану Грозному*. Но в XVI в., после разгрома еретических движений в 1504 г., Повесть о Дракуле, как и другие «неполезные», не связанные с церковью и прямыми государственным задачам, повести, исчезла из рукописной традиции. Причиной этого было, как можно предполагать (*Я. Лурье, А. Панченко, Б. Успенский*), чересчур откровенное изображение автором подлинных и неизбежных черт «грозной» власти. Повесть о Дракуле издавалась многократно: ПЛ. СПб., 1860, вып. 2, с. 399—402; *V o g d a n I. Vlad Țepeș și parațiunile, germane și rusești asupra lui. București, 1896; Седелъников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // ИШОЯС, 1929, т. 2, кн. 2, с. 652—659; Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958, с. 92—97; Повесть о Дракуле / Иссл. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964, с. 117—181, ср. с. 71—74; Mc N a l l y R. T., Florescu R. In Search of Dracula. A True History of Dracula and Vampire Legends. New York, 1972, p. 196—201 (пер. на англ. яз.); ПЛДР. 2-я пол. XV в. М., 1982, с. 554—565, 684—686 / Подг. текста и ком. Я. С. Лурье, пер. О. В. Творогова.*

Изд.: Востоков. Описание, с. 510—512; Горский А. и Невострев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной патриаршей библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, № 158, с. 320; [Ундольский В. М.]. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1876; Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей. Казань, 1878; Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896, с. 415—419; Казанова П. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XV—начала XVI в. М.; Л., 1955. Приложение. Источники по истории еретических движений XIV—начала XVI в., № 7, с. 256—276; Lilienceld F. V. Das Laodikijskoe poslanie des großfürstlichen D'jaken Fedor Kuricyn // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1976, N. F., Bd 24, S. 1—22; ПЛДР. 2-я пол. XV в. / Подг. текста, пер. и ком. Я. С. Лурье. М., 1982, с. 538—539, 675—678.

Лит.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, ч. 1, стб. 161, 166, 169; Просветитель или обличение злодействующих: Творение препод. отца нашего Иосифа, игумена Велюцкого. Казань, 1857 (последующие изд. 1882, 1892, 1904 гг.); Буслев Ф. И. Для определения иностранных источников Повести о мутьянском вводе Дракуле // Летопись Тихонравова, т. 5, отд. 3, с. 84—86; Сборник Русского исторического общества, СПб., 1884, т. 41, с. 44—47; Карамзин П. М. История государства Российского. СПб., 1892, т. 7,

с. 140—142; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., М.; Л., 1951, ч. 2, с. 310—312; Андрианова-Петреть В. П. Крестьянская тема в литературе XVI в. // ТОДРЛ, М.; Л., 1954, т. 10, с. 203; Клябанов А. И. 1) «Написание о грамоте» (Опыт исследования просветительно-реформационного памятника конца XV—первой половины XVI в.) // Вопр. ист. ред. и атеизма. М., 1955, вып. 3, с. 325—379; 2) Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 62—81; Эурье Я. С. 1) Повесть о Мунтыанском воеводе Дракуле // Русские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958, с. 420—427; 2) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 140—143, 172—177, 197—200; 3) Еще раз о Дракуле в макиавеллизме // РЛ, 1968, № 1, с. 142—146; 4) Zur Zusammensetzung des Laodicensischen Sendschreibens // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969, N. F., Bd 17, S. 161—169; 5) Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the Late XVth Century // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984, p. 157—163; Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе древней Руси; М.; Л., 1958, с. 15; М., 1970, с. 13; 2) Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР. 2-я пол. XV в., с. 13—14; Striedter J. Die Erzählung von walachischen Vojevoden Dracula in der russischen und deutschen Überlieferung // Zeitschrift für Slavische Philologie, 1961, Bd 29, H. 2; Fine J. V. A. Fedor Kuritsyn's «Laodikijskoe poslanie» and the Heresy of the Judizers // Speculum, 1966, t. 41, p. 500—504; Freydank D. Der «Laodicenserbrief» (Laodikijskoe poslanie). Ein Beitrag zur Interpretation eines altrussischen humanistischen Textes. — Zeitschrift für Slavistik, 1966, Bd 11, S. 355—370; Морозов А. А. Национальное своеобразие и проблема стилей // РЛ, 1967, № 3, с. 117—118; Kämpfer F. Zur Interpretation des 'Laodicensisches Sendschreibens' // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1968, N. F., Bd 16, S. 66—69; Нанеу J. V. «The Laodicean Epistle»: Some Possible Sources // Slavic Review, 1971, v. 30, N. 4, December, p. 832—842; Giraud G. Dracula. Contributi alla storia delle idee politiche nell' Europa Orientale alla svolta del XV secolo. Venezia, 1972; Липпенфельд Ф. 1) Иоанн Третьий и Федор Курицын // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 116—123; 2) Das 'Laodikijskoe poslanie' des großfürstlichen Djaken Fedor Kuricyn // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1976, N. S., Bd 24, S. 1—22; 3) Die «Häresie» des Fedor Kuricyn // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, 1978, Bd 24, S. 39—64; Stichel R. Zur Bedeutung des altrussischen «Laodicenschen Sendschreibens» (Vorbericht) // Zeitschrift für Slavische Philologie, Bd XL. H. 1. Heidelberg, 1978, S. 134—135; Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983, т. 37, с. 61—63; Мильков В. В. Религиозно-философские проблемы в еретическом конце XV—начала XVI в. // Философская мысль на Руси в позднее средневековье. М., 1985, с. 58—67; Григоренко А. Ю. Русская философская мысль конца XV—начала XVI в.: (По матер. новгородско-московской ереси) // Вестн. ЛГУ. Сер. 6, 1986, вып. 3, с. 99—100.

Я. С. Лурье, А. Ю. Григоренко («Лаодикийское послание»)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЯМ

- Адашев Алексей Федорович** (с. 8). *Лит.*: Гр об ов с к и й А. Н. Иван Грозный и Сильвестр: (История одного мифа). Лондон, 1987, с. 59—61.
- Афанасий** (с. 73). *Лит.*: С е р о в Д. О. Юрьевская Степенная книга и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987, с. 115—127.
- Булев Николай** (с. 101). *Лит.*: З и м и н А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 350—358.
- Влас Игнат** (с. 140). *Лит.*: К а з а к о в а Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Л., 1980, с. 140—141.
- Епифаний Премудрый** (с. 211). *Лит.*: Б а й ч е в а М. 1) Капюньт и природата в агиографията през XIV—XV в.: (Григорий Цамблак и Епифаний Премудри) // Търновска книжовна школа. София, 1984, т. 3, Григорий Цамблак: Живот и творчество, с. 151—160; 2) Проблемът за светския подвиг на героите в «Похвално слово за Евтимий» от Григорий Цамблак и «Житие на Стефан Пермски» от Епифаний Премудри // Там же. София, 1985, т. 4, Культурно развитие на Българската държава. Краят на XII—XIV в., с. 41—46.
- Житие Авраамия Ростовского** (с. 237). *Лит.*: С к р и п и л ь М. О. Легендарно-политические сказания Древней Руси // Докл. и сообщ. Филол. ин-та ЛГУ. Л., 1950, вып. 2, с. 61—63.
- Житие Иоанна Устюжского** (с. 268). *Лит.*: В л а с о в А. Н. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988, с. 144—159.
- Житие Михаила Александровича Тверского** (с. 299). *Лит.*: V o d o f f W. Les récits sur la mort de Michail Alexandrovič de Tver' (1399) et les courants politiques et ecclésiastiques de son temps // Cyrillomethodianum. Thessaloniki, 1984—1985, т. 8—9, р. 67—76.
- Житие Прокопия Устюжского** (с. 322). *Лит.*: В л а с о в А. Н. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988, с. 144—159.
- Иван Федоров** (с. 388). *Изд.*: Русское историческое повествование XVI—XVII вв. / Сост. Ю. А. Лабынцев. М., 1984, с. 21—28; ПЛДР. Сер. XVI в. М., 1985, с. 288—299, 599—601.
- Иона Думин** (с. 430). *Лит.*: С е р о в Д. О. Юрьевская Степенная книга и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987, с. 117, примеч. 18.
- Исидор** (с. 449). *Лит.*: Древнерусский текст грамоты Флорентийского собора 1439 г. / Предисл. и подг. текста А. Данги. Флоренция, 1971; A l e f G. Muscovy and the Council of Florence // Slavic Review. Seattle; Wash., 1961, т. 20 (Rulers and Nobles in XVI Century Muscovy. Variorum Reprint, London, 1983, 3); A r r i g n o n J.-P. Les Russes au Concile de Ferrara-Florence. Irenicon, 1974, N 2, р. 188—208.
- Казанская история** (с. 450). *Лит.*: В о л к о в а Т. Ф. Словесный портрет в «Казанской истории». // Исследования по древней и новой литературе: Сб. трудов / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л., 1987, с. 42—47.

- Карпов Федор Иванович** (с. 459). *Лит.*: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 344—350.
- Киприан** (с. 464). *Лит.*: Житие святителя Киприана, митрополита всея Руси // Жития святых российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц сентябрь. СПб., 1855, с. 187—228; Рыбиский В. Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XIV в. Киев, 1891, с. 59—67.
- Курбский Андрей Михайлович** (с. 494). *Изд.*: Курбский Андрей. История о великом князе Московском / Подг. текста и комментарии А. А. Цехановича, перевод А. А. Алексеева // ПЛДР. 2-я пол. XVI в. М., 1986, с. 218—399, 605—617.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836, т. 1—4.
- Адрианова-Перетц, Покровская. Древнерусская повесть — Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940, вып. 1.
- АЕ — Археографический ежегодник.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842, т. 1—5.
- БАИ — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсуков. Источники агнографии — Барсуков Н. П. Источники русской агнографии. СПб., 1882.
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
- Будовниц. Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв.: (По житиям святых). М., 1966.
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.
- ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
- ВВ — Византийский временник.
- ВИ — Вопросы истории.
- Владимиров. Обзор памятников — Владимиров П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.
- ВМЧ — Великие Минеи Четьи.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857, т. 1—25.
- Востоков. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея / Сост. Александром Востоковым. СПб., 1842.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- Голубинский. История церкви — Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900—1917, т. 1—2.
- Голубинский. История канонизации. — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875, т. 1—12.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика Н. И. Новикова. 2-е изд. М., 1788—1781, ч. 1—26.
- Древности — Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1904, т. 1—20.

- Евгений.** Словарь — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845, т. 1—2.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.
- ЗНТШ** — Записки Наукового товариства ім. Шевченка (Львів).
- ЗООИД** — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919, т. 1—33.
- ИА** — Исторический архив.
- ИЗ** — Исторические записки. Сборник.
- Икопников.** Опыт по историографии — Икопников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908, т. 1—2.
- ИМЛИ** — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).
- ИОЛЯ** — Известия Отделения литературы и языка АН СССР.
- ИОРЯС** — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИюРЯС** — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.
- ИРЛИ** — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
- Ключевский.** Древнерусские жития — Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- ЛГУ** — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
- Летописи Тихомирова** — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихомировым. М., 1859—1863, т. 1—5.
- ЛЗАК** — Летописи занятий Археографической комиссии. СПб.; Пгр., Л., 1862—1929, т. 1—35.
- ЛОИИ** — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- МДА** — Московская духовная академия.
- Назаревский.** Библиография — Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
- Никольский.** Повременный список — Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
- Никольский.** Рукописная книжность — Никольский П. Б. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, сирашников и книгохранителей. Вып. 1, А—Б. Изд. ОЛДП, № 132.
- НЛЛ, НЛЛ-1, НЛЛ-2, НЛЛ-3, НЛЛ-4** — Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР** — Общество истории и древностей российских.
- ОЛДП** — Общество любителей древней письменности.
- ПБЭ** — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911, т. 1—12.
- ПВЛ** — Повесть временных лет.
- ПДА** — Петербургская духовная академия.
- ПДП** — Памятники древней письменности.
- ПДПИ** — Памятники древней письменности и искусства.
- ПДС** — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871, т. 1—10.
- ПЛ, ПЛ1, ПЛ2** — Исковская первая, вторая и третья летописи.
- ПИ** — Проблемы источниковедения.
- П1** — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куняевым-Безбородко. СПб., 1860—1862, вып. 1—4.
- П1ДР** — Памятники литературы Древней Руси.
- ПО** — Православное обозрение.
- Попов.** Библиографические материалы — Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым // ЧОИДР, 1879, кн. 1, с. 1—48 (№ 1); 1880, кн. 3, с. 1—316 (№ 2—7); 1880, кн. 4 (№ 8—10); 1881, кн. 2 (№ 11—14); 1889, кн. 3 (№ 15—20).
- Порфирьев.** Апокрифы ветхозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1877.
- Порфирьев.** Апокрифы новозаветные — Порфирьев И. Апокри-

- фические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
- ПНС -- Православный палестинский сборник.
- ПС -- Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань.
- ПСРЛ -- Полное собрание русских летописей.
- РБС -- Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913, т. 1—25.
- РИБ -- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- РЛ -- Русская литература. Журнал.
- РО -- Рукописный отдел.
- РС -- Русская старина. Исторический журнал.
- РФВ -- Русский филологический вестник (Варшава).
- Сб. РИО -- Сборник имп. Русского исторического общества.
- СГГД -- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894, ч. 1—5.
- Серебрянский. Княжеские жития -- Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Соболевский. Переводная литература -- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.
- Соловьев. История России -- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд.
- СОРЯС -- Сборник Отделения Русского языка и словесности Академии наук.
- СПЛ, СПЭ -- Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский. Памятники -- Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
- Срезневский. Памятники (1882) -- Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
- Срезневский. Сведения и заметки -- Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 1—4 -- Зап. АН, 1864, т. 6, кн. 1, с. 93—111; № 5—10 -- Зап. АН, 1865, т. 7, кн. 2, с. 139—194; № 11—20 -- Зап. АН, 1866, т. 9, кн. 1, с. 1—96; № 21—30 -- Зап. АН, т. 9, кн. 2, с. 1—88; № 31—40 -- Зап. АН, 1867, т. 11, кн. 1, с. 1—100; № 41—44 -- Зап. АН, 1871, т. 20, кн. 1, прилож. № 3, с. 1—104; № 45—54 -- Зап. АН, 1873, т. 22, кн. 1, с. 217—391; № 55—64 -- Зап. АН, 1874, т. 24, кн. 2, с. 217—391; № 66—80 -- Зап. АН, 1875, т. 28, кн. 1, с. 593—579; № 81—90 -- Зап. АН, 1879, т. 34, кн. 2. Переизд.: СОРЯС, СПб., 1867, т. 1 (№ 1—40); Сведения и заметки... (№ 41—65) -- СОРЯС, СПб., 1874, т. 12, № 1; Сведения и заметки... (№ 66—80). СПб., 1876; Сведения и заметки... (№ 81—90). СПб., 1879.
- Строев. Словарь -- Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
- Тихомиров. Памятники -- Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихомировым. М., 1863, т. 1—2; СОРЯС. СПб., 1894, т. 58, № 4 (т. 3).
- ТОДРЛ -- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
- Українські письменники -- Українські письменники: Біо-бібліографічний словник, т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклад Л. Е. Маховець. від. ред. О. І. Білецький. Київ, 1960.
- Филарет. Обзор -- Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884, кн. 1.
- Франко. Апокрифы -- Апокрифи і легенди з українських рукописів / Збрав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910, т. 1—5. Христ. чт. -- Християнское чтение.
- ЦГАДА -- Центральный государственный архив древних актов.
- ЦГАЛИ -- Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА -- Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

- ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
Шахматов. Обзорные — Шахматов А. А. Обзорные летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
Шахматов. Разыскания — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Яцимирский. Библиографический обзор — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. (Списки памятников). Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921.
AfsIph — Archiv für slavische Philologie.
BHG — Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957, t. 1—3.
PG — Patrologiae cursus completus / Ed. J. P. Migne. Series graeca. Parisiis, 1850—1887, t. 1—166.

Научное издание

**СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Вып. 2

(вторая половина XIV—XVI вв.)

Часть I

А — К

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
Академии наук СССР (Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Г. А. Александрова, Л. М. Бова*
и *Н. П. Кизим*

ИБ № 33371

Сдано в набор 30.09.87. Подписано к печати 12.07.88.
М-42079. Формат 60 × 90 1/16. Бумага книжно-журналь-
ная № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 32,5. Усл. кр.-от. 32,5. Уч.-изд. л. 38,62.
Тираж 21 000. Тип. вак. № 2955. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.